

В.М. КАНДЫБА

МАГИЯ

Annotation

Автор в своей книге рассказывает о таинственных и загадочных случаях магии и колдовства с древнейших времен и до наших дней.

Книга рекомендуется массовому читателю.

- ["Магия" – энциклопедия магии и колдовства](#)
 - [ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МАГИЯ](#)
 - [ТАЙНА КОЛДОВСКОЙ СИЛЫ](#)
 - [АФРИКАНСКАЯ МАГИЯ](#)
 - [КОЛДОВСТВО В РОССИИ](#)
 - [ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ ШАМАНОВ](#)
 - [ВЕРНЫЙ ПЕС САТАНЫ](#)
 - [ТАЙНЫ АВСТРАЛИЙСКОЙ МАГИИ](#)
 - [ТАЙНЫ ИНДЕЙСКИХ КОЛДУНОВ](#)
 - [МАГИЧЕСКОЕ КОЛДОВСТВО](#)
 - [ПСИХОСПИРИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ](#)
 - [ТЕМНАЯ СИЛА ВАМПИРОВ](#)
 - [ОДЕРЖИМЫЕ БЕСОМ](#)
 - [ТАЙНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ](#)
 - [ЗАГАДКА ПРОКЛЯТИЙ](#)
 - [ЛЮДИ-ЛЕОПАРДЫ](#)
 - [ЗАГУБЛЕННЫЙ ХУТОР](#)
 - [ТАЙНЫ ГОРНОГО АЛТАЯ](#)
 - [ТАЙНЫ КАЗАХСКИХ ШАМАНОВ](#)
 - [САТАНИСГЫ](#)
 - [СЕКРЕТЫ ЮРИЯ ТАРАСОВА](#)
 - [ЧУДЕСА ФЕДОРЫ](#)
 - [СЕКРЕТЫ ЮРИЯ ЛОНГО](#)
 - [САЯНСКИЙ КУДЕСНИК](#)
 - [ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПАРАПСИХОЛОГИЯ](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
-

**"Магия" – энциклопедия магии и
колдовства**

Виктор Михайлович Кандыба

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МАГИЯ

В результате достаточно подробного знакомства с существующей литературой, а также с немногочисленными научными исследованиями явлений колдовства, волшебства, магии и тому подобного, я пришел к некоторым выводам, которые сформулировал в виде следующих положений^[1]:

1. Все проявления необычных и сверхнормальных сил человека, как внутренних, так и внешних, следует разделить на две главные категории: магию и мистику. Определение этих терминов представляет большие трудности: вопервых, потому что в общей и специальной литературе они часто употребляются в совершенно ошибочном смысле; вовторых, потому что в мистике и в магии, взятых в отдельности, есть много необъясненного; втретьих, потому что взаимоотношения между мистикой и магией также остаются неисследованными.

2. Выяснив трудности с точным определением, я решил принять приблизительное. Магией я назвал все случаи усиленного действия и конкретного познания при помощи средств, отличающихся от обычных:

Я подразделил магию на объективную, т.е. имеющую реальные результаты, и субъективную, т.е. с воображаемыми результатами. Мистикой я назвал все случаи усиленного чувства и абстрактного познания.

Итак, объективная магия это усиленное действие и конкретное познание. "Усиленное действие" означает, в данном случае, реальную возможность влияния на предметы, события и людей без помощи обычных средств, действие на расстоянии, сквозь стены, действие во времени, т.е. в прошлом или будущем. Далее, здесь имеется в виду возможность влияния на "астральный" мир, если таковой существует, т.е. на души умерших, на "элементали", неизвестные нам добрые и злые силы. Конкретное познание включает в себя ясновидение во времени и пространстве, "телепатию", чтение мыслей, тензометрию, умение видеть "духов", "мыслеформы", "ауры" и тому подобное, опятьтаки в том случае, если все это существует.

Субъективная магия это все случаи воображаемого действия и познания. Сюда относятся искусственно вызванные галлюцинации, сны, принимаемые за реальность, чтение собственных мыслей, принятых за чьи-то сообщения, полунамеренное создание астральных видений, "хроника Акаши" и подобные чудеса.

Мистика по своей природе субъективна, поэтому я не выделял в особую группу явлений объективную мистику. Тем не менее, я счел возможным иногда называть "субъективной мистикой" псевдомистику, или ложные мистические состояния, не связанные с усиленными чувствами, но приближающиеся к истерии и псевдомагии; иными словами, это религиозные видения или галлюцинации в конкретных формах, т.е. все то, что в православной литературе называется "прелестью".

3. Существование объективной магии нельзя считать установленным. Научная мысль долго ее отрицала, признавая субъективную магию только как особого рода гипноз или самогипноз. В последнее время, однако, в научной и претендующей на научность литературе, например, в трудах по исследованию "спиритизма", встречаются некоторые допущения возможности ее существования. Но эти допущения столь же ненадежны, сколь и предыдущие отрицания. "Теософская" и "оккультная" мысль признает возможность объективной магии, однако в одних случаях явно смешивает ее с мистикой, а в других противопоставляет этот феномен мистике как бесполезный и аморальный или, по крайней мере, опасный, как для практикующего "магию", так и для других людей и даже для всего человечества. Все это преподносится в утвердительной форме, хотя удовлетворительные доказательства реального существования и возможности объективной магии отсутствуют.

4. Из всех необычных состояний сознания, свойственных человеку, как полностью установленные можно рассматривать только мистические состояния сознания и некоторые феномены субъективной магии, причем последние почти все сводятся к искусственному вызыванию желаемых видений.

5. Все установленные факты, относящиеся к необычным состояниям сознания и необычным силам человека, как в области магии, хотя бы и субъективной, так и в области мистики, связаны с

чрезвычайно свое образными состояниями эмоциональной напряженности и никогда не наблюдаются без них.

6. Значительная часть религиозной практики всех религий, а также разнообразные ритуалы, церемонии и тому подобное имеют своей целью как раз создание таких эмоциональных состояний; согласно первоначальному пониманию, им приписывают "магические" или "мистические" силы.

7. Во многих случаях, когда имеет место намеренное вызывание мистических состояний или производство магических феноменов, можно обнаружить применение наркотических средств. Во всех религиях древнего происхождения, даже в их современной форме, сохраняется применение благовоний, ароматов и мазей, которые первоначально использовались, возможно, вместе с веществами, влияющими на эмоциональные и интеллектуальные функции человека. Можно проследить, что подобные вещества широко употреблялись в древних мистериях.

Многие авторы установили роль священных напитков, которые получали кандидаты в посвящение, например, во время элевсинских мистерий; вероятно, они имели вполне реальный, а вовсе не символический смысл. Легендарный священный напиток "сома", играющий очень важную роль в индийской мифологии и в описании разнообразных мистических церемоний, возможно, действительно существовал как напиток, приводящий людей в определенное состояние. В описаниях колдовства и волшебства у всех народов и во все времена непременно упоминается применение наркотиков. Мази ведьм, служившие для полета на шабаш, различного вида колдовские и магические напитки готовились или из растений, обладающих возбуждающими, опьяняющими и наркотическими свойствами, или из органических экстрактов того же характера, или из растительных и животных веществ, которым приписывались такие же свойства. Известно, что для подобных целей, как и в случаях колдовства, пользовались беленой (белладонной), дурманом, экстрактом мака (опий) и особенно индийской коноплей (гашиш). Можно проследить и проверить случаи употребления этих веществ, так что нет никакого сомнения в их значении. Африканские колдуны, интересные сведения о которых можно найти в отчетах современных исследователей, широко применяют гашиш; сибирские шаманы для приведения себя в

особое возбужденное состояние, при котором они могут предсказывать будущее (действительное или воображаемое) и влиять на окружающих, используют ядовитые грибы мухоморы.

В книге У. Джеймса "Многообразие религиозного опыта" можно найти интересные наблюдения, относящиеся к значению мистических состояний сознания и той роли, которую могут играть в вызывании таких состояний наркотики.

Различные упражнения йоги: дыхательные упражнения, необычные позы, движения, "священные пляски" и тому подобное, преследуют ту же самую цель, т.е. создание мистических состояний сознания. Но эти методы до сих пор малоизвестны.

Рассмотрев приведенные выше положения точки зрения различных методов, я пришел к заключению, что необходима новая экспериментальная проверка возможных результатов применения этих методов, и решил начать серию таких опытов.

Ниже следует описание тех результатов, которых я достиг, применив к самому себе некоторые методики. Детали этих методик я частью нашел в литературе по данному предмету, а частью вывел из всего сказанного выше.

Я не описываю непосредственно эти применявшиеся мною методики, во первых, потому, что имеют значение не методы, а результаты; и, во вторых, описание методов отвлечет внимание от тех фактов, которые я намерен рассмотреть. Надеюсь, однако, когда-нибудь специально к ним вернуться.

Моя задача в том виде, в каком я сформулировал ее в начале опытов, заключалась в том, чтобы выяснить вопрос об отношении субъективной магии к объективной, а также их обеих к мистике.

Все это приняло форму трех вопросов.

1. Можно ли признать подлинным существование объективной магии?

2. Существует ли объективная магия без субъективной?

3. Существует ли объективная магия без мистики?

Мистика как таковая интересовала меня менее всего. Однако я сказал себе, что, если бы удалось найти способы преднамеренного изменения сознания, сохраняя при этом способность к самонаблюдению, это дало бы нам совершенно новый материал для изучения самих себя. Мы всегда видим себя под одним и тем же углом.

Если бы то, что я предполагал, подтвердилось, это означало бы, что мы можем увидеть себя в совершенно новой перспективе.

Уже первые опыты показали трудность той задачи, которую я поставил перед собой, и частично объяснили неудачу многих экспериментов, проводившихся до меня.

Изменения в состоянии сознания, как результат моих опытов, стали проявляться очень скоро, гораздо быстрее и легче, чем я предполагал.

Но главная трудность заключалась в том, что новое состояние сознания дало мне сразу так много нового и непредвиденного (причем новые и непредвиденные переживания появлялись и исчезали невероятно быстро, как искры), что я не мог найти слов, не мог подыскать нужные формы речи, не мог обнаружить понятия, которые позволили бы мне запомнить происхождение этого изменения, хотя бы для самого себя, не говоря уже о том, чтобы сообщить о нем кому-то другому.

Первое новое психическое ощущение, возникшее во время опытов, было ощущением странного раздвоения. Такие ощущения возникают, например, в моменты большой опасности и вообще под влиянием сильных эмоций, когда человек почти автоматически что-то делает или говорит, наблюдая за собой. Ощущение раздвоения было первым новым психическим ощущением, появившимся в моих опытах; обычно оно сохранялось на протяжении даже самых фантастических переживаний.

Всегда существовал какой-то персонаж, который наблюдал. К несчастью, он не всегда мог вспомнить, что именно он наблюдал.

Изменения в состоянии психики, "раздвоение личности" и многое другое, что было связано с ним, обычно наступали минут через двадцать после начала эксперимента. Когда происходила такая перемена, я обнаруживал себя в совершенно новом и незнакомом мне мире, не имевшем ничего общего с тем миром, в котором мы живем; новый мир был еще менее похож на тот мир, который, как мы полагаем, должен быть продолжением нашего мира в направлении к неизвестному.

Таково было одно из первых необычных ощущений, и оно меня поразило. Независимо от того, признаемся мы в этом или нет, у нас имеется некоторая концепция непознаваемого и неизвестного, точнее,

некоторое их ожидание. Мы ожидаем увидеть мир, который окажется странным, но в целом будет состоять из феноменов того же рода, к которым мы привыкли; мир, который будет подчиняться тем же законам, или, по крайней мере, будет иметь что-то общее с известным нам миром. Мы не в состоянии вообразить нечто абсолютно новое, как не можем вообразить совершенно новое животное, которое не напоминало бы ни одно из известных нам.

А в данном случае я с самого начала увидел, что все наши полусознательные конструкции неведомого целиком и полностью ошибочны.

Неведомое не похоже ни на что из того, что мы можем о нем предположить. Именно эта полная неожиданность всего, с чем мы встречаемся в подобных переживаниях, затрудняет его описание. Прежде всего, все существует в единстве, все связано друг с другом, все здесь чемто объясняется и, в свою очередь, что-то объясняет. Нет ничего отдельного, т.е. ничего, что можно было бы назвать или описать в отдельности.

Чтобы передать первые впечатления и ощущения, необходимо передать все сразу. Этот новый мир, с которым человек входит в соприкосновение, не имеет отдельных сторон, так что нет возможности описывать сначала одну его сторону, а потом другую. Весь он виден сразу в каждой своей точке; но возможно ли описать что-либо при таких условиях на этот вопрос я не мог дать ответа.

И тогда я понял, почему все описания мистических переживаний так бедны, однообразны и явно искусственны. Человек теряется среди бесконечного множества совершенно новых впечатлений, для выражения которых у него нет ни слов, ни образов. Желая выразить эти впечатления или передать их кому-то другому, он невольно употребляет слова, которые в обычном его языке относятся к самому великому, самому могучему, самому необыкновенному, самому невероятному, хотя слова эти ни в малейшей степени не соответствуют тому, что он видит, узнает, переживает. Факт остается фактом: других слов у него нет. Но в большинстве случаев человек даже не сознает этой подмены, т. к. сами его переживания в их подлинном виде сохраняются в его памяти лишь несколько мгновений. Очень скоро они бледнеют, становятся плоскими и заменяются словами, поспешно и случайно притянутыми к ним, что бы хоть так удержать их в памяти. И

вот не остается уже ничего, кроме этих слов. Этим и объясняется, почему люди, имевшие мистические переживания, пользуются для их выражения и передачи теми формами, образами, словами и оборотами, которые им лучше всего известны, которые они чаще всего употребляют и которые для них особенно типичны и характерны. Таким образом, вполне может случиться, что разные люди по-разному опишут и изложат одно и то же переживание. Религиозный человек воспользуется привычными формулами своей религии и будет говорить о распятом Иисусе, Деве Марии, Пресвятой Троице и тому подобном. Философ попытается передать свои переживания на языке метафизики, привычном для него, и станет говорить о "категориях", "монадах" или, например, о "трансцендентных качествах", или еще о чемто похожем. Теософ расскажет об "астральном мире", о "мыслеформах", об "Учителях", тогда как спирит поведает о душах умерших и общении с ними, а поэт облечет свои переживания в язык сказок или опишет их как чувства любви, порыва, экстаза.

Мое личное впечатление о мире, с которым я вошел в соприкосновение, состояло в том, что в нем не было ничего, напоминающего хоть одно из тех описаний, которые я читал или о которых слышал.

Одним из первых удививших меня переживаний оказалось то, что там не было ничего, хотя бы отчасти напоминающего "астральный мир" теософов или спиритов. Я говорю об "удивлении" не потому, что я действительно верил в этот "астральный мир", но потому, что, вероятно, бессознательно думал о неизвестном в формах "астрального мира". В то время я еще находился под влиянием теософии и теософской литературы, по крайней мере, в том, что касалось терминологии. Очевидно, я полагал, не формулируя свои мысли точно, что за всеми этими конкретными описаниями невидимого мира, которые разбросаны по книгам по теософии, должно все-таки существовать нечто реальное. Поэтому мне так трудно было допустить, что "астральный мир", живописуемый самыми разными авторами, не существует. Позже я обнаружил, что не существует и многое другое.

Постараюсь вкратце описать то, что я встретил в этом необычном мире.

С самого начала наряду с "раздвоением" я заметил, что взаимоотношения между субъективным и объективным нарушены, совершенно изменены и приняли особые, непостижимые для нас формы. Но "объективное" и "субъективное" это всего лишь слова. Не желая прятаться за ними, я хочу со всей возможной точностью передать то, что я действительно чувствовал. Для этого мне необходимо сначала объяснить, что я называю "субъективным" и что "объективным". Моя рука, перо, которым я пишу, стол все это объективные явления. Мои мысли, внутренние образы, картины воображения все это явления субъективные. Когда мы находимся в обычном состоянии сознания, весь мир разделен для нас по этим двум осям, и вся наша привычная ориентация соотнобразуется с таким делением. В новом же состоянии сознания все это было совершенно нарушено. Прежде всего, мы привыкли к постоянству во взаимоотношениях между субъективным и объективным: объективное всегда объективно, субъективное всегда субъективно.

Здесь же я видел, что объективное и субъективное менялись местами, одно превращалось в другое. Выразить это очень трудно. Обычное недоверие к субъективному исчезло: каждая мысль, каждое чувство, каждый образ немедленно объективировались в реальных субстанциональных формах, ничуть не отличавшихся от форм объективных феноменов. В то же время объективные явления как-то исчезали, утрачивали свою реальность, казались субъективными, фиктивными, надуманными, обманчивыми, не обладающими реальным существованием.

Таким было мое первое впечатление. Далее, пытаясь описать странный мир, в котором я очутился, должен сказать, что более всего он напоминал мне мир сложных математических отношений.

Вообразите себе мир, где все количественные отношения, от самых простых до самых сложных, обладают формой.

Легко сказать: "Вообразите себе такой мир". Я прекрасно понимаю, что "вообразить" его невозможно. И все-таки мое описание является ближайшим возможным приближением к истине.

"Мир математических отношений" это значит мир, в котором все находится во взаимосвязи, в котором ничто не существует в отдельности, где отношения между вещами имеют реальное

существование, независимо от самих вещей; а, может быть, "вещи" и вообще не существуют, а есть только "отношения".

Я нисколько не обманываюсь и понимаю, что мои описания очень бедны и, вероятно, не передают того, что я помню. Но я припоминаю, что видел математические законы в действии и мир как результат действия этих законов. Так, процесс сотворения мира, когда я думал о нем, явился мне в виде дифференциации некоторых простейших принципов или количеств. Эта дифференциация протекала перед моими глазами в определенных формах: иногда, например, она принимала форму очень сложной схемы, развивающейся из довольно простого основного мотива, который многократно повторялся и входил в каждое сочетание во всей схеме. Таким образом, схема в целом состояла из сочетаний и повторений основного мотива, и ее можно было, так сказать, разложить в любой точке на составные элементы. Иногда это была музыка, которая также начиналась с нескольких очень простых звуков и, постепенно усложняясь, переходила в гармонические сочетания, выражавшиеся в видимых формах, которые напоминали только что описанную мной схему или полностью растворялись в ней. Музыка и схема составляли одно целое, так что одна часть как бы выражала другую.

Во время всех этих необычных переживаний я предчувствовал, что память о них совершенно исчезнет, едва я вернусь в обычное состояние.

Я сообразил, что для запоминания того, что я видел и ощущал, необходимо все это перевести в слова. Но для многого вообще не находилось слов, тогда как другое проносилось передо мною так быстро, что я просто не успевал соединить то, что я видел, с какими-нибудь словами. Даже в тот момент, когда я испытывал эти переживания и был погружен в них, я догадывался, что все, запоминаемое мною, лишь незначительная часть того, что проходит через мое сознание. Я то и дело повторял себе: "Я должен хотя бы запомнить, что вот это есть, а вот это было, что это и есть единственная реальность, тогда как все остальное по сравнению с ней совершенно нереально".

Я проводил свои опыты в самых разных условиях и в разной обстановке. Постепенно я убедился, что лучше всего в это время оставаться одному. Проверка опыта, т.е. наблюдение за ним другого

лица или же запись переживаний в момент их протекания, оказалась совершенно не возможной. Во всяком случае, я ни разу не добился таким путем каких либо результатов.

Когда я устраивал так, чтобы кто-нибудь во время моих опытов оставался возле меня, я обнаруживал, что вести какие-либо разговоры с ним невозможно. Я начинал говорить, но между первым и вторым словами фразы у меня возникало такое множество идей, проходивших перед моим умственным взором, что эти два слова оказывались разделены огромным промежутком, и не было никакой возможности найти между ними какую-либо связь. А третье слово я забывал еще до того, как его произносил; я пытался вспомнить его и обнаруживал миллионы новых идей, совершенно забывая при этом, с чего начинал. Помню, на пример, начало одной фразы: "Я сказал вчера..."

Едва я произнес слово "я", как в моей голове пронеслось множество мыслей о значении этого слова в философском, психологическом и прочих смыслах. Все это было настолько важным, новым и глубоким, что, произнеся слово "сказал", я не мог сообразить, для чего его выговорил; с трудом оторвавшись от первого круга мыслей, я перешел к идее слова "сказал" и тут же открыл в нем бесконечное содержание. Идея речи, возможность выражать мысли словами, прошедшее время глагола каждая из этих идей вызывала во мне взрыв мыслей, догадок, сравнений и ассоциаций. В результате, когда я произнес слово "вчера", я уже совершенно не мог понять, зачем его сказал. Но и оно, в свою очередь, немедленно увлекло меня в глубины проблем времени прошлого, настоящего и будущего; передо мною открылись такие возможности подхода к этим проблемам, что у меня дух захватило.

Именно эти попытки вести разговор позволили мне почувствовать изменение во времени, описываемое почти всеми, кто проделывал опыты, подобные моим. Я почувствовал, что время невероятно удлинилось, секунды растянулись на года и десятилетия. Вместе с тем, обычное чувство времени сохранилось; но наряду с ним или внутри него возникло как бы иное чувство времени, так что два момента обычного времени (например, два слова в моей фразе) могли быть отделены друг от друга длительными периодами другого времени.

Помню, насколько меня поразило это ощущение, когда я испытал его впервые. Мой приятель что-то говорил. Между каждым его словом,

между каждым звуком и каждым движением губ протекали длиннейшие промежутки времени. Когда он закончил короткую фразу, смысл которой совершенно до меня не дошел, я почувствовал, что за это время я пережил так много, что нам уже никогда не понять друг друга, сколько я слишком далеко ушел от него. В начале фразы мне казалось, что мы еще в состоянии разговаривать; но к концу это стало совершенно невозможным, т. к. не существовало никаких способов сообщить ему все то, что я за это время пережил.

Попытки записывать свои впечатления тоже не дали никаких результатов, за исключением двух случаев, когда краткие формулировки мыслей, записанные во время эксперимента, помогли мне впоследствии понять и расшифровать кое-что из серии смешанных неопределенных воспоминаний. Обычно все ограничивалось первым словом, очень редко удавалось больше. Иногда я успевал записать целую фразу, но при этом, заканчивая ее, забывал, что она значит и зачем я ее записал; не мог я вспомнить этого и впоследствии.

Постараюсь теперь описать последовательность, в которой проходили мои эксперименты.

Опускаю физиологические подробности, предшествовавшие изменениям психического состояния. Упомяну лишь об одном из них: сердцебиение ускорялось и достигало очень высокой скорости; затем оно замедлялось. В этой связи я неоднократно наблюдал очень интересное явление.

В обычном состоянии намеренное замедление или ускорение дыхания приводит к ускорению сердцебиения. В моем случае, между дыханием и сердцебиением устанавливалась необычная связь, а именно: ускоряя дыхание, я ускорял и сердцебиение, а замедляя дыхание, замедлял сердцебиение. Я почувствовал, что за этим скрываются огромные возможности, и потому старался не вмешиваться в работу организма, предоставив события их естественному ходу.

Предоставленные сами себе, сердцебиения усиливались; затем они стали ощущаться в разных частях тела, как бы обретая для себя большее основание; в то же время сердце билось все более равномерно, пока наконец я не ощутил его во всем теле одновременно; после этого оно продолжалось в виде единого удара.

Эта синхронная пульсация все ускорялась; потом вдруг я всем телом ощутил толчок, как будто щелкнула какая-то пружина, в тот же момент внутри меня что-то открылось. Все сразу изменилось, началось нечто необычное, новое, совершенно не похожее на все то, что бывает в жизни. Я назвал это явление "первым порогом".

В новом состоянии было много непонятного и неожиданного, главным образом благодаря еще большему смещению объективного и субъективного наблюдались и совсем новые феномены, о которых я сейчас расскажу. Но это состояние не было еще завершенным, правильно было бы назвать его переходным. В большинстве случаев я покидал его пределы, однако, бывало так, что это состояние становилось глубже и шире, как если бы я постепенно погружался в свет, после чего наступал момент еще одного перехода, опятьтаки с ощущением толчка во всем теле. И только после этого наступало самое интересное состояние, которого мне удавалось достичь в своих опытах.

"Переходное состояние" содержало почти все его элементы, но чего-то самого важного и существенного ему не хватало. В сущности, оно почти не отличалось от сна, в особенности от полусна, хотя и обладало своими собственными, довольно характерными формами. Это "переходное состояние" могло бы, пожалуй, захватить и увлечь меня связанным с ним ощущением чудесного, если бы не мое в достаточной степени критическое к нему отношение; это критическое отношение проистекало, главным образом, из моих более ранних экспериментов по изучению снов.

В "переходном состоянии", — как я вскоре узнал, оно было чисто субъективным, — я обычно почти сразу же начинал слышать "голоса". Эти "голоса" и были его характерной чертой.

"Голоса" беседовали со мной и нередко говорили очень странные вещи, заключавшие в себе как будто нечто шутливое. То, что я слышал в подобных случаях, порой меня волновало, в особенности, когда это был ответ на мои самые неясные и неоформленные ожидания. Иногда я слышал музыку, будившую во мне довольно разнообразные и сильные эмоции.

Как это ни странно, с первого же дня я почувствовал к "голосам" какое-то скрытое недоверие. Они давали слишком много обещаний, предлагали чересчур много вещей, которые мне хотелось бы иметь.

"Голоса" рассказывали почти обо всем возможном. Они предупреждали меня, подтверждали и объясняли все, что встречалось в их мире, но делали это как-то слишком уж просто. Я задался вопросом, не мог ли я сам придумать все то, что они говорят, — не являются ли они моим собственным воображением, тем бессознательным воображением, творящим наши сны, в которых мы видим людей, разговариваем с ними, получаем от них советы и тому подобное? Задумавшись над этим вопросом, я вынужден был признаться, что голоса не сообщили мне ничего такого, чего я не мог бы подумать сам.

Вместе с тем, все, что приходило ко мне таким образом, нередко напоминало "сообщения", получаемые на медиумических сеансах или посредством автоматического письма. "Голоса" давали друг другу разные имена, говорили мне много лестного, брались отвечать на любые вопросы. Иногда я вел с "голосами" долгие беседы.

Однажды я задал какой-то вопрос, относящийся к алхимии. Сейчас я не могу припомнить его в точности, но, кажется, я спрашивал что-то или о разных названиях четырех стихий (огонь, вода, воздух и земля), или о взаимоотношениях этих стихий. Вопрос был задан в связи с тем, что я тогда читал.

Отвечая на мой вопрос, "голос", назвавший себя хорошо известным именем, сказал, что ответ на этот вопрос можно найти в одной книге. А когда я заметил, что этой книги у меня нет, "голос" посоветовал поискать ее в Публичной библиотеке (дело происходило в Петербурге) и читать ее как можно внимательнее.

Я осведомился о книге в Публичной библиотеке, но там ее не оказалось. Имелся только ее немецкий перевод (сама книга написана по-английски), причем первые три главы из двадцати отсутствовали. Но вскоре я достал где-то английский оригинал и впрямь обнаружил там некоторые намеки, тесно связанные с ответом на мой вопрос, хотя ответ был неполным.

Этот случай, как и другие, ему подобные, показал мне, что в переходном состоянии я испытывал те же переживания, что и медиумы, "ясновидящие" и тому подобное. Один "голос" поведал мне очень интересную вещь о храме Соломона в Иерусалиме, которую я до сих пор не знал, а если и читал о ней когда-то, то начисто забыл. Описывая храм, "голос", среди прочего, сообщил мне, что там обитали

целые полчища мух. Логически это казалось вполне понятным и даже неизбежным. В храме, где совершались жертвоприношения, где убивали животных, где всегда было много крови и всевозможных нечистот, конечно же, должно быть множество мух. Однако это звучало как-то по-новому: насколько мне помнится, я никогда не читал о мухах в связи с древними храмами, зато недавно сам побывал на Востоке и знал, какое обилие мух можно увидеть там даже в обычных условиях.

Эти описания Соломонова храма, и особенно "мух", полностью объяснили мне те непонятные вещи, с которыми я сталкивался в литературе и которые нельзя было назвать ни намеренной фальсификацией, ни подлинным "ясновидением". Так, "ясновидение" Ледбитера и доктора Штейнера, все "хроники Акаши", сообщения о том, что происходило в мифической Атлантиде и других доисторических странах десятки тысяч лет назад, — все они, несомненно, были той же природы, что и "мухи в храме Соломона". Единственная разница заключалась в том, что я не верил своим переживаниям, тогда как в "хроники Акаши" верили и ее авторы, и их читатели.

Очень скоро мне стало ясно, что ни в этих, ни в других переживаниях нет ничего реального. Все в них было отражением, все приходило из памяти, из воображения. "Голоса" немедленно умолкали, когда я спрашивал о чем-нибудь знакомом и конкретном, доступном проверке.

Это объяснило мне еще одно обстоятельство: почему авторы, которые охотно описывают Атлантиду, не могут, используя свое "ясновидение", решить какую-нибудь практическую проблему, относящуюся к настоящему времени; такие проблемы отыскать нетрудно, но их по какой-то причине избегают. Если "ясновидящие" знают все, что происходило тридцать тысяч лет назад, то почему они не знают того, что происходит неподалеку от места их экспериментов?

Во время этих опытов я понял, что если я поверю "голосам", то попаду в тупик и дальше не двинусь. Это меня испугало. Я уловил во всем происходящем самообман; стало очевидно, что какими бы заманчивыми ни были слова и обещания "голосов", они ни к чему не приведут, а оставят меня там же, где я находился. Я понял, что это и было "прелестью", т.е. все приходило из воображения.

Я решил бороться с переходным состоянием, сохраняя к нему чрезвычайно критическое отношение и отвергая, как не заслуживающие доверия, все те "сообщения", которые я мог бы придумать сам.

Результат не заставил себя ждать. Как только я начал отвергать все, что слышал, поняв, что это "та же материя, из которой сделаны сны", решительно отбрасывая услышанное и вообще перестав обращать внимание на "голоса", мое состояние и мои переживания изменились.

Я переступил через второй порог, упоминавшийся мною ранее, за которым начинался новый мир. "Голоса" исчезли, вместо них звучал иногда один голос, который нетрудно было узнать, какие бы формы он ни принимал. Новое состояние отличалось от переходного невероятной ясностью сознания. Тогда-то я и обнаружил себя в мире математических отношений, в котором не было ничего похожего на то, что бывает в жизни.

И в этом состоянии, перейдя через второй порог, оказавшись в "мире математических отношений", я также получал ответы на свои вопросы, но эти ответы зачастую принимали очень странную форму.

Чтобы понять их, нужно иметь в виду, что мир математических отношений, в котором я находился, не был неподвижным. Иными словами, ничто не оставалось там таким же, каким было мгновение назад.

Все двигалось, менялось, преобразовывалось и превращалось во что-то иное. Временами я неожиданно замечал, как все математические отношения одно за другим исчезали в бесконечности. Бесконечность поглощала все, заполняла все, сглаживала все различия. Я чувствовал, что пройдет еще одно мгновение, — и я сам исчезну в бесконечности! Меня обуревал ужас перед необозримостью бездны. Охваченный ужасом, я вскакивал иногда на ноги и принимался ходить взад и вперед, чтобы прогнать одолевающий меня кошмар. Тогда я чувствовал, что кто-то смеется надо мною, а порой казалось, что я слышу смех. Внезапно я себя на мысли, что это я сам смеюсь над собой, что я опять попал в западню "прелести", т.е. собственного воображения. Бесконечность притягивала меня и в то же время страшила и отталкивала. Тогда-то у и возник иной взгляд на нее; бесконечность — это не бесконечная протяженность в одном

направлении, а бесконечное число вариаций в одном месте. Я понял, что ужас перед бесконечностью есть следствие не правильного подхода, неверного отношения к ней. При правильном подходе к бесконечности именно она все объясняет, и без нее нельзя ничего объяснить.

И все же я продолжал видеть в бесконечности реальную угрозу и реальную опасность.

Описать в определенном порядке весь ход моих опытов, течение возникавших у меня идей и случайных мыслей совершенно невозможно – главным образом потому, что ни один эксперимент не был похож на другой. Всякий раз я узнавал об одной и той же вещи нечто новое, но происходило это таким образом, что все мои прежние знания об этой вещи полностью изменялись.

Как я уже сказал, характерной чертой мира, в котором я находился, было его математическое строение и полное отсутствие чего-либо, что можно было бы выразить в обычных понятиях. Пользуясь теософской терминологией, можно сказать, что я находился на ментальном плане "арупа"; но особенность моих переживаний состояла в том, что реально существовал только этот мир "арупа", а все остальное было созданием воображения. Интересный факт: во время первого моего эксперимента я сразу же или почти сразу оказался в этом мире, ускользнув от "мира иллюзий". Но в последующих экспериментах "голоса" старались удержать меня в воображаемом мире, и мне удавалось освободиться от них только тогда, когда я упорно и решительно боролся с возникающими иллюзиями. Все это очень напоминало мне то, что я читал раньше. В описаниях магических экспериментов, посвящений и предшествующих испытаний было что-то очень похожее на мои переживания и ощущения; впрочем, это не касается современных "медиумических сеансов" или церемониальной магии, которые являются полным погружением в мир иллюзий.

То, что я называл "математическими отношениями", постоянно изменялось вокруг меня и во мне самом; иногда оно принимало форму музыки, иногда – схемы, а порой – заполняющего все пространство света, особого рода видимых вибраций световых лучей, которые скрещивались и переплетались друг с другом, проникая повсюду, с этим было связано безошибочное ощущение, что благодаря этим

звукам, схемам, свету я узнавал нечто такое, чего не знал раньше. Но передать то, что я узнавал, рассказать или написать об этом было невероятно трудно. Трудность объяснения возрастала и потому, что слова плохо выражали сущность того напряженного эмоционального состояния, в котором я находился во время экспериментов; передать все словами было просто невозможно.

Мое эмоциональное состояние было, пожалуй, самой яркой характеристикой описываемых переживаний. Все приходило через него, без него ничего не могло быть; и поэтому понять окружающее можно было, только понимая его. Чтобы уяснить сущность моих опытов и переживаний, надо иметь в виду, что я вовсе не оставался равнодушным к упомянутым выше звукам и свету. Я воспринимал все посредством чувств, я переживал эмоции, которые в обычной жизни не существовали. Новое знание приходило ко мне только тогда, когда я находился в чрезвычайно напряженном эмоциональном состоянии. И мое отношение к новому знанию вовсе не было безразличным: я или любил его, или испытывал к нему отвращение, стремился к нему или восхищался им; именно эти эмоции вместе с тысячью других позволяли мне понять природу нового мира, который я должен был узнать.

В том мире, где я оказался, очень важную роль играло число "три". Совершенно непостижимым для нашей математики образом оно входило во все количественные отношения, создавало их и происходило от них. Все вместе взятое, т.е. вся вселенная, являлось мне иногда в виде "триады", составляющей одно целое и образующей некий гигантский трилистник. Каждая часть "триады" в силу какого-то внутреннего процесса вновь преобразовывалась в "триаду", и процесс этот длился до тех пор, пока все не оказывалось заполненным "триадами", которые, в свою очередь, превращались в музыку, свет или схемы. Должен еще раз напомнить, что все мои описания очень плохо выражают то, что происходило, ибо они не передают эмоциональный элемент радости, удивления, восторга, ужаса – и постоянного перехода этих чувств друг в друга.

Как я уже говорил, эксперименты проходили более успешно, когда я лежал, пребывая в одиночестве. Впрочем, иногда я пытался экспериментировать среди людей и даже на улице. Обычно эти эксперименты не давали результатов, что-то начиналось и тут же

прерывалось, после себя ощущение физической тяжести. Но иногда я все-таки оказывался в ином мире. В этом случае все, что меня окружало, менялось самым тонким и причудливым образом. Все становилось другим; но описать, что именно происходило, абсолютно невозможно. Первое, что доступно выражению, таково: для меня вокруг не оставалось ничего безразличного, все вместе или в отдельности так или иначе меня задевало. Иными словами, я воспринимал все эмоционально. Далее, в окружавшем меня новом мире не было ничего отдельного, ничего, что не было бы связано с другими вещами или со мною лично. Все вещи оказывались связанными друг с другом, и эта связь была далеко не случайной, а проявлялась под действием непостижимой цепи причин и следствий. Все вещи зависели одна от другой, все жили одна в другой. Наконец, в этом мире не было ничего мертвого, неодушевленного, лишённого мысли и чувства, ничего бессознательного. Все было живым, все обладало самосознанием. Все говорило со мною, я мог говорить со всем. Особенно интересны были дома, мимо которых я проходил, и более всего – старые здания. Это были живые существа, полные мыслей, чувств, настроений, воспоминаний. Жившие в них люди и были их мыслями, чувствами и настроениями. Я хочу сказать, что люди по отношению к домам играют примерно ту же роль, что разные "я" нашей личности по отношению к нам. Они приходят и уходят, иногда живут внутри нас долгое время, иногда же появляются лишь на мгновения.

Помню, как однажды на Невском проспекте меня поразила обыкновенная ломовая лошадь. Она поразила меня своей головой, своей "физиономией", в которой выразилась вся сущность лошади, и, глядя на ее морду, я понял все, что можно было понять о лошади. Все особенности ее природы, все, на что она способна, все, на что не способна, все, что она может или не может сделать, – все это выразилось в чертах ее "физиономии". В другой раз сходное чувство у меня вызвала собака.

Вместе с тем, эти лошадь и собака были не просто лошадью и собакой; это были "атомы", сознательные, движущиеся "атомы" больших существ – "большой лошади" и "большой собаки". Тогда я понял, что мы тоже являемся атомами большого существа – "большого человека"; и точно так же любая вещь представляет собой атом

"большой вещи". Стакан – это атом "большого стакана", вилка – атом "большой вилки" и т.д.

Эта идея и несколько других мыслей, сохранившихся в моей памяти после экспериментов, вошли в мою книгу "Tertium Organum", которая как раз и была написана во время этих опытов. Таким образом, формулировка законов ноуменального мира и некоторые другие идеи, относящиеся к высшим измерениям, были заимствованы из того, что я узнал во время экспериментов.

Иногда во время опытов я чувствовал, что многое понимаю особенно ясно; я чувствовал, что, если бы сумел сохранить в своей памяти то, что понимаю, я узнал бы, как переходить в это состояние в любое время по желанию, как сделать его продолжительным, как им пользоваться.

Вопрос о том, как задержать это состояние сознания, возникал постоянно, и я много раз задавал его во время эксперимента, пребывая в том состоянии сознания, когда получал ответы на свои вопросы. Но на этот вопрос я никогда не получал прямого ответа. Обычно он начинался откуда-то издалека; постепенно расширяясь, он охватывал собою все, так что в конце концов ответ на мой вопрос включал ответы на все возможные вопросы; естественно, что я не мог удержать его в памяти.

Помню, как однажды, когда я особенно ясно понял все, что мне хотелось понять, я решил отыскать какую-нибудь формулу или ключ, который дал бы мне возможность на следующий день припомнить то, что я понял. Я хотел кратко суммировать все, что мне стало понятно, и записать, если удастся, в виде одной фразы то, что необходимо для повторного приведения себя в такое же состояние как бы одним поворотом мысли, без какой-либо предварительной подготовки. В течение всего эксперимента мне казалось, что это возможно. И вот я отыскал такую формулу – и записал ее карандашом на клочке бумаги.

На следующий день я прочел фразу: "Мыслить в других категориях!" Таковы были слова, но в чем же их смысл? Куда делось все то, что я связывал с этими словами, когда их писал? Все исчезло, все пропало, как сон. Несомненно, фраза "мыслить в других категориях" имела какой-то смысл; но я не мог его припомнить, не мог до него добраться.

Позднее точно такое же случалось со многими другими словами и фрагментами идей, которые оставались у меня в памяти после опытов.

Сначала эти фразы казались мне совершенно пустыми. Я даже смеялся над ними, обнаружив в них полное подтверждение невозможности передать оттуда сюда хоть что-то. Но постепенно в моей памяти кое-что начало оживать, и по прошествии двух-трех недель я все лучше и лучше вспоминал то, что было связано с этими словами. И хотя их содержание продолжало оставаться неясным, как бы видимым издалека, я все же начал усматривать особый смысл в словах, которые поначалу казались мне лишь отвлеченными обозначениями чего-то, не имеющего практической ценности.

То же самое повторялось почти каждый раз. На следующий день после эксперимента я помнил очень немного. Но уже к вечеру порой начинали возвращаться кое-какие неясные воспоминания. Через день я мог вспомнить больше, в течение же следующих двух или трех недель удавалось восстановить отдельные детали эксперимента, хотя я прекрасно сознавал, что в памяти всплывает лишь ничтожно малая часть пережитого. Когда же я пробовал проводить опыты чаще, чем раз в две-три недели, все смешивалось, и я не мог уже ничего вспомнить.

Но продолжу описание удачных экспериментов. Неоднократно, почти всегда, я чувствовал, что, переходя через второй порог, я прихожу в соприкосновение с самим собою, с тем "я", которое всегда пребывает внутри меня, всегда видит меня и говорит мне нечто, чего я в обычном состоянии сознания не в силах понять и даже услышать.

Почему же я не могу этого понять?

Я отвечал себе: потому что в обычном состоянии во мне звучат одновременно тысячи голосов, которые и создают то, что мы называем нашим "сознанием", нашими мыслями, чувствами, настроениями, воображением. Эти голоса заглушают звук того голоса, который доносится из глубины. Мои эксперименты ничего не прибавили к обычному "сознанию"; они только сузили его; но как раз благодаря этому сужению его мощностъ неизмеримо возросла.

Что, собственно, делали эти эксперименты? Они заставляли все другие голоса замолчать, погружали их в сон, делали неслышными. И тогда я начинал слышать другой голос, который доносился как бы сверху, из какого-то пункта у меня над головой. Тогда-то я и понял, что вся задача заключается в том, чтобы слышать этот голос постоянно,

сохранять с ним непрерывную связь. То существо, которому принадлежал голос, знало и понимало все, а самое главное – было свободно от тысяч мелких отвлекающих "личных" мыслей и настроений. Оно могло принимать все спокойно и объективно, таким, каково оно есть на самом деле. И в то же время это был я. Как так могло случиться и почему в обычном состоянии я был так далеко от самого себя, если голос и впрямь принадлежал мне, – этого я не мог объяснить. Во время экспериментов я называл мою обычную личность "я", а другое существо – "он". Иногда же, наоборот, обыденную личность – "он", а другую – "я". Позднее я еще вернусь к общей проблеме "я" и к пониманию "я" в новом состоянии сознания, ибо все это гораздо сложнее, чем простая замена одного "я" другим.

А сейчас попробую описать (насколько это сохранилось в моей памяти), как этот "он" или это "я" смотрело на вещи, в отличие от обычного "я".

Помню, как однажды я сидел на диване, курил и смотрел на пепельницу. Это была самая обыкновенная медная пепельница. И вдруг я почувствовал, что начинаю понимать, что такое пепельница; вместе с тем, с некоторым удивлением, почти со страхом я ощутил, что до той поры не понимал ее, что мы вообще не понимаем самых простых окружающих нас вещей.

Пепельница вызвала во мне водоворот мыслей и образов. Она содержала в себе бесконечное обилие фактов и событий, она была связана с бесчисленным множеством вещей. Прежде всего с тем, что касается табака и курения. Это сразу же вызвало тысячи образов, картин, воспоминаний. Затем сама пепельница – как она появилась на свет? И как появились те материалы, из которых она изготовлена? В данном случае – что такое медь? И как люди впервые ее обнаружили? Как научились ею пользоваться? Где и как была добыта медь, из которой сделана эта пепельница? Какой обработке она подвергалась, как ее перевозили с места на место? Сколько людей работало над ней или в связи с ней? Как медь оказалась превращенной в пепельницу? Эти и иные вопросы об истории пепельницы до того самого дня, как она появилась на моем столе...

Помню, как я записал несколько слов на листке, чтобы удержать в памяти хоть некоторые из своих мыслей. И вот назавтра я прочел: "Человек может сойти с ума из-за одной пепельницы".

Смысл всего, что я воспринял, состоит в том, что по одной пепельнице можно познать все. Невидимыми нитями пепельница связана со всеми вещами этого мира, и не только с настоящим, но и со всем прошлым и со всем будущим: "Зная пепельницу, я знаю все".

Конечно, это описание ни в малейшей степени не выражает подлинного ощущения, ибо первым главным впечатлением было то, что пепельница живет, думает, понимает и рассказывает о себе. Все, что я узнал, я узнал от самой пепельницы.

Вторым впечатлением был чрезвычайно эмоциональный характер всех знаний, связанных с пепельницей. "Все живет! – сказал я себе в самой гуще этих наблюдений. – Нет ничего мертвого; мертвы только мы сами. Если бы мы ожили хоть на мгновение, мы почувствовали бы, что все живо, что все вещи живут, думают, ощущают и могут разговаривать с нами".

Этот случай с пепельницей напоминает мне другой, когда ответ на мой вопрос был дан в виде весьма характерного зрительного образа.

Однажды, находясь в том состоянии, в которое меня приводили мои эксперименты, я задал себе вопрос: "Что же такое мир?"

И сейчас же передо мной возник образ какого-то большого цветка, наподобие розы или лотоса. Его лепестки непрерывно распускались изнутри, росли, увеличивались в размерах, выходили за пределы цветка, затем каким-то образом вновь возвращались внутрь, и все начиналось сначала. Этот процесс невозможно выразить словами. В цветке было невероятное количество света, движения, цвета, музыки, эмоций, волнения, знания, разума, математики и непрерывного, постоянного роста.

В то время как я смотрел на цветок, кто-то, казалось, объяснял мне, что это и есть "мир", или "Брахма", в его чистейшем аспекте и в наивысшем приближении к тому, что существует реально. "Если бы приближение было еще большим, это был бы сам Брахма, каков он есть", – промолвил голос.

Последние слова прозвучали своеобразным предупреждением, как если бы Брахма в своем реальном аспекте был опасен, мог поглотить и уничтожить меня. Здесь опять-таки возникала "бесконечность".

Этот случай и символ Брахмы, или "мира", сохранившийся в моей памяти очень заинтересовал меня, ибо объяснял происхождение

других символов и аллегорических образов. Позднее я решил, что понял принцип формирования разнообразных атрибутов божеств и смысл многих мифов. Кроме того, этот случай обратил мое внимание на другую важную особенность экспериментов, а именно на то, как мне сообщались идеи в необычном состоянии сознания после второго порога.

Как я уже говорил, идеи передавались мне не словами, а звуками, формами, "схемами" или символами. Обычно все и начиналось с появления "схем" или иных форм. Как упоминалось выше, "голоса" представляли собой характерную черту переходного состояния, и когда они прекратились, их место заняли формы, т.е. звуки, "схемы" и тому подобное, после чего следовали зрительные образы, наделенные особыми свойствами и требующие подробных объяснений. "Брахма", видимый в форме цветка, может служить примером такого зрительного образа, хотя обычно эти образы были гораздо проще и имели что-то общее с условными знаками или иероглифами. Они составляли форму речи или мысли, вернее, той функции, которая соответствовала речи или мысли в том состоянии сознания, которого я достиг. Знаки или иероглифы двигались и менялись передо мной с головокружительной быстротой и выражали переходы, изменения, сочетания и соответствия идей. Только такой способ "речи" оказывался достаточно быстрым для той скорости, какой достигла мысль. Никакие другие формы нужной скоростью не обладали. И вот эти движущиеся знаки вещей указывали на начало нового мышления, нового состояния сознания. Словесное мышление становилось совершенно невозможным. Я уже говорил, что промежуток между двумя словами одной фразы занимал слишком много времени. Словесное мышление не могло в этом состоянии угнаться за мыслями.

Любопытно, что в мистической литературе имеется немало указаний на эти "обозначения вещей". Я даю им то же название, что и Якоб Беме, не сомневаясь при этом, что Беме говорил точно о тех же знаках, которые видел я. Для себя я называл их "символами", но по внешней форме правильнее было бы назвать их движущимися иероглифами. Я попробовал зарисовать некоторые из них, и хотя иногда это удавалось, на следующий день было очень трудно связать полученные фигуры с какими-нибудь идеями. Но один раз получилось нечто очень интересное.

Я нарисовал линию с несколькими штрихами на ней.

Число штрихов здесь несущественно; важно то, что они расположены друг от друга на неравном расстоянии. Я получил эту фигуру следующим образом.

В связи с некоторыми фактами из жизни моих знакомых я задал себе довольно сложный вопрос: каким образом судьба одного человека может повлиять на судьбу другого? Сейчас я не в состоянии с точностью воспроизвести вопрос, но помню, что он был связан с идеей причинно-следственных законов, свободного выбора и случайности. Все еще продолжая в обычном состоянии думать об этом, я представил себе жизнь одного моего знакомого и тот случай в его жизни, благодаря которому он встретился с другими людьми, оказав самое решительное влияние на их жизнь, тогда как и они, в свою очередь, вызвали важные перемены в его жизни. Размышляя таким образом, я внезапно увидел все эти пересекающиеся жизни в виде простых знаков, а именно: в виде линий со штрихами. Количество штрихов уменьшалось или возрастало; они приближались друг к другу или удалялись; в их внешнем виде, приближении или отдаленности, а также в сочетании разных линий с различными штрихами выражались идеи и законы, управляющие жизнью людей.

Позднее я еще вернусь к смыслу этого символа. В настоящее время я только объясняю метод получения новых идей в необычном состоянии сознания.

Особую часть моих переживаний составляло то, что можно назвать отношением к самому себе, точнее, к своему телу. Все оно стало живым, мыслящим, сознательным. Я мог разговаривать с любой частью тела, как если бы она была живым существом; я мог узнавать от нее, что ее привлекает, что ей нравится, а что не нравится, чего она боится, чем живет, чем интересуется, в чем нуждается. Такие беседы с сознаниями физического тела открыли передо мною совершенно неизведанный мир.

В своей книге "Tertium Organum" я попытался описать некоторые результаты своих опытов, говоря о сознаниях, которые не параллельны нашему.

Эти сознания (ныне я называю их сознаниями физического тела) имели очень мало общего с нашим сознанием, которое объективирует внешний мир и отличается от "не-я". Сознания физического тела были

полностью погружены в себя. Они знали только себя, только "я"; "не-я" для них не существовало. Они могли думать только о себе, говорить только о себе, зато они знали о себе все, что можно было знать. Тогда я понял, что их природа и форма их существования состояла в том, чтобы постоянно говорить о себе: о том, что они такое, что им нужно, чего они хотят, что им приятно и что неприятно, какие опасности им угрожают, что могло бы предупредить или устранить эти опасности.

В обычном состоянии мы не слышим эти голоса по отдельности.

Только их общий шум, как бы их совместный тон чувствуется нами в форме нашего физического состояния или настроения.

Я не сомневаюсь, что, если бы мы могли сознательно вступать в связь с этими "существами", мы узнавали бы от них все, что касается состояния каждой функции организма вплоть до мельчайших подробностей. Первая мысль, которая приходит в этой связи на ум, — что такая способность была бы очень полезной в случае заболеваний и функциональных расстройств для правильных диагнозов, для профилактики заболеваний и их лечения. Если бы удалось вступать в связь с этими сознаниями и получать от них информацию о состоянии и потребностях организма, медицина стала бы наконец на твердую почву.

Продолжая эксперименты, я все время старался найти средство для перехода от абстракций к конкретным фактам. Хотел выяснить, существует ли возможность усилить обычные способности восприятия или открыть в себе новые способности, в особенности касающиеся восприятия событий во времени — в прошлом или настоящем. Я задавал себе вопрос: можно ли видеть без помощи глаз — на огромном расстоянии, или сквозь стену, или в закрытых вместилищах (например, читать письма в конвертах, книги на полках) и т.д. Мне не было ясно, возможны такие вещи или нет. Но с другой стороны, я знал, что все попытки проверить феномены ясновидения, которые иногда описываются, неизменно кончались неудачей.

Во время своих опытов я неоднократно пытался что-нибудь "увидеть": например, находясь в доме, — то, что происходит на улице, причем такие детали, которые я не мог бы увидеть обычным способом; старался "увидеть" кого-нибудь из своих близких и установить, чем он занят в момент наблюдения; или же воссоздать в подробностях сцены из прошлого, которые я знал лишь в отрывках.

Как-то я положил несколько старых фотографий в одинаковые конверты, перемешал конверты и попробовал "увидеть", чей портрет я держу. То же самое я проделывал с игральными картами.

Убедившись в безуспешности своих попыток, я решил попробовать воспроизвести в виде ясного умственного образа какое-нибудь событие, которое, бесспорно, хранилось в моей памяти, хотя в обычном состоянии я не смог бы отчетливо его вспомнить. К примеру, "увидеть" Невский проспект, начиная от Знаменской площади, со всеми его домами и вывесками, следующими друг за другом. Но и это ни разу не удалось мне преднамеренно. А непроизвольно, при разных обстоятельствах, я не однажды видел себя шагающим по Невскому; в этих случаях я "видел" дома и вывески в точности там, где они находились на самом деле.

В конце концов я признал неудовлетворительными все свои попытки перейти к конкретным фактам. Это или было совершенно невозможно, или не удавалось из-за моего не правильного подхода к делу.

Но два случая показали мне, что существует возможность значительно усилить наши способности восприятия обычных событий жизни.

Однажды я достиг если не настоящего ясновидения, то, несомненно, заметного усиления зрительных способностей. Дело было на одной из улиц Москвы через полчаса после эксперимента, который показался мне совершенно неудачным. И вдруг на несколько секунд мое зрение приобрело такую необыкновенную остроту, что я совершенно ясно рассмотрел лица людей на расстоянии, на котором обычно трудно отличить одну фигуру от другой.

Второй случай произошел в Петербурге; была вторая зима моих опытов. Обстоятельства сложились так, что в течение всей зимы я не мог поехать в Москву, хотя в связи с некоторыми делами собирался туда съездить. И вот наконец около середины февраля я определенно решил, что поеду в Москву на Пасху. Вскоре после этого я снова приступил к своим экспериментам. Однажды совершенно случайно, находясь в том состоянии, когда начинали появляться движущиеся знаки или иероглифы, я подумал о Москве и о том, кого мне следует навестить там на Пасху. Внезапно, без каких-либо предупреждений, я услышал: ты не поедешь в Москву на Пасху. Почему? В ответ я

увидел, как, начиная со дня описываемого опыта, события стали развиваться в определенном порядке и последовательности. Не произошло ничего нового, но причины, которые я хорошо знал и которые существовали уже в день моего эксперимента, развивались таким образом и привели к таким неизбежно вытекающим из них результатам, что как раз перед Пасхой возник целый ряд затруднений, в конце концов помешавший моей поездке в Москву. Сам по себе факт довольно курьезный; но интересной в нем была открываемая мне возможность рассчитать будущее, ибо оно содержалось в настоящем. Я увидел, что все, происходящее накануне Пасхи, явилось прямым следствием обстоятельств, существовавших уже два месяца назад.

Затем я, вероятно, перешел в своем опыте к другим мыслям, и на следующий день в моей памяти сохранился только голый результат: "кто-то сказал мне, что на Пасху я в Москву не поеду". Это показалось мне смешным, потому что никаких препятствий своей поездке я не видел. Потом Я вообще забыл об этом эксперименте. Он выплыл в моей памяти лишь за неделю до Пасхи, когда целая последовательность мелких обстоятельств сложилась неожиданно таким образом, что я в Москву не поехал. Это были как раз те обстоятельства, которые я "видел" во время эксперимента, и они оказались явными последствиями того, что имелось уже два месяца назад. Ничего нового не случилось. Когда все вышло в точности так, как я видел (или предвидел), я припомнил свой опыт и все его подробности и вспомнил, что еще тогда видел и знал то, что должно было произойти. В данном случае я, безусловно, соприкоснулся с возможностью иного зрения в мире предметов и событий.

Но в целом, все вопросы, которые я задавал себе о реальной жизни или конкретном знании, ни к чему не приводили.

Полагаю, что это обстоятельство связано с особым принципом, который стал мне ясен во время экспериментов. В обычной жизни мы мыслим тезисами и антитезисами; всегда и везде существуют "да" или "нет", "нет" или "да". Размышляя иначе, новым способом, при помощи знаков, я пришел к пониманию фундаментальных ошибок нашего мыслительного процесса. Ибо в действительности в каждом отдельном случае существовало не два, а три элемента. Было не только "да" и "нет", а "да", "нет" и что-то еще. И вот как раз природа этого третьего элемента, недоступная пониманию, делала непригодными все обычные

рассуждения и требовала изменить основной метод мышления. Я видел, что решение всех проблем постоянно приходило от третьего, неизвестного элемента, так сказать, появлялось с третьей стороны; и без помощи этого третьего элемента прийти к правильному решению было бы невозможно.

Далее, задавая вопрос, я очень часто сразу же видел, что он поставлен неверно. Вместо немедленного ответа на мой вопрос "сознание", к которому я обращался, принималось поворачивать этот вопрос а разные стороны, показывая мне, в чем заключается его ошибочность. Постепенно я начинал видеть, в чем его не правильность; и как только мне удавалось ясно понять ошибочность своего вопроса, я видел ответ. Но этот ответ всегда заключал в себе третий элемент, который я до сих пор не мог увидеть, потому что мой вопрос был построен на двух элементах – на тезисе и антитезисе.

Я сформулировал это для себя следующим образом: вся трудность заключается в правильной постановке вопросов. Если бы мы умели правильно ставить вопросы, мы получали бы ответы. Правильно поставленный вопрос уже содержит в себе ответ; но этот ответ совсем не похож на то, что мы ожидаем. Он всегда будет находиться на другом плане, который в обычный вопрос не включен.

В нескольких случаях, когда я пробовал думать шаблонными словами или идеями, я пережил странное ощущение, напоминающее физический шок. Передо мной открывалась совершенная пустота, ибо в реальном мире, с которым я соприкасался, не было ничего, что соответствовало бы этим словам или идеям. Любопытно было ощутить неожиданную пустоту там, где я рассчитывал найти нечто, пусть не совсем прочное и определенное, но, по крайней мере, существующее.

Я уже сказал, что не обнаружил в своих экспериментах ничего, что соответствовало бы теософским "астральным" телам или "астральному" миру; ничего, что соответствовало бы "перевоплощениям" или "будущей жизни" в обычном смысле этого слова, т.е. тем или иным формам существования душ умерших. Все это не имело смысла и не только не выражало какой бы то ни было истины, но и прямо не противоречило истине. Когда я старался ввести в свои мысли вопросы, связанные с такими идеями, на них не давалось ответов; слова оставались лишь словами, и их нельзя было выразить какими-либо иероглифами.

То же самое произошло со многими другими идеями, например, с идеей "эволюции", как ее понимает "научное" мышление. Она ничему не соответствовала и ничего не выражала. В мире реальностей для нее не оказалось места.

Я понял, что могу определять, какие идеи являются живыми и какие – мертвыми: мертвые идеи не выражались иероглифами, а оставались словами. Я обнаружил, что в обычном человеческом мышлении имеется огромное количество таких мертвых идей. Кроме уже упомянутых, к мертвым идеям принадлежали все так называемые социальные теории. Они просто не существовали. За ними скрывались только слова и никакой реальности; точно так же идея "справедливости" (понятая в обычном смысле "компенсации" или "воздаяния") оказалась в высшей степени мертвой. Одна вещь не может компенсировать другую, один акт насилия не разрушит результаты другого акта насилия. Вместе с тем, идея справедливости в смысле "стремления к общему благу" также оказалась мертвой. Вообще говоря, с этой идеей связано крупное недоразумение. Она предполагает, что вещь может существовать сама по себе и быть "несправедливой", т.е. противоречить какому-то закону; но в реальном мире все составляет единство, в нем нет двух таких вещей, которые противоречили бы друг другу. Есть единственное различие: между живыми и мертвыми вещами. Но как раз это различие мы не понимаем, и выразить эту идею нашим языком, как бы мы ни старались, вряд ли удастся.

Все это отдельные примеры. Фактически же почти все идеи и понятия, которыми живут люди, оказались несуществующими. С глубоким изумлением я убедился в том, что лишь очень немногие идеи соответствуют реальным фактам, т.е. существуют. Мы живем в совершенно нереальном, фиктивном мире, спорим о несуществующих идеях, преследуем несуществующие цели, изобретаем все, даже самих себя. Но, с другой стороны, в противоположность мертвым идеям, которые не существовали нигде, являлись и живые идеи, непрерывно встречающиеся вновь и вновь во всем, о чем я в то время размышлял, что узнавал или понимал.

Во-первых, существовала идея триады, или троицы, которая входила во все. Затем весьма важное место занимала и многое могла объяснить идея четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли. Эта

идея была реальной, и во время экспериментов я понимал, как она входит во все и соединяется со всем благодаря триаде. Но в обычном состоянии связь и значение этих двух идей от меня ускользали.

Далее, существовала идея причины и следствия. Как я уже упоминал, в иероглифах эта идея выражалась весьма определенным образом; но она никоим образом не была связана с идеей "перевоплощения" и относилась исключительно к обычной земной жизни.

Очень большое, пожалуй, главное место во всем, что я узнал, занимала идея "я". Иначе говоря, чувство или ощущение "я" каким-то непонятным образом менялось внутри меня. Выразить это словами очень трудно. Обычно мы плохо понимаем, что в разные моменты нашей жизни мы по-разному ощущаем свое "я". В этом случае, как и во многих других, мне помогли мои же более ранние опыты и наблюдения снов.

Я знал, что во сне "я" ощущается иначе, не так, как в состоянии бодрствования; так же по-иному, но совсем иначе ощущалось "я" и в моих экспериментах. Чтобы выразить это точнее, скажу, что все, что обычно воспринималось как "я", стало "не-я"; а то, что воспринималось как "не-я", стало "я". Но и это далеко от точного описания того, что я ощущал и что узнавал. Думаю, что точная передача здесь вообще невозможна. Необходимо только отметить, что, насколько я могу припомнить, новое ощущение "я" во время первых экспериментов вызывало у меня ужас. Я чувствовал, что исчезаю, теряюсь, превращаюсь в ничто.

Это был все тот же ужас бесконечности, о котором я уже говорил; но только возник он с противоположной стороны: в одном случае меня поглощало все, в другом – Ничто. Но это не играло роли, ибо все оказывалось эквивалентным Ничто.

И вот что замечательно: позднее, в последующих экспериментах, то же самое исчезновение "я" вызывало уже во мне чувство необыкновенного спокойствия и уверенности, которое нельзя сравнить ни с одним из обычных наших чувств и ощущений. В то же время я как будто понимал, что все неприятности, заботы и беспокойства связаны с обычным ощущением "я", проистекают из него, а также образуют его и поддерживают. Поэтому с исчезновением "я" исчезали и все горести, заботы и волнения. Когда я ощущал, что я не

существую, все остальное делалось очень простым и легким. В эти мгновения я даже удивлялся по поводу того, что мы взваливаем на себя такую ответственность, когда во все вводим "я" и во всем начинаем с "я". В наших идеях и ощущениях "я" есть какая-то ненормальность, своеобразный фантастический самообман, граничащий с кощунством, как если бы каждый из нас называл себя Богом. Я чувствовал, что только Бог мог называть себя "Я", что только Бог и есть Я. Но и мы называем себя "я", не замечая скрытой в этом иронии.

Как я уже сказал, необычные переживания, связанные с моими экспериментами, начались с изменений в восприятии "я"; вряд ли они были бы возможны в случае сохранения обычного восприятия "я". Эти изменения – самое существенное в новом состоянии сознания; от них зависело все, что я чувствовал и чему мог научиться.

Что же касается того, что я узнал во время своих экспериментов (особенно того, что относится к расширению познавательных способностей), то там оказалось много необычного, такого, что не входит ни в одну из известных мне теорий.

Сознание, общавшееся со мной при помощи движущихся иероглифов, придавало этому вопросу особое значение; оно стремилось запечатлеть в моем уме все, что было с ним связано, делая, таким образом, главный упор на методах познания.

Я хочу сказать, что иероглифы объяснили мне, что, кроме обычного познания, основанного на показаниях органов чувств, расчетах и логическом мышлении, существуют три других вида познания, которые отличаются друг от друга и от обычного способа познания не степенью, не формой, не качеством, а всей своей природой, как отличаются друг от друга явления совершенно разных порядков, не имеющие общих измерений. В нашем языке для таких явлений имеется лишь одно название: если мы признаем их существование, мы называем их интенсивным, усиленным познанием, т.е., признавая их отличие от обычного познания, мы не понимаем их отличия друг от друга. Согласно иероглифам, именно это является главным фактором, мешающим нам правильно понять взаимоотношение между нами и миром.

Прежде чем попытаться дать определение "трем видам познания", я должен сделать одно замечание. Сообщениям о формах познания всегда предшествовал какой-нибудь мой вопрос, не имевший

определенной связи с проблемами познания, но, очевидно, как-то противоречивший неизвестным мне законам познания. Так, например, эти сообщения почти всегда возникали тогда, когда я пытался из области абстрактных проблем перейти к конкретным явлениям и задавал вопросы, касавшиеся живых людей или реальных предметов, или же меня самого в прошлом, настоящем или будущем.

В таких случаях я получал ответ: то, что ты хочешь узнать, можно узнать тремя способами. Имелось в виду, что существует три способа познания, – не считая, конечно, обычного, с помощью органов чувств, расчетов и логического мышления, который при этом не рассматривался и возможности которого предполагались известными.

Далее следовало описание характерных признаков и свойств каждого из трех способов. Казалось, кто-то старался передать мне правильные понятия о вещах, считая особенно важным, чтобы именно это я понял как следует.

Попытаюсь по возможности точно сообщить читателю все, что относится к данному вопросу; сомневаюсь, однако, что мне удастся полностью выразить даже то, что понял я сам...

Первое познание происходит необычным путем, как бы благодаря внутреннему зрению; оно касается вещей и событий, с которыми я связан непосредственно и в которых прямо и лично заинтересован: например, если я узнаю что-нибудь о событии, которое должно произойти в ближайшем будущем со мной или с кем-то, кто мне дорог, причем узнаю об этом не обычным способом, а при помощи внутреннего зрения, это и будет познанием первого вида. Если я узнаю, что пароход, на котором я собираюсь плыть, потерпит крушение, или что в такой-то день одному из моих приятелей будет грозить серьезная опасность, и что при помощи таких-то шагов я смогу ее предотвратить, – это будет познанием первого вида, или просто первым познанием. Необходимое условие этого познания составляет личный интерес. Личный интерес особым образом соединяет человека с предметами и событиями, сообщая ему во взаимоотношениях с ними некую "познавательную позицию". Личный интерес, т.е. присутствие заинтересованной личности, является едва ли не главным условием "угадывания судьбы", "ясновидения", "предсказания будущего"; безличного интереса это познание почти невозможно.

Второе познание также имеет дело с вещами и событиями нашей жизни, для познания которых, как и в первом случае, мы не располагаем обычными средствами, но при втором познании ничто не связывает нас с объектом или событием лично. Если я узнаю, что потерпит крушение пароход, судьба которого меня лично не интересует, на котором не плывут ни мои друзья, ни я сам; или что делается в соседнем доме, не имеющем ко мне никакого отношения; или кем в действительности были личности, признанные историческими загадками (такие как "Железная маска", Димитрий Самозванец или граф Сен-Жермен); или опишу будущее либо прошлое какого-нибудь человека, опять-таки не имеющего ко мне никакого отношения, – все это будет познанием второго вида. Познание второго вида является самым трудным, почти невозможным: если человек случайно или при помощи специальных методов узнает больше, нежели это доступно другим людям, он, несомненно, приобретает это знание первым способом.

Второй вид познания содержит в себе нечто незаконное. Это и есть "магия" в полном смысле слова. По сравнению с ним первый и третий способы познания представляются простыми и естественными, хотя первый путь, связанный с эмоциональным подходом, предчувствиями и разного рода желаниями, выглядит психологическим трюком, а третий вид познания кажется продолжением обычного познания, но следующим новым линиям и новым принципам.

Третье познание основывается на знании механизма всего существующего. Зная весь механизм и взаимоотношение отдельных его частей, легко найти мельчайшую деталь и с абсолютной точностью предрешишь все, что с ней связано. Таким образом, третье познание есть познание, основанное на расчете. Рассчитать можно все. Если известен механизм всего существующего, можно вычислить, какая погода будет стоять в течение месяца или целого года; вполне возможно определить день и час любого случая. Можно будет рассчитать значение и смысл любого наблюдаемого события, даже самого малого. Трудность познания третьего рода состоит, во-первых, в необходимости знать весь механизм для познания мельчайшей вещи; во-вторых, в необходимости привести в движение всю колоссальную

машину знания для того, чтобы узнать нечто совершенно незначительное и мелкое.

Вот приблизительно и все, что я "узнал" или "понял" о трех видах познания. Я хорошо вижу, что идея выражена в этом описании неадекватно, т. к. многое, возможно, самое важное, давно ускользнуло из моей памяти. Это справедливо по отношению не только к вопросу о познании, но и ко всему, что я писал здесь о своих экспериментах. К таким описаниям следует относиться с большой осторожностью, понимая, что в них утрачено девяносто девять процентов того, что чувствовалось и понималось во время самих экспериментов.

Очень своеобразное место в моих экспериментах занимали попытки узнать что-либо об умерших. Обычно такие вопросы оставались без ответа, и я смутно сознавал, что в них самих скрывается какая-то принципиальная ошибка. Но однажды я получил совершенно ясный ответ на свой вопрос. Более того, этот ответ был связан с ощущением смерти, которое я пережил за десять лет до описываемых экспериментов; самоощущение было вызвано состоянием интенсивной эмоции.

Говоря об этих случаях, я вынужден коснуться чисто личных переживаний, связанных со смертью близкого мне человека. В то время я был очень молод, и его смерть произвела на меня совершенно угнетающее впечатление. Я не мог думать ни о чем другом и старался понять загадку его исчезновения, как-то разрешить ее, мне хотелось также уяснить взаимные связи людей. И вдруг во мне поднялась волна новых мыслей и чувств, оставившая после себя ощущение удивительного спокойствия. На мгновение я увидел, почему мы не можем понять смерть, почему она так пугает нас, почему мы не в состоянии найти ответы на вопросы, которые задаем себе в связи с проблемой смерти. Этот умерший человек, о котором я думал, не мог умереть уже потому, что он никогда не существовал. В этом и заключалось решение вопроса. В обычных условиях я видел не его самого, а как бы его тень. Тень исчезла; но реально существовавший человек исчезнуть не мог. Он был больше того, каким я его видел, "длиннее", как я сформулировал это для себя; и в этой "длине" неким образом скрывался ответ на все вопросы.

Внезапный и яркий поток мыслей исчез так же быстро, как и появился. Через несколько секунд от него осталось только что-то вроде

мысленного образа. Я увидел перед собой две фигуры. Одна, совсем небольшая, напоминала неясный человеческий силуэт. Она представляла собой этого человека, каким я его знал. Другая фигура была подобна дороге в горах; видно было, как она петляет среди холмов, пересекает реки и исчезает вдаль. Вот чем он был в действительности, вот чего я не мог ни понять, ни выразить. Воспоминание об этом переживании долгое время сообщало мне чувство покоя и доверия. Позднее идеи высших измерений позволили мне найти формулировку для этого необычного "сна в бодрственном состоянии", как я называл свое переживание.

И вот нечто, напоминающее описанный случай, произошло со мной во время моих опытов.

Я думал о другом человеке, который также был мне близок; он умер за два года до опытов. В обстоятельствах его смерти, как и в событиях последнего года жизни, я находил немало неясного; было много и такого, за что я в глубине души мог порицать себя, — главным образом, за то, что отдалился от него, не был с ним достаточно близок, когда он, возможно, нуждался во мне. Находились, конечно, возражения против подобных мыслей, но полностью избавиться от них я не мог, и они опять привели меня к проблеме смерти, а также к проблеме жизни по ту сторону смерти.

Помню, как однажды во время эксперимента я сказал себе, что если бы я верил в "спиритические" теории и в возможность общения с умершими, то хотел бы увидеть этого человека и задать ему один вопрос всего один!

И вдруг, без всякой подготовки, мое желание исполнилось, и я его увидел. Это не было зрительное ощущение: то, что я увидел, не было похоже на его внешнюю оболочку; передо мной мгновенно промелькнула вся его жизнь. Эта жизнь и была им. Человек, которого я знал и который умер, никогда не существовал. Существовало что-то совсем другое, ибо жизнь его не была простой вереницей событий, как мы обычно описываем жизнь какого-то человека; жизнь — есть мыслящее и чувствующее существо, которое не меняется фактом смерти. Знакомый мне человек был как бы лицом этого существа; лицо, скажем, с годами меняется, но за ним всегда стоит одна и та же неизменная реальность.

Выражаясь фигурально, можно сказать, что я видел этого человека и разговаривал с ним. На самом же деле, при этом отсутствовали зрительные впечатления, которые можно было бы описать; не было ничего похожего на обычный разговор. Тем не менее, я знаю, что это был он; и именно он сообщил мне о себе гораздо больше, чем я мог спросить. Я увидел с полной очевидностью, что события последних лет его жизни были так же неотделимы от него, как и черты лица, которые я знал. Все эти события последних лет были чертами лица его жизни, и никто не мог ничего в них изменить, совершенно так же, как никому не удалось бы изменить цвет его волос и глаз или форму носа. Точно так же никто не был виноват в том, что данный человек обладал именно этими чертами лица, а не другими.

Черты его лица, как и черты последних лет жизни, были его свойствами; это был он. Видеть его без событий последних лет жизни было бы так же необычно, как вообразить его с другой физиономией, — тогда это был бы не он, а кто-то другой. Вместе с тем я понял, что никто не несет ответственности за то, что он был самим собой и никем иным. Я понял, что мы зависим друг от друга в гораздо меньшей степени, чем думаем; мы ответственны за события в жизни другого человека не больше, чем за черты его лица. У каждого свое лицо со своими особыми чертами; точно так же у каждого своя судьба, в которой другой человек может занимать определенное место, но ничего не в состоянии изменить. Но, уяснив это, я обнаружил, что мы гораздо теснее, чем думаем, связаны с нашим прошлым и с людьми, с которыми соприкасаемся; я понял со всей очевидностью, что смерть ничего в этом не меняет. Мы остаемся привязанными ко всем тем, к кому были привязаны. Только для общения с ними необходимо особое состояние сознания.

Я мог бы объяснить те идеи, которые в этой связи понял, следующим образом: если взять ветвь дерева с отходящими от нее побегами, то излом ветви будет соответствовать человеку, каким мы его обычно видим; сама ветвь — жизнь этого человека, а побеги — жизни тех людей, с которыми он сталкивается.

Иероглиф, описанный мной ранее, линия с боковыми штрихами — это как раз и есть ветка с побегами.

В моей книге "Tertium Organum" я пытался высказать идею о "длинном теле" человека от рождения до смерти. Термин,

употребляемый в индийской философии, "линга шарира", буквально означает "длинное тело жизни".

Представление о человеке или о его жизни как о ветви, чьи побеги изображают жизни близких ему людей, многое связало в моем понимании, многое объяснило. Каждый человек является для себя такой ветвью, а другие люди, с которыми он связан, суть побеги ветви. Но для себя каждый из них – главная ветвь, и любой другой человек будет для него побегом. Любой побег, если сосредоточить на нем внимание, оказывается ветвью с побегами. Таким образом, жизнь человека соединяется со множеством других жизней; одна жизнь как бы входит в другую, и все вместе они образуют единое целое, природу которого мы не знаем.

Идея всеобщего единства, в каком бы смысле и масштабе она ни была выражена, занимала очень важное место в концепции мира и жизни, сформировавшейся у меня во время необычных состояний сознания.

Эта концепция мира включала в себя нечто совершенно противоположное нашему обычному взгляду на мир и нашим представлениям о нем.

Обычно всякая вещь и всякое событие обладают для нас своей особой ценностью, особым значением и особым смыслом. Этот особый смысл, которым обладает каждая вещь, гораздо понятнее и ближе нам, чем ее общий смысл и общее значение, даже в тех случаях, когда мы можем предположить наличие такого общего значения.

Но в новой концепции мира все было иным. Прежде всего, каждая вещь являлась не отдельным целым, а частью другого целого, в большинстве случаев непостижимого для нас и неизвестного. Смысл и значение вещи предreshались природой этого великого целого и местом, которое вещь занимала в нем. Это полностью меняло всю картину мира. Мы привыкли воспринимать все по отдельности; здесь же отдельного не существовало, и было невероятно странным видеть себя в мире, где все вещи оказывались взаимосвязанными и проистекали друг из друга. Ничто не существовало в отдельности. Я чувствовал, что отдельное существование чего-либо, включая меня самого, есть фикция, нечто несуществующее, невозможное. Чувство преодоления отдельности, чувство всеобщей связи, единства как-то объединялось с эмоциональной стороной моей концепции. Сначала это

сложное переживание казалось устрашающим, подавляющим и безнадежным; но впоследствии, ничуть в сущности не изменившись, оно превратилось в самое радостное и радужное ощущение, какое только могло быть.

Далее, имелась картина или мысленный образ, входивший во все и являющийся необходимой частью каждого логического или алогического построения. Этот образ выступал в двух аспектах, взятых вместе, т.е. в виде целого мира и любой отдельной его части, любой отдельной стороны мира, жизни. Один аспект был связан с первым принципом. Я как бы видел возникновение всего мира, возникновение каждого явления и каждой идеи. Другой же аспект был связан с отдельными предметами: я видел мир, или событие, интересовавшие меня в какой-то отдельный момент, в их конечном проявлении, т.е. такими, какими мы видим их вокруг себя, но в связи с непонятным для нас целым. Но между первым и вторым аспектами постоянно возникал некий разрыв, подобный пропасти, пустоте. Графически я мог изобразить его примерно так: вообразите, что из одной точки выходят три линии, каждая из которых, в свою очередь, дробится на три новые линии, каждая из них – еще раз на три и т.д. Постепенно линии дробятся все сильнее и сильнее; постепенно они приобретают все более разнообразные свойства, такие как цвет, форму и тому подобное; однако они не достигают реальных фактов и преобразуются в особого рода невидимый поток, который льется сверху. Вообразите теперь внизу бесконечное разнообразие явлений, собранных и классифицированных по группам; группы вновь объединяются, благодаря чему самые разнообразные явления оказываются связанными в более крупные объединения, которые можно обозначить одним знаком или иероглифом. Целый ряд таких иероглифов представляет собой жизнь или видимый мир на некотором расстоянии от нее. Итак, сверху идет процесс дифференциации, снизу – процесс интеграции. Но дифференциация и интеграция никогда не встречаются. Между тем, что находится сверху, и тем, что находится внизу, существует пустое пространство, в котором ничего не видно. Верхние линии дифференциации, умножаясь в числе и приобретая разнообразную окраску, быстро сливаются и погружаются в это пустое пространство, отделяющее то, что находится сверху, от того, что находится внизу. А снизу все бесконечное разнообразие явлений очень

скоро преобразуется в принципы, необыкновенно богатые по своему смыслу и иероглифическим обозначениям; тем не менее, они остаются меньшими, чем самые последние из верхних линий.

Именно в таком приблизительно графическом выражении являлись мне эти два аспекта мира и вещей. Я мог бы, пожалуй, утверждать, что сверху и снизу мир изображался в разных масштабах, и эти два масштаба для меня никогда не встречались, никогда не переходили один в другой, оставались несоизмеримыми. В этом как раз и состояла главная трудность, и я постоянно ее ощущал. Я понимал, что если бы мне удалось перекинуть мост от того, что внизу, к тому, что вверху, или, еще лучше, в противоположном направлении, т.е. сверху вниз, я постиг бы все, что находилось внизу, ибо, начиная сверху, т.е. с фундаментальных принципов, было бы легко и просто понять все, находящееся внизу. Но мне никак не удавалось соединить принципы с фактами; как я уже сказал, хотя все факты быстро погружались в усложненные иероглифы, эти последние все же сильно отличались от верхних принципов.

Ничто из того, что я пишу о своих экспериментах, ничто из того, что можно еще о них сказать, не будет понято, если не обратить внимания на их постоянный эмоциональный тон. Эти опыты вовсе не были моментами покоя, бесстрастия и невозмутимости; наоборот, они были пронизаны эмоциями, чувствами, почти страстью.

Самой необычной вещью, связанной с экспериментами, было возвращение, переход к обычному состоянию, которое мы называем жизнью. Этот момент чем-то очень напоминал смерть, по крайней мере, как я ее себе представляю. Возвращение обычно происходило, когда я просыпался утром после эксперимента, проведенного прошлым вечером.

Эксперименты почти всегда завершались сном; во время сна я, вероятно, и переходил в обычное состояние и просыпался в знакомом мире – в том мире, в котором мы просыпаемся каждое утро. Но теперь этот мир имел в себе что-то чрезвычайно тягостное, представал невероятно пустым, бесцветным, безжизненным. Казалось, все в нем стало деревянным, как если бы он был гигантской деревянной машиной со скрипучими деревянными колесами, деревянными мыслями, деревянным настроением и деревянными ощущениями. Все было страшно медленным, все едва двигалось или двигалось с

тоскливым деревянным скрипом. Все было мертвым, бездушным, бесчувственным.

Они были ужасны, эти минуты пробуждения в нереальном мире после пребывания в мире реальном, в мертвом мире после живого, в мире ограниченном, рассеченном на куски, после мира целостного и бесконечного.

Итак, благодаря своим экспериментам я не открыл каких-либо новых фактов, зато приобрел новые мысли. Когда я обнаружил, что я так и не достиг своей первоначальной цели, т.е. объективной магии, я начал думать, что искусственное создание мистических состояний могло бы стать началом нового метода в психологии. Эта цель была бы мною постигнута, если бы я умел изменять состояние своего сознания, полностью сохраняя при этом способность к наблюдению. Но как раз это оказалось совершенно невозможным. Состояния сознания менялись, но я не мог контролировать эту переменную, никогда не мог сказать наверняка, каков будет результат эксперимента, не всегда даже был в состоянии наблюдать, т. к. идеи следовали одна за другой и исчезали слишком быстро. Пришлось признать, что, несмотря на открытые новые возможности, мои эксперименты не давали материала для точных выводов. Главный вопрос о взаимоотношениях субъективной и объективной магии и об их отношении к мистике остался без ответа.

Но после этих экспериментов я стал по-новому смотреть на многие вещи. Я понял, что философские и метафизические системы, совершенно разные по своему содержанию, на самом деле могли быть попытками выразить именно то, что мне довелось узнать и что я пытался описать. Я понял, что за многими научными дисциплинами о мире и человеке, возможно, скрываются опыты и ощущения, сходные с моими, даже идентичные им. Я понял, что в течение сотен и тысяч лет мысль человека все время кружила вокруг чего-то такого, что ей никак не удавалось выразить.

Во всяком случае, мои эксперименты с неоспоримой ясностью установили для меня возможность соприкосновения с реальным миром, пребывающим по ту сторону колеблющегося миража видимого мира. Я понял, что познать этот реальный мир можно; но во время экспериментов мне стало ясно, что для этого необходим иной подход, иная подготовка. Сопоставив все, что я читал и слышал об этом, я не

мог не увидеть, что многие до меня пришли к тем же результатам; и весьма вероятно, что многие пошли значительно дальше меня. Но все они неизбежно встречались с теми же самыми трудностями, а именно, с невозможностью передать впечатления от живого мира на мертвом языке. Так было со всеми, кроме тех, кому известен другой подход. И я пришел к выводу, что без их помощи сделать что-либо невозможно...

ТАЙНА КОЛДОВСКОЙ СИЛЫ

Голландский психиатр Ван Хевен рассказывает о ситуации, которую он наблюдал в Новой Гвинее (бывшая колония Голландии). Молодой папуас оскорбил колдуна. Последний на пути своего обидчика положил "бифиет" ("заговоренный предмет"). Перешагнув через него и узнав от соплеменников, что он заговорен, молодой человек впал в болезненное состояние (перестал общаться с окружающими, чемлибо интересоваться) и через два дня умер. (По материалам В. Лебедева, И. Черняка и др. (Прим. авт.))

...В негритянских племенах есть такие колдуны, которые, чтобы извести со света человека, вырезают из дерева его фигурку. Затем ежедневно загоняют в нее по маленькому гвоздику. И вот человек каждый день испытывает боль в том месте, куда вбивается гвоздик.

В тот день, когда колдун забивает гвоздь в сердце фигурки, человек умирает...

Колдун, несомненно, позаботится о том, чтобы его жертве сообщили, в какое место и когда будет вбит в его "двойника" гвоздь. Сила внушения и целый ряд других обстоятельств сыграют свою роль.

Известно, что в XIX веке некоторые суеверные польские крестьянки погибали от панического ужаса перед "завиткой" узлом, обнаруженным на растущих злаках.

Одна женщина украла у своей соседки несколько кусков льняного полотна. Та сделала на поле украдкой "завитку", желая ей смерти. Когда виновница заметила, что "завитка" находится у нее в хлебе, она побледнела, в голове ее зашумело, и она едва добралась до дома. Через три дня она умерла...

В 1957 году английский врач Фрэнсис Кенс сделал доклад в Королевском обществе в Лондоне (английская Академия наук) о нескольких случаях смерти негритянков, которых якобы околдовали.

Как видим, в приведенных примерах нет прямого воздействия колдунов на человека. "Черная магия" здесь реализуется опосредованно.

Однако люди могут умереть не только в результате направленных действий колдуна, но и при нарушении табу.

Английский этнограф П. Фрэзер в своей работе "Золотая ветвь", посвященной магии и религии, рассказывает, что вождь племени Казембе, которое существовало на территории Анголы, казался своим подчиненным столь священным, что никто без особых ритуалов не мог дотронуться до него, чтобы его насмерть не поразила магическая сила. Вожди, о которых идет речь, совмещали функции колдунов или просто были ими. Это табу распространялось также и на королей.

На островах Тонга бытовало верование, что если кто-либо прикоснется к вещам верховного вождя, а затем, без очистительного обряда, к своей пище, то обязательно умрет. Один из вождей племени в Новой Зеландии оставил на краю дороги остатки своей трапезы.

Проходивший мимо туземец съел эти остатки. Но не успел он покончить с едой, как ему с ужасом сообщили, что съеденная им пища принадлежит вождю.

"Я хорошо знал несчастного преступника, рассказывал Европе путешественник. Это был человек замечательный, мужественный, покрывший себя славой в межплеменных войнах. Но как только роковая весть достигла его ушей, у него начались исключительной силы судороги и спазмы в животе, которые не прекращались до самой смерти, последовавшей на закате того же дня".

"Однажды, пишет Фрэзер, причиной смерти нескольких людей явилось огниво вождя, которое тот потерял. Найдя его, несколько мужчин зажгли с его помощью свои трубки, а узнав, кому оно принадлежало, умерли от ужаса".

Всемирно известный врач А. Швейцер рассказал о молодом здоровом африканце, который умер в госпитале от паралича дыхания после того, как он случайно, садясь в пирогу, раздавил паука, считавшегося тотемным животным его племени.

Во многих источниках случаи смерти при опосредованном воздействии колдунов и нарушениях табу объясняются суеверным страхом. Исследования этнографов показывают, что люди постоянно испытывают чувство страха перед духами, колдунами, природными стихиями.

Точка зрения, что люди в вышеприведенных наблюдениях умирают от страха, казалось бы, нашла свое подтверждение в наблюдениях за потерпевшими кораблекрушение.

В 1912 году ушел в свое первое и последнее плавание суперлайнер "Титаник" с тремя тысячами пассажиров на борту. Столкнувшись с айсбергом, "Титаник" начал тонуть.

Первые суда подошли к месту катастрофы через три часа после того как лайнер исчез под водой. Поразило то, что в спасательных шлюпках уже было много умерших и сошедших с ума.

Французский врач А. Бомбар считает, что, когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с кораблем идет ко дну весь мир, уже уходит все его мужество и весь его разум. И даже если он найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что больше не жив.

Окутанный ночной тьмой, влекомый течениями и ветром, трепещущий перед бездной, боящийся и шума, и тишины, он за какие-нибудь три дня окончательно превращается в мертвеца.

"Жертвы легендарных кораблекрушений, пишет он, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек" вы умерли от страха..."

Об одном из самых популярных колдовских рецептов на острове Ява удалось узнать в Индонезии. Рецепт замысловат и требует обязательного наличия только что родившегося ребенка.

В дом родителей новорожденного приходит шаман, тщательно собирает с ладошек дитяти капельки пота, прихватывает отвалившуюся пуповину и немного первого испражнения младенца (естественным выделениям человека индонезийцы вообще приписывают чудодейственные свойства). Плюс немножко волос с головы родившегося. Все это перемешивается, разбавляется травкой с непереводаемым названием и какое-то время выдерживается, после чего хранится как целебное средство.

Когда захворавший житель деревни обращается к колдуну, тот произносит над ним никому более не известное заклинание, в ходе которого духам покровителям больного якобы передается большое количество энергии знахаря. После этого нуждающийся получает дозу снадобья, на которое колдун должен предварительно плюнуть. Если после лечения бедолага выживает (а такое, как ни странно, бывает нередко вероятно, большую роль играет самовнушение, индонезийцы в подобное исцеление свято верят), честь и хвала колдуну.

Если же нет значит, болезнь была неизлечимой.

По словам специалистов, и по сей день колдуны, а также знатоки черной и белой магии, способные управлять потусторонними силами, на ряде островов пользуются уважением, а многие их откровенно побаиваются. Как считают индонезийцы, эти люди заклинаниями могут не только вылечить, но и навлечь злых духов, навести порчу на ребенка. Так что лучше понапрасну их не гневить...

АФРИКАНСКАЯ МАГИЯ

Африканская магия это искусство, в основе которого лежат на родные традиции и верования.

Например, азанде верят, что некоторые люди являются колдунами и способны причинять вред благодаря некой присущей им способности. Колдун не совершает ритуальных действий, не издает звуков и не обладает медицинскими познаниями. Акт колдовства является психическим. Они убеждены также, что колдуны способны причинить им боль, совершая вредоносные магические действия. Для защиты от первого и второго азанде обращаются к предсказателям, оракулам и знахарям. Предметом настоящей книги и будут отношения между этими убеждениями и ритуалами. (По материалам Э. Эванса и др. (Прим. авт.))

Я начинаю с описания колдовства, потому что оно представляет собой неперемнную основу всех других верований. Когда азанде обращаются к оракулам, они спрашивают их главным образом о колдунах. Когда они обращаются к прорицателям, то делают это с той же самой целью. Их родственные замкнутые объединения противостоят тому же врагу.

У меня не было трудностей ни в определении того, что думают азанде о колдовстве, ни в наблюдениях за борьбой с ним. Эти мысли и действия лежат на поверхности их жизни и доступны каждому, кто хотя бы несколько недель поживет в их селениях. Любой член племени является знатоком колдовства. Нет необходимости обращаться к специалистам. Не нужно даже расспрашивать азанде об этом, достаточно просто наблюдать и слушать, чтобы получить информацию из повседневных ситуаций их жизни. Мангу, колдовство, вот одно из первых слов, которое я услышал в стране азанде, и слышал его ежедневно в течение многих месяцев.

Азанде верят в то, что колдовство представляет собой некоторую субстанцию, находящуюся в теле колдуна, и эта вера распространена среди многих народов Центральной и Западной Африки. Страна азанде находится на северо-восточной границе зоны распространения этих представлений. Однако трудно сказать, с каким именно органом азанде

связывают колдовство. Я никогда не видел человеческую колдовскую субстанцию, но мне описывали ее как овальную черноватую опухоль или мешок, в котором иногда находятся различные маленькие предметы. Говоря о ее виде, азанде часто указывают на локоть согнутой руки, а описывая ее местоположение, показывают на нижнюю часть мечевидного хряща, который, как считают, "покрывает колдовскую субстанцию". Азанде говорят: "Она прикреплена к краю печени. Если человеку разрезать живот и проткнуть ее, она лопается с громким шумом".

Я слышал, как некоторые говорили, будто она красноватого цвета и содержит в себе семена тыквы, кунжута и других съедобных растений, похищенных колдуном с огородов его соседей. Азанде знают, где расположена колдовская субстанция, поскольку иногда находили ее при вскрытии трупов. Я думаю, это была тонкая кишка, извлекаемая в определененный период пищеварения. Именно этот орган подразумевается в описаниях вскрытия азанде, и он был показан мне на животе одной из моих коз. Если при вскрытии по обе стороны мечевидного хряща сделать два горизонтальных разреза, то колдовская субстанция либо тот час же исчезает, либо потом обнаруживается в кишках.

Это понимание не подтверждает мнения моего друга ГайераАндерсона относительно того, что "наличие червеобразного отростка можно считать симптоматичным признаком" колдовства. С другой стороны, оно согласуется с утверждением мра Лагае, что колдовская субстанция заключена в органе, имеющем величину в несколько сантиметров и расположенном рядом с печенью или желчным пузырем. По мнению де КалоннБьюфайкта, она может находиться в увеличенном желчном пузыре, а Хатереу говорит, что "она располагается вблизи желудка в самом начале кишечника, хотя, добавляет он, азанде именуют мангу вообще любую деформацию органов, особенно деформацию желудка. Майор Ларкен пишет: "Если человек колдун, то в его животе можно найти круглый волосатый шар, который иногда обладает зубами и выглядит весьма страшно". Майор Брок сообщает, что, согласно описаниям азанде, колдовская субстанция "подобна пасти с огромными острыми зубами", и предполагает, что колдун может "страдать от аппендицита и внутреннего воспалительного процесса".

У колдуна нет какихлибо внешних отличительных признаков, однако люди азанде говорят: "Колдуна можно узнать по его красным глазам. Когда видят такого человека, то называют его колдуном, и это относится также к женщинам с красными глазами. Но бывает и так: если они спрашивают знахаря относительно некоторого человека, и знахарь говорит им, что этот человек колдун, то родственники больного дают ему птичье крыло, чтобы он с помощью этого крыла сбрызнул больного. Этот человек считается колдуном".

Говорят также, что если из тела умершего человека еще до его похорон начинают выползать личинки, то это свидетельствует о том, что умерший был колдуном.

Колдовство не только имеет физический признак, оно также передается по наследству. Оно наследуется по прямой линии от родителей к детям. Сыновья колдунамужчины все будут колдунами, но его дочери не будут колдуньями, в то же время дочери женщиныколдуньи будут колдуньями, а сыновья нет. Мр Лагае цитирует следующие высказывания азанде: "Если у человека в животе имеется колдовская субстанция и он рождает мальчика, то у этого мальчика также будет колдовская субстанция, т. к. его отец был колдуном. Точно так же и с женщинами. Если у женщины в животе имеется колдовская субстанция и она рождает ребенка женского пола, то эта девочка также будет наделена колдовской субстанцией, т. к. ее мать была колдуньей. Таким образом, если человек родился без колдовской субстанции, то эта субстанция не может проникнуть в него".

Убеждение в биологической передаче способности к колдовству от одного из родителей ко всем детям одного с ним пола является составной частью воззрений азанде относительно процессов зачатия и их эсхатологических верований. Считается, что зачатие происходит благо даря гармонии физических свойств мужчины и женщины. Если душа мужчины сильнее, родится мальчик; если сильнее душа женщины, ро дится девочка. Таким образом, ребенок наследует физические качества обоих родителей, однако девочка в большей мере наследует душу матери, а мальчик душу отца. Тем не менее в определенных отношениях ребенок наследует черты только одного из родителей в соответствии со своим полом. Это относится к наследованию половых особенностей, телесной души и колдовской субстанции. Существует некоторое не определенное убеждение,

которое едва ли можно представить в виде последовательного учения, что у человека имеются две души телесная и психическая. В момент смерти телесная душа становится тотемным жи вотным рода, а психическая духом и ведет призрачное существова ние у истоков рек. Многие утверждают, что телесная душа мужчины превращается в тотемное животное отцовского рода, а телесная душа женщины в тотемное животное материнского рода.

На первый взгляд может показаться странным признание наследо вания по материнской линии в обществе с жестким патриархатом, но ведь колдовская субстанция, как и телесная душа, является частью тела и может передаваться по наследству вместе с мужскими или женскими особенностями отца или матери.

Для нас кажется очевидным, что если некий мужчина колдун, то все члены его рода являются ipsofacto колдунами, поскольку у азанде род состоит из группы лиц, биологически связанных по мужской линии,. Азанде понимают смысл этого аргумента, но не согласны с его заклю чением, ибо это сделало бы противоречивым все их представления о колдовстве. На практике они признают колдунами только ближайших родственников колдуна по отцовской линии. Лишь в теории они рас пространяют подозрение в колдовстве на всех родственников колдуна. В глазах всего мира получение вознаграждения за убийство с помощью колдовства делает колдунами весь род виновного в этом человека. Од нако если после его смерти выясняется, что в его теле нет колдовской субстанции, то весь род освобождается от подозрений. Здесь мы вновь рассуждаем следующим образом: если после смерти человека в его теле не найдено колдовской субстанции, то ее нет и во всех членах его рода. Однако азанде не принимают этого мнения.

Дальнейшая разработка своих верований позволяет азанде не признавать того, что представляется нам логическим следствием веры в биологическую передачу способности к колдовству. Если безуслов но доказано, что некоторый человек колдун, то его родственники для обоснования своей добропорядочности могут воспользоваться тем самым биологическим принципом, который ставит их под подо зрение. Они соглашаются признать этого человека колдуном, но отри цают, что он принадлежит к их роду. Они скажут, что он был незакон норожденным, поскольку у азанде человек всегда принадлежит к роду

своего родителя, а не отца. Я уже говорил, что они могут заставить его мать, если она еще жива, сказать, кто был ее любовником, и избить ее, восклицая при этом: "Зачем ты получила колдовство, изменяя мужу?" Чаще же они просто провозглашают, что колдун должен быть незаконнорожденным, т. к. в их телах нет колдовства, поэтому он не может быть их родственником. Они могут подкрепить такое заявление ссылкой на случаи, когда при вскрытии тел их умерших родственников не было обнаружено колдовской субстанции. Другие вряд ли согласятся с таким доводом, но их никто и не спрашивает. Верования азанде включают в себя также представление о Том, что даже если человек является сыном колдуна и несет в себе колдовскую субстанцию, он может не пользоваться ею. В течение всей его жизни она может оставаться недействующей, "холодной", как выражаются азанде, и человека вряд ли можно считать колдуном, если его колдовская сила никогда не функционировала. Поэтому перед лицом этого факта азанде склонны рассматривать колдовство как индивидуальную особенность, несмотря на то, что она связана с кровным родством. В то же время во времена царствования короля Гбудве два рода абакунде и авундуа пользовались репутацией колдунов. В области правителя Гангуры эту репутацию приписывали родам абока и абанзума. Однако никто не думает чего-либо плохого о человеке, который принадлежит к одному из этих родов.

Азанде воспринимают противоречие не так, как мы, поскольку у них отсутствует теоретический интерес к предмету, и те ситуации, когда им приходится выражать свои верования относительно колдовства, не ставят перед ними проблем. Человек никогда не спрашивает оракула, который один лишь способен распознать наличие колдовской субстанции в живых людях, является ли колдуном определенный человек. Он спрашивает только, не колдует ли против него этот человек в данный момент. Вообще стараются узнать, не колдует ли кто-то в данных конкретных обстоятельствах, совершенно не интересуясь вопросом о том, не рожден ли колдуном данный человек. Если оракул говорит, что некий человек в данный момент наводит на вас порчу, то тогда вы узнаете, что он колдун; если же оракул говорит, что в данный момент он вам ничем не вредит, то вы не узнаете, колдун он или нет, и не интересуетесь этим вопросом. Даже если он колдун, вам это безразлично, поскольку не вы его жертва.

Колдовство интересует представителя племени азанде лишь как элемент конкретных обстоятельств и в связи с его собственными заботами, а не как устойчивая особенность некоторых людей. Когда он заболевает, то обычно не рассуждает таким образом: "Сначала посмотри, кто из известных колдунов живет поблизости, а затем назовем их имена оракулу". Он не рассматривает вопрос с такой точки зрения, а задумывается над тем, кто из его соседей испытывает к нему недобрые чувства, и стремится узнать у оракула, не колдует ли кто-нибудь из них против него в данный момент. Интерес азанде сосредоточен исключительно на проявлениях колдовства в конкретных ситуациях.

Небольшие несчастья быстро забываются, и на тех, кто их причинил, пострадавший и его сородичи смотрят как на людей, которые прибежали к колдовству в данном конкретном случае, но не считают их колдунами. Только те лица, на которых оракул постоянно указывает как на ответственных за болезни и утраты, считаются несомненными колдунами, а в прежнее время колдун становился особо отмеченным членом сообщества, только если он кого-нибудь убивал...

Смерть обусловлена колдовством и должна быть отомщена. Все другие действия, связанные с колдовством, сконцентрированы в акте мщения. В данном случае достаточно указать на то, что до прихода европейцев месть осуществлялась незамедлительно либо посредством убийства колдуна и выплаты возмещения, либо посредством смертоносной магии. Колдунов убивали довольно редко, ибо король давал разрешение наказать колдуна только в том случае, если он совершал второе или третье убийство, либо убивал знатную персону. Под властью Британии сохранился лишь магический метод.

По-видимому, месть в меньшей степени является результатом страха и ненависти, чем выполнением религиозного долга и источником дохода. Я никогда не слышал, чтобы в наши дни родственники умершего человека, требующие мести, выказывали какие-либо враждебные чувства по отношению к семье человека, которого должна была поразить их магия, или чтобы в прошлом когда-либо существовала длительная вражда между родом умершего и родом колдуна, который должен был выплатить компенсацию за убийство. Сегодня, если человек погубит кого-либо с помощью колдовства, ответственность за преступление возлагается на него одного, а не на

его род. В прошлом родственники помогали ему уплатить компенсацию, но делали это не в силу коллективной ответственности за преступление, а в силу социальных обязательств по отношению к родственнику. Его родственники со стороны жены и кровные братья также принимают участие в уплате компенсации. Как только магия поражает колдуна или, если речь идет о прошлом, как только его убивают или получают компенсацию, инцидент исчерпан. Кроме того, столкновение между родом умершего и родом /колдуна не касается других людей. Они сохраняют социальные связи с обоими родами.

Сегодня чрезвычайно трудно получить какуюлибо информацию о жертвах магии мщения. Сами азанде ничего о них не знают, если только они не являются ближайшими родственниками убитого человека. Просто однажды замечают, что его родственники перестали соблюдать траурные предписания, и благодаря этому узнают, что их магические действия привели к желаемому результату, однако бесполезно расспрашивать их, кто же был жертвой этих действий, т. к. они вам этого не скажут. Это их частное дело, хранимое в тайне родственниками и королем, который должен получить сведения о действиях их магических процедур, поскольку необходимо, чтобы его оракул подтвердил утверждение их оракула, прежде чем им разрешат прекратить траур. Кроме того, здесь речь идет о приговоре оракула, а по таким вопросам его откровений раскрывать нельзя. Если бы посторонним людям стали известны имена тех, кто пал жертвой магии мщения, вся процедура мести оказалась бы бесполезной. Здесь можно заметить, хотя ниже это будет понятнее, что если ста нет известно, что за смерть X мщение настигло колдуна Y, то вся процедура становится абсурдной, т. к. за смерть Y его родственники должны мстить колдуну Z. В самом деле, некоторые представители племени азанде излагали мне свои сомнения относительно честности короля, контролирующего оракулов, а некоторые из них даже замечали, что существующая система ошибочна. Во всяком случае, ее ошибочность остается скрытой, поскольку все хранят молчание о жертвах магии мщения. В прошлом было иначе, ибо человек, обвиненный королевским оракулом в убийстве посредством колдовства, либо сразу же выплачивает компенсацию, либо его убивали. В обоих случаях дело считалось законченным, поскольку человек, уплативший компенсацию, не мог доказать, что он не колдун, а если его убивали по приказу короля, то за его

смерть нельзя было мстить. Не разрешалось проводить вскрытие его тела для обнаружения колдовской субстанции.

Когда я просил азанде обосновать их систему мести, они обычно отвечали, что король, оракул которого объявляет, что У умер от магии родственников Х, не назовет имени Z до тех пор, пока его оракул не обнаружит, умер ли он от магии родственников Y. Когда родственники Y просят короля назвать имя Z до того, как высказался оракул, он откажется сделать это и скажет им, что, насколько ему известно, К умер во искупление преступления, поэтому мстить за его смерть не нужно. Некоторые азанде, разъясняя существующую систему, говорили, что в умерщвлении, возможно, участвуют и колдовство, и магия мести. Ма 38 гия мести отчасти объясняет окончание траура одной семьи, а колдовство отчасти объясняет объявление мести другой семье, т.е. они пытаются объяснить противоречие в своих верованиях мистическим языком самих верований. Однако я вынужден был довольствоваться таким объяснением, выражающим общую теоретическую возможность ответить на мои возражения. Поскольку имена жертв мести сохраняются в тайне, противоречие остается скрытым, оно могло бы обнаружиться только в том случае, если бы можно было принять во внимание все случаи смерти, а не тот или иной из них. Поэтому до тех пор, пока азанде способны подтвердить обычай и поддержать семейную честь, они не испытывают интереса к более широким аспектам мести. Они понимают мои возражения, но эти возражения несколько не беспокоят их.

Азанде не обсуждают между собой проблем колдовства и не объединяют своих знаний о мести. Поэтому у них так мало обобщений по поводу колдовства, что они очень редко способны сказать, какие роды среди их соседей были колдунами.

Вожди должны осознавать данное противоречие, поскольку им известна причина каждой смерти на их территории. Когда я спрашивал вождя Гангуру, почему смерть некоторого человека он приписывает одновременно и действию магии мщения, и действию колдовства, он улыбался и признавал, что не все хорошо в существующей системе. Некоторые вожди говорили мне, что они не разрешают мстить за смерть человека, если им известно, что он умер от магии мщения, однако мне кажется, что они говорили не правду. Этого нельзя узнать достоверно, т.к. даже если вождь сказал родственникам умершего человека, что он

умер от магии мщения и за него нельзя мстить, то он сделал бы это тайно, и они сохранили бы эту тайну. Они заявили бы своим соседям, что будут мстить за смерть своего родственника, а через несколько месяцев сняли бы траур в знак того, что месть совершилась, поскольку они не хотят, чтобы стало известно, что их родственник был колдуном.

Следовательно, если родственники А мстят за его смерть, совершая магические обряды против В, а затем узнают, что родственники В сняли траур в знак того, что им также удалось отомстить, то они считают, что эта вторая месть была обманом. Так они избегают противоречия...

Азанде часто говорят об аборо кикпа (людях желчного пузыря), и хотя эта органическая особенность аналогична колдовству, их следует различать. Считается, что у некоторых людей желчный пузырь чрезвычайно велик, что служит причиной заметных психологических особенностей. В эту категорию попадают злобные, обидчивые, раздражительные люди. Они "размышляют" и неохотно идут на примирение, не желая простить тех, кто их задел. Например, когда вы приходите на общее собрание и все встречают вас приветственными возгласами, а кто-то лишь взглянет на вас и ничего не скажет, вы приписываете его грубость желчному пузырю и ищете повод высказать ему свое недовольство. Некоторые считают, что люди желчного пузыря способны причинить мелкие неприятности, скажем, сделать так, что вы ушибете палец о пень, уколетесь о колючку или временно потеряете расположение двора: "При дворе обходятся с вами сурово, т. к. вы потеряли расположение вождя. Вы разговариваете с вождем, но не видите одобрения в его глазах". Когда человек высказывает злобу по отношению к вам, то лишь последующие события могут ответить на вопрос, кто он человек желчного пузыря или колдун. Если у вас произойдут серьезные неприятности, то вы тотчас же заподозрите колдовство, но если все ограничивается мелкими неудачами, вы подумаете, что это был человек желчного пузыря.

Азанде обычно говорили мне, что каждый является человеком желчного пузыря в том смысле, что каждый имеет желчный пузырь, однако у некоторых людей он развит в большей степени, чем у многих других. Показывая такого человека, они советуют избегать его. Поведение людей желчного пузыря по отношению к соседям можно сравнить с поведением человека, которого мы называем "гулякой".

Люди желчного пузыря совершенно отличны от колдунов. Никто особенно не задумывается о дурной натуре людей желчного пузыря. Их могут избегать, однако не боятся, что такой человек причинит кому-то вред, если он одновременно не является колдуном. Если же такой человек колдун, то его порочная натура способна вызвать любое несчастье, даже смерть. Недоброжелательство не вызывает беспокойства, если за ним не кроется колдовство, а если в человеке, который явно выразил к вам свою неприязнь, вы подозреваете колдуна, то вы можете обратиться к оракулу с вопросом, не пытается ли он причинить вам вред с помощью колдовства. Иногда оракул отвечает, что данный человек не колдует против вас, и специально добавляет, что он человек желчного пузыря. Оракул делает вид, будто он убивает птицу, это указывает на колдовство, а затем оставляет ее живой. Человек желчного пузыря и колдун проявляют одни и те же особенности, но только колдун способен вызвать серьезные неприятности...

Будучи частью тела, колдовская субстанция растет вместе с телом. Старый колдун обладает более мощной способностью к колдовству и более неразборчиво ею пользуется. Поэтому азане часто опасаются старых людей. Колдовская субстанция в ребенке настолько мала, что она способна принести людям лишь небольшой вред. Поэтому ребенка никогда не обвиняют в убийстве, и даже больших мальчиков и девочек не подозревают в серьезном колдовстве, хотя они способны причинять мелкие неприятности детям своего возраста. Ниже мы увидим, каким образом действует колдовство, когда между колдуном и его жертвой имеются враждебные отношения, но едва ли враждебные чувства часто возникают между детьми и взрослыми. Только взрослые могут обращаться за консультацией к оракулу, который обычно не указывает на детей, когда его спрашивают относительно колдовства. Дети не могут выражать свою вражду или мелкие неприятности в терминах откровений оракула относительно колдовства, т. к. лишены возможности обращаться к оракулу.

Тем не менее известны случаи, когда оракул, перебрав всех подозреваемых взрослых, вдруг называл имя ребенка и объявлял его колдуном. Однако мне говорили, что в таких случаях старые люди считают, что произошла ошибка. Они рассуждают так: "Чтобы защитить себя, колдун подставил вместо себя ребенка".

Дети рано узнают о колдовстве, и я обнаружил, что уже шестилетние мальчики и девочки понимают разговоры старших на эту тему. Мне говорили, что во время ссоры один ребенок может указать на плохую репутацию отца своего сверстника и сказать: "Кид ха! Когда ты спо ришь со мной, твои глаза делаются похожими на глаза твоего отца. Все 40 вы нехорошие колдуны, поэтому не ссорься со мной и не колдуй, что бы я не умер!"

Однако природу колдовства люди вполне понимают лишь после того как им приходится обращаться к оракулу, действовать в неблагоприятных обстоятельствах в соответствии с его ответами и осуществлять магические обряды. Понимание растет вместе с социальным опытом каждого отдельного индивида. Колдунами в равной мере могут быть мужчины и женщины. Муж чина может быть околдован другим мужчиной или женщиной, но на женщин обычно действует колдовство только женщин. Больной муж чина обычно спрашивает оракула о своих соседях мужского пола, но если он консультируется по поводу больной жены или родственницы, он спрашивает о других женщинах. Это объясняется тем, что враждебные чувства гораздо чаще вспыхивают между двумя мужчинами или двумя женщинами, нежели между мужчиной и женщиной. Мужчина общается только со своими женами или родственницами, поэтому у него почти нет возможностей навлечь на себя гнев другой женщины. В самом деле, было бы подозрительно, если бы он спрашивал оракула о жене другого мужчины по поводу самого себя. Муж этой женщины мог бы подумать о супружеской неверности. Его удивило бы, что между его женой и ее обвинителем был контакт, который привел к ссоре. Однако мужчины часто консультируются у оракула относительно своих жен, поскольку не сомневаются в том, что порой вызывают их раздражение и даже ненависть. Однако я никогда не слышал о том, чтобы муж обвинял в колдовстве свою жену. Азанде говорят, что ни один мужчина не будет этого делать, поскольку никто не хочет, чтобы его жену убили или причинили ей вред. От этого больше всех потеряет он сам. Куагбиару говорил мне, что он никогда не слышал о человеке, который получил бы компенсацию за смерть своей жены. Другая причина, объясняющая, почему никто никогда не слышал о том, что мужу преподнесли птичьи крылья в знак обвинения его в колдовстве против своих жен, заключается в том, что сама женщина не может обращаться

к оракулу и обычно поручает это своему мужу. Она может попросить его брата обратиться к оракулу от ее имени, однако имя мужа не может быть названо, ибо ни один муж не может желать смерти своей жены.

Я никогда не слышал о случаях, в которых мужчина был бы околдован своей родственницей или женщина была околдована родственником. Более того, мне рассказывали только об одном случае, когда человек был околдован родственником. Родственник может причинить человеку зло иным способом, но он никогда не будет колдовать против него. Ясно, что заболевший человек не будет спрашивать оракула о своих братьях и сестрах по отцовской линии, ибо, если оракул скажет, что кто-то из них заколдовал его, то это означало бы, что он сам колдун, ибо колдовство наследуется по мужской линии.

Членов королевского рода авонгара нельзя обвинить в колдовстве, т. к., если бы какой-нибудь человек сказал, будто оракул открыл ему, что он заколдован сыном короля, то получилось бы, что король и его сыновья колдуны. Однако какое бы отвращение ни питал король к членам своего рода, он никогда не позволит простому человеку возводить на них хулу. Поэтому, хотя частным образом азанде признают, что некоторые члены правящего рода могут быть колдунами, они редко спрашивают о них оракулов, поэтому их и не обвиняют в колдовстве. В прошлом они вообще никогда не спрашивали о них оракулов. Существует устойчивое убеждение о том, что авонгара не являются колдунами, и оно поддерживается непререкаемой властью и престижем правящих вождей.

Правители областей, представители округов, придворные, командиры военных подразделений и другие высокопоставленные или богатые люди почти никогда не обвиняются в колдовстве, если только сам вождь не сделает этого по собственному желанию или в силу смерти равного по положению человека. Простые люди вообще не отваживаются спрашивать оракула о влиятельных лицах, т.к. их жизнь стала бы невыносимой, если бы они нанесли обиду важному соседу. Поэтому Баге, глава совета в том селении, где я жил, мог говорить мне, что ни разу за всю свою жизнь не был обвинен в колдовстве, и мог бы представить целую толпу людей, готовых подтвердить, что этого никогда не было. Богатые и власть имущие, как правило, не подлежат обвинениям в колдовстве, поскольку никто не называет оракулу их имена, следовательно, оракул никогда не вынесет приговор против них. Только в том

случае, когда оракул часто слышит какое-то имя, он рано или поздно убьет птицу при звуках этого имени. Таким образом, можно сказать, что в сообществе азанде группа колдунов включает в себя мужчин и женщин класса простолюдинов, в то время как люди знатные совершенно, а обладающие властью в значительной степени свободны от обвинений в колдовстве. Все дети обычно также свободны от подозрений.

Отношение правящих вождей к колдовству отличается некоторыми особенностями. Хотя сами они свободны от подозрений, они также твердо верят в колдунов, как и другие люди, и постоянно обращаются к оракулу с тем, чтобы найти, кто колдует против них. С особым интересом они расспрашивают оракула о своих женах. Оракул вождя считается также высшим авторитетом, который выносит приговор по всем случаям колдовства, включая убийство, а в прошлом он также защищал во время войны своих людей от колдовства. Когда умирает не очень знатный человек, его смерть приписывается колдуну и за нее мстят точно так же, как за смерть обычного человека, однако за смерть короля или правящего принца так не мстят и вообще приписывают ее чарам или котам...

Хотя само колдовство часть человеческого организма, его действие является психическим. То, что азанде называют мбасимо мангу (душа колдовства), есть понятие, перебрасывающее мост между личностью колдуна и личностью его жертвы. Необходимы некоторые объяснения для понимания того факта, что колдун находился в своей хижине в тот момент, когда, по предположению, причинял комуто вред. Душа колдуна может покинуть свою телесную оболочку в любое время дня и ночи, однако азанде считают, что колдун посылает свою душу на задание ночью, когда его жертва спит. Она плавно плывет по воздуху, излучая яркий свет. При дневном освещении увидеть этот свет может только колдун или знахарь, приступающий к лечению, однако в ночное время этот свет может наблюдать каждый человек.

Азанде утверждают, что свет души колдуна похож на свечение, излучаемое светлячком, но гораздо более сильное и яркое. Сами жуки-светлячки никак не связываются с колдовством. Мр Лагае приводит следующий текст азанде: "Те, кто видел, как двигалось ночью колдовство, чтобы причинить комуто вред, говорят, что во Время движения колдовство блестит, как пламя. Оно сверкнет

ненадолго, а затем гаснет". Азанде говорят, что колдовство можно увидеть, когда оно отдыхает на ветвях деревьев, ибо "колдовство подобно огню, оно излучает свет". Бели человек видит свет колдовства, он подбирает кусок древесного угля и кладет его под свою постель, чтобы его не постигло какоени будь несчастье.

Я лишь однажды видел колдовство во время его движения. Как-то я допоздна засиделся в своей хижине, делая записи. Около полуночи я закончил работу и, прежде чем ложиться спать, взял копье и отправился на обычную ночную прогулку. Я прогуливался среди банановых деревьев в саду, расположенном позади моего дома, когда заметил яркий свет, исходящий от задней стороны хижины моего слуги по направлению к участку человека, которого звали Тупой. Мне показалось это интересным, и я направился в том направлении, пока не дошел до высокой травы, заслонившей от меня свет. Тогда я быстро обошел свою хижину, чтобы увидеть, куда делся свет, но больше не увидел его. Мне было известно, что только у одного человека, члена моей семьи, была лампа, способная дать такой луч света. Однако на следующее утро он сказал мне, что лег спать рано и не включал лампу. Не было недостатка в людях, готовых разъяснить мне, что я был свидетелем колдовства. Вскоре после этого, в то же самое утро относительно пожилой Тупой и еще один обитатель его жилища умерли. Это событие полностью объяснило, какой свет я видел. Я так и не обнаружил его подлинного источника, которым вполне мог быть пучок травы, кем-то подожженный для освещения, однако совпадение направления движения света и последующей смерти вполне соответствовало идеям азанде. Этот свет не сам колдун, подкрадывающийся к своей жертве, а истечение из его тела. В этом отношении мнения азанде вполне определены. Колдун лежит на своей постели и посылает душу своего колдовства похитить психическую часть организма своей жертвы, его мбасимо пасио, душу его плоти, которую он будет пожирать вместе со своими сора́тниками-колдунами. Весь акт вампиризма является нематериальным: душа колдуна похищает душу жертвы. Я не смог получить точного объяснения того, что понимают под душой колдуна и душой некоторого органа жертвы. Азанде знают, что таким образом убивают людей, однако только сам колдун мог бы точно объяснить, что при этом происходит. Один человек описал нападение колдунов

следующим образом: "Появляются колдуны и начинают бить в свои колдовские барабаны. Эти барабаны обтянуты человеческой кожей. Кожа натянута очень туго, и барабаны звучат громко, созывая всех колдунов. Барабаны выбивают дробь: "Человечье мясо, человеческое мясо, человеческое мясо!"

Они идут колдовать против человека, который находится в плохом "состоянии". Ненавидящий его колдун вместе с компанией колдунов идет к его жилищу. Они танцуют вокруг его хижины. Колдун, который ненавидит этого человека, открывает дверь хижины, с ритуальными телодвижениями поднимает его с постели и выносит из хижины. Колдуны окружают его и мучают почти до смерти. Когда каждый колдун захватит свою долю его плоти, они поднимаются и возвращаются к месту своей встречи.

Они берут небольшой колдовской горшок и начинают варить в нем плоть этого человека. Они раскладывают кусочки мяса по краям горшка. Затем одному из их компании они приказывают толкнуть его кусок мяса так, чтобы тот упал в горшок. После этого каждый аналогичным образом бросает свою порцию в горшок. Однако тот колдун, который их всех собрал, берет свою порцию и прячет ее. Другие колдуны должны будут умереть при мщении за смерть человека, мясо которого они взяли, т. к. все они ели это мясо.

Человек заболевает, и вскоре он уже при смерти. Его родственники справляются у оракула о его состоянии, и тот открывает им имя человека, собравшего колдунов. Они обращаются к оракулу по отравлениям, и тот убивает птицу при имени этого человека. Они берут крыло птицы, дают его этому колдуну и говорят ему: "Так и так, ты убил нашего родственника". Он отвечает: "Ладно, если я убил этого человека, то он оживет от моего колдовства". Он набирает в рот воду, брызгает ею и говорит: "Я сбрызнул водой птичье крыло".

Когда становится темно, он вновь встает как колдун и как колдун (т.е. бестелесно) берет мясо этого человека и возвращает его на соответствующее место тела. Он не ел человеческого мяса в компании колдунов и обманул их, чтобы его не убили в отместку за смерть человека. Он делает это для того, чтобы вернуть мясо на место. Когда человек умрет и его родственники совершат магические обряды, магия не поразит его. Это покажет, что он не ел человеческого мяса и нужно убить других колдунов, которые ели это мясо.

Поэтому азанде говорят так: невероятно, чтобы великий колдун должен был умереть в отместку за смерть людей, поскольку во время колдовства он не ест их мяса, а прячет его. Этим объясняется его долгая жизнь, ибо если бы он съел человеческое мясо, то вскоре должен был бы умереть от магии мщения.

Азанде пользуются одним и тем же словом как для описания психических частей колдовской субстанции и других органов, так и для описания того, что мы называем человеческой душой. Все, что не воспринимается органами чувств, точно так же может быть объяснено ссылкой на существование души. Лекарства действуют благодаря своей душе. Это объяснение позволяет преодолеть разрыв, существующий между магическим ритуалом и достижением его цели. Оракул по отравлениям также обладает душой, объясняющей его способность видеть то, чего не могут видеть обычные люди.

Поэтому действие колдовства не подчиняется обычным ограничениям, справедливым для большинства объектов повседневной жизни, однако считается, что его активность до некоторой степени ограничена пространственными рамками. Колдовство не поражает человека, находящегося на далеком расстоянии, и вредит только тем, кто живет поблизости. Если человек покидает район, в котором он жил, когда подвергся колдовству, оно не преследует его. Колдовство, кроме того, нуждается в сознательном управлении. Колдун не может совершить колдовство и отправить его на поиски любой жертвы, он обязан определить его объект и задать маршрут. Поэтому больной человек часто способен избежать дальнейшего ухудшения своего состояния, скрывшись подальше в буш, в травяную хижину, не известную никому, кроме жены и детей. Колдун пошлет свое колдовство к жертве, но оно не найдет ее в доме и вернется обратно к колдуну.

С другой стороны, чтобы избежать колдовства, человек должен покинуть свой дом до рассвета, т.к. ночью колдуны спят и не заметят его бегства. Когда они поймут, что он сбежал, он будет уже недостижим для их колдовства. Однако если они заметят его уход, они могут заколдовать его, и с ним произойдет какое-либо несчастье во время путешествия или по возвращении домой. Поскольку считается, что колдовство действует только на небольшом расстоянии, постольку когда чья-то жена заболевает во время посещения дома своих родителей, то колдуна, ответственного за эту болезнь, ищут здесь же, а

не возле дома ее мужа, и если она умрет в доме своих родителей, муж может возложить ответственность на них, т.к. они не защитили ее, обратившись к оракулу по поводу ее состояния.

Чем дальше расположена хижина человека от соседей, тем больше он защищен от колдовства. Широкие пространства кустарниковых зарослей и огородов, отделяющих одну хижину азанде от другой, удивляли уже первых путешественников и ставили в тупик исследователей страны азанде. Когда азанде, населяющих англоегипетский Судан, пытались заставить жить в рамках обычного сельского поселения, они пошли на это, испытывая самые дурные предчувствия, а многие бежали в бельгийское Конго, чтобы только не жить в тесном контакте с соседями. Азанде говорят, что их нежелание жить в тесной близости с другими людьми отчасти обусловлено стремлением увеличить расстояние между их женами и возможными любовниками жен, а отчасти убеждением в том, что чем ближе к своей жертве живет колдун, тем больший вред он способен ей нанести.

Глагол "колдовать" на языке азанде звучит как *но*, однако это слово обозначает еще и "стрелять", причем имеется в виду стрельба как из лука, так и из ружья. Толчком ноги колдун-врач стреляет (*но*) кусочками кости в другого человека, находящегося на некотором расстоянии. Можно заметить аналогию между этими различными видами стрельбы и выделить их общую сущность: причинение вреда на расстоянии...

Говоря о колдунах и колдовстве, следует иметь в виду, что азанде обычно представляют себе колдовство как нечто совершенно безличное и существующее отдельно от конкретных колдунов. Когда человек говорит, что не может жить в каком-то месте из-за колдовства, то имеет в виду, что его предупредил об этом оракул. Оракул сказал ему, что, если он будет жить в этом месте, на него будут покушаться колдуны, и он понял эту опасность как общую опасность со стороны колдовства. Поэтому он всегда говорит о мангу, о колдовстве. Эта сила не существует вне индивидов, на самом деле она является их органической составной частью, но когда конкретные индивиды не указаны и не собираются выяснять, кто они такие, то колдовство мыслится как некая обобщенная сила. Следовательно, колдовство подразумевает каких-то колдунов. Когда представитель азанде говорит о каком-либо несчастье: "Это колдовство", то он подразумевает, что оно вызвано колдуном, но он не знает, каким именно. Точно так же во время магических

заклинаний он может сказать: "Пусть колдовство умрет", подразумевая при этом любые попытки заколдовать его. Понятие колдовства не есть понятие некоей безличной силы, которая сама по себе набрасывается на человека, скорее это личностная сила, обобщенная в речи, ибо если азанде не конкретизируют, они вынуждены обобщать... Колдун не убивает свою жертву сразу. Напротив, если человек вне запно заболевает, он может быть уверен, что стал жертвой волшебства, а не колдовства. Воздействие колдовства приводит к смерти постепенно, ибо смерть наступает только после того, как колдун съест всю душу жизненно важного органа. Для этого нужно время, поэтому в течение длительного периода он часто посещает больного и за каждое посещение поглощает лишь маленький кусочек души избранного органа. Если же он берет сразу большую порцию, то прячет ее в свою соломенную по стель или в дупло дерева и поедает ее маленькими кусочками. Медленно развивающееся хроническое недомогание дает пример болезни, вызванной колдовством. Может возникнуть вопрос, не считают ли азанде, что постепенное уменьшение души какого-либо органа одновременно ведет к его физическому разрушению? Иногда они, безусловно, при держиваются этого мнения. Колдуны также выстреливают некоторые объекты, называемые ахумангу (вещи колдовства), в тела тех, кому они хотят навредить. Это вызывает боль в том месте, в которое попал выстрел; призывают колдуна-врача, чтобы он извлек поражающие объекты, которые могут быть материальными вещами, червями или личинками.

Как правило, колдуны соединяются для своих вредоносных действий и последующих мерзких пиршеств. Они помогают друг другу в злодеяниях и согласуют свои гнусные схемы. У них есть особая мазь, которую они втирают в кожу, и она делает их невидимыми в ночных похождениях. Это служит подкреплением той мысли, что иногда колдун в своем телесном облике способен нападать на своих врагов. У колдунов имеются также маленькие барабаны, которыми они пользуются, когда им нужно собраться на совещание. Эти совещания проходят под председательством наиболее старых и опытных членов братства, т.к. и среди колдунов существует определенная иерархия. Нужно пройти определенный курс обучения под руководством опытного колдуна, прежде чем вас признают способным убить своего соседа. Увеличение опыта сопровождается ростом колдовской субстанции. Следует сказать

так же, что колдун не может убить человека просто по своей инициативе, он должен высказать предложение об этом на встрече коллег под председательством старшего колдуна. Вопрос тщательно обсуждается всеми собравшимися.

Рано или поздно колдун становится жертвой мщения, а если он дос таточно умен, чтобы избежать возмездия, его убивает другой колдун или чародей. Можно спросить, насколько велико различие между кол дунами, аборо мангу, и другими людьми, сшокунду? Мне никогда не приходилось слышать какоголибо утверждения на эту тему, но в ответ на прямой вопрос мне раз или два отвечали, что после смерти колдуны превращаются в злых духов {агириза). Обычные духи, аторо, являются доброжелательными существами, по крайней мере столь же доброжелательными, как отцы семейств у азанде, и когда они порой вмешиваются в жизнь, то в целом такое вмешательство оказывается благоприятным для людей. С другой стороны, агириза обнаруживают злобную нена висть по отношению к людям. Они привлекают путешественников в за росли буша, ссорят их и насылают болезни. В Судане я редко слышал об этих духах и встречал многих молодых людей, которые не верили в их существование. Однако по описаниям мра Лагае, вера в них суще ствует среди азанде, живущих в Конго, хотя он не говорит о том, что они являются умершими колдунами, и не подтверждает предположений капитана Филипса, который описал их нападения на путешественников в стране азанде, расположенной в англоегипетском Судане. Майор Ларкен говорил мне, что его наблюдения похожи на мои собственные и что в течение весьма длительного проживания в стране азанде он тоже редко слышал об этих духах. Существование колдовской субстанции в живых людях становится известным благодаря вердикту оракула, что подробно описано в части 3. После смерти она обнаруживается в процессе вскрытия брюшной поло сти, и это дает нам еще один метод установления физической основы колдовства. Я уже упоминал о том, что органом, в котором находится колдовская субстанция, является тонкая кишка. Азанде говорили мне: "Азанде думают, что колдовство находится внутри человека. Когда в прошлом они убивали человека, то разрезали ему живот, чтобы по смотреть, нет ли там колдовского вещества. Если находили в животе колдовское вещество, то говорили,

что человек был колдуном. Азанде думают, что колдовское вещество представляет собой круглую вещь, находящуюся в тонкой кишке".

Условия, при которых производилось вскрытие до прихода европейцев, неясны. По сообщению одного из моих информаторов, Гбару, вскрытия были обычными в древней культуре Мбому, а трудности появились только во время Гбудви. Возможно, это была древняя практика, которая постепенно стала исчезать по мере усиления политической власти рода авонгара, но возродилась в своем прежнем значении после нашествия европейцев. Как сообщили мне все, с кем я разговаривал, король Гбудви не поддерживал практики вскрытия. Онтози рассказал мне, что, когда один из его соседей осуществил вскрытие своего родственника, объявленного колдуном оракулом Гбудви, Гбудви заявил, что если он еще когда-нибудь увидит этого человека, то самому ему раз режет живот. По-видимому, Гбудви заметил, что эта практика противоречит закону, и постановил считать приговор своего оракула окончательным. Если его оракул объявил кого-либо виновным в убийстве по средствам колдовства, то этот человек безусловно виновен, и не нужно прибегать к проверке посредством вскрытия трупа после смерти обвиняемого. Вскрытие официально не признавалось, и человек, предпринимавший посмертную проверку лица, обвиненного оракулом Гбудви или его представителем, рисковал вызвать серьезное недовольство короля.

Однако иногда, когда колдуна наказывают без королевского вмешательства, вскрытия производятся. Иногда родственник умершего человека действует в соответствии с вердиктом своего собственного оракула и мстит колдуну, не ожидая подтверждения со стороны королевского оракула. В этом случае его действия не считаются правомерными, и если родственники жертвы мщения смогут показать, что в ее животе не было колдовской субстанции, они имеют право требовать компенсации в королевском суде от того человека, который превысил свои полномочия.

Азанде королевства Гбудви говорят, что в королевствах Вандо, Марингинду, Эзо и Тембура вскрытия проводятся гораздо чаще и их количество сильно увеличилось даже в королевстве Гбудви в период анархии, последовавшей за его смертью и завоеванием его королевства. Производилось вскрытие тех людей, которые еще при жизни заплатили компенсацию за убийство. Родственники этих людей

хотели бы возвращать уплаченную компенсацию и доказать свою собственную непричастность к колдовству. Можно было произвести вскрытие сыновей или братьев, поскольку полученные свидетельства в этих случаях эквивалентны. Ведь если человек был колдуном, то и сын его также колдун. Но когда посмертно или еще при жизни доказывается невиновность человека, возникает ненормальная правовая ситуация, ибо человек уже уплатил компенсацию за убийство. Мне неизвестно, каким образом разрешаются такие вопросы в других королевствах азанде после европейского завоевания. Во время правления Базонгода, старшего из сыновей Гбудви, оставшихся в живых ко времени его смерти, их разрешали, не обращаясь в европейские трибуналы, т. к. сыновья Гбудви считались с ними не более, чем их отец.

Онтози рассказывал мне, что уже после смерти Гбудви произошел один случай, который вызвал удивление и остался непонятным. Некий человек в государстве принца Базонгода был обвинен в убийстве посредством колдовства и уплатил компенсацию за убийство. Через некоторое время он умер, его родственники вскрыли ему живот и не обнаружили там колдовства.

С другой стороны, вскрытия людей, принадлежащих добропорядочному роду, но обвиненных в мелких колдовских действиях, не требующих платы за причиненный ущерб, могли быть довольно распространены даже до европейского завоевания и в значительной мере сохранились после него. Мекана, которому было не более тридцати лет, видел три таких вскрытия.

Человек, которого часто обвиняли в колдовстве, даже если при этом ему не приписывали убийства, почувствовал бы себя беспричинно оскорбленным. При этом и на весь его род легла бы тень подозрения. Поэтому он приказал бы своим сыновьям вскрыть его тело перед похоронами, чтобы установить, насколько были оправданы эти нападки на честь его рода. Если бы кто-то из сыновей умер раньше его, он сам совершил бы вскрытие его тела. Азанде мыслят логично, исследуют мир в рамках собственной культуры и убеждены в последовательности своих воззрений. Если колдовство представляет собой органическую субстанцию, его наличие можно установить с помощью посмертного вскрытия. Если оно наследуется, его можно обнаружить в теле любого члена рода колдунов так же неизбежно, как

и в теле самого колдуна в виде смеси, приготовленной из различных деревьев. До тех пор, пока он не пройдет процедуры очищения, ему не дают ни есть, ни пить, т. к. он считается оскверненным подобно женщине, у которой умер муж. И наконец, если колдовская субстанция не была обнаружена, готовится пиршество, на котором человек, совершивший разрезание, и один из родственников умершего вынимают тыквенный сосуд с пивом, а родственники умершего и родственники человека, совершившего разрезание, обмениваются подарками. Они поочередно подходят к членам другого рода и кладут на землю перед ними свои дары...

Вскрытие производится на краю могилы в присутствии людей. Его производят родственники умершего, его друзья, кровные братья и по жилой человек, пользующийся всеобщим уважением в этих местах, который обычно следит за соблюдением похоронного обряда, за работой могильщиков и другими приготовлениями к похоронам. Многие из этих пожилых людей неоднократно присутствовали на подобных церемониях в прошлом, и именно они выносят решение о наличии или отсутствии в теле колдовской субстанции. Они могут указать ее наличие в кишках, извлеченных из живота умершего.

На животе делают два горизонтальных разреза, зажимают один; конец кишки расщепленной веткой и, вращая ее, наматывают кишку на ветку. После того, как другой конец кишки оторвется от тела, второй человек подхватывает его и начинает отходить от первого, постепенно разматывая кишки. Один из старейшин проходит вдоль растянутых в воздухе кишок и рассматривает их с целью обнаружения колдовской субстанции. После того, как проверка закончена, кишки обычно вновь помещают в живот и погребают тело. Мне говорили, что если в животе человека не обнаруживали колдовской субстанции, родственники умершего могли хлестать кишками по лицу его обвинителей или могли высушить кишки на солнце, а затем принести их в суд и хвастаться своей победой. Я слышал также, что если находили колдовскую субстанцию, то обвинители умершего могли взять кишки и повесить их на одно из деревьев, растущих вдоль дороги, которая вела ко двору правителя.

Вскрытие и захоронение тела должно быть совершено кровными братьями покойного, это одна из обязанностей кровных родственников. Один из моих собеседников говорил мне, что если бы человек, который не состоит в кровном родстве с родом покойного, осуществил

всю погребальную церемонию, то благодаря этому он стал бы их кровным родственником. Если в теле покойного обнаруживают колдовскую субстанцию, то человек, осуществлявший вскрытие, должен понести за эту операцию серьезное наказание. Даже независимо от того, будет ли обнаружена колдовская субстанция, он должен после данной операции подвергнуться ритуальному очищению. Родственники умершего носят его на плечах по кругу, издавая при этом ритуальные жалобные крики, а затем бросают его на землю в красные корнеплоды растения нонга (*Amomum korarima*), чтобы "вытянуть из него холод". Родственники умершего несут его к реке, омывают ему руки и поят настоек.

Следующие тексты дадут читателю наглядное представление о вскрытии. Первые два рассказал Мекана. В первом тексте говорится о том, как старейшины обнаружили колдовскую субстанцию.

"Один человек рассказывает:

"Мой кровный брат, я много страдал от злых языков, т. к. люди всегда обвиняли меня в колдовстве. Когда умер мой сын, я захотел разрезать ему живот, чтобы увидеть свое колдовство, ибо это был мой собственный сын".

Кровный брат отвечает ему:

"Ты говоришь правду, господин, и поскольку мы состоим с тобой в кровном родстве, мы разрежем живот твоему умершему сыну". Они входят в хижину, поднимают тело и несут его к могиле. Затем кровный брат берет в руки нож и вскрывает живот, делая разрез между ребрами и пупком. Он режет тело вдоль внутренней кромки ребер, углу блясь в живот. Затем идет и отрубает ветку дерева дама (*Sarcoscephalus esculentus*), расщепляет ее на конце, зажимает ею конец кишки и начинает постепенно наматывать кишки на ветку. Некоторые из руководящих процедурой лиц при этом говорят:

"Ай-ай-ай! Какой нехороший живот, сегодня мы обязательно увидим колдовское вещество!"

После недолгого наматывания кишок производивший разрез восклицает:

"Есть колдовское вещество!"

Родственники говорят:

"Продолжай накручивать!"

Но проводивший разрез отвечает:

"Уже не нужно. Взгляните сперва на эту вещь, похожую на колдовское вещество! Посмотрите, люди короля, разве не похожа эта вещь на колдовское вещество?"

Старейшины говорят:

"Это колдовское вещество".

После этого зрители начинают разбегаться, восклицая при этом:

"Эта вещь приносит несчастье, мы не будем смотреть на нее, колдовство приносит зло, и мы можем умереть, увидев его!" Проводивший разрез замечает:

"Все разбежались".

После этого он поворачивается к родственнику умершего и говорит ему:

"Дайте мне подарки, чтобы я похоронил тело".

Родственники умершего отвечают:

"Да, это печальное дело, мы дадим тебе подарки".

И они начинают давать ему подарки, одни пятнадцать, другие двадцать за великодушие кровного брата (Азанде говорят "двадцать дротихов", но это означает просто двадцать подарков, одни из которых действительно могут быть дротиками, но другие могут быть мотыгами, ножами, корзинами с пищей и т.д.), затем хоронят тело.

Люди говорят:

"Вы действительно колдуны, т. к. мы видели ваше колдовское вещество". Становится известно, что они колдуны, тень по зора и бесчестия ложится на весь род..."

Приведенный выше текст не нуждается в комментариях. Во втором тексте речь идет о пожилом человеке, умершем на своей постели, которого длительное время оскорбляли обвинениями в колдовстве и который пожелал оставить после себя незапятнанное имя и поддержать честь своего рода.

"Когда человек, которому не раз давали птичьи крылья как знак его колдовства, чувствует приближение смерти, он говорит: "Я глубоко унижен, и когда я умру, без колебаний вскройте мне живот".

Поэтому, когда он умирает, собираются его родственники, тихо совещаются и говорят: "Наш родственник умер, пойдем и подготовим оракула".

Они идут, подготавливают оракула и говорят ему: "Это наш родственник, которому мы будем вскрывать живот. Если мы найдем кол

довское вещество, то пусть оракул убьет птицу.

Если же мы не найдем колдовского вещества, то пусть оракул пощадит птицу". Если оракул отпускает птицу, они берут другую птицу и говорят: "Эта птица осталась живой, она жива благодаря истине, и если мы не увидим сегодня колдовского вещества, то пусть оракул убьет эту в тощую птицу.

Если же ты сказал нам не правду, и мы увидим сегодня колдовское вещество, то отпусти также и эту птицу". Если оракул скажет, что они увидят колдовское вещество, они не остаются заниматься этим делом, но если оракул заверит их, что в теле "умершего нет колдовского вещества, они уходят, тихо говоря друг другу: "Мы обязательно вскроем живот этому нашему родственнику". Когда наступает вечер, они призывают к себе кровного брата и говорят ему: "О, кровный брат наш, приходи и вскрой наш живот, живот нашего родственника!"

Родственники берут тело умершего и несут его к могиле. Они говорят: "Приди, наш кровный брат!" Затем обращаются к другим людям: "Друзья, постойте здесь. Что мы вам скажем? Мы не будем хоронить нашего родственника вместе с его животом, но вскроем его. Наше колдовство есть его колдовство, и если в его кишках вы увидите колдовское вещество, то это также наше колдовское вещество. Поэтому стойте и смотрите на наше колдовское вещество".

Одним ударом они вспарывают живот, затем отрубают ветку дерева дама, расщепляют ее конец, зажимают расщепом кишки и начинают наматывать их на ветку. Когда эта процедура заканчивается, они издают громкий крик, и родственники умершего быстро разматывают кишки для проверки. Они объявляют, что колдовского вещества нет, и старейшины, которые знают, что это такое, подтверждают их слова. После этого они говорят: "Положите кишки опять в живот. Довольно".

Теперь они начинают носить на плечах того, кто производил вскрытие тела, а также его сыновей, если те присутствуют на церемонии. Они бегут вместе с ним к ручью и обмываются в нем. Затем они возвращаются и дают производившему вскрытие масло, которым он смазывает свое тело. После того, как он смажет свое тело маслом, они дают ему полизать соли и говорят: "Иди домой, а мы будем готовить для тебя пиво. Приходи со своими родственниками пить пиво за то, что ты вскрыл наш живот". Хозяин хижины, родственник умершего,

возвращается в свой дом и готовит пиво, затем отправляет посыльного за человеком, производившим вскрытие, говоря при этом: "Приходи, пиво готово, и мы расколем с тобой тыкву".

Человек, производивший вскрытие, встает и идет в хижину позвавшего, в которой собираются также его родственники и родственники умершего. Глава семьи выходит из хижины с тыквой, наполненной пивом, и говорит: "Пусть человек, который резал живот, выйдет вперед", и когда тот выходит, глава семьи говорит ему: "Разрезатель живота, пусть твои родственники, которые здесь присутствуют, выйдут вперед, мы дадим им подарок, и пусть они нам дадут подарок, а потом разопьем тыкву". После того, как пиво распито, начинается общий обмен подарками между родственниками умершего и родственниками разрезавшего жи вот. Тот, кто делает комуто подарок, также получает от него подарок, после того, как обмен подарками закончился, они готовят кашу и варят птицу, наливают пиво в чашу и подносят тому, кто разрезал живот. Затем он тщательно моется, они дают ему масло, и он натирается им, возвращается к своим родственникам и говорит им: "Теперь вынесите им мое пиво". Они выносят пиво из хижины, дают ему это пиво вместе с кашей и птицей, и он вместе со своими родственниками пьет пиво. На этом все заканчивается..."

Куагбиару рассказывал:

"В прошлом, когда человека убирал его ровесник с помощью колдовства, они консультировались у оракула по поводу его смерти и хватали какого-нибудь мужчину или женщину. Родственники умершего человека с приговором оракула шли к принцу. Принц спрашивал своего оракула, и если тот также обвинял данного человека, принц говорил родственникам умершего, что колдун должен выплатить им компенсацию дротиками. Принц приказывает колдуну уплатить родственникам умершего двадцать дротиков и дать женщину. Колдун отдает дротики и женщину. Если есть другой колдун, помогавший первому в убийстве, он выплачивает десять дротиков за эту помощь. На этом дело заканчивается, и их оставляют в покое.

Когда умирает родственник колдуна, колдун говорит: "Я уплатил компенсацию дротиками без оснований, просто потому, что я колдун. Будет хорошо, если они распорют живот этого моего родственника и посмотрят на то колдовское вещество, с помощью которого мы убиваем людей".

Он поднимается, берет цыпленка и со своими родственниками идет к оракулу. "Если мы разрежем живот нашему родственнику и увидим в его животе колдовское вещество, то оракул убьет цыпленка. Если это не правда, если в его животе нет колдовского вещества и люди напрасно обвиняли нас в колдовстве, то оракул пощадит цыпленка". Им очень приятно, когда оракул оставляет цыпленка в живых.

Они возвращаются из буша и говорят, что хотят вскрыть живот своего родственника, чтобы посмотреть, имеется ли там колдовское вещество, т. к. они уплатили двадцать дротиков и женщину и поэтому при шли посмотреть на свое колдовское вещество. Тогда какой-нибудь посторонний человек берет нож, втыкает в тело ниже грудной кости и режет вдоль ребер вниз по животу сначала с одной стороны, потом с другой. После этого они вытягивают кишки, проверяют их на наличие колдовского вещества и не обнаруживают его.

Они говорят людям: "Смотрите, мы уплатили дротики и женщину в возмещение колдовства, т. к. говорили, что мы убили человека, а теперь обнаружилось, что нет колдовского вещества в нас. Мы хотим получить обратно наши дротики и женщину". Они говорят тому человеку, которому раньше уплатили компенсацию за смерть его родственника, что он должен вернуть дротики, поскольку в животе человека, который был обвинен в убийстве, не было колдовского вещества. И тогда он возвращает дротики и женщину колдуну, который когда-то уплатил их в качестве компенсации за смерть его родственника".

Так поступали многие люди, однако Гбудви относился к этому весьма неодобрительно и говорил, что если люди подвергнут сомнению приговор его оракула и вскроют живот человеку, чтобы посмотреть на колдовское вещество, то он сурово накажет их... Говорят, что в прошлом азанде иногда убивали детей мужского пола, чтобы посредством вскрытия доказать, что у них нет колдовского вещества. Я сильно сомневаюсь в существовании столь жесткого обычая и, опираясь на многочисленные исследования, могу отметить лишь один случай такого рода.

Этот единственный случай связан с Бизанга из королевства Базугба сына Вандо. Куагбиару, рассказавший мне о нем, узнал об этих событиях в то время, когда, будучи ребенком, в общей панике бежал вме

сте со своим отцом ко двору Базугба после пленения и изгнания Гбудви в 1882 году. Бизанга был кузнецом клана Абазили. С помощью колдовства он умертвил Нгбанзи из клана Агбоку, однако Бафука принудил пострадавшую семью принять компенсацию дротиками и не позволил ей в отместку убить Бизангу, т. к. тот был кузнецом и делал инструменты для обработки земли. Профессия кузнеца в те времена ценилась гораздо выше, чем теперь. Поэтому за свое преступление он уплатил компенсацию в виде двадцати дротиков и отдал в придачу свою дочь. Однако он "потерял покой от стыда и наказания, которое считал несправедливым, и однажды вечером соседи слышали его жалобные смертные песни. Со всех сторон люди поспешили к его хижине, чтобы узнать о причине его плача, и глазам их предстало страшное зрелище: на земле лежал мальчик двенадцати лет, задушенный собственным отцом.

Он попросил одного из соседей вскрыть живот мальчика, чтобы посмотреть, нет ли там колдовства, но тот отказался. Когда он обратился к другим людям, говоря: "Я хочу увидеть свое колдовство", то все отказались, боясь короля, который был бы разгневан этим вызовом приговору его оракула. Убедившись в том, что никто не соглашается выполнить его просьбу, он осуществил вскрытие сам и обнаружил, что колдовство действительно есть. Спустя несколько месяцев Бизанга умер, будучи шла машу, как говорят азанде, что означает "от мести или следствий колдовства", ибо он совершил запрещенное: вскрыл живот сына своими собственными руками, не уплатив другому человеку за эту операцию и захоронение недоброго тела...

Иногда колдовство обнаруживают в собаках или связывают его с различными животными и птицами. Порой собака имеет злобный нрав и так прожорлива, что напоминает человека. Эти и другие недостатки приводят азанде к мысли о том, что собаки часто являются колдунами. Это мнение подкрепляется теми немногочисленными случаями, в которых вина собаки в колдовстве была доказана суждением оракула. Азанде рассказывали мне, что иногда родственники умершего человека безрезультатно расспрашивали оракула о своих соседях, и когда, наконец, они ставили вопрос, не виновата ли в его смерти какая-нибудь собака, то получали утвердительный ответ. Правда, не зафиксировано ни одного реального случая подобного рода.

Трудно сказать, насколько серьезно азанде верят в то, что и другие животные могут быть колдунами. Я обнаружил, что в обычных ситуациях повседневной жизни азанде относятся к этому вопросу скорее с юмором, хотя мне приходилось наблюдать их страх при появлении или крике животного, ассоциируемого с колдовством. Это особенно относится к ночным птицам и животным, которые вполне определенно ассоциируются с колдовством и даже считаются слугами колдунов. Летучие мыши вообще внушают отвращение, а совы приносят большое несчастье, если ночью кричат возле хижины. Существует сова, называемая гбуку, которая по ночам кричит "хихихихи!". Когда человек слышит этот крик, он понимает, что колдун вышел из дома и издает свой магический свист, одурманив себя соком растений, растущих в его хижине. Шакал, завывающий недалеко от дома, считается предвестником смерти.

Однако азанде говорят о животных как о колдунах также в шутку, подразумевая при этом лишь то, что они умны и обладают способностями, которые представляются человеку удивительными. Так о домашнем петухе, своим криком приветствующем наступление нового дня за долго до того, как люди заметят первые признаки рассвета, они говорят: "Он видит в себе дневной свет, он колдун". Азанде не были удивлены, обнаружив колдовское вещество в моей козе, и вспоминали о том, что при жизни она пыталась бодать людей и была сварливым, злобным созданием.

Нельзя заранее знать, какие животные, обитающие в буше, наделены колдовством, особенно если речь идет о хитрых животных, которым, по-видимому, известно все, что может предпринять охотник. О животном, избегающем их сетей и ловушек, азанде скажут: "Это колдун". Я думаю, что, хотя это выражение скорее следует понимать: "Умный, как колдун", оно наводит на мысль о связи между умом или ловкостью и колдовством. Эта связь недвусмысленно утверждается различными людьми в Конго, где как и у азанде колдовство считается органической субстанцией. Азанде не разделяют этого мнения относительно ума и ловкости, проявляемых в повседневной социальной жизни и в технологических занятиях, однако они подозревают колдовство, когда сталкиваются с чем-то необычным. Так, они считают, что знахарь может совершать свои чудеса только потому, что он также является колдуном...

Наиболее страшными из всех этих злобных созданий, которые классифицируются по их связи с колдовством, являются дикие коты, называемые адандара. Они обитают в зарослях буша, имеют гибкое тело, сверкающие глаза и по ночам издают пронзительные вопли. Об этих котах азанде часто говорят: "Это колдуны, это то же самое, что колдуны". Коты вступают в половые связи с женщинами, которые после этого рожают котят и кормят их грудью, как человеческих младенцев. Каждый согласен, что такие коты существуют и видеть их гибельно. Даже слышать их крики означает несчастье. Однажды ночью я услышал крик кота, и вскоре один из моих слуг пришел к моей хижине попросить у меня магический свисток, который я приобрел и который был сделан специально для защиты от этих котов. Он несколько раз дунул в свисток и ушел опять в свою хижину, по-видимому, довольный тем, что ему удалось отогнать опасность от нашего дома.

Ссылаясь на азанде, майор Ларкен пишет: "Одного человека при тащил на своей спине друг. Человек был слаб и находился в полубес сознательном состоянии, потому что увидел котов". "Это была плохая женщина, которая показала ему котов", высказали замечание на блюдатели. В другом случае человек рассказал, что, прогуливаясь по дороге, он встретил колдунью, которую сопровождали два кота мужского и женского пола, причем самца можно было отличить по связке амулетов, висящих на шее. Придя домой, человек почувствовал слабость и головокружение. Он уснул, а когда проснулся, то не смог встать из-за сильной тяжести в голове. В то время, как он лежал на постели, в хижину вошла женщина. Она объяснила ему, что вовсе не хотела, чтобы он увидел ее и ее котов, и не желала ему вреда, поэтому пришла поправить дело. Она взяла его за руки и приподняла. Затем она сказала ему, чтобы он прополз между ее ног. Он сделал это и исцелился. Он боялся назвать ее имя, чтобы не умереть, но сказал, что готов когда угодно указать на нее. Друзья настойчиво советовали ему не делать этого, говоря: "Придет комиссар округа и будет спрашивать ее относительно котов, она рассердится на тебя за то, что ты рассказал о ней, и может тебя убить".

Я думаю, это был тот самый человек, которого майор Ларкен посылал ко мне для того, чтобы он рассказал мне о своих встречах с колдовством, что он сделал с большой неохотой. В то время я не вел записей, однако позднее сумел вспомнить основное содержание его инфор

мации. Как-то раз, будучи еще ребенком, он гулял в саду и вдруг увидел впереди себя женщину, стоящую на коленях. Подойдя ближе, он заметил, что у каждой груди она держала сосущего котенка. Испугавшись, он тотчас хотел убежать, однако женщина позвала его, и, подойдя к ней поближе, он сумел ясно разглядеть котят. Она сказала ему, что увиденное может погубить его, если он не выполнит ее указаний. Он никому не должен говорить о том, что видел, и когда он пообещал сохранить тайну, она заставила его проползти между ее ногами и снабдила магической мазью, которая должна была послужить противоядием лицемерия от котов. Возвратившись домой, он на некоторое время серьезно заболел, однако воспользовался мазью женщины и выздоровел. Я не смог уговорить его открыть мне имя женщины, несмотря на то, что после того случая прошло уже много лет. Обсуждая впоследствии эту историю с майором Ларкеном, мы пришли к выводу, что хотя главный факт женщина, кормящая грудью котят, совпадает в обоих случаях, о которых этот человек рассказал нам, остальные детали расходятся слишком сильно, чтобы их можно было объяснить простой забывчивостью. Поэтому я подозреваю, что часть этой истории была выдумана для моего удовольствия.

Много месяцев спустя я шел по центральному поселению, в котором построил постоянную резиденцию, где меня хорошо знал каждый и сам я знал множество людей, как вдруг узнал, что мой друг Нгбаранда серьезно болен из-за котов. Я тотчас решил навестить его. Он лежал в своей хижине на постели, брошенной на пол, а его жена на дворе варила какое-то лекарство, бормоча над ним заклинания. Я зашел в хижину поговорить с Нгбаранда, который показался мне очень больным, хотя я и не знал, что с ним случилось. Три или четыре дня назад он шел по лесу, как вдруг навстречу ему попались три кота. Он разглядел их совершенно отчетливо и с тех пор заболел. Он сказал мне, что сразу же соскоблил немного древесной пыли с мундштука своего магического кошачьего свистка и съел ее в качестве противоядия. Мы немного поболтали, затем я оставил его и вышел посмотреть, чем занимается его жена. Она все еще помешивала лекарство и бормотала над ним отрывисто и бессвязно. В то время меня сопровождал помощник, и я попросил его записать сказанное, чтобы потом он смог это повторить. Он дал мне текст, который выглядел следующим образом: "Она начала растирать кунжутное семя,

а когда закончила, оставила его и пошла копать лекар ства, копать противоядие от волшебства нет, не от волшебства, а от котов. После того, как она накопала достаточное количество лекарст ва, она возвратилась с ним в свой дом, а когда пришла домой, взяла маленький горшок и поставила его на огонь. Она насыпала лекарство в холодную воду, размешала его, а затем вылила в горшок, стоящий на огне, и после этого насыпала туда кунжутного семени. Потом она нача ла говорить: "Вы лекарства, лекарства от котов, против котов, которые я собираюсь приготовить сегодня. Человек, который показал моему мужу котов, не может возвратиться. Она не может оставить своих котов спать на листьях багара (дерево, похожее на яблоню). Она не может ос тавить своих котов спать на листьях дама. Пусть человек, который по казал моему мужу котов, умрет. Та женщина, которой он обещал ждать ее, а потом решил не ждать, в отместку показала ему котов пусть она умрет. Коты того человека, который показал их Нгбаранда, не могли встретиться на дороге. Давала ли она птицу своим котам днем, или она давала птицу своим котам ночью, все они умрут. Женщина, которая показала котов моему мужу, не может остаться живой. Вы противоядие от котов, которое я здесь варю. У Нгбаранда нет родственников, кото рые положат подарки перед этим лекарством, поэтому он встанет здо ровым. Вот для этого я варю это лекарство. У него нет родственников, поэтому я готовлю лекарство вместо родственников. Тот человек, кото рый показал ему котов, так что он видел их своими собственными гла зами, та смерть, которая возвращает зрачок глаза, пусть они уйдут, и его глаза станут такими же ясными, как наши глаза".

В этом тексте имеется несколько пунктов, требующих объяснения. Листья багара и дама часто используются в качестве подстилки для но ворожденных детей, и ссылка на них означает "пусть она умрет и боль ше не рождает котов". Предложение о "той женщине, которой он обещал ждать ее, а потом решил не ждать и которая в отместку показала ему котов", говорит о женщинах, которые часто вступают в любовные свя зи и для этой цели заманивают мужчин в заросли буша. Если мужчина отвергает или обманывает их, они мстят ему, показывая своих котов и тем самым доводя его до смерти. Далее в приведенном тексте она объяс няет лекарству, почему именно она занялась его приготовлением, хотя магия не дело женщин. У ее мужа нет

родственников, которые могли бы взять это на себя. Обычно люди кладут подарки перед лекарством, т.е. платят ему, чтобы оно подействовало. Люди знают, что лекарство готово хорошо подействовать, когда оно закипело. В конце концов, Нгбаранда выздоровел.

Хотя я лично встретил лишь двух людей, которые действительно видели адандара, в преданиях азанде говорится о большом числе таких случаев. О некоторых известных королях прошлого говорится, что они умерли от вида этих котов, и я полагаю, что этим выражается почтение к их королевскому сану, ибо это выглядит более значительно, нежели смерть от простого колдовства. В преданиях говорится, что Базингби, основатель империи, впоследствии распавшейся на четыре королевства: Вандо, Марингинду, Эзо и Гбудви, умер после того, как открыл дверь хижины, принадлежащей одной из его жен, Нандуру, которая вместе с тем была его дочерью, и увидел выбежавшего из хижины кота. Она была казнена вместе с ее двумя котамидетенышами. Согласно одному рассказу, отец Базингби, Якпати, умер сходным образом, увидев котов, рожденных его женой Нанзагой из клана Акове. Аналогичной причине приписывают смерть Зенгенди из клана Ангумби, любимца Гбудви, правителя, вышедшего из простого народа. В знаменитой кампании последнего времени войска Гбудви потерпели поражение потому, что его лучший полк Абайега увидел котов во время грабежа селений через которые он проходил. Азанде ссылаются на известные случаи подобного рода, когда их спрашивают о достоверности существования их котов. Все азанде твердо верят в их существование, и многие из них носят с собой магические свистки для защиты от этих животных. Эти свистки делают из растений паразитов, растущих на дереве дама. Мне говорили, что человек произносит над свистком следующее заклинание: "Ты паразит (мбими) дерева дама, ты лекарство от котов. Женщина не может показать мне своих котов. Коты не могут приближаться к моему участку. Когда я дуну в мой кошачий свисток, то, даже если женщина покажет мне своих котов, я не умру".

Некоторые люди владеют даже еще более сильной магией, и один представитель клана Андебили, который умер во время моего пребывания в стране азанде, прославился тем, что мог есть этих котов. Он обладал такой магической силой, что они не могли причинить ему вреда.

Один текст говорит о котах следующее: "Женщина, рожающая котов сначала вступает в половую связь с котом, а потом спит с мужчиной. Она одновременно зачинает ребенка и котов. Она беременна ребенком и котами. Когда приходит время рожать, она идет к женщине, помогающей разрешиться от бремени котами, и говорит, что у нее уже начались родовые схватки, и она просит помочь ей в качестве повивальной бабки. Женщина встает, и они вместе идут к термитнику, который был у нее на примете. Она разрешается от бремени котами, а повивальная бабка кладет их на землю и обмывает их. Они прячут котов в термитнике и возвращаются домой. Повивальная бабка говорит женщине, родившей котов, чтобы она растерла курукпу и кунжут и их смесью намазала котов. Родившая котов женщина соглашается. Она растирает курукпу, берет масло, идет к котам и смазывает их маслом и курукпу. Повивальная бабка отправляется домой.

На следующий день она рождает ребенка, и никто не знает, что она родила котов. Коты вырастают и начинают питаться птицами. Хозяин фермы жалуется на исчезновение своих кур и в недоумении восклицает: "Откуда взялись коты, пожирающие моих кур?", не зная о том, что родила котов его жена. Это ужасные животные, и если человек их увидит, то вряд ли он выживет и, скорее всего, умрет. Котов рожают лишь очень немногие женщины. Обычная женщина не может родить котов, на это способна лишь та женщина, мать которой рожала котов, и она будет делать это так, как делала ее мать".

Лесбийские действия женщин азанде часто называют адандара. Они говорят: "Это то же самое, что и коты". Данное сравнение основано на равно зловещем характере обоих феноменов и на том факте, что они представляют собой женские действия, которые способны вызвать смерть любого мужчины, видевшего их. Здесь достаточно краткого описания лесбиянства и некоторых родственных феноменов, которые у азанде считаются предвестниками несчастья. Женщины азанде, особенно те из них, которые живут в поместьях принцев, доставляют себе сексуальные удовольствия с помощью фаллоса, сделанного из корня дерева. Говорят, что в прошлом принц без колебаний казнил жену, уличенную в гомосексуальных действиях, и даже сегодня, как мне известно, принц изгоняет жен из своего дома по той же самой причине. У простых людей, если муж обнаруживает, что его жена занимается сексом с другой женщиной, он избивает ее и устраивает скандал. Гнев

мужа обусловлен его страхом перед несчастными последствиями, к которым может привести лесбиянство. Поэтому азанде рассматривают лесбиянство как такое же зло, каким являются колдовство или коты, кроме того, они полагают, что именно гомосексуальные женщины способны рожать котов и колдунов. В лесбиянстве и рождении котов зло ассоциируется с сексуальными функциями женщины, и следует отметить, что любое необычное функционирование женских половых органов считается несчастьем. Для мужчины вредно, если женщина вызывающе покажет ему свое влагалище, и еще более вредно, если она продемонстрирует свой анус в присутствии мужчины. Иногда женщина заканчивает семейную ссору, показывая мужу часть своего тела аналогичным образом. Об этих обычаях здесь говорится для того, чтобы читатель понял, что колдовство вовсе не является единственным носителем несчастья. Имеются другие агенты, оказывающие несчастливое воздействие на людей. Когда азанде говорят о них, они сравнивают их вредное воздействие с воздействием колдовства, которое оказывается образцом всякого зла. Других носителей несчастья, например, женщин во время менструации, также следует упомянуть, но описать их удобнее в следующем томе.

Существует еще один носитель несчастья, который настолько близок к колдунам, что требует описания в данной главе. Это человек, у которого сначала прорезались верхние зубы. Такого человека называют иракоринде: ира обладатель; ко (сокращенное кере) плохой и ринде зубы. Считают, что такой человек приносит несчастье, но не столь серьезное, как колдуны, ибо он никогда не убивает людей. Я не видел человека, который был бы известен как обладатель плохих зубов, но, как говорят азанде, каким образом можно узнать такого человека? Тем не менее люди говорят, что иногда это становится известно, если ребенок показывает верхние зубы, не имея нижних, и мне говорили, что появление такого ребенка считается опасным для урожая соседей и что, если его злое влияние не нейтрализовать с помощью магии, он может пасть жертвой защитных лекарств. О таком ребенке говорят: "Ой, у этого ребенка сначала появились верхние зубы. Он колдун. О, защити мои первые плоды, чтобы обладатель злых зубов не съел их!"

Во время сева люди стремятся защитить будущий урожай от колдунов и обладателей плохих зубов. По-видимому, существуют специальные лекарства, которые поражают обладателей плохих зубов,

если они пытаются отведать плодов первого урожая, ибо именно пожирание первых плодов приносит наибольший вред. Человек выкапывает несколько своих земляных орехов, не трогая основной части урожая. Его жена готовит с этими орехами пирог, который дается вместе с кашей, и он приглашает нескольких соседей разделить с ним трапезу. Если обладатель плохих зубов примет участие в этом обеде, то основная часть урожая в огороде останется нетронутой. Поскольку нет средств распознать и обладателя плохих зубов, люди верят в защитную силу магии, вследствие страха перед которым обладатель плохих зубов побоится прийти на совместную трапезу по поводу первого урожая. Эти магические действия рассматриваются в то же время как обладающие продуктивной силой, дающие стимул к дальнейшему росту земляных орехов и маиса.

Один из моих информаторов рассказывал: "Когда ребенок растет, у него прорезываются зубы. У всех детей сначала появляются зубы на 58 нижней челюсти, а потом на верхней. Если первые зубы появляются на верхней челюсти, их называют плохими зубами. Плохие зубы истощают все вокруг. Если человек с плохими зубами попробует у кого-то первые тыквы, то они все испортятся и сгниют. Плохие зубы портят все тыквы, маис, бананы и все другие съедобные растения, которые азанде выращивают для себя. Плохие зубы портят все вещи, потому что они поистине являются злом.

Когда рождается ребенок, и у него первыми появляются верхние зубы, все говорят, что он обладатель плохих зубов. В глазах людей это большое зло, и они восклицают: "Теперь вся наша пища сгниет!" Люди, живущие поблизости, также беспокоятся по поводу своей пищи. Они поступают с первыми плодами таким образом, чтобы обладатель плохих зубов никак не смог их отведать. В этом случае урожай будет богатым и все будут сыты. Если же урожай погибает, люди говорят, что обладатель плохих зубов ел первые плоды. Люди так обходятся со своим урожаем, что если обладатель плохих зубов отведаст его, то ему будет плохо и он заболеет. Это похоже на разрушительную болезнь зубов, которые постепенно выпадают. Люди обрабатывают свой урожай посредством пуза и абанза (*Tamarindus indica*), а также роро (дикая яблоня). Этими средствами они защищают урожай от обладателя плохих зубов".

Другой информатор говорил так: "Если обладатель плохих зубов поест первых плодов урожая, урожай не будет хорошим. Мужчины берут танде (*Dyschoriste Perrottitii*) и обвязывают им стебли маиса, чтобы он хорошо рос".

Азанде говорят, что обладатель плохих зубов, помимо первых плодов, способен испортить любую новую вещь. Если человек сделает хорошую новую табуретку, чашку или горшок и один из этих людей придет, выразит восхищение и потрогает вещь, то эта вещь сломается. Я пришел к выводу о том, что обладатель плохих зубов вредит людям без зла и без умысла, хотя мнения азанде на этот счет не вполне определены. Тем не менее он виноват, т. к. знает о своем зловредном влиянии и должен воздерживаться от того, чтобы есть первые плоды и трогать новую утварь. Кроме того, его отец должен был бы прибегнуть к магии, чтобы обезвредить своего сына, как только обнаружилась его ненормальность. Поэтому он должен винить только самого себя, если пострадает от защитной магии. Я никогда не слышал, чтобы люди обращались к оракулу с просьбой указать обладателя плохих зубов, причинившего им вред, следовательно, их нельзя выделить. Когда представитель азанде страдает от причиненного ему зла, он спрашивает о колдовстве, а не о плохих зубах. Кроме того, за исключением защитной магии, не существует специального социального поведения, ассоциируемого с обладателем плохих зубов. Азанде не слишком серьезно относятся к ним и довольно редко о них говорят...

Существует еще некоторое число зловещих событий помимо тех, о которых уже сказано. О нескольких из них я расскажу. Любая приуроченная ненормальность есть несчастье. Когда курица, у которой проявились вторичные половые признаки петуха, несет яйца, азанде относятся к такому событию с опасением. Маленькая гробница, похожая на гробницы, воздвигаемые в честь духов, строится недалеко от дороги, и в нее помещают яйца "петуха". Если человек видит хамелеона, держащего в пасти пучок травы или ветку, либо забирающегося в нору, он опасается вскоре потерять родственника. Чтобы отвести несчастье, он убивает хамелеона и кладет на его тело несколько маленьких веточек. Точно так же человек опасается потерять родственника, если ему удастся подстрелить из лука цесарку. Если адори, одна из разновидностей тех маленьких красных муравьев,

которые роют ходы под землей, что бы нападать на термитники из-под низу, появляются в жилище человека, это предвещает несчастье. Когда это случилось в хижине Каманда, у него умерли два родственника.

Когда человек видит игуану, это предвещает смерть родственника, а если он увидит сброшенную кожу игуаны или питона, то это означает, что смерть грозит ему самому. Зрелище мертвого *Cricetus* не предвещает вам смерти, но может означать смерть вашего родственника; столь же дурным предзнаменованием считается увидеть черепашку. Майор Ларкен отмечает, что медленно ползущий червяк предвещает несчастье. Этих вестников горя и печали можно разделить приблизительно на две группы предвещающие человеку его собственную смерть и предвещающие смерть родственников. Мне говорили, что вид живого *Cricetus* означает скорое несчастье и что в высшей степени опасно увидеть падающую звезду или шимпанзе в траве. Увидеть любой из этих злосчастных объектов означает кпер предзнаменование несчастья и бедствия. Тем не менее, по моим наблюдениям, азанде не придают слишком большого значения этим предзнаменованиям. Они не пренебрегают ими, но и не Проявляют к ним большого интереса. Некоторые представители азанде считают многие из них пустыми предрассудками, хотя и не показывают этого своим поведением. Так, человек нашей культуры может считать предрассудком страх перед числом тринадцать, хотя может возражать против того, чтобы ему предоставили тринадцатое место.

Я хочу посвятить несколько слов летучим мышам, которых прямо связывают с колдовством и считают переносчиками душ колдунов. Когда человек совершает магический обряд для защиты своих посевов, он может впоследствии обнаружить в убранном урожае мертвых летучих мышей, убитых магией.

"По поводу летучих мышей. Летучая мышь портит созревший урожай и должна улететь, когда урожай полегает на землю. Хозяин урожая проходит по полю, замечает растения, поврежденные мышами, и принимает меры. Он совершает мощный магический обряд, и когда мышь прилетает вновь поедать посевы, она умирает.

Владелец посевов проходит по своим полям и видит тело мыши, погибшей от его магии. Он берет ее и сжигает дотла.

Когда весь урожай убран, люди начинают варить много пива. Во время приготовления пива человек берет пепел сожженной мыши и

бросает щепотку в каждый горшок пива. После того, как пиво готово, он приглашает соседей насладиться напитком. Когда все собираются пить пиво, то человек, который заколдовал посе́вы и наслал на них мышь, также пьет пиво с подмешанным в него пеплом и заболевает от (Этого. Его тошнит от пива в отличие от всех остальных.

Родственники этого человека говорят, что его кто-то заколдовал. Они утверждают, что владелец пива положил в него плохое лекарство. Однако владелец пива понимает, что произошло, и думает про себя: "Тот кого тошнит, и есть тот самый человек, который заколдовал мои посе́вы и наслал на них летучих мышей. Теперь я знаю его". Благодаря этому происшествию он знает своего врага, и ему нет нужды обращаться к оракулу".

Один информатор рассказал мне следующую историю: "Один человек из клана Акарина, которого звали Мазига, хорошо обрабатывал свое поле и собирал хорошие урожаи. Однажды он приготовил свое магическое лекарство и пошел ранним утром в поле, чтобы положить его на посе́вы, говоря при этом: "Вы лекарства для посе́вов. Это лекарство, которым я лечу посе́вы. Если колдун, женщина ли, мужчина или ребенок, пошлет свое колдовство в большой птице, в летучей мыши, чтобы испортить плодородие моих посе́вов, то он не вынесет моего лекарства. Если он появится в виде мыши, он умрет прямо на зерне". Он кладет магическое лекарство на посе́вы и возвращается домой.

Урожай продолжает созревать и вскоре готов для жатвы. Однажды вечером он пошел посмотреть на свои посе́вы. Когда на середине поля он огляделся вокруг себя, то заметил мышь, которая умерла на вершине стебля. Он подобрал эту мышь и понес ее домой. Он сжег ее, а пепел положил в свой рог для лекарств.

Он собрал урожай и приказал жене приготовить пиво из зерен нового урожая, чтобы пригласить соседей отведать его. Они смолотили зерно, сварили пиво и налили его в горшки. Затем он отправил посыльного к своим соседям, чтобы тот пригласил старейшин прийти к нему вечером пить пиво. Пригласил он также и своего зятя. Когда вечером все соседи пришли к его дому, он вошел в свою хижину, взял пепел сожженной мыши и обратился к нему с речью: "Если человек, который заколдовал мой урожай и портил его под видом мыши, находится здесь и пьет пиво, содержащее душу его колдовства, бывшую в мыши, то пусть ему будет плохо. Пусть он умрет". Он высы

пал пепел в пиво и приказал своим младшим братьям вынести его на двор. Они вынесли пиво, и все собравшиеся пили его.

Первую тыкву с пивом поднесли зятю хозяина, т.к. его сестра была хозяйкой дома и варила пиво. Он выпил эту первую порцию пива, и оно забурчало в его животе. Когда ему еще раз принесли пива и открыли для него тыкву, он отказался пить его. Затем люди начали хлопать в ладоши, петь и танцевать, но он сидел молча.

Они продолжали пить пиво до тех пор, пока оно не кончилось, после чего зять хозяина пошел к своему дому, который находился в получасе ходьбы отсюда. Когда он прошел около половины пути, его внезапно затошнило. Он пытался двигаться дальше, но ноги его не слушались. У него быстро стал раздуваться живот, глаза полезли на лоб, и он упал на землю.

С ним был человек, который спросил, что его мучает. Больной попросил его сбегать обратно и попросить Мазигу спасти его, т.к. именно в его доме смерть схватила его. Этот человек возвратился, сказав себе, что, т.к. его спутник призывает к себе своего зятя, он должен сходить за ним, чтобы тот пришел посмотреть на случившееся. Между тем забо левший человек в агонии катался по земле. Он лежал на земле, судорож но вцепившись в траву и чувствуя приближение смерти.

Когда его спутник, возвратившийся назад, чтобы сказать его зятю о случившемся, появился во дворе, хозяин спросил его, что произошло с его зятем. Затем он пошел к заболевшему и увидел, что тот уже умер. Увидев это, он спросил его спутника, что сказал заболевший, когда почувствовал приближение смерти. Спутник ответил: "Он выкрикивал твое имя, призывая: "О Мазига, приди и спаси меня!""

Так было. Они напрасно спрашивали оракула, не убил ли его какой-нибудь колдун, и им пришлось заключить, что он нашел свою смерть в поле. Поэтому азанде говорят, что если человек принял вид летучей мыши и заколдовал ваши посевы, то вы должны сжечь мышь, чтобы затем с помощью пепла, подмешанного в пиво, проверить своих соседей..."

Здесь мы рассмотрим некоторые примечательные особенности кол довства в мышлении азанде. Из описаний колдовства азанде следует, что оно не является объективной реальностью. Физиологическое усло вие, которое считается местонахождением колдовства и которое, по моему мнению, есть не что иное, как пища,

застрявшая в малой кишке, является объективным, однако приписываемые ему качества и остальные убеждения азанде относительно него носят мистический характер. Колдуны, о которых думают азанде, не могут существовать.

Тем не менее концепция колдовства снабжает их естественной философией, с помощью которой объясняются отношения между людьми и несчастными событиями и находятся типичные средства борьбы с такими событиями. Вера в колдовство включает в себя также систему ценностей, регулирующих человеческое поведение.

Колдовство вездесуще. Оно играет свою роль в каждом акте жизни деятельности азанде: в сельском хозяйстве, рыболовстве, охоте; как в домашней, так и в общественной жизни района и королевского двора; это важная тема духовной жизни, в которой она образует основу обширной панорамы, включающей оракулов и магов; отпечаток ее влияния несут на себе законы и мораль, профессиональные обычаи и религия; ее можно заметить в технологии и языке; в культуре азанде нет такой сферы, в которую бы она ни проникла. Если болезнь поражает земляной орех, это колдовство; если охотник тщетно гонится за дичью, это колдовство; если женщины трудолюбиво вычерпывают воду из пруда, а в награду получают лишь несколько маленьких рыбок, это колдовство; если термиты не выходят на поверхность, когда им нужно роиться и холодная ночь проходит в бесполезном ожидании их полета, это колдовство; если жена сердится и не обращает внимания на мужа, это колдовство; если принц холоден и держится в стороне от своей возлюбленной, это колдовство; если магический ритуал не достигает своей цели, это колдовство; если на чью-то долю выпадают несчастья и неудачи относительно какого-либо из его многочисленных занятий, это может быть обусловлено колдовством. Тот, кто знаком с жизнью африканцев либо из первых рук, либо благодаря чтению, поймет, что в череде дел и часов досуга нет конца возможным несчастьям, обусловленным не только ошибками, незнанием или ленью, но также и такими причинами, над которыми африканцы с их скудными научными знаниями не властны. Все свои несчастья азанде приписывают колдовству, если нет явного свидетельства, впоследствии подтверждаемого оракулом, что здесь замешан волшебник или одна из злых сил, или если они с

уверенностью не припишут несчастье некомпетентности, нарушению табу или отказу соблюдать правила нравственности.

Когда представитель азанде говорит о колдовстве, он говорит о нем не так, как говорим мы о сверхъестественном колдовстве в нашей собственной истории. Колдовство является для него чемто обыденным и редкий день проходит без упоминания о нем. Там, где мы говорим об уборке урожая, об охоте или о болезнях наших соседей, представитель азанде обязательно вспомнит о колдовстве. Сказать, что колдовство испортило урожай земляных орехов, спугнуло дичь или вызвало у кого-то болезнь, равнозначно тому, чтобы в терминах нашей собственной культуры сказать, что земляной орех поразила болезнь, что дичь пуглива в это время года и что кто-то подцепил воспаление легких. Колдовство принимает участие во всех несчастьях и задает речевые обороты, с помощью которых азанде говорят о нем и объясняют его. Колдовство помогает классифицировать несчастья, которые, будучи отличны друг от друга во всех отношениях, имеют одну общую черту приносят вред человеку.

До тех пор, пока читатель не поймет, что колдовство представляет собой совершенно обычный фактор в жизни азанде, с которым можно связать почти любое событие, он ничего не сможет понять в их поведении по отношению к нему. Для нас колдовство является чем-то таким, что преследовало и пугало наших доверчивых предков. Однако азанде ожидают появления колдовства в любое время дня и ночи. Если бы оно не вступало с ними в ежедневный контакт, азанде были бы столь же удивлены, как и мы, если бы вдруг столкнулись с колдовством. Для азанде в колдовстве нет ничего чудесного. Ожидается, что охоте человека будут вредить колдуны и у него есть средства для борьбы с ними. Когда происходит несчастье, представителя азанде не охватывает благоговейный страх перед игрой сверхъестественных сил. Его не пугает присутствие потустороннего врага. С другой стороны, он чрезвычайно раздражается. Кто-то по злобе погубил его земляные орехи, испортил ему охоту или напустил на его жену простуду, и, безусловно, в этом есть причина для гнева! Сам он никому не причинил вреда, так какое право имеет кто бы то ни было вмешиваться в его дела? Это наглость, оскорбление, нечестность, гадкая выходка! Говоря о колдовстве, азанде

подчеркивают его агрессивность, а не сверхъестественность, и в реакции на него мы видим гнев, а не благоговейный страх.

Колдовство можно предвидеть так же, как и прелюбодеяние. Оно так тесно переплетено с повседневными событиями, что оказывается частью обыденного мира азанде. В колдуне нет ничего замечательного, вы сами можете быть колдуном, и, несомненно, многие из ваших ближайших соседей являются колдунами. И в самом колдовстве нет ничего страшного. В нас не происходит никакой психологической трансформации, когда мы слышим о том, что кто-то болен, ибо нам известно, что люди могут болеть. Точно так же обстоит дело у азанде. Им известно, что человек может быть болен, т.е. быть околдован, и здесь нет повода для удивления...

Однако не является ли вера азанде в колдовство верой в мистическое порождение явлений и событий, которая полностью исключает все естественные причины? Отношения между мистическим мышлением и здравым смыслом чрезвычайно сложны и порождают проблемы, встающие перед нами на каждой странице этой книги. Здесь я хочу дать предварительную формулировку проблемы, опираясь на реальные ситуации.

Когда я жил среди азанде, мне вначале казалось странным выслушивать наивные объяснения несчастных случаев, у которых, на мой взгляд, были вполне очевидные причины, однако вскоре я усвоил их способ мышления и стал применять понятие колдовства в соответствующих ситуациях столь же непринужденно, как и они сами. Идя по лесной тропинке, мальчик споткнулся о пенек, что часто случается в Африке, ему больно и неприятно. Ранку не удалось очистить от грязи, и палец начал гноиться. Он объявляет, что споткнулся о пенек благодаря колдовству. Я всегда спорил с азанде и критиковал их высказывания, что сделал и на этот раз. Я сказал мальчику, что он ударился о пенек потому, что был невнимателен, и что здесь не было колдовства потому, что пенек появился естественным образом. Он согласился, что пенек появился на тропинке без всякого колдовства, но добавил, что внимательно смотрел на тропинку, как это делают все азанды, и если бы не был заколдован, то заметил бы пенек. В качестве решающего аргумента он указал на то, что все порезы быстро закрываются, ибо такова их природа. Почему же тогда его ранка гноится и не закрывается, если не было колдовства?

Вскоре я обнаружил, что в этом состояло объяснение всех болезней со стороны азанде. Могу привести еще один пример. Как-то я почувствовал недомогание и спросил у своих друзей из племени азанде, не вызвано ли мое недомогание тем, что я поел бананов. Мне тотчас же сообщили, что бананы не вызывают болезни, если они не заколдованы. Здесь я приведу несколько примеров, когда колдовство используется для объяснения не болезней, а других событий.

Вскоре после моего приезда в страну азанде мы проходили как-то через правительственное поселение и заметили хижину, сгоревшую до основания предыдущей ночью. Ее владелец был убит горем, ибо вместе с хижинной пропало пиво, приготовленное им для поминок. Он рассказал нам, что прошлой ночью пошел проверить свое пиво. Он зажег пучок соломы и поднял его над головой, чтобы лучше осветить кувшины. При этом загорелась соломенная крыша. Он сам и сопровождающие меня люди были убеждены, что здесь не обошлось без колдовства.

Один из моих главных информаторов, Кизанга, был искусным резчиком по дереву, одним из лучших в королевстве Гбудви. Случайно чашки и табуретки, которые он вырезал, потрескались во время работы, что вполне могло произойти в таком климате. Хотя при этом отбирают самые прочные породы деревьев, дерево иногда растрескивается в процессе работы или после ее окончания, даже если мастер внимателен и хорошо владеет приемами своего ремесла. Когда это случилось с чашками и табуретками этого конкретного мастера, он приписал несчастье колдовству и произнес передо мной речь о злобе и завистливости своих соседей. Когда я ответил, что, по моему мнению, он ошибается и что люди относятся к нему хорошо, он продемонстрировал мне расколовшуюся чашку и табуретку в качестве конкретного свидетельства, подтверждающего его мнение. Если люди не заколдовали его работу, то как это можно понять? Точно так же и горшечник, у которого во время обжига лопнули горшки, припишет это колдовству. Опытный горшечник не опасается, что его горшки лопнут в результате ошибки. Он берет хорошую глину, месит ее до тех пор, пока не извлечет из нее все камешки и песчинки, и лепит медленно и тщательно. В ночь перед тем, как идти копать глину, он воздерживается от полового сношения. Поэтому ему нечего опасаться. Однако горшки иногда лопаются, даже если изготовлены мастером

своего дела, что можно объяснить только колдовством. "Раз лопнули значит было колдовство", просто говорит горшечник. Существует множество аналогичных ситуаций, в которых ссылаются на колдовство как на действующую силу.

В разговорах с азанде относительно колдовства и в наблюдениях за их реакциями на ситуации несчастья стало ясно, что они не пытаются истолковать существование феноменов и даже их действие посредством одной мистической причинности. С помощью колдовства они объясняют конкретные условия в причинной цепи, которая связывает индивида с естественными событиями таким образом, что он испытывает ущерб. Мальчик, который ушиб ногу о пенек в лесу, не истолковывает возникновение пенёка в результате колдовства, он не предполагает, что когда кто-то спотыкается о пенек, то это вызвано колдовством, он не говорит даже, что порез был причинен колдовством, поскольку очень хорошо знает, что причиной был пенек. Он приписывает колдовству лишь то, что в данном конкретном случае, при своей обычной внимательности, он споткнулся о пенек, в то время как в сотне других случаев такого не было, и что в данном конкретном случае ранка, возникшая в результате столкновения ноги с пенёком, загноилась, в то время как дюжины других ранок не гноились. Эти особые условия безусловно требуют объяснения. Опятьтаки, если кто-то съест некоторое количество бананов, то само по себе это не приводит к болезни. Почему? Множество людей ест бананы и не испытывает после этого никаких неприятностей, я сам часто ел их в прошлом. Поэтому мое недомогание нельзя приписать одним бананам. Если бананы сами по себе вызвали мое заболевание, то нужно объяснить, почему они вызвали у меня болезнь в этом единственном случае, а не в сотнях других случаев и почему они вызвали болезнь только у меня, а не у других людей, которые тоже ели бананы. Точно так же каждый год сотни азанде ходят ночью проветривать свое пиво и всегда берут с собой пучок соломы, чтобы осветить горшок, в котором оно бродит. Почему же в этом конкретном случае у этого конкретного человека загорелась соломенная крыша хижины? Вот так рассуждают азанды. И мой друг, резчик по дереву, удачно вырезал свои чашки и табуретки, он знал все, что нужно, о выборе дерева, о том, как резать и каким инструментом. Его чашки и табуретки не растрескивались, как это бывает у неумелого резчика, так почему же в этом редком случае

они должны были растрескаться, если этого не было раньше и он вырезал их с обычным старанием? Ответ ему хорошо из вестен: это дело завистливых и злых соседей. Точно так же и горшечник хотел бы знать, почему лопнули его горшки, хотя он использовал тот же материал и приемы, что и в других случаях. Вернее сказать, он уже это знает, ибо причина известна заранее: его горшки лопнули благодаря ря колдовству.

Следовательно, мы должны понять, что ложно истолкуем философию азанде, если скажем, что они верят в колдовство как в единственную причину явления. Такого суждения нет в схемах мышления азанде, которые утверждают лишь, что колдовство ставит человека в такое отношение к событиям, что он терпит неудачу.

Мой старый друг Онтози много лет тому назад был ранен слонем во время охоты, и его принц Базонгода справлялся у оракула относительно того, кто бы это мог заколдовать его. Здесь мы должны проводить различие между слонем и его яростью, с одной стороны, и тем, что данный конкретный слон ранил данного конкретного человека, с другой. Верховное Существо, а не колдовство, создает слонов и наделяет их хоботом, бивнями и громадными ногами, так что они способны проткнуть человека бивнем, подбросить его высоко вверх и растоптать ногами. Однако, когда люди и слоны встречаются в буше, таких ужасных вещей обычно не происходит. Подобные события редки. Почему же в таком случае данный конкретный человек, чья жизнь была наполнена аналогичными ситуациями, в которых он и его друзья оставались невредимыми, был ранен данным конкретным животным? Почему именно он, а не кто-нибудь другой? Почему в этом случае, а не в других? Почему данным конкретным слонем, а не каким-либо другим? Колдовство объясняет как раз конкретные и изменчивые условия события, а не общие и универсальные. Огонь жжет, но это обусловлено не колдовством, а природой огня. Способность обжигать есть универсальное качество огня, но обжигать вас не является универсальным качеством. Этого может никогда не случиться, а если однажды и произойдет, то это обусловлено только колдовством.

Иногда у азанде разваливается старый амбар. В этом нет ничего удивительного. Каждый член племени знает, что с течением времени термиты подтачивают столбы и что даже самое крепкое дерево стано

вится трухлявым после нескольких лет службы. Амбар для азанде часто служит летним домом: под его крышей люди прячутся от солнца в жару, болтают, играют в местные игры или занимаются ремеслом. По этому вполне может случиться так, что амбар рухнет именно в тот момент, когда в нем будут находиться люди, и им будет причинен вред, тем более что это довольно громоздкое сооружение из тяжелых балок, покрытых глиной. Почему же эти конкретные люди сидели в этом конкретном амбаре именно в тот момент, когда он рухнул? То, что он должен был рухнуть, понять легко, но почему он должен был рухнуть именно в тот момент, когда в нем находились люди? Он мог рухнуть когда угодно, так почему он упал именно тогда, когда в нем находились определенные люди? Мы можем сказать, что амбар рухнул, потому что его опоры были подточены термитами. В этом причина разрушения амбара. Мы скажем также, что люди сидели в нем в это время потому, что было жарко и они думали, что в нем им будет удобно разговаривать и работать. В этом причина того, что люди находились в амбаре в тот момент, когда он рухнул. Единственная связь между этими двумя независимыми фактами для нашего мышления состоит в том, что они сошлись во времени и пространстве. Мы не объясняем, почему две причинные цепочки пересеклись в определенное время и в определенном месте, потому что между ними нет взаимной зависимости.

Философия азанде восполняет пропущенную связь. Азанде знают, что подпорки были подточены термитами и что люди сидели в амбаре для того, чтобы спастись от жары и от палящих лучей солнца. Вместе с тем они знают, что эти два события случились в одно время и в одном месте. И это было обусловлено действием колдовства. Если бы не было колдовства, то люди сидели бы в амбаре и он не упал на них, или он бы упал, но люди не сидели бы в нем в этот момент. Колдовство объясняет совпадение этих двух событий.

Я вовсе не хочу сказать о том, что азанде не способны проанализировать свои учения так, как я это сделал за них. Фактически я никогда не получал объяснительный текст о колдовстве, хотя имел возможность получать в виде текстов ясные утверждения относительно множества других вещей. Нельзя сказать азанде: "А теперь расскажи мне, что вы, азанде, думаете о колдовстве", поскольку предмет разговора оказывается слишком общим и неопределенным,

слишком расплывчатым и необъятным, чтобы его можно было точно описать. Однако принципы их мышления можно извлечь из рассмотрения множества ситуаций, в которых колдовство привлекается для объяснения событий, и других ситуаций, в которых неудача объясняется посредством иных причин. Их философия открыта, однако она не сформулирована в виде целостного учения. Представитель племени азанде не скажет: "Я верю в естественную причинность, но я не считаю, что она может полностью объяснить совпадения, и мне представляется, что теория колдовства как раз и дает им удовлетворительное объяснение". Он выразит свою мысль, обращаясь к реальным, конкретным ситуациям. Он говорит: "Буйвол на падает", "Дерево падает", "Термиты не отправились в свой сезонный полет, когда должны были сделать это" и т.д. При этом он констатирует эмпирически устанавливаемые факты. Но он говорит также: "Буйвол напал и поранил того-то и того-то", "Дерево упало на того-то и убило его", "Мои термиты не вылетели в таком числе, чтобы их стоило собирать, однако другие люди собрали своих термитов" и т.д. Он скажет вам, что все это обусловлено колдовством, приговаривая каждый раз: "То, то и то были заколдованы". Факты сами себя не объясняют или делают это только частично. Полностью их можно объяснить только в том случае, если принять во внимание колдовство.

Полный круг идей азанде относительно причинности можно получить лишь в том случае, если разрешишь ему самому заполнить пробелы, иначе он запутается в лингвистических соглашениях. Он скажет вам: "Такой-то человек был заколдован и убил сам себя" или даже проще: "Такой-то человек был убит колдовством". Но он говорит вам о конечной причине смерти человека, а не о вторичных причинах. Вы можете спросить его: "Как он убил себя?", и он расскажет вам, что самоубийца повесился на ветке дерева. Можно также спросить: "Почему он убил себя?", и он вам расскажет, что это произошло потому, что человек поссорился со своими братьями. Причиной его смерти было то, что он повесился, а причиной последнего была его ссора с братьями. Если вы затем спросите у азанде, почему он говорит, что человек был заколдован, если он совершил самоубийство в результате ссоры с братьями, то он ответит вам, что только безумцы кончают жизнь самоубийством и что если каждый, кто поссорился со своими братьями, будет кончать жизнь самоубийством, то в мире скоро

вообще не останется людей. Если бы этот человек не был заколдован, он не сделал бы того, что произошло. Если вы продолжаете упорствовать и спрашиваете, по чему колдовство заставило человека убить себя, представитель азанде ответит, что, по-видимому, кто-то его ненавидел, а если вы спросите, почему же кто-то его ненавидел, ваш собеседник скажет, что такова уж, видно, природа человека.

Хотя азанде не могут сформулировать теорию причинности в приемлемых для нас терминах, они описывают события в таких выражениях, которые содержат объяснение. Они осознают, что конкретные обстоятельства появления событий в их отношении к человеку, их пагубность для конкретной личности образуют свидетельство колдовства. Колдовство объясняет, почему события пагубны для человека, а не как они произошли. Как произошли события, азанде воспринимают точно так же, как мы. Человек из племени азанде видит, что слон ранил человека, а не колдун. Он видит, что термиты подточили подпорки амбара, а не колдун его толкнул. Он видит не психическое пламя, зажигающее крышу, а обычный горящий пучок соломы. Восприятие им того, как происходят события, является столь же ясным, как наше собственное.

Понятия причинности у азанде будут интересовать нас на протяжении всей книги, и мы еще раз обратимся к ним при рассмотрении магии и действий оракулов. Здесь я лишь кратко упомяну, что вариативность (почти можно сказать: противоречивость) колдовства в качестве содействующей причины появления феноменов хорошо иллюстрируется действительностью оракулов у азанде. Здесь мы видим, что некое конкретное место может быть неблагоприятно для строительства дома, для сооружения ловушки или для посева маиса, в то время как соседним участкам колдовство не угрожает. Все азанде должны справляться с естественными трудностями: густыми зарослями, скудной и каменистой почвой, избытком или недостатком влаги. Различие между двумя участками может заключаться просто в том, что колдовство является будущим фактором при эксплуатации одного из них, но отсутствует при эксплуатации другого. Колдовство есть фактор, изменяющийся как в пространстве, так и во времени, и оно придает особое значение как конкретным моментам времени, так и конкретным местам и индивидам. Если какой-то замысел был отвергнут вследствие обнаружения того, что его исполнение

закончится неудачей благодаря наличию колдовства, то через одну-две недели к нему можно возвратиться, если оракул провозгласит, что ему не препятствует колдовство. Опять-таки оракул может объявить, что один человек может спокойно начинать дело, а другому следует от него воздержаться, поскольку в первом случае колдовства нет, а во втором оно присутствует. Колдовство выступает в качестве причинного фактора при возникновении вредоносных явлений в конкретном месте, в конкретные моменты времени и в отношении конкретных лиц. Оно не является необходимой связью в последовательности событий, а входит в эту последовательность извне и придает ей особое значение...

Вера азанде в колдовство никоим образом не противоречит эмпирическому знанию причин и следствий. Мир, воспринимаемый органами чувств, для них столь же реален, как и для нас. Мы не должны обманываться их способом выражения причинности и полагать, что если они утверждают, будто человек был убит колдовством, то уже совершенно не обращают внимание на вторичные причины, которые, как мы полагаем, и были подлинной причиной смерти. Они вполне представляют себе цепь событий и в конкретной ситуации отбирают социально важные причины, пренебрегая остальными. Если человек убит копьем на войне, хищником на охоте, умер от укуса змеи или от болезни, реакция остается одной и той же, и различные виды смерти не приводят к разным способам выражения. Во всех случаях колдовство является социально важной причиной, только оно допускает вмешательство и детерминирует социальное поведение. Если буйвол убил человека, то, что касается буйвола, вы ничего не можете сделать. Но, хотя и вполне ясно, что убийство совершил буйвол, он не убил бы человека, если бы им не руководило колдовство, а колдовство является социальным фактом, за ним стоит личность. Из множества совместно действующих причин выделяют именно эту и говорят о ней как о причине смерти, поскольку здесь находится тот идеологический стержень, вокруг которого вращается вся социальная процедура от смерти до мщения.

Вера в смерть от естественных причин и вера в смерть от колдовства не исключают одна другую. Напротив, они дополняют друг друга, объясняя каждая то, чего не объясняет другая. Кроме того, смерть есть не только факт природы, но также и социальный факт.

Дело не просто в том, что перестает биться сердце и легкие не снабжают организм воздухом, но также и в том, что гибнет член семьи, родственного клана и племени. Смерть требует обращения к оракулу, исполнения магических ритуалов и мести. Среди причин смерти колдовство является единственной, которая имеет какое-либо значение для социального поведения. Приписывание несчастья колдовству не исключает того, что мы назовем также его реальные причины, но мы налагаем колдовство на эти причины и тем самым даем социальным событиям их моральную оценку.

По сути дела, мышление азанде с полной ясностью выражает понятия естественной и мистической причинности, используя для определения их взаимоотношений охотничьи метафоры. Азанде всегда говорят о колдовстве, что это есть умбага, или второе копье. Когда азанде убьют дичь, они делят мясо между тем человеком, который первым поразил копьем животное, и тем, кто попал в него вторым копьем. Считается, что эти двое убили животное, и владелец второго копья называется умбага. Поэтому, если человек убит слоном, азанде говорят, что слон был первым копьем, а колдовство вторым, и что они вместе убили человека. Если один человек убил копьем другого на войне, то убивший будет первым копьем, а колдовство вторым копьем, и человека они убили вместе."

Азанде осознают множественность причин, важнейшую из которых указывает социальная ситуация, поэтому мы можем понять, почему учение о колдовстве не привлекается для объяснения каждой неудачи или несчастья. Иногда случается так, что социальная ситуация требует оценить причину не мистически, а с точки зрения здравого смысла. Так, если вы лжете, совершаете прелюбодеяние или кражу, обманываете своего принца и это раскрывается, то вы не сможете избежать наказания, сославшись на то, что вы были заколдованы. Учение азанде много значительно провозглашает: "Колдовство не может заставить человека лгать"; "Колдовство не может заставить человека совершить прелюбодеяние"; "Колдовство не вкладывает в человека похоть"; "Колдовство находится в тебе самом" (ты сам ответчик), т.е. твой член поднялся. Он видит волосы чужой жены, поднимается и становится твердым, ибо "колдовство" находится в нем самом (слово "колдовство" здесь употребляется метафорически); "Колдовство не заставляет человека красть"; "Колдовство не может

сделать человека вероломным". Только однажды я слышал, как один из азанде ссылался на то, что был заколдован, когда совершил проступок солгал мне, однако все присутствующие высмеяли его и сказали ему, что колдовство не может заставить человека солгать.

Если человек убивает своего соплеменника ножом или копьем, его приговаривают к смертной казни. В таких случаях не обязательно искать колдуна, поскольку субъект, на которого может быть направлена месть, уже известен. С другой стороны, если убитый принадлежит другому племени, то родственники убийцы или его принц постараются найти колдуна, ответственного за случившееся.

Было бы государственной изменой сказать, что человек, приговоренный к смерти по приказу короля и за оскорбление его власти, был убит колдовством. Если бы какой-нибудь человек обратился к оракулу с просьбой найти колдуна, ответственного за смерть его родственника, казненного по приказу короля, то он сам подвергся бы риску быть приговоренным к смертной казни. Здесь социальная ситуация так же решительно исключает понятие колдовства, как в других случаях она исключает из сферы внимания природные факторы и подчеркивает только колдовство. Аналогично если какой-то человек был убит в отместку, поскольку оракул сказал, что он был колдуном и своим колдовством убил другого человека, то его родственники уже не могут сказать, что он был убит колдовством. Учение азанде устанавливает, что он умер от руки мстителей, т.к. был убийцей. Если бы кто-то высказал мнение, что его родственник был убит колдовством, и, руководствуясь этим мнением, пошел спрашивать оракула, то его подверг бы осмеянию королевский оракул, т.к. именно он дал официальное подтверждение вины, и сам король разрешил осуществить месть.

В приведенных выше примерах в качестве социально важной была избрана естественная, а не мистическая причина. В этих ситуациях колдовство несущественно и, если не исключается целиком, то и не указывается в качестве принципиального фактора причинной цепи. Как в нашем обществе научная теория причинности, если и не отбрасывается совершенно, то считается несущественной при решении вопросов моральной и правовой ответственности, так и в обществе азанде учение о колдовстве, если и не исключается совершенно, то считается несущественным в тех же ситуациях. Мы

соглашаемся с научным объяснением причин болезни и даже умопомешательства, но отвергаем их, когда речь идет о грехе и преступлении, ибо здесь они противостоят законам морали и права, носящим аксиоматический характер. Азанде соглашаются с мистическим объяснением причин несчастья, болезни и смерти, однако они не прибегают к таким объяснениям, если сталкиваются с социальной необходимостью, выраженной правовым или моральным законом.

Поэтому колдовство не считается причиной проступка, когда речь идет о нарушении табу. Если заболел ребенок и известно, что его отец и мать вступили в половую связь еще до того, как он был отнят от груди, то причина его смерти уже известна: нарушение ритуального запрета, и вопрос о колдовстве не встает. Если человек заболел проказой и когда то совершил кровосмешение, то его кровосмешение и считается причиной проказы, а не колдовство. Однако при этом могут возникать курьезные ситуации, поскольку, когда ребенок или прокаженный умирает, необходимо отомстить за их смерть, и азанде без труда объясняют то, что кажется нам в высшей степени нелогичным. Они руководствуются теми же принципами, которые использовались при объяснении убийства человека диким животным, и употребляют ту же метафору "второго копья". В упомянутых выше случаях реально имеются три причины смерти человека. Существует болезнь, от которой он умер, проказа для мужчины и, скажем, лихорадка для ребенка. Эти болезни сами по себе не являются порождением колдовства, т.к. существуют в силу своего собственного права, как буйвол или амбар. Затем имеется нарушение табу половая связь до отнятия ребенка от груди в одном случае, кровосмешение в другом. Ребенок и мужчина заполучили лихорадку и проказу потому, что было нарушено табу. Причиной их болезни было нарушение табу, однако болезнь не убила бы их, если бы не вмешалось также и колдовство. Если бы колдовство не выступило в качестве "второго копья", они все равно заболели бы лихорадкой и проказой, но не умерли бы от этих болезней. В этих примерах имеются две социально важные причины нарушение табу и колдовство, связанные с разными социальными процессами, и разные люди будут подчеркивать ту или иную из них.

Однако там, где было нарушено табу, а смерть не наступила, колдовство не привлекается в качестве причины. Если человек поест запрещенной пищи после совершения магического обряда, он может умереть, и в этом случае причина его смерти известна заранее, ибо она содержится в условиях ситуации его смерти, даже если при этом действовало также колдовство. Однако вовсе не обязательно, что он умрет. Неизбежно лишь то, что лекарство, которым он попробует излечиться, не будет действовать. Неспособность лекарства достигнуть своей цели обусловлена нарушением табу, а не колдовством. Если человек имел половую связь со своей женой и на следующий день идет к оракулу, он не узнает истины, и его посещение будет бесплодным. Если бы он нарушил табу, то мог бы сказать, что колдовство помешало оракулу сказать правду, однако нарушение табу уже указывает причину его неудачи узнать правду, и здесь не нужно прибегать к понятию колдовства. Никто не предполагает, что он нарушил табу перед консультацией у оракула, однако, если оракул говорит не правду, каждый готов допустить, что могло быть нарушено табу.

Точно так же, когда изделия горшечника трескаются в огне, колдовство не является единственной возможной причиной этого бедствия. Причинами неудачи могут быть неопытность или плохая работа, либо то, что горшечник имел половую связь предшествующей ночью. Сам горшечник припишет свою неудачу колдовству, однако у других может быть иное мнение.

Далеко не всякая смерть обязательно и единодушно приписывается колдовству или нарушению какого-то табу. Смерть детей от некоторых болезней неопределенно приписывается Верховному Существу. Если человек неожиданно упал, тяжело заболел и умер, его родственники могут быть уверены, что против него был совершен магический обряд и не колдун убил его. Нарушение запретов, налагаемых на кровнородственные связи, может уничтожить всю группу родственников и, когда братья и сестры умирают один за другим, посторонние люди приписывают их смерть кровосмешению, а не колдовству, хотя родственники умерших будут говорить о мести колдунам. Когда умирает пожилой человек, посторонние люди говорят, что он умер от старости, однако они не произнесут этого в

присутствии его родственников, утверждающих, что в смерти повинен колдун.

Полагают также, что прелюбодеяние приносит несчастье, хотя оно считается лишь одним из причинных факторов, к которому присоединяется колдовство. Так, говорят, что человек может быть убит на войне или на охоте случайно, вследствие неверности его жены. Поэтому, прежде чем идти на войну или на длительную охоту, мужчина может попросить свою жену назвать ему имена ее любовников.

Животное может прорваться через сетчатую ловушку принца, и тогда руководитель группы, в которую входит молодой человек, охраняющий эту ловушку, может поколотить его и приказать назвать имя его любовницы. Считалось бы очень серьезным оскорблением, если бы во время общественных работ на поле короля молодой человек совершил прелюбодеяние среди злаков. Даже в тех случаях, когда отсутствует нарушение морали и правовых норм, колдовство не признается единственной причиной неудачи или несчастья. В качестве причин могут быть названы некомпетентность, лень и невежество. Когда девочка разбивает свой кувшин с водой или мальчик забывает закрыть на ночь дверь дома, они получают строгий выговор от своих родителей за свою тупость. Ошибки детей обусловлены небрежностью или незнанием, и, пока они еще маленькие, их учат не совершать их. Люди не говорят, что на них влияет колдовство, и, даже если готовы признать возможность колдовства, главной причиной они считают тупость. Кроме того, азанде не так наивны, чтобы возлагать ответственность за растрескивание кувшина во время обжига на колдовство, если последующая проверка показывает, что в глине остался камешек, или за то, что животное прорвало сеть, если его кто-то испугал жестом или звуком. Люди не ссылаются на колдовство, если у женщины подгорела каша или она подаст ее своему мужу недоваренной. И когда неопытный мастер изготавливает табуретку, которая растрескалась или недостаточно хорошо зачищена, то это объясняют его неопытностью.

Во всех случаях, когда человек пострадал от несчастья, он склонен обвинять в этом колдовство, но другие могут так не думать. В стране азанде человек очень редко берет на себя ответственность за случившееся и всегда готов возложить вину на колдовство. Часто

случается, что человек говорит о несчастье: "Это колдовство", не признавая тем самым свою собственную глупость. Однако окружающие видят в ней подлинную причину, когда говорят, что он тупой.

Тем не менее следует иметь в виду, что серьезное несчастье, в частности, если оно приводит к смерти, обычно каждым приписывается действию колдовства, тем более самим пострадавшим и его родственниками, несмотря на то, что оно может быть результатом некомпетентности или отсутствия самоконтроля. Если человек падает в костер и получает серьезные ожоги или попадает в яму и ломает себе ногу или шею, то это, несомненно, будет приписано колдовству. Так, когда шесть или семь сыновей принца Рикиты попали в кольцо огня и заживо сгорели во время охоты на тростниковых крыс, их смерть, безусловно, была вызвана колдовством.

Таким образом, мы видим, что колдовство имеет свою логику, свои правила мышления, которые не противоречат естественной причинности. Вера в колдовство вполне совместим!" с ответственностью человека и рациональным пониманием природы. Прежде всего человек должен осуществлять деятельность в соответствии с традиционными правилами ремесла, которые каждым поколением подвергаются проверке методом проб и ошибок. Только в том случае, когда, несмотря на соблюдение этих правил, он терпит неудачу, люди припишут эту неудачу колдовству. Для иллюстрации отношений между колдовством и техническим умением я добавлю еще три коротких примера в дополнение к тем, которые были приведены выше. Я сопровождал Кизангу к ручью, протекавшему недалеко от нашего селения, чтобы посмотреть, как он будет готовить солодовое зерно для приготовления пива. После того как эдевин обмолят, семена кладут в корзины и погружают на некоторое время в воду. Затем их выкладывают на банановые листья, для того чтобы они проросли, и, по мере того как это происходит, листья закрывают от прямых лучей солнца. После того как Кизанга закрыл зерно листьями, он взял свое копье и приготовился проводить меня домой, говоря при этом: "Солнце теперь не опасно, и только колдовство может причинить им вред". Он сделал все правильно и знал, что с зерном будет все в порядке, если это зависит от его знаний и умения, если же кто-то заколдовал его, что ж, он за это не отвечает. Так же в связи с при

готовлением пива один человек сказал мне: "Колдовство не испортит пиво в ручье, а только в горшке", это означало, что "пиво не может испортиться, когда замачиваются зерна, оно портится только тогда, когда варится". Это утверждение не было поддержано всеми присутствующими, тем не менее оно ясно выразило определенное мнение.

Как-то я спросил старого азанде, где мне посеять земляной орех, и последовал его совету. Спустя некоторое время я пошел вместе с ним посмотреть, как развиваются молодью растения, и, поскольку они по казались мне не слишком сильными, я высказал предположение, что, может быть, почва слишком истощена или вообще не подходит для земляного ореха. На это он ответил: "Земля хорошая, только колдовство может ее испортить". Из опыта ему было известно, что, если не вмешивалось колдовство, эта земля рождала хороший земляной орех, поэто му в пределах человеческого знания его совет был правильным. Действительно, земляной орех вырос хорошим.

Экономическая деятельность азанде как в строительстве и ремеслах, так и в сельском хозяйстве и в охоте, регулируется некоторой совокупностью знаний, передаваемых от поколения к поколению. В том, что касается их благосостояния, они обладают вполне здравым знанием природы. За пределами этого у них отсутствует научный интерес и любознательность. Конечно, их знание является эмпирическим, неполным и передается не путем систематического обучения, а усваивается случайным образом в течение детства и ранней юности. Однако его вполне достаточно для решения повседневных задач и сезонных работ. Если же они все-таки ошибаются, причина известна заранее это колдовство.

Тем не менее общественное мнение приписывает неудачу колдовству только в том случае, если устранены все возможности чисто технической ошибки. Легко увидеть, что ошибки должны случаться, ибо технические правила уже в самих себе содержат возможность ошибки, и они не могли бы сохраниться, если бы ошибки не относились на счет человека. Молодой азанде никогда не смог бы научиться лепить горшок, сплести шляпу, сделать копье или вырезать чашку, если бы все свои ошибки приписывал колдовству, т.к. человек становится хорошим мастером только в том случае, если замечает свои ошибки и ошибки других.

Может возникнуть вопрос: проводят ли азанде различие между колдовской причинностью и такой, в которой не принимает участия ни колдовство, ни какой-либо другой мистический фактор? Вообще, часто спрашивают, способны ли представители отсталых народов отличить естественное от сверхъестественного. Можно попытаться предваритель но ответить на этот вопрос, ссылаясь на азанде. Поставленный вопрос можно понять так: способны ли отсталые народы абстрактно отличить естественное от сверхъестественного? У нас имеется понятие упорядоченного мира, соответствующее тому, что мы называем законами природы, однако и в нашем обществе некоторые люди верят, что могут происходить мистические вещи, которые нельзя объяснить с помощью законов природы. Следовательно, такие события выходят за сферу, охватываемую естественными законами, и мы можем назвать их сверхъестественными. Сверхъестественное означает для нас нечто очень близкое ненормальному или чрезвычайному. У азанде, безусловно, нет такого понятия реальности. У них отсутствует представление о "естественном" в нашем понимании, следовательно, отсутствует и представление о "сверхъестественном". Сверхъестественное мы помещаем на другую плоскость, хотя бы в пространственном смысле, по отношению к плоскости естественного. Однако для азанде колдовство является обыденным, а не чрезвычайным событием, хотя в некоторых обстоятельствах оно встречается редко. Это обычное, а не экстраординарное событие. Но, если они и не придают естественному и сверхъестественному тех значений, которые придают им образованные европейцы, тем не менее они проводят различие между ними. Наш вопрос можно и нужно сформулировать иначе. Скорее он должен звучать так: способны ли отсталые народы осознать какуюлибо разницу между теми событиями, которые мы, наблюдающие их культуру со стороны, считаем естественными, и теми, которые мы считаем мистическими? Азанде, безусловно, осознают различие между тем, что мы считаем делом природы, и тем, в чем замешаны магия, духи и колдовство, хотя, не имея ясного учения о законе природы, они не могут выразить этого различия так, как выражаем его мы.

Концепция колдовства у азанде несовместима с нашим способом мышления. Следует, однако, сказать, что даже азанде относятся к дей

ствию колдовства несколько необычно. Нормальным оно ощущается только во сне. Понятие колдовства выходит за пределы чувственного опыта. Азанде не претендуют на полное понимание колдовства. Они знают, что колдовство существует и причиняет зло, однако о способе его действия они вынуждены только догадываться. Действительно, при обсуждении колдовства с азанде я часто встречал у них сомнения по поводу предмета беседы причем эти сомнения выражались не только в том, что они говорили, но еще больше в том, как они говорили об этом. Все это резко отличалось от уверенного изложения их знаний относительно социальных событий и экономических действий. Они теряются в попытках описать способы, которыми колдовство достигает своих целей. Ясно, что колдовство убивает людей, но как оно это делает, в точности не известно. Азанде скажут вам, что если бы вы спросили старого человека или знахаря, то, может быть, получили бы больше информации. Однако старый человек и знахарь скажут вам не намного больше, чем юноша или простой человек. Они знают лишь то, что известно другим: что душа колдуна по ночам отправляется грызть душу жертвы. Только сами колдуны вполне понимают эти вещи. Опыт азанде скорее включает в себя чувство колдовства, а не его идею, поскольку их интеллектуальные понятия слабы и они лучше знают, что делать при нападении колдовства, чем как объяснить его. Их реакция заключается в действии, а не в анализе.

Я предвосхищу здесь то, что более полно освещено в части, посвященной магии, сказав, что при обсуждении с азанде магических ритуалов я получил такое же впечатление, как и при разговорах о колдовстве. Я заметил ту же неопределенность и так же почувствовал, что речь идет о вещах, действие которых лишь отчасти наблюдаемо, а ненаблюдаемое объясняется ссылкой на некоторую врожденную силу, которая представляется мистической не только нам, но также и им самим. Это мбисимо, или душа вещи. У них нет ясного представления о том, как колдуны убивают людей, но "люди говорят, что колдун посылает душу своего колдовства есть душу тела человека". Точно так же им известно, что магия убивает людей, но, если вы спросите у них, как она это делает, вам ответят просто: "Точно я не знаю, но предполагаю, что душа магического обряда выслеживает человека и поражает его". Они верят, что, когда человек умирает, он в некотором смысле становится тотемным животным своего рода. Но каким

образом? Точно они не знают, но "душа человека превращается в животное".

С той же самой трудностью мы сталкиваемся в поисках перевода их идей относительно оракулов. Хотя в действиях и разговорах азанде, по видимому, персонифицируют их и относятся к ним так, как если бы они обладали мышлением, наблюдатель не сможет обнаружить и зафиксировать такое утверждение, в котором это убеждение было бы выражено явно. Это опять ответ на вопрос европейцев, ибо именно мы спрашиваем азанде относительно их убеждений и испытываем их своими новшествами. Азанде их провозглашают и не чувствуют необходимости их объяснять: душа оракула слышит, что ей говорят, и отвечает.

Самое главное: при отсутствии туземной концепции мы должны постараться избежать искушения сконструировать догму, опирающуюся на представление о том, что мы действуем так, как действовали бы азанде. Не существует детальной и стройной концепции колдовства, которая объясняла бы его действия, и не существует такой концепции природы, которая разъясняет включенность колдовства в функциональные взаимоотношения. Свои верования азанде проявляют в действиях, а не в интеллектуальных конструкциях, принципы этих верований нужно искать в социально контролируемом поведении, а не в доктринах. В этом заключается трудность, с которой сталкивается обсуждение темы колдовства с азанде: их идеи включены в действия, и их нельзя извлечь и использовать для объяснения и оправдания действия.

Таким образом, нами была предпринята попытка извлечь из высказываний и поведения азанде в ситуации стресса и из их комментариев по этому поводу некоторую философию. Однако оказывается, что она весьма слабо выражена в понятийных структурах. Поэтому мы, быть может, лучше поймем смысл колдовства при описании поведения азанде в ситуациях несчастья. Кроме того, мы пришли бы к очень несовершенному пониманию колдовства у азанде, если бы просто выслушали их утверждения относительно его особенностей и сосредоточили внимание лишь на тех событиях, в которых оно участвует. Нужно иметь в виду также человека, который воспринимает эти события и у которого имеется понятие о колдовстве, — только тогда

мы поймем, что слово является не столько интеллектуальным символом, сколько реакцией на ситуацию неудачи...

Представление о колдовстве зависит не только от несчастий и личных взаимоотношений между людьми, но и включает в себе моральное осуждение. В самом деле, мораль племени азанде так тесно связана с его представлениями о колдовстве, что вполне можно сказать, что она вбирает их в себя. Их выражение "это колдовство" часто можно перевести просто как "это зло". Как мы уже видели, колдовство не совершается случайно или без злого умысла, а является преднамеренным нападением одного человека на другого, к которому первый испытывает ненависть. Колдун действует из злых намерений. В племени азанде говорят, что впереди идут ненависть, ревность, зависть, злословие, сплетни и т.д., а за ними следует колдовство. Человек должен прежде ненавидеть своего недруга, и только тогда он может заколдовать его. И если колдун почувствует раскаяние в сердце, когда брызгает водой, его колдовское действие не будет иметь эффекта. И поскольку в племени азанде интерес проявляют не к колдунам как таковым, т.е. не к статичной способности к колдовству, а только к колдовской деятельности, то это имеет два следствия. Во-первых, туземцы склонны отождествлять колдовство и те чувства, которыми, как предполагается, оно вызывается, поэтому в племени азанде думают о ненависти, зависти и жадности в терминах колдовства и, в свою очередь, думают о колдовстве в терминах тех чувств, которые оно обнаруживает. Во-вторых, человек, заколдовавший другого, будет восприниматься последним как колдун не когда-нибудь впоследствии, а только во время вызванного им несчастья и в связи с данными конкретными обстоятельствами. К колдунам нет такого предустановленного отношения, как, например, к высокородным. Высокородный всегда является высокородным, и к нему так относятся в любой ситуации, а отношение к персоне колдуна не является постоянным, поскольку человек считается колдуном только в определенных ситуациях. Представления о колдовстве в племени азанде выражают динамичные взаимоотношения между людьми при неблагоприятных обстоятельствах. Значение этих представлений настолько зависит от сложившейся ситуации, что человека едва ли станут считать колдуном, когда ситуация, вызвавшая обвинение против него, перестанет существовать.

В племени азанде не согласятся с тем, что любой человек, ненавидящий другого, является колдуном, или что колдовство и ненависть – это синонимы. Согласно представлениям этого племени о колдовстве, ненависть – это одно, а колдовство – это совсем другое. Все люди склонны испытывать недобрые чувства к своим соседям, но если человек не родился с колдовством в своем чреве, он не может причинить вред своим недругам тем, что испытывает к ним ненависть.

Конечно, старик может сказать юноше, что тот заболел из-за има абакумба, поскольку вызвал гнев старшего, но в племени азанде не верят что гнев старика сам по себе может причинить большой вред, и тому, если старик говорит в таком духе, то считается, что он намекает на свою способность заколдовать тех, кто будет досаждать ему. Таким образом, если старик не является колдуном или ведуном, то никакая беда не падет на голову человека, не состоящего с ним в родстве, если старик будет гневно с ним разговаривать. Враждебность старика может причинить лишь небольшое неудобство, как это бывает в случае с желчными людьми. И оракулы могут спутать простую ненависть с фактическим колдовством, если их не предупредить, что следует рассматривать только случай действительного колдовства.

Недобрые чувства и злые слова не могут сами по себе причинить человеку серьезный вред, если этот человек не имеет определенной социальной связи со своим недоброжелателем. Проклятия человека, не находящегося с вами в родстве, не принесут вам вреда, но нет ничего более ужасного, чем проклятия отца, матери или ближайших родственников. Даже не произнося ритуального проклятия, отец может навлечь несчастье на своего сына просто своим гневом или недовольством. Аналогичным образом, если принц сердится и выражает сожаление по поводу отсутствия подчиненного, то у последнего могут быть неприятности. Мне говорили, что если женщина отправляется в путешествие против воли мужа, а он сердится и сетует, то с ней может что-нибудь случиться в дороге.

Если у вас есть сомнения, только ли ненавидит вас ваш недруг, или же он действительно заколдовал вас, то вы можете обратиться к оракулу – к одному или даже к нескольким, – чтобы разрешить свои сомнения. Вы предупреждаете оракула, чтобы он не обращал внимания на недоброжелательность и сосредоточился исключительно на колдовстве. Вы говорите ему, что вам не важно, ненавидит ли вас

этот человек, но что вы хотите знать, не совершил ли он колдовства. Например, вы говорите оракулу: "Ты заметил клевету – отбрось ее в сторону.

Ты заметил ненависть – отбрось ее в сторону. Ты заметил зависть – отбрось ее в сторону. Действительное колдовство – принимай во внимание только его. Если оно готово убить меня, укажи (ответь "Да")".

Более того, из представлений племени азанде не следует, что колдун причиняет людям вред только потому, что он колдун. Как я указывал ранее, человек может родиться колдуном, но его колдовская сущность так и останется непроявленной ("холодной"). Это означает, что, будучи колдуном, можно оставаться хорошим человеком, не питающим злобы против своих соседей и не завидующим их счастьем. Такой человек считается хорошим гражданином, а в племени азанде быть хорошим гражданином – значит с готовностью выполнять свои обязанности и всегда жить в добрых отношениях с соседями. Хороший человек имеет уравновешенный характер, он великодушен, является хорошим сыном, мужем и отцом, предан принцу, справедлив в сделках, верен своим обязательствам, подчиняется законам, умеет ладить с другими; он питает отвращение к прелюбодеянию, хорошо отзываясь о своих соседях и всегда добродушен и вежлив. От него не требуется, чтобы он любил своих недругов или выказывал снисхождение к тем, кто причинил вред его семье и родственникам или совершил прелюбодеяние с его женами. Такой человек считался бы спокойным и приятным, но лишенным сильного характера, а в племени азанде вызывают восхищение люди более сурового и импульсивного темперамента, которые отвечают гневом и возмездием на причиненный им ущерб. Но если человек ни от чего не пострадал, он не должен проявлять враждебность по отношению к другим людям. Зависть также считается злом, если она не одобряется сообществом, как, например, соперничество между принцами, знахарями или певцами...

Поступки, которые противоречат представлениям племени азанде о правильном и должном поведении, хотя сами и не считаются колдовством, но тем не менее являются его внутренним импульсом, и чаще всего колдунами оказываются люди, нарушающие правила поведения. При рассмотрении ситуаций, наводящих на мысль о

колдовстве, а также общепринятых методов, используемых для выявления колдунов, сразу становится очевидным моральный и сознательный характер колдовства. Моральное осуждение предопределено, поскольку, когда с человеком случается несчастье, он вспоминает о своих обидах и перебирает в уме тех своих соседей, кто проявлял по отношению к нему незаслуженную враждебность, или кто несправедливо затаил против него злобу. Эти люди обидели его и желают ему зла, и именно они могли заколдовать его, поскольку человек не совершает колдовства, если не испытывает ненависти.

На сегодняшний день моральные принципы племени азанде не очень сильно отличаются от наших принципов в оценке поведения, как хорошего, так и плохого, но, поскольку они не выражены в религиозных терминах, их родство с правилами поведения, сформулированными в известных религиях, не является на первый взгляд очевидным. Духов мертвых в племени азанде нельзя считать арбитрами моральных норм и поведенческих санкций, поскольку эти духи являются членами

Кровнородственных групп и пользуются авторитетом только в этих группах, т.е. среди людей, у которых они пользовались авторитетом, когда были живы. Бог в племени азанде имеет очень неопределенное влияние, и к нему не взывают как к стражу морального закона, которому нужно подчиняться только потому, что он – Верховное Существо.

Поэтому моральные нормы, в большинстве своем не охватываемые уголовным и гражданским правом, формулируются у племени азанде в терминах колдовства. "Зависть есть зло из-за колдовства: завистливый человек может убить кого-нибудь", – говорят они, и аналогично они говорят о других антисоциальных чувствах.

Когда в племени азанде говорят, что действие или чувство является злом, то имеют в виду, что оно социально неприемлемо и осуждается общественным мнением. Оно является злом потому, что может привести к колдовству и может принести дурную славу тому, кто нарушает моральные нормы. Здесь не место предпринимать углубленный анализ правовых норм и моральных принципов племени азанде, но следует отметить, что мы осуждаем те же самые чувства, что осуждают и они; родители внушают своим детям мысль о необходимости не поддаваться этим чувствам, и принцы наставляют

своих подчиненных старательно остерегаться этих чувств. Если вы ненавидите своего соседа без серьезной причины, то вы проявляете слабость характера, и люди будут избегать общения с вами. Если вы клеветаете на своего соседа, вы приобретаете дурную славу, и люди будут говорить, что вы – лжец, а принц не поверит вам, когда вы обратитесь к нему с жалобой. Если вы скупы, люди не будут приглашать вас на угощение, и соседи будут часто намекать на ваше отсутствие среди гостей и будут издеваться над вами в ваше отсутствие, так что вам станет стыдно. Мелочный человек также становится предметом насмешек своих соседей и оказывается в одиночестве. Но основным возражением против этих недостойных черт является то, что все они являются источником и внутренним импульсом колдовства, и если вы спросите туземца племени азанде, почему эти черты плохи, то он ответит, что они плохи потому, что ведут к колдовству...

В племени азанде говорят: "Смерть всегда имеет причину, и ни один человек не умирает беспричинно", имея в виду, что смерть всегда является следствием чьей-либо вражды. Даже самые сильные мужчины умирают от колдовства, вызванного ненавистью. Поэтому и существуют афоризмы: "Они ненавидят слона, и он умрет" и "Они злословят о сяоне, и он умрет". Именно колдовство убивает человека, а толкает колдуна к убийству ненависть.

"В племени азанде говорят, что колдовство – это зависть, поскольку человек совершает колдовство, когда сердце его озлоблено. Завистливый человек – то же самое, что колдун. Сведущие в этом вопросе говорят, что колдовство всегда наносит вред человеку, поскольку сердце колдуна озлоблено против этого человека".

И скупость может послужить отправной точкой для убийства.

Люди остерегаются отказывать в просьбах о подарках, чтобы просящий не околдовал их, поэтому считается, что "человек, постоянно просящий подарков, является колдуном".

Подозревают в колдовстве и тех, кто всегда говорит вокруг да около и боится откровенного разговора. Туземцы племени азанде очень чувствительны и обычно настороженно воспринимают любые намеки даже в совершенно безобидном разговоре. Это служит частым поводом для ссор, и обычно нельзя понять, то ли говорящий имел

намерение обидеть, то ли слушающий беспричинно усмотрел обидный смысл.

Например, человек сидит со своими соседями и говорит: "Ни один человек не живет вечно". Один из стариков, сидящих поблизости, неодобрительно ворчит на это замечание, хотя сказавший поясняет, что он имел в виду только что умершего старика, но при этом другие могут подумать, что он желает смерти одному из сидящих с ним рядом.

Человек, предвещающий другим несчастье, сразу же будет заподозрен в колдовстве, если с кем-нибудь из этих людей действительно случится несчастье. Человек в гневе угрожает другому и говорит: "Тебя не станет в этом году", и если какое-то время спустя человек, которому это было сказано, заболеет или с ним случится несчастье, то он сразу вспомнит эти сказанные в гневе слова и обратится к оракулам, поместив имя произнесшего эти слова первым в списке подозреваемых.

Злобный нрав также вызывает подозрения в колдовстве. Мрачных и сварливых людей, людей, страдающих каким-либо физическим уродством или получивших увечья, подозревают из-за их злобности: все те, кто обнаруживает скверные привычки, например, испражняется в огородах других, мочится на людях, ест, не помыв руки, или же употребляет в пищу черепах, жаб и домашних крыс, — все они принадлежат к тому типу людей, которые могут заколдовать других. Сказанное относится и к невоспитанным людям, которые входят в чужую хижину, не испросив прежде разрешения, не могут скрыть своей жадности при виде пищи или пива, делают оскорбительные замечания о своих женах и соседях или бросают им вслед оскорбления и проклятия и т.д.

Необязательно, что каждый, кто обнаруживает эти неприятные черты, считается колдуном, но именно эти чувства и манеры поведения вызывают у других людей подозрения в колдовстве, поскольку в племени азанде считают, что тот, кто проявляет эти качества, имеет желание совершить колдовство, даже если он не способен этого сделать. Поскольку именно эти качества вызывают враждебность соседей, имена людей, проявляющих эти качества, наиболее часто помещают перед оракулами, если кому-либо из соседей случится заболеть.

А раз этих людей часто обвиняют в колдовстве, возможно, поэтому они приобретают репутацию колдунов. Прослеживается тенденция считать колдунами тех, чье поведение в наименьшей мере согласуется с социальными требованиями. Если людей, один или два раза совершивших колдовство против своих соседей, не воспринимают постоянно как колдунов, то некоторых людей оракулы разоблачают столь часто, что они приобретают устойчивую репутацию колдунов и считаются колдунами вне конкретных ситуаций несчастья. Редко обвиняют в колдовстве тех, кого мы могли бы назвать добрыми гражданами, – а таковыми, конечно, являются наиболее богатые и наделенные властью члены племени, и, как правило, обвиняют тех, кто досаждают своим соседям и проявляет слабование.

Действительно, было бы неплохо показать, что слабость, так же как ненависть и зависть, провоцирует обвинения в колдовстве, поскольку ни у кого, кто в течение долгого времени жил среди туземцев племени азанде, не может быть сомнения, что они не склонны спрашивать у оракулов относительно влиятельных лиц и предпочитают справляться о женщинах или мужчинах, которые не пользуются влиянием при дворе, т.е. о тех, кто не сможет позже отомстить за оскорбление, нанесенное обвинением в колдовстве. Это имеет еще более очевидный характер для разоблачений, совершаемых знахарями с помощью оракулов, чем для обычных оракульских разоблачений. В племени азанде не согласились бы с этим моим замечанием. Конечно, иногда обвиняют в колдовстве и влиятельных лиц, а бедняков не обвиняют вообще или обвиняют очень редко. Я предлагаю здесь только общее описание той тенденции, которая делает правомочным мое утверждение о зависимости между обвинениями в колдовстве и равным социальным положением, поскольку только сильное различие в статусе исключает вражду, обычно вызывающую обвинения в колдовстве.

В чем моральные принципы туземцев племени азанде имеют глубокое отличие от наших, так это в том спектре событий, которые, по их мнению, имеют моральное значение. В племени азанде почти любое происшествие, нанесшее человеку ущерб, считается случившимся из-за ненависти другого человека. Плохое для человека является плохим и в моральном отношении, т. к. проистекает от злого человека. Любое несчастье рождает мысль о нанесенном оскорблении

и желание отомстить. В племени азанде любая утрата считается случившейся из-за колдунов. Для туземцев смерть, как бы она ни произошла, является убийством, вопиющим об отмщении, поскольку для них важным является само событие или факт смерти, а не тот инструмент, благодаря которому она произошла, будь то болезнь, дикий зверь или копье врага.

В нашем обществе только некоторые несчастья считаются происшедшими в результате злодеяния других людей, и только в очень ограниченных ситуациях мы можем отомстить строго предписанным способом тем, кто совершил преступление. Болезнь или неудача в экономических делах не считаются у нас ущербом, причиненным нам другими людьми. Если человек болен или если его предприятие потерпело крах, он не может отомстить кому-нибудь, как он мог бы это сделать, если бы его часы были украдены или если бы на него совершили нападение. Но в земле азанде все несчастья происходят из-за колдовства, и этот факт позволяет человеку, пережившему утрату, в любой ситуации осуществить месть установленным способом, поскольку любое несчастье приписывается действию человека. В таких ситуациях, как кража, прелюбодеяние или насильственное убийство, всегда участвует человек, на которого направляется месть. Если он известен, то против него возбуждается дело в суде; если он неизвестен, его выслеживают с помощью карающей магии. Альтернативой представлениям о колдовстве выступают ситуации, в которых человек не присутствует. Каждое несчастье предполагает колдовство, а каждая вражда предполагает того, от кого она исходит...

Взглянув на колдовство под этим углом зрения, легче понять, почему туземцам племени азанде не удастся заметить и признать тот факт, что не только любой человек может быть колдуном с этим они с готовностью согласятся, – но и что большая часть незнатных людей является колдунами. В племени азанде незамедлительно вызовут сомнения ваши слова, если вы скажете, что большинство людей являются колдунами, хотя, по моему опыту, всех, за исключением знати и незнатных людей, пользующихся влиянием при дворе, оракулы в тот или иной раз разоблачают как совершивших колдовство против своих соседей и, следовательно, как колдунов. Это неизбежно, поскольку все люди страдают от несчастий, и любой человек может оказаться чьим-либо недругом. К любому человеку кто-то может

испытывать неприязнь, а этот человек может в какой-нибудь день заболеть, или понести потерю и спросить у оракула о тех, кто не пользуется его расположением. Но, как правило, только те, кого невзлюбило большинство соседей, часто получают обвинения в колдовстве и приобретают репутацию колдунов.

Помня о динамичном и всеобщем характере колдовства, мы сможем лучше понять, как получается, что колдуны не подвергаются остракизму и гонениям: к тому, что зависит от преходящих обстоятельств и свойственно большинству людей, нельзя относиться со всей строгостью. Положение колдуна никоим образом не аналогично положению преступника в нашем обществе, и, конечно же, колдун не является изгнанником, который живет под тенью позора и которого избегают соседи. Конечно, я ожидал обнаружить, что колдовство вызывает отвращение у туземцев племени азанде, но я также ожидал увидеть, что колдуна подвергают социальному остракизму, хотя и не убивают в настоящее время благодаря европейскому правлению. Но оказалось, что это далеко не так. Наоборот, закоренелые колдуны, известные на много миль вокруг, живут как обычные граждане. Часто они являются уважаемыми отцами и мужьями, желанными гостями в доме и на празднике, а иногда и влиятельными членами правящего совета при дворе принца.

Некоторые из моих знакомых были известными колдунами. Одним из них, кого я хорошо знал, был мой друг Тупуа из клана Амосунгу, видная фигура при дворе Гангура. Никто бы не заподозрил, наблюдая общественную деятельность Тупуа в жизни района, что все считают его колдуном с долгим стажем, пользующимся большим авторитетом в совете колдунов. Его не подвергали остракизму, и он не страдал ни от какого ущемления в правах. Он даже не был непопулярным. Когда через некоторое время я стал слышать истории о Тупуа, я был удивлен тем, что все считают, что такой мирный старик совершил несколько убийств и принес множество несчастий своим соседям. Казалось просто шуткой, что часть правительственного поселения, в котором он жил, не была заселена лишь потому, что никто не хотел рисковать и поселиться с ним рядом. Считалось благоразумным не рассказывать ему о предстоящих хозяйственных делах или же, если было невозможно воспрепятствовать тому, чтобы он узнал о них, следовало умиловить его и добиться от него

одобрения этих предприятий. Например, охотник старался уйти после игры так, чтобы Тупуа не заметил этого. Когда я шел охотиться на цесарку, мне обычно советовали сделать крюк и не проходить мимо дома Тупуа, поскольку мои товарищи боялись, что, если он нас увидит, то пошлет своего духа, который отпугнет цесарку. Они не испытывали недоброжелательности к Тупуа, просто они хотели иметь гарантию, что у них будет кое-что на обед. С другой стороны, Тупуа должен был обязательно знать о коллективных походах, и поэтому перед походом его вместе с другими стариками (чтобы это не выглядело относящимся только к нему) заставляли публично пролить воду на землю в подтверждение своей доброй воли. Таким образом, люди просили у стариков благословения для похода, но молчаливо все понимали, что просят они воздержаться от колдовства в отношении предстоящей охоты. Каждый охотник старается завоевать расположение всех стариков в округе перед крупной охотой и поэтому раздает им мясо после какой-нибудь успешной охоты.

Время от времени спокойное течение нашей жизни нарушалось резким выпадом против Тупуа. Одна такая сцена произошла через две недели после моего приезда во вторую экспедицию. Услышав нарастающий шум, я вышел из хижины посмотреть, что происходит, и нашел Зингбондо из клана Авотомбо, в неистовой ярости кричащего, что Тупуа убил двух его родственников и что он отомстит за них. Ссора имела отношение к правительственному строительству дорог. Вторая сцена также произошла из-за правительственных работ, как и многие другие ссоры в наши дни. Мой друг Бадобо из клана Акове сказал своим товарищам, расчищающим правительственную дорогу вокруг поселения, что он нашел обрубок дерева, о который несколько дней назад споткнулся и ушибся Тупуа, когда возвращался поздно ночью после гостей. Вдобавок Бадобо сказал своим друзьям, что они должны как можно лучше очищать дорогу, чтобы никогда больше такой важный человек, как Тупуа, не спотыкался и не падал. Один из сыновей Тупуа услышал эти слова и передал их отцу, который сделал вид, что усмотрел в них двойной смысл и нашел во всем поведении Бадобо что-то издевательское. Он обратился с жалобой на Бадобо к своему высокопоставленному соседу, который нашел слова Бадобо довольно невинными (хотя сам Бадобо уверял меня, что это не так) и присудил решение в его пользу. После этого Тупуа подошел к Бадобо и

плюнул ему на ноги большим "колдовским" плевком. Этот поступок вызвал общее осуждение и ДРУЗЬЯ Бадобо стали выражать беспокойство, говоря: "Увы, Бадобо не выживет. Тупуа совершил над ним ужасную вещь, и у него нет возможности избежать смерти". Однако Бадобо избежал смерти, возможно, потому, что сам был колдуном. Некоторое время спустя родственники умирающего человека видели, как он плюнул в тыквенную бутылку, пошел к кустам и спрятал ее там, видимо, для того, чтобы продолжить свое злодеяние. Очевидно, что намерение Тупуа состояло в том, чтобы плюнуть перед Бадобо в знак доброй воли, но, поскольку он имел репутацию колдуна, его действие было проинтерпретировано в неблагоприятном свете.

Тупуа имел большое пристрастие к пиву и, казалось, неизменно получал оповещение, когда я собираюсь дать горшок или два пива своим слугам и соседям, и, не будучи приглашенным, неизменно появлялся на вечеринке. Это меня так раздражало, что я строго запретил давать ему пива. Моего приказа не послушались, и, когда я стал расспрашивать – почему, мне было сказано, что все боялись обойти Тупуа, передавая по кругу бутылку, поскольку он, безусловно, колдун и причинил бы вред любому, кто таким образом оскорбил бы его. Несмотря на репутацию Тупуа, никто не стал бы его оскорблять, называя колдуном, не будучи только сильно разгневанным, и никто не стал бы упоминать это общее мнение в присутствии друзей Тупуа.

На самом деле колдун пользуется определенным престижем благодаря своим способностям, поскольку все проявляют осторожность, чтобы не обидеть его, т. к. никто не хочет навлечь на себя беду. Именно по этой причине Тупуа предлагали пиво, и именно поэтому хозяин, убивший на охоте дичь, посылает мясо в качестве подарка всем старикам, живущим в соседних домах. Если старый колдун не получит мяса, он помешает охотнику убить дичь в следующий раз. А если же он получит свою долю, он захочет, чтобы было больше убитой дичи, и воздержится от вмешательства. Точно так же человек поостережется беспричинно сердить своих жен, поскольку если одна из них окажется колдуньей, то он своим скверным характером навлечет беду на свою голову. Человек будет по справедливости распределять мясо между своими женами, чтобы ни одна из них, получив меньшую долю, из чувства обиды не помешала ему убить крупную дичь в следующий раз.

Вера в колдовство является важным коррективом для жестоких влечений, т. к. проявления злобы, скупости или враждебности могут иметь серьезные последствия. Поскольку в племени азанде не знают, кто является колдуном, а кто – нет, они допускают, что все их соседи могут оказаться колдунами, и поэтому остерегаются обвинять кого-либо без серьезного на то основания. Эти представления о колдовстве оказывают действие двумя способами. Например, ревнивый человек, боясь, что будет заподозрен в колдовстве теми, к кому он испытывает ревность, будет стремиться избежать этого подозрения, скрывая свою ревность. Кроме того, те, к кому он ревнует, могут оказаться колдунами и попытаются причинить ему вред в ответ на его враждебность, поэтому он будет скрывать свою ревность из страха быть околдованным.

В племени азанде считают, что никогда нельзя быть уверенным, что кто-то лишен способности к колдовству. Поэтому они говорят: "Спрашивая у оракулов о колдовстве, никого не упускай из виду", подразумевая, что лучше спросить у оракула о каждом без исключения. С этим связан их афоризм: "Нельзя смотреть в человека, как в открытую корзину", означающий, что невозможно увидеть колдовство внутри человека, и поэтому лучше не навлекать на себя злобу, поскольку ненависть является стимулом любого колдовского действия.

КОЛДОВСТВО В РОССИИ

В 1547 году во время великого московского пожара народная молва приписала это бедствие чародейству Глинских, родственников по матери молодого Ивана IV. По совету благовещенского протопопа Федора Бармина, бояр князя Федора Скопина-Шуйского и Ивана Федорова царь приказал провести розыск по делу. (По материалам А. Горбовского и др. (Прим. авт.))

Бояре приехали в Кремль на площадь к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать:

— Кто зажигал Москву?

Толпа закричала:

— Княгиня Анна Глинская со своими детьми и с людьми колдовала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду, да тою водою, разъезжая по Москве, кропила и оттого Москва выгорела!

На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя Ивана Васильевича; слыша такое ужасное обвинение, он поспешил укрыться в Успенском соборе, но озлобленная чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни.

Строгое отношение к чародеям выражается и в законодательных памятниках того времени, в которые начинают проникать постановления относительно строгого преследования ведьм и колдунов.

Катошихин говорит, что в его время мужчин за волшебство и чернокнижничество сжигали, а женщин за то же живыми по грудь закапывали в землю, отчего они умирали на второй или же на третий день.

Усиление веры в колдовство в России относится к тому времени, когда на Западе эта вера стала ослабевать, а именно к XVIII столетию.

Во второй половине XVIII века в народе существовало убеждение, что сжигание за колдовство дело обычное и вполне законное.

В июне 1758 года управляющий имением графа Тышкевича пишет к последнему: "Ясновельможный пане! С возвращающимися Клепацкими крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть

колдуний три сознались сразу, а остальные не сознались, потому что две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же они все одиннадцать дней просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов воду и буду на ней варить кисель: говорят, что непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда работы мне прибавится. Вот и граф Епернети по нашему примеру сжег женщину и мужчину, войта четырех полков. Этот несчастный ни в чем не сознался, зато женщина созналась во всем и с великим отчаянием пошла на тот свет".

У нас также практиковались "испытания водою", которые заключались в следующем. Женщин, подозреваемых в причинении засухи, заставляли беспрерывно носить воду из реки или пруда через поля и поливать ею кресты или образа (фигуры), выставляемые по обыкновению близ села или на раздорожье.

Женщина, которая выносила это испытание, избавлялась от подозрений в колдовстве. Так же, как и на Западе, практиковалось топление несчастных в воде.

В Малороссии испытуемым привязывали на шею камень и таким образом опускали в реку: если они тонули, их считали невинными и вытягивали веревками вверх, а если им удавалось держаться на поверхности воды, их признавали ведьмами и обрекали на смерть.

В 1709 году во время засухи в Подолии мелкопоместные владельцы села Подфилинья, чтобы узнать виновниц бездождья, распорядились, чтобы все крестьянки в виде первого испытания носили ведрами воду из реки Збруча через поля и поливали ею крест, стоявший у дороги на значительном расстоянии от реки.

Но поскольку все крестьянки исполнили это приказание, тем самым сняв с себя подозрение, то владельцы должны были искать виновниц между дворянками. При этом один из владельцев указал на дворянку, которую следовало бы подвергнуть испытанию.

Этой женщине он был должен значительную сумму денег, от уплаты которой уклонялся в течение двух лет; поэтому в его интересах было всячески содействовать ее обвинению, либо во всяком случае очернить ее имя.

На берегу реки Збруча устроили нужные приспособления для испытания. К этому месту созвали всех жителей села и пригласили

упомянутую дворянку.

Когда она явилась, то крестьяне, по просьбе ее должника, накинулись на нее, раздели донага, связали особенным способом, который был предусмотрен в таком случае: большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги и то же делалось накрест. Затем между связанными членами была продета веревка, и несчастную принялись на блоках опускать в воду и подымать вверх. Поскольку при этом она утонула, то общим собранием была признана невиновной.

Как-то по неосторожности Афанасий Наумов (Афонька Науменок) сболтнул, что умеет готовить колдовское зелье из лягушачьих костей; сразу же после этого его арестовали. На него, таким образом, завели уголовное дело, а сам он оказался в застенке.

Он быстро сознался не только в колдовстве и порче, но под пытками, которые ему там учинили, не выдержав боли и постоянно испытывая чувство страха и ужаса, оговорил много местных жителей.

Его дело разбиралось более года, после чего бояре рассудили: "Чтобы другим неповадно было, надлежит отсечь ему, Афоньке, руку, а также ногу, после чего сжечь его".

После того, как государь ознакомился с приговором, он проявил неожиданное по тем временам и в таких случаях милосердие вместо казни велел навечно сослать его в Сибирь. Но даже за решеткой и в кандалах Афонька продолжал быть опасен.

Особая "память" за подписью думного дьяка предписывала "его держати в тюрьме до государева указу с большим береженьем, чтоб он из тюрьмы не ушел, и к тюрьме, где он, Афонька, посажен будет, никаких людей припускати и говорити с ним ни о чем давати не велети, так же и в дороге, как его в Сибирь повезут, никаких людей к нему припускати и говорити с ним никому ни о чем давати не велети ж".

История Федора Иванова Соколова, по должности подьячего Саранской воеводской канцелярии, известна из сыскных папок, в которых рассматривались дела о колдовстве.

Года через три после женитьбы подьячий стал замечать со стороны жены некоторую холодность. Он попробовал было привязать жену по дарками.

В 1715 году, съездив по делам службы в Казань, он привез ей "полу шлафрок, обьяриновый, померанцевый, кругом обложен сеткою

серебряной" за баснословную цену 60 рублей. Надо сказать, подарок возымел эффект, но ненадолго.

Такие большие траты, которые позволял себе влюбленный подьячий, шли не из скудного его жалованья. А потому не прошло и года, как он претерпел неприятность по службе и оказался в тюрьме. Эта неприятность повлекла за собой другую, куда более серьезную.

При обыске в его платье были найдены пять "писем", написанных его рукой: "На море, на окіяне, на острове на Буяне, и тутa ходил и тутa гулял..."

"Письма" были сочтены "воровскими, заговорными, еретическими". При допросе подьячий показал: "У меня с женою совета не было, что многим известно. Письма я переписал своею рукою и по часу твердил, чтобы жить с женою в согласии".

Местное начальство так и не могло окончательно решить, говорили ли правду подследственный, или это была хитрая колдовская уловка. Подьячий, ввиду важности сего дела, был отправлен в Петербург.

Время от времени, пока он находился в Петербурге, его вызывали в Синод, где снова и снова допрашивали о "волшебных письмах", как значится в его деле.

Так шло время... Месяцы складывались в годы. В 1724 году его освободили из-под караула, и он был "послан в адмиралтейство на работу".

Снова шли годы...

В 1727 году кабинет-секретарь доложил-таки о его деле государыне. Та приняла решение незамедлительно и подписала своею рукой: "Понеже он пытан был безвинно, то и его безвинное терпение и долголетнее под арестом содержание и по силе милостивых указов вину его отпустить, а что письма нашлись, яко волшебные, то для того его, Соколова, послать в Синод, чтобы учинил перед ним покаяние".

Прошел еще год.

В августе состоялось долгожданное решение Сената: Соколова освободить, а "волшебные письмишки истребить через палача".

Таким образом, через тринадцать лет он вернулся обратно в Саранск. "Жить ему в своем доме в Саранске безотлучно и в Москве не бывать", было сказано в решении Сената.

Дождалась ли его супруга, из-за равнодушия которой и принял он свою муку, как встретились, нам ничего о том неизвестно.

Когда противоборство между царевной Софьей и ее братьями Иваном и Петром Алексеевичем завершилось в пользу братьев, тут же припомнили глухие толки, что царевне якобы помогала в богомерзких ее делах какая-то бабкаведунья.

Волнуемые этим слухом, сотни доброхотовмосквичей собрались как-то перед Стрелецким приказом, желая разыскать злодейкуколдунью и расправиться с ней.

Несложно догадаться, что, окажись победительницей царевна, а не Петр с братом, не меньшая толпа собралась бы, чтобы в свою очередь расправиться с кем бы то ни было.

В приказе перед боярином Василием Семеновичем Вольским предстал бравый молодец поморец Евтюшка. Он, мол, доподлинно знает эту бабкуведунью.

Предшествуемая Евтюшкой разъяренноликующая толпа бросилась туда, куда он повелел, и выволокла из избы некую Марфушку. Та все отрицала. Тогда было решено дать ей 32 удара кнутом. Но и это не помогло добиться от нее признания. Она ни в чем подобном сознаваться не желала.

Народ, в извечной своей жажде справедливости, стал громко требовать ее "огнем жечь крепко". Так и было бы, если бы вдруг она не скончалась сама, не выдержав пытки.

Спустя двадцать лет то зло, которое было сотворено Евтюшкой, вернулось к нему. Другой наветчик, выкрикнув "слово и дело", показал под пыткой, будто давал Евтюшка дворцовой постельнице два кусочка воску наговоренного, чтобы та налепила, где знает, да еще упоминал Евтюшка при том "имя государево неведомо для чего".

Поморец тут же был схвачен и посажен в застенок для дознания, но, так и не успев ни в чем повиниться, умер. Жена же его на трех пытках держалась упорно, отвергая все обвинения против мужа своего, не зная даже, что это ничем уже не могло помочь ему.

Под стражей она пробыла до лета 1700 года. Именно тогда пришла из Преображенского приказа бумага, в которой значилось: "Бояре при говорили: Анютку, жену Евтюшки, освободить, потому что она в том деле очистилась кровью".

Перемены Петра Первого, рушившие вековой образ жизни, многими воспринимались как катастрофа их собственного бытия. Именно по этой причине впал в уныние стольник Андрей Безобразов,

когда был назначен воеводою неизвестно куда, на дальний Терек, где-то на краю земли.

Однако ослушаться он не посмел, но сколько мог, постарался всячески задержаться в пути, при этом все время посылая с дороги на имя государей Петра и Ивана Алексеевичей слезные прошения: "Едучи на службу, я в пути заскорбел, и от той скорби стал дряхл, и глух, и беспомытен, и в уме крушился, и глазами плохо вижу, потому что человекенко старой и увеченной, руки и ноги переломаны, и иные многие беды и болезни во мне есть, и на Коломне меня, холопа вашего, поновляли и причащали, и маслом святым святили. Умилителя, государи, надо мною, аки Бог! Не велите, государи, меня на Терек посылать".

На то время шел Безобразову 69-й год, и жалобы его были вполне обоснованы. Посылал Безобразов особые письма и жене своей Агафье Васильевне: "Бей челом Авдотье Петровне, Авдотье Аврамовне. Съезди к Федоровым детям Полуектовича, к Артемонову сыну к Андрею Артемоновичу и им челом побей; да съезди к Автамону Ивановичу и ему побей челом..."

В другом письме Безобразов пишет: "За чачу не за что стоять, лише б только меня поворотили. Ведаешь ты и сама, что мне есть что дать: запас у меня есть... будет деньги, я и денег дам, ржевскую деревню продам, я и тысячу дам! А будет и деревня кому понадобится, я и деревню дам".

Обратился он тогда за помощью к волхвам и ворожеям, намеренно ссыскивая таких на своем пути, прося, чтобы те наслали по ветру тоску на царя Петра по нему, Андрею Безобразову, чтоб захотел бы царь его видеть при себе и вернул бы его в Москву.

Дошло это до государя. По доносу тут же был схвачен "волхв Дорофейка". После пристрастного допроса его и сам Андрей Безобразов был доставлен в приказ Розыскных дел.

"А на очной ставке Андрей Безобразов во всем запырался ж: что он его, Дорошку, и не знает. И с пытки Дорошка, после двух подъемов и одного удара, показал: Андрей Безобразов говорил ему ехать в Москву и там сделать, чтоб великие государи были до него добры".

Вскоре разысканы были и другие волхвы и ворожеи, к которым в отчаянии своем пытался прибегнуть старик. Все они были приговорены к отсечению головы. Волхвов же Дорошку и Федьку

решено было "сжечь в срубе". Сделано это было в Москве, на Болотной площади, там, где традиционно совершались казни.

В день, когда были сожжены волхвы, был казнен и сам Безобразов. "А жену его, Андрюшки Безобразова, Агафью, приговорено было, сослать в ссылку в Новгородской уезд, в Введенский девичий монас тырь под начало, и быть ей в том монастыре по ее смерть неисходно". Все так и свершилось.

Артемон Морозов также стал жертвой доноса. Лекарь его и "карла Захарка" донесли, что господин их, запершись, читал "черную книгу". И хотя никакого дурного умысла замечено в том не было, за само чтение "черной книги" Морозов был отправлен в ссылку, лишен боярского звания, а имение его было отобрано в казну.

В 1738 году в Подолии распространилась моровая язва. Желая пре дохранить свое село от заразы, жители села Гуменец предприняли ночью крестный ход по своим полям.

Между тем в соседнем селе у дворянина Михаила Матковского пропали лошади. Матковский ночью отправился на поиски и наткнулся на крестный ход. Жители вообразили, что неизвестный им человек, ходящий ночью по полям с уздечкою, есть не что иное, как олицетворе ние моровой язвы.

Подозревая, что Матковский упырь, парубки бросились на него, жестоко его избили, порвали на нем одежду и полумертвого оставили на земле.

Едва возвратился Матковский домой, как из Гуменца прибежал человек, чтобы узнать, жив ли он. Узнав, что он вернулся домой, жители Гуменца целою толпой, вооружившись ружьями, пиками, косами, цепями, пришли ночью и окружили дом Матковского.

Разбив стекла и высадив двери, они схватили хозяина дома и увели в Гуменец. Здесь у дома дворянина Кочковского собрались все жители села.

Арестованному дали 50 ударов, пытаясь узнать о его связи с моровою язвою. Несмотря на то, что тот клялся, что ни в чем не виноват, большинством голосов было решено его сжечь. Несколько человек высказали сомнение в юридической правильности приговора.

Дворянин Выпршинский протестовал, что дворянина нельзя жечь без приговора Городского суда. Тогда большинство потребовало от него чтобы он подписался под тем, что несет ответственность за все

бедствия, которые могут возникнуть вследствие того, что Матковского оставят живым. Выпршинский уклонился, отговариваясь сначала от присутствием чернил, а после сказал: "Некогда мне писать жгите!" Однако общественность задумалась, боясь судебной ответственности.

Дворянин Скупский прибыл верхом на сборный пункт и бросил в толпу: "Жгите скорее! Я готов уплатить сто золотых, если за это будет штраф".

После явился священник и, исповедовав Матковского, объявил: "Мое дело заботиться о душе, а о теле ваше. Жгите скорее".

Из толпы раздались крики: "Нужно жечь!" Матковского передали в руки экспертов. Один из них, дворянин Лобуцкий, вырезал пояс из сыромятной кожи, окружил им голову жертвы, заложив ему в уши под повязку камушки и затем, сложив в узел пояса палку, стал его сильно стягивать.

Другой, Войтех Дикий, замазывал свежим навозом рот Матковского, а дьяк Андрей Софончук, смочив большую тряпку в дегте, обвязал глаза Матковского.

После этого сложили костер из сорока возов дров и двадцати возов соломы, втащили на него Матковского и поспешно сожгли. После этого послали в дом Матковского за его одеждой и ее также бросили в огонь.

В XVII-XVIII веках было весьма распространено кликушество, напоминающее во многом одержимость бесом на Западе.

Кликуша (от слова кликать) или, как в старину также называлась, икотница это испорченная женщина, в которую вселился бес.

Обычно с кликушами случаются припадки в многолюдных местах, особенно в церквях. Кликуша не может переносить запаха ладана, слышать молитвы и проповеди. Во время припадка она говорит от имени дьявола и его языком.

Приписывая свою болезнь "порче", кликуша обычно выкликает имя того, кто чародейством напустил на нее болезнь. В XVII веке такие лица, чьи имена когда-либо выкликивали кликуши, привлекались к суду по обвинению в чародействе и предавались пыткам.

Самых же кликуш отсылали для изгнания поселившихся в них бесов. В допетровский период под пытками погибло немало людей благо даря таким выкликиваниям кликуш.

Петр I видел в кликушестве притворное беснование, которое преследовало определенную цель; возведение поклепа на невинных людей в 1739 году в одной области в икотном деле были обвинены 232 человека, из них 116 замужних женщин, 5 вдов, 26 малолетних и девушек, 84 мальчика и женатых мужчины.

В литературных памятниках того времени имеются указания относительно заклинания и изгнания бесов.

Буслаев приводит повесть, составленную в начале XVIII века и вошедшую в сказание об Илларионе Суздальском из книги иеромонаха Мефодия и из устных рассказов схимонаха Марка.

"При державе благочестивейшего царя Алексея Михайловича, самодержца всей России, случилось в царствующем граде Москве вот какое дело в нищепитательнице патриаршей, на Куличках, что за Варварскими воротами, близ Ивановского монастыря.

По действию некоторого чародея вселился там демон и живущим разные пакости творил, как поведал о том отец Марко, который в то время сам был вместе с Илларионом в тех богадельнях и все то видел своими глазами.

Ни днем, ни ночью тот демон никому не давал уснуть, таская людей с постель и с лавок, и всем вслух нелепости вопил... Благочестивейший же царь Алексей Михайлович повелел чина духовного людям на отогнание того демона молитвы творить; но успеха не было... Много раз принимались изгнать того беса, но не могли с ним сладить.

Тогда кто-то из приближенных возвестил царю о преподобном Илларионе, что он сподобился от Бога принять власть на изгнание нечистых духов. Благочестивый царь повелел преподобного перед собой при звать, потому что он был тогда в Москве.

Посланные нашли Иллариона где-то на пути и позвали к царю к великому испугу Иллариона, потому что он подумал, не оклеветал ли его кто перед царем.

Представ перед царем, он сначала отказался от трудного подвига изгнать бесов из женских богаделен, но потом, в виде монашеского послушания, согласился и в тот же день к вечеру отправился в богадельню с Марком и Иосифом.

Пришедши в богадельню, монахи по своему пустынножительскому обычаю стали петь вечернее пение и читать

молитвы. Дьявол же, не терпя их пения, начал на полотах крепко стучать и нелепыми голосами кричать, укоряя Иллариона бесстыдными речами: "Уж не ты ли пришел сюда выгонять меня? Идика ко мне, переведайся со мною!"

Когда же преподобный стал читать акафист Богородице, в умилии вознося свои руки к небу, ударяя ими себя в грудь, испуская потоки слез и припадая к земле, тогда дьявол молитвами преподобного, как огнем, опаляемый, отскочил оттуда, как быстрая стрела, и умолк до тех пор, пока не кончилось чтение акафиста.

По совершении пения и правила уже ночью, когда погасили огни, преподобный стал читать молитвы на изгнание беса, неутешно проливая слезы, а дьявол продолжал кричать громким голосом: "Ээх, ты еще и в потемках расплакался!" И застучал на полотах крепко и, промолвив: "Я к тебе иду, к тебе иду!" замолчал.

При этом монах Марко свидетельствует следующее: "От страха хотел было я вон из кельи бежать, но преподобный ободрил меня на молитве крепко стоять и ничего не бояться, присовокупив: "Даже и над свиньями дьявол без повеления Божия власти не имеет"".

Дьявол же обернулся тогда черным котом и начал преподобному под колени подсакивать всякий раз, когда он поклонится в землю. Мешая так преподобному молиться, дьявол хотел навести его на гнев отклонить от молитвы. Но Илларион был незлобив. Подскочит к нему бес под колени, а он рукою его отбросит в сторону и сотворит поклон.

Отправив свое келейное правило, повелел он всем, перекрестя лицо свое крестным знаменiem, лечь спать. Отец Марко под шубу глубоко от боязни спрятался.

На следующий день преподобный, совершив утреннее пение, вышел из богадельни по своим делам. Тогда дьявол сказывал богаделендам бабам о преподобном, как он хорошо перед Богом живет. И все говорил окаянный бабам, а сам был невидим.

В то время одна баба положила ребенка в люльку и стала качать его. Дьявол же выхватил ребенка, взял невидимою силою саму бабу, положил в люльку и начал ее трясти, приговаривая: "Люди баба! Люди дурная!"

Вдруг идет в богадельню сам преподобный, дьявол бросился от него в великом страхе, оставив ту бабу в люльке. Когда Илларион стал святить воду, бес начал страшно кричать и бросать белыми камнями,

так что вся богадельня потряслась... Преподобный совершал свое служение, никуда не оглядываясь, между тем как дьявол все вызывал его с ним переведаться.

Наконец, окропляя иконы и стены святою водою, Илларион вступил с дьяволом в решительную борьбу, и, обратившись в ту сторону, где он кричал нелепыми голосами, преподобный воскликнул: "Я раб Господа моего Иисуса Христа, от его имени желаю бороться с тобой; выходи же, окаянный!" И начал повсюду кропить водою: и на печи, и на полатах, и на лавках, и под лавками, и потолок, и стены.

Дьявол же умолк и скрылся и не являлся целых три дня. Но потом опять очутился в богадельнях и опять стал кричать богаделенным бабам: "Хорошо этот монах под Господом Богом живет, нельзя мне приблизиться к нему!" Но когда воротился Илларион, дьявол уже стал не так дерзновенно подавать голос, видимо, ослабевал, и говорил как-то немо.

Преподобный говорил воду: "Все ли ты бесстыдствуешь, окаянный? Заклинаю тебя именем Божиим, поведай мне, где ты был в эти три дня, и где скрывался, когда я кропил святою водою?"

"Когда ты кропил, – отвечал дьявол, – в то время я под платьем на шесте сидел, а как там усидеть не мог, перескочил я на шесток, потому что там ты забыл окропить: там и сидел я до сих пор и отдыхал".

"А камень белое где берешь?", – опять спросил Илларион.

"С белого города", – отвечал дьявол.

"Как твое имя?", – спрашивал Илларион.

"Имя мне Игнатий, княжеского рода; я телесен, живу во плоти. Мамка меня послала к демону, и тотчас же взяли меня демоны".

Потом Илларион стал его изгонять из богаделен, но он не шел, говоря, что не сам он здесь вселился, но был послан, и потому не может уйти. Однако, малопомалу стал говорить немо и, ослабевая, исчезал.

Однажды, в отсутствие Иллариона, мимо той богадельни шли попы, и, став под окнами, стали заклинательную молитву читать. Дьявол же стал нелепыми голосами кощунствовать. Другой раз стали богаделенные бабы между собою браниться из-за того, что многие пропажи между ними бывают. Демон же перекликался их устами. Одна скажет: "От" Дай мыльце!" А другая ей ответит: "Свиное рыльце!"

И боролся Илларион с тем дьяволом пять недель, и наконец совсем изгнал его от богаделенных баб. Пожив в богадельнях десять недель возвратился в свой монастырь".

О том, сколь важное место в повседневной жизни занимала порча и особенно ее вид "кликушество", можно заключить из следующего эпизода.

Во время противоборства царевны Софьи и Петра за престол, Софья сделала важный политический ход: попыталась убедить народ в своей способности творить чудеса. Для этого уговорили одну "знатного отца дочь вклепать в себя беснование". Когда же она "закликала" во время службы в Успенском соборе Кремля, Софья стала усердно молиться перед Владимирской Божьей Матерью и тем так исцелила ее. На другой день весь город только об этом и говорил.

С той же целью сторонники Софьи содержали на жалованьи женщин, тоже имитировавших кликушество. Когда царевна проезжала в Новодевичий монастырь, она останавливалась на пути и на глазах у всех исцеляла их.

Игры эти значительно подняли авторитет Софии в глазах москвичей, однако, несмотря на это, акции ее держались недолго лишь до того дня, когда Петр, разгадав нехитрый маневр царевны, приказал принародно наказать плетью мнимых кликуш.

Долгое время этот вид пагубного воздействия использовался для сведения личных счетов и был весьма распространен в России. Число его ежегодных жертв составило десятки тысяч. О том, сколь массовым было это зло, которое творилось многими против многих, можно судить по некоторым цифрам статистики тех лет.

В районах, где колдовство и порча были особенно распространены, 25 процентов, т.е. каждая четвертая женщина оказывалась подвержена этому недугу.

В прошлом веке при обследовании одной из деревень Рязанской губернии там оказалось шестьсот женщин, страдавших кликушеством. Интересно, что некоторые из них болели по десять, пятнадцать и двадцать лет.

За каждой из этих цифр чьято сломанная судьба, вечное горе и слезы. Но эти печальные цифры свидетельство не только умения наводить "порчу", а в большей степени признак

недоброжелательности, взаимной ненависти и злобы, которые бытовали во все времена в народе.

Редкая ворожея или колдун наводили "порчу" и "кликушество" по доброй воле, преследуя свой интерес. К ним шли, их просили, платили, говорили:

"Испортить ту и ту..." Они выполняли все, о чем их просили и чего желали, и пожелания и просьбы такого характера не иссякали.

Исцелением от "кликушества" занимались разного рода колдуны и ворожеи при помощи молитв, заговоров и освященной воды. Делала, и делает это и сейчас, церковь. Поскольку эта болезнь представляет собой нервные и психические расстройства, то излечиться от нее крайне сложно.

В Тамбовской губернии было записано такое сказание. Ехал мужик ночью домой и повстречал человека в красной рубахе и новом полу шубке. Путник попросил подвезти его и приехал вместе с мужиком в деревню. Начали они подъезжать к воротам разных дворов. Мужик видит, что ворота открыты, а путник говорит, что заперты. Это потому, что на тех воротах были кресты, а путник был упырь и не мог пройти в ворота с крестом. Но вот подходят они к одной избе. Ворота у нее на запоре, и на них весит огромный замок, но креста нет. И ворота вдруг сами собой отворились. Вошли в избу, где спали старик и молодой па рень. Спутник мужика взял ведро, поставил его около парня на полу и ударил парня в спину. Тотчас из спины полилась прямо в ведро алая кровь. Упырь нацедил полное ведро и выпил его одним духом. Потом также "подоил" старика, а утолив аппетит, позвал мужика, который его вез: пойдём, дескать, ко мне. И в тот же миг оба очутились на кладбище. Упырь уже облапил мужика и хотел его втащить в могилу, да, к счастью как раз в это время запел петух, и мертвец сгинул. А наутро те люди, старик и парень, оба умерли.

Как люди делаются упырями? Болгары полагают, что в трупы людей, худо живших, вселяется дьявол, и они становятся упырями. В России верят, что труп становится упырем, если через него перепрыгнет кошка. Потому в народе покойников строго оберегают и не впускают туда, где они лежат, кошек. Местами, если разносится молва, что в дом начал ходить упырь, то в тот дом на всю ночь собирается вся родня, и двое мужиков, по очереди, караулят вампира до петухов. Если ктони будь из спящих начинает беспокойно метаться и храпеть, то заключа

ют, что его давит вампир. Тогда караульные всех поднимают на ноги, и люди принимаются ловить упыря. Опытные люди знают какой-то заговор, силою которого упырь, пойманный на месте злодеяния, приглашается влезть в узкогорлую посудину. Как только он туда влез, посудину затыкают и несут упыря на пустырь, где зажигают огромный костер из дров и дерна. Когда посудина с упырем, вверженная в это огнище, с треском лопается, то публика успокаивается, что вампир сгорел.

Упырей путают с оборотнями, людмиволками. Говорят, что в таком виде, т.е. в виде волка, упыри часто бродят по ночам; в таком же виде они нападают на женщин и вступают с ними в связь; от этой связи рождаются дети, обладающие характерной особенностью отсутствием хряща в носу. Тем же отличаются и волколаки. Такое чадство, конечно, само потом обязательно будет упырем или волколаком. Люди, рождающиеся на свет в сорочке и с зубами, возбуждают у простолюдинов сильное подозрение. Утверждают, что такие люди после смерти остаются румяными и лежат с открытым левым глазом...

Русский царь Василий III приказал насильно постричь в монахи свою супругу Соломонию, чтобы после жениться на Елене Глинской. По тем временам требовалось запросить благословения на новый брак патриархов Константинопольского, Александрийского и Иерусалимского, что царь и сделал. Однако те в один голос отказались одобрить его действия.

Патриарх Иерусалимский, Марк, пояснил причину, как открылось это отцам церкви: "Если дерзнешь вступить в законопреступное супружество, то будешь иметь сына, который удивит мир своей лютостью".

Василий III послушался и поступил вопреки пророчеству. Сын, который появился на свет от этого брака, на самом деле удивил мир своей жестокостью и вошел в историю под именем Ивана Грозного.

Иван Грозный в последний год своей жизни повелел привезти в Москву из Архангельска и его окрестностей тамошних бабколдуний.

Двенадцать ведьм поместили под замок, поставив надежный караул. Один из самых доверенных людей царя, Б.Я.Бельский, каждый день посещал их, передавая после этого царю все, что те ему говорили.

Но вот однажды в один голос колдуньи объявили, что царь умрет 18 марта. Естественно, что это не могло понравиться самому Ивану

Грозному. Поэтому он повелел "за такое вранье" 18 марта сжечь их живьем.

Рано утром того дня Бельский с сопровождающими явился, чтобы исполнить волю царя. Ведьмы подняли крик, чтобы тот не торопился, т. к. день только начался, а как он завершится, никому не известно.

Как свидетельствовали современники, ничто в тот день не предвещало несчастья. Царь чувствовал себя хорошо, был даже весел пел за обедом.

Позже он сел играть в шахматы, как вдруг покачнулся и схватился за грудь. Через несколько минут он потерял сознание и скончался. Так закончился этот роковой день.

Как известно, Пушкин был слишком суеверен.

Быть таким суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Никитой Всевожским ходить по Невскому проспекту, из проказы зашли к кофейной гадалке. Мы просили ее нам погадать, и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. "Вы, сказала она мне, на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественной смертью". Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадалщице. Но, спустя недели две после этого предсказания и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче, и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что Цесаревич этого желает. Вот первый раз после гадания, когда я вспоминал о гадалщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я обыграл: он, получив после умершего отца наследство, прислал мне долг, которого я не только не ожидал, но и забыл о нем. Теперь надобно сбыться третьему предсказанию и я в этом совершенно уверен.

Гадалкаколдунья, немка Александра Кирхгоф, предсказала поэту скорую смерть, однако побоялась говорить ему вслух об этом, а потому

слова ее звучали так: "Может быть, ты проживешь долго, но на 37м году берегись белого человека, белой лошади или белой головы".

Те двадцать лет, которые оставалось прожить Пушкину, были полны желанием избежать пророчества.

Когда поэту шел тридцать седьмой год, на жизненном пути его поJвился Дантес "белый человек" (он носил белый мундир), с "белой головой" (был белокур). Как известно, это и был убийца Пушкина.

Летом 1918 года Н. И. Бухарину довелось быть в Берлине, решая дела Брестского мира. Кто-то из окружения рассказал ему о гадалке, которая жила на окраине города и по всему пользовалась популярностью, т.к. безошибочно предсказывала будущее.

Вместе с приятелем, другим революционером-большевиком, он затотел посетить ее. Но то, что он услышал там, поразило его до глубины души.

– Вы будете казнены в своей стране.

Поскольку это никак не вязалось с реальностью, т.к. он считался "любимцем партии", то Бухарин переспросил:

– Вы считаете, что советская власть падет?

– При какой власти погибнете, сказать не могу, но обязательно в России.

Через двадцать лет Сталин казнил Бухарина.

В январе 1789 года в Москве появился неизвестный человек. Носил он монашеское платье, именовался Логином Трифоновым Кочкаревым. родом был из Черкасс, имел 60 лет от роду, был "с виду крепок, лицом смугл и волосом черн".

Как-то, проходя мимо дома купца Ахлопкова, в Замоскворечье, он вдруг остановился и бросил в окна несколько пригоршней снега, говоря при этом:

– В этом доме будет пожар.

По тем временам действие сие было крайне подозрительным, а по тому Кочкарева арестовали как "праздношатающегося и сумнительного человека, сеющего вредные слухи".

Не прошло и дня, как "от неизвестной причины" дом Ахлопкова сгорел дотла.

О происшествии доложили главнокомандующему в Москве П. Д. Еропкину.

Генерал пожелал лично допросить Кочкарева.

– Кто ты такой? – спросил генерал.

– Странник Божий, – ответил арестант.

– Как ты узнал, что сгорит дом?

– Я и сам не знаю, – начал Кочкарев, – мне показалось, что дом уже тогда горел.

После минутной паузы генерал поинтересовался у него:

– Можешь ли ты сказать, что ожидает меня на этих днях?

– Вас ожидает большая радость, – не мешкая ответил Кочкарев. – И не дольше, как завтра.

На другой день Еропкин получил высочайший подарок: золотую табакерку с портретом императрицы, осыпанную драгоценными камнями...

Чтобы избежать несчастья, т.к. этот странный человек, предсказав, может вызвать событие куда менее радостное, он был заключен генералом в тюрьму. И не просто, а в секретную камеру, чтобы ничего не просочилось наружу.

Главнокомандующий расценивал это событие достаточно значительным и тревожным. Как бы то ни было, он поспешил известить о нем в Петербург саму императрицу.

"Здесь появился человек, писал Еропкин, в монашеском одеянии, именующий себя... Кочкаревым. Сей человек в точности предсказал изъявленную ко мне милость Вашего Величества и многим другим разного звания московским людям, такая же участь их обстоятельно и весьма точно изъяснил, и некоторые предсказанные события уже свершились".

На это донесение от императрицы был получен безотлагательный ответ: "Отошлите сего человека к нам с обратным фельдъегерем".

Кочкарева прямо из секретной камеры незамедлительно препроводили в экипаж, который был отправлен в столицу. Генерал отослал во дворец письмо с фельдъегерем, в котором уведомлял императрицу, что "сей человек, при всей его проницательности и дивном даре прорицания будущего, пагубныя последствия создать может, ибо предсказал, что в 1812 году в Россию вторгнутся несметныя вражеския силы и возьмут Москву, от которой не останется камня на камне. От сего предсказания может произойти великое смятение в умах".

Естественно, личность Кочкарева заинтересовала государыню. В Петербурге он был подвергнут "нарочитому" наблюдению тамошних

медиков и ученых. В своем ответном письме Еропкину государыня писала: "Петр Дмитриевич! Присланный вами Кочкарев есть человек необыкновенный. Он и нам предсказал, что в 1812 году будет война, с разорением для Москвы, и что война сия окончится нашей победою. Он предсказывает еще войну в начале XX столетия, со многими народами..."

Сведения о дальнейшей судьбе прорицателя отрывочны и скупы.

Николай I посещал известного московского блаженного и прорицателя Ивана Корейшу, имевшего обыкновение встречать посетителей самой скотской бранью и даже побоями.

Не любопытство, а все тот же страх, ощущение неверности, шаткости собственного бытия однажды заставили императора отправиться на окраину Петербурга, в лачугу гадалки Марфуши.

Николай явился к ней инкогнито в старой офицерской шинели своего покойного брата Александра I.

Садись, не смущайся, встретила его провидица, указывая на лавку, хоть лавка эта не трон, зато на ней безопасней и спокойней...

Ты хочешь знать, сколько тебе осталось жить, продолжала она. Ну, так слушай. Прежде, чем придет весна, наступит твой последний час.

Император заметно изменился в лице, на котором отчетливо читалось недовольство. Когда же гадалка коснулась его прошлого, начала говорить то, о чем, как полагал Николай, знал только он один, царь не выдержал. Отшвырнув от себя старуху, он выбежал вон. Ей было открыто слишком многое. Николай тут же в срочном порядке вызвал к себе начальника тайной полиции, а через час у дверей лачуги остановилась темная глухая карета. Но посетители опоздали.

Старуха была бы плохой прорицательницей, если бы не предвидела такого конца. Лучшая петербургская гадалка, "киевская ведьма", как ее звали, сразу же после посещения императора приняла яд. Так повествует об этом дворцовая легенда.

В семье Романовых бытовало предание о предсказании отшельника Серафима Саровского. Предсказание это, касавшееся судьбы династии было записано одним отставным генералом и по воле Александра III должно было храниться в архиве жандармского корпуса. Однако когда было дано высочайшее повеление разыскать столь важный документ, его там не оказалось.

Как гласило пророчество, в царствование сего монарха, "будут не счастья и беды народные. Настанет смута великая внутри государства, ц поднимется на сына и брат на брата..." Были там и слова, посвященные "войне неудачной", что могло быть отнесено к войне с Японией.

Жажда пророчества и чуда не оскудевала во дворце.

Царь то отправляется в Саратов к некой "ясновидящей" Паше, то прислушивается к пророчествам придворной дамы, в которую якобы вселился пророческий дух медиума Филиппа.

Николай II прибегал в подобных случаях к услугам Хейро, известного английского прорицателя.

В последние годы последнего царя самым близким к трону человеком оказалась легендарная личность Григорий Распутин. "Ясновидящий и чудотворец" утверждали одни и приводили многочисленные свидетельства этого. "Жулик и негодяй" возражали другие и приводили не меньшее число фактов. Как бы то ни было, известно одно из пророчеств этого странного человека, которое оказалось истинным:

Пока я жив, говорил он царице, с вами всеми и с династией ничего не случится. Не будет меня не станет и вас.

Сейчас не так уж и важно, стояло ли за этими словами действительно пророчество, основанное на природном предвидении, способность к чему он не раз демонстрировал. Важно, что царь и его близкие верили этому и что пророчество это сбылось.

Через два месяца после того, как князь Юсупов с заговорщиками убили Распутина, Николай II был свергнут с трона, а еще через год убит большевиками вместе с детьми и близкими.

Если следовать свидетельству летописца, Борис Годунов не раз обращался к тем, кто мог бы предсказать будущее: "Призвав к себе волхов и волшебниц, спросил их: "Возможно ли вам сие дело усмотрети... могу ли я свое желание получить?.. Буду ли я царем?" Врагоугодницы ему же сказаха: "Истинно тебе возвещаем, что получиши желание сво ей; будеши на Царствии Московском, только на нас не прогневайся..." Он же им рече: "О, любимые мои гадатели! Отнюдь не убойтися мене; ничего иного не получите, кроме чести и даров: только скажите мне правду". Они же рекоша ему: "Недолго твоего царствия будет: только семь лет". Он же рече им с радостию

великою, и лобызав их: "Хотя бы семь дней, только бы имя Царское положить и желание свое совершить".

По приказу Бориса одна из пророчиц, Варвара, была приведена пред его очи и он, велев привести жеребую кобылу, спросил:

– Что во чреве у сей скотины?

Едва взглянув на кобылу, прорицательница сказала:

– Жеребец, ворон шерстью, белогуб, правая нога по колено бела, левое ухо вполы бело.

По слову Бориса, кобылу тут же убили. Все оказалось так, как и сказала пророчица. Все оказалось доподлинно так, как и было сказано ворожеями, Царствовал он семь лет.

Вольф Мессинг был польским гипнотизером, телепатом, специалистом по чтению мыслей. Он бежал в СССР после вторжения немцев в Польшу. Был приглашен в Кремль к Сталину при условии, что сумеет пройти через все посты охраны, не имея ни пропуска, ни сопровождающего. Он сделал это. Все охранники НКВД, расставленные по пути его следования, на допросах утверждали, что не видели никого, что мимо никто не проходил.

За несколько месяцев до нападения Германии на СССР Вольф Мессинг сказал:

– Я вижу танки с красными звездами на улицах Берлина!

Эти слова были выкрикнуты в испуганный и притихший зал зимой 1940 года, когда действовал пакт Молотова-Риббентропа о дружбе и ненападении между двумя странами.

Мессинг, часто выступавший в концертных залах с сеансами по чтению мыслей, на этот раз выступал в весьма зловещем и в то же время элитном месте в клубе НКВД.

Это было время, когда советская пресса и все средства массовой информации пребывали в эйфории по поводу заключенного пакта и всячески славил советскогерманскую дружбу и мудрого Сталина, который избавил свой народ от войны.

Выступление Мессинга близилось к концу, он отвечал на записки, которые хотя и не подписывались, но были безобидны и касались мелочей. Люди, еще способные задавать вопросы, могли задавать их уже только друг другу, пребывая по одну сторону колючей проволоки.

Но вот среди прочих промелькнула записка: "Что вы думаете о советскогерманском пакте"? Едва он прочел вопрос, как у него "пошла

картинка". И он тут же со сцены постарался донести ее до аудитории. И тут прозвучала фраза:

– Я вижу танки с красными звездами на улицах Берлина!

В зале стало тихо. Чтобы понять, как прозвучали и что значили эти слова, нужно было жить в то время. Нужно представить себе и тех, кто сидел в зале. Это были следователи, мастера массовых казней и расправ, которые тех, кто говорил или хотя бы слушал подобное, тут же отправляли в концлагерь или на расстрел.

Некоторые, сидевшие ближе к дверям, на цыпочках по одному стали пробираться к выходу: "Меня там не было!"

Неизвестно, каким образом эпизод стал известен германской стороне. По этому поводу посольством было сделано представление, и советскому Министерству иностранных дел пришлось объяснять, что высказывание частного лица не выражает точки зрения Советского правительства. На всякий случай было высказано сожаление по поводу инцидента.

Этот случай власти постарались забыть, а заодно забыть и самого Мессинга, что было для него далеко не худшим вариантом. Афиши с его именем исчезли, и о нем поползли темные, но вполне правдоподобные слухи. На самом же деле они оказались ложными.

Приказ не трогать его якобы исходил от самого Сталина.

О пророчестве Мессинга, однако, вскоре пришлось вспомнить, т. к. началась война.

Он стал снова выступать, разъезжая по разным городам. Тысячи людей писали ему, пытались увидеться после сеанса, надеясь хоть что-то узнать о своих близких, которые в это время находились на фронте.

Мессинг категорически отказывался делать это:

– Я не могу сделать счастливой одну семью и лишать надежды десятки других.

В 1943 году, в самый разгар войны, он выступал в Новосибирске в пеоном театре. На сцену пришла записка, которую передали ему:

– "Когда кончится война?"

– "Пошла картинка" в ту же секунду он уже знал дату "8 мая". И он назвал ее. Года он не смог увидеть, но число видел четко.

О предсказании стало известно Сталину. Когда капитуляция Германии была подписана, Сталин послал Мессингу телеграмму,

поздравляя с точностью его даты. Как известно, Мессинг ошибся всего на один день, т.к. война закончилась 9 мая.

Послереволюционный Петроград...

Первые годы новой власти, от которой никто и, наверное, сами носители власти не знали, что ждать. В те дни самые сокровенные надежды и самые темные отчаяния соседствовали в душах многих, тех, кто пытался приспособиться к новой жизни.

Надвигалась холодная зима, которая, к тому же, обещала быть еще и голодной. Вечерами улицы погружались во мрак. Трамвайные остановки были безлюдными, т.к. трамваи почти не ходили. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Чижевского, а точнее спасло его от смерти.

Накануне знакомый из философского кружка, где иногда бывал и он сам, пригласил Чижевского на очень важную, как он обещал, встречу с людьми, которые располагали ответами на многие вопросы, не дававшие покоя в это смутное время многим людям.

Чижевский не расспрашивал своего знакомого, кем были эти люди и чем они занимались, т.к. по весьма туманному приглашению нетрудно было догадаться, что они не в ладах с нынешней властью. А потому требовалось быть осмотрительными и осторожными, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Знакомый протянул Чижевскому клочок бумаги, на котором был записан адрес. По названию улицы следовало, что это было где-то на окраине города. В тот момент он еще не знал, как ему быть.

Странное предчувствие преследовало его позже, когда он обдумывал предложение. Ему не очень-то хотелось отправляться туда, ведь от того, что он там будет присутствовать, ничего не изменится. А потому он пришел к мысли, что никуда не поедет, тем более он и не обещал наверняка быть там.

Уже вечером он по каким-то необъяснимым причинам переменял свое решение и поспешил на встречу, боясь, что может чего доброго опоздать.

Долго не было трамвая... Он нервничал, думая, что все же не приедет вовремя. Обычно даже в то нелегкое время ему не приходилось ждать так долго, как в тот вечер.

Он сошел на остановке и стал приближаться к переулку, указанному на листке, навстречу ему стали попадаться встревоженные

кучки людей. Все смотрели в ту сторону, туда, куда он шел.

Он успевал расслышать обрывки разговоров, которые доносились до него. Услышанное никак не связывалось с тем местом, куда он направлялся, а потому в его сознании творилось что-то непонятное, от чего становилось не по себе.

– Сразу окружили и все! Чекисты...

– Чекисты. Десять машин...

– Я как слышала, что стреляют...

– Никто не успел уйти...

– Кого подстрелили?..

Стоявший несколько на отшибе и открывавшийся ему за поворотом небольшой особняк был весь залит ослепительным светом. В те годы было непривычно видеть так много электрического освещения, что настораживало.

Не менее чем с десятков легковых автомашин, обступивших дом, за ливали его ярким светом, который шел от включенных фар.

Какие-то фигуры, сновавшие с носилками из распахнутых дверей особняка к стоявшему поодаль в тени фургону...

Чтобы не привлечь к себе внимания, Чижевский, не останавливаясь и не замедляя шага, продолжил путь. Обойдя оцепление, постарался затеряться среди глухих окрестных улиц, благодаря Бога, что все так обошлось.

Через пару дней ему стало известно, что все же произошло в доме, куда ему так и не суждено было попасть к назначенному времени.

В тот вечер там договорились о встрече самые сильные оккультисты, экстрасенсы и чернокнижники Петербурга. То действие, которое они намеревались произвести там, известно адептам тайных наук. Это то, что исследователи называют инволютивной магией. Прием этот един у русских колдунов, колдунов Африки, сибирских шаманов или жрецов вуду.

Берется изображение конкретного человека, при помощи неких действий оно как бы идентифицируется с оригиналом, после чего все, что проделывается с изображением, должно отразиться на самом человеке.

Кто-то успел донести в ЧК о цели данной встречи...

– Дом бесшумно окружили.

За мгновение перед тем, как с револьверами в руках одновременно ворваться туда через окна и двери, чекисты успели увидеть в небольшом зале человек двадцать, перед которыми стояли портреты вождей революции Ленина, Троцкого и других, с которыми они проделывали непонятные манипуляции.

Чекисты даже не поинтересовались у арестованных, что именно те делали, т.к. у них не было ни времени, ни нужды. Очевидно, те, кто послал их к этому дому, знали это лучше. Не задавая вопросов, не спрашивая имен, чекисты открыли стрельбу. Все, кто оказался в зале, были убиты на месте...

У атеистических вождей не оставалось ничего другого, как повсеместно применять террористические акции, тем самым ограждая себя от вредоносных воздействий чернокнижников и колдунов. Их защитой была пуля каждому шаману, колдуну или оккультисту, каждому, кто хотя бы косвенно мог считаться опасным.

Столь велик был страх...

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ ШАМАНОВ

Племя как чисто этническая, культурная единица существовало, вероятно, с начала истории человечества. Но лишь в конце общинно-родовой эпохи, на стадии варварства, племя стало компактной, сплоченной общественной группой; укрепились внутриплеменные связи, сложились общеплеменные органы власти: племенной совет, вожди, военные предводители. Этому развитию племенного строя отвечали и новые формы религии^[2].

Можно установить пять таких форм, характерных для эпохи преобладания племенного строя. Это шаманизм, нагуализм, тайные союзы, культ вождей и культ племенного бога.

Не все из только что названных религиозных форм в одинаковой степени адекватны племени как социальной единице, не все они в равной мере являются отражением племенного строя как такового. Порядок, в котором эти формы религии только что перечислены и в каком они в дальнейшем будут рассматриваться в книге, приблизительно соответствует возрастающей степени связанности их с племенным строем. Меньше всего эта связанность видна в шаманизме, который, однако достиг своего полного развития именно тогда, когда племя стало господствующей формой общественной жизни, и который клонился к упадку вместе с распадом племенных связей. Яснее и очевиднее всего с племенным строем связан культ племенного божества: непосредственное идеологическое отражение племенного уклада.

Особняком стоят так называемые аграрные (точнее, земледельческо-скотоводческие) культы, развитие которых падает на ту же эпоху разложения доклассового строя, но которые связаны не с племенем, а с сельской общиной как своей социальной базой.

Понятие шаманизма (шаманства, "шаманского закона") вошло в литературу очень давно: еще в XVIII веке, а о шаманах народов Сибири имеются упоминания в письменных источниках еще более раннего времени: в "отписках" и "доездах" русских служилых людей, в ясачных книгах и других документах XVII века, а немного позднее и в сочинениях иностранцев.

В литературе можно проследить последовательную смену пяти раз ных точек зрения на шаманство. Первые наблюдатели этого явления, по своему умственному развитию стоявшие не намного выше, чем шаманы и шаманисты, видели в шаманских действиях дело дьявола, а в шаманах его слуг. Этот взгляд выражен еще в "Кратком описании о народе остяцком" Гр. Новицкого (1715 г.); но, как это ни странно, он встречается и в литературе конца XIX века, в сочинении обруселого чуванца Дьячкова об Анадырском крае, в "Алтайских инородцах" миссионера этнографа Вербицкого. Второй этап развития взглядов на шаманство связан с попыткой критического к нему отношения, рационалистическим мировоззрением XVIII века: ученые-путешественники Гмелин, Паллас и другие считали шаманов попросту обманщиками и шарлатанами. Третья точка зрения на шаманство принадлежала самим шаманистам и была вызвана преследованиями этой религии со стороны царской администрации и духовенства; стараясь защитить свои шаманские обряды от нападков миссионеров и оправдать свою приверженность к ним уже после формального крещения, они заявляли, что "шаманство не есть вера или религия, но действие частное", нечто вроде народной медицины. Четвертый этап в развитии взглядов на шаманство состоял в понимании этого явления как определенной религиозной системы, подобной брахманизму, буддизму и др.; при этом грубые обряды и наивные верования сибирских шаманистов объяснялись как результаты деградации, забвения первоначальной сущности шаманского учения. Этот взгляд был высказан еще в 1770-х годах Георги, его разделяли Иакинф Бичурин и первый бурятский ученый Доржи Банзаров. С распространением взглядов эволюционной школы и сравнительного метода в этнографии с 1870-х годов наступает пятый этап в понимании шаманизма: его начинают рассматривать как определенную стадию развития всякой вообще религии. Такой взгляд мы находим у Лёббока и у других эволюционистов, а в России у Михайловского, Харузина, Лопатина. В работах этих исследователей понятие шаманизма перестало обозначать верования одного ограниченного круга народов Сибири, а стало употребляться в гораздо более широком и общем смысле.

Однако и более ранний взгляд на шаманство понимание его как специфической религиозной системы, возникшей где-то в одном

месте, этот взгляд не исчез; напротив, в начале XX века он получил новых защитников. Фр. Гербер в духе своей теории "культурных кругов" при знал в шаманстве явление, характерное для "арктического культурного круга". Последователи гребнерианства, сторонники венской школы В. Шмидт; Александр Гас и другие внесли в эту мысль поправку: они утверждали, что шаманизм распространился в Северной Азии с юга. Эта теория южного происхождения шаманства нашла отражение и во взглядах советских ученых: некоторые из них видят в шаманстве следы влияния буддизма. Напротив, датский исследователь Око Ольмаркс, повторяя, по существу, мысль Гребнера, усматривает в шаманстве типично северное явление, целиком порожденное арктической природой, суровым климатом Крайнего Севера, который обусловил разные нервные аномалии, "истероидные реакции" и пр. На их почве только и мог развиваться настоящий шаманизм "большое шаманство", по выражению Ольмаркса. От этого арктического "большого шаманства" Ольмаркс отграничивает "малое шаманство" народов субарктической зоны, которое, по его мнению, является как бы недоразвитой формой.

Надо сказать, что все эти попытки доказать узколокальное распространение шаманства находятся в явном противоречии с фактами, свидетельствующими о наличии шаманских верований и обрядов у народов всех частей света.

Одна из последних по времени теоретических работ по шаманству принадлежит румынскому историку религии Мирча Элиадэ. Она представляет собой весьма неудачную попытку, хотя и на базе большого количества собранных автором фактов, сочетать и примирить совершенно разные взгляды на сущность и происхождение шаманства. Основу его автор видит в "архаической технике экстаза" (что отчасти верно), применяемой как средство связи с "высшим небесным существом" (уступка клерикальной теории прамонотеизма!), а позже на нее наслонились разные "экзотические влияния", особенно влияние буддизма (некритическое заимствование взгляда диффузионистов).

В общем, приходится признать, что новейшая зарубежная литература о шаманизме стоит на очень невысоком теоретическом уровне.

Подавляющее большинство исследователей хорошо видело наиболее типичную особенность шаманизма — применение методов экстатического общения со сверхъестественным миром и в связи с этим

выделение особых лиц, которым приписывается способность такого общения.

Эта бросающаяся в глаза черта шаманизма настолько для него харак терна что шаманские обряды и верования без особых затруднений за мечались, описывались и правильно классифицировались исследовате лями, в какой бы стране, у какого бы народа они ни встречались.

Но, легко распознавая шаманские явления, как таковые, у самых пазличных народов, исследователи обычно не умели и не умеют определить отношение шаманизма к другим категориям верований. В литера туре трудно найти ясный ответ на вопрос о соотношении между понятием шаманизма и другими обычно употребляемыми понятиями: анимиз ма, магии и пр. В лучшем случае на этот вопрос дается произвольный, не вытекающий из фактов ответ. Так, Лёббок рассматривал шаманизм как ту стадию развития религии, когда божества поднимаются выше человека, тогда как на более ранней стадии эти божества были на равной ноге с человеком. Зеленин, с другой стороны, считал, что шаманизм характеризуется переходом от зооморфных представлений о духах к антропоморфным, в связи с чем развивается вера о вселении их в чело века шамана. Л. Я. Штернберг трактовал шаманство с точки зрения своей теории "полового избранничества" и видел в шаманстве самую раннюю, "пассивную" стадию этого избранничества, за которой следовали другие стадии: шактизм, жречество. Но хотя собранные Штернбергом факты вера в половую связь шамана с его духомпокровителем и интересны, однако теория его грешит односторонностью: едва ли можно все явления шаманизма (в Сибири и у народов других стран) сводить к этому одному поверью. Как бы то ни было, заслуживает внимания попытка Л. Я. Штернберга исторически связать шаманизм с другими формами религии.

Следуя принятому словоупотреблению, я буду называть шаман ством особую форму религии, состоящую в выделении в обществе опре деленных лиц шаманов, которым приписывается способность путем искусственного приведения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами.

Обычный ритуал действия шамана это так называемое камла ние исступленная пляска с пением, ударами в бубен, громом железных

подвесок и т.д. Камлание рассматривается как способ общения с духами, что достигается двумя путями: или духи вселяются в тело шамана (либо в его бубен), или, напротив, душа шамана отправляется в путешествие в царство духов. В действительности смысл камлания состоит в гипнозе окружающих и в самогипнозе, благодаря которому шаман не только заставляет зрителей верить в свои сверхъестественные способности, но обычно верит в них и сам и во время камлания переживает галлюцинации. По мнению целого ряда наблюдателей, шаманское камлание очень напоминает истерический припадок, да и вообще шаманы обычно нервные, склонные к истерии люди. Цель шаманских обрядов состоит по большей части в лечении людей или животных, а так же в борьбе с разными другими несчастьями, в гадании об успехе про мысла и тому подобное.

Как уже сказано, шаманство отнюдь не представляет собой локально ограниченного явления. Шаманы существуют или существовали у народов всех частей света. Но у наиболее отсталых народов шаманизм далеко не составляет господствующей формы религии, выступая как бы в зародышевом виде.

У австралийцев можно обнаружить лишь зачаточные проявления этой формы религии. У некоторых из австралийских племен, помимо обычных знахарей, была особая категория профессионалов, которые специализировались на сношениях с духами. У курнаев, по словам Хауитта, функции бирраарка (так называется здесь такой профессионал) отделены от функций знахаря (мулламулунг). Действия бирраарка Хауитт сравнивает со спиритическим сеансом. Считалось, что его посвящают в его профессию духи (мрарты), которые возносят его на небо, где обучают его песням, пляскам и налагают некоторые табу. В дальнейшем бирраарк получает способность летать в страну духов и сношаться с ними. Какие способы при этом применялись, Хауитт не сообщает, но из отдельных случайных упоминаний видно, что бирраарк устраивал нечто вроде камлания: выкрикивал призывания духов и пр. Подобно этому у аранда тоже есть особая категория колдунов, которые отличаются от обычных знахарей тем, что их будто бы посвящают в их профессию духи, и в которых мы тоже можем видеть нечто вроде шаманов; во всяком случае, здесь налицо такие характерные для шаманства черты, как вера в умерщвление духами кандидата в шамана и его воскрешение.

У других народов той же стадии развития шаманство также выражено нерезко, хотя местами элементы его довольно заметны. У андаманцев большим авторитетом пользовались окоджуму или окопайяд ("сновидцы") лица, обладающие способностью сношений с духами. Одни из них общались с духами во сне, через сновидение, другие могли якобы делать это и наяву. Описание приемов действий окоджуму индиг часто напоминает картину эпилептического припадка. У семаангов Малакки Пауль Шебеста нашел типичных знахарей хала, применяющих для лечения больных средства народной медицины и заклинания; но Скит и Блегден описывают этих хала (называемых также помалайски блиан) в таких выражениях, которые говорят о наличии элементов шаманизма:

Хала приводит себя в состояние исступления, "изгоняет бесов" и тому подобное.

У кубу ранние исследователи (Буре, Валетт) наблюдали типичную картину шаманских камланий: шаман малым или дукун призывает духов, накрывая свою голову платком, и через некоторое время "чувствует себя как бы опьяневшим", на него находит "сверхъестественное вдохновение", благодаря которому он узнает причину болезни пациента и приступает к ее лечению; по описанию Валетта, малым доходит до экстаза при помощи стремительной пляски под музыку барабана и в этом состоянии слышит голоса духов. Эти сообщения подтверждаются и наблюдениями Тассило Адама. Впрочем, есть основания предполагать, что шаманизм, как и некоторые другие элементы религии, известен только тем кубу, которые издавна находятся под влиянием малайцев.

У огнеземельцев имелись шаманы йекамуш; функции их северушенно не были связаны с тем кругом религиозных верований, который имел центром систему инициации. Йекамуш лицо, "призванное" духами, причем это призвание проявляется в видениях и снах; оно ощущается как своего рода болезнь. Главная функция йекамуша лечение больных: он пользуется при этом приемами знахаря (извлечение "кам ней" и тому подобного из тела больного), но наряду с этим применяет типичные шаманские методы: монотонным пением, ритмическими и все ускоряющимися движениями тела он приводит себя в состояние крайнего возбуждения.

У бороро тоже описаны типичные шаманы бара. Это люди, впадающие в "состояние одержимости", что рассматривается как признак призвания. Бара выполняют разнообразные функции врачей, предсказателей, колдунов, заклинателей и пр. Приемы действий бара настоящее шаманское камлание: бара громким голосом призывает своих духов, и последние вселяются в него; это выражается в том, что "с ним делаются судороги и трепет, поражающие его всего, дугой извивается его тело", он кричит исступленным голосом и т.д. Что касается других отсталых племен Южной Америки, то явления, аналогичные шаманизму, отмечались у некоторых племен группы "же", у каингангов, у ботокудов и пр.

У калифорнийских индейцев шаманизм имеет довольно развитые формы, но рассматривать это явление как самобытное здесь трудно ввиду явного влияния со стороны более культурных соседей. Следует только отметить, что у калифорнийцев шаманы, пользующиеся приемами экстатического общения с духами, существуют отдельно от знахарей, применяющих лечебные травы и другие средства народной медицины; только у южнокалифорнийских племен такое различие не обнаружено.

У народов более высокой стадии развития низшей и средней ступеней варварства шаманизм представляет собой очень распространенное явление, которое здесь едва ли нужно подробно описывать. Шаманы хорошо известны в Меланезии, у более отсталых народов Индонезии, в Южной и Северной Америке, в Африке. В качестве иллюстраций приведу лишь по одному примеру для каждой из этих областей.

У меланезийцев, по сообщениям Кодрингтона, есть вера в то, что духи находят на колдуна, который впадает в припадок и произносит пророчества. На Банксовых островах такое лицо называется гшмана, этот гисмана считается способным изгонять духа из больного, отыскивать похищенную душу человека.

У даяков Северного Борнео есть особые профессионалы, именуемые дайонг и занимающиеся лечением больных. Дайонг употребляет во время своих действий особые маски страшного вида. Он поет, призывая духов, и впадает в транс, причем иногда падает без сознания. Цель камлания найти и вернуть похищенную душу больного; находясь в состоянии экстаза, дайонг словами и жестами

описывает приключения своей души, которая в этот момент летает в поисках души больного. Дайонгом чаще бывает женщина.

У арауканов мапуче (Южная Америка) наряду со знахарями, которые лечат средствами народной медицины, имеются так называемые мачи шаманы. Для исцеления болезни, которая считается вызванной злыми духами, мачи раздевается догола и начинает камлание, ударяя в бубен и произнося нараспев монотонные заклинания. Дойдя таким образом до исступления, мачи падает на землю в конвульсиях и с пеной у рта, в то время как его помощники стараются криками, факелами, дикой скачкой кругом хижины отогнать духов. Прийдя в себя, мачи объявляет причину болезни и приступает к ее лечению, извлекая из тела больного какой-нибудь предмет.

Очень типичную картину шаманского камлания описывает Кэтлин, который наблюдал ее у североамериканского племени черноногих.

Шаман, одетый в шкуру желтого медведя, с посохом и бубном, пытался при помощи дикой пляски вылечить смертельно раненного индейца. Дико крича, прыгая вокруг умирающего, он толкал его и поворачивал с боку на бок, увеличивая его страдания, чем ускорил его смерть.

У народов Конго есть жрецы и колдуны разных специальностей:

Рядом с гадалками, изготовителями амулетов и тому подобным там есть так называемые ндоки, считающиеся специалистами по изгнанию бесов из одержимых. Для этой цели ндоки устраивает пляску и "обли чает" своего пациента в том, что тот совместно со злыми духами похищает души людей.

Но в Африке, как и в Полинезии, Центральной Америке и в некоторых других сравнительно культурных областях, шаманство существует наряду с более развитыми формами религии и нередко сохраняется лишь как элемент в составе этих развитых форм. У народов Африки исследователи устанавливают сосуществование двух основных форм жречества: настоящие, "учрежденные" жрецы, обычно храмовые служители божеств племенного культа и колдуны-шаманы, занимающиеся преимущественно "врачебной" практикой и пользующиеся при этом чисто шаманскими приемами. Точно так же в Полинезии было оформленное жречество, особая каста служителей богов тохунга (тахуа паре, кахуна пале и пр.), представлявшая как бы более позднюю стадию

развития религии, и рядом с ним действовали "вольнопрактикующие" жрецы-шаманы таура (таула, каула), которые применяли экстатические способы общения с божествами, вселяя их в себя, пророчествуя от их имени.

Таким образом, шаманство представляет собой очень распространенную у всех народов земли форму религии. Однако нельзя отрицать, что эта форма приняла наиболее развитый вид и превратилась в господствующую в одной определенной области в Северной Азии. У народов Сибири и Севера, притом у народов, стоящих на довольно различных уровнях развития от ительменов и чукчей до якутов и бурят, шаманство не только было повсеместно распространено, но в большинстве случаев поглотило и включило в себя целый ряд верований и обрядов, по происхождению с ним не связанных. Лишь более детальный анализ религий народов Сибири обнаруживает, что шаманство все же не покрывает собой всех явлений религиозной жизни этих народов.

Так, например, родовой и семейный культ у некоторых народов Сибири существует совершенно независимо от шаманизма. Наиболее ярко разобщенность этих двух форм религий проявляется у гиляков. Родовой культ, средоточием которого служит известный медвежий праздник, составляет преобладающую форму религии гиляков. Шаманизм играет гораздо менее важную роль в их верованиях; по мнению лучшего исследователя гиляков Штернберга, "он не вяжется с религиозным складом гиляка". Во всяком случае, шаманство "не вяжется" с родовым культом, так что шаман не только не играет в этом культе какой-либо роли, но даже не может устраивать своих камланий во время медвежьего праздника, т.к. это считается оскорблением для священного медведя. В меньшей степени такая разобщенность родового и шаманского культа видна у ненцев, где хранителями родовых "жертвенных мест" являются, по-видимому, не шаманы. У якутов жрецами родового культа, давно уже разложившегося, были, по-видимому, "белые шаманы" айышойуна, которые имели очень мало общего с настоящими шаманами абаагыойуна.

Напротив, у юкагиров, эвенков, тунгусов, хантов и манси, бурят и некоторых других народов Сибири шаманство слилось с родовым культом в том смысле, что именно шаман принял на себя, целиком или частично, функции родового жреца. У этих народов родовые шаманы иногда были рядом с профессиональными; у юкагиров и отчасти эвен

ков это "родовое шаманство" в более позднее время исчезло, будучи вытеснено профессиональным шаманством. С другой стороны, у тех же народов связь шаманизма с родовым культом выразилась в том, что духи умерших шаманов становились объектами этого культа.

Не менее тесно сплелось шаманство у большинства народов Сибири с промысловым культом. Шаман обычно не только лечил больных, но и гадал об успехе промысла и своими камланиями старался помочь в этом деле. Но и промысловый культ не полностью слился с шаманством. Известная его самостоятельность проявляется в том, что охотник обычно и сам приносит жертвы, выполняет обряды и произносит моления в честь духов покровителей охоты, далеко не всегда прибегая к помощи шамана, тогда как с шаманскими духами никто, кроме шамана, конечно, не может иметь дела. С другой стороны, у некоторых народов, как мы видели, промысловый культ тесно переплетался с семейнородовым, вернее, принимал семейнородовые формы, шаманство же стояло особняком. Так обстояло дело у гиляков и орочей, отчасти у чукчей и коряков.

В лечебной практике шаманство у народов Сибири заняло почти монопольное положение. Однако у некоторых из них рядом с шаманами существуют знахариколдуны, лечащие при помощи средств народной медицины, перемешанных с магическими приемами.

Так, у юкагиров помимо шаманов (алма) существовали колдуны заклинатели (антаджайе, от корня анта "говорить"). Различие между теми и другими выражалось юкагирами в следующей формуле:

"Сила алма в его духаххранителях, сила антаджайе в его слове, т.е. в заклинаниях и чарах, которым никто не в состоянии воспротивиться". В отличие от шамана, антаджайе считался злым. Наличие особых знахарей, отличающихся от шаманов, отмечено также у кетов, якутов, алтайцев, карагасов.

Многие современные исследователи религий народов Сибири вообще признают, что шаманство особая и притом сравнительно поздняя форма (или стадия) религиозных верований этих народов, более поздняя, чем, например, родовые и промысловые культы.

Итак, даже на той почве, где шаманизм сделал наибольшие успехи, усилившись за счет других форм религий и поглотив в себе многие из них, в Северной Азии, даже здесь удастся проследить самостоятельность этих разных форм. И в Северной Азии шаманизм

представляет собой лишь одну из религиозных форм, правда господствующую, но не единственную.

В чем же сущность шаманизма как формы религии и как следует представлять себе его происхождение?

Мы не можем, конечно, становиться на традиционную и чисто идеалистическую точку зрения, согласно которой в основе шаманства лежит вера в духов и само шаманство родилось из потребности человека обезвредить, умиловить и снискать покровительство этих духов. Напротив, как я постараюсь показать дальше, сами представления о духах о шаманских духах суть закономерное порождение шаманизма и его характерных особенностей. Что же лежит в основе шаманства?

Шаманство не принадлежит к числу самых ранних форм религии. У народов средней ступени дикости оно находится как бы в стадии зарождения. Следовательно, формирование шаманских верований и обрядов происходило при наличии уже вполне сложившихся в сознании человека представлений о сверхъестественном. Эти представления отражали в себе, как мы знаем, с разных сторон связанность отношений людей друг к другу и к природе. Покровом тайны, атмосферой страшного, сверхъестественного и чудесного окутывалось все, что превышало силы и понимание рядового человека: внешние и внутренние противоречия жизни мелких самодовлеющих общин, половые влечения, практика знахарей-врачевателей, погребальные обычаи, возрастные группировки и система посвящений. В основе каждого из разнообразных видов представлений о сверхъестественном лежит то или иное реальное явление из области "отношений людей друг к другу и к природе". Какое же реальное явление отражается в шаманских верованиях?

Шаман имеет со знахарем то общее, что оба они выделяются из среды общины как специалисты по лечению больных. Но знахарь в отличие от шамана обладает примитивными знаниями в области народной медицины. Шаману же приписывается способность общаться с духами. Однако эта воображаемая способность, да и самые представления о шаманских духах есть факт явно производный. Это своеобразная религиозно-мифологическая интерпретация каких-то объективных факторов. Не потому занимает шаман в общине особое положение, что ему приписывают способность общаться с духами; напротив, ему потму и приписывают такую способность, что он

занимает особое положение в общине. На чем же основывается эта его особенность?

Сообщения многочисленных наблюдателей шаманства у разных народов Сибири дают возможность ответить на этот вопрос с полной точностью. Все наблюдатели в один голос сообщают, что шаман это прежде всего нервный, истеричный человек, склонный к припадкам, иногда эпилептик. Момент шаманского "призвания", субъективно осознаваемый как голос духов, требующих от человека вступления в шаманскую профессию, есть объективно нервное заболевание, которое, кстати, по большей части постигает человека в период полового созревания. Самое камлание шамана имеет большое сходство с истерическим припадком. Чтобы не быть голословным, приведу несколько свидетельств лучших исследователей шаманства у разных народов Сибири свидетельств, которые я выбираю из многих десятков.

По словам Богораза, шаманами у чукчей обычно "становятся нервные, легко возбудимые люди". Многие из знакомых Богоразу шаманов "были истеричны, а некоторые буквально полусумасшедшие". У коряков кандидатами в шаманы были, согласно Иохельсону, "нервные молодые люди, склонные к истерическим припадкам". Это же отмечал Иохельсон и о юкагирах. У гиляков, по словам Штернберга, "настоящие шаманы почти всегда люди, страдающие разными видами истерии, благоприобретенной или, что чаще всего, наследственной... Это индивиды, наиболее легко поддающиеся гипнозу и автогипнозу". Лопатин отмечал у гольдских (нанайских) шаманов "склонность к нервным возбуждениям", иногда "падучую болезнь". Типичными признаками чвенкийского шамана Рычков считал "раздражительность по малейшим поводам ко всему окружающему, пугливость, обычай выкрикивать и подпрыгивать" и т.д. У манси будущий шаман, по словам Гондатти, с детства обнаруживает некоторые особенности характера: он впечатлителен, нервен, очень восприимчив. У ненецких шаманов еще Паллас отмечал особую "пугливость"; всякое неожиданное прикосновение, новое впечатление "приводят сих людей вовсе вне себя и в некоторый род ярости". У древних лопарских шаманов наблюдатели находили особую нервность и болезненность, хотя в то же время шаман должен был быть совершенно здоров телесно и не иметь физических недостатков. Всякий якутский шаман является, по наблюдениям Серошевского,

истериком. у бурят будущий шаман отличается внешними признаками: он часто бывает задумчив, уединяется, видит вещие сны, иногда подвергается припадкам, во время которых находится в бесчувственном состоянии. Тувинский шаман, по Ф.Кону, это "нервнобольной человек, страдающий галлюцинациями". Радлов сообщал об алтайских шаманах, что их "призвание" сходит на них внезапно, как болезнь, и проявляется в виде дрожи и слабости в членах, давления в груди, лихорадочного вскакивания и выкрикиваний, в эпилептических судорогах, в неудержимом глотании любых попавшихся предметов и пр.

Все эти сообщения, количество которых можно было бы сильно умножить, исходят от полевых наблюдателей этнографов. Врачи тоже подтверждают близость распространенной на Севере арктической истерии к шаманству. Это отмечает, например, С.И.Мицкевич.

Конечно, нервноистерический характер шамана сам есть в известной мере результат его профессии, ибо, начиная с периода подготовки и в течение всей своей деятельности, шаман специально и сознательно культивирует в себе подобные качества. Но это означает только, что шаманская профессия усиливает нервнопатологические особенности характера человека, самые же эти способности предшествуют вступлению человека в профессию шамана. Появление признаков нервного заболевания обычно рассматривается как призыв духов, которому человек не должен сопротивляться. Этот факт подтверждается многочисленными показаниями непосредственных наблюдателей. Резюмируя подобные наблюдения, свои и чужие, известный исследователь шаманизма Г. В. Ксенофонов прямо называет эту форму религии "культом сумасшествия".

Кстати, это понимали и некоторые буржуазные историки религии. Так, Гуннар Ландтман писал: "Фактически для дикарского ума нет ничего более естественного, чем приписать экстаз духовным агентам. Конвульсивные жесты и бессвязные выкрики вдохновленного кажутся признаками того, что его воля отсутствует и что телом его овладело некое странное существо. Поэтому считается, что дух или бог говорит его устами и направляет его действия".

Именно здесь, видимо, и следует искать реальную основу шаманских верований. Взгляд на шаманское призвание как на призыв духов, не повиноваться которым избранник не властен, является, в сущности,

лишь субъективным выражением того объективного факта, что человека помимо его воли постигает нервная болезнь. Будучи субъективным осознанием этого заболевания, идея "избранничества", столь характерная для шаманизма, является и его идеологической интерпретацией. Этот взгляд сродни широко распространенному представлению о всяком нервном больном как об одержимом злым духом. Шаман отличается от обычного нервного больного лишь тем, что не просто одержим духом а вступает с ним в постоянную связь и может по произволу вызывать и отпускать его, заставляя себе служить.

Иначе говоря, если отношение нервного больного к духу, который якобы владеет им, чисто пассивное, то отношение шамана к своему духупокровителю более активное. В чем причина этого различия? Она опять же имеет объективный характер. Дело в том, что шаман, в отличие от обычного неврастеника и истерика, обладает способностью искусственно регулировать припадки болезни. Шаманское камлание есть с физиологической стороны не что иное, как искусственно вызванный и сознательно регулируемый нервноистерический припадок. В сущности, и вся подготовка шамана к своей профессии подготовка обычно очень длительная состоит в тренировке способности вызывать и прекращать припадки, т.е. устраивать камлания. Это умение шамана и находит свое фантастическое отражение в сознании окружающих, которые верят в то, что шаман не только служит духам, но и распоряжается ими. В шаманских верованиях народов Сибири это выражается в различии духа покровителя шамана (главный дух, избравший шамана на службу себе) и духовпомощников (второстепенные духи, которых дух покровитель шамана дает ему как бы в услужение).

Приведу один факт, особенно наглядно поясняющий связь между нервными заболеваниями и шаманской профессией в условиях общинного строя. У племен тхонга (Мозамбик, Южная Африка), по очень обстоятельным сообщениям миссионера Анри Жюно, шаманом становятся так.

Если человек заболевает нервным недомоганием (обморочные состояния, нервный кризис, боль в груди, неудержимая икота и зевота, порывы бешенства и пр.), то это рассматривается как "одержимость" каким-то духом, и больного начинают лечить особым способом. Все те из его соплеменников, кто в прошлом пережил подобную же болезнь,

собираются в его хижину, вооруженные кто бубном, кто калевасой погремушкой или иным предметом, становятся вокруг больного, сидящего на земле, и поднимают дикий шум, ударяя в бубны и во что попадет, стараясь при этом задеть и больного (голову, уши), и все громко повторяют заклинание, призывая духа, засевшего в больном, назвать себя. Этот кошачий концерт может длиться часами и сутками вплоть до двух недель. Пациент постепенно сам доходит до экзальтации, вскакивает и начинает дикую пляску. Наконец, предполагаемый дух, сидящий в больном, его устами называет себя. Тогда начинается второй тур "лечения": духа просят сказать, что он хочет получить в компенсацию за оставление больного в покое. Приходится принести в жертву козу либо курицу и т.п. Больному дают пить теплую кровь животного, а потом какое-то снадобье, затем щекочут ему горло пером, и считается, что вместе с рвотой выходит из его тела и мучивший его дух. Выздоровление, однако, длится долго, целый год, в течение которого выздоравливающий соблюдает строгие ограничения, воздерживается от половых связей и прочего и как бы вступает в новую жизнь. После этого он сам становится профессиональным экзорцистом гобела.

Не грешит ли, однако, биологизмом изложенная здесь попытка объяснения шаманских явлений? Не является ли в данном случае ссылка на нервные заболевания как физическую основу шаманства отступлением от исторической, от марксистской точки зрения?

Это был бы "биологизм" в том случае, если бы мы упустили из виду исторические условия, в рамках которых только и могли проявиться физические (биологические) причины, породившие явления шаманизма. Каковы же были эти исторические условия?

О них отчасти уже говорилось выше. Конечно, речь здесь идет не о конкретных исторических условиях. Таковые мы должны были бы искать в том случае, если бы имели дело с явлением, географически ограниченным. И в самом деле, те исследователи, которые полагают, что распространение шаманизма ограничено пределами Северной Азии, естественно, ищут для него и конкретных исторических причин, находя их, например, во влиянии буддизма или иных развитых религий Центральной Азии. Но т.к. мы знаем, что шаманизм распространен во всех частях света: в Азии, Америке, Африке, Океании, но на определенной ступени исторического развития народов, условно говоря, на низшей, средней и высшей ступенях варварства, то и условия его

возникновения могут быть не конкретно-историческими, а лишь общими историческими условиями. И об этих общих исторических условиях кратко уже упоминалось.

Это начало разложения первобытно-родовой общины, сопровождающееся выделением в ней разных лиц и групп, по разным основаниям занимающих обособленное и частью господствующее положение в общине. Выделялись родовые предводители, военачальники и храбрые воины, знахари и главари тайных союзов, опытные ремесленники-мастера и певцы-сказители. Суеверное сознание человека обладало этих людей, носителей власти, обладателей недоступных другим способностей, сверхъестественными свойствами: им приписывались тайные знания, магическая сила, чудесные качества. И вот к числу таких выделяющихся в общине своими необычными качествами людей относились, очевидно, и нервноболезные, припадочные, истерики, эпилептики. Они "одержимые", они "бесноватые", в них вселяются "духи". Отсюда почти повсеместно на этой исторической ступени распространено убеждение в сверхъестественном происхождении нервных заболеваний, вера в "одержимость". Но особенно сильно действовал на воображение окружающих, вероятно, тот неврастеник, который научился овладевать своими припадками, искусственно вызывать их и регулировать. Такому человеку, естественно, приписывали не просто способность общаться с "духами", но и дар намеренно их призывать, вселять в себя, побуждать их к нужным для людей действиям. Такой человек и становился шаманом. Больные неврастеники, истерики, эпилептики были и есть всегда. Но только при определенной общественной структуре, на определенной ступени исторического развития, а именно, в распадающейся родовой общине, подобные люди становятся центрами притяжения для суеверных представлений. Только в условиях разложения родового строя нервноболезной может стать шаманом.

Надо не забывать и другое. Как всякая форма религии, закономерно возникающая на определенной ступени общественного развития, шаманство удовлетворяло какой-то общественной потребности, хотя удовлетворяло ее ложным, извращенным образом. Эта потребность в данном случае была связана в первую очередь с лечением болезней в меньшей степени с обслуживанием охотничьего

промысла и других хозяйственных нужд. В основе, следовательно, и здесь лежит бессилие древнего охотника или земледельца перед окружающими его стихиями природы. Это бессилие в данном случае привело к наделению сверхъестественными способностями лиц, определенным образом выделяющихся в общине, шаманов.

Все сказанное вплотную подводит нас и к пониманию происхождения своеобразной шаманской демонологии. Для шаманизма характерны представления о многочисленных духах. Все и всяческие духи вообще суть олицетворения какого-нибудь реального явления. Олицетворениями чего являются шаманские духи? Прежде всего они олицетворяют нервнопатологические состояния шамана, его обособленное положение в обществе, его необычайные и загадочные способности. Такое понимание с логической неизбежностью вытекает из всего того, что говорилось выше. Но в этом нетрудно убедиться и на непосредственных фактах.

Дело в том, что возникновение многочисленных и разнохарактерных образов духов часто удается проследить почти воочию. Они рождаются в процессе шаманского камлания как идеологическое осмысление того или иного из его моментов как бы на наших глазах.

По правильному замечанию Лопатина, малокультурный человек, наблюдая поразительные симптомы нервного припадка, приходит к заключению, что в человека вошел сверхъестественный дух, который и произносил таинственные слова и заставлял трепетать тело. По словам А. В. Потаниной, "присутствующие, видя беснования шамана, думают, что им овладели те духи, которых он призывает". Иногда бывает видно, как отдельные детали шаманских действий порождают соответствующие анимистические образы. По наблюдениям С. М. Широкогорова, "качества и способности духов дают шаману возможность, вмести в себя духов, пользоваться их свойствами в своих интересах. Например, духи, которые не боятся боли, дают возможность шаману наносить себе уколы, порезы и удары, не испытывая при этом страха и не боясь по следствий". Ясно до очевидности, что в данном случае самый образ "духа, не боящегося боли", порожден наблюдениями над непонятными для примитивного ума фактами анестезии и аналгезии при истерическом припадке, хотя Широкогоров, описавший это, и не понял этой зависимости. "При введении духа беременной женщины, говорит тот же автор, у шаманок начинает увеличиваться живот и становится

настолько больших размеров, что женщина имеет вид готовой разрешиться". Здесь, по-видимому, речь идет о явлении так называемого истерического метеоризма, описанного, например, Мицкевичем у якуток истеричек: во время припадка у больной сильно вздувается живот. Ассоциация с состоянием беременности напрашивается тут сама собой, и вполне естественно, что в головах невежественных и пораженных страхом зрителей рождается образ духа беременной женщины, вселившийся в шаманку. У тех же эвенков есть представление о духе молу, который может менять свой образ, и при вхождении этих разных его образов в тело шамана поведение последнего соответственно меняется: "Когда приходит одноногий (дух), то шаман прыгает на одной ноге, когда приходит больной грудью, шаман кашляет и т.д.". В этих примерах еще нагляднее видно возникновение этих анимистических образов из интерпетации соответствующих телодвижений камлающего шамана.

Характерные случаи, когда шаман имеет иноплеменных духов, объясняются таким же путем. Иохельсон сообщает, что его знакомый тунгусский шаман Афанасий употреблял при камлании коряцкий язык, "ибо, по его словам, его шаманские духи были коряцкими". В действительности совершенно ясно, что образы "коряцких духов" у тунгусского шамана суть интерпетация того непонятного для окружающих факта, что этот шаман во время камлания начинает говорить на чужом для него коряцком языке.

Наконец, вполне понятно и то, что в очень многих случаях шаманские духи имеют образы животных. Во время камлания шаман обычно кричит, подражая голосам разных зверей и птиц. Кстати, такие крики считаются вообще характерными для истерических припадков. Эти крики вполне естественно порождают в головах загипнотизированных, запуганных зрителей шаманского камлания образы невидимых животных, носящихся в темноте и входящих в тело шамана, чтобы оттуда говорить его устами. Конечно, на рождение этих образов духов животных влияет и тот круг представлений, который складывается в условиях примитивного охотничьего быта, когда звери играют большую роль в жизни человека.

Но интерпетация действия шамана окружающими составляет только одну сторону дела. Другая сторона состоит в том, что сам шаман во время камлания обычно галлюцинирует. Он сам "видит"

образы духов, к которым обращается, он "слышит" их голоса. В большинстве случаев шаманы сами искренне верят в духов и в свою способность общаться с ними. Галлюцинаторные образы шамана, отчасти искусствен но вызываемые, составляют важнейший источник пополнения шама яского пандемониума. Эти галлюцинаторные образы перекликаются с теми представлениями, которые возникают в головах зрителей как не вольные олицетворения странных и загадочных действий шамана. Эти два источника шаманской демонологии дополняют друг друга, что осо бенно хорошо видно, когда шаман после камлания делится впечатлениями с окружающими и все вместе как бы разбирают только что оконченный сеанс. Так растут и закрепляются демонологические представления шаманизма.

Итак, шаманские духи суть образы, рождающиеся из практики шаманизма. Они не что иное, как олицетворение странных способностей шамана, его загадочных действий, своеобразных состояний шамана во время камлания. В то же время эти образы продукт галлюцинаций шамана, его бредовые видения. И наконец, поскольку шаманство тес нее всего связано с врачеванием, шаманские духи суть в то же время олицетворения причин болезней, это духивредители, порождающие всякие заболевания. Шаманская теория болезней болезнь как резуль тат действия духа отличается, таким образом, от знахарскомагичес кой болезнь как проникновение в тело больного какого-нибудь материального предмета.

После всего изложенного вполне понятно, что шаманские духи в то же время духи болезней стоят обычно особняком от других кате горий духов. Так, у чукчей и коряков образы злых духов болезней, с которыми имеет дело шаман, келет, калау, стоят отдельно от промысловых духовхозяев. То же самое относится к юкагирам. В пред ставлениях гиляков шаманские духи кехн и кенчх совершенно не связа ны с образами многочисленных "хозяев" природы, покровителей про мысла ("лесной человек", "горный человек" и т.д.). У ненцев шаманские тадебции обособлены от промысловых и семейнородовых сядеев и хегов. В верованиях близкородственных им энцев духи помощники шаманов самады отграничены от других категорий духов (кача — духи болезней, нга — покровители, хозяева, амуки — неопределенная группа мифологических существ).

Количество подобных примеров можно значительно увеличить. Конечно, во многих случаях эти разные по происхождению образы контаминируются в связи с переплетением шаманизма с другими формами религии.

Осталось коснуться еще одной категории анимистических представлений, по происхождению связанных с шаманизмом; это представление о душе.

Дело в том, что идеологическое осмысление шаманских камланий бывает двоякое: с одной стороны, считают, что духи вселяются в шамана, с другой душа шамана летит в царство духов. Генезис первой категории представлений мы уже видели. Что же касается идеи путешествия шаманской души, то происхождение ее не менее очевидно: шаман во время камлания часто падает без сознания; это невольно должно наводить зрителей на мысль об отлете его "души"; бред и галлюцинации шамана нередко состоят в том, что он видит далекие страны и громко рассказывает о своих странствованиях. Эта новая загадочная способность шамана оставаясь на месте, в то же время посещать отдаленные места, не может быть интерпретирована невежественными зрителями иначе, как в форме представления о полете души шамана. Это опятьтаки подкрепляется галлюцинаторными представлениями самого шамана.

Эти соображения, имеющие пока априорный характер, подтверждаются фактами. Представление о душе шамана, оказывается, стоит несколько особняком и не совпадает с идеей души простого человека.

Так, например, по верованиям якутов, есть три души тын, кут и сюр. Тын это просто дыхание, олицетворение проявлений жизни, не отделимое от тела. Кут это душа человека, которая может быть похищена злым духом, и тогда человек заболевает и умирает. Роль этой кут, таким образом, совершенно пассивная это то уязвимое место человека, которое открыто для нападения злых сил. Наконец, сюр это олицетворение психической деятельности. Хотя якуты признают существование сюр у всех людей, но есть основания думать, что по происхождению это шаманская душа. Она дается человеку УлууТойоном, покровителем шаманов. Сюр активная сила, ее не могут унести духи. Словом, сюр обладает всеми свойствами, которые присущи душе шамана. Так вполне правильно понимал дело исследователь якутского ша

манства Трощанский. У ненцев душа шамана бессмертна, души же простых людей погибают вместе с телом. У гиляков шаман имеет по три четыре души, получаемых им по наследству от старого шамана. У алтайцев есть несколько разных представлений о душе и несколько разных слов, обозначающих эти представления; одно из них юла означает душу шамана, которая странствует во время камлания.

Впрочем, и идея души простого человека, души, похищаемой духом и отыскиваемой и возвращаемой на место шаманом, имеет очевидную связь с шаманизмом. В сущности, вся эта концепция о болезни как следствии похищения души пронизана шаманским мировоззрением и, если не порождена им целиком, то во всяком случае носит на себе черты сильного влияния шаманизма.

Таким образом, многие из анимистических образов могут быть сведены к шаманизму как к своему источнику. Шаманизм насквозь пропитан анимистическими идеями, в этом характерная особенность данной формы религии. Эту особенность хорошо видели все исследователи этнографы и историки религии. Но связь шаманства с анимизмом они понимали обычно так, что считали первое результатом последнего, ставя таким образом реальное отношение "на голову". В действительности, как мы видели, и здесь "бытие определяет сознание", идеи суть порождение материальных фактов, анимистические образы продукт реальных отношений шаманизма.

Проследить динамику развития шаманизма удастся только в самых общих чертах. Благодаря каким-то пока не поддающимся учету условиям шаманизм в некоторых случаях выступает в сравнительно развитых формах уже на очень ранней стадии, например у огнеземельцев, кубу, а в других случаях даже на сравнительно высоком уровне развития народа как у ительменов он сохраняет самые зародышевые формы. Если ограничиться только территорией Северной Азии, то здесь эволюцию шаманизма проследить легче. Самую раннюю его стадию мы находим, как уже сказано, у ительменов XVIII века, где шаманы еще почти не выделялись в качестве особой профессии и где шаманить могла любая женщина, в особенности старуха. Слабо обособлялись шаманы и у чукчей, у которых семейные обряды, выполняемые каждым главой семьи, мало чем отличаются от шаманских кампаний; у чукчей очень интересно

наличие шаманов "превращенного пола" явление, в котором можно видеть пережиток стадии женского шаманства ительменского типа.

У юкагиров мы находим ту стадию или форму шаманства, при которой оно тесно сплелось с родовым культом. Пережитки этой стадии родового шаманства есть у тунгусов, остяков, вогулов, бурят. Наконец, у большинства народов Сибири развилось настоящее профессиональное шаманство с тенденцией к наследованию шаманской профессии. За этой высшей стадией развития шаманства следует стадия его разложения, наступающая при переходе к классовой организации общества. У народов, достигших этой последней стадии, шаманизм или вытесняется религиями чисто классового типа, сохраняясь лишь как пережиток, так было у монголов и восточных бурят, у казахов и киргизов, у коми зырян и пермяков, или принимает сугубо модифицированные и нетипичные формы, как у маньчжуров.

Но любопытно, что даже в наиболее развитых, чисто классовых религиях пережитки и элементы шаманизма сохраняются. Таковы были оргиастические культы в античной Греции, таковы библейские предания о деятельности "пророков", пользовавшихся, видимо, шаманскими приемами, или рассказ в той же Библии о пляске царя Давида перед скинией (I Цар. 19: 20-24; 2 Цар. 6: 14. 16 и др.); таковы евангельские рассказы о "чудесах" Иисуса Христа, об исцелении им бесноватых, изгнании бесов и пр., такова практика некоторых современных сект хлыстов в христианстве, вертящихся дервишей в исламе.

В заключение этого краткого очерка развития шаманства как формы религии и его последующей судьбы надо еще раз подчеркнуть, что проблема шаманизма была и остается одной из самых трудных проблем истории религии. Несмотря на обилие литературы о шаманизме, ясного понимания этой формы религии до сих пор еще не достигнуто. Сделанная в настоящей главе попытка рассмотрения данной проблемы пока еще предварительная, она не может претендовать на бесспорное решение. Вопрос нуждается в дальнейшем и серьезном исследовании.

Самое трудное в проблеме шаманизма это опасность впасть в биологизм, приписав основную роль нервнопсихической стороне шаманских явлений, упустив из виду историческую, социально обусловленную их сторону. Определить правильное соотношение того

и другого и будет означать, по сути дела, найти правильное решение вопроса.

В противоположность шаманизму та форма религии, которой посвящается настоящая глава, не только не является общепризнанной в науке, но даже не имеет установившегося названия. Речь идет о культе личных духовпокровителей, явлении, характерном, по-видимому, для низшей и средней ступеней варварства и представляющем собой совершенно своеобразную форму религии.

Култ личных духовпокровителей есть выражение начавшегося распада первобытнообщинных связей, выделения отдельной личности в хозяйственной и бытовой сфере. При чистом первобытнообщинном строе, где личность целиком поглощена коллективом, такая форма религии невозможна. У народов, стоящих на стадии дикости, мы ее не находим. Но зачатки индивидуальных культов прослеживаются вплоть до высшей ступени дикости. Сюда можно отнести так называемый индивидуальный тотемизм, известный у некоторых племен Австралии.

Индивидуальный тотемизм по всем основным признакам сходен с обычным групповым, или клановым, тотемизмом, за исключением основного и наиболее существенного: субъектом тотемических отношений здесь выступает не община, не коллектив, а отдельная личность, имеющая своего собственного "покровителя", свой тотем. Едва ли можно отрицать, хотя некоторые буржуазные исследователи и пытались это делать, что здесь мы имеем перед собой начало распада классического тотемизма. Это предположение, само по себе почти очевидное, может быть подкреплено непосредственными фактами. На австралийском материале можно почти шаг за шагом проследить разложение "нормального" тотемизма и развитие упомянутой выше модифицированной его формы.

Переходом к индивидуальному тотемизму можно считать уже известную "аномальную" тотемическую систему аранда. У этого племени тотемы не наследуются, вопреки обычному порядку, ни по материнской, ни по отцовской линии; тотем человека определяется в каждом случае индивидуально по месту его предполагаемого зачатия вблизи того или иного "тотемического центра". Таким образом, у аранда фактически уже почти оборвалась тотемическая связь, объединяющая члены общины. Тотемические отношения находятся здесь на пути превращения из коллективных в индивидуальные.

Но настоящий индивидуальный тотемизм развит лишь у тех немногих австралийских племен, которые вообще благодаря своему окраинному положению, по-видимому, раньше подверглись влиянию сил разложения; это некоторые племена южного (нарриньери) и юго-восточного берега (курнаи, бидуелли, юин, гевегал), восточного и северо-восточного берега (округ Мариборо, река Тулли, яраиканна), северного (вадуман) и западного берега, а также некоторые племена юго-восточной части материка (юалайи, вирадьюри). У этих племен каждый человек в некоторых случаях это касается только мужчин имеет в дополнение к своему обычному (групповому) еще и личный тотем, получаемый им или при посвящении в ранг взрослых, или иначе.

В качестве примера приведу только одно сообщение лаутта, относящееся к племени вирадьюри. У этого племени каждый человек имел, помимо буджана (тотема), унаследованного от матери еще ДРУГОГО буджана, "который дается юноше при его посвящении". У одного туземца, например, принадлежавшего к тотему кенгуру, был еще яичный буджан тигровая змея. На индивидуальный тотем повидимому, распространялись обычные тотемические табу: его нельзя было убивать и есть; по верованию курнаи, личный тотем человек является его покровителем, предостерегает о грозящей опасности и т.д.

Но настоящий культ личных духовпокровителей, притом очень развитой форме, мы находим у народов Северной Америки стоявших на низшей ступени варварства. Эта форма религии здесь настолько характерна для индейских племен, что почти все исследователи не могли не обратить на это внимания.

Сам Франц Боас, глава американской школы этнографов, а за ним несколько его последователей (мисс Флетчер, ХиллТаут, миссионер Моррис) склонны были видеть в этом культе личных духовпокровителей зародышевую форму тотемизма: с их точки зрения, тотемизм вообще развился благодаря тому, что личные покровители превратились через их наследственную передачу в родовых; родовой ТОТЕМ это же личный духпокровитель предка родоначальника данного рода. Эта точка зрения сама по себе, конечно, не верна, ибо действительная последовательность явлений была как раз обратная, но из высказываний этих исследователей видно, какое большое значение они Придавали культу личных духовпокровителей.

Другие американские этнографы делали из этих фактов еще более далеко идущие выводы. Роберт Лоуи, вообще не склонный к широким обобщениям, счел необходимым, по-видимому, под влиянием именно тех фактов, о которых сейчас идет речь, в своей книге "Первобытная религия" в принципиальной форме поставить вопрос об "индивидуальной изменчивости" в религии, о роли личности в области культа и посвятил этому вопросу целую главу. В этой же книге Лоуи, характеризуя типичные примеры конкретных религий отдельных народов, в качестве одного из таких примеров приводит религию племени "воронов" (Crow, апсарока), в которой индивидуализм, т.е. культ личных Духовпокровителей, выражен наиболее резко. Лоуи резюмирует изложение особенностей этой религии следующим образом: "религия воронов не есть догматическая вера: она не навязывает доктрин, космологических или эсхатологических; она не приписывает правил поведения, обладающих общей значимостью (validity). Она представляется субъективизмом, достигшим высшей степени преобладания. В одной из работ, посвященных общей характеристике особенностей религий американских индейцев, делается попытка установить два основных типа этих религий. Автор этой работы Барбара Эткен считает одним из этих типов религию "индивидуальную, эмоциональную, сосредоточенную вокруг личного опыта"; в качестве характерного примера Эткен приводит описанную Радином религию племени виннебаго (очень похожую на религию воронов, которую исследовал Лоуи). Но этот тип не является, по мнению Эткен, единственным в Америке; там есть и религии совершенно другого типа, такова "социализированная ритуализированная религия индейцев пуэбло". Оба эти типа религий по мнению автора, резко противоположны друг другу: в первом центре тяжести лежит на личности, во втором на обществе; первый тип религии характерен преобладанием эмоций, второй господством ритуала. Первый тип религии виннебагский Барбара Эткен сравнивает с протестантизмом, второй тип пуэбло с католицизмом.

Нам незачем сейчас вдаваться в критику всех этих взглядов, незачем доказывать непригодность подобных модернизаторских аналогий. Для нас достаточно пока констатировать, что характерные особенности религиозных верований североамериканских индейцев были настолько очевидны для непосредственных наблюдателей, в том числе и достаточно эрудированных в изучении религии, что толкали

этих исследований на постановку общих и принципиальных вопросов.

Было бы не правильно думать, что религиозные верования воронов, виннебаго и других племен целиком сводятся к культу личных духов-покровителей. Та же Барбара Эткен подчеркивает, что в религии виннебаго есть и противоположные тенденции тенденции "обобществления религиозного опыта", ритуализации и т.п. В действительности во всех этих конкретных религиях культ личных покровителей составляет лишь более или менее преобладающую, но не единственную форму верований; у всех этих племен есть также и шаманизм, и культ родовых патронов с пережитками тотемизма, и некоторые другие религиозные формы. Но культ личных покровителей занимает среди них наиболее видное место.

Что же представляет собой этот культ личных духовпокровителей там, где он развит более всего?

Согласно описанию Лоуи, центр всей религиозной жизни индейцев-"воронов" составляют видения, которые стремится иметь каждый человек. Видение является человеку обычно в молодости, но оно не приходит к юноше само. Каждый юноша стремится получить видение и добивается этого установленными средствами, в числе которых главную роль играет пост, уединение, самоистязания. Этим путем юноша достигает состояния повышенной нервности и способности к галлюцинациям. Он сосредоточивает все свое внимание на предмете своего будущего видения; к этому автогипнозу иногда присоединяется гипноз со стороны. Обычно видение приходит на четвертый день такой подготовки. Объектом видения могут быть разные предметы, животные, мифические существа, но чаще всего видения так или иначе связаны с войной.

Искание и приобретение видения дело чисто индивидуальное и добровольное. Никто не обязывает юношу добиваться видения, и помощь в этом деле допускается только добровольная; такую помощь оказывают, но лишь в качестве частных лиц, шаманы. Стимулом искания видения является для человека то, что это видение рассматривается как залог всякого успеха в жизни. Получить видение означает для молодого индейца "ворона" обеспечить себе в жизни богатство, стать храбрым и сильным воином и пр. К этому относятся со всей серьезностью и искренностью. Тот, кто не сумел, несмотря на

все усилия, получить видение, честно в этом признается, и никто не решится обманно приписать себе видение, которого в действительности не было. Зато, с другой стороны, обычай разрешает каждому, не получившему своего видения, купить видение у кого-либо другого; покупка, кстати, есть единственный возможный способ передачи видения одним лицом другому.

Полученное видение становится затем предметом глубокого почитания человека на всю его жизнь. Это его личный покровитель, который всегда и во всем будет охранять человека и помогать ему. В отношении к этому личному духу-покровителю, как, впрочем, и вообще по отношению к миру сверхъестественного, индеец проявляет замечательную скромность, доходящую до самоунижения, которое, говоря словами миссис Лоуи, "резко контрастирует с его личной гордостью по отношению к его соплеменникам".

Такой культ личных духов-покровителей господствует, с некоторыми различиями, у большинства племен Северной Америки, если не у всех. Фрэзер в своем труде "Тотемизм и экзогамия" посвятил ему особую главу, где собраны факты, относящиеся к вере в "guardianspirits" у алгонкинских племен, у сиу, у криков, у калифорнийских индейцев, у племен штата Вашингтон, у селишей (в том числе у племен реки Томпсон, у лиллуэт, у шусвап), а также у квакиутлей, у тлинкитов, у северных атабасков, у эскимосов. Фрэзер не нашел подобных фактов только у индейцев пуэбло и у хайда, но и эти исключения, быть может, объясняются просто недостаточностью сведений.

У всех этих племен существенные черты культа личных покровителей сходны. Различия касаются прежде всего техники получения видений. Здесь можно видеть все оттенки самоистязаний, начиная от изоляции и поста и вплоть до самых изуверских форм. Наиболее известной из этих последних является манданский обычай подвешивания юношей кандидатов на ремнях, продетых под кожу и мускулы, причем несчастная жертва религиозного фанатизма должна висеть до тех пор, пока не получит желаемого видения.

Исследователь Радин установил, что индейцы виннебаго верят, что для всякого успеха в жизни, для избежания гибели необходимо покровительство сверхъестественной силы. Получить такое покровительство должен каждый для себя лично. Для этого нужно

разжалобить духа покровителя, "сделать себя достойным сострадания" (make himself pitiable). Этой цели и служат уединение, пост, самоистязания, в результате которых человек получает видение.

Иногда приобретение личного покровителя достигается более легкими и мирными способами: он является человеку просто во сне. Вообще многие наблюдатели, начиная с отцовиезуитов XVII века, не раз отмечали необычайно твердую, непоколебимую веру индейцев в реальность сновидений. "Сновидения для этих бедных людей оракул, который они призывают и слушаются, пророкпредсказатель будущих событий, Кассандра, предупреждающая о грозящем несчастье, врач в их болезнях, короче абсолютный повелитель..." Так писал миссионер Лежен (1636 г.). Зачастую сновидение, пережитое еще в детстве, определяет для индейца выбор личного покровителя на всю жизнь.

Едва ли эту веру в реальность сновидений можно рассматривать как "первобытное" явление и источник представлений о душе (см. выше). У наиболее отсталых народов, австралийцев и др., сновидения далеко не играют такой важной роли в религии. Вернее, то серьезное значение, какое американские индейцы придают сновидениям, есть явление сравнительно позднее: это один из показателей той индивидуализации верований, какая проявляется и в самом культе личных покровителей. Недаром оба явления тесно связаны. Ведь сновидение сугубо субъективно и индивидуально. У некоторых племен: квакиутлей, чинуков и у племен северной части Британской Колумбии, способ приобретения личного покровителя указывает на сохранение связи с тотемизмом или родовыми культами. Каждый род имеет свой запас духовпокровителей, и только из их числа член рода может выбрать своего личного покровителя. У племен на реке Томпсон и племени шусвап личный духпокровитель иногда наследуется от отца.

Личный духпокровитель обозначается у разных племен разными именами. На языках алгонкинских племен он называется манату слово, наиболее известное в литературе. Но это слово имеет и другие разнообразные оттенки значения: им обозначается вообще все сверхъестественное. Таковы же различные оттенки значения сиудакотского слова ваканда, ирокезского аренда и пр. Американские этнографы иногда переводят эти индейские слова английским medicine, что примерно соответствует русскому "зелье", "снадобье" (отсюда medicineman знахарь). В американской и английской

литературе укоренилось и обозначение guardianspirit духхранитель. Оба выражения, однако, не очень удачны: первое medicine слишком подчеркивает вещественную сторону представления о личном покровителе, а второе guardianspirit наоборот, слишком спиритуализирует его. Роберт Лоуи называет личного покровителя просто vision видение.

Встречается ли культ личных духовпокровителей вне Северной Америки? Да, хотя и в менее резко выраженных формах. Следы такого культа есть в Южной Америке у рукоуеннов Гвианы, у некоторых племен Колумбии (бывшая провинция Кундинамарка). В некоторых областях Центральной Америки (теперь Гватемала и Гондурас) еще испанские авторы XVI-XVII веков отмечали своеобразное поверье индейцев (вероятно, группы майя) относительно нагуаля. Этим словом обозначали обычно какое-либо животное, жизнь которого была таинственным образом связана с жизнью данного человека. Сообщения о "нагуалях" несколько расходятся. По сведениям историка Эрреры, индейцы приобретали себе нагуаля следующим образом: человек удалялся в лес или к реке, где приносил в жертву (сверхъестественным силам?) петуха или собаку, плакал и просил себе покровителя; затем он засыпал и во сне видел то или иное животное или птицу, к которым обращался с просьбой о покровительстве; позже то же животное являлось индейцу наяву, и с этого времени между ними устанавливалась таинственная связь. Считалось, что без покровительства нагуаля человек не может иметь успеха в жизни. Зато смерть нагуаля влечет за собой неминуемо и смерть человека. Другие сообщения о нагуалях в некоторых частностях расходятся с приведенным. Это поверье о нагуалях обнаружил у индейцев Гватемалы немецкий путешественник Шерцер еще в 1850х годах.

Примечательную аналогию находит себе данная форма религиозных представлений в Западной Африке: это те верования и обряды, которые обычно известны под именем "фетишизма".

Термин "фетишизм", как говорилось во вводной главе, очень широкий и расплывчатый: рассматривать фетишизм как специфическую форму религии нельзя, ибо обозначаемые этим словом явления известны во всех религиях без исключения, и они имеют в разных условиях весьма различный вид и смысл. Но фетишизм народов Западной Африки явление довольно специфическое. Если прежние наблюдатели назы

вали с легкой руки Виллема Босмана (1705 г.) суммарно все религиозные представления и обряды западноафриканских негров фетишизмом, то новейшие исследователи пытаются разобраться в этом вопросе внимательнее. Так, майор Эллис, хорошо изучивший культуру и верования народов Гвинейского побережья, прямо противопоставляет культ сухманов (суманов), т.е. фетишей, как чисто личный, семейно-родовому и общенародному почитанию предков и богов. Традиционной и господствующей религией является, по Эллису, именно культ общеплеменных, местнообщинных и семейно-родовых божеств-покровителей бохсум. Но тот, кто не удовлетворяется их помощью и защитой, может приобрести себе личного покровителя: он идет в лес и там от особого духа-чудовища Сасабонсум, покровителя колдунов получает сухман (фетиш) в виде какого-нибудь камня или деревянной фигуры, которую сам же вырезает. Затем он в течение трех дней испытывает своего нового покровителя и, если не видит от него большой пользы, бросает и повторяет ту же попытку в другой раз. Такие фетишисухманы имеются далеко не у всех; но кто не имеет такого, испытывает суеверный страх. Владелец сухмана приносит ему жертвы частным образом, что не мешает ему чтить и общенародных, и родовых богов и духов.

Еще глубже разобрался в верованиях тех же народов капитан Раттрей. По его наблюдениям, фетишизм, до недавнего времени считавшийся самой характерной чертой в религии ашанти, на самом деле есть ее "наименее важная черта". Культ фетишей суманов дело чисто личное, он никак не связан с традиционной и господствующей формой религии культом предков. Точно такие же наблюдения сделал венгерский путешественник Тордай у племен Конго: традиционную религию там составляет культ предков, а культ фетишей это новое явление, возникшее местами прямо на глазах европейцев. "Приверженцы старой веры культа предков его всячески преследуют". Интересно отметить, что Карл Мейнгоф, прекрасный знаток языков и культур Африки, считает вообще не правильным называть религию народов Западной Африки "фетишизмом"; ее лучше называть, по его мнению, "демонизмом". Таким образом, по поводу западноафриканского "фетишизма" приходится, видимо, сделать два вывода, несогласующихся с привычным представлением о нем: во-первых, это сравнительно поздняя, а вовсе не исконная форма религии народов Африки; во-вторых,

культ фетишей в этой стране есть по преимуществу культ личных покровителей.

К этому кругу явлений надо, по-видимому, отнести и веру в "лесную душу" (bushsoul), описанную путешественницей Мэри Кингсли у населения Калабара. Эта "лесная душа" на самом деле никакая не душа, а некое животное, живущее в лесу и таинственным способом связанное с тем или иным человеком. Кингсли подчеркивает, что речь идет не о каком-нибудь виде животных, а об отдельных особях. Это таинственное животное не может видеть сам человек, с ним связанный; в этом отличие от североамериканского визионизма, но колдун может его видеть. Своему двойнику, своей "лесной душе" человек приносит в лесу жертвы. Если животное-двойник погибает, должен умереть и человек, и наоборот. Данное поверье очень похоже на веру в нагуаля у индейцев майя.

У народов других частей света элементы культа личных духов покровителей встречаются эпизодически. В Океании местами отмечены явления "индивидуального тотемизма". Такова на Банксовых островах вера в атаи, пуну и таманиу предметы, таинственно связанные с человеком с момента его рождения. На Самоа каждый ребенок получает при рождении своего бога (аиту), воплощенного в какое-нибудь животное; это животное он не может употреблять в пищу.

В Азии и Европе подобные явления описаны редко. У ибанов Борнео отмечена вера в личных покровителей нгаронг; такого покровителя каждый человек должен добыть для себя при помощи аскетических упражнений. У обских угров В. Н. Чернецов описал представление об урт таинственном двойнике человека, который живет в лесу, но связан с душой человека; впрочем, это представление очень туманное и путаное. Сходное поверье известно у комизырян. Впрочем, собственно культа этих сверхъестественных существ, кажется, не было. У древних исландцев существовало верование в личных покровителей так называемых fylja в виде собаки, ворона, лебедя.

В менее яркой, менее бросающейся в глаза форме та же категория верований распространена значительно шире; я имею в виду обычай ношения амулетов, которые играют роль личных сверхъестественных защитников человека. Этот обычай знаком очень многим, если не всем вообще народам, но, кажется, наиболее распространен у народов, находящихся на стадии распада родоплеменного строя. Из многих возмож

ных примеров приведу только один. По описанию В.Г.Богораза, у чукчей имеются личные "защитники" амулеты в виде человекоподобных изображений, либо из шкурки животного, клюва или перьев птицы и пр. "У каждого человека есть один или несколько "защитников". Их носят на шее или привязывают к поясу... Чукчи верят, что эти охранители в случае нужды превращаются в соответствующих животных и оказывают требуемую помощь".

В подобных поверьях и обычаях, распространенных и у многих других народов, нас интересует сейчас только одна сторона то, что такие "защитники" у каждого человека свои, личные.

Хорошо известно, что обычай ношения амулетов сохраняется даже у высококультурных народов Европы и Америки, даже и в интеллигентной среде. Это поздний отголосок той же веры в личных сверхъестественных покровителей.

Описанная форма религии, как мы убедились, вполне реальная и характерная, не имеет в науке особого и установившегося обозначения, хотя она уже привлекала внимание ряда исследователей. Называть эту форму религии просто "культом личных духовпокровителей" неудобно уже из-за одной громоздкости такого термина. Кроме того, объект этого культа, по-видимому, далеко не всегда является "дух", т.е. яичный анимистический образ. Необходимо поэтому ввести новый термин. Его можно образовать от любого из местных обозначений личных покровителей. Но не всякое из них одинаково пригодно. Слова манату, ваканда и прочие имеют, как уже говорилось, неопределенный и много значный смысл. Западноафриканское слово суман более определено, но обозначение "суманизм" резало бы ухо. К счастью, в литературе уже предложен термин. Фрэзер употребляет слово "нагуализм" для обозначения веры в нагуалей у индейцев Гватемалы, а Хауер, автор книги "Die Religionen" (1923 г.), придал этому термину более широкое значение, озаглавив так и весь раздел, где говорится о культе личных покровителей. Правда, поверье о нагуале индейцев майя далеко не самый типичный пример культа личных патронов, но это неважно. Ведь и алгонкинские тотемические верования весьма нетипичны для тотемизма, но это же не мешало именно алгонкинскому слову получить значение общенаучного термина.

Итак, условимся обозначать термином "нагуализм" ту форму религии, которая особенно развита у племен Северной Америки, которую хорошо изучили американские этнографы и существенной чертой которой является чисто индивидуальное отношение человека к миру сверхъестественного, приобретение личными усилиями сверхъестественного патрона, при второстепенном значении всяких общеплеменных норм, обрядов и верований. В своеобразных, но сходных проявлениях та же форма верований распространена у народов Западной Африки.

Однако необходимо знать, что этот вид, так сказать, "индивидуального" культа развивается в рамках общеплеменного культа. Уже одна регламентированность традиции индивидуальных видений, санкционирование их племенным обычаем не позволяет противопоставлять нагуализм как личное дело племенному культу. Больше того: мы имеем полное право рассматривать нагуализм как одну из разновидностей именно племенного культа. Ведь последний и складывается у индейцев Северной Америки главным образом из совокупности индивидуальных видений. И способы приобретения личного патрона, и самое содержание видений, и узаконенные формы почитания личного покровителя все это нормируется племенными традициями.

Корни нагуализма ясны из всего вышесказанного. Это порождение тех процессов индивидуализации мировоззрения, которые сами являются отражением распада доклассового уклада, выделения малой семьи из родовой общины, развития индивидуальных форм труда. Отдельная личность, постепенно высвобождающаяся из-под общинного доминирующего опеки, чувствует, однако, свою слабость перед окружающим миром и испытывает потребность в сверхъестественной защите и покровительстве. Покровительство нужно теперь именно лично каждому отдельному человеку, а не только всему роду, как раньше. Отсюда образ сверхъестественного патрона и всемерные усилия, доходящие до изумительных самоистязаний, чтобы его приобрести.

Генетические связи нагуализма с другими формами религии мы отчасти уже проследили. На материале Австралии можно видеть, как подобная форма зарождается на почве разложения тотемизма как религии первобытной общины. В Северной Америке генетическая связь с

тотемизмом, сохранившимся здесь лишь в обломках, тоже заметна: со держанием видений и духомпокровителем человека часто становится какоенибудь животное. Боас и другие исследователи правильно указы вали на эту связь культа личного покровителя с тотемизмом, но они как уже говорилось, неверно понимали настоящую последовательность этих явлений.

Еще теснее и очевиднее связь американского нагуализма с систе мой инициации. Последняя, сохранившись в виде пережитков в Север ной Америке, как раз и приняла форму нагуализма. Приобретение личного покровителя обычно приурочивается к наступлению зре лости. Поиски и получение "видения" вместе со всеми употребляющимися для этого средствами вот что составляет все содержание "по священия" индейского юноши. Тот, кто получил видение, считается со вершеннолетним и полноправным воином.

Таким образом, с формальной стороны нагуализм есть не что иное, как своеобразно модифицированная система инициации. Но по суще ству мы не можем не видеть, что эта стадия развития инициации пред ставляет собой совершенно новое качество. Для системы инициации в ее типичной форме характерно прохождение серии обязательных испы таний для включения в группу взрослых мужчин. Для нагуализма испы тания суть лишь средства, притом добровольно применяемые, для уста новления личных отношений с миром сверхъестественного. Центр тя жести здесь переносится на внутренний опыт, на субъективные пережи вания. Путем визионизма определяется индивидуальное содержание религиозных представлений человека на всю его жизнь.

Нагуализм близок и еще к некоторым формам религии, например к шаманизму. В шаманизме тоже ведь крупную роль играет идея личного духапокровителя. Но в шаманизме этот духпокровитель есть только у шамана, в нагуализме он есть у каждого человека. Это различие доста точно резко отделяет друг от друга эти две формы религии.

Нагуализм сближается также с системой тайных союзов формой религии, о которой будет идти речь в следующей главе.

Пережитки этой формы религии содержатся и в религиях развито го типа. Античному миру знакомо почитание личных божествпокро вителей. У греков такое значение получил образ демона: вначале, мо

жет быть, общее обозначение божества, а позже нечто вроде личной судьбы, жребия человека или некоего незримого его покровителя (так, известно, что Сократ ссылаясь на внушение своего демона, побуждающего его искать истину).

У латинян еще более отчетлива эволюция представлений о гении, очень хорошо выясненная в книге Е. М. Штаерман. В древнее время гений был, видимо, предком и покровителем рода, позже он хранитель главы фамилии и, наконец (уже в эпоху империи), "главным образом спутник и защитник отдельного человека, его судьба, божественная часть его души, его ходатай перед богами и т. п." Значение этой эволюции Е. М. Штаерман определяет совершенно правильно: если вначале боги были "тесно связаны с определенной группой людей сородичей или обитателей... одной территории", и они были "богами именно этого коллектива, а не отдельно взятого его сочлена", то "с разложением таких коллективов возникает индивидуальная связь с богом... Божество становится... личным хранителем и защитником".

В христианстве отголоском той же системы представлений является вера в "ангеловхранителей", которые есть у каждого человека.

В более широком смысле культ личных духовпокровителей, с характерным для него визионизмом (особенно резко выраженным в религии североамериканских индейцев), может рассматриваться как один из панних и, может быть, главных исторических истоков мистицизма в Религии, т.е. той тенденции к личному таинственному общению с божеством, которая хорошо известна и в христианстве, и в буддизме, и в других современных религиях, хотя зачастую осуждается ортодоксальной церковью...

ВЕРНЫЙ ПЕС САТАНЫ

"На Чертовой поляне в лесу под Псковом скрыт вход в адские помещения под землей. Мне довелось встретиться там с дьявольским существом, которое, несомненно, обладало разумом!" утверждает московский инженер Сергей Мартьянов. С той самой встречи он не находит себе покоя, пытается поймать Кербера верного пса Сатаны. (По материалам И. Царева. (Прим. авт.))

Легенду о подземных чудовищах, время от времени выходящих на поверхность, можно услышать и в Таджикистане. Там, в Кулябской области на берегу реки Вахш, высится загадочный курган, сложенный из округлых камней. Ученые расходятся в объяснениях возникновения этой восьмиметровой насыпи. Одни говорят, что это просто куча мусора, куда сложены камни, убранные крестьянами с окрестных полей. Другие уверяют, что странная груда сооружена воинами Александра Македонского, чья армия когда-то здесь проходила. Но местные жители по секрету расскажут вам, что под этим курганом находится вход в огненное подземное царство, где живут злые духи, которые до сих пор иногда возникают на вершине в окружении черного сияния и серного запаха...

Похожие истории, впрочем, рассказывают в самых разных странах, в том числе и в России. И чаще всего в них фигурирует злобный Кербер.

Кербер или Цербер (как кому больше нравится) мифологическое чудовище, сатанинский пес, который, согласно легендам, охраняет вход в Преисподнюю. Время от времени он покидает свой пост и выходит прогуляться на поверхность земли. И горе тому, кто встретит на пути огненного монстра. От человека остаются только обугленные останки.

Для сказки неплохо. Но можно ли всерьез верить, что Кербер существует? Исследователи из группы Мартьянова убеждены, что это именно так. И предоставили материалы, подтверждающие, что их уверенность родилась не на пустом месте.

Впервые с "сатанинским псом" столкнулись семь лет назад в деревне под Псковом. На вечерних посиделках старики любили рас

сказывать невероятные истории о Кербере "огромной черной собаке с огненными глазами, изрыгающей из пасти огонь", ее, якобы, можно иногда встретить на Чертовой поляне, в заболоченном осиннике, что в километре от деревни. Слушая эти побасенки, можно ухмыльнуться: мол, вот как прижился на российской почве сюжет Конан Дойля о Баскервильском чудовище! Далее рассказывает Сергей Мартянов:

"Мы с другом решили сходить за грибами. Пошли, естественно в лес к той самой Чертовой поляне. Из-за дурной славы местные любители "тихой охоты" обходят ее за версту, и потому грибов там всегда видимоневидимо. Тамто и выкатился на меня из кустов загадочный черный шар. Я буквально обалдел: по его поверхности пробежали огненные сполохи, а когда он прокатился по луже с дождевой водой, раздалось шипение и в воздух поднялось облако пара.

Шар исчез таким же непонятным образом, как и появился. Только на земле осталось пятно пожухлой травы. "Как сквозь землю провалился", подумал я и понял, что рассказы о загадочном Кербере имеют под собой реальную основу. Ведь при беглом взгляде встретившееся мне нечто вполне можно было принять за стремительное черное существо, плюющееся искрами..."

В Москве Сергей первым делом засел в библиотеке и не выходил из читального зала до тех пор, пока не убедился, что Конан Дойлю не приходилось напрягать фантазию, придумывая свою собаку Баскервильей. Дело в том, что английские предания буквально заполнены историями об огромных собаках, "изрыгающих из пасти пламя", в течение многих веков шастающих по болотам Британии и терроризирующих местных жителей.

В городке Бангея дьявольская собака посетила местную церковь во время службы. Прихожане дружно описывали ее удивительные, огромные, как блюда, светящиеся глаза. Когда пес пробежал мимо двух молившихся на коленях людей, те тут же упали замертво, еще один человек от прикосновения "адского существа" навсегда сморщился, как печеное яблоко, хотя и остался жив...

В городе Блитбурге невесть откуда возникший "черный пес невероятных размеров с багровыми глазами" неведомой силой разметал группу прохожих, убив двух мужчин и подростка, опалив огнем многих других...

В графстве Эссекс возница наехал на "черную собаку", выскочившую прямо из-под земли посреди дороги. В результате и человек, и повозка сгорели дотла...

В Эйлебери, что в графстве Бэкингемшир, один фермер имел неосторожность ударить палкой "черную собаку" по горевшим в сумерках глазам, свечение погасло, но сам фермер оказался парализованным...

В Дартмуте один джентльмен увидел странного черного зверя, на поминающего собаку. Он решил погладить его, но рука ощутила лишь пустоту. Тут же раздался оглушительный взрыв, отбросивший искалеченного любителя животных на добрый десяток шагов...

После этих историй и впрямь можно решить, что сатанинский пес Кербер реально существует. Но Сергей Мартьянов, по его же словам, ни в бога, ни в дьявола не верит. Зато он закончил МЭИ (Московский энергетический институт) и поэтому увидел в легендах свое...

Понимаете, говорит он, меня поразило, что каждое появление Кербера сопровождается однотипными приметами искры, языки пламени, взрывы... Все это похоже на природное явление, обладающее высокой энергетикой. Я даже решил сперва, что все это проделки шаровых молний. И черный цвет сатанинского пса, упоминаемый очевидцами, вполне уместен. Ученые уже зафиксировали существование черных шаровых молний. Оставалась одна загадка. Шаровые молнии чаще всего возникают во время грозы. А в моем случае (в тот день, когда я столкнулся с "черным шаром") погода была идеальной. К тому же в описаниях очевидцев Кербер всегда возникал не в небе, а как бы из-под земли... Возможную разгадку предложил вошедший в группу Мартьянова физиктеоретик Андрей Анохин. Оказывается, под землей тоже возможны грозы. Ученым давно уже известен так называемый пьезоэлектрический эффект, когда от испытываемых деформаций в некоторых кристаллах возникают электрические потенциалы. Так вот, в земных породах, испытывающих сильное сжатие, тоже могут появляться электрические заряды колоссальной мощности. Очевидно, что тогда подземные молнии выбиваются на поверхность.

Приняв эту версию за рабочую гипотезу, мы решили организовать экспедицию на уже известную вам Чертову поляну, где я когда-то встретился с Кербером, и само название которой говорит о том, что там могут проявляться силы подземного мира, продолжает

С.Мартьянов. Подготовили приборы, которые заранее предупредили бы нас о готовящемся энергетическом выбросе. Караулили в течение недели. И приборы не подвели...

Тут в рассказе Мартьянова начинается самое странное. Да, они видели, как посреди поляны разгорелось багровое пятно. Да, прямо из под земли возникло нечто угольносерое. Все как и ожидалось. Но дальше пошли уже "незапланированные чудеса".

По словам участников экспедиции, "черная молния" повела себя не как слепое природное явление, а как разумное живое существо. Кербер "обошел" поляну по кругу, поочередно выжигая установленные там датчики. От дорогостоящей японской видеокамеры остался лишь штатив да сплавившиеся стекляшки объектива. После показательного, целенаправленного уничтожения приборов черное "нечто" оказалось в центре поляны и медленно всосалось в почву, как чернильная капля в промокательную бумагу. И только тогда людей отпустило странное оцепенение, которое не позволяло им сдвинуться с места в течение всего этого времени.

Я неверующий, говорит Мартьянов, и все же меня не оставляет ощущение, что я воочию увидел живого черта или еще какое создание преисподней. Теперь я не успокоюсь, пока не разгадаю природу этого явления. Следы Кербера обнаруживаются не только в России и Англии. Просматривая американскую прессу, я обнаружил появление "сатанинского пса" в 1972 году в штате Луизиана. Журналы "ПрессДжорнел" за июль и "Нейшнл Уайлдлайф" за октябрь рассказывают о загадочном черном существе, появившемся на холме Марпольф, и в течение длительного времени терроризировавшем местных жителей. Вот некоторые показания свидетелей. Т. Харрисон:

"Это было огромное существо с тыквообразной головой, примерно семи футов ростом. Оно издавало низкие рычащие звуки и медленно поднималось на холм. В руках (?) оно держало что-то красное. На вершине монстр исчез, словно растаял..." Миссис Кларенс Ли:

"Нечто черное и огромное прокатилось в сторону холма Марпольф, я никогда не видела ничего подобного. Это был какой-то жуткий монстр с красными глазами. Он издавал странные звуки..."

Джон Шусслер:

"Моя собака погналась за ним, пробежала по склону футов триста а потом вернулась с поджатым хвостом. Дома она улеглась на пол, ей было плохо. Глаза ее налились кровью, и ее рвало. Через несколько дней она оправилась, но с тех пор никакой силой ее нельзя подвести к холму Марпольф..."

Полиция исследовала холм, но не нашла никаких следов загадочного существа, которое репортеры окрестили Момо. Зато в центре вершины обнаружилось пятно пожухлой травы, словно ее опалило огнем. Все эти приметы (черное существо, красные глаза или нечто красное на руках, странное пятно, где бесследно исчезал монстр холма Мар. польф) все это в точности совпадает с описанием Кербера. Есть и дополнительные штрихи американский Кербер источал, по словам очевидцев, жуткий запах.

Вивин Хочинс с детьми и ее муж, встретившие загадочное существо, так описывают свои ощущения:

"Оно воняло хуже любого старого козла. Так может пахнуть заплесневевший от времени вагон для лошадей. И еще нос жжет, словно серным дымом..."

Напомним, что в легендах, описывавших сатанинского пса, тоже фигурируют козлиный и серный запахи. Конечно, это еще ничего не доказывает. Исследования аномального явления, получившего название Керберэффект, необходимо продолжать. Что бы это ни было неизвестное существо или энергетические выбросы земных недр рано или поздно ученые сумеют поймать его за хвост...

ТАЙНЫ АВСТРАЛИЙСКОЙ МАГИИ

Философия аборигенов имеет три характерные черты: спиритуалистичность, тотемизм и историзм, которые, как правило, присутствуют в ней одновременно. Спиритуалистичность является тотемистичной по характеру и историчной по изложению. Другими словами, эти три характеристики являются различными аспектами одного явления, что и будет показано при последующем анализе. (По материалам А. Элкина. (Прим. авт.))

Термином "Спиритуалистичность" я хочу выразить не идею абстрактной концепции всепроникающей нематериальной реальности, а скорее то содержание, которое обычно обозначают термином "духовный". В действительности философию аборигенов лучше всего было бы охарактеризовать как анимистическую. По существу, вся та часть мира, которая представляет интерес для человека, объясняется существованием в ней различных духов, которые время от времени воплощаются в людях и в различных природных существах и явлениях. Эти духи могут появляться в снах и видениях, будучи как в состоянии воплощения, так и в свободном состоянии, когда они покидают тело. Это означает, что духи никогда полностью не привязаны к своим формам воплощения. Они могут символизироваться как искусственными, так и естественными объектами, и их жизнь опосредуется через эти объекты.

Сказанное станет более понятным, когда мы обратимся к рассмотрению верований аборигенов.

Широко распространенное учение о предсуществовании служит хорошей иллюстрацией сказанного. Духи нерожденных людей временно пребывают в обиталищах, обычно связанных с вполне определенными местами, и после смерти людей возвращаются в них, хотя, согласно некоторым другим верованиям, они уходят на небо. Участь мертвых будет рассмотрена нами позже. В большинстве верований считается, что предсуществующие духи возникли в очень далеком прошлом в результате деятельности определенного героя, хотя, согласно другим верованиям, они постоянно создаются героем-творцом, деятельность которого является непрерывной и не

ограничивается одним только прошлым. Человек может принять участие в этом процессе, совершив ритуальное действие в месте, которое считается священным благодаря своей связи с магическое способностью героя создавать или воплощать своих духов детей. Эта церемония аналогична обрядам, выполняемым для увеличения размножения видов животных и растений, поскольку представления аборигенов о природе ничем не отличаются от их представлений о человеке. Это находит выражение как в их мифологии и тотемизме, так и в ритуалах.

Как для человеческих существ, так и для животных и растений существуют центры духов. Герои оставили в известных местах не только души людей, но, кроме того, сделали другие места, также хорошо известные, центрами, из которых исходят духи и жизнь определенных животных и растений, и вызывают увеличение их плодovitости. Если, на пример, герой связан с кенгуру, т.е. имеет его в качестве своего тотема или может принимать его обличье, то он мог в каком-то месте совершить обряд размножения для кенгуру и оставить там большой камень не только для того, чтобы отметить это место, но и для того, чтобы сделать его кладезем духов и жизнью кенгуру. Другое место на пути героя может стать священным и обладать магической силой в силу того, что герой потерял здесь какое-то количество своей крови или часть своего тела, или же его тело превратилось в камень. С этого момента это место становится каналом, связывающим с созидательным и вечным временем сновидений. Благодаря дарованной этому месту благосклонности и ритуалам, совершаемым в нем, вступает в действие магическая сила, вызывающая размножение, в данном случае, например, кенгуру.

Следует отметить, что связующим звеном с вечным временем сновидений является в конечном счете личность, а именно герой. Даже если герой изображается в мифе в виде животного, большую часть времени он действует и говорит как человек. Это, как мы увидим далее, является характерной особенностью австралийской мифологии, в которой они цетворяются природные существа и явления. Благодаря этому они по лучают объяснение, понятное человеку, поскольку, как воплощения существ, наделенных личностью и духом, они подобны человеку, хотя часто обладают значительно большими способностями.

Не всегда легко установить, каким образом, по мнению аборигенов, ритуал размножения достигает своей цели. Когда исполнитель или исполнители ритуала говорят: "Пусть будет много кенгуру повсюду", то они, очевидно, выражают свое желание. Кроме того, они выражают свое желание действием, т.е. в наиболее простом случае они сдувают порошок с камня, сбрасывают камни со священной груды или, взяв со священного места истолченный в порошок камень или землю и смешав их с кровью, размещают эту смесь на тех территориях, где желательно размножение видов животных и растений, и где оно, как правило, и происходит. Возможно, мы могли бы заключить, что аборигены произносят или выбирают священные выражения для идеи и концепции кенгуру, эму или валлаби, или что, согласно их верованию, они передают часть жизненной силы священного камня или того, кто этим камнем репрезентируется, территории, и таким образом эта жизненная сила передается животным и растениям и вызывает их размножение. Но каким бы ни было наше толкование философским, священным или символическим, мы должны понимать, что священный камень или гряда являются для аборигенов не просто камнем или землей. Они в определенном смысле оживлены; от них исходит жизненная сила, и здесь неважно, понимается она как обобщенная сила, которая в одном случае действует на кенгуру, а в другом случае на валлаби и т.д., или как источник индивидуальных духов и жизней кенгуру, которые с помощью ритуала посылаются для своего воплощения.

Нам не следует отбрасывать это последнее представление, даже если оно и не поддерживается в каждом племени, поскольку нельзя забывать, что для размножения человеческого рода имеются точно такие же обряды, как те, что выполняются для размножения животных и растений. Цель этих обрядов состоит в том, чтобы содействовать воплощению индивидуальных духов, которые обитают в центрах духов или местах размножения детей. Во время этих обрядов разрисовывается, скоблится или разбивается камень (в некоторых случаях дерево), а также часто исполняется песня или произносятся заклинания. В результате духидети, оставленные в этом месте, выходят, с тем чтобы войти в чрево женщины. Здесь нет идеи общей дарующей жизни силы, настигающей женщин и вызывающей беременность, а есть идея вхождения в их тела духов-детей, которые

прежде были посланы. Поэтому не имеет смысла искать другую интерпретацию и для обрядов размножения, священных с животными и растениями. Аборигены рассматривают жизнь и размножение людей так же, как это происходит в природе.

Еще одну разъясняющую иллюстрацию сказанного можно найти в Северном Кимберли. Там практикуются упомянутые выше ритуальные способы размножения человека и видов животных и растений, которые обычно известны как талу или интичиума. Эти ритуалы связаны с рисунками на камнях и скалах. За исключением северо-восточной части этого региона, каждая такая галерея содержит, по крайней мере, одно изображение личного существа, известного под именем Вонджуна и связанного с небом, дождем, радугой, радужной змеей, духами-детьми и размножением животных и растений. Это существо почти всегда изображается в виде человеческой головы с носом и глазами, но без рта. Обычно над головой оно имеет украшение в виде подковы, которое может изображать головную повязку, носимую туземцами, но вероятнее всего изображает радугу. Если до этого изображения дотрагиваются люди, принадлежащие к местной тотемической группе, то в нужный сезон выпадает дождь и получают воплощение духидети, которые происходят от радугидуха и временно обитают в ближайшем водоеме. Аналогичным образом, если люди нарисуют или перерисуют изображение своего тотемического животного в галерее, посвященной Вонджу не то это вызовет увеличение плодовитости этого вида животных. В одном районе Северного Кимберли считается, что человек, нашедший духа-ребенка, должен пойти в галерею и дотронуться до изображения змеярадугои или даже нарисовать изображение духа-ребенка, с тем чтобы змей-радуга оказался в состоянии поддержать его заместителем. В мифологии каждая такая галерея связывается с героем Вонджу ной, причем таких героев может быть несколько, и каждый из них имеет свое особое имя. Здесь не предполагается, что различные рисунки Вонджуны являются изображениями одного духа плодородия. Эти изображения и прикосновения к ним действительны потому, что они являются унгуд, т.е. были учреждены в далекую эпоху творения, действенная сила которого может стать активной благодаря ритуальному действию. Именно в эту эпоху Вонджуна вместе со своими последователями пришел в Северный Кимберли из моря. Когда их странствия закончились,

они (т.е. их тела) превратились в рисунки, а их духи поселились в ближайших водоемах, готовые стать активными в тот момент, когда их "тела" будут вновь нарисованы.

Очень распространенной чертой церемонии размножения является использование человеческой крови для изображения тотемических эмблем на телах участников, для расцвечивания некоторого символа, а так же для смазывания камня, выступающего неизменным символом при отсутствии великого героя (человека или животного), связанного с определенными видами животных или растений. Эта кровь, конечно, считается священной и берется из генитального органа. Если в других случаях человеческая кровь дает физическую силу слабым и старым, дарует душевное мужество и священную жизнь прошедшим обряд посвящения, то в этих церемониях размножения она дает жизнь герою или тотемическому животному. Во время этих обрядов камень обнажается и очищается, а затем при совершении соответствующих действий и пении на него проливается кровь избранных представителей тотемической группы. Таким образом они отдают часть своей жизни тотемическому животному, с тем чтобы оно могло размножиться и обеспечить жизнь человека. Здесь не вполне понятно, является ли вклад духов и жизней тотемических животных непосредственным, или он связан с усилением их кровных уз с тотемическим предком или героем, но, по крайней мере, ясно, что жизнь природы и человека является единой по своей сущности и потребностям. Короче говоря, она носит личностный и духовный характер.

Это подводит нас к проблеме, возникающей в связи с некоторыми тотемическими ритуалами размножения. Оказывает ли ритуал непосредственное воздействие на жизнь и духов животных и растений, или же он действует на тотемического героя или бога, который и вызывает соотвествующее увеличение плодовитости? В мифологическом цикле о Вонджуне считается, что цель прикосновения к рисункам состоит в том, чтобы вызвать активность Вонджуны. В северных районах полуострова Кейп-Йорк ритуал размножения служит установлению контакта между представителями тотемической группы и тотемическим героем-предком или богом, который затем "выходит" и вызывает рост плодовитости того животного или растения, которое было связано с ним в героическое время и за которое он несет

ответственность. Однако не только в этом регионе, но также в Центральной Австралии и в ряде северных и северозападных районов мы находим подтверждение того, что ритуалы размножения преследуют цель "занять" героя посылкой жизнью и духом определенных животных и растений, как он это делал прежде в эпоху "сновидений".

Из учения о предсуществовании вытекают два важных следствия. Во-первых, это учение объясняет, почему аборигены игнорируют или даже отрицают причинную связь между половым сношением и зачатием и, следовательно, не признают физиологического аспекта отцовства. Согласно их представлениям, дух ребенка уже существует, и он должен быть найден. В племенах северных, западных и восточных регионов Австралии считается, что отец находит этот дух, хотя и мать может видеть детей во сне будущего ребенка. По мнению аборигенов центральных областей, наиболее важную роль в этом деле играет мать, поскольку ребенок получает свою плоть и кровь от матери, в то время как отец обеспечивает ему положение в социальной и религиозной жизни. Однако и в том и в другом случае предполагается, что половое сношение только подготавливает женщину к рождению ребенка (за исключением северной части полуострова Кейп-Йорк, где признается существенная роль полового сношения), и поэтому необходима сверхъестественная анимистическая сила тотемический герой или небесный бог, создающий ребенка, который благодаря этому может быть помещен в чрево женщины. Трудно решить, воспрепятствовало ли это учение открытию физиологических фактов, или же оно вытеснило некогда прежде имевшееся знание этих фактов. По крайней мере, мы по себе знаем, что и то и другое могло иметь место. А поскольку сейчас речь идет об аборигенах, то совершенно ясно, что именно это учение мешает им осознать значение физиологических фактов.

Однако это не означает, что нельзя одновременно придерживаться учения о предсуществовании или о сверхъестественном творении духов и знать физиологические факты. Такое соединение веры и знания характерно для многих из нас, и нам следует стремиться, по крайней мере в течение какого-то времени, сохранять веру аборигенов в предсуществование, и в то же время помочь им осознать эти факты. Разрушить их веру в предсуществование и в священные центры духов

означает оборвать связь, которая соединяет их с миром духов, с их великими героями, с их страной и даже друг с другом, в случае если группа индивидов имеет одно общее обиталище духов. Это приведет к гибели племени, и поэтому этого следует избегать.

С другой стороны, приобретение аборигенами верования в причинные следствия полового сношения в сочетании с более высокой оценкой статуса и ценности женщины, чем это обычно свойственно туземцам, могло бы привести к изменению или даже отказу от тех обычаев, в которых половая жизнь женщин используется для целей, выходящих за рамки семьи.

Второе следствие имеет отношение к природе. Пока мы не просветили аборигенов, они считали, что возделывание земли, высаживание семян и заботливый уход за скотом не являются необходимыми условиями плодородия. Для них участие человека заключается в посылке с помощью ритуала духов и жизней животных и растений. Это мешает им оценить по достоинству нашу сельскохозяйственную и животноводческую деятельность. Но соответствующие разъяснения процессов проращивания и скрещивания помогли бы им оценить то, что мы делаем, а соединение религиозных ритуалов с этой деятельностью способствовало бы проникновению навыков сельскохозяйственной и пастушечьей работы в их жизнь. В этом отношении миссионеры имеют огромные возможности, если они, используя немного воображения, позаботятся подготовить ритуалы, которые будут иметь значение для аборигенов и в то же время не будут нарушать христианских принципов.

Рассмотрение нами спиритуалистического представления о жизни содержало ссылки на тотемизм, в частности, на тотемические обряды размножения. Основная идея тотемизма состоит в том, что человек и виды животных и растений объединяются в одно социальное и церемониальное целое и участвуют в одной общей жизни. В социальном тотемизме тотем не только символизирует общие родственные связи между членами некоторой группы, но также выступает как их супруг, друг, защитник или помощник, и поэтому является их "плотью", тогда как они в свою очередь питают к нему уважение и отказываются причинять ему вред, если только не находятся в состоянии крайней нужды. Аналогичным образом в культовом тотемизме тотем служит не только эмблемой культовой группы или сообщества, но также

символизирует предка или героя, которому поклоняются члены этой группы, и выражает жизнь животных и растений, за размножение которых члены тотемической группы несут ритуальную ответственность. Более того, этот символизм основан на веровании, что человек и природа подчиняются одному порядку. В своей основе ритуал размножения животных и растений не является попыткой господствовать над природой с помощью магических сил; это скорее способ выражения нужд человека, особенно его потребности в том, чтобы сохранялся естественный порядок вещей в природе, это способ содействия природе именно в те сезоны, когда должно происходить размножение соответствующих животных и растений, или когда должен выпасть дождь. Это не является попыткой вызвать нерегулярное или необычное, это попытка сохранить регулярность. Это система кооперации с природой, которая по своим функциям является экономической и психологической: с одной стороны, она выражает экономические факты и нужды, а с другой стороны, обеспечивает уверенность в процессах природы (которые воспринимаются как одушевленные и которые обуславливаются духовными причинами) и надежду на будущее.

Индивидуальный и вспомогательный тотемизм также основаны на веровании, что человек, растения и животные ведут общую жизнь. Человек и его тотем вступают в личный контакт друг с другом; зависимость человека от тотема состоит в том, что может быть описано как личные услуги, хотя здесь присутствует и определенное количество притворства. Аналогична и функция тотема в снах, поскольку здесь он изображает члена тотемической группы, передает ему сведения и надеется его силой. Эти факты свидетельствуют о том, что тотемизм является формой анимизма, поскольку он наделяет душами или личностями животных и растения, т.е. тотемы. Это также означает, что сновидение является объективным опытом, сравнимым с переживаниями в состоянии бодрствования. Простой иллюстрацией этого является представление аборигенов о культовом тотеме как "сновидении" как пути в вечное "сновидение" время, которое является прошлым и настоящим одновременно, которое причастно природе сновидения и свободно от ограничения, накладываемых пространством и временем.

Однако наиболее интересным выражением единства природы и человека является классификационный тотемизм. Как уже

указывалось, он является функцией от фратриального, родового или локального то темизма. Этот вид тотемизма означает распределение и классификацию человека и всех представляющих для него интерес природных явлений в рамках одной системы. В этой схеме человеческие индивиды не отделены от природных существ и объектов, а образуют с ними общие группы. Так, фратрия, род или любая другая группа включает не только определенное число мужчин и женщин, но также и определенных животных, растения и природные объекты. В районе Порт-Макая в Квинсленде, где каждое племя подразделяется на две фратрии, считается, что человек естественным образом подчинен более фундаментальному делению природы на фратрии. Один человек, на которого это представление произвело сильное впечатление, говорил: "Похоже, чернокожие считают, что эти фратрии и классы являются универсальным законом природы, и поэтому они все распределяют между ними". Для нас часто бывает трудно понять принцип деления, но туземец, как правило, говорит не задумываясь, к какой фратрии или любой другой группе принадлежат кенгуру, бамбук, определенные деревья, злаки или камни. С такой же легкостью он указывает фратрию, род или класс своих соплеменников. Это разделение и классификация предполагают родство между человеческими индивидами и природными существами и явлениями, поскольку они группируются вместе. Например, на северо-западе Западной Австралии член одной фратрии по материнской линии считал всех, принадлежащих к этой фратрии, "своей собственной семьей", а все, кто относился к другой фратрии, были для него некровными родственниками.

Фратрии всегда связаны с другими подразделениями, а именно с родами и классами. Во всех племенах, где тотемизм является средством выражения единства человека и природы как "одного большого племени", мужчины, женщины и все другие объекты классифицируются не только по фратриям, но также по родам и классам. В этом случае мы говорим о множественном тотемизме и о субтотемах или вспомогательных тотемах. Например, если тотемом рода является кенгуру, то он является тотемом не только для соответствующей группы людей, но, кроме того, и для группы природных объектов, животных и растений. По этому траве, вода, плеяды и т.д. являются кенгуру точно так же, как им являются

определенные мужчины и женщины. Для последних кенгуру является основным тотемом, в то время как трава, вода, плеяды и т.д. являются вспомогательными тотемами. Несмотря на то, что эти субто темы вторичны, они тем не менее являются объектами поклонения, поскольку считается, что они служат (предупреждают об опасности и помогают) членам человеческого рода кенгуру.

Если отсутствует деление на фратрии, то совершенно аналогичная классификация человека и природы осуществляется по родам, локальным группам, классам и подклассам. Дело в том, что тотемизм играет столь важную роль в существовании человека в Австралии, что он является неотъемлемой частью всех его социальных и ритуальных группировок. Причем он выступает не просто как символическое выражение принципа и цели этих групп, но является также средством выражения единства жизни человека и природы, их взаимной зависимости друг от друга. В результате, какой бы ни была форма социального деления на группы, абориген вносит в нее всю природу в целом, поскольку как не может быть свободных, не принадлежащих роду или классу людей индивидуалистов, так ничто на небесах и на земле не может находиться в столь неприятном положении.

При таком отношении к миру человек чувствует себя в природе, как дома, внося все ее явления, объекты, растения и животных в свою социальную систему, превращая их в часть своих родственных групп, фратрий, родов и других организаций. Тогда он может ожидать, что природа будет относиться к нему так, как он относится к ней, т.е. так, как принято между людьми в различных социальных и ритуальных группах. Это означает очеловечивание, если не олицетворение природы во всех ее проявлениях и опять почти вплотную подводит нас к спиритуалистическому и анимистическому представлению аборигенов о Вселенной. То же самое мы увидим при рассмотрении мифологии, которая персонифицирует или, скорее, олицетворяет природу.

Представление аборигенов о жизни является не только анимистическим и тотемическим, но и историческим. Святость, санкция и жизнь возникают из героического животворного прошлого. Устойчивость и поддержание неразрывной связи с прошлым играют важную роль в жизни любого общества, и их никогда нельзя игнорировать. Это утверждение верно и для аборигенов. Святилища

даруют жизнь и имеют тотемическое значение в силу своей связи с героями прошлого, а собственный дух человека, благодаря своему предсуществованию, служит связующим звеном с тем же временем творения. Обряды размножения животных и растений действительны, поскольку их совершают по древним обычаям исполнители, которые были посвящены в тайную жизнь, от которой доступ в прошлое. С помощью обрядов, совершаемых в память деяний героев и предков, передаются великие откровения по свящаемым. Аналогичным образом требующие строгого соблюдения законы, обычаи и имеющие существенное значение для благополучия племени обряды были установлены героями и предками в далеком прошлом. Если обычай не получает закрепления в мифе, то он рассматривается как созданный человеком, и поэтому не имеет большого значения. С другой стороны, если нужно ввести или принять новое установление, или если новый обычай считается существенным, то он непременно найдет дорогу в мифологию и тем самым будет освящен и станет санкцией для поведения. Само слово, обозначающее культовый тотем, "сновидение" включает прошлое в свою коннотацию. Наконец, мифология представляет собой рассказ о деяниях предков, тотемических и других культурных героев в этот далекий период творческой активности.

Для аборигенов вещи, такие, как они есть, являются результатом личных действий героев в прошлом; обычаям следуют потому, что они являются обычаями героев или были установлены героями. И сама жизнь возможна для человека и природы благодаря действиям и животворным способностям героев. Все, что есть, должно быть и будет, обязано своим существованием неразрывной связи с героическим прошлым.

Однако, как уже отмечалось, это прошлое в некотором смысле является и настоящим, поскольку культурные герои и предки не прекратили своего существования и имеют непосредственное отношение к деятельности человека на протяжении всей его жизни. Обряд посвящения не только допускает человека к знанию прошлого, но и делает его тем, кто приобщается к этой жизни и действительно становится ее воплощением. В особенности это имеет место во время церемоний: кровь человека тогда является кровью героев, и он попадает в священный мир героев и некоторое время живет преобразованной жизнью. Однако это еще не все. Дело здесь не только

в переносе прошлого в настоящее или в превращении настоящего в прошлое с помощью ритуальных действий во всем их рвением и энтузиазмом. Для обозначения этого периода твоего рвения обычно используется термин "сновидение". Но "сновидение" человека является его культовым тотемом, другими словами, его символом и долей в героическом веке и, кроме того, способом доступа человека к нему. Но это также означает, как уже отмечалось, что этот век проявляет черты нашего собственного опыта сновидений, а именно, то, что не существует ограничений пространства и времени и что действующие лица наделены более чем обычными способностями и знаниями. Из этого не следует, что алтыра, героический век, является продуктом фантазии и необузданного воображения. Абориген приписывает своим повседневным снам не больше значения, чем это делают ваши психоаналитики; сны открывают ему события, которые произошли, происходят в настоящий момент или произойдут в будущем. Мифы о времени сновидений являются для аборигена фактами истории, которые связаны с его географическим окружением, экономическими занятиями, общественным устройством и личным опытом. Но время, к которому они относятся, имеет характерные признаки сновидения, поскольку, как в сновидении, прошлое, настоящее и будущее в некотором смысле сосуществуют являются аспектами одной реальности. Это время снов, используя более ранний термин, да, но оно вечно, поскольку выражает для всех временных периодов ту реальность, которая постоянна, неизменна и является безвременным здесь и сейчас. Это "сновидение", используя собственный перевод аборигенов, которое в прошлом обнаруживало себя в родовых и культовых героях, которое в настоящем обнаруживает себя в посвященных (в частности, во время священных церемоний) и которое будет проявляться в будущем при условии, что не будут прерваны связи с ним.

В этом заключена важность тайной жизни, как указывалось в предыдущей главе. Посвященные, мифы, обряды, священные места являются связями с временем сновидений. Если осквернить или запустить священные места, нарушить преемственность посвященных, забыть мифы и пренебречь обрядами, то утратится доступ к жизни, которая исходит из времени сновидений. В результате само существование человека и природы окажется в опасности, и одна

только мысль об этом состоянии наполняет взрослых аборигенов чувством бессмысленности существования, а для нового поколения это означает утрату символа надежды в прошлом, источника силы в настоящем и ориентира в будущем.

Каждый народ имеет ряд базовых понятий, которые возникают из его повседневной деятельности и находят выражение в его мышлении. К их числу принадлежат такие понятия, как время, пространство и расстояние, число, собственность и владение, классификация или распределение по группам, причинность. Мы уже видели, что классификация аборигенов включает как группы, выделенные по принципу родства, так и другие социальные группировки, и в соответствии с ней предписывается их взаимное поведение. Кроме того, аборигены классифицируют природные явления, животных и растения по тем же самым социальным и ритуальным группам, включая их в один общий порядок. Таким образом они устанавливают образцы поведения для человеческих групп и "связанных" с ними животных и растений, включая сюда ожидаемые реакции и действия со стороны этих животных и растений.

Причинность. Для аборигенов причинность носит личный характер. Человек бросает копье, которое попадает в другого человека или животное и убивает его. Человек со своим копьем является причиной. В главе «Знахари и магия» мы увидим, что, даже если нет видимой причины болезни или смерти человека или какого-либо другого бедствия, т.е. если несчастье не является очевидным следствием совершенных кем-либо действий, то, тем не менее, предполагается, что причина должна быть личной. Это означает, что было брошено невидимое копье, как сеть или петля и именно они произвели имеющийся результат. С помощью магии можно раскрыть человека, «бросившего» копье, и с помощью магии это копье может быть извлечено из жертвы.

В других исследованиях исполнители тотемических ритуалов описываются как вызывающие последующее увеличение плодovitости животных и растений. Однако они не являются действующей причиной этого увеличения и не считают себя таковыми. Они только выражают свое желание и потребности в ритуале, репрезентирующем условия, от которых можно ожидать естественного и нормального размножения животных и растений, и именно эти условия можно

назвать "действующей причиной", если встать на позицию аборигенов. В центральном Арнемленде вожди со всей определенностью утверждают, что совершаемый ими ритуал мараян не сам по себе вызывает размножение жи вотных и растений в соответствующем сезоне; он только служит поводом для "призраков" или "душ" этих животных и растений самим со вершить мараян и тем самым размножиться, т.е. обрести плоть. Для нас это различие может показаться несущественным, но для аборигенов оно имеет реальное значение. Оно означает взаимозависимый дуа изм видимого и невидимого. Участие человека в ритуале также существенно, поскольку оно, обеспечивая повод, в действительности явля ется средством, с помощью которого невидимое "сновидение" становится действенным в мире пространства и времени, т.е. здесь и сейчас.

Время. Что есть время? Для нас это последовательность тогда и сейчас, причем сейчас почти немедленно превращается в тогда. Для абори генов время это только сейчас. Хотя для них существует прошлое, когда культовые герои и предки совершали свои величественные дея ния, однако это прошлое вместе с тем является и настоящим, т.е. здесь и теперь. Если бы это было не так, то настоящего и быть бы не могло. Причем настоящее здесь понимается не как самое последнее из след ствий, вытекающих из прошлого. Наоборот, настоящее есть скрытое и потенциальное «прошлое»; оно реализуется через поведение и ритуал. История существует, но она представляет собой миф о том, что нахо дится «за» или «внутри» настоящего, а не «до» него. Это находящееся «внутри» является сновидением, невидимым, неизменной реальностью всех без исключения создании и явлении и их взаимоотношений. Все реально существующее обладает предсуществованием, т.е. оно не яв ляется вновь сотворенным или устроенным. Если человеческого существа, животного, растения или природного явления нет, то это означает, что оно находится в невидимой фазе своего непрерывного цикла существования, цикла, который не продвигается вперед, а без конца повторяется. Безусловно, это имеет огромное значение для рассматри ваемого народа. Более того, это является отражением жизни людей, занимающихся собирательством. Абориген не разводит сельскохозяй ственные культуры и скот, и поэтому не надеется найти новые или лучшие сорта картофеля или зерновых или вывести более «мясистых» валлаби. Его

существование зависит от повторяющегося цикла сезонов, от естественного произрастания картофеля, от размножения валлаби в обычное для этого время и в обычном месте и т.д. Таким образом, оно зависит от сохранения существующего положения.

Однако даже это предполагает осознание прошлого и ожидание будущего. Человек, безусловно, смотрит в будущее или прошлое, ожидая, когда достигнет зрелости обещанная ему в жены девочка, или оплакивая прах брата, умершего год назад. Однако эти временные рамки ограничены; они находятся "внутри настоящего", и для них прошлое, настоящее и будущее выражается с помощью глагольных времен и наречий. Это время в виде последовательности периодов представляется неважным для аборигенов. Оно выражает "конкретную реальность" настоящего, которая имеет относительную ценность. Спросите аборигена, сколько потребуется времени, чтобы дойти до известного ему места, и он может ответить: "Возможно, довольно много времени". Если вы будете настаивать, чтобы он был более точным, он совершенно правильно перечислит на пальцах или с помощью камешков последовательность удобных для разбивки лагеря мест по дороге с легкими или разумными пешеходными дистанциями между ними. Возможно, он упомянет девять таких стоянок, но если вы из этого сделаете заключение, что на все путешествие потребуется десять дней, он затруднится согласиться с вами. Он и его семья могут потратить на этот путь дней двадцать или даже более. Если по пути вблизи водоемов случится хороший сбор пищи, или если встретятся друзья, то он скорее всего может задержаться на несколько дней. В любом месте и в любое время пища и социальные отношения представляют для человека первостепенную заботу "конкретную реальность" настоящего. Того, что лежит впереди, еще нет. Даже если в месте последней стоянки должна состояться встреча для совершения ритуала и торговли, абориген не будет спешить на нее как на назначенное мероприятие. Для него расписание не является решающим. Тот, кто приходит первым, ждет, т.е. "сидит", собирает пищу или исполняет корробори. Здесь нет спешки, нет упреков за опоздание, поскольку как можно опоздать, если никакого точного время встречи не установлено? В промежутке каждый занят своими обычными делами и заботами, поскольку неважно, где ими заниматься, здесь или там, главное, чтобы была пища.

Пространство. С пространством дела обстоят так же, как и со временем. У нас есть не только расписания и единицы времени, но и системы измерения площади и расстояния. Мы определяем длительность путешествия по расстоянию, которое нужно пройти, и вычисляем площадь с помощью измерений. Мы обычно устанавливаем границы и возводим изгороди. Единственное интересное исключение составляют границы поселений: фермеры-соседи, хотя и знают размер своих владений, однако редко заботятся о точном проведении границ и не ставят изгородей, поскольку стада не покидают владений своих хозяев, где расположены их привычные места для водопоя, и скотоводы знают об этом. Аборигены также знают свои места для сбора пищи и водоемы и имеют некоторое представление о границах рода или племени; по крайней мере, они знают, когда они находятся на территории другого племени. Но они не умеют измерять длину и площади и не имеют соответствующих слов для обозначения размера или расстояния. Спросите у аборигена о размере известного ему пастбища, и он может ответить вам, что оно «достаточно большое», или «большое», или «очень большое». Спросите у него расстояние до известного ему места, и он ответит, что это, «возможно, длинный путь», или что это «длинный-преддлинный путь», или что это «близко». Вы можете пройти этот путь и устать, по этому не следует слишком доверять его оценке «близко». Его представления о площади и расстоянии относительны, а не точны, поскольку фактор времени не имеет для него большого значения. Поэтому рабочий-скотовод из аборигенов, сообщая нанявшему его фермеру о пастбище или выгоне, указывает места по названиям, поскольку наниматель знает их и может сам оценить расстояние.

Число. Поскольку аборигены должны быть ассимилированы нашей экономической системой, они должны осознать эти вещи, и со временем это, конечно, произойдет. Но пока с этим для них связаны значительные трудности. Чистокровные аборигены-школьники заучивают наизусть различные таблицы измерений, и хотя им показывают, что такое дюймы, футы, ярды, квадратные ярды и т.д., они могут на вопрос, какова длина линии, нарисованной на доске (скажем, в 20 дюймов), ответить, что ее размер шесть дюймов или полмили. Я знаю это по личному опыту. Арифметическая таблица не имеет никакого со

ответствия в их кочевой жизни. Конечно, абориген-ремесленник знает, какой длины он хочет сделать копье, но знает это не в футах и дюймах. Он работает на глаз, учитывая вес и пропорции.

Этот вопрос измерения связан с проблемой чисел реальной проблемой для аборигенов. Их язык содержит слова для единицы и двух, а три и четыре обозначают с помощью фраз "один и два раза по одному" и "два раза по два", соответственно. Иногда пять указывается с помощью всех пальцев руки, семь прибавляя еще два пальца другой руки, и так до десяти и даже до двадцати, если используются пальцы ноги. Но это не является собственно счетом, это только конкретный способ указания на отдельных людей и местности. То, что больше пяти, они обычно обозначают словом много, или "толпа", или "большая толпа". И это совершенно понятно. Конкретные люди известны по их именам и признакам. Охотник выслеживает и пронзает копьем только одного кенгуру за раз. Если он видит двух, трех или четырех, то он так и говорит, если больше, то для него это толпа, отдельные особи которой не различимы. Аналогичным образом для него будет большой удачей, если он убьет более одного валлаби, хотя он мог видеть "много" или "большую толпу" валлаби. А что касается корней и орехов, то кому же захочется считать их! Поэтому, хотя дети в школе и учатся считать до заданного числа и запоминают различные таблицы, эти числа не имеют никакого отношения к жизни их отцов и дедов, занимающихся охотой и собирательством. Только наиболее изобретательным учителям удастся достичь определенного успеха, и то обычно только на время. Однако по мере того как аборигены будут поглощаться нашими экономическими отношениями, они все в большей степени будут овладевать нашими понятиями числа, пространства, времени и связанным с ними понятием собственности.

Личная собственность. Кочующие собиратели пищи не обременяют себя имуществом. Помимо отшлифованных камней, а на северном побережье также выдолбленного каноэ, их снаряжение достаточно легкое и содержит то, что готово к использованию. Десятки копий, щитов, бумерангов и каменных ножей не принесут пользы в повседневных делах. Поэтому никто не стремится накапливать имущество; скорее, более настоятельная задача состоит в том, чтобы отдать вещи, следуя законам родства и ритуальным требованиям. Каждый старается сделать это для «родни», для брата матери, для

юноши, проходящего обряд посвящения, для исполнителя ритуала и их помощников, для возвращающегося путешественника, для друга, для гостей и т.д. На своих встречах они обмениваются товарами и устанавливают брачные соглашения; как говорится, «брак и торговля идут сообща». Таким образом предметы переходят от одного человека к другому, от одной группы к другой, скрепляя дружбу. Интересно, что при обменах аборигены не стремятся получить эквивалентное количество товаров; дарение является важным аспектом их взаимоотношений. Копья и другие имущество человека никогда не крадутся. Оно может дариться или одалживаться желающему, и, конечно же, все являются родственниками. Многим нечистокровным аборигенам, живущим в городах, не удается достичь жизненного уровня, характерного для общественных рабочих, поскольку к ним приезжают их родственники и живут с ними и за их счет в условиях ужасной тесноты. Однако хозяева «не могут» и, как правило, не хотят отказывать своим гостям и делят с ними свое жилище и имущество. Старые ценности и обязательства кочевой жизни сохраняются и здесь, чистокровный абориген, нанятый скотоводом на ферму в малонаселенной местности, распределяет полученное им от своего работодателя, включая одежду, между своими родственниками, согласно родственному обычаю. Или же, заработав приличную сумму денег на юге в качестве художника или актера и возвратившись в родную местность, абориген выполняет свои обязательства перед родственниками, покупая для них вещи до тех пор, пока не закончатся деньги. При этом он не испытывает ни сожаления, ни тревоги. В прежние времена он должен был изготавливать вещи для своих родственников; теперь он их покупает. Обязательства не изменились, изменился только способ их выполнения.

Аборигены, даже обитающие в центре Арнемленда, научились от нас "искусству" азартных игр, особенно различным видам карточной игры в покер. Они пристрастились к ней и стали очень умелыми игроками. Во время игры они могут проиграть все: весь свой заработок, одежду, все свое имущество, однако это не вызывает их беспокойства. Эти вещи являются для них только второстепенной принадлежностью, а не яичной собственностью в нашем понимании; все, что требуется им для жизни, это копье и острый камень. Кроме того, другие игроки в любом случае дадут им денег для продолжения

игры. Таким образом, азартные игры не подвели аборигенов к осознанию нашего понятия частной собственности, и вряд ли они это сделают.

И наконец, последний пример. Я часто встречал в государственной колонии и в городе одного полуаборигена, который говорил, что он в отпуске, хотя, очевидно, был безработным. Перед этим он проработал в течение нескольких недель или месяцев и скопил немного денег. Потом он "сидел", пока благодаря его родственникам деньги не кончились, но это его совершенно не беспокоило. Пока в его карманах было пусто, он жил некоторое время за счет тех же родственников, после чего нашел новую работу, и весь цикл возобновился. То же самое имеет место в их охотничьей жизни: когда голод угрожает лагерю, мужчины выходят на охоту, а женщины занимаются поисками пищи. Проблема состоит в том, что аборигены, особенно те, кто живет в больших городах, должны осознать не только необходимость устройства на работу, когда они нуждаются в деньгах и товарах, но и понять тот факт, что, пока они не будут работать непрерывно, наниматель не сможет сохранить свое предприятие, и в этом случае устройство на работу не будет возможным в любой момент, когда возникнет желание. Те из них, кто занят на пас тушьях угодьях, где отношения между нанимателем и рабочим носят личный характер, осознали эту взаимную зависимость.

Очевидно, что аборигены рассуждают и действуют отличным от нас образом, но на основе своих базисных понятий они мыслят логично. Эти понятия возникают из условий их кочевого образа жизни, связанного с охотой и собирательством, и поэтому являются "естественными", если даже не "неизбежными" при таких обстоятельствах. Мы должны хорошо это осознать, если хотим понять аборигенов. Другими словами, наше понимание этого народа будет расти в той степени, в какой мы будем постигать его метафизику, будем осознавать смысл и реальную значимость указанных выше базисных понятий. Этот смысл может очень сильно отличаться от того содержания, которое мы вкладываем в то, что считаем схожими понятиями в нашей собственной культуре. Между ними лежит огромная пропасть, которая может быть успешно преодолена только возведением нового двойного моста, связанного с изменением экономической системы, более не опирающейся на собирательство и охоту, и с усвоением философии

истории, действия и цели, дающей разумное объяснение новому "миру", с которым они должны соединиться.

Что касается нас, то я надеюсь, что это краткое изложение философии аборигенов поможет нам понять их представление о жизни и природе, которое является более или менее логичным и систематизированным и в основе которого лежит анимистическая предпосылка, служащая маяком и ориентиром на их пути от рождения к смерти и далее. По своей сути мировоззрение аборигенов спиритуалистично, тотемично и исторично; оно выражает центральные аспекты человеческой личности, глубокое родство человека и природы, связь человека с прошлым все то, что питает веру во вневременное и внепространственное существование личности. Мы очень склонны недооценивать философские способности примитивных народов, однако отсутствие одежды и сложных экономических отношений еще не означает отсутствия мысли. Примитивные народы имеют больше времени для размышлений, чем мы, и мы ошибаемся, думая, что, когда абориген празднично сидит, уста вившись взглядом в пустоту, его мозг обязательно пуст.

Абориген овладевает искусством погружения в значительно большей степени, чем большинство из нас. Принимая участие в общем разговоре или в любой другой деятельности, он может ощутить непроизвольное движение в какой-либо части своего тела. При этом, как я наблюдал, он сразу погружается в состояние сосредоточенной восприимчивости, длящееся несколько минут. В этом состоянии он осознает, с кем что "произойдет" в ближайшем будущем. Во многих племенах считается, что различные части тела указывают на определенных родственников или группы родственников; в таких случаях медитация направляется по предписанным каналам. Иногда он может видеть тотемное животное, принадлежащее его собственной группе или группе близких родственников. После этого он еще раз подготавливает себя к восприятию знака, который укажет, к кому это относится и что случилось. Та же самая процедура обычно сопровождает увиденный дым.

Многие белые, хорошо знающие своих рабочих туземцев, рассказывают о замечательной способности аборигенов узнавать, что происходит далеко от них, иногда даже на расстоянии в сотни миль. Туземец может находиться со своим хозяином в длительной поездке по пастби

щам, и вдруг в какой-то день он объявляет, что умер его отец, или что его жена родила ребенка, или что у него дома неприятности. Он настолько уверен в своих сведениях, что готов сразу же отправиться до мой, и, странная вещь, как удостоверяется позже его хозяин, абориген, как правило, оказывается совершенно прав. Однако белые не понимают, как он мог это узнать, поскольку здесь нет никаких средств коммуникации и он находился вдалеке от своих родственников в течение нескольких недель или месяцев. Психологи аборигенов, несомненно, говорили бы в этом случае о телепатии, если бы у них был такой термин, и подчеркивали бы реальность и достоверность жизни во сне. Безусловно, мы нашли бы другое объяснение, но, по крайней мере, мы должны признать, что психический опыт играет важную роль в жизни аборигенов, и он содержит в себе размышление процессы медитации, сосредоточения и восприятия. В любом случае, учитывая анимистический характер философии "сновидения", следует признать аборигенов совершенно логичными. Более того, действуя по своей логике, они, видимо, редко находят ее неудовлетворительной.

По своей функции психический опыт аборигенов является не только рецептивным, но также конструктивным и деятельным. Так, некоторые индивиды, как правило, старые "мудрецы", считают, что они могут воздействовать на расстоянии на других людей, заставляя их прийти или уйти или пережить тот или иной опыт. Эти мудрецы считают такое воздействие очень трудным делом, поскольку оно требует большой степени концентрации. Они очень хорошо понимают силу веры в то влияние, которое сознание может оказывать на тело. Для них не секрет, что их манипуляции с телом больного (сосание, извлечение костей и камней) является только внешним средством завоевания доверия пациента и возрождения его веры в жизнь. Окончательной проверкой здесь часто служит приказ больному человеку встать в определенное время и пойти в указанное место (например, вниз к реке за водой); если больной подчинится, ему станет легче, а если не подчинится, то надежды на его выздоровление нет. Многие из нас слышали о случаях, когда абориген умирает по той причине, что на него указывали "костью" или были совершены какие-то другие таинственные обряды. Самым поразительным во всем этом является то, что в обследованных случаях нельзя указать физического объяснения наступившей смерти и, как правило, в этих случаях

оказывается бесполезным какое-либо медицинское лечение^[3]. Хотя мы признаем, что можно вылечиться и выжить благодаря вере, но мы ставим под сомнение возможность смерти благодаря вере. Аборигены, однако, не сомневаются в этом и доказывают истинность этого, умирая, несмотря на все наши усилия. Это является единственным объяснением, почему у них отсутствует сопротивление многим болезням, которые не должны иметь фатального исхода, исключая введенные заболевания, к которым у них отсутствует иммунитет. Аборигены знают физический аспект болезней, но для них это только симптом реального недуга, который является анимистичным (спиритуалистичным или таинственным) по своей природе. Человек заболел потому, что кто-то «ука зал» или «напел» на него, или потому, что он нарушил некоторое табу и несет наказание. В этом случае имеется только одно решающее лечение, и оно должно быть анимистическим или спиритуалистичным по своей природе. Знахари аборигенов знают это, не имея психологической подготовки наших врачей; они работают как психологи и избавляют пациента от анимистической причины болезни, приводя в случае необходимости вещественные свидетельства этого в виде крови, камней или кости или делая вид, что отбросили эту причину. Некоторые наши врачи по опыту лечения больных аборигенов знают, что, даже устранив все симптомы болезни, им не удастся восстановить здоровье пациента, не смотря на все приложенные усилия. В результате они делают вывод, что все объясняется непостижимым отношением аборигена к болезни. Это факт. Поэтому имеет смысл дать возможность аборигенам пользоваться помощью как своих собственных знахарей, так и наших врачей. Другой альтернативой является обращение за помощью к священнику, который также имеет правильное представление о психической жизни аборигенов и может оказаться полезным.

Все сказанное мной о психической жизни имеет отношение как к цивилизованным аборигенам, так и к тем, которые живут на окраинах колонии, т.е. считаются "нетронутыми". Несмотря на разрушение многих обычаев, эти психические верования упорно сохраняются и кажутся почти неискоренимыми. Но ведь и многие из нас продолжают заигрывать с идеями телепатии и лечения болезней мыслью, и потребовалось долгое время, прежде чем была принята микробная теория болезни.

Аборигены не ограничивают свои раздумья временем, связанным только с определенными событиями, они имеют вечную тему для размышлений эпоху сновидений, мифологическое представление которого они могут постоянно носить в уме. Нам следует постараться понять психологический эффект, производимый на человека обрядом посвящения, когда после дисциплинарной и некоторой другой подготовки он впервые допускается к знанию эпохи сновидений. Вспомним также о том подавляемом страстном желании, с каким он предвкушает тот момент, когда ему будет доверено хранение некоторой части этого знания мифа, священного места или символа, или когда он будет призван помогать в совершении священного обряда. Абориген не только заучивает миф в прозе или в более точных поэтических формах, со временем он должен прийти к пониманию его значения тесной связи мифа с его родиной, с совершаемым ритуалом и с социальной жизнью. Все это требует раздумий, хотя и совершаемых направленно и в глубоком почтении. Как правило, достигнутое аборигеном понимание ничем не отличается от понимания предшествующих ему людей, однако если возникают или принимаются новые обычаи, то мифологические санкции и трактовки появляются в результате раздумий и размышлений в бодрствующем состоянии или благодаря сновидению и толкованию значения сна.

Какова мифология аборигенов? Это не просто собрание историй, касающихся солнца, луны, звезд и различных природных явлений, хотя все они фигурируют в мифе. Мы склонны составлять неверное представление о мифологии, черпая сведения из различных книг, больших и маленьких, в которых нам предлагается собрание таких историй, совершенно не связанных с социальной, экономической и религиозной жизнью племени. Туземцы, безусловно, имеют выдуманные именно такие истории, но мифология представляет собой очень важное социальное установление. Мы уже указывали, как в ней описывается то, что считается историческим событием или процессом, и как она обеспечивает авторитет современной социальной и ритуальной жизни. В действительности мифология столь важна, что создаются специальные культовые союзы общества и группы, несущие ответственность за ее передачу, интерпретацию и применение. Это означает, что мифология это не только слова и истории, она связана с действием и жизнью, поскольку культовые сообщества, тотемические

группы на своих собраниях занимаются не только повествованием и пением, но и инсценировкой мифов, и дела ют это, считая, что герои и предки были действительными людьми и тотемными существами, и поэтому совершенные ими деяния должны быть вновь воспроизведены в ритуале, а связанные с ними места следуют посещать и окружать заботой. Именно таким образом миф сохраняется. Цель всего этого состоит в обеспечении благополучия племени через поддержание живой связи с созидательным временем сновидений. Другими словами, миф животворен. В большинстве своем детали любого мифа важны только потому, что они дают человеку возможность правильно пройти путь, ведущий в священное время сновидений, являющееся источником жизни.

Тщательное исследование мифов обнаруживает выполняемые ими дополнительные функции и их тесную связь с социальной и экономической жизнью аборигенов. В качестве иллюстрации я приведу три мифа, взятые у племен северо-восточной части Южной Австралии. Первый миф принадлежит племени арабана, обитающему на западном побережье озера Эйр.

Старая женщина, занимающаяся поисками пищи в районе Малу на озеро Эйр, увидела большого кенгуру и захотела его убить. В этот момент из ее чрева выскочил мальчик Уилкуда, видимо, так же, как детеныш сумчатого животного выскакивает из маминой сумки, и стал преследовать кенгуру в западном направлении по тем местам, где сейчас расположено озеро Эйр. Он остановился на ночлег вблизи фермы Пик. На следующее утро ему удалось убить кенгуру, и он положил его в костер в районе Нгурунана: последнее означает место хвоста, поскольку нгурупа есть хвост. Это место расположено вблизи Груды Кеквика. Затем Уилкуда заснул, а когда он проснулся, то вместо испеченного кенгуру обнаружил, что тот выбрался из костра и убежал. Уилкуда вновь стал преследовать его, пока не настиг стада кенгуру около Куку на в верховьях притока Апкаринга. Ему удалось отделить преследуемого кенгуру от стада, поскольку он должен был убить именно его.

Придя в Тондина, он встретил свою нгаувили, т.е. по классификации сестру отца, которая оказалась также двоюродной сестрой его матери. Он совершил с ней половой акт, и поскольку она возмутилась его действием, он убил ее. Этот инцидент, помимо всего прочего,

выражает негодование, вызываемое в племени подобными половыми сношениями, означающими кровосмешение.

Продолжая преследование, Уилкуда очень устал. Но тут поблизости оказался старик, охотящийся с собакой. Увидев большого кенгуру и приняв его за обычное животное, старик поймал его с помощью своей собаки, убил и снял с него шкуру. Уилкуда подошел тогда к старику и сказал, что это его кенгуру, прибавив: "Ты можешь съесть мясо, а шкуру отдай мне".

Взяв шкуру, Уилкуда отправился в путь, возвращаясь на восток. Дойдя до Гудуна (приток Гудана), он задумался, не сделать ли здесь озеро с помощью шкуры, но маленькая птичка Юрийлья отговорила его, сказав, что люди должны здесь ходить пешком. Поэтому он свернул шкуру и пошел вниз по Нулкуна (приток Нилкинна). Птичка опять удержала его от создания озера и сказала не расстилать шкуры, пока он идет вниз по притоку Анна. Придя в местечко к востоку от притока Анна, Уилкуда бросил шкуру, которая стала озером Эйр, а сам он превратился в камень. В очертаниях этого камня можно увидеть его нож и мешок, в котором он нес шкуру, и довольно странно, что в камне есть что-то похожее на кенгуру. Насколько мне известно, этот камень не является обиталищем духов кенгуру. В Малуна имеется груда камней кенгуру, из которой возникают кенгуру.

Этот миф описывает и санкционирует запрет на определенные половые сношения, отражает важность собак при охоте, дает объяснение различным особенностям ландшафта, таким, как озеро Эйр, а также по казывает, что в героический век существовало различие между обычными животными и теми, которые, подобно большому кенгуру, обладали особыми свойствами.

Второй миф принадлежит племени Вонконгуру, обитающему к северо-востоку от озера Эйр. Здесь огонь является именем или "сновидением" (уларага) культового клана. Этот факт свидетельствует о важном социальном значении огня. Добывается огонь вращением палочек, и считается, что успех зависит от песни времен сновидения, которая должна сохраняться людьми, унаследовавшими огонь-сновидение от своих отцов.

Создателем огня во времена ударага был Уигауара, человекот, проживающий в местности к северо-востоку от Макумба. Иногда его называют Макагакаба. Однажды этот человек собрал волосы кверху и

перевязал их веревкой. Будучи осмеян туземцами, он развел огонь и сжег их, а в другой раз сжег группу людей в Макумба. Название реки и пастбища Макумба происходят из этого мифа, поскольку мака есть огонь (макамба). Здесь с этим мифом связывают множество черных камней, которые считаются останками сожженных туземцев. В Уруру вора есть два прислоненных друг к другу камня, о которых говорят, что они представляют двух змей или женщин (возможно, это одно и то же), которые были схвачены распространяющимся огнем. Очевидно, мифы описывают неожиданное возгорание травы (вероятно, в результате сол нечного зноя в конце жаркого сезона, когда трава и листья высушены) и сйирепое, иногда незаметно подкрадывающееся распространение тако го огня. Считается, что огонь распространяется под землей и выходит на поверхность далеко в Уилуманга. Поэтому, когда бы здесь ни разра ился неожиданный и необъяснимо возникший пожар, он всегда может быть приписан огню, разведенному Уигауарой. Отсюда огонь распространяется на юговосток и возвращается к тому месту, где Уигауара раз вел его, а затем распространяется на восток, сжигая по пути человека и собаку. Двое из братьев Уигауары несли шкуры канмари, мифической водяной змеи, когда огонь подхватил их и поднял вместе со шкурами высоко в небо, где они теперь видны как две черные отметины на Млечном пути. Там же находится и сам Уигауара в виде третьей черной отметины.

Песня для добывания огня вращением палочек звучит так:

Нека (мака) такааба балу рари инья.

Нека, или мака, – это огонь, такааба означает вращение палочек; остальные слова обозначают "песню". Есть еще одна песня, которая должна исполняться при повествовании уларага и которая имеет отношение к добыванию огня:

Анбалу ради мака такааба андана.

Разжигание растет огонь вращение "песня".

Другие песни прославляют деяния Уигауары, добывшего и распространившего огонь. Так, когда он увидел, что огонь разжегся, он спел Ару ринга ситалпива, с тем чтобы огонь распространился, и Арелина алета терпа, с тем чтобы огонь поднялся выше. А следующая песня рассказывает его собственную историю:

Мадтя кура аргура намба арурибара, вольный перевод которой звучит так: палочка для добывания огня вы пала из его (Уигауары)

руки, и, поскольку ветер скрыл ее след, он потерял ее и зарычал (малтя это рука, кура задуть след, аргура потерять, намба выронить, арурибара он зарычал).

Этот миф дает историческое и связанное с определенным человеком объяснение цвета некоторых камней в Макумба, отдельных черных пятен на небе и возгорания травы. В нем находит отражение широко распространенное верование в мифического водяного змея, который часто отождествляется с радугой и служит средством для поднятия на небо. Наконец, что наиболее важно, этот миф выражает убеждение, что такая социально необходимая вещь, как огонь, имеет свой источник в потустороннем мире". Жизнь без палочки для добывания огня не иыгслима: ни днем, ни ночью невозможно сидеть или спать без костра.

Огонь часто используется как символ брака: две палочки соединяются своими концами и в таком положении сгорают это символизирует общий очаг мужчины и женщины и их совместную жизнь. Я наблюдал, как прошедшему обряд обрезания юноше вручается огонь, свидетельствующий о достижении им стадии социальной зрелости, когда он может добывать огонь и быть за него ответственным. Именно потому, что огонь имеет такое важное практическое и символическое значение, он становится центральным элементом мифа, а его добывание выступает как священное ритуальное действие. Другими словами, миф и обряд не просто дают объяснение, как добывается огонь, как если бы одного только для объяснения было недостаточно, но и свидетельствуют о большой социальной значимости огня, о необходимости его тщательного оберегания во избежание, с одной стороны, его потери, а с другой стороны, небрежного использования, ведущего к возникновению пожара.

Третий миф принадлежит племени диери, обитающему к востоку от озера Эйр. Палтира, герой времени сновидения (мурамура), украл камень для дробления и большое каменное блюдо, но не смог поднять последнее, поэтому он спел песню, которая вызвала порыв ветра, поднявший камень ему на голову, и отнес его вниз к Парачилна. Песни, которые он исполнил, до сих пор поются, с тем чтобы вызвать ветер, причем разные песни для разных ветров холодных, теплых, несущих пыль и т.д. Однако только люди, для которых ветер является их мурамура или культовым тотемом, имеют привилегию исполнять эти песни

и достигают при этом успеха. Этот миф благодаря своему тотемическому контексту вносит в социальный порядок такие случайные явления, как ветры, не только персонифицируя силу, послужившую их изначальной причиной, но и предоставляя определенным тотемическим группам возможность такого ритуального отношения к ветрам, которое допускало бы установление определенного контроля над ними или, по крайней мере, их понимание. Перенос каменного блюда в район Парачилна является персонифицированным объяснением наличия там подходящего песчаника для использования в качестве кремня. Этот миф свидетельствует также о понимании того факта, что эти куски камня состоят из того же самого песка, который переносится ветром в северо-восточной части Южной Австралии. Ежегодно диеры и другие северо-восточные племена, включая такие дальние, как янтруванта на границе Квинсленда, отправляют экспедиции на восточный склон хребта Флиндерс в район Парачилна за кусками этого камня и за красной охрой. Последняя служит темой для длинной серии мифов и обрядов, которые здесь, к сожалению, не могут быть приведены.

Эти мифы являются типичными для Австралии. Они принадлежат к культовой жизни племени и, следовательно, являются частью его священной литературы. Как правило, они связаны с определенными особенностями ландшафта, которые благодаря им становятся священными и запретными для всех, кроме полностью посвященных, но даже последние должны подходить к ним, следуя предписанным правилам. На сколько мне известно, они испытывают эмоциональное возбуждение, когда совершают это. Помимо того, что мифы открывают путь в эпоху сновидений и являются средством жизни, они выполняют некоторые другие функции, хотя совсем не обязательно, что любой миф выполняет все эти функции.

Мифы дают объяснение происхождению природных явлений, объектов, животных и растений, а также возникновению социальных институтов и обычаев. Иногда это называют этиологической функцией мифологии. В отношении ее уместно сделать два замечания. Если бы мы задались целью исследовать все мифы аборигенов, а нам сейчас известно содержание многих сотен мифов, мы обнаружили бы, что почти все они имеют отношение к обычным природным явлениям, животным и растениям; только в немногих из них дается объяснение необычному, катастрофическому или ужасному.

Как в случае тотемизма, так и при мифологическом объяснении интерес аборигенов обращен к обычному и регулярному. Второе замечание касается такой особенности мифологического объяснения, как олицетворение. Разнообразные природные явления возникают в результате действий героев, предков и животных в мифическом прошлом. Например, согласно мифу об огне, принадлежащему племени Вонконгуру, груды черных камней представляет собой преобразованные тела сожженных в наказание мужчин и женщин, или, как в мифе племени арабана, озеро Эйр было создано охотником, бросившим на землю шкуру кенгуру. Точно так же эти и другие мифы дают историческую и связанную с эпохой сновидений санкцию обычаям, законам и обрядам, от которых, считается, зависит сплоченность и благополучие племени. Это означает, что мифы, объясняя происхождение явлений, в то же самое время имеют исторический характер.

В связи с этим не следует игнорировать возможность сохранения в этих священных мифах памяти о действительных исторических событиях и их последствиях, хотя последние могут быть изображены символически и в определенной степени искажены. Мифы племен Центральной Австралии о культурных героях, установивших обряд обрезания и принесших каменный нож, и мифы Восточной Австралии, рассказывающие о странствиях небесных культурных героев с северо-востока на юг и югозапад, во время которых они вводили элементы культуры, служат примерами таких исторических мифов. В этих мифах, как и в пересказанных выше, содержится объяснение, как возникли те или иные особенности местного ландшафта, но вполне возможно, что речь здесь идет не столько об их объяснении, сколько об освящении этих мест и о превращении их в памятники деяниям героев и предков и их социальным и ритуальным учениям. В некоторых племенах туземцы и в наши дни устанавливают камни в память о важных событиях.

Мифология отражает значение и социальную важность различных животных, растений, объектов, природных явлений, исторических событий и социальных институтов, причем делает это как прямым, так и косвенным образом. Темой мифа становится не все, что угодно, а, как правило, только те вещи, которые приносят пользу или вред обществу. К ним относятся пригодные в пищу животные и растения,

церемониальные объекты (например, красная охра, жемчужная ракушка, чуринга), важные природные явления, такие, как луна, солнце, дождь, наводнение, ветер, огонь, насекомые и маленькие птички, роль которых в социальной жизни определяется или их непосредственной связью с человеком (мос киты), или тем фактом, что они являются представителями природных явлений (например, в Центральной Австралии ржанка с крыльями в виде шпор принимает участие в ритуале благодаря тому, что является предвестником дождя). Кроме того, в область значимого для мифа попадают объекты материальной культуры (топоры, сети и т.д.), социальные институты и, наконец, то множество событий, которые имеют особенно важное значение для племени, а именно: происхождение, рождение и смерть человека.

Таким образом, аборигены не стремятся объяснить происхождение всего находящегося на небесах и на земле, а только тех вещей, природных или созданных трудом, личных или социальных, с которыми связана их жизнь. И в этом аборигены похожи на большинство из нас. Но все же они интересуются происхождением вещей не самим по себе, а по скольку оно обеспечивает санкцию или образец для повседневной жизни. Реальной жизненной проблемой для аборигена является добывание средств существования. Как мы уже отмечали, жизнь занимающихся собирательством состоит в приспособлении к природе, к животным, растениям, природным объектам и явлениям, от которых они находятся в абсолютной зависимости. Они не могут приспособиться к природе, подчинив ее с помощью прикладной науки, поскольку они знают очень немного о законах природы. Более того, они осознают, что не способны ни взять под контроль случайности жизни, ни сохранить регулярный и обычный порядок смены времен года и обеспечить плодородие с помощью своих навыков и умений. Однако у них есть альтернатива, спасающая их от беспомощности и апатии, я имею в виду взгляд на природу как на систему личностных сил и существ, которые могут быть включены в нравственный и социальный строй и о которых аборигены, как члены общества, могут иметь сокровенное знание. Они достигают этого с помощью мифологии, олицетворяя различные объекты, животных и растения и строя свои действия в отношении этих "персонифицированных" существ по аналогии с теми отношениями,

которые сложились между членами племени. Они относятся к этим существам с уважением и посвящают им разнообразные ритуальные действия.

Это опять вплотную подводит нас к тотемизму, хотя следует помнить, что аборигены совершенно независимо от тотемизма соблюдают разнообразные табу в отношении определенных животных и растений. Эти запреты, как правило, имеют временный характер и связаны с возрастом, полом, рождением ребенка, инициацией или трауром. Однако тотемизм предполагает, что между человеком, животными, растениями и природными объектами существуют неразрывные узы родства и связи церемониального характера, на которых основываются ритуальные действия. А это, в свою очередь, опирается на мифологический принцип олицетворения. Другими словами, мифология служит объяснением тому, что имеет место в тотемизме, когда природный мир ставится в упорядоченные родственные отношения с миром людей, когда и тот, и другой мир подразделяется на общие фратрии, кланы и группы. Тотемизм предполагает единую жизнь человека и природы; мифология же говорит, что эта жизнь носит личностный или квазиперсональный характер.

Таким образом, мы опять оказались перед спиритуалистическим (анимистическим или личностным), тотемическим и историческим представлением аборигенов о жизни представлением, которое позволяет им сделать свою судьбу свободной от любого непреодолимого страха и неопределенности.

Говоря в предыдущей главе о различии восточных и западных ритуалов инициации, я упомянул верование в небесных культурных героев, характерное для восточного ритуала. Это верование заслуживает особого упоминания, поскольку оно оказывает несомненное влияние на тех, кто его придерживается. Представляется, что, с одной стороны, это верование связано с ритуалом инициации, а с другой стороны, имеет отношение к посвящению в знахари. У большинства племен Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Виктории оно стоит над всеми остальными верованиями и мифами. Байаме, Дарамулун, Нурундере, Бунджиль, Кони, Бирал вот несколько имен, под которыми небесный герой был известен ранее и выступает сейчас в различных районах. Как правило, считается, что небесный герой

привел племя в место его настоящего расселения и создал особенности ландшафта такими, какими они являются сегодня. Он принес людям разнообразные предметы материальной культуры, дал социальные законы и, кроме того, учредил обряды инициации, во время которых посвящаемые получают первое реальное знание о небесном герое и узнают его тайное имя. Даже в наши дни цивилизованные аборигены будут держать в секрете это имя от постороннего человека. Небесный герой все видит и знает, хотя и находится на небе, которое часто изображается наделенным большим количеством кварцевых кристаллов и свежей воды. Я думаю, тайная земля инициации в Новом Южном Уэльсе, в частности меньшее кольцо Бора, репрезентирует этот небесный мир. Прошедший посвящение мудрец, обычно известный как знахарь, может посетить эту небесную землю и увидеть что-либо, связанное с Байаме. И наконец, усопшие уходят туда, т.к. им на это дается право на основании их инициации.

Насколько я понимаю этот вопрос, а я обсуждал его с несколькими посвященными, небесный герой соответствует герою тайных религиозных сообществ, таинства которых корнями уходят в древние культы, возраст которых насчитывает несколько тысяч лет. Я готов поверить, что они исторически связаны не важно, в результате каких событий эти древние культы были переданы австралийцам. Инициация и тайная жизнь распространены по всей Австралии, и хотя в центральных и северных частях Австралии верование в небесного героя перестало существовать или было оттеснено на задний план тотемическими героями, духи которых привязаны к земле, тем не менее тщательное исследование наводит на мысль, что и здесь в прежние времена инициация служила источником знания о небесном герое и открывала путь в его мир. На северо-западе Австралии герои, научившие туземцев делать трещотку и учредившие церемонии инициации, считаются принадлежащими небу. В Центральной Австралии широко распространен миф о неполностью сформированных существах, который, я думаю, указывает на обряд инициации, совершаемый над посвящаемыми, и в этом мифе герой и исполнитель приходят с неба.

В веровании племени кайтиш (расположенного к северу от аранды) небесное существо очень заинтересовано в размахивании трещоткой, которая служит символом небесного героя в ритуалах

восточных австралийцев, и, кроме того, считается, что это существо совершает инициацию в небесном мире, которая, безусловно, является прототипом обрядов, выполняемых на земле. В некоторых мифах западных племен аранда и лоритя говорится, что герои эпохи сновидений прежде были связаны с небесным миром и могли подняться на небо по горе. Однако небесный герой снизил гору, и поэтому тотемические герои эпохи сновидений вынуждены были остаться на земле. Согласно мифам племени кайтиш, небесное существо существовало до эпохи сновидений. Возможно, это отражает историческую последовательность событий в этом районе и во всех центральных, северных и северозападных районах. Видимо, вначале инициация открывала доступ к верованиям и обрядам, связанным с небесным героем, но впоследствии она включила в себя и культовый тотемизм с его мифами о героях эпохи сновидений, которые во многих племенах, насколько позволяет судить наше знание, заслонили первоначальные верования и ассоциации.

Я думаю, нет необходимости перечислять дальше свидетельства в пользу существования верования в небесного героя или исследовать весь комплекс верований и обрядов. Нас здесь не интересует проблема взаимопроникновения этих двух множеств верований, и мы не видим необходимости вдаваться в детальное рассмотрение верований, связанных с небесным героем. Здесь достаточно будет отметить, что небесного героя обычно называют отцом или всеобщим отцом, что его символом является трещотка и что он был и остается санкцией для важнейших законов, обычаев и обрядов. Если в Центральной и Северо-Западной Австралии достаточно назвать обычай именем алтыра, джугур, унгуд, т.е. связать его со сновидением, чтобы придать ему решающий и бесспорный авторитет, то в Восточной Австралии для обеспечения обычая точно такой же санкции достаточно указать: "так сказал Байа ме". В заключение отметим, что мифы, в которых фигурирует небесный герой, выполняют ту же самую этиологическую, историческую и социальную функцию, что и мифы о героях эпохи сновидений. Представляя эти мифы в символе и ритуале, аборигены получают доступ в священный животворный мир, который на этот раз находится на небе.

Пятьдесят лет назад профессор Болдуин Спенсер записал миф о мифической женщине, от которой ведут свое происхождение племена

западного Арнемленда, а в 1937 году профессор У. Л. Уорнер опубликовал мифы и обряды северо-восточного Арнемленда, в которых главными действующими лицами выступают женщины и огромный змей. Однако только в последнее десятилетие мы начали понимать значение великих мифов и обрядов, распространенных в северных районах Северной территории. Основными действующими лицами этих мифов являются мать, или богиня плодородия, и змей-радуга, которые имеют тенденцию сливаться. В районе Аллигаторных рек в западном Арнемленде основным является миф о "нашей матери из древнейших времен". Она пришла на север с островов вместе со своим мужем. При своем путешествии по материке она в разных местах оставляла духов-детей, которые дали начало различным племенам. Она распределила между ними языки и территории. Миф варьирует, но безусловно одно то, что есть только "одна мать для всех людей". В племени нгурлмак при совершении священного ритуала исполняется песня, повествующая о ее путешествии по территориям племен. В этом ритуале используется полое бревно, убар, которое непрерывно избивается и которое символизирует ее чрево, а барабанные удары изображают ее голос, зовущий людей в священную землю. В некоторых вариантах этого мифа священной землей считается чрево матери, а сам ритуал относится к ритуалам второго рождения. Более того, мать начинает отождествляться со змеей-радугой, поскольку в этом ритуале-мифе речь идет о человеке, который превращается в змею-радугу и прячется в полном бревне, с тем чтобы укунить "обещанную" ему женщину, которая отказывается стать его женой.

Намного более распространенным является культ Кунапипи. Связанная с ним территория охватывает север Австралии от Ропера и устья реки Виктория до Борролула, Ньюкасл-Уотерс и берегов реки Верхняя Виктория. А за последние три десятилетия этот миф распространился почти по всему Арнемленду, вплоть до Фицмориса и окрестностей Дарвина, и проник далеко на северо-восток. Отдельные элементы мифа и ритуала, связанного с этим культом, в последние годы распространились по восточному Кимберли до реки Форрест (культ тьямба) и до побережья северного Кимберли (модифицированный ритуал курангара).

Кунапипи, известная также, как Мумина и Кадьяри, а для непосвященных как "старуха", путешествовала с группой героев и

героинь (мунгамунга). Она дала начало мужчинам и женщинам и своими ритуальными действиями вызвала появление животных и растений. Ее путь расчищался змеемрадугой, который символизирует штормы, прокладывающие дороги среди деревьев и заставляющие потоки и ручьи находить свой путь к реке или морю. Этот змей подготавливает также путь, по которому предсуществующие потоки и ручьи находят свой путь к реке или морю. Этот духребенок входит в чрево матери.

В ритуале используется изогнутый ров, изображающий чрево Кунапипи, на стенах которого рисуются два змеярадуги, самец и самка. Кроме того, красная змея изображается на высоком заостренном предмете, который сооружается в месте проведения церемонии как санкция учения, передаваемого посвященным. В конце таких церемоний этот предмет, Эрмалиндье, сжигается на краю рва и сваливается в него. Эту почерневшую, обуглившуюся фигуру можно видеть и недели спустя. Проходящего обряд посвящения также заставляют войти в это "чрево", из которого он должен впоследствии "родиться вновь". Кроме того, ему дают трещотку, и, когда он ею размахивает, в нее входит его духдвойник, или "деревянный призрак", поскольку этот кусочек дерева символизирует не только голос матери, но и ее чрево. В момент второго рождения посвящаемый оставляет эту трещотку во рве вместе со своим "деревянным призраком". Когда эта деревяшка превратится в труху, его "призрак", или двойник, уйдет в свое обиталище духов и будет ждать там своей "телесной души". Эти две "души" воссоединятся, когда впоследствии после смерти этого человека ритуал Кунапипи будет совершен его сыном или другим родственником.

Похожие идеи выражаются в большом цикле мифов северо-восточного Арнемленда, посвященных Джункгова. Эти герои и героини пришли с острова мертвьрс Бералку, расположенного далеко на востоке. Они принесли с собой священные палочки, которые называются рангга и которые символизируют хвост игуаны и деревья. С их помощью предводитель Джункгова вызвал потоки воды и рост животных и деревьев. Эти рангга хранились в большом конусообразном мешке, символизирующем чрево. И более того, народ, которому сестры Джункгова дали начало, тоже был рангга, и поскольку телам людей придано сходство с этими предметами, после

смерти человека от ранга нужно ритуально избавиться. Эти обряды, которые в основном имеют отношение к плодovitости человека и природы, сейчас исполняются мужчинами, хотя первоначально они входили в компетенцию женщин.

Другим важным мифологическим циклом является цикл о сестрах Ваувалук и самке каменного питона Юлунгова, принадлежащий племенам, обитающим в восточной части северного побережья Арнемленда. Совпадая в общих чертах с указанными выше мифами, этот цикл приспособил Нгурлмак (или Убар) и Кунапипи для своих ритуалов. Здесь также присутствует очень "высокий" Ябудурува из юговосточной и центральноюжной части Арнемленда и из района к югу от Борролула. К числу отличительных черт этого ритуала относится полное отсутствие пения, использование деревянных гонгов, выразительные сцены, изображающие оживание бездыханного, похожая на улей хижина, которая символизирует "мать", или "богиню", и в которой хранятся священные символы. Во время ритуала они торжественно показываются, а в последнюю ночь женщины укладываются спать на краю таинственной земли, кладя под голову "хвосты" игуаны (сделанные из коры). На рассвете они возвращаются в лагерь, неся эти подушки как пылающие.

В некоторых культах (прежде всего, в культах Кунапипи и Нгурлмак) идея материпрародительницы, или матери плодородия, выражена более отчетливо, чем в других. Однако внимательное исследование ритуалов и мифологии, символов и их значений, с учетом того акцента, который делается на рождении и втором рождении, и той тщательности, с которой держатся в секрете "таинства", показывает, что перед нами религиозный комплекс, аналогичный древним культам материпрародительницы, распространившимся много веков назад на юг, юговосток и запад из восточного Средиземноморья.

Верование в мать плодородия, возможно, было привезено в Арнемленд из-за моря. Несмотря на всю его привлекательность, оно оказалось распространенным только в пределах северной половины Северной территории, т.е. в пределах тропиков, и не проникло далее Макарура и реки Виктории. Возможно, его следует связать с регулярным плодородием тропического влажного климата. В любом случае все эти культы имеют огромное значение, и посвящение в них

имеет для человека не столь уж низкую цену. Но эта цена и не слишком велика, поскольку человек, прошедший обряд Кунапипи, Нгурлмак, Джункгова и Ябудурува, знает, что та же самая церемония будет совершена для него после его смерти, и поэтому его душе будет обеспечено дальнейшее существование и возможность второго рождения. Поэтому человек еще при жизни заботится о том, чтобы его сын или другой близкий родственник был допущен к этому культу и приобрел нужный опыт. Так, мой старый друг из племени джауан, "знаток" культа Кунапипи, позаботился (в 1953 г.) провести своего взрослого сына через ритуал Кунапипи, с тем чтобы тот впоследствии, после его смерти, смог совершить этот ритуал для него.

Сказанное верно и для основного культа Арнемленда мараян. В этом мифе повествуется о странствиях культовых героев, часто в обличье животного, например огромного питона или змеярадуги. Этот змей в различных водоемах оставлял духов членов местного клана и первые образцы местных животных и растений. Эти места и маршруты странствий известны, и по ним совершаются как действительные паломничества, так и мысленные во время ритуального пения. Ритуал мараян лучше всего уподобить Празднику всех душ. На таинственной земле из сучьев сооружаются шалаши места призраков, в которых разрисовываются и хранятся символические предметы, изображающие великого змея и разнообразные тотемы. Эти предметы всегда готовы для "экспозиции", использования в ритуале и обучения. В эти места призраков с помощью ритуальных призывов созываются "призраки" усопших, духидвойники живых, но отсутствующих сородичей, и "призраки" героев мараян. Ежедневно исполняются танцы, изображающие тотемические сцены, в подражание танцам, которые исполняются "призраками" животных, пресмыкающихся, насекомых и птиц в местах их "призраков". Здесь, как и во всех великих культах, одно философское учение используется для объяснения человека и природы.

Я был допущен к культу мараян в 1949 году вождем племени из центральноюжного Арнемленда, который совершал ритуал с целью передать его своему сыну, поскольку чувствовал приближение смерти. Он умер примерно год спустя, а в 1951 году его сын, ставший вождем, исполнил ритуал мараян для своего отца.

Окидывая взором Австралию аборигенов, мы можем видеть, что культ небесного героя, или бога, преобладает на востоке, культ Вонджуны на дальнем северозападе, культ матери-плодородительницы, или матери плодородия, и змеи на большей части северной половины Северной территории и в восточном Кимберли, культ тотемических героев на всей засушливой территории от Бухты до Брума и от Брума до западного, Квинсленда. Здесь, конечно, имеют место перекрытия и слияния, поскольку культы из одного района распространяются в другие, хотя и в ином статусе. Механизм проникновения культов состоит во вручении тайной жизни, а восприимчивость к такому проникновению обеспечивается общей темой всех культов "таинствами" творения, рождения, смерти и жизни.

Возможно, что культы небесного героя, матери плодородия и Вонджуны являются более поздними, чем культы тотемических героев с их базовым понятием "сновидение", или "вечное время сновидений". До Вонджуны был унгуд (сновидение) со своими родовыми тотемами, хотя в настоящее время Вонджуна сам считается унгуд, и его ритуальное изображение вызывает размножение тотемов. Небесному герою Байаме приписывается тотемическая система, а в некоторых местах на восточном побережье (северовосточная часть Нового Южного Уэльса и соседние области Квинсленда), где можно обнаружить доевропейскую культуру, первоначально практиковались тотемические ритуалы "сновидений", аналогичные ритуалам западной Австралии. Сходные обряды и культы героев имеются на полуострове Кейп-Йорк. Последнее наводит на мысль об определенном влиянии папуасов. Наконец, культы матери плодородия включают подражательные и инсценирующие тотемические церемонии. Очевидно, более поздние культы наслаивались или ассимилировались более старыми туземными культами. Никакие несоответствия здесь не обнаруживались. Например, тотемы приписывались деяниям и подвигам матери-плодородительницы или небесного героя. На севере Северной территории естественным для человека считается владеть культовым тотемом и придерживаться культа "Большого Воскресения": Кунапи, Ябудурува или Нгурлмак.

Змейрадуга. Имеющиеся факты говорят о том, что тотемическая философия и ритуал были основными и исходными для религии аборигенов. Даже небесные явления включались в число тотемов.

Наиболее важным из них является радуга. Она отождествляется с большой змеей или змеем и считается связью между водоемами на земле и вершиной мира, небом, на которое она способна подниматься. Кварцевые кристаллы на востоке и жемчужные ракушки на северозападе являются символами змеярадуги и вбирают в себя часть его магической силы. Их ритуальное использование вызывает дождь и дает знахарям возможность проявить свое могущество. Сопровождая ливни и штормы, обрушивающиеся на жаждущую землю, змейрадуга считается причиной дождя и появляющейся после него и зависящей от него жизни. В западных пустынях этот змей, Вонамби, сторожит водоемы, где, согласно верованиям, хранятся жемчужные ракушки и где он убивает и возвращает к жизни тех, кто должен стать знахарем. Без сомнения, это учение принесли с собой группы, переселившиеся с северозападного побережья. Культ змеярадуги под именем Галару распространился из Южного Кимберли в его северные и восточные районы. В восточном Кимберли он слился в единое целое с культом Вонджуны и дал свое имя местному роду Галарунгари, для которого дождь имеет особенно важное значение. Изображение Галару получило свое место как в галереях Вонджуны, так и в отдельных галереях. Но это представление не было новым для этих мест, поскольку термин унгуд обозначает, помимо всего прочего, большого водяного питона и радужную змею, мифы о которых существовали здесь еще до появления Вонджуны. В восточном Кимберли, как и во многих других районах, Галару считается создателем рек и дождя, принесшим в дар духовдетей (поскольку они обитают в водоемах) и установившим брачные обычаи. Однако несмотря на широкое распространение верований в змеярадугу и на их связь со знахарями, никаких сообщений об отдельном культе радуги нет. Видимо, радуга только тогда входит в культ и ритуал, когда соединяется с другими образами матерью плодородия, Мараян или Вонджуной. Она является интегральным элементом тотемического философского представления о мире, лежащим в основе всех ритуалов аборигенов.

Нет более интересной личности среди аборигенов, чем знахарь, и нет более интересного явления в их жизни, чем верования, связанные с ним. К сожалению, этот термин обычно применяется в отношении двух видов магов колдуна и собственно знахаря. Первый является служителем зла, он извлекает почечный жир, похищает души и

выступает причиной смерти. Однако он встречается очень редко. В целых регионах можно не обнаружить колдуна и связанных с ним верований. В тех же племенах, где такие верования существуют, почемуто оказывается, что профессиональный служитель черной магии всегда находится в другом племени. Поэтому, как правило, невозможно бывает найти ни одного человека, который мог бы быть назван колдуном. И все же существуют исключения. В некоторых племенах известны такие люди, и они открыто признают за собой приписываемые им способности. Они даже предоставляют исследователям детали своих успешных магических действий. Эти действия не только ужасны, но и противоречивы в такой степени, что абсолютно не могут быть выполнены. Например, обвив веревку вокруг шеи спящей жертвы и незаметно вытащив ее из лагеря, колдун делает надрез в ее животе или боку, через который извлекает жир большого сальника или почек. Затем вложив немного травы или другого материала, он закрывает рану, не оставив никакого видимого следа, и приводит жертву в сознание: Человек, перенесший такую операцию, возвращается в лагерь и находится в полном здравии день или два, но на третий день, как правило, умирает. В другом районе колдун после подготовительных действий вскрывает жертве бок между ребрами и, засунув внутрь свою руку, пронзает сердце заостренной палочкой и дает вытечь крови. Затем он закрывает рану и возвращает жертву в сознание, которая, как и в первом случае, чувствует себя прекрасно в течение дня, а затем слабеет и умирает примерно через три дня.

Я думаю, нет необходимости говорить, что такая последовательность событий невозможна. Будь такая операция совершена, жертва умерла бы сразу, а не находилась бы в добром здравии в течение дня, и конечно же ее рана не могла бы быть невидимой. Однако в регионах, где колдунам приписываются такие способности, причиной серьезных болезней и смерти считается именно такая магическая операция. Более того, широко известна процедура, которая должна быть совершена.

Здесь возникают две проблемы: вопервых, в какой степени колдуны действительно верят в то, что они совершают эти операции, и, вовторых, чем объясняются характерные особенности этих операций? Для ответа на последний вопрос следует принять во внимание верование аборигенов, согласно которому жир,

прикрепленный к внутренним органам, считается источником жизненной силы и энергии. Если им смазать копье, то это гарантирует безошибочную точность; положенный вблизи источника, он привлекает рыбу, зверей и птиц, а телу он придает силу. Аналогичным образом кровь из сердца (в виде вязкой смолы) имеет сходные свойства, поскольку она является жизнью и служит "местом или оболочкой" души. Другие детали "несовершаемых операций" могли возникнуть из осознания необходимости сделать надрез для извлечения жира и крови или из необходимости объяснить, почему нет раны, хотя эти жизненно важные вещества были извлечены. Дело в том, что жир иногда берется из тела после смерти, но очень редко до смерти. (В менее серьезных случаях болезнь может быть вызвана нарушением социальных или пищевых запретов. (Прим. авт.))

Первая проблема трудна для разрешения, несмотря на то, что колдуны говорят так, как если бы они верили в действительное исполнение этих ужасных и удивительных операций. Если они действительно верят, то все эти действия должны происходить во сне или в состоянии галлюцинации, которое вызвано обвинением в изъятии жира или пускании крови, приведших к смерти человека. В любом случае, поскольку хотя для извлечения жира или крови необходимо делать надрезы в животе, в боку или между ребрами, из этого не следует, что все детали и общая схема операции были просто придуманы для объяснения того, как это можно сделать, не оставив следа на теле, а не взяты из практики. Возможно, они были созданы по образцу какой-либо другой операции над человеческим телом, живым или мертвым, хотя более вероятно последнее, поскольку целью этих магических операций является смерть. Не понятно и требует объяснения помещение инородных материалов в рану, сделанную для извлечения жира. Кроме того, имеется очень странная деталь в предполагаемой операции по извлечению крови из сердца, которая, на наш взгляд, не имеет необходимой связи с целью этой операции. Считается, что во время этой операции из тела на полную длину вытаскивается кишечник, а затем он должен быть возвращен на свое прежнее место. Нет необходимости говорить, что этого не происходит в действительности, однако эта деталь делает воображаемую процедуру еще более многозначительной. (Прим. авт.)

Способ совершения этих действий передается в неизменном виде от одного колдуна к другому, то тем самым удается установить контроль над этим состоянием галлюцинации и верованием, и, возможно, со временем колдун действительно начинает верить в то, что это он вызвал приписываемую ему смерть.

Участь колдуна нельзя назвать счастливой. Он редко отличается от других людей его клана или племени и ведет такую же, как они, семейную, социальную и культовую жизнь. Его злые действия предназначаются для членов другого племени или для членов удаленной группы его собственного племени. Однако славиться успешным колдовством значит быть заметным человеком. Такой человек знает, что рано или поздно он будет назван "убийцей" того или иного человека, что повлечет ответный магический удар, или будет выслана экспедиция мести с целью его убить. Следовательно, он должен быть предельно осторожным, и, возможно, связанное с этим беспокойство и является причиной веры колдуна в реальность приписываемых ему способностей и действий. Во всяком случае, нет никаких оснований обвинять его в двуличии и в полнейшей лжи. Служитель черной магии, в конце концов, является частью установленного обычая.

Этот установленный обычай вытекает из верования, что болезнь, смерть и даже несчастный случай вызываются магическими или анимистическими действиями. Аборигены ничего не знают о микробной теории болезней и почти не осознают естественных причин болезней, смерти и несчастных случаев. Если умирает очень старый человек или младенец, они редко утруждают себя поисками причины этой смерти, как не ищется магическая причина и для некоторых обычных заболеваний и недомоганий (например, простуды, воспаления глаз, головной боли, фрамбезии и гнойных ран); в этих случаях применяется обычное медицинское лечение. Но причина всех серьезных нарушений в здоровье и жизни человека, а следовательно, и в благополучии его рода, должна быть найдена и устранена. Объяснение аборигенов для таких случаев логически связано с их общим спиритуалистическим и анимистическим мировоззрением, а не с такими неведомыми силами, как микробы и законы природы. Они находят причины в том, что могут понять, т.е. в действиях мужчин (а иногда и женщин) или духов. И в том и в другом случае для вызова

болезни или смерти используются магические способы. Действующей силой может выступать колдун, который может использовать не только такие абсолютно смертельные средства, как изъятие жира или крови, но также и более простые методы симпатической магии. Однако последние не являются исключительно его монополией. Вообще говоря, любой взрослый член племени (включая женщин) может практиковать некоторые формы черной магии независимо от того, считается он колдуном или нет. Как правило, наиболее искусными в магии являются старики, поскольку у них было больше возможностей для приобретения знаний о правильных ритуальных методах и о необходимом пении.

Типы магии варьируют, хотя они аналогичны тем, которые используются повсеместно. Одной из таких форм является контагиозная магия, благодаря которой можно нанести ущерб здоровью человека, совершив обряд над отпечатком ноги человека или над чемто, что было в соприкосновении с его телом. Однако в Австралии этот вид магии не считается очень эффективным и не внушает большого страха. Люди не приходят в состояние ужаса от того, что некоторые из принадлежащих им предметов будут использованы в магических действиях для нанесения им вреда. Кроме того, практикуется имитационная магия, в которой желаемый результат тем или иным способом заранее воспроизводится. Так, в западном Квинсленде и северном Кимберли изготавливают из соломы "образ" человека и подвергают его всему тому, что по желанию исполнителя ритуала должно выпасть на долю его жертвы. Например, это чучело можно положить на раскаленные угли или проткнуть заостренной палочкой под аккомпанемент соответствующего пения. Согласно верованиям, как этот "образ" человека сгорает и умирает, так и жертву настигает внутреннее воспламенение и смерть.

Третий вид австралийских магических процедур считается наиболее эффективным, внушает наибольший страх и является самым распространенным. Он состоит из одного "напева" (наговора) или в "указании", сопровождаемом пением, и может быть назван проективной магией. Под этим я имею в виду то, что исполнитель ритуала насыляет (проектирует) желаемый результат на свою жертву без использования чего-либо, что прежде было связано с ней или что изображает ее. Безусловно, в своей основе все магические действия

так или иначе насылают порчу. Даже имитационная магия почти полностью опирается на акт воли. Образ или предмет человека служит здесь только для фокусировки выражаемого желания. Однако "указание" и "напев" аборигенов, как правило, являются чисто проективными.

Наиболее известным методом проективной магии является указание, или указание костью. Возможно, первоначально для этого использовалась кость, взятая из тела мертвого человека, поскольку в этом случае она будто бы содержит в себе силу смерти и поэтому служит наилучшим выражением и посредником для воли исполнителя ритуала. В некоторых племенах кость до сих пор считается идеальным инструментом в этой процедуре, но вместо нее может использоваться и кость кенгуру или соответствующим образом изготовленная острая палочка. Используя ее для столь жестокой цели, следует соблюдать чрезвычайную осторожность, чтобы ее действие не обратилось на самого исполнителя. Так, на северовостоке Южной Австралии исполнитель должен следить, чтобы солнце или луна были у него за спиной и чтобы перед ним не было водоема, иначе он поразит самого себя. Если при завершении обряда он начинает дрожать, осознавая, что поразил самого себя, единственная его возможность защититься от угрожающей болезни это мгновенно прыгнуть в водоем с костью в руке.

В обряде указания костью исполнитель или исполнители занимают правильную ритуальную позицию, исполняют предписываемую песню и затем, как правило, указывают костью в сторону жертвы или швыряют кость в нужном направлении.

Я случайно натолкнулся на интересный пример использования указания костью на северозападе Южной Австралии. Считается, что "кость", называемая кундела, была привезена с северозапада. Прежде она изготавливалась из камня, однако сейчас представляет собой кусок дерева длиной примерно в девять дюймов и шириной в полдюйма, заостренный с одного конца. С другого конца к нему приклеивается смолой пучок человеческих волос. Этот пучок выполняет роль хвоста и заставляет кость лететь прямо: назначение смолы состоит в том, чтобы сжечь жертву, когда кость попадет ей в спину.

Человек должен пройти специальную подготовку прежде, чем он окажется способным бросить кундела. Эта подготовка включает

некоторые физические действия. В его ноздри вставляются зубы опоссума с целью извлечения маленькой кости. Кундела втыкаются ему в плечи, сквозь обе его ладони и на некотором расстоянии в грудь. Довольно странно, что все эти операции никогда не вызывают кровотечения. Когда человек подготовлен таким образом и при этом может попасть в тонкое дерево мулга с расстояния примерно в 80 ярдов, ему показывают, как использовать указующие палочки, и обучают нужной песне. В результате он становится человеком, обладающим силой кундела, и может в любое время бросить указующую палочку, хотя обычно это совершают в полдень. Во время обряда он должен исполнить песню кундела, включив в нее имя жертвы, и станцевать, постукивая двумя палочками друг о друга. Затем он идет на вершину холма и, повернувшись в сторону жертвы, бросает одну из палочек вперед. Человек, ставший жертвой такой процедуры, имеет только одну возможность излечиться от вызванной таким образом болезни обратиться к знахарю, который извлечет из него эту палочку.

Этот пример показывает, что указующая палочка представляет собой копье, которое летит невидимым и безошибочно попадает в цель, даже на очень большом расстоянии. В некоторых случаях предполагается использование реального копья. Лучшим примером этого может служить процедура, связанная с магией кадайтъя (курдайча), сведения о которой были получены из Центральной Австралии около 60 лет назад, но которая хорошо известна и на западе Южной Австралии. Я процитирую некоторые записи, сделанные в этом районе в 1930 году.

Термин "кадайтъя" обозначает, во первых, башмак, сделанный из перьев эму и веревки, сплетенной из шерсти сумчатых животных, а во вторых, людей, занимающихся магией и носящих эти башмаки. Эти башмаки никогда не показывают женщинам, видимо, из стремления усилить окружающую их тайну, а также в силу того, что внутренности этих башмаков перед тем, как их одеть, смазываются священной кровью, взятой из рук мужчин. Человек, носящий эти башмаки, должен пройти очень болезненное испытание, во время которого мизинец на его ноге расплющивается горячим камнем и смещается. Впоследствии этот палец выполняет роль глаза, видящего любые препятствия и препоны, вынуждающие его владельца сделать

неверный шаг. Человек совершает обряд кадайтъя по просьбе или приказанию другого человека, как правило, вождя; причем на эту просьбу, выражаемую в предписанном ритуальном действии, можно ответить отказом только под страхом смерти. Человек, высказавший просьбу, принимает участие в обряде кадайтъя, на совершении которого могут присутствовать еще дватри человека, один из которых является знахарем. Все участники этого обряда должны иметь вывихнутые мизинцы, с тем чтобы обладать правом носить упомянутые выше башмаки. Эти башмаки должны быть надеты на ногу человека другим человеком, находящимся с ним в предписанном ритуалом родстве. (По отношению к носящему обувь этот человек должен быть танамилдьян, т.е. он должен быть на поколение старше или моложе его.)

Когда этот отряд оказывается вблизи намечаемой жертвы, убийца подкрадывается к ней и вонзает ей копье в середину спины. Примерно через час после этого знахарь разогревает белый (магический) камень и прикладывает его к ране, заставляя ее затянуться, не оставив следа. Кроме того, он вкладывает что-то вовнутрь жертве, возможно, духазмея. В результате жертва возвращается к жизни, по крайней мере, на некоторое время. Затем знахарь заставляет ее встать и приводит в сознание. Жертва возвращается в лагерь, как если бы ничего не произошло, однако через дватри дня она умирает. Если же этого не происходит, то отряд кадайтъя, который все это время находится на чеку, совершает ночную вылазку и убивает ее. В любом случае молодежь в лагере не должна видеть жертву. Затем экспедиция возвращается, и башмаки снимаются.

Это магическое действие имеет то сходство с извлечением жира, что и в том и в другом случае жертва убивается, а затем на время возвращается к жизни. Хотя это не может иметь места в действительности, тем не менее вера в такую возможность и в неизбежно наступающий результат является очень непритворной и иногда пугающей. Это магическое действие служит для аборигенов объяснением смертей и странных звуков и следов в окрестностях лагеря. Более того, указанные башмаки существуют так же, как существуют вывихнутые мизинцы. Интересно то, что, согласно этому верованию, жертва пронзается копьем. Это копье, как правило, получает свои особые свойства от священной чуринги, которую носят

при себе кадайтъя. В действительности никакого следа не остается, и копье не касается тела жертвы. Другими словами, здесь все совершается точно таким же способом, как и при указании костью, которая, как уже отмечалось, является невидимым копьем. Одно центральноавстралийское племя использует в процедуре, аналогичной указанию костью, особый вид наконечника из кварцита. (Считается, что этот наконечник произошел из племени, обитающего на западе. В примере, приведенном Спенсером и Гилленом (Northern Tribes of Central Australia. С. 463), указывается, что этот наконечник для копья изготавливается расслаиванием кварцита под давлением в северном и восточном Кимберли и в соседних областях. Отличие его по способу изготовления от других наконечников, без сомнения, послужило основанием для наделения его магической силой.)

В Юго-Восточной Австралии знахарям приписывается способность насылать на людей различные вещества, например куски кварца, и тем самым вызывать у них определенные болезни. Эта способность аналогична указанию костью, и лечение в данном случае состоит в извлечении этих веществ. (Примеры таких магических действий приводятся в работах Говитта, Спенсера, Гиллена и Рота. Аналогичная магическая практика распространена на восточном побережье залива Кампентария. Здесь знахари используют различные вещества, часто европейского происхождения, с тем чтобы наслать порчу на свою жертву. Этот вид магии вызывает большой страх, и часто старики используют его как средство для восстановления своего авторитета. (Прим. авт.)) В центральных и северных племенах имеются верования, согласно которым некоторые объекты, как правило, неподвижные камни, считаются связанными с недугами (фурункулами, ослеплением и т.д.) героев эпохи сновидений. Поэтому теперь человек, потирая или ударяя этот объект и призывая магическую силу этого объекта выйти и поразить его врага, может вызвать у последнего тот недуг, который прежде был перенесен героем. В некоторых племенах Северной территории используется довольно натуралистическая процедура, с помощью которой на жертву насылается порча. Здесь магическая сила приписывается маленьким камням, ведущим свое происхождение из времени сновидений. Об этих камнях существуют "песни" в двух племенах, на территории которых они были найдены. Для того чтобы причинить ущерб врагу,

нужно истолочь небольшой кусочек такого камня и постараться высыпать его на тело спящего врага.

Самым простым способом наслать порчу является процедура, состоящая из одного только пения (наговора). Песня, безусловно, является традиционной, но в ней исполнители выражают свое желание. Эта форма магического действия обычно используется родом для наказания человека, совершившего антисоциальное действие, например, нарушившего запрет кровосмешения. Для вызванной таким образом болезни не может быть лечения по двум причинам. Вопервых, пение не предполагает даже невидимого, принимаемого на веру поражения тела жертвы костью или любым другим предметом, который мог бы быть извлечен знахарем. Вовторых, очень немногие индивиды оказываются способными противостоять социальному осуждению и наказанию, особенно если оно выражается через магическую процедуру.

В последнем примере мы видим, что черная магия может иметь социальную ценность, но что касается всего остального, будь то извлечение жира или крови, симпатическая магия или проективная, нам трудно с первого взгляда отнестись к этому иначе, как осуждающе. Вероятно, мы могли бы привести доводы, что черная магия противоречит благополучию отдельного человека и общества в целом, поскольку она держит всех в постоянном страхе оказаться тем человеком, на кого "указали" или "напели". И действительно, в некоторых регионах туземцы редко чувствуют себя непринужденно, особенно если находятся вдалеке от привычных мест. Однако возможна и другая точка зрения. Как уже отмечалось, аборигены не осознают, что серьезная болезнь, несчастный случай или смерть могут иметь естественные причины. Единственные понятные им причины носят личностный и спиритуалистический характер, и именно такие причины должны быть найдены в случае глубокого нарушения благополучия и спокойствия рода, вызванного болезнью или смертью одного из его членов. Больной человек становится менее приспособленным к окружающей среде, он не может больше выполнять свои обычные обязанности, и поэтому род или племя, к которому он принадлежит, осознав это, становится более слабым. Поэтому первым шагом в восстановлении спокойствия индивида и его рода является осознание причины этого нарушения. Если состояние

человека является результатом раны, полученной в схватке, то это понятно его роду, как понятны и те шаги, которые нужно предпринять, особенно в случае его смерти. Однако если его состояние не вызвано никакими внешними причинами, то это значит, что оно должно быть вызвано аналогичными причинами, единственное отличие которых состоит в том, что использовалось невидимое копье или камень, и оно было брошено магической, а не физической силой. Другими словами, причиной болезни, смерти или социального беспорядка является черная магия, приводимая в действие определенными людьми. Благодаря этому знанию род ясно представляет, какие шаги нужно предпринять. Обычно аборигены знают, какие виды недомоганий какими видами черной магии вызываются, но в любом случае они могут призвать знахаря, который может точно указать, какое магическое действие было совершено, и попытаться извлечь "причину" из тела больного. В случае необходимости он может попытаться изловить и возвратить душу больного человека. Если лечение невозможно, знахарь проведет "расследование" и найдет совершившего магическое действие. В этом случае клан найдет удовлетворение в том, что совершит ритуал погребения и добьется искупления за смерть своего члена в соответствии с предписанными законами.

Нам следует помнить, что в обычных условиях туземцы не испытывают малодушного страха перед черной магией, и, вообще говоря, мало кто из них ее практикует. О ее существовании вспоминают только тогда, когда обычный ход человеческой жизни нарушается болезнью, несчастным случаем, неудачей или смертью. Тогда и находят в магии анимистическое и личностное объяснение случившемуся. Благодаря этому объяснению человек и его клан знают, что нужно предпринять, чтобы восстановить спокойствие духа.

Предложенное нами разъяснение действительной роли черной магии не означает, что она является безобидной и в корне необходимой для социальной стабильности. В конечном счете вера в нее будет подорвана, однако избавиться от нее издевкой, силой или наказанием нельзя. Такое отношение заставит туземцев окружить магию еще большей тайной и убедит их, что мы тоже верим в ее силу. Поэтому их веру в магию и связанные с ней действия сможет дискредитировать только образование, т.е. приобретение знаний о причинах болезней,

бедствий и смерти. Хотя это будет очень медленный процесс, он неизбежно приведет к успеху.

Черная магия обладает той особенностью, что она чревата опасностью для человека, приводящего ее в действие. Она представляет собой способность или силу, с которой следует обращаться очень осторожно, и заниматься ею должны только те, кто надлежащим образом к этому подготовлен. Каково бы ни было происхождение этого верования, оно о служит защитой обществу. Если бы магию можно было использовать безнаказанно для исполнителя, то единственным способом для общества или племени установить контроль над ее использованием было бы сильное противодействие любому, кто ее слишком часто использует. К счастью, в этом редко возникает необходимость, хотя страх быть названным причиной болезни другого человека и, следовательно, столкнуться с жестоким наказанием препятствует использованию магической процедуры, за исключением тех случаев, когда она совершается после тщательного обдумывания или под влиянием крайнего раздражения.

Помимо этого страха еще более сильной и неотвратимой санкцией против использования магии является страх, что ошибка или оплошность при совершении ритуала обратит на самого исполнителя злое воздействие магической силы. Кроме того, такая ошибка может нанести ущерб людям, которым исполнитель не имел намерения причинять зло. Я помню одного туземца на далеком северозападе, который после показа ритуала указания костью и использования "образа" испытывал панический страх, что его могли увидеть, поскольку если бы кто-нибудь в лагере неожиданно заболел, обвинение пало бы на этого туземца, хотя у него не было намерения причинить кому-либо зло. Другими словами, ритуальное использование кости, даже без особых намерений, может, по мнению аборигенов, привести магическую силу в действие. В центральнозападном Квинсленде в магическом обряде, заимствованном у племен Северной территории, вместо указующей кости используется треугольный кусочек жемчужной ракушки. Враждебно настроенный человек подходит к спящей жертве как можно ближе и, держа оружие за один из его углов на расстоянии вытянутой руки, делает в направлении жертвы два горизонтальных и два вертикальных движения, изображающих перерезание горла и вспарывание живота соответственно. Эта

процедура считается настолько опасной, что соблюдаются специальные меры предосторожности, препятствующие нанесению ущерба невинному человеку слишком широким горизонтальным размахом: поэтому исполнитель для ограничения размаха поднимает свою вторую руку.

Спенсер и Гиллен приводят интересный пример благоговейного ужаса перед указующими палочками. После долгого упрощения им удалось уговорить одного старика показать, как эти палочки используются. Второй туземец, который был с ними, немедленно удалился на безопасное расстояние, а сам исполнитель, бросив палочку надлежащим образом в направлении воображаемой жертвы, был сильно встревожен и говорил, что часть злой магической силы вошла в его собственную голову. Самообладание вернулось к нему только после того, как он был заверен, что походная аптечка содержит достаточно магической силы, чтобы противодействовать той, которая содержится в указующей палочке. Глубокое беспокойство старика было вызвано тем, что не он сделал эту палочку и не он совершил напев над ней, и поэтому он не знал, какая магическая сила в ней содержится. Это можно сравнить с магическими камнями, которые встречаются в разных местах и которые, согласно верованиям, оказывают злое воздействие на любого, проходящего мимо них. Имеется только одно средство, способное воспрепятствовать выходу этой магической силы, это бросить палочку на такой камень. Иногда один из стариков племени предпринимает эту меру предосторожности от лица всех остальных членов.

Благодаря подобным фактам становится понятной та огромная осторожность, с которой совершается магический ритуал, то благоговейное чувство страха, которое испытывает исполнитель ритуала, и та полная концентрация, которой человек при этом достигает. Следует учитывать, что приобретение способности использовать черную магию является не таким уж простым делом. Помимо обучения правильной процедуре и "песне", исполнитель, как правило, должен пройти через некоторое физическое испытание и иногда через спиритуалистический опыт. Как мы уже видели, человеккадайтъя имеет вывихнутые мизинцы, а для использования кундела необходимо подвергнуть операции свой нос и перенести, по крайней мере, ритуальные операции на руках и груди. Иногда

необходимым предварительным условием является видение, полученное во время сна на могиле. Несомненно, если бы мы могли получить исчерпывающую информацию о подготовке человека к использованию указующей кости и к совершению более серьезных магических ритуалов, мы бы обнаружили, что физическая и духовная подготовка имеет намного более глобальный характер, чем мы привыкли думать. Как мы увидим ниже, подготовка знахарей вообще является универсальной.

Совершенно очевидно, что, выполняя магические действия, туземец осознает, что этим он активизирует силу, над которой он не имеет полной власти и которая существует независимо от него. Для него это естественно, поскольку в связанных с магией мифах указывается, что магия имеет своим источником могущественное время сновидений или небесный мир. Поэтому для того, чтобы использование магии было безопасным для исполнителя, он должен совершить определенный ритуал и спеть заклинания, которые имеют общее с магией происхождение и служат ее посредниками. Другими словами, действенность черной магии вытекает не только из общего представления о ней как причине болезней и смерти, но и из спиритуалистической и исторической философии, которая пронизывает все стороны жизни аборигенов.

Несмотря на существование упомянутого в начале этой главы различия между знахарями и колдунами, в некоторых регионах, особенно на юговостоке Австралии, знахари иногда выполняют функции колдунов, "извлекая" жир и насылая магические вещества с целью вызвать болезнь или смерть. Нет необходимости говорить, что такие несущие зло знахари обычно оказываются принадлежащими враждебному племени. Согласно верованиям, источник такой магической силы, хорошей или плохой, принадлежащей белой магии или черной, всегда имеет сверхчеловеческую природу. Эта сила не создается человеком, но, поскольку в конечном итоге она происходит от личных существ, тотемических или небесных героев, она может быть понята и приведена в действие человеком.

Если оставить в стороне функции колдунов и способности к колдовству, которыми обладают некоторые знахари, то функции собственно знахарей включают диагностирование и лечение болезней, проведение спиритических сеансов и "расследование". При некоторых

заболеваниях к знахарям не обращаются и используют гомеопатические средства. Но в других случаях, традиционно связываемых с магическими действиями, для диагностирования и лечения зовут знахаря. Вид магического недуга легко распознается по симптомам болезни. Так, в одном регионе ревматизм считается следствием указания костью; причину локальных внутренних болей видят в том, что на человека наслали порчу в виде кусочков кварца. Если человек находится при смерти, то это означает, что его душа была похищена или заблудилась, или же у него был извлечен жир и кровь сердца. Поставив диагноз, знахарь приступает к лечению. Иногда это лечение может включать методы и средства, имеющие целебное или медицинское значение, но это совсем не обязательно. Совершаемый знахарем магический ритуал и прописываемые им рецепты не имеют целительного эффекта, хотя они выполняют важную психологическую функцию. Обычно знахарь сосет в том месте, где ощущается боль, и извлекает косточки, кусочки кварца или других веществ, которыми было магически поражено тело пациента. Иногда он растирает пораженное недугом место и извлекает вызвавшее недуг вещество, или же просто время от времени он отходит от пациента, делая вид, что его руки наполнены чемто скверным, и очень торжественно это выбрасывает. Кроме того, он может послать своего духапомощника, духа ящерицы или змеи, с тем чтобы этот дух очистил тело пациента и извлек из него все скверное, или же он может заставить это скверное содержимое перейти по веревочке изо рта пациента в его собственный рот, после чего он все это выплевывает с кровью. Наконец, он может отправиться на поиски души умирающего человека. Если ему удастся поймать и вернуть ее, то это означает, что он вылечил больного.

Значение этих и аналогичных им способов "лечения" состоит в том, что полная уверенность знахаря и несомненный успех совершаемых им действий заставляют пациента поверить, что недуг устранен, что его душа возвратилась и поэтому он может быть спокоен и уверен, что все будет хорошо. В результате он, как правило, выздоравливает. Таким образом задача знахаря состоит в том, чтобы восстановить веру в жизнь у того, кто эту веру утратил, и вернуть ему ощущение здоровья и благополучия. Он достигает этого, ставя ожидаемый анимистический диагноз и педантично исполняя общепринятые обряды в атмосфере безапелляционной уверенности.

Знахарь аборигенов культивирует в себе умение подойти к больному, и он действительно часто выглядит сверхъестественным как ему и следует быть, учитывая, что ему помогают невидимые для других духи и что он обладает огромным запасом знаний и обмана, о котором ничего не известно его пациентам.

Верит ли знахарь в действенность своих способов лечения? Каким бы странным ни показался ответ, он должен быть утвердительным. Конечно, знахарь использует определенную долю притворства и ловкости рук, но в глубинах своего сознания он уверен, что заболевание может быть устранено с помощью растираний, сосания и других действий, несмотря на то, что камни и кости, которые он предъявляет, никогда не были в теле пациента. Однако они являются символами и выражением того, что составляет цель его действий и чего страстно желает пациент. В его деятельности можно выделить два важных аспекта: один субъективный, а другой аспект те, кто верит в знахарей, могли бы назвать объективным. Первый аспект означает, что умеющий думать знахарь осознает, что совершаемые им действия восстанавливают веру пациента и его волю к жизни и поэтому помогают ему выздороветь. Говоря это, я имею в виду интерпретацию самого знахарятуземца, а не только то очевидное объяснение, которое мы могли бы дать результатам его учения. Второй аспект означает, что знахарь благодаря своему специальному "посвящению", или "инициации", верит, что, выполняя традиционную процедуру, он вступает в контакт с невидимыми силами, тотемическими и спиритуалистическими по своей природе, которые и вызывают выздоровление. Он может выслатить из "самого себя" духазмею, духаящерицу или духа умершего человека, которого, согласно некоторым верованиям, он может поймать и держать при себе, используя в качестве помощника. Такой духпомощник может войти в тело пациента и изгнать оттуда недуг, или же он может преследовать и возвратить заблудившуюся душу больного человека. Но, помимо обладания духапомощниками, знахарь вступает в контакты с умершими и с героями эпохи сновидений или небесными героями, поскольку в конечном счете его способности проистекают из этих источников. Это означает, что не может быть предела целебным возможностям его лечения, поскольку здесь вводятся в действие духи

и подключаются источники жизни из времени сновидений и небесного мира.

Именно в силу этих причин, как субъективных, так и объективных, знахарь верит в действенность своих способов лечения, и, когда он сам болен, он не колеблясь обращается к услугам другого практикующего знахаря. Таким образом, укрепляется его воля к жизни, и он получает ту сверхъестественную помощь, которая обеспечивает его выздоровление.

Понимание аборигенами сновидений, о которых уже шла речь, предполагает, что в состоянии сна человек может не только посещать людей, отделенных от него расстоянием, посещаться ими и получать тотемические знаки, но и вступать в контакт с умершими. В принципе любой человек может иметь такой опыт, однако в некоторых племенах есть люди, которые считаются медиумами и для которых вступление в контакт с миром духов в большей или меньшей степени связано с их желанием. Но, как правило, медиумами являются знахари. Это естественно, поскольку существенная часть посвящения в знахари состоит в спиритуалистическом опыте, в ходе которого перед посвящаемыми предстают духи умерших и другие духи, они овладевают ими и уносят их с собой. Поэтому впоследствии знахари могут, или, по крайней мере, им случается, вступать в контакт с миром духов и небесным миром, видеть духов мертвых и даже живых людей. Согласно верованиям, временами знахари оказываются причастными природе духов и могут летать невидимыми сквозь пространство и устанавливать, что произошло в удаленных местах. Без сомнения, такое понимание связано с природой снов, видений и психических переживаний, о которых шла речь в предыдущей главе, но оно оказывает очень серьезное воздействие на жизнь аборигенов. Оно поддерживает власть знахарей, усиливает их влияние и делает их социально более значимыми. Благодаря такой интерпретации, знахари становятся каналами между живущими и умершими, между воплотившимися и освободившимися от плоти духами, между земным и небесным миром. Для большинства из нас это может показаться полной нелепостью и простым предрассудком, но это имеет совсем другое значение для людей, чья философия носит анимистический и спиритуалистический характер. На их жизнь оказывают постоянное влияние анимистические, спиритуалистические и магические силы, и,

если бы у них не было возможности устанавливать с этими силами контакт, их жизнь постепенно пришла бы в упадок. Поэтому в лице знахарей они имеют специалистов в этом жизненно важном деле, т.е. людей, которые приобщаются к миру духов и сверхъестественного во время их инициации, и могут вступать в контакт с этим миром в случаях, когда это необходимо для восстановления здоровья и благополучия индивида и его клана, если, конечно, они не нарушат какоголибо запрета и не утратят этой своей способности.

Одним из наиболее важных происшествий, при котором требуется помощь этих специалистов, является смерть одного из членов клана. Успешное действие какого-то служителя магии внесло эмоциональный разлад в жизнь клана, нарушило душевное равновесие его членов, которое не может быть восстановлено одним только обрядом погребения, скорбными причитаниями и пересказом старых мифов. Необходимо найти этого служителя магии и наказать, возможно, даже убить. Но как же он может быть обнаружен, если он использовал магическую силу, совершил свое действие на расстоянии, не оставил следа, и никто его не видел? По крайней мере, именно об этом мы бы подумали, но мы не правы, поскольку забыли о знахаре. Он обладает способностью видеть дух "убийцы", склоняющийся около трупа или около лагеря умершего, поскольку, к несчастью для убийцы, человеческие существа имеют более одной души и не могут контролировать все свое духовное снаряжение. Таким образом, знахарь способен найти человека, на которого выльется сдерживаемое негодование против магических и сверхъестественных сил. Для уничтожения этого человека снаряжается экспедиция мести. В целях ее усиления совершается специальная церемония и магическое действие. Когда поход успешно завершается, восстанавливается социальная гармония.

Существует множество форм расследования, благодаря которым знахарь может определить направление поиска, клан и даже имя убийцы. Например, умирающий человек может оказать помощь, сказав, что видел во сне тотем своего убийцы. Далее в своих размышлениях знахарь руководствуется знанием взаимоотношений между людьми (фактами ревности, вражды, недружелюбия, вызванного ссорами) и соображениями социальной значимости предполагаемого убийцы. Эти данные вместе с результатами гадания и

определяют содержание видения знахаря, когда он пристально всматривается в труп или задает ему вопросы. Иногда знахарь не приходит ни к какому решению, безусловно, имея на это полное основание. Это означает, что причина смерти должна быть найдена вне магической сферы. Возможно, смерть явилась следствием нарушения какого-нибудь запрета, и поэтому в определенном смысле была вызвана самим пострадавшим. Клан свыкается с этим объяснением, восстанавливает свое душевное равновесие и возвращается к привычной жизни.

Исследование функций знахаря показывает, что все они в своей сущности могут быть охарактеризованы как животворные. Он возрождает жизнь, избавляя от болезни и возвращая заблудившуюся душу; он служит связующим звеном с невидимым миром духов и небом, из которых и проистекает жизнь, и, наконец, он может установить причины болезни и смерти и тем самым помочь клану восстановить спокойствие духа и социальный порядок, нарушенные этими событиями. Но эта животворная деятельность станет еще более понятной, когда мы осознаем значение ритуала посвящения в знахари и поймем символы, выражающие силу знахаря.

Для нас представляет значительную трудность получение исчерпывающей информации об инициации взрослых мужчин в полноправные носители тайной жизни. Судя по тем новым сведениям, которые я получаю время от времени, я сомневаюсь, что в каждом конкретном случае мы бываем допущены ко всем тайнам этого ритуала и связанного с ним знания. Но если это сложно, то с еще большей трудностью мы сталкиваемся, когда пытаемся исследовать ритуал, благодаря которому знахарь приобретает свою магическую силу. Тот, кто не занимается этой деятельностью, очень мало знает о ней, а чем более скрытны и таинственны знахари в отношении своей профессии, тем большее впечатление производит она на всех, включая их самих, своими удивительными процедурами и величественными результатами.

Знахарь должен обладать двумя качествами: с одной стороны, он должен знать способ и процедуру лечения, а с другой стороны, должен глубоко понимать значение ритуала, с помощью которого он был "посвящен". Первое качество предполагает развитие необходимой ловкости рук, приобретение способности к чревовещанию, овладение

навыками растирания, сосания, осматривания мертвых тел, проведения расследований, общения с духами и выполнения многих других действий, которых пациент ожидает от знахаря. Всему этому он обучается у других знахарей, которые наряду с этим раскрывают ему значение ритуала посвящения в знахари и смысл символов и веществ, которые ему предстоит использовать в своей деятельности. Второе качество связано с убеждением, что одного знания того, как делать, недостаточно: знахарь должен обладать способностью это делать, а эта способность не может быть получена в ходе обучения; она приобретается через спиритуалистический опыт и, как правило, через ритуал. Знахарь должен быть "посвящен". Это может произойти двумя способами. Он может быть инициирован при участии одних только духов или же благодаря ритуалу, совершаемому другими знахарями и вызывающему соответствующий спиритуалистический опыт. По крайней мере, мне кажется, что имеется достаточно оснований для проведения такого различия. Во многих спиритуалистических и религиозных группах можно найти людей, которые занимают признанное положение лидеров и пользуются влиянием в силу своих спиритуалистических способностей или опыта несмотря на то, что они не прошли обычного посвящения. Это верно и в отношении австралийских знахарей. Некоторые из них имели поразительный спиритуалистический опыт, последствия которого признаются как другими знахарями, так и остальными членами племени. Очевидно, такой опыт можно искать сознательно, спя на могиле, или же получить о нем знак во сне или фантазиях, вызванных состоянием переутомления или болезнью. В последнем случае человек идет в то место, где он предполагает получить этот опыт и войти в состояние восприимчивости.

Примечательно, что этот опыт всегда соответствует некоторому штампу, характерному для данного племени или группы племен. Это означает, что, согласно верованиям, духи, посвящающие человека в знахари, всегда делают это в соответствии с предписанным ритуалом. Видимо, как только человек начинает проявлять признаки "будущего" знахаря, ему рассказывают, какой опыт ему предстоит пережить. Он медитирует над ним до тех пор, пока это мистическим образом не произойдет с ним. Или же, испытав некоторые удивительные переживания, он может рассказать о них знахарям, которые разъяснят

ему их истинный смысл и будут внушать ему, в какой форме это должно было произойти, до тех пор, пока он не будет готов поверить, что его переживания действительно имели такую форму. Более того, в некоторых племенах считается, что духи и знахари используют одну и ту же форму спиритуалистического опыта, однако ни в том, ни в другом случае не имеют места предписываемые и повествуемые в мифах события, хотя они и происходят ритуальным и символическим образом. Поэтому бывает нелегко решить, имел ли место ритуал, или же видение было вызвано постом и перенесенной болью и направлялось предшествующим обучением и внушением.

В качестве примера можно привести знаменитого знахаря центральноавстралийского племени унматчера, который рассказывал, что был инициирован следующим образом. Очень старый "доктор" бросил в него несколько магических кристаллических камней и убил его. Некоторые из этих камней пронзили его голову от одного уха до другого. Затем исполнитель ритуала разрезал все его внутренности: кишечник, легкие, печень, сердце, в общем все, и оставил его в таком положении. На следующее утро он вложил большую часть упомянутых магических камней в его тело, руки и ноги, а лицо его покрыл листьями. Пропев над ним заклинания, он вложил в его тело еще несколько камней, пока его тело не распухло. Затем он похлопал его по голове, приказав "встать живым", и заставил его съесть мясо и выпить воды, содержащей магические камни. Когда же он, посвящаемый, пришел в сознание, он не помнил ничего из своего прошлого и не знал, кто он есть. Он подумал, что пропал, но в этот момент увидел рядом с собой старого знахаря, который сказал ему: "Нет, ты не пропал, я убил тебя давным-давно". По его возвращении в лагерь люди смогли по его странному поведению понять, что с ним произошло.

Аналогичен ритуал, совершаемый духами (принадлежащими времени сновидений) при посвящении в знахари в племени аранда. Посвящаемый подходит ко входу пещеры, и, когда на рассвете духи обнаруживают его там, они бросают в него невидимое копье, которое вонзается ему в шею, проходит через язык, оставляя в нем большое отверстие, и выходит через рот. Второе копье пронзает его голову от уха до уха. В результате он падает замертво, и его переносят в пещеру. Духи удаляют его внутренние органы и снабжают его новым

комплектom вместе с магическими камнями, от которых зависит его магическая сила. Затем он вновь возвращается к жизни, но на некоторое время становится безумным. Когда он частично выздоравливает, духи приводят его обратно в лагерь. В течение нескольких дней он все еще остается странным, но постепенно выздоравливает и получает признание других знахарей, которые обучают его приемам своей профессии.

В племенах центральнозападной части Квинсленда считается, что рассматриваемый ритуал совершается совместно мифической водяной змеей или духом другого животного и старыми знахарями. В одном случае "змея" убивает посвящаемого "указанием", и через несколько дней знахари извлекают из его тела камень или кость, которую змея наслала на него. Затем он выздоравливает и становится знахарем. В другом случае посвящаемый убивается и сбрасывается в водоем на четыре дня. На пятый день его вытаскивают из водоема и коптят над несколькими кострами. Благодаря этому он оживает вновь. Затем он может быть обучен.

В горах Варбуртон в Западной Австралии посвящаемый входит в пещеру, где два тотемических героя (дикая кошка и эму) убивают его и разрезают его тело от горла до паха. Затем они вынимают внутренние органы и вкладывают вместо них магические вещества. Кроме того, они вынимают лопатки и бедренные кости и, прежде чем вернуть их на прежнее место, высушивают их и вставляют в их отверстия магические вещества. Они рассекают лодыжки и набивают их аналогичным содержимым и, наконец, вынимают и чистят лобную кость, вкладывают в нее магические вещества и возвращают на прежнее место. Во время этого тяжелого испытания за посвящаемым наблюдает главный знахарь, поддерживающий огонь в кострах и определенным образом контролирующий переживания молодого человека, у которого, видимо, вызывается состояние транса, поскольку, как мне говорили, он идет в пещеру, которая связана со временем сновидений и в которой его заставляют лечь. Когда он встает, ему дают выпить немного крови и съесть кусочек | дикобраза, эму и дикой кошки. В результате он приобретает способность использовать духов этих животных в качестве помощников в своей работе.

Вкладывание в посвящаемого магических веществ, таких как кварц, и духовпомощников (в частности, духовзмей), является

неизменной особенностью рассматриваемых обрядов по всей Австралии независимо от того, как это совершается: через ритуально сделанные отверстия или вдавливанием через кожу, насыланием их с помощью магических действий или принятием их в пищу или питье. Присутствие таких веществ во внутренностях является абсолютно необходимым условием, поскольку с ними связана и через них опосредуется магическая сила знахаря.

Эти вещества обладают такой особенностью в силу того, что они происходят из времени сновидений или из небесного мира. Вообще говоря, в Центральной Австралии местом их происхождения считается время сновидений, а в Юго-Восточной и Северо-Западной Австралии таким местом считается небесный мир, хотя в отношении некоторых районов мы не имеем достаточно сведений, чтобы быть уверенными относительно источника магических веществ. В любом случае эти вещества, как и сама магическая сила, являются мифическими: они, как правило, связаны с мифическим великим водяным змеем, который часто выступает как змейрадуга и в качестве последнего имеет связь с небом. Это подводит нас к важной черте рассматриваемого ритуала, которая широко распространена за пределами Центральной Австралии и состоит в том, что посвящаемый совершает путешествие на небо. Оно происходит после его "смерти" и служит прелюдией для получения магической силы. Например, в районе реки Форрест на северозападе Австралии считается, что знахарь берет посвящаемого на небо следуя следующим образом. Он принимает форму скелета и привязывает к себе сумку, в которую помещается посвящаемый, уменьшенный до размеров очень маленького ребенка. Затем знахарь садится верхом на радугу и поднимает себя вверх, подтягиваясь на руках. Когда он оказывается вблизи вершины, он сбрасывает молодого человека на небо, тем самым "умерщвляя" его. После этого он вставляет в его тело несколько маленьких змейрадуг и кварцевых кристаллов. Мне неизвестно, находит ли он их на небе или же собирает внизу у основания радуги, но он, безусловно, может найти эти и другие магические вещества внизу. Это верование настолько сильно, что знахари запрещают простым людям под страхом смерти входить в водоем, когда над ним висит радуга, поскольку считается, что если бы они вошли, они узнали бы тайну магической силы знахаря. Здесь, очевидно, предполагается, что эти вещества с неба по

радуге падают в водоем. Это верование хорошо известно и в Новом Южном Уэльсе.

После указанной операции посвящаемого сбрасывают по радуге Вниз. Старый знахарь вставляет в него еще немного магического вещества и будит его. Затем молодой человек учится самостоятельному подъему на небо и спуску по спине змеярадуги и приобретает навыки своей профессии.

В Восточной Австралии считается, что при посещении небесного мира посвящаемый вступает в контакт с небесным богом и получает от него свою магическую силу. Насколько нам известно, в ходе этого ритуала посвящаемый не убивается, однако, после или до того, как ему в тело втирается кварц и другие вещества, его отводят на реальную или ритуальную могилу, где он должен пережить спиритуалистический опыт. Затем с помощью магической веревки знахаря он поднимается на небо, и в итоге оказывается у основания радуги. Таким образом он получает в дар не только магические вещества, но и способность вступать в контакт с мертвыми и посещать небесный мир.

Охарактеризованные выше в общих чертах важные особенности ритуалов и состояний транса, связанных с посвящением в знахари, предполагают, что деятельность знахаря зависит от силы, которая имеет спиритуалистическую или анимистическую природу. Она происходит из времени сновидений, от небесных героев или, в некоторых случаях, от великих мифических духов животных или растений, хотя последние считаются преобразованными духами мертвых людей. Человек наделяется этой силой через ритуал инициации, который, независимо от того, совершается это в действительности или нет, состоит из смерти, второго рождения и наделения новой жизнью жизнью, которая символизируется новыми "внутренностями" и магическими веществами. Другими словами, посвящаемый умирает в своей прежней жизни и воскресает новым человеком. Это объясняет, почему он кажется таким странным, когда возвращается к людям. Теперь он живет в иной плоскости, чем они, хотя в своих обычных взаимоотношениях он ничем примечательным не выделяется. На некоторых знахарей их спиритуалистические привилегии и ответственность накладывают сильный отпечаток, и они полагают, что знахарю следует быть совершенным человеком. В

Восточной Австралии знахарь считается кураджи, или мудрецом. Конечно, среди знахарей могут иногда встречаться и негодяи, как это отмечали первые исследователи, но это верно в отношении всех профессий. Однако для тех, кто прошел через ритуальный и спиритуалистический опыт умирания и возвращения к жизни, существует и высокий идеал поведения.

Считать, что знахари причиняют только беспокойство, значит совершенно их не понимать. Принимая во внимание анимистическую и спиритуалистическую философию жизни аборигенов, следует признать, что знахари выполняют очень полезную функцию в жизни индивида и общества. Более того, их способность приобретается нелегко, она дается "свыше" и может быть сохранена только строгим соблюдением правил. Знахари не являются группой мошенников. За ними стоят верования всего сообщества.

Один известный исследователь ритуалов австралийских аборигенов выдвинул принцип, что религия всегда связана с церковью, магия же такой связи никогда не имеет. Первый тезис, безусловно, верен как в отношении культового тотемизма, так и в отношении обрядов, связанных с небесным героем. Однако, на наш взгляд, проанализированные в этой главе факты опровергают второй тезис. Верования, на которых основывается магия (черная или белая), являются частью общего спиритуалистического и анимистического мировоззрения. Черная магия дает объяснение болезням, смерти и отклонениям от нормы, в то время как деятельность знахарей позволяет восстановить жизнь и благополучие. И хотя знахарь совершает ритуал в одиночестве, он делает это для всего сообщества. Более того, источником его силы является время сновидений или небесный мир, которые служат источником жизни и благополучия и для общества в целом. Фактически знахарь является еще одним связующим звеном с вечным наряду с членами тотемической культовой группы. К этому он подготавливается с помощью ритуала, который по своему типу аналогичен ритуалу, превращающему юношу в мужчину: он умирает, с тем чтобы стать средством жизни...

Ритуал посвящения в знахари. Детали ритуала посвящения в знахари поднимают очень интересную проблему. Здесь примечательно не только то, что ритуал часто основывается на модели "смерть-воскрешение", но важен и сам способ получения жизни,

характерный для этого ритуала в большинстве племен. В животе делается надрез, и через него вынимаются внутренние органы, которые очищаются, затем возвращаются на прежнее место; кроме того, через этот надрез вставляются вещества, имеющие магическую, т.е. животворную, природу. Рана, конечно же, затягивается, не оставив следа, так же, как затягиваются надрезы, сделанные знахарем для извлечения почечного жира, или раны, нанесенные копьями в ритуале кадайтя. Почти во всех обрядах магические вещества втираются вдоль конечностей и грудной кости, а в одном ритуале, распространенном в горах Варбуртон, вынимаются лопатки, бедренные и лобные кости, высушиваются и кладутся на место с магическим содержимым, часть которого также вкладывается через надрезы вокруг лодыжек. Высушивание и копчение посвящаемого упоминается в связи с этими ритуалами в таких удаленных районах, как западный Квинсленд и горы Варбуртон в Западной Австралии. В первом случае это определенно считается средством возвращения посвящаемого к жизни. Погружение посвящаемого в воду на четыре дня в обрядах западного Квинсленда, как один из моментов его смерти, также представляет большой интерес. В результате всех этих процедур новообращенный возвращается к жизни.

Если процедура выполняется над трупом и включает рассечение живота, удаление внутренних органов, вычищение внутренностей, возвращение вынутых органов на прежнее место, вкладывание животворных веществ (не только в живот, но и вдоль конечностей, грудной кости и даже в лодыжки), затягивание раны и возвращение к жизни, то нельзя не признать в этом обряд мумификации. Погружение посвящаемого в воду и использование испытания огнем, которые, безусловно, были широко распространены, усиливают это впечатление. Но достаточно странно, что во многих районах, где существует этот вид ритуала посвящения в знахари, нет ничего, близкого к ритуалу мумификации, используемому при захоронении. Однако в Восточной Австралии от полуострова КейпЙорк и до устья Муррея практикуется определенный вид мумификации. Как мы увидим далее, он состоит из трех основных частей: высушивания тела, которое часто включает удаление эпидермиса, переноса "узла", т.е. высушенного трупа, в целях совершения траурного обряда и, наконец, размещение его предписанным образом. В некоторых случаях труп

потрошится, или же ему вскрывают живот и временно вынимают внутренности для осмотра в поисках следов колдовства. По крайней мере, в одном обряде в северном Квинсленде делаются надрезы в животе, на плечах и в легких и заполняются камнями. Считается, что это делается для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшим блужданиям мертвого человека, хотя это, видимо, не мешает ему достичь Млечного Пути. Однако классическим примером обряда мумификации в Восточной Австралии является обычай, который прежде практиковался в Торресовом проливе, а оттуда, видимо, проник в Восточную Австралию. Подробное описание этого обряда можно найти во многих книгах, и по нему можно судить о возможном происхождении рассматриваемого нами обряда.

Следует упомянуть, что в Восточной Австралии обряд мумификации при захоронении, как правило, предназначался для наиболее важных лиц, в особенности для знахарей. И поэтому вполне естественно, что ритуал посвящения в знахари, как все инициации, являющиеся ритуалом смерти и новой жизни, должен был по форме совпасть с этим специальным ритуалом захоронения. Впоследствии он распространился в виде символического ритуала, а не в своем первоначальном качестве. Общественное мнение всегда консервативно в вопросе погребения мертвых, в то время как для принятия ритуала посвящения в знахари имеется особое основание и механизм, я имею в виду тайную жизнь. Помимо зарегистрированных случаев этого ритуала в западном Квинсленде, Центральной Австралии, Виктории и в других местах, я встречал его на дальнем западе, в районе Брума, а также к востоку от Лавертон и далеко на юговосток от Брума.

В Восточной Австралии местом мертвых считается небо; мумификация и некоторые другие ритуалы захоронения обеспечивают достижение умершими неба. Поэтому вполне оправдано, что знахарь, чья сила и привилегии тесно связаны с небесным миром, должен проходить инициацию с помощью обряда, в ходе которого он "естественным образом" допускается на небо.

Наконец, в связи с этим важное значение имеет и процедура по извлечению жира. Установление ее деталей представляет значительную трудность. Из девяти изученных процедур в различных племенах в трех случаях надрез делали на спине, в трех случаях на боку и в двух случаях в животе. Набивание раны зафиксировано в трех

племенах, причем в двух из них обычай захоронения включал набивание трупа. Во всех случаях рана затягивалась (в одном случае накладывались швы). Такие действия кажутся естественным образом связанными с мумификацией. Это предположение подтверждается сопутствующими действиями, совершаемыми в двух племенах. В одном племени племени буандик, расположенном на границе Виктории и Южной Австралии, исполнитель вставлял крепкий травяной стебель в ноздрю и что-то вытаскивал. В племени кунганжи (восточное побережье, Северный Квинсленд) голову жертвы пронзали костью чуть выше каждой ноздри для извлечения крови жизни и языка. Дело в том, что обряд мумификации, как он практиковался до последнего времени в Торресовом проливе, включал извлечение мозга через ноздри. Использование ритуала, когда утрачено понимание его первоначального назначения, не является таким уж необычным делом, а отсутствие сообщений об этом обычае в других частях Восточной Австралии не может служить основанием ни для какого вывода, если принять во внимание, насколько бедны наши сведения об извлечении жира и о деятельности знахарей и колдунов в целом. Если детали процедуры извлечения жира исторически связаны с мумификацией, то следовало бы ожидать, что жертва, некоторое время находящаяся без сознания, должна проснуться и жить какое-то время, что соответствует верованиям. Кроме того, это соответствует тому факту, что извлечение жира должно выполняться людьми, прошедшими через ритуал посвящения, который по своему типу совпадает с мумификацией.

Это рассмотрение ритуала посвящения в знахари не имеет большого значения для понимания их функции в обществе, но если бы мы располагали всеми фактами, включая интерпретацию, которой придерживаются сами знахари, мы бы поняли значение этих обрядов. Это значение связано с историей, но мы, к сожалению, не можем получить ее удовлетворительного изложения, а должны по большей части опираться на имеющееся распространение обычаев. Однако я надеюсь, что это рассмотрение, по крайней мере, показывает, что в этих обрядах и в формах видений содержится больше, чем лежит на поверхности. Они не являются просто плодами воображения.

Аналогичным образом для полного понимания знахаря нам следовало бы рассмотреть миф о змеерадуге, верования, связанные с небесным миром, о которых шла речь в предыдущей главе, и значение

таких веществ, как кварц и радужная ракушка. Оттенки, отражаемые ими, могли бы разъяснить их связь с радугой, и это могло оказаться достаточным. С другой стороны, возможны и иные интерпретации исторического характера.

ТАЙНЫ ИНДЕЙСКИХ КОЛДУНОВ

Страх и слепая вера – главная опора всех колдунов. Чтобы создать эту веру у пациента, колдуну необходимо прежде всего понять его внутренний мир, его настрой и говорить с ним на знакомом ему языке. Но понятным должно быть далеко не все: "секреты фирмы" ревностно охраняются. Чем больше непонятных действий и слов, тем внушительней процедура. Но непонятные действия должны давать понятные результаты. (По материалам Райта. (Прим. авт.))

Многообразие колдовских приемов велико, суть их почти всегда одна и та же. В типичных случаях, не брезгуя никакими средствами, призывая на помощь и мошенническую ловкость рук, и ложные обвинения, колдун выстраивает перед пациентом своеобразную, но для него убедительную причинно-следственную "концепцию" болезни. Затем он столь же убедительно инсценирует устранение причины, в которую тот поверил. Одной болезнью он вытесняет другую, одним страхом – другой страх.

Мне уже приходилось слышать истории об исцелениях, совершаемых местными знахарями, которые были выше моего понимания. Достаточно упомянуть хотя бы о примерах хирургического искусства: трепанации черепа и кесаревом сечении. Западная медицина освоила эти операции сравнительно недавно, а у индейцев Эквадора они существовали с незапамятных времен.

На следующий день после моего прибытия Пименто позвал меня в свою хижину, и уже по тому, как он со мной поздоровался, было ясно, что он хочет показать мне что-то весьма интересное.

На циновке лежал индеец. Его лицо, раскрашенное белыми и желтыми полосами, было искажено гримасой боли. Одна рука его судорожно и как-то неестественно дергалась, и, когда я подошел поближе, чтобы внимательно осмотреть его, я увидел, что она была чуть ли не полностью оторвана в предплечье. Кость была обнажена, и сухожилия почти совсем разорваны.

– Тигр! – кратко сообщил Пименто, усаживаясь на корточки рядом с больным.

Тщательно и методически осматривал он поврежденную руку. Наконец, он ознакомился со всеми повреждениями и подал лежащему небольшую чашку. В ней была зеленоватая жидкость, которую страдалец выпил с большим трудом. Остаток допил Пименто.

Больной лежал на земле. Он крутил головой из стороны в сторону. Руки Пименто двигались так быстро, что за ними трудно было уследить. Однако я заметил, как он вынул из маленького мешочка заостренную палочку и сунул ее себе в рот. Затем он склонился над пациентом и сделал вид, что отсасывает кровь из раны на плече. Я полагаю, что при этом он зажал деревянную иглу зубами и воткнул ее в рану. Индеец затрясся от боли, но затем утих.

Пименто поднял голову и выплюнул несколько предметов. Среди них был обломок когтя ягуара и деревянная игла. Я слышал, что индейцы употребляют подобные иглы для впрыскивания снадобий в вену больных или жертв.

Все это время Пименто что-то говорил короткими фразами на гортанном местном диалекте. По нескольким известным мне словам я с трудом разобрал, что он призывает дух человека вернуться назад в тело и занять свое место.

Когда операция закончилась, я заметил, что сам Пименто находится наполовину в невменяемом состоянии, что было, вероятно, результатом действия проглоченного им снадобья. Обычай пить самому то же, что дается пациенту, служит не только для того, чтобы убедить родственников, присутствующих при лечении, в том, что врач не пытается отравить больного, но и для того, чтобы сам лекарь мог прийти в необходимое для процедуры состояние транса.

От ответа на мой вопрос о рецепте снадобья, которое он давал пациенту и пил сам, Пименто уклонился. "Лекарства белого человека полезны для белых, а не для индейцев, – сказал он, – индейские лекарства тоже полезны только для индейцев, но не для белых".

Когда я узнал Пименто ближе, я понял, сколь он хитер. Пименто был далеко не стар. Ему, вероятно, еще не было и сорока, но он занимался знахарством с детства. Во время одной из наших долгих бесед он рассказал, как случилось, что он стал знахарем, или курандейро, и как он овладел своей профессией. По его словам, в молодости он был плохо приспособлен к обычной жизни своего племени. Товарищи по играм часто колотили его. Он видел странные

сны, его посещали видения, и тогда он беседовал с духами. Старый бруджо принял его под свое покровительство и обучил основным приемам знахарства.

За время учения, как рассказывал Пименто, ему не давали есть ни мяса, ни рыбы и временами надолго лишали сна. Как только он засыпал, старый бруджо будил его пощечиной, пускал ему в рот клубы табачного дыма и капал в нос выжимку из листьев табака.

Когда он все же впадал в полузабытье, то старый колдун снова приводил его в сознание пощечиной, а затем вливал в рот солидную порцию табачного сока. Пименто и так был слаб, а его вдобавок рвало до полного истощения. Как только он чуть-чуть приходил в себя, все повторялось сначала.

Позднее, встречая знахарей в разных частях света, я понял, что подобная суровость обучения-явление повсеместное. Для примитивных народов знахарь, или колдун, – это не только врачеватель тела, но жрец богов, властелин душ и наставник во всем. Он дает советы, защищает от бед, заботится о своих соплеменниках, а иногда, правда в очень редких случаях, он может, если сочтет необходимым, лишить их жизни. Располагая такой властью и ответственностью, он не позволяет себе быть слабее тех, кто верит в него. И даже если мучения, сопровождающие процесс подготовки знахаря, помогают лишь отсеять непригодных, то и тогда они имеют смысл.

Пименто обычно перед началом своих лечебных обрядов приводил себя в желаемое состояние. Иногда он пил отвратительный на вид настой из листьев, в других случаях ему служила пустая дыня со срезанной макушкой: он вливал туда одно из своих снадобий, бросал несколько раскаленных камней, затем, припав губами к отверстию, вдыхал дым до тех пор, пока не пропадала зрачковая реакция и глаза переставали реагировать на свет. Набор его средств и возможностей был удивительно широк. Он использовал лекарственные средства и меры психологического воздействия с равным искусством для лечения язв, лечения бесплодия, предсказания дождей и при родах (где он играл роль консультанта).

Знахари обычно не исполняют обязанностей акушеров. Однако при трудных родах их обычно зовут на консультацию и просят использовать магические обряды. На сей раз роды явно протекали очень тяжело. Роженица, крепкая черноглазая женщина, необычно

долго для индианок мучилась в своей хижине, куда я пришел с Пименто.

Мне приходилось слышать о некоторых странностях обрядов, которыми обставляется рождение ребенка у индейцев Центральной Америки. Они зовут знахаря, который совершает долгий обряд в случаях, когда дух матери явно готовится покинуть тело. Что-то похожее случилось и на этот раз. Молодая женщина в периоды между схватками лежала тихо. Ее лицо отражало следы изнуряюще долгих часов страданий. Я пощупал пульс. Он был очень слаб. В нашем родильном доме ей следовало бы немедленно сделать переливание крови.

Пименто присел на корточки около нее и разложил на полу то, что принес с собой: палочки странной формы, кусок змеиной шкуры, несколько листьев, которые он вынул из своей сумки, и погремушку из маленькой тыквы. Потом он стал произносить нараспев фразы, в которых, как я мог понять, он объяснял женщине, что один из духов покинул ее тело. Мне показалось, что состояние женщины было таково, что она не могла воспринимать его слова. Однако Пименто продолжал нараспев описывать ей поведение духа и что он, знахарь, собирается сделать, чтобы вернуть это расположение.

Он рассказывал даже о своих разговорах с ее духом и требовал, чтобы она не сопротивлялась его возвращению, ибо иначе он уйдет навсегда. Трудно сказать, что было тому причиной – воздействие монотонных фраз или гипноз, но роженица скоро успокоилась, схватки приобрели более упорядоченный характер и перестали походить на конвульсии. Я раз или два брал ее запястье – пульс стал сильнее.

Пименто продолжал рассказывать ей о скитаниях духа и наконец объявил, что в нужный момент дух ему подчинится и он вернет его в ее тело, чтобы тот мог наблюдать за появлением ребенка на свет. Выражение лица женщины смягчилось, в глазах появился покой и умиротворение. По Пименто было видно, как внимательно он следит за выражением лица роженицы. Наконец он подал знак одной из стоявших рядом женщин, и та приступила к исполнению обязанностей акушерки. Скоро на свет появился ребенок. До этого никто и пальцем не прикоснулся к женщине. Все происшедшее можно было объяснить только чисто психологическим воздействием. Но факт остается фактом. По моим наблюдениям и по изменению пульса можно было

быть уверенным, что женщина была близка к смерти, но Пименто вовремя начал свои действия.

Женщина родила, позднее я видел мать и ребенка, оба были здоровы и чувствовали себя прекрасно.

Я спросил Пименто, как ему удалось вернуть силы женщине – неужели с помощью одних только слов? Он окинул меня дружелюбным взглядом темных глаз и сказал:

– Это сделал дух женщины. Я только вернул его в тело, когда он его покинул.

– Но ведь ты говорил с женщиной, а не с духом, – заметил я.

Пименто утвердительно кивнул головой.

– Она должна была знать, почему дух ушел из тела и когда он вернется обратно. Она должна была приветствовать его. Иначе дух не смог бы войти в тело женщины.

Я не могу сказать, верил ли в это сам Пименто, или только хотел, чтобы этому поверила женщина. Я знал, что для того, чтобы получить ответ на такой вопрос, я должен буду добиться полного доверия знахаря. Если он сознательно идет на такой обман, то он должен использовать приемы гипноза. Но если Пименто сам верит в то, что он говорил женщине, то это значит, что он использовал психологический прием, по своей силе превышающий все, что известно нашей психиатрии.

По сути дела, он сам переживал все перипетии ее возвращения к жизни – он передавал ей часть своих физических сил в виде потока психической энергии.

Пименто часто давал аудиенции жителям своей деревни, собиравшимся в его большой, без перегородок внутри, хижине. Сидя в кресле, он на несколько дюймов возвышался над своей клиентурой, состоявшей из больных, пришедших за помощью, либо из людей, желавших видеть проявление его могущества.

На одном из таких приемов он изгнал из девушки демона, обрекавшего ее на бесплодие, высосал яд маленькой оранжевой змейки, укусившей индейца в ногу (предварительно наполнив рот табачной жвачкой), приготовил из кожи ящерицы амулет для защиты от укусов змей. Считалось, что запах кожи ящерицы подавляет страх у змей, и поэтому она не будет обращать внимания на присутствующего рядом с ней человека с этим амулетом.

Вдруг я увидел, что Пименто, прервав работу над амулетом, бросил быстрый взгляд наружу. Я подумал, что он заметил какую-либо редкую птицу, но затем понял, что он просто посмотрел на небо.

Он отложил в сторону амулет и, обратившись ко мне, сказал: "Через два дня начнется ливень. Я должен предупредить мой народ".

Прекратив работу над амулетом от укусов змей, он взял в руки чашу, полную темной, противной на вид жидкости.

Позднее я узнал, что в ней содержались алкалоиды (органические соединения растительного происхождения, используемые как яды или лекарства: никотин, атропин, морфин, хинин и др.). Жидкость эта приготавливалась из лианы, известной в ботанике как банистерия каапи. Ее толкли в порошок и смачивали слюной. Иногда вместо лианы использовали табак. Чашу с этой смесью Пименто поставил у ног. Затем он начал, как маятник, раскачиваться взад и вперед. При этом он бормотал странные, совершенно непонятные слова, звучащие как молитва или заклинание.

Временами он прикладывался к чаше и делал по несколько глотков. Когда чаша опустела, подбежал прислужник и снова наполнил ее. По напряженным лицам присутствовавших в хижине людей было видно, что они ждут пророчеств Пименто. Повернувшись к нему, они напряженно ждали его слов.

Питье, которое поглощал Пименто, настолько резко действовало на слизистые оболочки пищеварительного тракта, что у него тут же началась рвота. Тем не менее, освободившись от выпитой порции, он сразу же выпил еще. После пяти приемов снадобья его лицо приобрело зеленоватый оттенок, он скатился на бок и упал в грязь, сотрясаясь от рвоты и хрипло дыша.

Потом он вдруг сел и отрывисто крикнул несколько слов на местном языке. Присутствовавшие в хижине уставились друг на друга, а Пименто, прокричав эту фразу еще три раза, перевернулся на живот и захрапел.

Ночью небо заволгло тучами и начался дождь. Я сразу же понял, что это был не обычный дождь, а начало ливней. Я проснулся от шума воды, стекавшей с покрытой пальмовыми листьями крыши моей хижины. На память пришли рассказы о наводнениях, когда за одну ночь реки выходят из берегов и заливают дома по самую крышу, обрекая на гибель всех жителей.

Но на следующее утро дождь прекратился, и я наблюдал, как жители деревни поспешно вытаскивали свои пожитки из домов и несли их куда-то в глубь джунглей, на склоны холма.

– Как ты узнал о приближении ливня? – спросил я Пименто.

Интересно, что он даже не пытался объяснить свое предсказание воздействием отвратительного сока банистерии каапи. Он улыбнулся и сказал:

– Птицы знают – скоро ливень. Я знаю – скоро ливень. Когда меня рвет, мои люди знают – скоро ливень.

– Но зачем нужно было мучиться? – спросил я. – Почему бы просто не сказать им об этом?

Он пожал плечами.

– Я сказал, они забыли. Если меня рвет, они помнят.

Одним из самых удивительных, по крайней мере для меня, явлений в знахарской практике является смешение доброго и злого начал.

Пименто рассказал мне, что существуют два вида колдунов – фитесейро, или злые колдуны, и курандейро – добрые колдуны, защищающие людей своего племени от злых духов, предсказывающие погоду и совершающие обряды, которые способствуют плодородию полей и деторождению.

По описаниям, курандейро – это защитник племени от всех бедствий, посылаемых фитесейро другого племени или даже своего собственного.

Деление знахарей на служителей белой и черной магии не является особенностью только южно-американских индейцев. Оно существует также в Африке, Малайе, Австралии и Океании.

Единственные духи, которых по-настоящему боятся знахари Южной Америки, – это "духи", занесенные в их страну белым человеком, – духи туберкулеза и сифилиса. Против них у курандейро нет лекарств.

Пименто был, несомненно, курандейро – добрый колдун. Он объяснил мне, в чем состоит разница между добрыми и злыми колдунами. Я постарался возможно точнее записать его слова:

"Все живое на земле принадлежит духам. Каждый человек может общаться с ними, молить их о продлении жизни или просить за жизнь других. Знахарь только помогает ему вступать в общение с духом.

Знахарь может обнаружить, когда зло вошло в тело, и может изгнать его. Он может даже своей стрелой наслать злого духа на человека. Но как бы то ни было, причина выздоровления скрыта в самом пациенте так же, как причина зла – в жертве. Знахарь, в сущности, не несет ответственности за последствия. Он только развязывает цепь событий".

Одним из самых интересных моментов в лечебной практике Пименто была его вера в мифические "стрелы", которыми фитесейро прокладывает злым духам путь в тело человека. Он с такой убежденностью говорил об этих стрелах, что, по-видимому, у него не было ни малейшего сомнения в их существовании. Но стрелы эти не были материальны...

Однажды я наблюдал, как он подошел к спящему человеку и осторожно выдернул волосок у него из головы. Затем он взял заостренную деревянную палочку, проколол ею кожу жертвы и выжал каплю крови. Этот человек проглотил солидную дозу местного питья из перебродившего сока фруктов, был мертвецки пьян и совершенно не сознавал, что происходит вокруг.

Пименто положил волос и каплю крови в глиняный горшок и смешал их с каким-то снадобьем. Когда этот человек проснулся, ему рассказали о случившемся.

Тот пришел к Пименто и умолял его снять заклятие. Он не представлял себе, что может ему грозить, но он знал силу злых духов, которых мог напустить на него Пименто. Как это ни странно, но он не имел претензий к Пименто за такое обдуманное покушение на его душевное здоровье. Он хотел только, чтобы его избавили от того, что Пименто мог с ним сделать.

В ответ Пименто молчал. И человек вернулся в свою хижину. Скрючившись, он около часа сидел на ее пороге в позе полного отчаяния. Я был готов просить Пименто сжалиться над страдальцем. Но в этот момент он сам встал и подошел к своей жертве.

Он прочел индейцу длинную нотацию, обращаясь к его разуму, показал все те беды, которые проистекают от пьянства. Пименто объяснил ему также, что он не воспользовался его кровью и волосом, чтобы вселить злого духа в его тело. Больше того, он усилил могущество добрых духов, и теперь они могут успешно бороться со злыми духами, включая духа пьянства.

Страх лежит в основе колдовства. И надо сказать, что Чоро прекрасно владел этим элементом психотерапии. Мне пришлось быть свидетелем, как он, используя все средства фокусника, волшебника и психолога, полностью подчинил себе суеверное сознание своих соплеменников и достиг результатов, явно превышающих возможности современной медицины и таланты ее лучших представителей.

Однажды его срочно вызвали к пациенту, у которого начались резкие боли в желудке. Тот был уверен, что враг наслал на него болезнь, и призывал знахаря на защиту от злых козней. Чоро спросил меня, не хочу ли я присутствовать при этом. Я быстро принял приглашение и вскоре очутился в углу темной хижины, где лежал больной.

Чоро объяснил мне, что его пациента свалила болезнь, насланная колдуном соседнего племени. Он не назвал его имени, и, честно говоря, я сомневаюсь, чтобы он знал этого человека. Он просто считал, что враг больного нанял колдуна, чтобы тот "послал стрелу" в живот больного.

Наверное, сказал Чоро, тебе как врачу своего племени тоже будет интересно обследовать больного. Мне сдавалось, что старый хитрец с самого начала знал, в чем состояла истинная причина болезни и каким будет ее исход. Но он хотел поразить меня своим искусством.

Я поставил такой диагноз: больной опился местным спиртным напитком "типаш". Однако когда я сказал об этом Чоро, тот затряс головой.

— Этот человек слишком больной, — сказал он. — Наверное, он умрет.

После столь откровенного диагноза он вылил целую тыкву холодной воды на голову больного. К такому средству в подобных случаях прибегаем и мы. Затем он повернул человека на спину и глубоко засунул ему палец в глотку. Хотя Чоро действовал грубо, но и эти его приемы соответствовали общепринятым.

Индейца охватил приступ неудержимой рвоты. Я полагал, что это должно было значительно облегчить его положение. Однако состояние его по-прежнему оставалось критическим. Но Чоро не оставил его в покое. Он достал большую погремушку, сделанную из сухой тыквы, и,

вскочив на грудь пациента, начал буквально плясать на нем, испуская громкие вопли, заглушавшие отчаянные стоны больного.

Это, как объяснил он мне позднее, должно было отогнать духов, которые столпились вокруг, чтобы, улучив момент, причинить больному еще большие неприятности. Затем Чоро принялся расспрашивать больного о его болях. Выяснилось, что первый приступ у него был утром, когда он работал в зарослях платана, разводимого жителями деревни ради его съедобных плодов.

Чоро быстро говорил с больным на местном диалекте, который я немного понимал. Мне удалось разобрать, что Чоро расспрашивает его об именах врагов. Больной поднял руку и слабым голосом назвал пятерых подозреваемых.

Чоро кивнул. Затем он приказал, чтобы всех пятерых привели в хижину больного.

Вскоре подозреваемые прибыли и сели на корточки вокруг гамака из лиан, в котором лежал больной индеец. Стеная, мрачно взирал он на своих врагов. Чоро действовал с профессиональной уверенностью. Он поставил людей в полукруг и указал на еще различимое на полу пятно от рвоты больного. Оно своей не правильной формой напоминало черную кляксу, придавленную листом бумаги. Он продолжил один из языков лужицы и указал таким образом на одного из пятерых. Человек с ужасом следил за действиями Чоро, затем бросил взгляд на больного. Тот, приподнявшись в гамаке, указал пальцем на обвиняемого.

– Это он! – крикнул больной.

Обвиняемый сидел, оцепенев от страха. Его морщинистое лицо исказила гримаса ужаса. Чоро выпрямился, потом повелительно махнул рукой своим двум подручным.

У племен шабанта знахарь не только лекарь, порой он выступает в роли начальника полиции. Подручные знахаря подскочили к обвиняемому и схватили его за руки. Чоро, вытянувшись как струна, указал на него пальцем и разразился гневной тирадой, которая, как я понял по его тону и нескольким доступным мне словам, была обвинительной речью. Охваченный страхом, обвиняемый не мог произнести ни слова.

– Человек, страдавший от резей в желудке, несомненно, стал жертвой своего врага – колдуна. Таких людей, приверженцев зла, – много.

И их очень трудно выявить, если только не вмешается колдун, обладающий еще большей силой, – пояснил Чоро.

К полуночи больной умер. Все было приписано колдовству. Индейцы повыскакивали из хижин и побежали к тюрьме, куда ранее привели обвиненного в колдовстве. Тюрьма была пуста.

Чоро внимательно оглядел землю около входа в тюрьму. Затем он направился прямо к хижине исчезнувшего индейца. Она тоже была пуста. Чоро с мрачным видом начал свой торжественный марш вокруг опустевшей хижины. При этом он что-то бормотал нараспев и ритмично потрясал головой и руками. Я наблюдал за этим часа три, пока мне не надоело. Тогда я вернулся в свою хижину и заснул. Утром Чоро все еще маршировал. Он не прервал своего хождения вокруг пустой хижины ни днем, ни следующей ночью, ни на следующий день.

Ему приносили немного еды в чаше, и он ел прямо на ходу. На вторую ночь Чоро прервал свой марш и подал сигнал одному из помощников. Тот принес поднос с сухой кукурузой, вареным рисом и корнями тростника. Всю еду сложили у дверей хижины, а Чоро направился к себе домой. Я остался на улице. И вдруг увидел в дверном проеме коричневое лицо. Обвиняемый, как видно, все время сидел в хижине или был где-то рядом. Чоро не мог знать об этом. Вместо того, чтобы послать помощников вытащить преступника из хижины, Чоро почему-то предпочел свой странный метод следствия.

Человек жадно ел. Я посмотрел в сторону хижины. Чоро спокойно стоял в дверях своей хижины, наблюдая за этой картиной. Он не сделал ни малейшей попытки схватить индейца, но тот вдруг сжался в клубок и покатился по земле.

Его свело судорогой, и он окаменел. Я подумал, что пища была отравлена, и решил спросить об этом Чоро.

Скоро индеец был мертв, и я задал Чоро свой вопрос о еде. Чоро взял поднос с остатками пищи и спокойно зачавкал. Его морщинистое лицо было совершенно бесстрастным. Еда действительно не была отравлена. Впрочем, не исключено, что Чоро брал куски пищи, в которых не было яда.

Я думаю, что индеец умер просто от одного сознания, что должен умереть.

Лучшей из известных мне знахарей была Лусунгу, которую бельгийцы из Леопольдвилья считали самой могущественной из

знахарей (или нгомбо) в стране Бапенде, простирающейся между Габоном и границей Анголы. Когда я увидел ее, ей было около 25 лет. Это была стройная молодая женщина с горевшими диким пламенем черными глазами. У нее был правильный овал лица и классические черты, которые встречаются среди племен Габона и Бельгийского Конго.

Женщины – жрицы черного искусства – не редкость в Африке. Среди южно-африканских племен матебеле, например, больше знахарей-женщин, чем мужчин. По ряду причин, о которых писал Киплинг, их и боятся больше.

Большая часть знахарей утверждают, что занимаются только "белой магией" – используют амулеты, фетиши или "заговаривают духов" только с добрыми намерениями. Они категорически отрицают, что своей деятельностью могут принести вред человеку. Однако даже случайный наблюдатель заметит, что они занимаются и "черной магией", которая служит орудием как знахарей, так и колдунов. Такой была и Лусунгу.

В Килембе я познакомился с местным представителем властей, фламандцем по имени Ройяль. Здесь Ройяль был царь и бог. Он решал все вопросы, касающиеся центральных властей, собирал налоги и руководил полицейскими операциями местной малочисленной, но весьма эффективной "армии". Он знал всех окрестных колдунов и, уж конечно, знал Лусунгу.

Мы проехали уже четыре или пять миль по плохой дороге, как вдруг Ройяль резко остановил машину и с явным волнением показал мне на толпу туземцев.

На земле было распростерто тело молодой женщины. Ройяль приказал перенести тело с дороги, чтобы осмотреть его. Никто из негров, однако, не осмелился коснуться мертвой.

Ройяль многозначительно посмотрел на меня.

– Вот видите, – сказал он, приподняв бровь, – это то самое, что мы называем убийством по наговору.

Я опустился на корточки рядом с ним, чтобы осмотреть лежащее на краю дороги тело женщины. Хотя она лежала на самом солнцепеке, на теле не было видно следов разложения. Я осмотрел глаза, а затем голову. К моему изумлению, череп был вскрыт. В нем было проделано

небольшое аккуратное отверстие эллиптической формы. Приглядевшись, я увидел, что мозг был извлечен.

На теле не было видно никаких других следов насильственной смерти, ни малейшей царапины. Я почувствовал волнение. Между тем Ройяль пояснил:

– Девушка убита по чьему-то наущению. Тот знахарь, который сделал это, должен был знать, для чего ему ее мозг: Вероятно, для того, чтобы сделать из него фетиш. Это дело рук Лусунгу.

Из расспросов Ройяля выяснилось, что никто из туземцев не знал этой девушки. Никто не мог сказать, из какого она племени. Но они говорили, что слишком долго нет дождей, что посевы гибнут, и удивительным образом связывали засуху со смертью девушки.

Один сказал, что они уже принесли в жертву цыплят и даже козла, но бесполезно. Тогда они обратились за советом к "говорящему дереву" и "дерево" – могущественный фетиш – объявило, что богам нужен мозг молоденькой девушки, тогда они сжалятся и пошлют дождь.

Позднее стало известно, что бедная девушка была соперницей Лусунгу-То было тем сплавом ревности и интриги, что нередко лежит в основе преступления и в нашем обществе. Тело не носило следов разложения, видимо, оно было бальзамировано местным способом. Ройяль уже встречался с подобными случаями, и когда он однажды произвел вскрытие, то "внутренности были ярко-красного цвета".

Мы продолжили свой путь.

Почти на окраине деревни мы заметили немного в стороне от дороги свежевырытую могилу. Ройяль остановил машину.

Около ямы лежало тело старика, для которого и предназначалась могила. Невольно я задавался вопросом: сколько еще трупов мы повстречаем, прежде чем доберемся до преступника?

Приготовления к погребению шли по установленному порядку. У подножия могилы были разложены вещи, принадлежавшие прежде покойнику. Тут были погремушки, пучки перьев и несколько тыков, наполненных пальмовым маслом.

Выяснилось, что хоронили старого знахаря по имени Витембе. Ройяль отметил в своем блокноте: "Нгомбо Витембе найден убитым. Видимо, жертва распрей между местными знахарями".

– Вполне вероятно, что его смерть можно поставить в связь с убийством девушки, – сказал мне Ройяль. – Наверное, он заверил жителей в том, что дождь пойдет, если ему доставят мозг девушки. Его требование выполнили, а дождя не было, вот Витембе и поплатился за свою неудачу.

Я невольно обратил внимание на девушку, стоявшую неподалеку у входа в новую травяную хижину. Большая часть негров бапенде имеет кожу иссиня-черного цвета – у нее кожа была красивого светло-шоколадного оттенка. Ростом она была повыше местных женщин, стройнее их, с крепкой высокой грудью. Она была обнажена до пояса, вокруг бедер на свободном поясе висела юбочка. Маленькая головка девушки была гордо посажена на плечах, а глаза ярко блестели.

Самым удивительным в ее теле был живот-он был покрыт татуировкой в виде концентрических кругов вокруг пупка. Как мне сообщили позднее, для этого надрезают кожу и втирают туда растительную краску...

– Это Лусунгу, которую вы так стремились видеть, – сказал мне Ройяль, указав на девушку рукой без всякого признака уважения к ее полу.

Женщины племени переносят длительную и мучительную операцию, во время которой их передние зубы оттачивают так, что они начинают напоминать змеиные. У Лусунгу рот был полон таких зубов.

В это время в деревню вбежал человек. Он принес известие о вспышке чумы в соседнем селении. Заболели две его дочери, и он просил Лусунгу о помощи. Он хотел узнать, кто напустил болезнь на его семью. Лусунгу пристально смотрела на своего нового клиента, и я не мог понять, то ли она собиралась оставить его просьбу без внимания, то ли гипнотизировала его. Затем она быстро повернулась и скрылась в хижине. Через несколько минут она появилась снова, ее грудь была прикрыта одеянием, сплетенным из копры. За ней шел мальчик, несший маримбу – музыкальный инструмент, сделанный из изогнутых кусков дерева, прикрепленных к пустым тыквенным бутылкам.

Лусунга вошла на небольшой помост, поддерживаемый четырьмя замысловато вырезанными фигурами, и я вспомнил об известном ритуале заклинания палочек, в котором всегда употребляются четыре фигуры. Этот ритуал распространен по всей Африке.

Несчастный отец опустился на корточки напротив колдуньи, в то время как сама Лусунгу и мальчик сели на помосте, поставив между собой маримбу. Лусунгу начала говорить нараспев низким музыкальным голосом. В одной руке она держала погремушку, которой взмахивала, задавая вопросы:

– Зачем ты пришел сюда? О чем ты хочешь посоветоваться сомной? Может быть, тебя не любят женщины или в твоей семье кто-нибудь заболел?

Туземец уже объяснил причину своего появления, но она продолжала задавать риторические вопросы, а он слушал ее с огромным вниманием. Время от времени он так же нараспев отвечал.

Все это время мальчик импровизировал на маримбу. Вся сцена производила какое-то гипнотическое впечатление.

Наконец Лусунгу сказала:

– Болезнь вызвана фетишем, который находился в твоём доме или принадлежал ушедшему и вновь вернувшемуся нгомбо. Мы должны узнать.

Неожиданно она подбросила свою погремушку в воздух. Погремушка упала на помост у белой линии, проведенной параллельно другой – красной. В пророчестве местных колдунов это служит подтверждением справедливости их слов. По толпе прошло движение.

Ройяль наклонился ко мне и прошептал:

– Это тот нгомбо, похороны которого мы видели. И Лусунгу собирается использовать его смерть.

Лусунгу продолжала прорицать в своей напевной манере, обвиняя старого нгомбо в том, что он навлек беду на семью ее клиента. Она заявила, что злой дух старого нгомбо напал на семью несчастного потому, что тот не пришел вовремя к Лусунгу и не попросил ее о помощи в самом начале болезни детей.

Бедняга дрожал в безумном страхе. Он молчал и стоял, не отрывая глаз от черной колдуньи. Она предложила ему оплатить ее услуги, и он передал ей кусок цветастой материи. Лусунгу отпустила его, посоветовав обратиться к нгомбо из соседней деревни. Он был специалистом по опасным заболеваниям и мог спасти его дочерей.

Человек пошел-таки к нгомбо в соседнюю деревню. Нгомбо приготовил смесь из пальмового масла и еще каких-то ингредиентов и

опрыскал ими тело своего мертвого коллеги, после чего дети выздоровели.

На следующий день после нашего прибытия в деревню к Лусунгу пришел за помощью другой человек. То был отец изнасилованной девочки, которая умирала, а потому нуждалась в срочной медицинской помощи. Ей было около восьми лет. Я взял ее руку, но не обнаружил пульса. Затем я вынул из саквояжа стетоскоп и выслушал ее. Мне не удалось обнаружить биения сердца.

– Она умерла, – сказал я, но Лусунгу, наклонившись через мое плечо над девочкой, отрицательно покачала головой. Она склонилась над девочкой и начала дуть ей в рот. Как она узнала, что в ребенке еще теплится жизнь, я не знаю. Однако очень скоро губы девочки дрогнули, и я смог почувствовать ее пульс. Лусунгу мягко сказала что-то на ухо ребенку, и девочка ответила: "Мбуки".

Это было имя напавшего на нее. Лусунгу поднялась и сказала столпившимся вокруг жителям деревни:

– Приведите всех, кого зовут Мбуки!

К ней привели пятерых юношей. Они стояли с опущенными головами и производили жалкое впечатление. На их лицах застыло невыразимое отчаяние, в них было нечто такое, из чего я понял, сколь безграничной властью в тот момент над ними обладала Лусунгу.

Допросив каждого мальчика и ни от кого не добившись признания, она принесла девочку на помост, который есть в каждой деревне.

Затем она произнесла самую невероятную проповедь на моральные темы, которую мне когда-либо приходилось слышать.

– Ни один из мальчиков не совершал этого преступления, – сказала она, – хотя, несомненно, что оно совершено. Виновен в нем ванга – "злой дух", укрепившийся в одном из мальчиков. Этот дух настолько силен, что не позволяет мальчику признаться, поэтому я добьюсь при знания другими средствами.

Мальчики, которым было от девяти до четырнадцати лет, стояли потупившись, но на их лицах не было выражения вины, скорее то было выражение отчаяния. Лусунгу построила их в линию на краю поляны, взяла приготовленную чашу и поднесла ее поочередно каждому. Каждый покорно взял по горстке содержимого-неприятно пахнущего

состава из маниоки, – и все принялись жевать это крахмалистое вещество.

Вдруг Лусунгу отрывисто скомандовала:

– Плюйте!

Она произнесла это так внезапно, что у несчастных не было времени обдумать приказание. Они просто немедленно выполнили его, выплюнув полупережеванную маниоку.

Лусунгу рассмотрела ее и указала пальцем на одного из них.

– Ты виноват!

Мальчик повернулся и бросился в чащу. Его никто не преследовал.

– Пусть бежит, – сказала Лусунгу, и, указывая на полупережеванную маниоку, объяснила:

– Видите, она сухая. Ванга, засевший в мальчике, не смог защитить его, и рот был сухим.

Позднее, вернувшись в Кинсамбе, мы нашли там беглеца, он прибежал в деревню Лусунгу, и здесь его задержали до ее возвращения. Она сурово посмотрела на него и сказала:

– Через три дня ты умрешь.

Она взяла бутылку из тыквы, побрызгала водой и посыпала каким-то красным порошком вокруг хижины, где стоял съжившийся от страха мальчик. Он не высказывал ни малейших признаков сопротивления и не пытался бежать.

Затем Лусунгу повторила свое пророчество жителям деревни. Это был приговор. Никто и пальцем не тронул мальчика. Через три дня он умер...

МАГИЧЕСКОЕ КОЛДОВСТВО

Этическое начало сказывается в магии еще сильнее, чем в мистике. Мало того – эта сфера оккультизма находится под исключительным господством эротики. Рядом с чарами любви мы встречаем всевозможные комбинации половых чар. Колдовство, направленное к расторжению брачных уз, имеет своей противоположностью различные средства, способствующие повышению половой потенции человека. Ворожбе с помощью изображения возлюбленного или соперницы с целью вызвать любовное возбуждение противопоставляется ужасная манипуляция, несущая с собою гибель человеческих чувств, а иногда и полнейшую смерть. Одно приходится тут же отметить: каковы бы ни были всевозможные магические операции, все они ближайшим образом касаются половой сферы. Участие сексуального момента рассматривается, как вернейший залог успеха предпринимаемых мер: особенно верно это в применении к определенной категории магических действий. Там же, где половой момент вторгался в качестве препятствующего начала, он всячески изгоняется. (По материалам Г. Фреймарка. (Прим. авт.))

В сфере любовных чар мы различаем три группы средств, применяемых для достижения определенного эффекта. К первой группе относится вкушение, ко второй – различные органические субстанции, иными словами, речь идет об известных соединениях, вызывающих оккультные явления, в третью группу входят самые разнообразные возбуждающие средства. Первая группа, естественно, является наиболее распространенной. Об этом свидетельствует множество фактов.

Римляне полагали, что пепел гардуна, приложенный к левой руке, сильно повышает половое влечение; но оно, напротив, значительно умеряется, если тот же пепел приложить к правой руке. Кровинка летучей мыши, находящаяся под подушкой женщины, вызывает в последней страстное половое влечение.

Померанец еще в настоящее время глубоко верит в чудодейственную силу, заключенную в крови летучей мыши, в

Штирии девушка кладет своему возлюбленному в вино сердечко летучей мыши. Южная славянка обмакивает панталоны своего возлюбленного в кровь летучей мыши или угощает его конфетами, пропитанными этой кровью. Далее, она нередко дает ему зажаренные внутренности этого животного и часто носит под левой мышкой летучую мышь с тем, чтобы ее возлюбленный окончательно обезумел от страсти. Точно так же и узулка пользуется летучей мышью в своих любовных чарах. Поймав мышь, она помещает ее в новенький горшок, мелко продырявленный во многих местах. Сосуд этот зарывается в глубокий муравейник. Муравьи с жадностью набрасываются на предлагаемую пищу, и, когда от мыши остаются одни только косточки, девушка откапывает горшок и разыскивает в нем те косточки, которые наиболее похожи на вилы или грабли. В полночь самландец убивает сову и выбирает в ней кости, имеющие сходство с крючком или лопатой; все прочее он закапывает под кровельным желобом. Узулка привлекает к себе молодого человека "граблями", а "вилами" она отталкивает от себя предмет своей неприязни. Для этой же цели самландец пользуется своей "лопатой". Узулка умеет пользоваться также и своей менструальной кровью. Она обычно вливает в настойку пару капель воды, в которой вымывает свои грязные рубахи, и этой-то настойкой угощает своего возлюбленного. При этом она тайно причитает: "Подобно тому, как эта кровь пристала к моей рубахе, пусть сердце твое прильнет ко мне в вечной любви". В Кроатии существует такой обычай: незадолго до Юрьева дня девушка, изловив лягушку, помещает ее в коробку. В крышке делается маленькое отверстие, а сама коробка зарывается в муравейник. Лягушку необходимо закопать еще до того, как она успела хоть раз квакнуть. Ибо человек глохнет, если он слышит кваканье такой лягушки. В ближайшее новолуние лягушка вновь откапывается. Девушка отрывает нижнюю челюсть и незаметно втыкает ее в платье своего возлюбленного. С тех пор этот молодой человек подпадает под самое сильное влияние любовных чар этой девушки.

В Богемии существует поверье, что если расцарапать до крови руку девушки с помощью лапки квакши, пойманной в день святого Луки, то эта девушка загорается безумной страстью к тому человеку, который проделал над ней эту операцию.

Словачки называют орхидею с пальцеобразными клубнями "лапкой Христа". Они глубоко убеждены, что достаточно провести этой орхидеей по голому телу возлюбленного, чтобы он оставался верен им навеки.

Очень наивное колдовство мы встречаем у южных славян. Там девушка выкапывает землю, на которой отпечаталась нога ее возлюбленного; эту землю она всыпает в горшок и засаживает туда *calendula officinalis*, которая по-немецки называется также цветком мертвецов, т. к. ее обыкновенно сажают на могилах; заметим кстати, что этот цветок никогда не вянет. Подобно тому, как этот цветок растет, цветет и никогда не вянет, пусть любовь юноши к девушке расцветет и никогда не отцветает. В противоположность этому поэтическому обычаю я приведу здесь один случай, о котором рассказывает Краус. Одна крестьянка горячо полюбила молодого человека, в общественном отношении стоявшего значительно выше ее. Желая привлечь его к себе, она в глубокую полночь убила черную кошку, вырвала из нее сердце и покрошила его на мельчайшие куски. Все это она замесила в пироге, который послала этому господину в качестве угощения к завтраку. Чтобы ожидаемый эффект действительно произошел, этот пирог необходимо было съесть натошак. Но угощение было отвергнуто.

Вообще следует заметить, что средства, необходимые для пробуждения полового инстинкта, извлекаются обыкновенно из животных, отличающихся сильнейшей чувствительностью; у них берутся именно те органы, в которых сосредоточен половой инстинкт, и делается это в такое время, когда чувствительность находится на исключительно высоком уровне. Берется сердце, семя и т.д.

Влияние всех этих веществ, поскольку, конечно, устранена всякая возможность внушения, покоится, вероятно, на тех же принципах, что и органотерапия. Тут в дряхлеющий организм человека вводится мошоночный сок животных, добытый путем многочисленных вытяжек. При вспрыскиваниях в местах уколов наблюдается сильное болезненное воспаление. Но несмотря на эти страдания, вспрыскивания ведут к полнейшему восстановлению сил и обуславливают собой возврат к молодости. Изобретатель, сам испытавший на себе действие своего средства, не мог нахвалиться им.

К более мягким средствам, возбуждающим любовь, принадлежат анис, ир и т.д. Словацкие девушки вплетают в свои косы сухостебельник (*Asplenium Trichomanes* L – особая разновидность папоротника) с тем, чтобы привлечь к себе женихов.

Папоротник приносит молодому человеку счастье в игре и успех у женщин.

Плавун, священное растение друидов, в качестве средства для колдовства служит и словакам. Девушки вшивают его целыми пучками в свои платья с тем, чтобы обзавестись возможно большим числом женихов. Но плавун отличается еще одним свойством: он предохраняет девушек от несвоевременной беременности.

Деревенские девушки перед тем, как начать танцы, кладут себе в ботинки сухотный корень. При этом они говорят:

"Брошу тебя в башмачок, Мой милый коренек; Спеш ко мне дружок".

Точно так же и молодой человек должен всегда иметь при себе ноготки, завернутые в шелковый фиолетовый платок, если он хочет вызвать к себе любовь девушки. Грондола и колючник, смешанные с красным воском, служат причиной страстного расположения девиц к молодому человеку.

Вербена (*verbena officinalis* L) является "прекрасным растением для беспокойных супругов". Никто не устоит перед любовью к человеку, намазавшему свое тело вербеной.

Когда у южных славян возникает семейный раздор, жена берет яблоко и оставляет его на ночь в руках какого-нибудь умершего незаконнорожденного ребенка. Затем она подает это яблоко своему мужу; тот съедает его – и мир снова восторжествовал. С той же целью она иногда заваривает в пищу выделения аиста. В основе этих двух обычаев лежит одна и та же мысль: ограниченная плодовитость и половая неудовлетворенность всегда ведут к спорам между супругами. На это указывают слова: внебрачное дитя и выделения аиста.

В России все эти любовные заклинания совершаются колдунами. Андриан Вебург приводит некоторые из них. Например:

"Навстречу мне вышли семь братьев; семь братьев, семь буйных ветров. Куда вы ушли? Мы были в чистом поле, в широкой степи, мы пронесли над чахлыми травами, убогими лесами, богатыми пашнями. Придите к нам, ветры буйные, утешьте вдов-сирот и

ребятишек маленьких; возьмите скорбь земную и вселите ее в неукротимое сердце молодой девушки N. N. Стальным топором сердце ее рубите, и пусть расцветет в нем скорбная печаль".

А вот еще одно заклинание:

"У моря-океана, на острове Буяне стояло дерево; на дереве том сидело семьдесят птиц; все птицы были похожи друг на друга. Они общипывали ветки и бросали их на землю; ветки эти подбирал черт и уносил их к Сатане Сатановне. Вот где ты, злой дьявол! Здравствуй! Окажи мне милость: зажги сердце N. N. любовью камне. Мое слово крепче стали вечной!"

Боснийская девушка в Юрьев день пристально наблюдает за своим возлюбленным в скобу висячего замка; скобу она затем отворачивает, а сам замочек кладет на большую дорогу. Этот символический акт заимствован, по-видимому, у венецианцев; дело в том, что в венецианском диалекте акт совокупления обозначается словом *ciavar*, что значит – запирать на замок. Символизм, лежащий в основе подобной терминологии, до того понятен и очевиден, что боснийцам, по-видимому, не стоило особенно большого труда постигнуть его; отсюда само собой понятно, что для выяснения причин возникновения этого обычая вовсе не следует касаться отношений Венеции к Далмации и Нижней Боснии.

У южных славян существует такой обычай: в пятницу, совпадающую с днем новолуния, молодой человек или молодая девушка, кладя себе под обе мышки и между ногами по три волоса, раздевается донага и, стоя перед печкой, бросает в огонь эти девять волос и бобы, причитая при этом: "Пусть он (или она) извивается в любви ко мне точно так же, как эти бобы извиваются в огне!" Иные поступают следующим образом: в пятницу до восхода солнца они собирают воду, которую делят на три части. Затем, повернув веник метлой кверху, обливают его водой в течение трех дней: в пятницу, субботу и воскресенье. Вода стекает обыкновенно в миску, поставленную внизу. В этой воде человек умывается, произнося при этом следующее заклинание: "Господи! Зову тебя на помощь! И вас – пятницу, субботу, воскресенье – вас также призываю! Пусть любовь моя течет такими же каплями, как эта вода, стекающая с веника!" Ту же процедуру повторяют в субботу и в воскресенье; существует

поверье, что таким образом легко снискать себе взаимную любовь человека, который до этого решительно отвергал ее.

Как обстояло дело с любовными чарами в Саксонии, мы достаточно подробно знаем из показаний Анны Рёберинг, арестованной в 1529 году по обвинению в колдовстве. Она чистосердечно созналась в том, что пускала в ход всевозможные колдовские средства с тем, чтобы вернуть к себе своего мужа. "Она очутилась перед домом своей матери на берегу шумного потока. Подсев к самой воде, она возложила свои руки на поверхность ее, так что бурные волны обильно орошали ее ладони. При этом она приговаривала: "Я погружаю свои руки в холодные волны, шлю тебе, Ганс, трех послов. Первый посол назван моим именем-Анна; второго зовут Марией, она пошлет к тебе третьего посланца, исполненного светлой радости и божественной любви. Ты, Ганс, возгоришься пламенной любовью ко мне, ты будешь преследовать меня по пятам до тех пор, пока адская страсть твоя не удовлетворится актом обладания".

У бурманов существует особая татуировка для возбуждения любовной страсти. Рисунок изготавливается из особой смеси, состоящей из киновари, различных других трав и раскрашенной кожи ящерицы и представляет собой два круглых пятна, расположенных в виде треугольника между глазами. Иногда, по особому совету знахаря, эти пятна наносятся на губы, часто даже на язык. Среди всевозможных любовных чар эта татуировка представляет собой единственное средство, которым пользуется девушка с целью привлечь к себе объект своей любви. Индейский эротический регламент предписывает женщине оросить желчный камень коровы своей менструальной кровью и провести им по своему лбу; это будто бы должно обворожить ее мужа.

В Китае существует тайное женское общество под названием Mi-fa-chiao (околдование мужчин). Под руководством одной старухи, посвященной в тайны магии, участницы этого общества знакомятся с тончайшими подробностями своей колдовской деятельности. Ночью они все отправляются к могиле какого-нибудь юноши, сохранившего целомудрие до самой своей смерти; откопав могилу, они извлекают оттуда несколько костей, которые прячут дома или всегда носят при себе. И вот когда какой-либо из их мужей в чем-нибудь не угодит им, они особым знаком отмечают на кости время его рождения, а саму

кость зарывают или бросают в море. По словам В. Д. Гольтца, околдованный с течением времени становится сумасшедшим или идиотом; иногда он подвергается весьма тяжелому заболеванию, которое влечет за собой неминуемую смерть.

В странах Ислама широко распространен амулет, имеющий форму маленькой книжки; в ней изложены пять заповедей Магомета, его биография и символ магометанской веры. Но рядом с этим мы встречаем там различные формулы заклинаний. Вот одно из них:

"Если ты хочешь, чтобы в тебя влюбилась женщина, вот тебе верное средство. Возьми бумагу и напиши на ней указанную формулу; затем обмой эту бумагу в соляной воде и натри ею свои половые органы – успех тогда вполне обеспечен. Я решительно утверждаю: отец и мать этой девушки никого слушать не будут, кроме тебя".

По данным Столя, эта формула состоит из целого ряда каббалистических знаков, среди которых можно найти и арабские буквы.

И астрология оказала весьма существенные услуги человеческой любви; по ее указаниям был создан особый любовный талисман. Последний делается обыкновенно из меди, т. к. этот металл присущ Венере, владычице любви, и той звезде, которая руководит любовным чувством в человеке. Для подобного талисмана можно взять первый попавшийся кусок меди, т. к. ее ценность, как металла, всегда остается равной. Конечно, по тем или иным соображениям можно один кусок меди предпочесть какому-нибудь другому. Это весьма важное обстоятельство. Дело в том, что в подобном случае творческая деятельность человека протекает под влиянием двоякого волевого импульса. Что касается формы талисмана, то обыкновенно он бывает круглым. Талисман снабжается всевозможными знаками Венеры; все это совершается в тот день и час, которые посвящены этой планете, т.е. в пятницу, совпадающую с 20 числом месяца. Его носят обыкновенно на шее в маленьком мешочке того же цвета, что и звезда Венеры. Все это вместе взятое отражает в талисмане волю и слово того человека, который изготовил его; оно же обеспечивает ему полнейший успех во всех его оккультных начинаниях.

И современная городская культура не осталась чуждой тому роду колдовства, который именуется любовными чарами. Правда, принципы, выставленные городами, относятся к весьма далекому

времени, что касается их христианской окраски, то она является позднейшим, весьма несущественным придатком. Мы приводим текст одной формулы.

"Если мужчина хочет привлечь к себе женщину, пусть напишет на бумажке следующее: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа (однако не следует писать слова "аминь", ибо это совершенно уничтожает действие применяемого средства). Я, N. N., люблю тебя, N. N. Ты будешь ко мне благосклонна, хотя ты теперь недоступна для меня; ты снова будешь любить меня, хотя в настоящее время ты окончательно оттолкнула меня; ты хочешь отдаться мне, хотя теперь презираешь меня". Затем бумажка сжигается до превращения ее в пепел; с этим пеплом необходимо обращаться крайне осторожно с тем, чтобы он не смешался с пеплом от каких-нибудь других вещей. Затем его всыпают в пищу или какой-нибудь напиток и подают его этой женщине; она, безусловно, полюбит этого человека, независимо от того, хочет она этого или нет. Или бумажка кладется в перья подушки, на которой спит любимая женщина. Результат получится тот же самый".

Все это может проделать и женщина, если хочет вызвать чувство взаимности в сердце любимого ею мужчины. Измена, совершенная кем-либо из супругов, уничтожается тем же способом. Разница между той и приведенной уже формулой заключается в том, что после слов: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа" необходимо написать следующее: "Ты сохранишь полнейшую верность, хотя теперь ты жестоко изменяешь мне; твои глаза будут обращены только ко мне, хотя теперь они разбегаются на всех людях; ты будешь любить только меня, тогда как теперь ты любишь очень многих людей".

Если мужчина любит женщину или женщина – мужчину, причем неизвестно, насколько это чувство встречает отклик в сердце любимого человека, тогда следует поступить так: сосредоточив все свои мысли на предмете своей любви, человек среди глубокой тишины ночи произносит следующее: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа зову тебя, N. N., приди ко мне". Сказав это три раза, он встает, идет к двери навстречу любимому человеку (как будто бы этот человек действительно входит), приглашает его сесть и начинает рассказывать ему о своих невероятных страданиях. Далее он просит дать ему какой-нибудь знак, из которого при ближайшем свидании он мог бы узнать, что не внушает никакого неприятного чувства. Всю эту процедуру он

повторяет в течение трех дней подряд. После этого любимый человек при встрече с ним дает ему желаемый знак.

Католическая церковь придумала иной способ вызывать страсть в сердце любимого человека: целовать его устами, намазанными святым елеем.

Во всех описанных нами любовных чарах мы неизменно находим один и тот же момент: внушение. Действие его протекает в двух направлениях. Ему в одинаковой степени подвержены как те, которые совершают тот или иной обряд заклинания, так и те, которых хотят околдовать этим обрядом. Первые начинают ощущать в себе подъем уверенности и смелости в обращении с людьми противоположного пола; так, например, недоступная девушка делается приветливой, благоразумная легкомысленной. Что касается девушек, то они так или иначе должны узнать о том колдовстве, которое совершается по отношению к ним, в противном случае не будет достигнут желаемый результат; если они непосредственно, при самом совершении обряда, ничего не замечают, то впоследствии все же узнают о нем, заметив, например, в своих платьях воткнутый "крючок". Все эти церемонии, несмотря на их нелепость и бессмысленность, все же не проходят бесследно. По этому поводу Столь говорит: "Если принять в соображение причудливый характер тех психических состояний, которые обозначаются именем "любовь", то вряд ли можно за этими средствами отрицать всякое вообще влияние, будь то влияние прямого или посредственного внушения".

По своей распространенности афродизиаки нисколько не уступают всевозможным средствам внушения. Правда, слово "афродизиаки" употреблено здесь не в том смысле, в каком мы это теперь понимаем. Народное поверье приписывает некоторым, даже самым безобидным растениям силу и способность вызвать в человеке любовную страсть: это преимущественно такие растения, которые по своей внешности напоминают мужские или женские половые органы. Если любовная страсть под влиянием упомянутых растений действительно всплывает наружу, то в этом следует видеть результат внушения, поддерживаемого долголетней, глубоко укоренившейся традицией.

В Галиции бешеная вишня (*atropu belladona*) употребляется во всевозможных любовных напитках. В Буковине существует такой

обычай: в воскресенье на масляной неделе девушка, ищущая любви молодого человека, отправляется в сопровождении своей матери в поле с тем, чтобы отыскать бешеную вишню. Найдя вишню, она вырывает ее и наполняет образовавшуюся при этом ямочку хлебом и солью; туда же она подливает немного воды. На обратном пути она несет эту вишню у себя на голове, причем по дороге она всячески должна избегать споров с окружающими; ей запрещено даже отвечать на вопрос о том, что она несет с собой. В противном случае вишня не окажет никакого действия. К сожалению, здесь ничего не сказано о том, как в данном случае совершается этот акт ворожбы.

Большой интерес вызвал *Phallus impudicus*: загадочным казался процесс его возникновения, не менее занимательны были его форма и запах. "Это растение выходит из земли наподобие яйца (чертово, ведьмино яйцо), затем оно поднимается в виде небольшого penis'a. Когда оно вполне распускается, поднимается страшнейший запах мертвечины, который привлекает мух в громадном количестве; мухи тут же умирают, утопая в липком соку. Penis этот имеет вид маленькой колонки с грязной головкой, окрашенной в зеленый цвет. Получается впечатление нормального penis'a, торчащего вверх и снабженного крайней плотью". Благодаря подобной форме и гриб очень рано был занесен в категорию афродизиаков. Еще в глубокой древности его употребляли для изготовления различных любовных напитков. В средние века видели в нем вернейшее средство поднять половую потенцию мужчины (Вольф ф. Эсен-бач, Парсиваль XIII, 643). А Матхиалис Крубербуч пишет о *phallus impudicus* следующее: "Он укрепляет порочные органы нашего тела. Напиток этот увеличивает также количество молока у матери. Цирцей-ские женщины торгуют этим корнем; они готовят из него любовный напиток". Опыты, совершенные Кромбхольцем с *phallus impudicus*, оказались совершенно безрезультатными; ни животные, ни люди не реагировали на это средство. Правда, в журнале "Neuer Schauplatz der Natur" (Leipzig 1777, Bd. V) по этому поводу сказано: "Гриб вызывает половое возбуждение лишь в том случае, если он вполне расцвел и издает зловонный запах".

Народное поверье обратило внимание и на мандрагор (*atropa mandragora*). Греки полагали, что это именно тот волшебный корень, с помощью которого Цирцея обратила союзников Одиссея в свиней.

Пифагор, Диоскорид и Плиний всячески расхваливали его волшебную силу. Мандрагор – это в сущности тот же библейский корень "dudaim", из которого Давай делал различных идолов; Лея же пользовалась им для повышения своей плодовитости. Ценность этих идолов в средние века была необычайно велика. Пара таких идолов была у короля Рудольфа II, но они были сделаны не из настоящего мандрагора. Говорят, что и орлеанская дева пользовалась мандрагором в качестве волшебного средства. Арабы еще до сих пор видят в нем действенное любовное средство.

Этот корень, измельченный в порошок и принятый в каком-нибудь растворе, вел к беременности. Но его очень редко начали употреблять и в любовных напитках. Афродиту называли еще и Мандрагоритис.

В своем труде "New Kreutterbuch" Леонард Фуч говорит следующее: "Корень мандрагора, положенный под постель или подушку, пробуждает сильную страсть к женщине и подавляет все моменты, уничтожающие половой инстинкт". То же самое действие производит и кориандр. "Его нужно держать целую ночь в крепком вине. Но не следует особенно увлекаться им, т. к. он производит разрушающее действие на умственные способности человека". И льняное семя, "смешанное с перцем, пробуждает естественное влечение в человеке". Совершенно исключительной репутацией пользуются кукушкины слезки. "Мужчины, которые употребляют этот корень, производят на свет Божий мужское потомство".

Далее мы встречаем в книге "New Kreutterbuch" перечисление огромного количества растений, имеющих половое значение.

В богатейшей различными медицинскими травами Мексике мы встречаем массу растений, которые способствуют повышению силы полового инстинкта.

Но вместе с тем Фиш приводит целый ряд таких растений, которые разрушающе действуют на органы оплодотворения.

Кровь, извлеченная с помощью насечки из тел двух супругов, кроет в себе, по мнению многих, волшебную силу. Этой же силой отличаются печень и почки мальчика. Ушная сера в связи с каким-нибудь другим жиром намазывается на хлеб и употребляется в качестве любовного средства. Сладкая слюна, размешанная в каком-нибудь напитке, также применяется как средство для повышения силы

полового инстинкта. Подобную смесь очень легко приготовить, а потому ею пользуются очень широко.

Теперь мы переходим к наиболее интересной группе любовных чар; в этой группе мы действительно встречаемся со всевозможными процессами оккультного характера. Различные процедуры с изображением любимого человека и тому подобные магические операции, усвоенные нами из практики древних веков, глубоко укоренились в психике новейшего времени. Афинские гетеры и римские девственницы отливали из воска изображения своих возлюбленных с тем, чтобы вызвать в них чувство взаимности. Эта же цель преследовалась и при изготовлении всевозможных кукол из шерсти и других материй. Далее сжигались отдельные куски платьев, принадлежащих любимому человеку, или зарывались под порогом. Вырезая имя своего врага на металлической пластинке или прокалывая булавочкой его изображение, человек надеялся добиться его смерти. Последствием могло быть и уничтожение половой силы мужчины... Все эти церемонии, сопровождаемые самыми нелепыми формулами, были усвоены высокопоставленными лицами... Безумие Калигулы было до известной степени обусловлено *philtrum*, который дала ему его жена Ценолия; сластолюбивая Агриппина подсовывала своим фаворитам различные возбуждающие средства с не меньшим успехом, чем ядовитые грибы своему слабоумному мужу.

Подобная мантика известна и так называемым первобытным народам.

Профессор Шинз рассказывает, что африканские ондонги, как и вообще все ветви Аоямбского племени, для сокрушения своего противника пользуются таким средством: сидя за горшком воды, они так долго всматриваются в него, пока там не появится изображение врага; только тогда они начинают произносить соответствующие заклинания. Или, держа в своих руках предмет, принадлежавший их врагу, они произносят над ним целый ряд убийственных заклинаний. Поэтому человек, путешествующий по стране, обыкновенно закапывает все свои вещи с тем, чтобы они как-нибудь не сделались объектом чародейства. По тем же соображениям они обыкновенно засыпают свои экскременты толстым слоем песка. Нечто аналогичное рассказывает Ливингстон о племени макалоло. После стрижки они тщательно собирают свои волосы и сжигают или закапывают их: они

бояться, как бы эти волосы не попали в руки чародея, который причинил бы им своим колдовством сильнейшую головную боль.

То же самое можно сказать и о племени вандороббо, живущем в Восточной Африке. Это же поверье господствует у патагонцев и других индейских племен.

На острове Борнео одна колдунья устранила свою соперницу, сделав изображение ее из воска и растопив его потом на огне. Силы ее соперницы убывали по мере того, как растапливался воск.

Индейцы племени малайали вырезают из стеблей пизанга человеческую фигуру и вбивают в нее бесчисленное количество гвоздей; при этом они распевают всякие чародейские заклинания. Эту фигуру они затем кладут в такое место, по которому должен пройти околдованный. Существует поверье, что у этого человека появляются тяжелые раны именно в тех местах, в которых вбиты гвозди у деревянной фигуры. С этой же целью иногда разламывается палка или ветка; впрочем, этот обычай можно встретить и у южных славян. Чаще всего колдовство совершается с помощью кокосового ореха. В выдолбленную скорлупу ореха кладут рис, уголь, человеческие волосы, маленькие металлические пластинки и все это бросают в колодец, принадлежащий преследуемому человеку, или закапывают на пороге его дома. Результаты подобного приема, говорят, крайне серьезны и значительны.

Мадьярская девушка закапывает волосы своего возлюбленного у порога его дома. И она пользуется менструальной кровью в качестве вернейшего средства для пробуждения любовной страсти. Она проливает несколько ее капель на печенье или фрукты, которыми затем угощает молодого человека. Вместо менструальной крови очень часто употребляется кровь, выжатая из пальца. Южная славянка обмакивает сахар в менструальной крови и заваривает его в каком-нибудь блюде, которое подает своему возлюбленному. Если же замужняя женщина хочет снискать себе любовь своего супруга, то она берет первое яичко, которое снесла черная курица. Семь дней она держит это яйцо у себя под левой мышкой. Все эти ночи она должна тщательно избегать всяких соприкосновений со своим мужем. На восьмой день она из этого яйца делает пирог, который предназначается только для мужа. То же значение, вероятно, имеет и следующий обычай: во время родов женщина берет к себе в кровать рыбу, которую держит до тех пор, пока

рыба не умрет. Затем она заваривает ее и дает своему мужу с тем, чтобы он воспламенился новой любовью к своей супруге. С этой же целью женщина иногда глотает семя, выделяемое ее мужем.

Индийская же эротика полна всяких советов мужчинам.

"Тот человек, который после полового акта берет в левую руку немного семени и касается им левой ноги своей жены, подчинит себе свою супругу".

Далее:

"Если взять свое собственное семя, влить его в брюшко воробья, очищенное от всяких внутренностей, и смешать все это с водой, взятой из *cuphrobia antiquorum* (растение, похожее на кактус); затем, продержав это семь дней, заварить в каком-нибудь блюде и подать женщине, то не только она воспылет к нам любовью, против этого не устоит и жена Вазисты".

Вообще следует заметить, что любовными чарами занимались далеко не одни только женщины. Как в прежние времена, так и теперь, мужчина самым энергичным образом конкурирует на этой почве с женщиной.

Так, например, в Богемии молодые люди подмешивают к различным блюдам и напиткам свою сперму, а затем угощают этим любимых девушек. В Гессене, Шлезии, Ольденбурге и Бадене крестьянские парни носят у себя под мышкой хлеб или сахар; и когда это насквозь пропитывается потом, они угощают этим знакомых девушек. К сожалению, мы не можем в точности сказать, знает ли девушка о совершенной манипуляции или нет. Для того, чтобы сильно привязать к себе молодую девушку, эти парни очень часто, особенно во время танцев, стирают с ее лица пот с помощью платка, который они обыкновенно носят под мышкой.

У индейцев существуют рецепты не только для мужчин, но и для женщин. Вот один из них; он имеет своей целью повышение половой потенции мужчины: "Отвар, приготовленный из *asparagus racemosus*, *astera cantha longifolia* и *gmelina arborea* и принятый рано утром в соединении с менструальной кровью, оказывает самое выгодное действие на половую потенцию и удлиняет человеческую жизнь".

Подобные рецепты знакомы и современной женщине. Вот один из них: "Чтобы вызвать к себе любовь мужчины, надо взять три кофейных боба, поместить их в *vagin'u* и держать там до тех пор, пока

они насквозь не пропитаются находящейся там слизью. Далее, поворачивая каждый боб три раза, необходимо сосредоточить свои мысли на любимом человеке, приговаривая при этом: "Он полюбит меня, он будет верен и ласков ко мне". Ибо один боб означает любовь, другой – верность, а третий-снисходительность. Затем все эти три боба завариваются в какой-нибудь пище, которая подается этому мужчине". Не следует, однако, никому говорить об этой церемонии; в противном случае она остается совершенно безрезультатной.

А вот другой рецепт: "Надо положить несколько волос, принадлежащих любимому человеку, под крышку часов, на самом их механизме; тогда этим человеком овладевает страшное беспокойство, которое прекращается лишь тогда, когда он, наконец, догадается прийти к обладателю часов".

Третий рецепт: "В Иванов день, вечером, сорви несколько листьев сатранила, обмой и высуши их; затем носи их девять дней на сердце своем. Заваренные в пищу и принятые любимым человеком, эти листья оказывают самое благоприятное действие".

Среди южных славян широко распространено следующее средство: несколько волос, принадлежащих любимому человеку, заворачивают в маленькую тряпочку и носят их на голом теле, под самым сердцем. Для того, чтобы возлюбленный пришел, достаточно в первый день новолуния бросить эти волосы в огонь и сжечь их.

В британской Ост-Индии та же процедура совершается с помощью арекового ореха. Там в дело идут и засохшая менструальная кровь, и отдельные частицы слизистой оболочки vulv'Ы. Все эти колдовские вещества завариваются в блюде, составляющем смесь из арека, извести и табака; это блюдо предназначается любимому человеку.

В Новой Гвинее мы находим такой обычай: молодой человек заворачивает в своей сигаре несколько своих волос. Затем он зажигает сигару и передает ее своей возлюбленной. Если та выкуривает ее, то чувство взаимной любви с ее стороны вполне обеспечено. Процесс курения является, таким образом, особым видом любовных чар.

О любовных чарах в Пруссии повествует Фричбиер. Если за ужином, после нескольких глотков вина, вытереть себе губы цветком, взятым в церкви, и подать этот цветок любимой девушке, то он обязательно пробудит в ней чувство любви. И здесь совершаются

всевозможные манипуляции с кровью и потом, подмешанными в различные напитки. Точно так же мы встречаем здесь различные отвары, смешанные с пеплом сожженных вещей. Вопреки южно-славянскому обряду мы встречаем здесь обычай подавать свой передник или носовой платок с целью вытереть руки любимого человека.

Карричтер жалуется: "Ворожба совершается и с помощью восковых изображений; люди наносят таким образом тягчайшие раны друг другу... Этот вид колдовства весьма многообразен. Они делают восковое изображение человека, которого хотят поразить своей неприязнью. Эту фигурку они ставят на полено и стреляют в нее; для этого они всегда имеют при себе маленький лук: стреляют они обыкновенно по тем членам, которые им особенно нравятся. Попав стрелой в ту или иную часть, они тем самым поражают соответствующий орган своего врага".

Об этом типе колдовства Парацельс говорит следующее: "Если я скрываю в себе неприязнь по отношению к какому-либо человеку, то эта неприязнь должна быть устранена с помощью какого-нибудь медиума, т.е. с помощью тела, *corpus'a*. Таким образом, оказывается вполне возможным, что злой дух пронзит и низвергнет моего врага без содействия тела, без меча и ножа. Сообразно моему желанию, я воплощаю дух моего противника в воске, и это изображение я уродую и калечу по своему усмотрению. Знайте, что воля обладает чрезвычайным влиянием. Ибо человек, презирающий себя и накликающий на себя всякие бедствия, в жизни действительно может подвергнуться самым страшным испытаниям, вызванным его же собственными проклятиями, т. к. проклятие черпает свою силу в угнетенном состоянии духа. Поэтому вполне возможно, что изображение человека может быть проклято, что оно может быть подвержено лихорадке, эпилепсии, апоплексии и т.д. Вы, врачи, не думайте, что это шутка; вы совершенно не знаете, как велика сила, присущая человеческой воле. Ибо воля является источником таких духов, с которыми разум ничего общего не имеет. В другом месте мы на ту же тему читаем следующее: "Тело сильно, но вера дважды сильна. И пусть этот пример будет тебе в назидание: ты – материя телесная, видимая; но в тебе заключено еще одно начало-таинственное, незримое. В то самое время, когда тело твоё действует,

работает в тебе и другое, незримое начало. А потому знай: человек сделал восковое изображение своего врага, нанес ему тягчайшие раны, а главное, не забывай, что это изображение имеет своим источником ту таинственную черту в человеке, о которой я говорил. Невидимый в тебе незримо поразил и поверг своего врага. То, что Господь допустил до этого, является лучшим подтверждением тех возможностей, которые мы заключаем в себе; но это нисколько не доказывает, что мы должны использовать все эти возможности. Кто делает это, тот искушает Бога; кто роковым образом пришел к этому – горе его душе! Так поступают все волхвы: они разрисовывают изображение человека на стене и вбивают в него гвоздь. То же совершает и их злая воля: она вбивает незримый гвоздь в таинственную природу врага. Господь! Не допусти до этого! При помощи таких же восковых изображений околдовывают обыкновенно и женщин".

Для того чтобы усилить действие этих колдовских средств, восковые изображения подвергались акту крещения, причем им давали при этом те же имена, которые носили изображаемые лица. Это "крещение" должен был совершать непременно священник; да оно в действительности так и было. В своей книге "Ццтопоташа" Бодин горько жалуется по поводу продажности священников. Он говорит: "Священники дают этим людям святую просвиру, Jungferpergament; они кладут их мерзкие изображения под покров алтаря; они крестят эти изображения, которые во время богослужения покоятся на алтаре".

Далее мы читаем у Карричтера: "Всевозможные пытки, которым чародеи подвергают людей, этим еще не исчерпываются. Здесь мы встречаем своеобразную стряпню, которая служит средством колдовства. Этим обыкновенно занимаются служащие, покинутые своими возлюбленными. Во имя дьявола и в угоду ему они откапывают различные корни, заваривают их в новом, специально для этой цели купленном горшке, подмешав к этому несколько волос, принадлежащих любимому человеку. При этом они выкрикивают его имя. Если он почему-либо не услышит их и не придет, то его постигает умопомешательство, а иногда и смерть".

Лучшим и наиболее достоверным примером колдовства этого рода является процесс, возбужденный против генеральши фон Нейтшульц. Она была матерью Сибиллы фон Нейтшульц, любовницы Иоанна Георга IV Саксонского. Ее обвиняли в колдовстве. Обстоятельства дела

представляются в следующем виде. Магдалена Сибилла фон Нейтшульц, дочь саксонского полковника, родилась 8 февраля 1675 года. Когда ей было всего только тринадцать лет, своей редкой красотой она привлекла к себе внимание всего двора курфюрста Иоанна Георга III Саксонского. Высокопоставленные лица, находившиеся при дворе, всячески добивались ее руки; среди них следует особо упомянуть коменданта дворца фон Хаксхаузена и графа Витцзума, любимца короля Фридриха Августа. И вдруг перед ними предстал серьезный соперник в лице красивого, молодого кронпринца, страстно влюбившегося в эту девушку. Это обстоятельство весьма не понравилось родителям молодого кронпринца; желая покончить с этой привязанностью, они послали его в далекие путешествия и заставили принять участие в нескольких походах против Франции. Но вот умер его отец, курфюрст Иоанн Георг III. Молодой человек приобрел полнейшую свободу и самостоятельность и, не успев еще вполне устроиться в Дрездене, он открыто объявил г-жу Нейтшульц своей фавориткой. Мать курфюрста, потеряв всякую надежду на исправление сына, решила на последнее средство – брак. К сожалению, ее выбор был не вполне удачен: он пал на вдову маркграфа Ансбаха, женщину, которая была гораздо старше курфюрста; что же касается ее внешности, то, по свидетельству историков, она была далеко не красива, хотя осанка ее была полна достоинства и серьезной строгости. Брак был заключен в Лейпциге в 1692 году во время весенней ярмарки (большая месса) и, вопреки установившемуся обычаю, он прошел без всякой торжественности и пышности. Вместе с тем разнесся слух, будто курфюрст удалил от себя любимую им девушку Нейтшульц, назначив ей годовое содержание в четыре тысячи талеров.

В действительности же дела обстояли не так. Через некоторое время графине Нейтшульц снова представился случай убедиться в пламенной любви к ней курфюрста. Вполне понятно, что все ее старания были направлены к тому, чтобы возможно сильнее упрочить свое положение. В этом ей оказывала сильную поддержку ее мать. Тем временем Нейтшульц, сопровождая Курфюрста в поход против Франции, родила во Франкфурте девочку. Это обстоятельство еще сильнее привязало к ней курфюрста. Однако домогательства графини Нейтшульц заходили гораздо дальше. Она хотела, чтобы ей был

пожалован княжеский титул: этим самым она приобрела бы возможность вступить в брак с курфюрстом. Но тут произошло одно обстоятельство, которое разрушило все планы матери и дочери: Нейтшульц заболела оспой и умерла 4 апреля 1694 года. На похоронах ей были отданы княжеские почести; при благовесте всех церквей она была погребена в княжеской гробнице в придворной церкви св. Софии в Дрездене.

Но недолго пришлось горевать курфюрсту. Сидя у постели больной, он впитал в себя яд оспы. Через некоторое время он также заболел оспой, и в двадцать дней его не стало.

Со смертью курфюрста постепенно начала раскрываться таинственная роль, которую играли мать и дочь в своих отношениях к нему. Разоблачения эти вызвали бурю негодования, как при дворе, так и во всем народе. Был обнаружен факт колдовства и убийства курфюрста и его отца, Иоанна Георга III.

В письме одного дрезденского советника, относящемся к тому времени, мы читаем следующее: "Вы достали где-то несколько волос, принадлежащих курфюрсту Иоанну Георгу III, замесили их в воске или каком-нибудь другом чародейском ингредиенте и сделали из этого маленькую человеческую фигурку. Затем, проткнув ее булавкой, вы начали растоплять ее на магическом огне. Этим самым вы хотели околдовать курфюрста; вы призывали всяческие проклятия на его голову; вы желали, чтобы кости его лишились мяса, чтобы его внутренности испарились, словом, вы хотели, чтобы он погиб. Вы достигли этого: через четыре дня после вашей злодейской операции он скончался. В вашей власти, конечно, было усилить или ослабить боли курфюрста; для этого вам достаточно было по своему усмотрению увеличить или уменьшить магический огонь".

И действительно, при вскрытии трупа курфюрста оказалось, что его "легкие отвердели; цвета они были фиолетового, смешанного с красным; в них не видно было ни одной кровинки. Сердце находилось почти в таком же положении, что и легкие; и в нем не видно было никаких, даже самых отдаленных признаков крови".

"Своей преступной чародейской игрой вы пробудили сверхъестественную любовь в сердце молодого курфюрста. Вы держали котел на вечном огне и варили в нем различные колдовские снадобья. Этим вы окончательно обворожили курфюрста. И вот, когда

он в своей бесконечной любви припадал к устам своей супруги, его обжигал сильнейший магический огонь, и в душу его проникали ужас и смятение. Но стоило ему приласкать Нейтшульц-злодейский огонь соразмерно падал, и курфюрст предавался усладе и покою".

Но этим Нейтшульц не ограничилась. По совету своей матери, она часто угощала курфюрста паштетом, орошенным ее кровью и кровью ее матери. К ее левому колену был постоянно привязан маленький пучок волос, вырванных у половых органов курфюрста. В связи с процессом, возбужденным против генеральши фон Нейтшульц, была открыта могила ее дочери; тут у нее на плечах нашли ленту, сотканную из волос курфюрста. В этом факте также узрели чародейскую проделку генеральши: она будто бы снабдила этим свою дочь с тем, чтобы последняя увлекла с собой в могилу и Иоанна Георга 1П. Г-жа Нейтшульц замышляла подобное же злодеяние и против Августа Сильного. Но ее замысел был раскрыт, и против нее было возбуждено уголовное преследование.

Далее мы приводим приговор, вынесенный по этому делу; мы, конечно, при этом опустим все те пункты обвинения, которые никакого отношения к разбираемому нами вопросу не имеют:

"Что касается колдовства, которое вменяется в вину подсудимой, то, как из собственных ее показаний, так и из показаний многочисленных свидетелей, ясно видно, что она была подвержена различным суевериям, часто пророчествовала, читала по звездам и т.д. Она верила в то, что человека не может постигнуть жестокая кара, если он увидал своего судью раньше, чем судья успел заметить его. Кроме того, у ее подруги Петшафт были найдены различные письма любовного содержания и целый ряд всяких подозрительных вещей. Надо полагать, что все это было оставлено у подруги лишь из предосторожности. Из вещей, найденных там, особенный интерес представляют следующие: три красных мешочка, наполненных полотняными лоскутками; все эти лоскутья были покрыты густой, запекшейся кровью; далее, три коралла, кусок пергамента, на котором были написаны какие-то неизвестные слова, портрет св. Анастасия, нарисованный на пергаменте, с подписью: "Effigies Sancti Anastasii Mart. ord. Carm. cujus aspectu fugari Daernones morbosque curari Acta duor Concilior. fessantur". Далее там были найдены: икона Спасителя, маленький кусок бумажки, в которую был завернут красивый цветок, и

несколько кусков полотняной материи, покрытой кровавыми пятнами. Подсудимая вела знакомства с лицами, заподозренными в занятии колдовством; всех их она охотно принимала, выписывала из самых отдаленных стран и относилась к ним с величайшей теплотой и радушием. Но ближе всего она сошлась с известной ведьмой, Анной Маргаритой Бурмейстерин. Щедро наделяя ее различными подарками, она искала ее поддержки в своих коварных замыслах. Она хотела, чтобы фон Хаксхаузен женился на ее дочери, чтобы ее муж, генерал Нейтшульц, был возвращен к своей прежней деятельности; далее, она всячески стремилась к тому, чтобы тогдашний кронпринц Иоанн Георг IV полюбил ее дочь сильной, вечной любовью. К первому желанию ее г-жа Бурмейстерин отнеслась крайне отрицательно; она утверждала, что г-н фон Хаксхаузен никогда не женится на ее дочери, т. к. он достоверно знает, что она – продажная женщина. Что же касается всего прочего, то, по ее мнению, не следует особенно торопиться; необходимо выждать момент, когда положение дел примет более благоприятное направление. Впоследствии оказалось, что через самое короткое время умер курфюрст Иоанн Георг III.

...Показания свидетельницы Краппин также наводят на сильные подозрения. По ее словам, та же участь готовилась курфюрсту Иоанну Георгу IV. Маргарита Бурмейстерин пророчествовала ему какое-то несчастье, которое должно было постигнуть его через два или три дня. И, действительно, через несколько дней курфюрст, неудачно ступив, упал, причинив себе этим страшнейшие боли. Далее, был намечен день его кончины, которая должна была наступить через три года, что в действительности и произошло.

Что касается пламенной любви курфюрста к дочери подсудимой, любви, навеянной колдовскими средствами, то следует в общем заметить, что курфюрст отличался весьма рассудительным умом, что он крайне отрицательно и враждебно относился к женщине. В этом отношении и дочь подсудимой не составляла исключения: курфюрст глубоко презирал ее, и все гнусные проделки, с которыми ему приходилось сталкиваться, он неизменно приписывал фон Нейтшульц; так, например, когда был найден мертвый ребенок, курфюрст, не колеблясь заявил, что это дело рук его любовницы фон Нейтшульц. Далее, курфюрст, вступив в законный брак со своей супругой, принял твердое решение удалить от себя дочь подсудимой; но выполнить это

намерение ему не удалось: он не только проводил с ней большую часть времени, но даже посвящал ей целые ночи. Из показаний различных свидетелей выяснилось, что, как колдунья Бурмейстерин, так и сама подсудимая, очень часто говорили: нет ничего невозможного в том, чтобы два человека, близко сошедшиеся друг с другом, вспыхнули страстной взаимной любовью. "Моя дочь, – говорила подсудимая, – находится в самых близких отношениях с одной высокопоставленной особой, но все же это еще нельзя назвать настоящей любовью; когда воцарится истинная любовь между ними, Бог пошлет спасение молодому курфюрсту, а ведьма Бурмейстерин также не останется без награды". Сама фон Нейтшульц показала, что Краппин велела ей принести несколько волос ее дочери и курфюрста. С чародейским искусством Краппин познакомилась по известным руководствам, относящимся к этому вопросу; она, по ее же собственным словам, вычитала из какой-то книги следующий совет: "Чтобы привязать к себе мужчину страстной, пламенной любовью, необходимо начертать на своей руке определенные знаки, специально предназначенные для этой цели". Надо полагать, что подобные знаки были начертаны и на руках дочери подсудимой, весьма вероятно, что, целуя курфюрста, она держала во рту какое-нибудь чародейское снадобье. Все это, вместе взятое, послужило причиной того, что курфюрст страстно полюбил ее и не в силах был расстаться с нею. Многочисленные показания свидетелей наводят на мысль о том, что к этому колдовскому заговору был приобщен и грацкий палач, Йохан Мельхиор Вогель. Последний дал самые подробные объяснения относительно любви, существовавшей между Иоанном Георгом IV и фон Нейтшульц, вообще он рассказывал очень много любопытного относительно поведения подсудимой и ее дочери.

"Далее необходимо остановиться на том факте, что как графиня фон Нейтшульц, так и сама подсудимая, носили на своей шее маленькие мешочки, наполненные так называемым *Spiritus familiaris*, что подобные мешочки они зашивали в платья, принадлежавшие сыну курфюрста. Кроме того, графиня оторвала кусок своей рубахи, забрызганной менструальной кровью, присоединила к нему еще один кусок материи, пропитанной потом курфюрста, и отправилась в Бартоломееву церковь в Дрездене, она свернула их там и спрятала в маленькую коробочку. Это, по мнению чародеев, должно вызвать в

любимом человеке чувство взаимной страсти. В комнате жены курфюрста воскурялся волшебный фимиам, который должен был привести курфюрста к неминуемому, резкому разладу со своей супругой; были предприняты все меры к тому, чтобы внушить курфюрсту отвращение к половому сожителю с его супругой. Курфюрст нередко жаловался, что всякий раз, когда он хочет остаться со своей супругой, его охватывает такой бесконечный ужас, что он вынужден оставить ее и вернуться к себе в комнату, т. к. только там к нему возвращается его обычное спокойствие.

Подсудимая обыкновенно сопровождала свою дичь по дороге в курфюрстов замок; она, по ее же собственным словам, благословляла ее крестным знамением всякий раз, когда графиня должна была оставаться целую ночь с курфюрстом. Но свои колдовские проделки подсудимая не оставила и после смерти графини. Она положила в гроб своей дочери портрет и волосы курфюрста, несмотря на протесты всех придворных врачей.

Из всего обвинительного материала, собранного по этому делу, явствует с очевидностью, что одна подданная наша совершила неслыханное злодеяние против двух первых лиц нашей страны: курфюрста и его супруги. На основании этого против нее возбуждается преследование за посягательство на существующий строй и за оскорбление верховной власти. Да совершится над ней суд по всей строгости законов наших".

К генеральше была применена пытка, которую, однако, вскоре оставили. Через полтора года она была выпущена на свободу. Поселившись в имении своего сына, она там и кончила свой бурный век.

Чтобы уяснить себе сущность того процесса, который происходит при различных операциях с изображениями людей, вспомним то место из Канта, где он говорит о материи. В статье "Тгдшпеп ernes Geistersehers" мы читаем: "В материи, по-видимому, заложено какое-то духовное начало, тесно связанное с нею. Это начало ничего общего не имеет с теми силами, которые определяют взаимоотношение между отдельными элементами материи; оно является скорее ее внутренним принципом". Каково это начало? На этот вопрос мы можем найти приблизительный ответ в исследованиях Иегера. Он установил, что последние остатки материи, отделяющиеся при процессе разложения,

должны подвергнуться окислению с тем, чтобы устранить их из всей совокупности материи и дать свободный ход тому жизненному процессу, который протекал до тех пор. При этом окислении освобождаются чрезвычайно утонченные вещества, к которым неприменимы никакие методы химического исследования. Эти вещества Иегер называет жизненным двигателем; в них он видит источник различных физических и психических состояний, вроде радости, гнева, ужаса, грусти и т.д.

Всякий раз, когда возникает определенное взаимодействие между телом и духом, эти вещества приходят в состояние крайней активности. Так, внешнее раздражение, достигшее какого-либо органа нашего тела, вызывает некоторое разложение нервной и мозговой протоплазмы; другое дело-волевой импульс, который с помощью сокращения мускулов ведет, например, к поднятию руки. Отсюда как бы само собой следует, что возникновение этого своеобразного вещества привело в первом случае к освобождению чувственного раздражения, тогда как во втором случае оно явилось причиной воздействия волевого импульса на нервную систему.

Жизненный двигатель относится к элементам материальной природы; вместе с тем он лишен видимости и материальности химической субстанции. Его можно уловить чисто физиологическим путем; наблюдая биение пульса или дрожание руки, мы тем самым имеем дело с проявлениями жизненного двигателя. В связи с этим он должен занять совершенно особое место среди прочих химических веществ, подобно своеобразно действующим эманациям неорганических тел, которые мы не без удивления заметили на примере радия.

Тот факт, что в вопросе о жизненном двигателе речь идет об отложениях протоплазмы – этой основной материальной субстанции всех органических существ, свободно обращающихся как в организме, так и вне его, – делает еще более правдоподобным предложение о том взаимоотношении, которое существует между ним и человеческим духом.

Жизненный двигатель играет первенствующую роль во всех исследованиях, произведенных де Рочасом, профессором Луисом и т. п. Де Рочас совершил много опытов над различными лицами, на которых навевал сомнамбулистический сон. При этом неизменно

обнаруживался один и тот же факт: исчезновение чувствительности кожи. Но вместе с тем он установил, что эта чувствительность на самом деле не исчезает; здесь вокруг тела сомнамбулиста скорее возникает целый ряд концентрических, чрезвычайно тонких слоев магнетического или, по терминологии Рейхенбаха, одического характера. Сами по себе эти слои обладают большой чувствительностью, но они отделены друг от друга промежуточными зонами, лишенными всякой чувствительности. Расстояние между двумя смежными слоями равно 3-6 сантиметрам; самый нижний слой отстоит от тела на расстоянии 1,5-3 сантиметров; некоторые из них расположены на расстоянии нескольких метров от тела. Если поместить стакан воды в области того слоя, который непосредственно примыкает к телу, то при этом появляется "одическая тень", и вода, поглощающая од, приобретает крайнюю чувствительность. Если вода в достаточной степени насыщена одом, то на ее поверхности появляется одический пар. Вместе с тем возникает магнетическое взаимодействие между одизированной водой и тем лицом, над которым совершается опыт: всякое прикосновение магнетизера к воде вызывает у со-мнамбулиста боль в тех частях тела, около которых находился стакан и из которых излучался од.

"Опыты, таким образом, вполне подтверждают как теорию Хумбольдта и Рейля о нервной атмосфере, так и учение Рейхенбаха о оде, который был назван Месмером животным магнетизмом. Люди с глубокой серьезностью заговорили о магнетизированной воде, которая в течение столетий вызывала ироничную улыбку на устах ученых. Оказалось, что феномены животного магнетизма, в которых хотят видеть результат внушения, покоятся, по крайней мере, в известной степени на почве реального одического излучения, что магнетическое взаимодействие, которое также пытались свести к явлениям внушения, обуславливается особой одической спаянностью. Ведь внушение можно себе представить лишь как воздействие одного мозга на другой; но как объяснить влияние безжизненного предмета на мозг? Рочас, однако, показал нам, что не только вода, но и жирные, липкие вещества обладают способностью впитывать в себя од и сообщать чувствительность телу. Он поместил маленькую восковую статуэтку в сферу одической чувствительности и уколол ее несколько раз иголкой; это вызвало сильную боль в тех частях тела сомнамбулиста, к которым

примыкал данный слой ода. В голову восковой фигурки Рочас вложил несколько волос, вырванных на затылке одной сомнамбулистки: эту фигурку он передал другому лицу, которое и унесло ее. Затем он разбудил сомнам-булистку и начал с ней беседовать. Вдруг она хватилась за голову и вскрикнула, что кто-то тянет ее за волосы. Далее был сделан такой опыт. Фотографическая пластинка была помещена в экстериоризиро-ванный слой ода, и вместе с тем был сделан снимок с сомнамбулистки; но магнетизер нечаянно задел иголкой фотографию – вдруг раздался страшный крик, и сомнамбулистка впала в беспамятство. Оказалось, что у нее заболела правая рука, т.е. именно то место, которое было задето иголкой на фотографии. Когда она пришла в себя, на ее руке были заметны две красные царапины, которых у нее раньше не было и которые вполне соответствовали расцарапанным местам фотографии. В другой раз Рочас навел иголкой на фотографической пластинке скрещенные руки; сомнамбулистка ударилась при этом в слезы, и через две-три минуты появились соответствующие отогнаты. Возможность внушения или самовнушения здесь совершенно исключена; дело в том, что Рочас намеренно отвел свои глаза, когда расцарапывал пластинку; кроме того, сомнамбулистка не знала, в каких местах карточка была расцарапана.

...Рочас поднес раствор глауберовой соли к руке спящей девушки; затем он велел кристаллизовать этот раствор. Лишь только это было сделано, у сомнамбулистки появилась контрактура руки, сопровождаемая сильнейшими болями. Через двенадцать дней в эту кристаллизованную массу было опущено острие кинжала. Сомнамбулистка, находившаяся в соседней комнате, почувствовала этот укол и страшно вскрикнула".

Подобные эксперименты были совершены и д-ром Джойром (Sille). Он нашел, что субъект ощущает прикосновение к воде, содержащей в себе различные экстериоризированные вещества, но что он несколько не реагирует на свои прикосновения к стакану, который содержит в себе эту воду. По этому поводу он говорит: "Вряд ли субъект не ощущает при этом (при прикосновении к стакану) никакой дрожи. Если речь идет о самовнушении, то именно эта дрожь должна явиться условием удачного внушения; на самом же деле, субъект ровно ничего не ощущает. Но если я погружаю в воду иголку, то этот укол

сообщится данному субъекту, хотя здесь о механической или какой бы то ни было другой дрожи и речи быть не может".

Астер Денис, директор гипнотического института в Вербье, сообщает следующие данные относительно своих экспериментов:

"Мне посчастливилось. Мне не только удалось достигнуть экстери-оризацию; я дошел даже до колдовства, как традиционно именуется это явление. При этом я поступал таким образом. Чтобы устранить всякий изменнический шум и предвзятое мнение субъекта, я обыкновенно брал для опыта такой предмет, который не мог бы возбудить его внимание, например, печеное яблоко, которое будто бы случайно осталось на столе. Сомнамбулистка давала самые точные сведения относительно того, что я проделывал над этим яблоком: за ее глазами я колол его, мял, магнетизировал и т.д. Когда она возвращалась к сознанию, я продолжал свои операции над яблоком, но делал я это так, что она абсолютно ничего не знала об этом. Впоследствии я из ее же слов убедился, что все эти операции физически отражались на ней".

Все эти эксперименты приводят нас к той мысли, что предметы, с которыми мы приходим в более или менее продолжительное прикосновение, приобретают нечто такое, что вызывает в нас ощущение какой-то интимной близости к ним. Это положение вполне подтверждается приведенными уже нами примерами, взятыми из области любовных отношений. Согласно исследованиям Иегера, это "нечто" заложено в выделениях человеческого организма; им пропитаны волосы человека, его платья и все объекты его страсти. Если проделать над этими предметами какие-нибудь магические операции, то действие их, как показывают опыты де Рочаса, тотчас отразится на том человеке, которому эти предметы принадлежат. Что касается тех случаев, когда органические субстанции околдованного лица попадают в руки колдуна, то здесь приходится констатировать такой факт: вместе с органическими субстанциями в руки колдуна переходит жизненный двигатель, так что устанавливается известное взаимоотношение между двумя лицами, из которых один только колдун приобретает первенствующее влияние в упомянутом процессе. В различных процедурах с изображениями человека роль внушения является крайне случайной. Вопрос о том, какие именно материальные субстанции применимы в подобных случаях, лишен для нас всякого

значения. В "Hexenhammer" мы находим пример одной женщины, которая "не только околдовала, но и убила трех аббатов, да и вообще всех монахов, находившихся в монастыре. Четвертого аббата она точно таким же способом свела с ума, в чем она сама открыто созналась. Ведь она нисколько не побоялась открыто заявить: "Да, я это сделала и сделаю еще! Вам никак не удастся убить в себе любовь ко мне, ибо вы сожрали такую массу моих экскрементов". Этому можно было бы противопоставить пример, приводимый Киндом. Один его знакомый, юрист, называл *faeces dominae* "манной небесной"; он вкушал эту "манну" как приятнейшие южные фрукты. Но это противопоставление ничего не объясняет. Правда, психологическая восприимчивость вполне объясняет конрофагическую страсть; но она не дает никаких объяснений в тех случаях, когда человек не знает, кому принадлежат органические субстанции, попавшие в его руки. Кроме того, колдовство всегда связано с определенной личностью, чего не видно в случаях половых аномалий. Поэтому необходимо предложить здесь наличие более тесного, внутреннего взаимоотношения.

Но область половой магии далеко еще не исчерпывается одними любовными чарами. Борин уверяет, что существует целых 50 способов, с помощью которых люди расстраивают почему-либо нежелательную свободу. С этой целью берутся ленты самых разнообразных материй; их связывают в запутаннейшие узлы, которые прячутся и зарываются вблизи того места, где живет данный человек.

Очень часто пускают в ход иголку, которой шьют саваны. Ее сгибают в колечко так, чтобы острый конец прошел в ушко, и затем ее закапывают в том месте, где мочился человек, которому хотят причинить неприятность.

Навести порчу – обряд, известный и в Вест-Индии. Идя в поход против главного города Мексики, солдаты Корта проходили какую-то сосновую рощу, деревья которой были увешаны различными узлами, бумажками и т.д. Им объяснили, что чародей Тлаксколы хочет навести на них порчу и лишить их мужества и силы. Это вызвало среди солдат гомерический хохот. По этому поводу Столь замечает: "Если бы этот же обряд совершили их собственные испанские колдуны, то им, пожалуй, было бы вовсе не до смеха. Из этого примера можно видеть, каково значение этого обряда. Он, естественно, относится к категории способов внушения".

В 113 главе Корана мы находим статью о "женщинах, которые плетут узлы". Это, как и следующая, 114 глава, было, вероятно, опубликовано лишь после того, как Магомет сам освободился от порчи, наведенной на него. По свидетельству арабского писателя Гелала, виновницами этой порчи были две еврейские девушки, которые связали для Магомета веревку в одиннадцать узлов. Гелал при этом замечает: "Они дули на эти узлы и приговаривали какие-то незнакомые слова".

Бесчисленны также способы поднятия половой потенции человека. Khodja Omer Nabely Abu Offunap предлагает такой совет: "Если ты хочешь пробудить половую потенцию в человеке, прикажи ему совершить обычные омовения и молитвы: затем положи указательный палец правой руки на самый конец его члена, а левой рукой прикрой его живот; пусть он при этом смотрит тебе прямо в глаза. Затем, впериw в своего пациента пристальный взор, читай про себя две последние главы Корана и скажи ему громким, внятным голосом: иди! колдовство уничтожено – ты обрел половую силу".

У южных славян существует такой обычай: если муж не способен к деторождению, то жена, нарвав кленовых листов и размахивая ими над его половым органом, причитает: "О клен, зеленое дерево! Подобно тому, как цветут твои почки, пусть расцветет и сила моего мужа!" Для этой же цели применяются также ивовые прутья. Если житель северной Далмации не в состоянии удовлетворить свою молодую жену, то его теща делает вот что: она разводит огонь и нагревает на нем воду. Нагрев ее, она берет три горячих угля и бросает их в эту воду. При этом все мысли ее сосредоточены на тех людях, которые навели порчу на ее зятя. Затем она вымывает его половой орган в этой воде, и к нему возвращается его прежняя сила.

А иногда в подобных случаях применяется следующее заклинание: в сумерки жених и невеста выходят на пашню, где пахарями оставлен плуг. Они разнимают плуг, разбрасывают его составные части направо и налево и идут вперед, держась за руки. Разрушая плуг, они тем самым хотят раздавить силу того злого духа, который причиняет им неприятности в их любви. Одна северо-далматская колдунья советует следующее: она передала одной матери, искавшей помощи для своей дочери и зятя, терновник и боярышник с тем, чтобы ее дочь сделала из этих растений маленький кружок,

причем отверстие его должно быть так широко, чтобы через него мог пройти половой орган зятя. Этим отверстием он должен пользоваться в течение целых суток всякий раз, когда ему нужно будет спускать мочу. Это принесет ему спасение. В этих случаях главную роль играют различные растения, которые являются символами духа дерева.

В Западной Богемии существует поверье, что бедствие, ниспосланное колдовством, можно устранить, спуская мочу на старую метлу.

В Хорватии женщины, которые хотят оставаться бездетными, поступают следующим образом: во время менструации они берут три горячих угля и тушат их в своей крови. Но если она переменит свое решение, то ей достаточно бросить один из этих углей в огонь. В последнем случае она родит ребенка еще в настоящем году. Или она достает у какой-нибудь женщины шнурок, которым были перевязаны руки мертвеца в первую ночь, и перевязывает им свое голое тело. Теперь она уже может сделать со своим мужем все, что угодно, — детей у нее не будет.

Если невеста в будущей своей супружеской жизни не хочет рожать детей, то она в день свадьбы, во время купания, берет к себе в ванну висячий замок, ключик к нему и одну серебряную монету. После купанья она прячет это у себя за пазухой и отправляется на свадьбу. Она останется бездетной до тех пор, пока на те деньги, которые в свое время взяла с собой в ванну, не купит себе чего-нибудь съестного и сама этого не съест. Но если она теряет монету, то детей у нее не будет никогда.

В комитете Пест невеста, желающая остаться бездетной, бросает во время свадьбы из своего свадебного венца рис в огонь. Или в своей крови она тушит розмарин, который, по народному поверью, служит средством предохранить себя от беременности. В Кремнице мать бросает запертый замок в воду с тем, чтобы дочь ее не рожала детей. В Бекезер-ском комитете невеста получает в руки запертый замок, скважину которого заполняют просом. Если замок как-нибудь случайно откроется, то колдовство не удалось.

Точно так же поступает покинутый мужчина, горящий мстью к той девушке, которая отдала предпочтение другому человеку. Он берет висячий замок, открывает его и подкарауливает свадебный кортеж. Затем он бросает из своей засады этот замок в брачную чету. Ключик

он оставляет у себя, а иногда бросает вместе с замком. Этот вид колдовства ведет к тому, что невеста теряет способность принять семя или жених оказывается импотентом. Их полное исцеление может произойти лишь тогда, когда чародей, найдя этот замок, откроет его. Или в день свадьбы он бросает запертый замок в море со словами: когда этот замок всплывет на поверхность моря и будет кем-нибудь отперт, только тогда удастся жениху лишиться свою невесту девственности! Мужчина теряет при таких обстоятельствах способность к половому сожителству с женой. Точно так же поступают и девушки.

Южный славянин всюду применяет половые чары. Должен ли он изгнать беду, хочет ли попытать счастья – во всех этих случаях он одинаково пускает в ход половые чары. Если он боится судебного приговора, он обращается к своему половому органу и поручает ему принять кару, сваливая ее таким образом с себя. Ищет ли он покупателя, хочет ли он богато жениться – всюду он зовет на помощь половые органы. Недаром он окрестил их именем "жизнь" и "сила". Иными словами, в этом для него воплотилось решительно все в мире.

Все, что имеет какое-нибудь отношение к половым органам, эксплуатируется в интересах колдовства. На первом месте здесь, конечно, стрит менструальная кровь женщины. Если фруктовые деревья засыхают и не приносят плодов, то молодая женщина, вымывая во время менструации свои половые органы, обливает этой водой деревья и приговаривает: "Этим цветком вас никогда еще не обливали! Смотрите – вот пришел цветок, и вы пышно расцвели перед всем миром. Без цветка моего я жить не могу – ивы не живите без плодов!" Отправляясь в поле пахать, заворачивают зерна в рубаху молодой девушки, подвергшейся первый раз в своей жизни менструации; это, согласно народному поверью, дает богатый урожай. Или закапывают несколько булок, испеченных в менструальной крови, на пороге дома – это приносит удачу предпринимаемому делу.

Менструальная кровь употребляется в качестве целебного средства против всякого рода болезней: перемежающейся лихорадки, водобоязни и т.д. Это средство вернее всего действует в тех случаях, когда женщина, у которой взята кровь, не знает, какое применение дадут этой крови, особенно целительна кровь молодой девушки, первый раз перенесшей менструацию.

С другой стороны, менструальной крови приписывают целый ряд отрицательных качеств. Она окисляет вино, наводит ржавчину на железо, портит посевы.

"Даже всепожирающий огонь, и тот не в состоянии уничтожить силу этой материи. Умойте пурпурную материю, намазанную ее пеплом, и краска спадет; даже цветы теряют свою краску. Сами женщины ясно ощущают на себе действие этого яда: намазанные в определенных частях пеплом этой материи, они теряют способность донашивать своих детей".

Большой ценностью обладает семя. Строя дом, человек кладет под первый фундаментальный камень семя. Если женщина хочет иметь умных, рассудительных детей, то она должна взять к себе в кровать семя мужчины. Человек, желающий отвратить от себя колдовское наваждение, должен сам себя удовлетворить, приговаривая при этом: "Пусть счастье поможет мне в жизни, пусть ни одна женщина не учинит мне зла, а наслаждение я сам себе доставлю".

Южные славяне делают амулеты из половых органов животных. Яички кота носят обыкновенно в записной книжке, чтобы дело преуспевало. Козлиные яйца кладут в голубятню, чтобы предохранить себя от дьявола. Против половой импотенции употребляются половые органы самых разнообразных животных: лисы, волка, оленя и т.д.

Но если на низшей ступени культурного развития главную роль играют половые органы животных, то на высшей ступени эта роль отведена *fascinum'u* (амулету). Он является предохранительным средством против разнообразнейших видов колдовства, а особенно против "дурного глаза". Талисману придавали самые разнообразные формы. Рядом с самым простым изображением мужского члена мы встречаем здесь крайне причудливые комбинации, центром которых все же является половой орган. Рука, сложенная в фигу, также являлась излюбленной формой талисмана. В Португалии фигуа до сих пор еще играет роль амулета, предотвращающего "дурной глаз" и всякие другие чародейские происки. Этот жест очень распространен во всех романских, германских и славянских землях; конечно, в повседневной жизни человек, выставляя фигу, вовсе не имеет в виду спугнуть и отвратить дьявольское наваждение. Фига представляет собой соединение мужских и женских половых органов. Употребление подобных жестов и талисманов покоится на старом предрассудке,

будто человек, обнажая свои половые органы, тем самым разгоняет злых духов и устраняет разрушающее влияние отъявленных чародеев.

Колдовство применяется и против венерических болезней, да и вообще во всех тех процессах, которые непосредственно связаны с половой жизнью человека.

Предположим, что у девушки была менструация первый раз в жизни; она хочет несколько сократить этот процесс – для этого достаточно ей начертить своей менструальной кровью крест на щеке. Если же кто-нибудь спросит ее, что у нее на щеке, то она должна ответить словами: "день и ночь!", причем она повторяет эти слова в течение такого времени, которое, по ее мнению, достаточно для завершения менструального процесса. Или тотчас же после менструации она, не переводя дыхания, произносит три раза: 24 часа! 24 часа! 24 часа! В таком случае менструальный процесс у нее продолжится не более 24 часов, т. к. дух, вызывающий этот процесс, должен, согласно народному поверью, подчиниться повелению молодой девушки.

В верхней Венгрии большим распространением пользуется следующее средство против сифилиса: больной отправляется к "мудрой женщине". Она усаживает его на самой середине комнаты, лицом к открытой двери. Далее она старательно мелет воск и кладет его в новый горшок. Это она проделывает семь раз, причем трогает больного за голову, спину, руки и ноги. Наконец, больной плюет в горшок и вместе с колдуньей отправляется к ручью; тут он раздевается и голым входит в воду. Тем временем женщина льет больному на голову воду и при этом приговаривает: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа – Аминь! Господи, избави раба Твоего от тяжелой болезни", – затем она бросает горшок в воду; но она должна постараться сделать это так, чтобы течение унесло его от больного.

Тунисские арабы в подобных случаях поступают таким образом: они делают из свинца маленькое изображение своей жены, надписывают на нем ее имя, имя ее матери и Таира, покровителя этой болезни. Это изображение они держат некоторое время перед огнем и затем зарывают его где-нибудь на старом кладбище. Этим дело и кончается – араб глубоко убежден, что ни у него, ни у жены его нет больше сифилиса. Часто думают вылечить триппер или сифилис с помощью полового акта с юной, непорочной девушкой. В этом

несомненно заключается известный оккультный момент. Дело в том, что человек, вступая в связь с непорочной девушкой, глубоко уверен в том, что эта чистота перейдет на него и подавит в нем результаты его прежней порочной жизни.

Один старый немецкий автор рекомендует следующее средство против поллюций: попроси какого-нибудь совершенно целомудренного юношу собрать для тебя щавелевые семена и носи их всегда при себе – ночные поллюции у тебя сразу прекратятся. Если ты даже до того обессилен, что семя у тебя выделяется и не во время сна, то послушайся моего совета – он принесет тебе большую пользу. Богемские немцы еще до сих пор пользуются этим средством.

В Пруссии мальчики, страдающие грыжей, должны три раза пройти сквозь молодой дубовый ствол, расщепленный надвое. Когда дерево совершенно срастается, проходит и болезнь. Этим обрядом хотят перенести страдания мальчика на дерево. Грыжа, понятно, не единственная болезнь, которая лечится подобным образом.

Когда у хорвата заболевает ребенок и есть основание предполагать, что эта болезнь явилась результатом дурного глаза, колдовства и т.д., то поступают таким образом: отец и мать срезают у себя несколько волос, растущих в сфере половых органов и под мышками. При этом необходимо соблюдать такой порядок: сперва срезают под правой подмышкой, затем с левой стороны половых органов. В противном случае колдовство окажется безрезультатным. То же самое проделывает и жена. Волосы эти кладут на горящие угли, раскуривают их около больного, причитая при этом: "Прочь, злой дух! Тебе здесь не место! Отец и мать... создали эту жизнь, защищают ее и гонят всякое зло от нее! Прочь, злой дух! Здесь не место тебе!" Эта формула повторяется три раза. Основной смысл этого обряда заключается в том, что дитя, рожденное их "силой" и "жизнью", не может умереть, раз оно защищается различными частями, взятыми из сферы той же "силы" и "жизни".

Все эти колдовские церемонии всецело покоятся на внушении. Что касается вопроса об импотенции, то, кроме различных физических и психических факторов (как-то: боязни околдования, мысли об измене своей прежней возлюбленной), здесь следует принять во внимание еще один психический момент, названный Мантегазом "идиогамией". "Сущность идиогамии заключается в том, что мужчина

может удовлетворить только одну женщину или несколько определенных женщин, по отношению же ко всем остальным он является совершенным импотентом". Т.к. и в деревне браки очень часто заключаются далеко не по любви, а в силу соображений материального характера, то весьма нередко бывает так, что жених является полнейшим импотентом по отношению к своей невесте. Подобные факты рассматриваются как обыкновенные случаи колдовства. Дело в том, что простой человек нисколько не представляет себе, как велика сила отвращения и антипатии, заложенная в нем; он глубоко убежден, что его мужественность не знает никаких границ. Чтобы свергнуть с себя это проклятие, необходимо заняться колдовством. Спасение придет лишь тогда, когда человек будет глубоко уверен в действительности применяемого им чародейского средства. В противном случае, необходимо пустить в ход другое заклинание. Строго говоря, к тому же заклинанию прибегает и терапевт в своей борьбе со случаями "идиогамии"; разница заключается лишь в том, что он прекрасно понимает сущность применяемого им метода, к тому же метод его строго научного характера.

В область половой магии входит и изготовление Jungfernerpergament. Особенно подробно разработал эту область Калиостро. К нему нередко обращались люди с вопросом, как продлить человеческую жизнь; всех их он снабдил чрезвычайно обстоятельными рецептами по этому вопросу. Но здесь дело не исчерпывается одним только продлением жизни: "яйцо счастья" приносит много других радостей.

Мадьяры готовят это яйцо следующим образом: мужчина берет яйцо, делает в нем маленькое отверстие и тщательно выливает оттуда белок. Затем он вливает туда несколько капель своей спермы, законопачивает отверстие гипсом или воском, а яйцо кладет под наседку. Через 21 день это яйцо каменеет. Если коснуться этим яйцом какого-нибудь предмета, то это приносит счастье его обладателю. Но с этим яйцом необходимо обращаться крайне осторожно. Если оно ночью как-нибудь попадет в воду, тогда все пропало: человек умирает или теряет рассудок.

Половая магия не только ничего не создает – она все разрушает. Даже те случаи, когда два человека вовлекаются в процесс взаимного

колдовства, неминуемо влекут за собою зло. Ибо принуждение – это основное ядро всякого волшебства – является несчастьем для той или другой стороны. Магия редко приносит человеку спасение. Ибо она вся основана на силе. Но что такое сила в руках человека, не сумевшего себя осилить? Ответ здесь может быть один: она – зло.

В колдовстве связь между оккультизмом и сексуальностью особенноразительна. Я хочу тут же заметить: колдовство и вера в него являетсяглубоким человеческим предрассудком, свойственным не одному толькохристианству и средневековью. Пышный расцвет колдовства в средниевека объясняется исключительно социальным неустройством, столь характерным для того времени.

Уже Зенд-Авеста и Пятикнижие жестоко громят колдунов, не принадлежащих к официально признанному жречеству. Этих преступных соперников необходимо было устранить во что бы то ни стало. С этой целью было официально объявлено, что они несут с собою в мир зло и проклятие. К этому средству очень часто прибегала христианская церковь в своей борьбе с различными сектами. Парсы до сих пор справляют праздник избиения магов (дозороастрова жречество); левиты не могут в достаточной степени нахвалиться той решительностью, которую проявляли короли в истреблении жрецов Ваала и всех прочих посягателей на веру Иеговы. Страшное подозрение тяготело над жрецами и целыми общинами, отвергавшими государственный культ; их общим уделом была смерть.

Особенно дурной славой пользовались в Греции орфеотелесты; отношение к ним официально признанного жречества было проникнуто исключительной враждебностью. Эти жрецы – главари секты орфиков, слившейся с сектой пифагорейцев, – странствовали по всей Греции и провозглашали перед народом тайны своей мудрости. Они исцеляли самые серьезные, неизлечимые болезни, вроде эпилепсии, умопомешательства и т.д., отпускали людям грехи, предотвращали зло и проклятие. Своих врагов они низвергали различными колдовскими формулами и заклинаниями; они даже похвалялись, что в состоянии сорвать луну с неба, помрачить солнце, вызвать бурю и непогоду, дождь и засуху. Их церемонии и заклинания сопровождались жертвоприношениями и танцами, доходившими иногда до крайних пределов полового излишества. Впоследствии против орфеотелестов пошли всякие преследования и гонения.

Подобной участи не избежали и люди более возвышенных взглядов; даже Сократ, обвиняемый в том, что он будто бы отрицал богов своей родины, – и тот поплатился своей жизнью. Аналогичное явление приключилось с одной чужестранкой; она подверглась преследованию за различные преступления: отрицание государственного культа, подстрекательство афинских рабов и колдовство. Делрио и другие исследователи процессов против ведьм стараются возможно шире использовать этот случай. Все они выдвигают его в качестве неопровержимого доказательства в пользу того, что эти процессы были очень многочисленны даже в древние века. От себя заметим, что этот вывод вовсе не лишен оснований.

Мало того. Рассматривая процессы против ведьм, относящиеся к древним временам, мы находим в них абсолютно те же черты, которые свойственны средневековым процессам. Дело иногда доходит до полнейшего сходства в деталях. Разница заключается лишь в том, что древние века выгодно отличаются от средних юридической изобретательностью и теологической глубиной. В греческой литературе мы находим подробные сведения относительно деятельности фессалийских ведьм. В одном месте мы, например, читаем, что благодаря их маслам люди обращаются в птиц, ослов, камни и т.д., что наиболее страстные среди людей проносятся ночью по воздуху, держа свой путь к ложу страсти и наслаждений. Точно так же и Рим, помимо жрецов государственного культа, знает многочисленных странствующих жрецов, которые, подобно греческим орфеотелестам, за небольшое вознаграждение предлагали свои услуги в области магии. И здесь любовные чары практикуются в самых широких размерах: люди занимаются ими или самостоятельно, или при содействии странствующих жрецов. В греко-римском культе мы встречаемся с Эмпусами и Ламиями, этими дьяволами страсти и вампирами. Предмет их страсти – это молодые, красивые юноши, с которыми они хотят вступить в половое общение. Насладившись половым актом с каким-нибудь юношей, ламия убивает его и с преступным наслаждением упивается его кровью. Римский закон налагает кару на чародея лишь в одном случае: когда его магические действия причинили кому-нибудь вред.

о Распространение христианства не внесло в эту сферу никаких перемен. Единственная перемена заключается в том, что колдовские

обряды были признаны суеверием; но дальше этого не шли. Только в царствование Льва Философа между 887 и 893 годами был издан указ о полнейшем запрещении всяких колдовских церемоний. Огромную роль в этом отношении сыграли отцы церкви. Описывая дионисии и вакханалии, они тем самым создали стройную систему колдовского действия; они, кроме того, дали законченную картину ведьмина шабаша. Христиане обвиняли язычников в половых излишествах; отцы церкви ответили на это тем, что разрешили подобные эксцессы первоначальным христианским общинам. Для христианской церкви этот спор прошел совершенно бесследно: впоследствии она выдвинула против еретических сект обвинения в подобном разврате. Стороны находились между собою в самой напряженной, убийственной вражде. Одна партия рисовала картины того оргического безумия, которое будто бы совершалось у другой; но эти картины послужили прототипом ведьмина шабаша.

Особенно резко нападает на христиан Минукиус Феликс. В своих ночных собраниях они вкушают нечеловеческую пищу, высмеивают своих богов, кощунствуют; их культ – безбожие, а не богопочитание. Они приветствуют друг друга, как братья и сестры; но это святое общение оскверняется гнуснейшим развратом. Некоторые утверждают, что они поклоняются половому органу своего верховного жреца. Их праздники – это сплошная разнузданность; в них принимают участие все: сестры, матери, жены и дети. Наедаясь и напиваясь, они вызывают в себе преступное сладострастие. После пиршества огни гасятся, и все его участники предаются безумному разврату.

Церковь нередко обвиняла еретиков в том, что их вера в Бога глубоко проникнута половым содержанием. Справедливость требует заметить, что эти обвинения в большинстве случаев были совершенно неосновательны. Теперь уже достоверно известно, что только некоторые христианские секты исповедовали принцип, согласно которому "порочность является необходимым условием человеческого спасения". К этим сектам прежде всего относится секта карнократианцев. Однако Иреней, человек в общем враждебно настроенный по отношению к еретикам, говорит, что практика карнократианцев во всех отношениях превосходит их теорию. Принимая кого-нибудь в свою секту, кар-нократианцы совершают над ним следующий обряд: раскаленным железом, ножницами или иглой

они отмечают его знаком, который наносят в нижней части правого уха. Этот обряд напоминает нам предписание Ветхого Завета, согласно которому иудей должен был сделать пометку на ухе своего раба не-иудея в том случае, если последний отдавался в вечное рабство. Этот знак имеет громадное значение и в другом отношении: он является прототипом тех дьявольских знаков, которые так тщательно разыскивали у ведьм. На основании одного только знака церковь определяла принадлежность того или иного человека к еретической секте.

Кроме карнократианцев, здесь следует упомянуть и адамитов. К сожалению, об этой секте ничего достоверного неизвестно. Говорят, что в своих собраниях они появлялись совершенно голыми; там будто бы происходили самые опасные испытания целомудрия. В этом отношении они сильно напоминают кенигсбергских ханжей. Подобно этим ханжам, адамиты также не всегда выходили из этих испытаний победителями.

В церемониях посвящения, практиковавшихся у катаров, мы находим одну черту, перешедшую впоследствии в культ дьявола: освобождение человека от всех заветов и уз, связывавших его с римской церковью. В подобном отрицании папской власти церковь, естественно, узрела отрицание Бога и христианства. Вообще катарская община, устраивавшая самостоятельные заседания и имевшая своих собственных епископов, представлялась католической церкви в виде союза людей, объединенных поклонением дьяволу; эта секта дала непосредственный материал для создания картины ведьмина шабаша. Булла Георга IX, инспирированная Конрадом Марбургским и призывавшая к крестовому походу против чародеев и поклонников дьявола, дает подробную картину катарских торжеств:

"Когда в эту школу гнусности и разврата вступает новичок, перед его глазами появляется лягушка или, как иные ее называют, жаба. Некоторые целуют ее своими грязными устами в задние части, а иные — в губы, втягивая к себе в рот язык и слюну этого животного. Размеры этой лягушки весьма различны; то она появляется в свою натуральную величину, то она достигает размеров гуся или утки. Далее новичок видит перед собой чрезвычайно бледного человека с громадными черными глазами; он неимоверно худ; на нем нет ни куска плоти, только морщинистая кожа безобразно покрывает его кости. К нему

подходит новичок и целует его: после этого поцелуя у него пропадает всякое, даже самое отдаленное воспоминание о католической вере. Затем идет пиршество. После пиршества появляется черный кот с вздернутым хвостом, величиной с среднюю собаку. Его целует новичок, а затем по порядку и все катары; но к этому коту допускаются лишь наиболее достойные и совершенные. Склонив свои головы перед котом, катары снова усаживаются на свои места. Тем временем главный жрец среди других заклинаний провозглашает: "Пощади нас!" Это он говорит своему соседу; третий же катар отвечает: "Мы это знаем!", а четвертый добавляет: "Мы должны быть послушны!" После этого обряда в комнате гасится свет, и катары предаются разврату, не соображаясь ни с возрастом, ни с родством. Если мужчин случайно оказалось больше, чем женщин, то мужчины вступают в преступную связь между собой. Ту же противоестественную гнусность совершают и женщины. Совершив этот безбожный грех, катары снова зажигают огни и возвращаются на свои места. В это время в темном углу комнаты появляется человек, верхняя часть которого сияет ярче солнца; нижней частью своей, покрытой густыми космами, он напоминает собою кота. Своим ослепительным блеском он наполняет все пространство. Главный жрец подходит к новичку, отрывает от его платья маленький лоскуток и, обращаясь к сверкающей фигуре, говорит: "Владыко! Это мне дано, а я возвращаю тебе! Ты честно служил мне, но ты еще будешь служить мне. Поэтому поручаю тебе сохранить то, что ты передаешь мне!" После этих слов фигура немедленно исчезает".

В таких красках рисовали себе картину ведьмина шабаша наиболее интеллигентные представители тогдашнего мира. В применении к условиям германской жизни эта картина имела вполне реальное основание. Если отцы церкви, желая опозорить ту или иную христианскую секту, смешивали ее основные принципы с глубокой развращенностью античного мира, то в народной психике все эти картины живейшим образом связывались с воспоминаниями о культе демонов, столь недавно сошедшем со сцены. С появлением христианства дело приняло совершенно Другой обррот: демоны были признаны носителями злого начала, их жрецы – чародеями, а альвруны и гаадисевы – ведьмами. Несмотря на всенародную анафему, провозглашенную с высоты церковной кафедры старому народному

культу, все же находились люди, которые продолжали верить в старых кумиров и которые устраивали в честь их пышные торжества, хотя бы они официально всячески отреклись от своего культа. Этот культ, естественно, постепенно вырождался, подобно тому, как вырождается все, загнанное в подземелье. Могучим стимулом впоследствии явилось глубокое враждебное отношение к церкви. Придирчивость и нетерпимость духовенства привели к тому, что тайные союзы начали приобретать сильное влияние на народные массы.

Элементом, связывающим поклонников старых кумиров, были, прежде всего, майские торжества. С этими праздниками связаны "многочисленные народные обычаи, многочисленные предания и верования... длинные процессии тянулись по полям, бесчисленный скот проходил по ним... а ночью в темных местах справлялись оргии". Чтобы отпугнуть доносчиков и любопытных, в народе поддерживались самые нелепые легенды о Вальпургиевой ночи. Все эти обряды начали постепенно вырождаться, дело дошло до того, что поклонники Бутана, До-нара и Фрея сами стали смотреть на себя, как на союзников дьявола. Подобные союзы существовали еще долгие века, подтверждением этого являются многочисленные факты. Так, например, в 1582 году на одном холме близ Мэмпельгарда было найдено три стола и серебряный сервиз, ценою в 2,5 тысячи талеров. Сервиз был взвешен и оценен мэмпельгардскими ювелирами; они нашли на нем многочисленные шифры высокопоставленных местных жителей. Тщательные исследования, произведенные над этой находкой, выяснили, что мэмпельгардская аптекарша "выдала замуж свою дочь", т.е. посвятила ее в тайны гнусного ведьмского ритуала. Возникший отсюда процесс стоил жизни 140 лицам.

Из другого источника мы черпаем такие сведения: "Узнали, что мясник (известно, что мясники отличаются редким бесстрашием и отвагой), проезжая ночью по какому-то лесу, услышал в кустах разговор, сопровождаемый смехом и шутками. Он остановился, начал внимательнее прислушиваться и, наконец, подошел к этому месту. В один миг все бывшие здесь люди исчезли, оставив стол, покрытый самыми изысканными блюдами; на столе, кроме того, стояло несколько серебряных бокалов. Но он не смутился. Постояв немного, мясник решил, что не мешало бы ему что-нибудь взять со стола, и поэтому он сунул в карман два серебряных бокала и пошел. На следующий день

он отнес эти бокалы к властям и подробно рассказал о том, как они попали к нему в руки. По знакам, находившимся на бокалах, власть напала на след их владельцев; последние были немедленно приглашены, им дали для осмотра бокалы, в которых они признали свою собственность. Но тут явилось предположение, что эти бокалы лишь похожи на те, которыми обладали эти лица. Был устроен обыск, который установил, что у этих лиц действительно пропали бокалы. Подозрение пало на их жен... и тут раскрылись невероятные истории, превосходящие решительно все то, что в состоянии придумать самая пылкая человеческая фантазия. Впоследствии мяснику снова пришлось проезжать этот лес. Приблизившись к этому месту, он увидел перед собою всадника невероятных размеров, с обнаженным мечом в руках. Всадник стремительно надвигался на него, стараясь поразить его своим мечом. Но мясник удачно отбивал удары. В этой борьбе они провели больше половины ночи. Мясник к концу до того обессилел, что ему пришлось слечь. Слабость надолго приковала его к кровати".

Подобные заседания мы находим в романских странах. В своей книге "De Strigibus" Спина рассказывает, со слов одного знакомого врача, что тот, проезжая ночью какую-то деревушку, наблюдал там подобное пиршество. Далее он сообщает: "Пятьдесят лет тому назад в городе Мендризии, близ Комо, слушалось дело касательно ведьм: следователем был Bartholomius de Homale, Podesta Dr. Laurentius de Concoretio, а нотариусом – Johannes de Fossato. Но вот Подесте захотелось узнать, насколько верны слухи относительно всевозможных проделок ведьм. Условившись предварительно с ведьмой относительно места, он в назначенный день отправился туда в сопровождении нотариуса и одного своего друга. Придя на место, они увидели перед собою толпу людей, плотно окружившую какого-то человека. Вдруг толпа бросилась на чиновника и его спутников и... избила их до того, что через две недели они умерли".

Тот факт, что в этих ночных пиршествах принимали участие люди, принадлежащие к высшему слою общества, ясно указывает, что источником колдовства является именно этот класс. Что касается народных масс, то среди них колдовство нашло благоприятную почву для своего развития. Во всем этом далеко не последнюю роль сыграл орден тамплиеров.

Орден был уничтожен, но его члены остались целы и невредимы. Частью они вступили в орден иоаннитов, а те, которые принадлежали к дворянскому сословию, поселились в замках своих родственников. Легко представить себе, что они нашли многочисленных поклонников и поклонниц, среди которых их гностические теории и чародейские операции пользовались большим успехом. Ибо "не слезливая деревенская баба, а стройная, разодетая в шелку дама, или монашенка, борющаяся со своей девственностью, — вот кто первый хватился за любовные напитки и одурманивающие наркотические масла. Они, а ни кто иной, были первыми ведьмами. Выйдя из замка, колдовская эпидемия распространилась по всем углам деревенской глуши: из преступления аристократического колдовство превратилось в демократическое преступление... И вот началась разрушительная война против буржуазной женщины, война, которую мы называем ведьминым периодом". При этом следует заметить, что, как в городе, так и в деревне, была целая масса "умных женщин", которые в своей колдовской, магической деятельности резко отличались от ведьм. Характерной чертой ведьмы является глубокая ненависть ко всему существующему и инстинкт разрушения; "умная женщина", напротив, хотела во всем являться только помощницей. Аналогичная разница существует между чародейством и колдовством. Последнее стремится все разрушить; чародейство же имеет в виду оккультным путем достигнуть различных выгод; во всяком случае, оно всячески избегает отрицательных влияний на человеческую судьбу. В подтверждение этого мы можем привести тот факт, что в период многочисленных процессов, возбужденных против ведьм, приговоры судов отличались особенной мягкостью, когда дело касалось вопросов чародейства.

Основной пункт, в котором чародейство отличается от колдовства, есть вера в дьявола. Первая и единственная причина, в силу которой человек становится колдуном, — это дьявол. Без него вообще немислимо никакое колдовство. Ибо чародейское действо и заклинания, разрушения и ночные пиршества — все это мы встречаем еще в раннем языческом мире; только союз с дьяволом окончательно завершает специфическую природу колдовства. Новообращенный христианин должен был отвергнуть всех старых богов, низведенных на степень демонов; далее он налагал на себя обет послушания и подчинения новому Богу. Отсюда с очевидностью вытекает

неразрывная связь, существующая между ересью и союзом с дьяволом: христианин, отпавший от своей веры, снова возвращался к дьяволу, отвергнутому им при святом крещении. Колдовство – кульминационный пункт веры в дьявола.

"Разнообразные процессы материального и духовного содержания сильно способствовали распространению веры в дьявола. Философия, насквозь пропитанная схоластикой, отдалась в услужение теологии; медицина и юриспруденция, проникнутые предрассудками данной эпохи, находились во власти той же фанатически-нелепой теологии. Пылкая вдохновенная вера в христианский крест бесследно прошла; осталось лишь сознание неискупленного греха, толкающего человека в объятия дьявола. Человек обратился в существо, отвергнутое Богом, искупляющее свой грех; все это наложило на него печать какого-то безотрадного аскетизма. Возвышенное учение Христа под влиянием священнослужителей превратилось в какой-то абсурд, насмешку; все свелось к преклонению и обоготворению святых мощей. Бесконечная божественная идея была раздавлена и втиснута в ковчег с мощами, роскошно убранный бриллиантами; всемогущая любовь Христа воплотилась в жалкой паре тленных костей... Вместе с тем настало междуцарствие; огонь и меч долгое время господствовали над страной. В конце XIV и в начале XV века натуральное хозяйство сходит со сцены; капитализм властно и решительно поднимает свою могучую голову. Торговля дифференцируется; возникают различные капиталистические ассоциации, банки, промышленные товарищества... Цеховая организация падает; материальная гипертрофия высших классов общества влечет за собою возникновение городского и сельского деклассированного пролетариата... Жизненные устои марки рушатся; общинная собственность конфискуется; лес, дичь, птица, рыба в воде – все это принадлежит уже не жителям марки, а землевладельцу. Крестьянская собственность подверглась бесконечному дроблению, и этот процесс низвел деревенское население на степень париев социального развития... Положение было безнадежное. И революция не заставила себя долго ждать. Уже XV век принес многочисленные симптомы наступающей грозы в виде отдельных территориальных возмущений. Социалистически-коммунистические требования крестьян были объявлены и значительными принципами справедливости Божьей; это

придавало им известный религиозный оттенок и вызывало в сердцах неимущих и угнетенных порыв восторженного фанатизма.

Ко всему этому присоединились различные явления, чисто внешнего характера. Роковое зло, опутавшее несчастное человечество, постепенно росло и распространялось, и мир был потрясен мучительный страхом перед мрачной силой дьявола. Наводнение уничтожило посевы; дороговизна достигла крайних пределов. Пошел голод, стоивший жизни сотням тысяч людей... Люди были лишены правильной медицинской помощи; эпидемические болезни прокладывали себе широкий, просторный путь по стране, и над людьми вспыхнула кровавая заря черной смерти... Голод, мор, землетрясения, эпидемия — все это вещи, хорошо знакомые христианскому миру; но все эти губительные явления доводят страх перед силой ада до безумия... Воцарилась всеобщая растерянность; люди потеряли всякую надежду на будущее; они увидели себя в цепких объятиях дьявола, из которых им никогда не вырваться. Бездна вечности засияла перед их глазами, и они искали утешения в религии".

В противоположность глубокой развращенности дворянских и буржуазных слоев, народные массы предаются страстному аскетизму и утонченной мистике. Человечество было охвачено глубокой идеей искупления, и смертельное отчаяние, господствовавшее над умами тогдашнего времени, сказывалось в многочисленных искупительных обрядах: массовое внушение и болезненный инстинкт подражания вызвали так называемые "эпидемии имитации". Сюда относятся: крестовый поход детей, устроенный в подражание прежним походам, и бешенство пляски, "прорвавшееся впервые в Аахене в 1347 году и распространившееся впоследствии по всей Германии и Нидерландам. Держа друг друга за руки, люди извивались в дикой пляске и заражали своим примером решительно всех: благочестивую девушку и знатную даму, священнослужителя и профана. Они безумствовали и плясали до изнеможения, до упаду и бесстыдно обнаженные лежали перед лицом народа... Во время танцев, как утверждают некоторые, перед ними разверзается небо; они начинают громко проповедовать идею искупления и мучительно корчиться, словно охваченные конвульсиями бешенства. Куда бы они ни приходили, к ним присоединялось множество народа, хотя церковь самым энергичным образом восставала против подобной пляски. За пляской следовало

флагелантство. Флагеланты образовали особую секту, имевшую свой устав. Всякий, кто вступал в эту секту, отказывался от частной собственности, жил милостыней, подчинялся всяким искупительным обрядам и исповедовался только перед старшим членом секты. Последнее обстоятельство привело к их решительному разрыву с церковью, т. к. они взаимно отпускали друг другу грехи. С высоты своей кафедры церковь, естественно, заявила, что они одержимы дьяволом, и послала им вечное проклятие. Эта моральная необузданность, породившая столько еретических сект, окончательно потрясла в человеке веру в промысел Божий. Власть дьявола восторжествовала над грешным миром.

Религия взяла на себя защиту интересов господствующего класса; дворянство и духовенство всячески эксплуатировали закрепощенный народ, и чем могущественнее и алчнее становились эти классы, тем мелочнее и бессодержательнее протекала народная жизнь. Как нельзя отрицать дьявола, не изменив своей вере в Бога, так нельзя было отвергнуть продажного священнослужителя и алчного землевладельца, не отрекаясь одновременно от церкви. Деспотизм дворянства теснейшим образом сплелся с деспотической иерархией духовенства, и оба они поработали, угнетали и истязали своих закрепощенных, насиловали и глумились над их женами и дочерьми. Если народ раньше уповал на Христа и трепетал перед лицом духовенства, то теперь все изменилось в противоположную сторону, и в народе явилось к религии бесконечное равнодушие, благодаря влиянию того же священнослужителя, связавшего свои судьбы с судьбами дворянства... словом, дьявольское начало вступило в ожесточенную борьбу с всеблагодатью Христова учения. Жажда мести и отчаяния привели человечество к колдовству. Естественный инстинкт отдельного человека направился в сторону изначального принципа радикально-злого; незримо-трансцендентный принцип приобрел вполне конкретного, осязаемого представителя. Субъективное представление зла получило объективный характер, и эта абстракция родила понятие Сатаны, как некоторой противоположности Христу. Так, рядом с христианской церковью возникла лжецерковь Бе-лиала, представлявшая собой ужасную пародию первой. Всецело отдаваясь в руки радикально-злого начала и сливаясь с ним воедино, человек стремглав летел в мрачное царство ночи, в бездонную пропасть. Как

разительна противоположность между ними и святыми: последние всецело приносили себя в жертву высшему благу. Так заключался несчастный договор с сатаной в надежде получить от него помощь против своих притеснителей... Чрезвычайная озлобленность и мстительность возбуждали в этих телах, истощенных нищетой и кнутом, тайные магические силы, находившие применение во всевозможных сферах; в любовных чарах, в порче посевов и молока коровы, и, наконец, в различных церемониях с изображениями – этом убийстве *par distance*! В противоположность мистическим бракам святых людей с "женихом" Иисусом и с нежной Девой Марией мы видим, как "бесследно меркнет божественный огонь; духовное начало достигает крайних степеней разнузданности и горит в мрачном пламени животных страстей и вожделений". Тут происходит полнейшее слияние человека с принципом зла: это слияние сказывается в различных видениях, исполненных самого гнусного разврата. Если до того нередко были случаи совокупления священника с женщиной или священника со священником, то теперь мы уже дошли до столпов разврата: до кровосмешения с сатаной! Кульминационным пунктом этого сатанинского культа являлся ведьмин шабаш с ведьмиными изображениями, которые знаменуют собою тесную, неразрывную связь между индивидуальным бытием и субстанцией радикально-злого.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с процессами, которые велись против ведьм, отлично знает, что акты посвящения в колдовские мистерии носили следующий характер...Старая ведьма, искушенная во всевозможных колдовских проделках, ясновидица, чрезвычайно одаренная в психическом отношении, встречает молодую девушку, в которой чувствует родственную себе душу. Немедленно она забирает ее в свои цепкие лапки и начинает рассказывать ей о всевозможных прелестях ведьмина шабаша. Девушка, естественно, принимает это за чистую монету. Возбужденная всеми этими дьявольскими приманками, она, наконец, доходит до того, что решается заключить договор. Колдунья замечает, что девушка отличается известной чувствительностью, что в ней даже есть некоторые задатки медиумического характера, кроме того, нервы ее достигли крайнего напряжения благодаря событиям, пережитым ею за последнее время. И вот начинается церемония посвящения. При

помощи различных фокусов – пожалуй, месмерически гипнотических манипуляций – ведьма старается внушить ей ту мысль, что дьявольский жених "юнкер Ганс" здесь налицо. Вполне понятно, что обыкновенная крестьянская девушка, погруженная в бесконечные глубины магической жизни, не в состоянии отличить воображаемое переживание от действительного, точно так же и внушение, совершенное лишь один раз, приобретает при известном повторении некоторую устойчивость. Кроме того, следует заметить, что в подобных случаях далеко не исключена возможность раздвоения "я" и медиумического "общения с духами".

Первым толчком к заключению союза с дьяволом были мотивы исключительно полового характера. Внебрачное половое общение, признанное церковью греховным, вызывало в людях малодушных, совершивших половой акт, сильное раскаяние; но вместе с этим раскаянием у человека рождалась мысль, не связался ли он как-нибудь с дьяволом. Если эта мысль психологически подтверждалась в нем, то все остальное являлось уже детской игрушкой. Во всех тех случаях, когда нам приходится читать о том, как человек пошел по пути колдовства, или каким образом он заключил союз с дьяволом, везде на первом плане самым неприкрытым образом выступает половой момент. С этим вполне совпадает "правдивое и весьма сложное сообщение об одном случае, приключившемся в женском монастыре UnterzeU'e, принадлежащем ордену премонстрантов".

50 лет тому назад, в монастырь Unterzell поступила 19-летняя девушка, Мария Рената. Она пошла туда не добровольно, а по принуждению родителей, сильно нуждавшихся в материальных средствах. Несмотря на ее молодые годы, она уже четыре раза в своей жизни подвергалась искушению впасть в колдовство. Первый раз ее искушала женщина, второй раз-рыцарь, третий-два офицера, которые, вероятно, были переодетыми дьяволами, а четвертый – служанка".

В этом духе давали свои показания и все прочие ведьмы; из этих показаний мы приведем некоторые:

"Анна Барбара Неудекхерин, девушка 15 лет, была заподозрена в причастности к колдовству, арестована и подвергнута пытке. Она сама созналась, что уже 2 года тому назад ее приобщали к тайнам колдовства и что на этой почве она даже проделала несколько злодейский церемоний. Во-первых, она страстно влюбилась в одного

юношу и в этой любви своей применяла всякие колдовские средства. Путем колдовства она вызвала перед собою образ этого юноши; она беседовала с ним, острела, обещала оставаться верной ему навеки, побуждала его ко всякой гнусности и разврату. Во-вторых, она, по наущению злого духа, отвергла Всемогущего Бога и Святую Деву Марию".

"Генрих Вентцель также был арестован за свои занятия колдовством. Он горько жалуется на то, что уже четыре года одержим этим пороком; он хотел бы уже очиститься от тяжких грехов своих, исповедавшись перед христианским духовником. Он также, нисколько не запираясь, сознался в грехах и злодеяниях, совершенных им за это время. Во-первых, он сблизился с одной женщиной и, толкаемый порочным злым духом, слишком далеко зашел в этом направлении. Во-вторых, пробуждаемый все той же враждебной силой, он самым преступным образом отрицал существование Бога в небесах. Он говорит, что сильно раскаивается в своих поступках; его молитвы нередко звучали пламенной мольбой освободить его от дьявольского наваждения. Кроме того, он принимал участие в различных собраниях ведьм, где дьяволу оказывались божеские почести".

Страсть к ведьмину шабашу также находит свой двигательный мотив в половой сфере. Насколько это верно, мы можем убедиться на словах Катарины фон Ландол. Она говорит, что может обойтись без сна; самое лучшее для нее время – это вечер; тогда она сидит за огнем, и в ней возгорается такое страстное желание пережить ведьмин шабаш, которое по силе своей ни с чем сравниться не может.

После многочисленных опытов, совершенных на местах, судьи, наконец, убедились, что мнимые поездки ведьм ничего реального в себе не содержат. Однако они от своих обвинений не отказывались; они утверждали, что, если физически ведьмы никаких поездок не предпринимают, то духовно они это делают. Современный спирит сказал бы, что они высылают своих двойников. Правда, различные ведьмы, не имевшие между собой решительно ничего общего, дают описания ведьминога шабаша, которые совпадают чуть ли не в мельчайших деталях своих; основательно было бы поэтому предположить, что в состоянии сна, действительно, совершаются какие-то магические процессы. Скорей только вопрос, является ли это ясновидящим проникновением в возбужденную фантазию данного

лица, или мы имеем здесь дело с двойником, развивающим свою деятельность в умах других людей. Ведь нельзя оставить без внимания тот факт, что, несмотря на полнейшее совпадение в описаниях ведьмина шабаша, мы имеем дело лишь с условными представлениями. В пользу ясновидения говорят некоторые, довольно веские соображения. Предположим, что ясновидение, действительно, имело место; тогда возникает вопрос: что видно было? Реальное сборище? Но для этого никакого ясновидения не нужно; дело в том, что обвиняемые все-таки участвовали в подобных сборищах, а потому вполне естественно, что их показания на этот счет вполне совпадали. Нельзя ли здесь предположить наличность некоторой таинственной "общности душ?" Но и это вряд ли будет правильно, т. к. все это является вполне обычным, очень распространенным в народе представлением о разбираемом нами предмете. Но как же обстоит дело с детальным совпадением в показаниях различных ведьм? Это объясняется коллективизмом времени, который особенно сильно сказывается в низших слоях общества; здесь индивидуальный момент очень редко достигает ярких конкретных форм.

При создании картины ведьмина шабаша огромное влияние имеют различные средства, возбуждающие воображение человека. К этим средствам относятся: ведьмины масла, напитки и воскурения.

В своей "*Magia naturalis*" Порта приводит некоторые ведьмины масла. Он говорит: "Движимый своей преступной страстью, человек начал злоупотреблять благодетельными дарами природы. Дело, конечно, не обходится без некоторого суеверия; но все же следует заметить, что смеси, составленные им, не лишены известного действия в силу естественных свойств, заложенных в них. Я хочу здесь рассказать то, что слышал от людей, занимающихся этим. Берется жир маленького мальчика, заваренного в медном котле, и сюда присоединяется аконит, сельдерей и сажа. Или берется пятилистник и бешеная вишня, и их смешивают с маслом или с кровью летучей мыши. Подобной смесью растирают члены тела до красноты; этим думают усилить влияние втираемых веществ. Люди при этом стремятся к одной цели: к радостям жизни и половому наслаждению с возлюбленными. Сила воображения при этом до того велика, что та часть мозга, в которой сосредоточена память, всецело поглощена мыслью о предстоящих наслаждениях; это тем более естественно, что

они днем и ночью думают об этом. Средства эти оказывают особенно сильное влияние на тех людей, которые питаются различными кореньями, каштанами". И Парацельс говорит: "Сила воображения, в котором концентрируется весь духовный мир человека, до того велика, что определить его влияние в этом процессе не представляет никакой возможности... Центр тяжести лежит в том, что воображение должно быть сосредоточено в одном пункте"...

Порта приводит также анзстербирующие и предрасполагающие вещества; он упоминает различные средства, повышающие способность человека поддаваться различного рода внушениям: эти средства он называет гипнотиками. Сюда относится щелочь, полученная из смеси дурмана и бешеной вишни с вином. Он сделал настойку упомянутых растений и с ее помощью усыпил своего друга, и опыт этот несколько не отразился на его здоровье. Неизвестно, дошло ли дело в данном случае до фантастических видений; зная действие дурмана и бешеной вишни, мы можем предположить, что подобные видения имели место. Кроме того, он приготавливал известные в XVI веке "мускусные настойки", которые употреблялись для тех же целей. Далее он смешивал мандрагор с виноградным морсом. Двухмесячное употребление этого напитка вызывает однодневное умопомешательство; во всех остальных отношениях этот напиток на здоровье не влияет. Аналогичный напиток он приготавливал из семени дурмана; его принимали в количестве одной драхмы. Одна только драхма бешеной вишни также способна вызвать "безвредное умопомешательство".

Опыты, совершенные Порты, весьма поучительны. Смеси и напитки, изготовленные им, содержат в себе различные ведьмины масла; отсюда мы можем вывести научное заключение о действительной силе, заключающейся в них. Кроме того, в опытах Порты мы имеем перед собой тот же руководящий момент внушения, который играл столь выдающуюся роль в различных приготовлениях к ведьминым поездкам.

Лейб-медик папы Юлия III, Андреас де Лагуна (1499-1560) совершил очень интересный опыт с ведьмиными маслами. Когда он в 1545 году лечил герцога Гиза, вблизи Нанта были арестованы муж и жена, обвиненные в чародействе; у них нашли горшок, наполненный зеленым маслом. Лагуна подверг это масло тщательному анализу и

нашел, что оно представляет собой смесь бешеной вишни, мандрагора, белены и других наркотических растений. Т.к. жена тамошнего палача страдала Phrenesie и бессонницей, то он велел растереть ее этим маслом. Женщина заснула и проспала 36 часов без перерыва; она проспала бы еще дольше, если бы не были применены самые решительные средства для ее пробуждения. Просыпаясь, она горько жаловалась, что ее вырвали из объятий обворожительного молодого человека.

В новейшее время Кизеветгер опубликовал результаты своих опытов с ведьмиными маслами и напитками; эти опыты он совершил над самим собою. Взяв семя белены, он растер им подложечную ямку, – и тут получились самые неожиданные результаты. Ему показалось, что он летает в воздухе по направлению спирали, словно сильная буря поднесла его к небесам. Здесь мы видим полнейшую аналогию с ведьмиными поездками. Когда же он растирал маслами, упомянутыми Порты, поясицу, темя, подложечную и подмышечную ямки, то крепко засыпал на целую ночь; утром он просыпался совершенно бодрым и здоровым человеком. В следующие же ночи его посещали различные сновидения: то ему казалось, что он мчится в поезде, несущемся с быстротой молнии, то он ездил морем по роскошным тропическим странам. Нередко ему представлялось дело так, что он стоит в какой-то пагоде, расположенной на высокой горе; внизу раскинулся обширный город с многоэтажными домами. Он сам стоял перед огромной толпой народа, которая внимательно прислушивалась к его речи. Все эти фантастические видения сопровождались каким-то трепетным восторгом. И в этих фантазиях мы имеем налицо все черты ведьминых поездок, видоизмененных, конечно, сообразно новейшим современным представлениям. Мы даже находим иногда некоторые указания на ведьмин шабаш. Но чего нет во всех описанных нами фантазиях, – это эротического элемента. Трудно предположить, чтобы исследователь нарочно утаил его от нас. Очень может быть, что он вообще упустил его из вида, ведь главной целью его исследований было определить те ощущения, которые бывают у человека во время ведьминых поездок. А при таких обстоятельствах эротические мысли, естественно, отступили на задний план. И в своих экспериментах с ведьмиными напитками Кизеветгер ни слова не говорит об эротической окраске тех образов, которые возникают в

воображении человека в момент опьянения. Он лишь говорит, что после нескольких глотков подобного напитка на него напал какой-то тяжелый свинцовый сон. Проснувшись, он ощущал наркотическое *intoxikation*, сопровождаемое явлениями карфологии, расширением зрачков, пересыханием в горле, — он хотел напиться и сосал при этом свои карманные часы, хотя отлично понимал всю нелепость подобного поступка; кроме того, наблюдалась повышенная краснота лица. Особенно резко он подчеркивает тот факт, что при малейшем движении руки она, казалось, уходила в бесконечность. Подобное состояние продолжалось до самого вечера; все это время он пил черный кофе с уксусом. Следующую ночь он спал хорошо, хотя его несколько беспокоили сердцебиения. В следующие затем ночи его посещали различные фантастические видения, наполненные глубокой жизненностью и символизмом. Зрачки оставались расширенными в течение нескольких дней; глаза вообще болезненно реагировали на всякие световые ощущения. От дальнейших экспериментов Кизеветтер отказался, имея в виду, как он сам говорит, их небезопасность.

Чтобы ознакомиться с действием ведьминых напитков, нам необходимо прежде всего остановиться на различных галлюцинациях, связанных с употреблением опиума и гашиша: дело в том, что и эти напитки содержат в себе маковые или конопляные семена, Фишер приводит интересный рассказ своего друга относительно влияния опиума.

"Опиум, — говорит он, — дал мне несомненное блаженство. Но это блаженство отрицательного свойства; это своего рода сладострастное уничтожение, при котором и тело, и дух оставались одинаково скованными. Я теперь припоминаю, что каждый раз, когда принимал опиум, я в течение двух часов повторял про себя: ах, как я счастлив!" Впрочем, действие опиума бывает различно. Кампфер, например, присутствуя на одном персидском празднике, принял напиток, смешанный с опиумом. После этого его долго не покидало ощущение тихого блаженства. Мало того, он проникся чрезвычайно повышенным настроением, так что порой ему казалось, будто он сидит верхом на лошади и ездит по воздуху. Здесь мы имеем дело с феноменом левитации.

Один знаток гашиша говорит следующее: "Гашиш — это Протей, появляющийся перед нами в тысяче самых разнообразных форм. Я

никогда еще не видел, чтобы он в одном и том же индивидууме проявился в совершенно одинаковых результатах. Действие его протекает чрезвычайно медленно. Первые 3/4 часа, а, пожалуй, и целый час человек ровно ничего не чувствует; но вдруг он начинает страшно смеяться – гашиш начал свою работу". Часто – это один только легкий сон... При более сильном влиянии появляются различные видения и галлюцинации – возгорается беспримерная борьба между разумом и безумием. Т.к. гашиш (также и опиум) принимается в самых незначительных дозах, то наиболее характерным при этом является то, что сознание не вполне покидает человека в подобные моменты. К галлюцинациям, вызываемым гашишем, относятся ощущения легковесности, летания и т.д. Обыкновенно человек теряет всякое представление о времени и пространстве. Некоторые утверждают, что их взор проникает сквозь толщу стен, что они читают самые сокровенные мысли своих соседей. Один молодой потребитель гашиша как-то раз восторженно вскрикнул: "Ах, если бы вы знали, о чем я думаю и что я ощущаю!" Стоит ученому принять немного гашишу, и он в один миг постигнет то, чего не мог найти во время всей своей многолетней ученой деятельности.

Крупный интерес представляет собой мухомор – гриб, пользующийся большим почетом в ведьминой кухне. Сибирские коряки употребляют его с целью вызвать различные половые видения. Этот гриб собирают обыкновенно осенью, его сушат и едят зимой в исключительные праздники. Действие гриба сказывается немедленно. Глаза приобретают какой-то особенный блеск, взгляд становится диким, а руки впадают в нервное дрожание. Человек тотчас же теряет власть над своими членами, но сознание все еще не покидает его. Вслед за тем оно также погружается в состояние опьянения. Едва слышно раздаются тихие звуки импровизированной песни, которая начинает постепенно звучать и громко, и дико. Наконец, опьяненные грибом и безумной песней, они вскакивают и начинают извиваться в бешеной пляске. Утомленные, они падают и погружаются в глубокий сон. Слюна непрерывно течет из их рта, и пульс страшно падает. Во время сна перед ними проносятся фантастические картины, исполненные глубокой чувственности. Спящий может видеть решительно все, что только захочет; мало того – коряки полагают, что в подобном состоянии человек может прозреть и в будущее; для этого

достаточно перед вкушением гриба произнести определенные формулы. Для того, чтобы не прерывать этих приятных видений, коряки, проснувшись после получасового сна, выпивают свою собственную мочу, которая содержит в себе тот же яд, что и мухомор. Тогда все начинается сызнова.

Очень часто для этих целей употребляют различные курительные средства. Агриппа фон Неттешейм утверждает, что, воскуря плющ или белену, можно этим запахом собрать демонов. Для того чтобы отпугнуть демонов, употребляется ассафетида, чеснок и всякие другие снадобья. Во всех приведенных случаях мы имеем дело с влиянием курительных веществ и силой человеческого воображения. Особенно рельефно выступает эта мысль в документах, оставленных нам фон Экхартшаузен. Необходимым условием при этом было то, чтобы заклинатель в течение нескольких дней думал исключительно о том человеке, который должен быть подвергнут колдовству. При самом заклинании обыкновенно сжигается какое-то курительное вещество, о котором фон Экхартшаузен нам ни слова не говорит. Брошенное в огонь, это вещество покрывается белым налетом в виде небольшого тельца. Это тельце похоже на то лицо, которое желательно видеть в данном случае; лицо при этом имеет цвет сажи. Когда приближаешься к этой фигуре, то ощущаешь какое-то противодействие, аналогичное тому, которое испытываешь, когда идешь против сильного ветра. Если заговорить при виде этой фигуры, то впоследствии никак нельзя вспомнить, что, собственно, было сказано тогда. Когда явление исчезает, человек испытывает такое ощущение, как будто он только что пережил какое-нибудь сновидение. Голова опьянена, а живот словно стягивает. Впоследствии это видение повторяется всякий раз, когда мы находимся в потемках или смотрим на темные предметы. Упомянутое противодействие и стягивание в сфере живота указывает на медиумическое состояние, вызванное заклинанием и курением. Экхартшаузен дает состав этого курительного вещества без указания соответствующих доз: корица, стиракса, мастика, мускат, гвоздика и мирра. Это средство употребляется для магических опытов.

Очень часто различные психически аномальные состояния, рождающиеся на почве болезненной истерии, могут привести к явлениям дьявола, а иногда дело доходит даже до союза с дьяволом. О подобных состояниях повествует нам Янковский из своего

собственного опыта: "Прежде всего появляется какой-то мучительный нервный столбняк, вызывающий представление червеобразного сатанинского существа. Это – маленький чертенок, залезающий к вам в живот, вкатывающийся затем в грудь и, наконец, овладевающий всем вашим телом. Я каждый раз отлично знал, что этого чертенка создали нам нервы... и в этих явлениях не было ничего нового для меня. Все это причиняет человеку мучительные страдания, т. к. впечатление, производимое обманчивым явлением, чрезвычайно велико. Если нам, людям, называющим все это фантазмагориями, трудно перенести подобные состояния, то можно себе представить, что должен был ощущать монах или средневековый отшельник, тем более что подобные явления отождествлялись в его воображении с появлениями настоящего дьявола!"

В тесной неразрывной связи с колдовством и верой в дьявола находятся различные предрассудки, связанные с вурдалаком и вампиром (упырем); каждое из этих поверий ограничивалось рамками той или иной народности. Колдовство достигло своего апогея в средневековой Германии, Франция культивировала веру в вурдалака, а у славян были свои упыри.

Подобно колдовству, вера в вурдалака содержала в себе черты грубого смешения оккультных феноменов и полового сладострастия. Вб время судебного процесса, разбиравшегося во Франции в 1598 году, крестьянские девушки Пернетта, Антуанетта Грандилон и Тевьен-на Паже сознались, что они нередко обращались в волчиц, нападали на маленьких детей и развратничали с козлами, которых принимали за дьяволов. Следует заметить, что вера в вурдалаков, в противоположность колдовству, составляет специфически мужскую склонность; это вполне естественно, т. к. мужчины-пастухи могли скорее напасть на мысль о превращении в волков, несколько не задумываясь над различными другими магическими операциями. В выдержках из процессуальных актов города Бордо, относящихся к 1603 году, мы находим полнейшее подтверждение этой мысли: две крестьянские девушки, преследуемые любовными предложениями пастуха Греньера, вдруг подверглись нападению со стороны волка; этот волк был не кто иной, как сам Греньер. Сильно испугавшись, девушки пустились бежать. Т.к. Греньер до того времени открыто хвастался своей причастностью к вере в волка, то он был арестован и

посажен в тюрьму. Там он рассказал, что благодаря I одному своему соседу он познакомился с лешим; воздав ему должные почести, он принял из его рук масло и волчью шкуру. Своим охотничьим копьем "леший" сделал на его теле пометку, и с тех пор он приобрел способность обращаться в волка. Далее он рассказал, что и его отец был оборотнем; мачеха же его разошлась с отцом исключительно потому, что он раз, получив в ее присутствии страшнейшую рвоту, выплюнул целую массу кусков собачьего и детского мяса. Он сам привел точное число детей и собак, которых он в разное время убил, которым наносил всяческие раны и т.д. В суд были приглашены родители тех детей, которые были убиты Греньером; из их допроса выяснилось, что подсудимый говорил самую неподдельную истину. Все они в один голос утверждали, что отчасти видели волка, а отчасти узнавали в нем Греньера. Суд присудил этого преступника-идиота к пожизненному заключению в монастыре. Через 7 лет его посетил судья де Ланкр. Последний увидел перед собой духовного выроodka с запуганным, тревожным взглядом, впалыми глазами, длинными и широкими зубами и громадными черными ногтями, похожими на щупальцы. Во время свидания перед глазами Греньера пронеслась его прежняя жизнь; при этом он наивно заметил: "Мясо молодых девушек гораздо приятнее мяса собак; мне еще теперь хочется вкушать человеческое мясо, а самое сильное желание мое – это видеть волков".

Здесь мы встречаем те же моменты, что и в колдовстве: *homagium*, стигматизацию масла и, наконец, половой момент. Интересный случай сообщает Вейер. Некий Питер Воргот на процессе, возбужденном против него, заявил, что во время сильной бури, разогнавшей все его стадо, он познакомился с поклонником Сатаны, по имени Мойсет. Последний обещал, что даст ему огромные богатства и возвратит рассеянное стадо. После нескольких поцелуев и коленопреклонений перед дьяволом стадо, действительно, было возвращено, но денег он не получал. Далее некий Михаель Верданг убеждал его принять участие в ведьмином шабаше, который произойдет в лесу близ *Chastel Charmon*. Там он растер свое тело маслом, которое получил у Верданга; после этого он испытал такое ощущение, как будто превратился в волка. Михаель немедленно обратился в волка, тогда как ему самому пришлось предварительно снять с себя платье. Оба они, словно вихрь, понеслись по полям и лесам, нападали на детей и

молодых девушек, высасывали из них кровь, поедали их и совокуплялись по дороге с волчицами. Характернее всего то, что, как ведьмины поездки, так и описанное только что нами путешествие, совершается во время сна. Лерчхеймер приводит такой случай: "Один крестьянин лежал в квартире фогта, погруженный в глубокий обморок; проснувшись, он спокойным и убежденным тоном заявил, что убил в поле лошадь". При этом Лерчхеймер добавляет: "Это – дьявольское наваждение. Во время сна дьявол до того настойчиво навязывал ему эту мысль, что крестьянин серьезно уверовал в нее". В том же духе высказывается и де Ланкре. Нет никакого сомнения, что в зоантропии мы имеем дело с феноменом ясновидения, т. к. только в этом случае возможны столь совпадающие между собой описания, которые приводятся всеми упомянутыми оборотнями; причем следует заметить, что все они говорят о вещах, которые в действительности не имели места. В некоторых же показаниях мы находим и момент солидарности; он выражается в том, что человек указывает на своем теле те раны, которые получил волк в момент нападения на свою жертву; сам же человек все время сидел дома, не трогался с места, так, что этих ран он сам получить не мог.

По этому поводу Данкмар говорит: "Прежде всего это превращение ни в коем случае не может считаться истинным. Достоверным является для нас следующее: во-первых, зоантроп сам глубоко уверен в своей обрацаемости, во-вторых-третьи лица также смотрят на него, как на обращенное животное. Первое можно объяснить себе патологическими причинами; второе же является результатом перенесения галлюцинации, зародившейся в голове маньяка, одержимого бешенством: эта галлюцинация магически заражает и других людей. Конечно, подобное перенесение галлюцинации особенно успешно совершается в тех местах и в такие эпохи, когда народное сознание насквозь проникнуто верой в обрацаемость человека. Что касается убежденности самого оборотня, то здесь, как и в ведьминых процессах, мы сталкиваемся с известными уже нам маслами. По всему видно, что мы имеем здесь дело с целым обществом людей; один посвящает другого в тайны своей веры, знакомит его с родоначальником своего вероучения и доводит дело до того, что его товарищ охотно соглашается принять участие в шабаше. Простодушный поселянин и одинокий пастух находятся в каком-то

глубокоинтимном отношении с окружающей их природой; она говорит с ними тысячью разнообразных звуков, к которым культурный человек остается совершенно глух. С каждым днем пастух все ближе подходит к своему стаду; в жизни животных он раскрывает много новых, загадочных подробностей, в их инстинктах он находит много такого, что напоминает ему человека... Зоантропом никогда не будет человек, высоко стоящий в духовном отношении; таковым может быть одиноко живущий охотник или пастух, т.е. люди, имеющие дело с животными. Если он, кроме того, живет в местности, богатой волками, то вполне естественно, что именно волк явится пунктом его умопомешательства. Мысль, загнанная в этот тупик, крепнет и складывается, наконец, в законченную манию: "Я сам – волк!" Вначале у них наблюдаются различные подражания волкам; далее, под влиянием извращенной чувствительности периферических кожных нервов у них появляется ощущение усиленного роста волос. Шаг за шагом в них развиваются инстинкты антропофагов и садоритов и столь же постепенно в них зарождается ощущение, будто они действительно превратились в волков. Подобное отрешение от своей собственной личности предполагает страшнейшее одичание человеческого духа, так что дело нередко доходит до настоящего людоедства". Данкмар при этом указывает на участие альголяг-нистических мотивов; он относит эту манию в категорию садизма, "терзающего и разрывающего предмет своей страсти". Очень может быть, что подобные акты садистического сладострастия впервые толкнули того или иного человека на мысль, что он превратился в волка. Но послушаем Данкмара: "Очень часто приходится наблюдать такое явление: люди, помешанные на том, что они превратились в зверей, крайне удачно подражают голосу и привычкам этих животных. Человек, укушенный бешеной собакой, часто в припадках пароксизма лает, кусается, скачет и т.д. Подобно тому, как мозг идиота-микроцефа знаменует собой возврат к обезьяньей природе наших отдаленных предков, точно так же бывают различные случаи атавизма, выражающиеся в форме определенного животного типа...

После всего сказанного ясно, что большая часть случаев так называемой "обращаемости" является результатом патологически-болезненного состояния; отчасти их можно объяснить атавизмом. Открытым остается пока вопрос относительно некоторых еще не

разрешенных фактов: для объяснения этих последних нам придется прибегнуть к помощи более общего принципа. Мы видели, что втирание наркотических средств вызывает в человеке предрасположение к различным галлюцинациям. Спросим себя, какова специфическая природа этих галлюцинаций? На это мы получаем такой ответ: эти галлюцинации выражаются в том, что человек, давно испытанный в ощущениях зоантропии, проникается верой вурдалаков, что перед его глазами проносятся картины шумных собраний его товарищей, разделяющих с ним его веру. Отсюда вполне основательно будет вывести то заключение, что все они составляют своего рода общество, члены которого находятся в каком-то психическом взаимодействии между собой: во главе этого общества, естественно, находится руководитель, который пользуется неотразимым магическим влиянием на новичков. Человек, совершенно одичавший, ощутивший в глубочайших основах своего существа "волчью природу", нуждается лишь в самом незначительном толчке, чтобы вызвать в себе волчью ярость, и этот толчок был дан... в лице руководителя общества; он ввел новичка в тот кружок и тем самым создал демоническое взаимодействие между ним и всеми прочими участниками кружка. Это – атавизм дарвинистического свойства, но атавизм, выросший на психической почве, иными словами, мы имеем перед собой духовного и морального выроodka, человека, всецело отпавшего в мрак животного существования. Но если этот человек, просыпаясь после глубокого сна или сидя в тюрьме, заявляет, что в таком-то месте он убил такое-то животное, то этот факт можно объяснить себе только следующим образом: это животное было, вероятно, убито каким-нибудь другим человеком или настоящим волком, но он приписывает себе это убийство в силу того, что стоит с настоящими убийцами (благодаря фимистии) в известном духовном взаимодействии. Если обратим внимание на те случаи, когда у зоантропа на теле имеются раны именно в тех местах, в которых изранен нападающий волк, то мы увидим ту тесную магическую связь, которая существует между человеком и животным; в приведенных нами случаях, которые, несомненно, являются исключением, эта связь доходит до своего рода магического взаимодействия, которое и вызывает упомянутый феномен солидарности". В последнем пункте Данкмар, по нашему мнению, зашел уже слишком далеко. На наш

взгляд, вовсе не нужно предполагать наличие какого-то магнетического взаимодействия между человеком и волком для того, чтобы объяснить феномен солидарности. Достаточно предположить, что зоантроп благодаря своей симпатии пластически воспроизвел на своем теле те раны, которые он каким-то ясновидящим образом узрел на теле своего "друга из животного царства".

Вера в вампира, распространенная среди славянских народов, представляет собой нечто еще более ужасное, чем зоантропия. Во всяком случае, в Шотландии и Ирландии существует поверье, что некоторые трупы не тлеют в могиле; грызя свое собственное тело, они ночью встают из гроба и высасывают кровь из встречных людей. Эти люди вскоре умирают и также превращаются в вампиров. Подобные легенды существуют еще в настоящее время в Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии. И португальская вчиха есть не что иное, как вампир. Днем вчиха живет в своей семье, которая ровно ничего не подозревает; но вот настало время между закатом и восходом солнца — демоническая сила овладела ею. Она подымается со своего ложа и в образе огромной ночной птицы, совы или летучей мыши, она улетает далеко от родины, по горам и долам, по болотам, озерам и рекам; на поверхности вод она видит отражение своего отвратительного лица. Вчихи устраивают свидания со своими дьявольскими любовниками; они похищают, дразнят и терзают одиноких путников... Возвратившись со своей ночной поездки, они высасывают кровь из своего собственного ребенка, навевая на него сон своими крыльями. Если вчиха хоть раз вкусила кровь, то она уже обойдет всех соседей и будет всюду высасывать ее... Нечто аналогичное представляет собою Ghoul, распространенный среди обитателей восточных стран. Но все перечисленные нами привидения влияют на душу народа далеко не с той неумолимостью, с какой вампир действует на душу славянина.

"Выясняя сущность этого ужасного поверья, мы прежде всего наталкиваемся на тот факт, что слово "вампир" не немецкого, а славянского или турецкого происхождения. Все феномены, относящиеся к этому поверью, имеют место в странах со славянским населением. Далее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вера в вампира распространена среди народов, принадлежащих к византийской церкви. Последняя, вопреки теории римско-католической церкви о нетленности святых, выставила принцип, в

силу которого люди, отлученные от церкви, после смерти не подвержены тлению. Этим, по всей вероятности, объясняется народное поверье, что тимпаниты, т.е. отлученные от церкви, после смерти превращаются в вампиров.

Эту болезнь, вспыхивающую в каком-нибудь селении и уничтожающую несметное количество людей, следует рассматривать, как своего рода психическую эпидемию, распространяющуюся с невероятной быстротой. Весь вопрос заключается в том, откуда исходит первый толчок и какими причинами объясняется своеобразное состояние трупа в могиле. Первый толчок этой эпидемии исходит, несомненно, от самого мертвеца, который находится в самом тесном взаимодействии с живым миром. Эту свою подчувственную связь с миром живых людей он старается использовать в том смысле, чтобы извлечь из людей драгоценный материал, являющийся средоточием органической жизни и связующим миром — свежую кровь. От заклинания усопших, совершенного Одиссеем и Геродотом, до опытов Хелленбаха, создавшего известные субстанции, мы всюду видим одно и то же: душам умерших (при некромантии) предлагается кровь. Только те мертвецы вкушают с особенным удовольствием кровь, этот символ материи, которые еще при жизни всем своим существом ушли в сферу материального существования и которые в силу этого никак не могут свергнуть с себя путы, связующие их с земной жизнью. Хелленбах сравнивает их с умалишенными, которые не в состоянии освоиться с новыми формами мирозерцания". Согласно индийскому тайному учению, средоточием всех низших страстей человека является особая основная сфера души, которая именуется ksma-gara. В этом месте пребывают человеческие склонности, сохраняясь даже после смерти. Эта кшта-шра лишена разума; она руководствуется одними только слепыми инстинктами. Если природа живо-гр человека отличалась резкой чувственностью, то после смерти душа его будет стремиться к удовлетворению тех же страстей, которые тревожили его при жизни...

"Итак, благодаря этой основной сфере души, сосредоточивающей в себе все низменные страсти человека, создается особая связь между двумя мирами. "Вампир" высасывает жизненные соки из живого человека, и таким образом в его трупе поддерживается растительная жизнь. Вовсе не следует представлять себе дело так, что здесь

происходит фактическое высасывание, действительное лишение крови... Нет – силы убывают во всей нервной системе человека... С точки зрения упомянутого взаимодействия вполне объяснимы и такие явления, как удушье, быстрый упадок сил у вампиризованного субъекта и т.д.; что касается голубых пятен на теле, которые будто бы являются результатом "высасывания", то это, в сущности, не что иное, как стигматы, вызванные внушением со стороны вампира. По той же причине человек, одержимый этой болезнью, видит пред собою призрак вампира... Состоянию вампиризованного человека можно противопоставить состояние трупа, принадлежащего самому вампиру; в темном царстве ночи, как говорит Гаррес, он ведет безумное, отвратительное существование, подобно асфоделлу... В своем прекрасном труде "Scheintod" Р. Вейзендангер говорит, что каждый атом клетки человеческого организма проникнут жизненным принципом; упадок и разрушение нашего тела начинается тогда, когда жизненный принцип покидает наше клеточное строение. Я уже не раз говорил, что жизненный принцип, заложенный в человеке, имеет в каждом конкретном случае свою особую индивидуальность и психическую конструкцию. Если ясновидец хочет установить какое-нибудь взаимодействие между собою и каким-либо другим человеком, или какой-нибудь маг хочет испытать свою магическую силу на каком-либо человеке, то оба они должны обладать такими предметами, которые насыщены "трупными элементами" этого человека. Только тогда их опыт может вполне удался. Из всего сказанного ясно, что жизненный принцип, заложенный в этих предметах, создает особую связь с организмом, а это обстоятельство дает нам основание утверждать следующее: до полного упадка жизненного принципа, т.е. до полного разрушения клетки мертвое тело может сохранить еще некоторое отношение к низшим сферам душевной жизни человека, так что оно таит в себе известное смутное подсознание... Этой именно подсознательной деятельностью объясняется тот факт, что труп лишен своего специфического запаха, что он не так быстро подвергается гниению; низшие органические образования, как например, волосы и ногти, даже продолжают расти, кровь сохраняет свою прежнюю свежесть... Тем не менее действительное, объективное ощущение здесь совершенно отсутствует; это скорее состояние каких-то смутных, фантастических ощущений"... Так говорит Данкмар. Если и вполне

согласиться с ним, то все же кое-что остается невыясненным. Ибо как понять нетленность святых людей, провозглашенную католической церковью? Ведь это факт, который можно подтвердить многочисленными данными. В этом случае не может быть никакой речи о своеобразной деятельности той особой сферы души, которая сосредоточивает в себе все низменные человеческие страсти. Нам кажется, что гораздо правильнее будет свести решительно все моменты, связанные с верой в вампира, к целому ряду явлений внушения. Это положение вполне подтверждается многочисленными оккультными фактами.

Мауо по нашему мнению, вполне прав, утверждая, что мнимая смерть или "экстаз смерти", как он это называет, есть явление эпидемического характера, возникающее в определенных местах и в определенные периоды. Этот взгляд содержит в себе много верного. Страшный слух о появлении в какой-нибудь местности вампира повергает все население в неописуемый ужас. Вполне понятно, что у людей наиболее нервных дело иногда доходит до настоящих галлюцинаций, центральной фигурой которых является вампир. За этим болезненным ощущением следует целый ряд других столь же патологических впечатлений, которые нередко кончаются смертью человека. Правда, смерть в подобных случаях не является окончательной; она есть лишь временное исчезновение признаков жизни. Тем не менее подобное состояние вполне достаточно для того, чтобы простой человек схоронил труп. Но т.к. мысль о вампире властно господствует над умами всех людей, то и этот мертвец очень часто появляется в фантастических видениях своей возлюбленной или родственницы. Ибо в большинстве случаев можно с точностью установить, что к женщинам являются мужчины-вампиры, тогда как мужчины в своих картинах рисуют себе преимущественно женщин-вампиров. Так, например, во время эпидемий в Сербии сын гайдука Милоэ через четыре недели после своей смерти предстал в образе вампира перед Ситанойкой, невесткой того же гайдука. Как-то раз она легла спать, чувствуя себя вполне здоровой; вдруг она с адским воем вскакивает с постели. Вся дрожа от страха, она рассказала, что к ней явился Милоэ и начал ее душить, отчего у нее сильно разболелась грудь. Состояние ее постепенно ухудшалось, и через восемь дней она умерла. В той же деревне одна вдова забеременела через год после

смерти своего мужа. Она рассказала, что муж явился к ней ночью в образе вампира и, несмотря на ее протесты, он проспал с ней целую ночь.

Культурный человек давно порвал с вурдалаком и вампиром; даже дети – и те махнули на них рукой. Европа окончательно свергла с себя гнет колдовства. Один только сатана еще остался; его не в состоянии была устранить даже просвещенность энциклопедистов. Сатанинское начало в человеке сохранилось даже в такое время, когда все прочие боги пали под жестокими ударами человеческого скептицизма. Эгоистические мотивы и дух отрицания привели современного человека к "черной мессе", этому культурному подражанию ведьмину шабашу. "Черная месса" – чрезвычайно популярная тема в наше время. Поис-манс и Пшибышевский подвергли ее литературной обработке. Лео Так-сил на этой почве совершил гениальный шантаж с мисс Воган и чертом Битру. Даже Лев XIII поверил этой сказке или из соображений церков-но-политического характера показал вид, что верит. О "черных мессах", которые имели бы место в действительной жизни, а не в пышной фантазии литераторов, у нас очень мало сведений. Достоверно мы знаем лишь об одной мессе, связанной с именем маркизы де Монтеспань. Легуе и Функ-Брентано рисуют ее в таком виде. Посреди комнаты был поставлен алтарь, а на него положен тюфяк. На этом тюфяке располагалась обыкновенно какая-нибудь обнаженная участница мессы; в данном случае это была маркиза де Монтеспань. Аббат Гуибург, руководивший мессой, поставил крест на груди маркизы, покрыл ее живот салфеткой, а поверх этого поставил чашу. Когда священнослужителю, сообразно той или иной фразе этой мессы, нужно было целовать алтарь, он целовал тело маркизы. Тут же совершалось жертвоприношение. Зарезав новорожденного ребенка, священник отливал его кровь в чашу, где находилась святая просвира. Во время этой церемонии он от имени де Монтеспань говорил следующее: "Пусть король и дофина навсегда останутся моими друзьями. Я хочу, чтобы королева была бездетной, чтобы король оставил свой стол и кров. Пусть дружба его ко мне возгорится с адской силой, пусть покинет он Fontanque, пусть отвергнет свою супругу и женится на мне".

Необходимо сознаться, что есть еще очень много людей, которые празднуют свою "черную мессу". Но она окончательно утратила

первобытную дикость, которая так сближала ее с ведьминым шабашом. В настоящее время она представляет собой не что иное, как извращенное создание эстетической мечтательности. С тех пор, как церковь потеряла свою власть над умами людей, ее догмы утратили ту строгость и остроту, против которых так страстно боролись вольнодумцы и еретики. Прошедший век, век демократии, в корне уничтожил все эти своеобразные особенности человеческой психики. Всякая попытка вновь возродить их потерпела бы поражение; в лучшем случае, она вызвала бы к жизни лишь отдаленнейшие намеки на строй старого времени.

Если вопрос об инкубате и суккубате – этой существенной части колдовства – выделен нами в особую главу, то объясняется это тем, что, несмотря на совершенное исчезновение всяких ведьм и ворожей, вера в инкубов и суккубов продолжает оставаться прежней. Первобытное человечество, а за ним и язычество создали своих демонов и леших. Средневековые теологи и судьи, в руках которых находилась судьба преследуемых ведьм, проявляли совершенно исключительный интерес ко всем этим демонам, ко всем таинственным операциям, связанным с их культом. Составители "Hexenhammer'a", Спренгера и Джаститовиса дают вполне научное и очень удовлетворительное психологическое обоснование этого загадочного разврата, в центре которого находился дьявол. Там мы читаем:

"Естественное колебание частиц крови и сока, направленное к основным чувствительным центрам человеческого организма, вызывает в возбужденном уме спящего человека фантастические картины, исполненные всевозможных духов; эти духи суть, конечно, не что иное, как образы, глубоко врезавшиеся в память человека и всплывшие на поверхность под влиянием более или менее благоприятных условий. Но то же самое явление можно наблюдать у человека, сознание которого не погружено в тревожный, бредовый сон, т.е. когда сознание его вполне бодрствует. В этом случае основная психическая работа выпадает на долю демона: он приводит в движение образы, накопившиеся в воспоминательной сфере данного индивидуума, и направляет их к центральным пунктам человеческой психики, фантазии и воображению... И нам нисколько не следует удивляться тому, что демон обладает колоссальной естественной силой

и способностью привести человека в состояние крайней возбужденности и вызвать наружу образы, отложившиеся в уме данного индивидуума. Если это так, то вопрос о любовной мании не представляет уже для нас ничего загадочного... В этой сфере демон совершает свою работу с большим, поразительным искусством. Он знает, что человеческая страсть достигает тем большей яркости и силы, чем чаще человек сталкивается с образами, схожими с предметом своего влечения. И вот с этой-то целью демон старается создать в воображении человека наиболее выпуклый, рельефный образ любимого им существа-и это он делает с тем большим успехом, чем чувствительнее и восторженнее отношение любящего человека к своему возлюбленному".

Тут же они замечают: "Следует обратить внимание на то обстоятельство, что показания женщин в большинстве случаев не заслуживают никакого доверия; очень часто оказывается, что всевозможные рассказы их о совокуплении с инкубом представляют собою чистейший вымысел, плод возбужденной фантазии. Причем знаменательно то, что подобные вещи приключаются с женщинами, но никогда с мужчинами. Объясняется это тем, что женщина вообще склонна к созданию всяких фантастических образов и картин. Понятны теперь слова Guilelmus'a: "В основе фантастических явлений большей частью лежит меланхолия, причем это наблюдается гораздо чаще у женщин, чем у мужчин. Причиной этого является природа женской души; она в большей степени подвержена всяким влияниям, чем мужская душа". При этом он замечает: "Я знал одну женщину, которая утверждала, что дьявол познал ее изнутри; она говорила, что чувствует это, т.е. чувствует то, чему ни один человек не в состоянии поверить". По его мнению, женщины никогда не беременеют от инкубов; правда, животы их вздуваются, но процесс родов кончается тем, что животы эти приходят в нормальный уровень, выделяя лишь огромные количества воздуха из себя. Достаточно принять в каком-нибудь напитке муравьиное яйцо для того, чтобы в животе воцарились урчание и невероятный шум, того же эффекта можно достигнуть с помощью семян недотроги. При таких обстоятельствах и для демона не составляет особенного труда произвести подобную пертурбацию в человеческом животе. Все это было замечено с той целью, чтобы не доверяли всяким рассказам женщин. Доверия заслуживают лишь те

женщины, которые лично удостоверились в правдивости подобных происшествий".

К сожалению, практика сильно расходится с приведенной теорией. Для того, чтобы спасти основной догмат веры в дьявола, решено было оставить без внимания весь тот научный материал, который собран, накоплен в этой области. Ведь все, например, знали, какова сила и значение внушения. В Huxenhammer'e мы читаем: "Когда вещь представляется совершенно не в том виде, какова она на самом деле; когда видишь, как человек проглатывает коня вместе с всадником, когда он глубоко убежден, что превратился в зверя и гонится вместе с прочими зверями по широким полям – во всех этих случаях мы имеем дело с глубокой аномалией человеческих чувств и ощущений. Виновником всего этого процесса является демон. Он проносит перед глазами человека фантастические образы, и делает он это с такой отчетливостью и рельефностью" что человек глубоко уверен, будто перед его глазами действительно стоит конь или зверь, тогда как никакого коня, никакого зверя на самом деле нет. Влияние демона во всех этих случаях не должно нас особенно удивлять. Ведь в сущности то же самое мы наблюдаем на умалишенных, меланхоликах, алкоголиках и т.д.: человек, страдающий каким-нибудь умственным расстройством, видит перед собою всевозможные фантастические образы, в то время как на самом деле ниче-то нет". И несмотря на то, что все это было достоверно известно, к показанию подсудимых отнеслись тем не менее с большой доверчивостью. Современный спиритизм подражает во всех отношениях своим достойным предшественникам. Разница заключается лишь в том, что представители его не понимают психологической основы совершающихся процессов. Стоит медиуму заговорить о демоне любви-и современный спирит крепко уверует в реальное бытие этого существа. Ведь говорит же Хандрич с чисто профессорским достоинством, о "материализующихся существах ультра-материальной сферы, которые подкрепляют выводы спиритоитов о существовании инкубов и суккубов и о наличии связи между существами посю-и потустороннего мира".

Вместе со спиритизмом возродились к новой жизни и демоны любви; нет никакого сомнения, что, согласно требованиям новейшего времени, эти существа приобрели более загадочную и таинственную

физиономию, чем их достойные предшественники. Но взглянемся несколько ближе в лица этих предшественников.

Древние иранцы относились с большим подозрением к проституткам-чужестранкам. Совершенно исключительную подозрительность они проявляли к туранским певицам и танцовщицам. По их мнению, все эти женщины одержимы дьяволом: он вселяет в них бешенство и научает их всевозможным колдовским приемам, с помощью которых можно пробудить в человеке страсть. Иранцы возносят молитвы к Гауне, Богу брака, прося его поразить своим оружием эту "блудницу, которая зажигает человека бешеной страстью и чувство которой так же неустойчиво, как гонимое ветром облако". Т. к. туранки сверх этого не примыкали к общепринятому государственному культу, то священные книги Ормуз-да настойчиво предостерегали верующих от этих "обольстительных фей"; в этих книгах мы неоднократно читаем напоминания о том, что верующие под их влиянием не только становятся рабами их соблазнительной внешности – они просто впадают в ересь.

В Китае и Японии демоны имеют лисью внешность. По народному поверью, лиса обладает способностью превращаться в человека. В подобных случаях она превращается в инкуба или суккуба. Так, например, в народе до сих пор еще держится слух, будто наложница последнего императора из династии Джанг была лисой; эта лиса превратилась в женщину и своей красотой обольстила юного императора.

Жители острова Гаити также верили в инкубов и суккубов. То были души умерших, которые, по их представлению, днем находились в заточении, а ночью рыскали по белу свету.

У абиссинцев и магометан инкубом является Шайтан. В Абиссинии существует поговорка; если женщина спит одна, то о ней думает дьявол.

У германских народов лесные феи вступают в брак с людьми. Одна из них, жившая в пещере у Роденштейна, влюбилась в молодого красивого охотника; он же в свою очередь был так очарован ее красотой, что вступил с ней в половую связь. Через некоторое время она родила ему ребенка. Dictionnaire infernal приводит случай, приключившийся с одним молодым баварцем. У него умерла жена, и скорбь его была так велика, что он никак не мог утешиться. И вот

перед ним явилась Сильфида в образе его умершей жены. Она заявила, что Бог послал ее к нему, желая утешить его в бесконечном горе. Они жили вместе несколько лет. Но т. к. его поведение оставляло желать много лучшего, то она самым неожиданным образом исчезла.

В Швеции Скогфру бродит одинокая по лесам и своей красотой и лаской обольщает всех встречаемых. Кто поддается действию ее чар, тот сходит с ума. Она принимает самые разнообразные формы. Так, например, одному юноше, который шел на свидание к своей невесте, она явилась в образе этой невесты (кстати, последняя не могла прийти к назначенному времени). Она стала угощать его всевозможными яствами. Когда же он проглотил последний кусок, она страшно рассмеялась и быстро убежала в лес. При этом юноша, напуганный до смерти, увидел выдолбленную спину ее и длинный хвост. В Дании эльфы – это те же дьявольские существа с дуплистой спиной, какие мы встречаем у всех народов. Все они имеют неотразимую силу и влияние на тех людей, которые были крещены без соблюдения всех деталей этого обряда. Существует масса рассказов о браках, заключенных лесными феями с людьми. В 1691 году шведский суд присудил 22-летнего юношу к смертной казни "за преступное сожительство с Бергро и Скогро". В 1701 году подвергся судебному преследованию волонтер Мане Малм за то, что он имел дело со Скугфрой.

Эльбы и альпы, фигурирующие в немецких сагах, – это те же инкубы и суккубы. Человек, который одержим альпом (домовым), ясно чувствует, что какая-то женщина приглашает его совершить с ней половой акт; более того, он своими глазами видит, как она всходит на его кровать с тем, чтобы выкинуть какую-нибудь нелепую шутку.

Если на германской почве лесные феи заключают брачные союзы с мужчинами, то у славян мы встречаем явление совершенно противоположного свойства: там леший старается обольстить своими чарами молодых девушек. Русский леший очень часто вступает в брак с женщинами. В Архангельской губернии существует поверье, что вихрь – это танец лешего с его невестой. Леший похищает и женщин, и детей; он уносит их в свое подземное обиталище, и после долголетнего пребывания там он выпускает их совершенно одичавшими.

И у еврейского народа существовали многочисленные легенды о любовных демонах. Согласно толкованию Талмуда, место из книги

Бытия: "и он создал мужчину и женщину" следует понимать в том смысле, что Адам был физически неразрывно связан со своей женой Лилит; но т. к. они вечно ссорились, то Господь разделил их и дал каждому самостоятельное бытие; с тех пор Лилит предается разврату с различными чертями, а Адам в течение 130 лет тоже находился в связи с чертями женского пола, пока Бог не дал ему второй жены – Евы. Вот чем объясняется существование демонов и духов всевозможных видов. По преданию Талмуда, Исав имел жену Махалот, которая была суккубой. Самая красивая из всех суккуб носила имя Ноэнии; вместе со своим братом Тубаль-Каином она родилась из души Каина. Эта-то Ноэ-мия и является настоящей родоначальницей любовных демонов.

Опираясь на библейский рассказ о "Божиих сынах", живущих в любовной связи с дочерьми рода человеческого, Фома Аквинский утверждал, что любовные демоны существуют в действительности. Он защищал ту мысль, что coitus с этими демонами может привести к зачатию. Согласно его теории бесплотный дух обладает способностью навлечь на себя телесную оболочку и таким образом вступить в половую связь с людьми. В результате, конечно, мы имеем процесс зачатия нового существа; но это зачатие вызвано не организмом демона и не тем семенем, которое содержится в телесной оболочке, навлеченной демоном на себя. Причина зачатия лежит в том, что демон совокупляется с мужчиной под видом суккубы; воспринятое таким образом семя он передает затем женщине, с которой он совершает половой акт уже в качестве инкуба. Против этого можно было бы возразить, что в промежутке между этими двумя актами человеческое семя остывает и теряет свою жизненную силу.

На это Фома Аквинский отвечает, что все это демон старается предотвратить, как быстротой своих движений, так и применением всевозможных согревающих средств.

В трудах отцов церкви Фома Аквинский нашел богатый материал, подтверждающий правильность его теории. Августин много рассказывает о фавнах и сатирах, находящихся в половой связи с женщинами. А Созомен в своей "Истории церкви" приводит пример одного кузнеца Апеллеса, который пользовался в Египте широкой популярностью благодаря своим выдающимся качествам. Как-то ночью, когда кузнец был занят своей работой, к нему явился демон в образе женщины, чтобы испытать его целомудрие. В ответ на

приставания демона кузнец бросил ему в лицо кусок раскаленного железа; тогда только демон со страшным стоном и плачем убежал. В изложении Созомена этот "демон", если он на самом деле был, проявляет все черты, весьма характерные для дьявола. После Фомы Аквинского и некоторых других защитников этого предрассудка, вера в любовных демонов приобрела самые прочные формы и вошла в качестве составной части в монашескую литературу.

В конце своей книги "De aribus" Фома Брабантский приводит пример одной девушки, которую "неотступно преследовал инкуб, несмотря на ежедневную горячую исповедь, несмотря на ее ум и просвещенность. Ни крест, ни святая вода, которая специально создана для того, чтобы смутить дьявола; ни распятие, которое внушает страх даже ангелам, – ничто не помогло. Только долголетняя горячая молитва и жестокий пост спасли ее от дьявольского наваждения". Касариус фон Хейтербач рассказывает об этой женщине, которая 6 лет жила с дьяволом; невидимым образом он оплодотворял ее под самым боком ее мужа. На седьмом году она исповедовалась и была спасена святым Бернгардом.

В X главе III книги своего произведения "Illustrium miraculorum et historiaram memorabilium" он приводит случай с одним развратным схоластиком, который пригласил к себе на дом женщину. Вместо нее пришел дьявол. На следующее утро дьявол предлагает ему вопрос: "С кем, по твоему мнению, ты совокупился в эту ночь?" – "С женщиной", – отвечает тот. "Ни в коем случае, – возражает демон, – ты совокупился с дьяволом". Там мы находим рассказ о том, как дочь одного священника была обещана инкубом; из-за этого она помешалась. Она, однако, вполне излечилась от своей болезни после того, как ее отвезли далеко за Рейн. Но дьявол смертельно поразил ее отца, так что тот через три дня умер. Петрис де Палюде рассказывает об одном молодом человеке, который женился на идоле, но он об этом ничего не знал; ему казалось, что он имеет дело с девушкой. Все это можно объяснить себе только происками дьявола.

По поводу всех этих рассказов Хексенхаммер замечает, что "люди, воспламененные плотской страстью, до того безумствуют, что им необходимо найти какой-нибудь выход для своей похоти; люди знатные, прелаты, богачи – все они впадают в это роковое несчастье".

Не остаются в стороне от этого движения и бедняки.

"Одна женщина, жившая вблизи города Гевилля, в Базельском округе, шесть лет находилась в половой связи с инкубом; причем все это совершалось под боком спящего мужа. Половые акты с ним происходили три раза в неделю, по воскресеньям, вторникам и пятницам, а иногда и еще чаще. В городе Кобленце один бедняк в присутствии своей жены совершал половой акт точно таким же образом, как он вообще совершается между мужчиной и женщиной. Ничто не могло остановить его в его безумстве-плач и ропот его жены мало помогали в данном случае. Каждый раз по окончании акта он вскрикивал; "Начнем сначала", хотя не видно было, к кому он собственно обращается и кто служит ему сук-кубой. Часто доходило до того, что он после жестокого приступа бешенства падал в полнейшем бессилии на землю. Когда его впоследствии спрашивали, с кем он совершал половой акт и кто такая была его суккуба, он неизменно отвечал, что ничего не видал пред собою, что впал в такое беспамятство, которое совершенно лишило его возможности владеть собою. Он при этом всегда указывал на одну женщину, как на виновницу своего безумного состояния".

Мишелэ приводит рассказ одной вдовы, которая страшно убивалась по поводу смерти своего мужа. Она обратилась к одной колдунье с просьбой дать ей возможность хоть один раз взглянуть на умершего супруга. В награду за это она готова была отдать ей все, даже свою жизнь. Ведьма посоветовала ей пойти домой, наглухо закрыть двери и ставни, надеть свадебное платье и оставить за столом место для мужа. Далее она должна настойчиво звать его. "Но, — заметила она, — он не придет. Тогда возьми из ящика последний его сюртук, целуй его и приговаривай: ты не придешь — тем хуже для тебя". Затем она дала женщине какое-то вино, которое та должна была принять, и заявила ей, что если она все сказанное исполнит в точности, то муж обязательно придет. И, в самом деле, он явился к этой вдове и обещал ей приходить каждое воскресенье ночью, когда она будет спать.

Случай полового бешенства, представляющего собою переходную стадию к инкубату, приводит Гмелин в первом томе своего труда "Beitroge zur Anthropologie". Речь идет об одной немецкой даме, которая страдала нервными припадками, связанными с умопомрачением. Вовремя этих припадков она неизменно

представляла себя французской эмигранткой. Заболела она на почве любви к одному молодому человеку, который принимал деятельное участие в разыгрывавшейся тогда французской революции. В один прекрасный день молодой человек бесследно исчез, это обстоятельство подействовало крайне удручающе на молодую даму, и она заболела. Правда она очень скоро отделалась *ordelirium'a*, который сопровождался у нее сильнейшей лихорадкой, но до полного выздоровления было еще далеко. Всякий раз, когда надвигались приступы болезненного состояния, она резко обрывала разговор, оставляла без ответа обращенные к ней вопросы, а ее глаза неподвижно упирались в какую-нибудь точку. После этого она начинала громко вздыхать, проводила рукой по лбу и глазам, словно она только что проснулась от глубокого сна. Далее шел бесконечный рассказ о ее бегстве из Франции. В подобные минуты французский язык давался ей особенно легко: если же ей приходилось говорить по-немецки, то у нее появлялся какой-то странный, чуждый ей обыкновенно акцент.

Подобные, а, пожалуй, и еще более ужасные явления можно наблюдать и в настоящее время, особенно в различных спиритических кружках, насквозь проникнутых ханжеством и лицемерием. Таков был, например, случай с разведенной женой одного бельгийского фабриканта, которая вступила в связь с духом "Отто". Последний всячески уверял ее, что сильно ее любит. В своих письменных и устных любовных излияниях, которые возвещались обыкновенно медиумом, дух был до того навязчив, что дама боялась оставаться одна в комнате: она сильно опасалась, как бы "Отто" не изнасиловал ее. В данном случае, как мы видим, появление или непоявление инкуба есть лишь вопрос времени, т. к. сила сопротивления совершенно покинула эту даму. Аналогичный случай приводит Блюзген в своем "Spiritisten". Героиня романа также вступила в любовную связь с духом, причем Блюзген вполне серьезно замечает, что здесь возможно оплодотворение при посредстве существа "четвертого измерения". Чрезвычайно интересный случай, лечащий всецело в сфере инкубата, приключился с вдовой известного парижского магнетизера. Она рассказали одному сотруднику газеты "Temps", что любили своего мужа горячей любовью, при этом она таинственно заметила, что оставалась с ним в браке спустя шесть месяцев после его смерти. Муж

аккуратно посещал ее каждую ночь. Как-то раз она ему сказала: "Докажи мне, что это действительно ты, а не кто-нибудь другой". Муж ей на это ответил: "Я тебе докажу – завтра в полночь". В назначенное время он явился, но не через дверь, как он обыкновенно это делал, а сквозь стену. Вдруг он набросился на нее, начал ее кусать, так что она страшно кричала от боли. Знаки от этих укусов долгое время оставались у нее на плече. С тех пор она заболела страшным недугом, от которого освободилась благодаря удачному лечению одного магнетизера. Тут только она стала настоящей вдовой: ее муж больше уже не беспокоил ее своими посещениями.

И современный оккультизм противопоставляет инкубату суккубат.

Сюда относится случай, пережитый Христианом Реймерсом. По своей профессии Реймерс был музыкантом. Вследствие переутомления и полнейшего расстройства нервной системы ему пришлось окончательно бросить свои занятия музыкой, и тогда-то, как он сам рассказывает, он предпринял первые спиритические опыты. Конечно, и здесь, как во всех подобных случаях, необходимо предположить наличность известного предрасположения, хотя бы и направленного в другую сторону. И действительно, сам Реймерс говорит, что при первом же сеансе его окончательно покинула способность трезвого и спокойного наблюдения. Вполне естественно, что человек был охвачен всевозможными сомнениями, которые все время не давали ему покоя. Бесконечные колебания между глубокой верой и отчаянным скептицизмом красной нитью проходят сквозь все рассказы Реймерса, касающиеся его личных переживаний. Но это ни в коем случае не говорит в пользу его объективности, как он это думает. Его крайне подозрительное отношение к медиумам следует скорее рассматривать, как оборонительное средство в руках человека чрезвычайно слабохарактерного и безвольного: человек чувствует, как слепая вера поглощает, захватывает его, и вместе с тем этот результат для него совершенно нежелателен: мало того, человек хочет самым решительным образом предотвратить его.

Но скептическое отношение Реймерса к медиуму имело для него еще ту выгоду, что рассеивало у него всякие сомнения насчет наблюдательности, присущей ему. В его переживаниях самым беспорядочным образом рассеяны как субъективные галлюцинации (когда он находится один), так и объективные феномены (особенно в

присутствии медиумов). Вполне понятно, что случаи второго рода укрепляли Реймерса в том убеждении, что и его мнимые субъективные переживания имеют реальное бытие. Это, конечно, сильно осложняло положение несчастного: в конечном итоге он стал в самые интимные отношения к духу женского пола.

В первый раз "Bertie" (таково было имя духа) явилась в частом кружке спиритов, среди которых находился и Реймерс. Она заявила, что между XV и XVI веками она служила при лондонском дворе в качестве придворной дамы. Кстати заметим, что большинство духов, появляющихся во время сеансов английских спиритов, принадлежит к умершим придворным дамам. Дело дошло даже до материализации, и все моменты, сопровождавшие этот сеанс, оказались вполне благоприятными для Реймерса. Это никому не показалось удивительным, т. к. Реймерс был председателем кружка.

С тех пор "Berlie" является во всех заседаниях, в которых принимает участие Реймерс, "контролирующей интеллигенцией", как выражаются спириты. Но ее отношения к Реймерсу принимают некоторый характер правильности лишь с тех пор, когда роль медиума взяла на себя г-жа Фирман. Заседания переносятся в Манчестер: они происходят значительно чаще и систематичнее, чем раньше.

Первое письмо от "Bertie" Реймерс получил во время одного сеанса, который происходил в присутствии медиумов, г-жи Фирман и ее сына и посторонних зрителей в лице президента British Association of Spiritualism и двух дам. Письмо, которое, по словам Реймерса, было написано без всякого участия медиума, насквозь проникнуто спиритуалистическим духом. Содержание его таково: "Дорогой друг! Помни всегда о нас. Мы, духи, свободные от земных страданий, призваны утешать и ободрять Вас на трудном жизненном пути Вашем. Нам доставляет бесконечную радость видеть, как ты во всем повинешься этому несчастному существу, которое подвержено столь тяжким испытаниям в жизни (г-же Фирман). Но имей в виду, что нас сильно занимает и материальная сторона твоей жизни. Мы счастливы, конечно, что наша возвышенная миссия вызывает в тебе горячий энтузиазм: но вместе с тем мы ни в коем случае не хотели бы, чтобы этот энтузиазм повлек за собою какие-нибудь неприятные последствия в твоей материальной жизни. Приложи все старания к тому, чтобы твоя профессия не пала жертвой нашего общего дела, ибо нас очень

огорчает мысль о том, что тебя могут постигнуть какие-нибудь материальные невзгоды. Верная тебе Bertie". В этом письме заслуживает внимание одна черта-это бесконечная заботливость, которую дух проявляет по отношению к своему поклоннику. Следует заметить, что эта черта вовсе не является характерной для подобного рода отношений: совершенно напротив – дух никогда не вникает в социальное положение верующего, он считает это вещью, на заслуживающей никакого внимания. Но все же эта черта, наличность которой мы отметили в данном письме, не дает еще никаких указаний на то, какое направление примут дальнейшие отношения между Реймерсом и Bertie. В общем, главные толчки в развитии этих отношений исходят неизменно от самого Реймерса. Его экзальтация растет со дня на день. Во время одного сеанса, на котором в качестве медиума фигурировала г-жа Вудфорде, он предлагает ей вопрос: "Каким образом возвышенные, непорочные духи являются перед лицом людей, воплощаясь в низменных, подчас даже лживых медиумах?" На это она ему ответила пространной речью, которая "была соткана из роскошных цветов, которая дышала бесконечной горячей любовью ко всему человечеству". По этому поводу он заметил ей следующее: "Глубокая интимность, которая наполняет все мое существо, неудержимо влечет меня к этому загадочному, таинственному созданию. Мною овладело чувство, будто ко мне приближается давно умершая любимая сестра моя, которая с большой осторожностью скрывает свое родство со мной". В том же заседании Bertie обещала ему свою фотографическую карточку. Он немедленно отправился к фотографу духов, г. Хадсо-ну, и "с тихой радостью" принял от него обещанную карточку. Фотограф, однако, с явным неудовольствием заметил: "Фигура прекрасная, почти что самая лучшая во всей моей коллекции, но у меня есть очень много карточек таких лиц, которые мне совершенно незнакомы". Вернувшись из какой-то поездки по Германии, Реймерс немедленно приступил к спиритическим сеансам, пользуясь услугами одного своего друга, отличавшегося ярко выраженными медиумическими задатками. С помощью этого друга Реймерсу удалось несколько раз добиться письменных откровений от Bertie; это приводило его в неописуемый восторг. Наконец, вернулась и г-жа Фирман, исчезнувшая вдруг из Манчестера. "В тот же день, когда она приехала, "Bertie" постучалась

ко мне почти одновременно с приходом медиума, и мы все втроем сидели тихо за чаем и наслаждались веселыми выходками нашей невидимой гостии". Надо полагать, что это был спиритический транс, в который погрузилась г-жа Фирман, т. к. никаких других указаний для объяснения этого явления у Реймерса не приведено. Сеансы происходили с чрезвычайной аккуратностью. Реймерс сосредоточивает все свое внимание на том, чтобы медиум его как-нибудь не обманул; он принимает всевозможные меры предосторожности, но все же явление материализации неизменно наступает. Естественно, Bertie – первая, которая появляется. До ее появления он ясно ощущает в левой части своего тела какие-то своеобразные колебания, которые несомненно свидетельствуют о его личной медиумической одаренности, по-видимому, совершенно незамеченной им. После этого первого "сигнала" является Bertie.

Сначала она показывает лишь свою голову и бюст, а затем выступает во весь рост. В протоколах своих сеансов Реймерс пишет: "Она явилась предо мной в своеобразном великолепии; она показала мне свои нежные, словно воск, руки. Я втайне даже сомневался, могут ли вообще быть такие руки, но когда она заиграла своими пальчиками, все мои сомнения рассеялись. Это явление было для меня провозвестником и сигналом счастья; оно явилось для меня указанием того, какие горы сомнений может рассеять эта ангельская ручка". Чтобы окончательно убедиться в реальности этого явления, Реймерс решился на крайнюю меру: он задумал отлить форму этой руки. Сделать это очень легко. Для этого достаточно отливаемый предмет погрузить в ведро горячей воды, содержащей в себе раствор парафина, затем этот же предмет опустить в холодную воду. Бели изображаемый предмет будет рукой, то описанным способом можно получить ее точнейшую форму. Но если рука погружена в парафин выше сустава, то очень может статься, что ее трудно, а иногда почти невозможно будет извлечь из этой массы без нарушения отлитой формы. Копенгагенский профессор Альфред Лехман утверждает, что извлечение руки можно без ущерба для формы совершать до тех пор, пока парафин сохраняет свою мягкость и теплоту. В случае же с рукой Bertie мы совершенно обеспечены от обмана, т.к. ее рука и тоньше, и меньше, и совершенно другой конструкции, чем рука медиума или Реймерса. Bertie, таким образом, очень легко могла извлечь свою руку

из парафинового раствора. Желая доставить удовольствие Bertie, он преподнес ей к празднику Рождества маленький золотой шейный крестик. Та приняла его с благодарностью и моментально исчезла; но с тех пор она никогда не являлась к Реймерсу без крестика. Она носит его на своей руке, на тыльной стороне. Когда Реймерс просит вернуть крестик, она неизменно отвечает: "Нет, нет, нет, ты крестика этого не получишь, он для меня слишком дорог – у кого есть крест, тот приобретет и корону". Его отношения к Bertie приобретают все болеешь тимный и нежный характер. Она уже является теперь к нему не только во время сеансов. Эта новая стадия в их отношениях началась после одного сеанса, на котором духи Bertie и Lilie преподнесли всем участникам цветы. Вернувшись домой, он зашел к себе в спальную, и там на подушке он нашел красивую астру.

Сначала он подумал, что это г-жа Фирман, жившая у него в доме, пошутила над ним. Но на следующий день он узнал, что его предположения совершенно не правильны. И вот для того, чтобы устранить всякую возможность обмана, он перед своим уходом из дому оклеил все окна и двери и сделал тайные пометки в различных местах. Вернувшись домой, он нашел все в полном порядке, все наклейки были в целости, и все же в комнате у него были свежие цветы, а на одной из наклеек он заметил несколько слов, написанных рукою Bertie; там она высказывалась насчет одного письма, которое он оставил у себя в комнате, но которого теперь никак не мог найти. "Таким образом, у меня происходит таинственный обмен письмами и цветами с духом!?" – вскрикнул он. Далее он продолжает: "Шум будничной жизни болезненно задел мое восприимчивое, чувствительное ухо". В одном месте он как-то говорит, что спиритические переживания "заставляют его в ослеплении блуждать сквозь темный тоннель житейского бытия; нечасто выпадали на его долю минуты, когда он мог бы знать, где ступает его нога". Явления начинают постепенно облекаться в форму каких-то мистерий. Одними письмами и цветами дело не ограничивается. Возвращаясь поздно ночью домой после утомительных спиритических сеансов, Реймерс находит у себя в запертой комнате вино и пироги – то Bertie постаралась для своего возлюбленного (мы можем теперь смело назвать Реймерса ее возлюбленным); очень часто она преподносит ему вино во время сеанса, когда он заседает с г-жой Фирман и ее сестрой.

Что касается ее внешности, то о ней он высказывается в следующих словах: "Она пришла ко мне – образчик небесной красоты, которой я не берусь и не смею описать! Бодрая осанка, нежный цвет лица, огромные, блестящие глаза, обрамленные длинными ресницами, – все это превосходило самые смелые ожидания мои. Признаюсь откровенно – я был ошеломлен. Я не могу описать вам того трепетного одушевления, которое овладело мною в ту минуту. Приди ко мне Мефистофель и верни он мне, подобно Фаусту, мою молодость, дай он мне сверх того Bertie в качестве постоянной спутницы моей жизни – о, я нисколько не посмотрел бы на ту роковую опасность, которая связана с подобного рода волшебством!"

Вот все, что мы могли позаимствовать из сообщений Реймерса, собранных в его труде "Erfahrungen im Spiritualismus". Но этого материала вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе все дальнейшие явления в его жизни. У нас, кроме того, имеются вполне точные сведения относительно исхода всей этой аферы; но этим мы уже обязаны одному известному исследователю в области спиритизма, близкому другу Реймерса. По его словам, Bertie навещала Реймерса и вне сеансов, в его спальне. "Ведьма", как он ее называет, заставила Реймерса совершенно позабыть ту, духовную, возвышенную сущность, которую он ей приписывал. Дело кончилось тем, что было наиболее естественно в подобных отношениях: половой связью. С этих пор Bertie становится все назойливее. Ей недостаточно ночных визитов; она пристает к своему возлюбленному и днем. Вначале Реймерс относился к подобным желаниям Bertie весьма сочувственно; с течением времени эти бесконечные приставания начали ему надоедать. Bertie превратилась для него в синоним ужаса. Он дрожал от страха при каждом ее посещении. Желая избавиться от ее преследований, он, по совету своего друга, принял приглашение в Австралию. Ему казалось, что перемена места приведет его к окончательному разрыву с Bertie. Но было уже поздно. Разрыв между ними был уже невозможен. Правда, во время поездки фантом его нисколько не беспокоил. Объясняется это как изменившимися условиями жизни, так и отдыхом, который он вкушал в пути. Но лишь только нога его ступила на твердую почву, лишь только он вернулся к своим обычным занятиям, куда относятся и спиритические сеансы, – Bertie снова появилась. Теперь уже не было никакой сдержки: "Я и она

— это одно!" — пишег он где-то: он говорит о ней, как о своем "я". Но этот измученный, истерзанный человек нашел, наконец, покой. Спустя короткое время после своего приезда в Австралию он умер.

Все эти явления, взятые, несомненно, из жизни и имеющие какой-то особый романический привкус, объяснить нелегко. Картина пестрит разнообразными красками, ее трудно разрешить одним ударом. Ведь мы совершенно не знаем, насколько верны все те данные, которые приведены самим Реймерсом. Предпринимая различные меры предосторожности, не прозевал ли он чего-нибудь? Он был в сущности единственным свидетелем всех откровений г-жи Фирман-женщины, которая в материальном отношении находилась в исключительной зависимости от него. Мы нисколько не сомневаемся, что Bertie являлась не только в присутствии г-жи Фирман; мы даже положительно знаем, что она приходила и тогда, когда в качестве медиумов фигурировали другие лица. "Таинственная Bertie появлялась во всех тех кружках, где я играл руководящую центральную роль", — говорит он, и этими словами совершенно бессознательно указывает нам на то, где следует искать причину этого постоянного ее появления. Он и только он был источником всех этих явлений. Его личная медиумическая одаренность, естественно, повышалась под влиянием различных других медиумов, окружавших его. Ни материализации Bertie, ни формы ее рук и ног-все это нисколько не доказывает, что она реально существовала.

Благодаря исследованиям де Рочаса мы знаем, что сомнамбулы и медиумы в состоянии глубокого сна испускают особого рода влажные тела, которые обладают способностью сгущаться и которые принимают форму человеческого тела, большей частью, фигуру самого медиума. Однако это бывает не всегда. Так, например, на конгрессе спиритов инженер Мак Напп доложил об одном случае, когда образовавшееся тело было во всех деталях-похоже на фигуру, взятую с одной картины; к этой картине очень внимательно присматривался медиум до открытия сеанса. Да, медиумы обладают способностью вызывать наружу человеческие образы; этого отрицать нельзя, ибо в качестве доказательства мы имеем целый ряд фотографических снимков, совершенных с соблюдением всех предосторожностей. Но в создании этих образов видную роль играет фантазия, как самого медиума, так и всех прочих участников сеанса. Так обстояло дело и в

данном случае. Bertie, на которой были сосредоточены все помыслы Реймерса, должна была появляться всюду, где находился и Реймерс. Для этого вовсе не требовалось, чтобы его медиумы вообще знали о существовании Bertie; и, действительно, очень часто они ничего не знали о ней, и все же она тем или иным образом появлялась перед участниками сеанса. Ее появление, таким образом, является результатом упорной мысли Реймерса, сосредоточенной на Bertie, результатом его безудержного неодолимого влечения к ней.

Но что представляет из себя Bertie?

Не что иное, как олицетворение бессознательного. Те самые процессы, которые у людей нормальных и здоровых всецело протекают в сфере интеллектуальной жизни, принимают у Реймерса совершенно другое направление: благодаря его экспансивному, повышенному темпераменту они переходили в сферу материальных ощущений и временами принимали очертания нормального человеческого организма. Только этим можно объяснить себе тот факт, что мысль о Bertie ни на минуту не покидает Реймерса, что его неотступно преследует ее дивный образ, созданный его пышной богатой фантазией; естественно, что на этой почве рождаются и различные моменты эротического свойства. Вполне понятно, что самые незначительные факты, связанные с именем Bertie, как, например, цветы, преподнесенные ею во время одного сеанса, сильно разжигают и без того разгоряченную фантазию Реймерса и доводят его до полнейшего безумия. Что касается "взаимного обмена цветами и письмами", то мы предпочитаем совершенно умолчать о нем; дело в том, что рассказ Реймерса, касающийся именно этой стороны дела, может быть с субъективной точки зрения и очень интересен, с объективной же точки зрения он для нас далеко не достоверен. Остался еще один вопрос: как объяснить себе появление Bertie в качестве сукку-бы? Но это ведь не что иное, как заключительный момент, к которому Реймерс неминуемо должен был прийти под влиянием своей не в меру возбужденной фантазии. Все остальное вплоть до его трагической кончины представляет собою прямой и логический результат его болезненного психического состояния.

Во всех этих случаях налицо должен быть человек, отличающийся колоссальной психической восприимчивостью и раздражимостью. Мало того, человек должен быть лишен всякой способности

сопротивляться всем этим влияниям. Эта неспособность, эта податливость должна быть отличительной чертой и того человека, который применяет *actio in distans*. В противном случае ему, правда, удастся произвести некоторое влияние на третьих лиц, но результатов своего влияния он не в состоянии будет воспринять. Только таким образом можно объяснить себе все описанные нами случаи. Идет ли речь о половом "воздействии на расстоянии" или о различных галлюцинациях, связанных с инкубами и суккубами, об интеллектуальном воздействии или психическом превращении-во всех этих случаях призраки исходят из внутреннего мира человека. Его собственная душа является источником тех фантомов, которые в конечном итоге покоряют его всецело. Не демон и не дух – не они искушают человека, не они завязывают с ним половые отношения. Нет, все это картины, созданные болезненным, сладострастным воображением самого человека. – Конечно, воображение это в том или ином случае в достаточной степени умеряется влиянием среды, воспитания и общепринятых воззрений...

ПСИХОСПИРИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

Спиритизм зародился в марте 1848 года в небольшом городке Хай-десвилле, штат Нью-Йорк, где несколькими месяцами ранее семья Фоксов приобрела дом, прежние владельцы которого жаловались на странные шумы. Фоксы и сами начали вскоре отмечать необычные стучащие звуки, пугавшие иногда по ночам двух младших дочерей Маргарет и Кэйт. В тот роковой вечер 31 марта младшая дочь Кэйт, играя, щелкнула пальцами, потребовав повторения стуков. Ее требование было выполнено. В течение нескольких часов в доме побывало множество соседей, желавших быть свидетелями этого сверхъестественного явления. (По материалам Д. Мишлага. (Прим, авт.))

Попросив звуки повторяться дважды в случае отрицательного ответа и единожды в случае положительного, собравшиеся люди вскоре сумели завязать диалог со стуками, которые сообщили о себе, что исходят из мира духов. Один из соседей, Дьюслер, догадался расписать буквы алфавита и предложил духу стучать, когда будет указана правильная буква, с тем, чтобы складывать затем буквы в слова и предложения. Благодаря этому дух поведал, что он был странствующим коробейником, которого предыдущий владелец дома, убив, сокрыл в подвале.

Тотчас же последовавшие раскопки не дали результатов, поскольку необычайно высокий уровень грунтовых вод делал поиски практикчески невозможными.

Между тем сотни соседей днем и ночью продолжали приходить в дом Фоксов, чтобы услышать, как стучится дух. Кроме того, они организовали комиссию для сбора вещественных доказательств. Летом 1848 года удалось обнаружить человеческие зубы, несколько обломков костей и немного человеческих волос. Хотя вещественные доказательства были явно недостаточны, некоторые соседи сообщили, что стуки продолжаются и тогда, когда в доме нет никого из членов семьи Фоксов. Однако несомненным было то, что эта форма

медиумизма центрируется вокруг сестер Фокс; впрочем, в скором времени она распространилась и на многих других людей.

В ноябре 1849 года спириты организовали свое первое публичное собрание, сняв для этой цели самый большой зал из тех, которыми располагал город Рочестер, штат Нью-Йорк. Были приглашены три гражданские комиссии, независимо друг от друга обследовавшие сестер Фокс. Отчеты комиссий были неизменно положительными, подтверждая, что происхождение звуков не связано ни с чревоуещанием, ни с применением каких-то механических приспособлений. Публика, однако, посмеялась над этими отчетами. Возникла потасовка, и девушкам пришлось удирать от разъяренной толпы через черный ход.

Под покровительством знаменитого устроителя зрелищ Барнума сестры Фокс разъезжали с представлениями по всей стране и прославились благодаря своим медиумическим способностям. Кроме того, благосклонное внимание Хораса Грили (издателя "Нью-Йорк Трибюн", а в дальнейшем — кандидата на пост президента Соединенных Штатов) поставило их в центр широкой общественной дискуссии. В 1871 году крупный нью-йоркский банкир Чарльз Ф. Ливермор в знак благодарности за то утешение, которое дала ему Кэйт Фокс своими "силами", отправил ее в Англию. Здесь ее изучал физик сэр Уильям Крукс, которому впоследствии была присвоена Нобелевская премия за открытие таллия. В связи с этим обследованием Крукс опубликовал заявление, содержащее, в частности, следующие строки:

"Будучи полностью осведомленным в многочисленных теориях, имеющих своей целью объяснить происхождение этих звуков, я обследовал их со всей тщательностью и всеми способами, которые только смог изобрести, после чего должен признать, что истинный объективный источник их происхождения не обусловлен ни трюками субъекта, ни механическими средствами".

Основной аргумент скептиков состоял в том, что сестры Фокс производят "стуки" путем похрустывания пальцами рук и ног. Эта гипотеза, однако, не могла объяснить различий в типах звуков, их громкости, вариаций их тона, а также того, что они, по-видимому, исходили из различных мест.

И тем не менее в 1888 году Маргарет Фокс сделала публичное заявление, разоблачающее спиритов; она утверждала, что производила звуки, похрустывая пальцами ног. Присутствовавшая при этом Кэйт хранила молчание, как бы выражая тем свое согласие. Впрочем, через год Маргарет отреклась от своих слов, сказав, что она попала под влияние людей, враждебных спиритизму, и что эти люди посулили ей денег. Обе сестры были к тому времени алкоголичками. Однако за всю свою карьеру они ни разу так и не были уличены в обмане.

В рядах спиритов также проводились изыскания; шли они, правда, в направлении, несколько отличном от экспериментальной работы ученых. Спириты пытались описать мир согласно поучениям самих духов. Такая теоретизация спиритизма является в основном заслугой Л. Г. Д. Райвейла (1803-1869), доктора медицины, ставшего знаменитым под псевдонимом Алан Кардек.

!, Теория Кардека была довольно проста: после смерти душа становится духом и ожидает перевоплощения, которое, как учит Пифагор, является долей всех человеческих душ; духи знают прошлое, настоящее и будущее; иногда они могут материализоваться и воздействовать на материю. Мы должны передавать себя под водительство добрых духов, полагает Кардек, и отказываться слушать злых духов, Кардек написал много книг, пользовавшихся в его время небывалой популярностью. В Бразилии до сих пор имеется огромное множество его последователей, а недавно там даже была выпущена посвященная ему серия марок. Действительно, его интеллектуальная энергия достойна восхищения. Тем не менее теории свои он строил на малоубедительной гипотезе, согласно которой медиумы, в которых воплощаются так называемые духи, никогда не ошибаются-разве что в тех случаях, когда через них вещают злые духи. При этом совершенно игнорировались такие, например, возможности, как внушение, проявление параллельной личности или влияние бессознательных областей, что дало скептически настроенным ученым вроде Майкла Фарадея повод выдвинуть альтернативную гипотезу, объясняющую все феномены созна-тельным обманом со стороны медиума.

Действительно, многие уровни личности до сих пор еще не только не изучены, но даже не затронуты – как исследователями, так и повседневной жизнью. И все же может быть указан ряд случаев, в

которых даже такой подход не в состоянии объяснить механизмы всех наблюдаемых явлений.

Одним из замечательных тому примеров является Даниэль Дуглас Хоум – пожалуй, величайший из медиумов всех времен. Он родился в 1833 году под Эдинбургом в Шотландии и еще ребенком переехал к тетке в Новую Англию. В возрасте семнадцати лет он имел видение смерти своей матери, вскоре подтвердившееся. Начиная с этого времени, домочадцев стали тревожить громкие стуки и сама собойдвигающаяся мебель. Заявив, что он привел в дом дьявола, тетка выставила Хоума на улицу. Он стал жить у друзей, давая для них сеансы.

За свои сеансы Хоум никогда не брал денег. Он совмещал в себе религиозное преклонение перед проявляющимися через него силами и знание с научным подходом, пытаясь дать всему этому какое-то рациональное истолкование. Впрочем, Хоум принимал подарки своих могущественных покровителей. Так, Наполеон Третий обеспечил средствами к существованию его единственную сестру. Русский царь Александр устроил ему женитьбу. Он проводил сеансы с королем Баварии и Вюртембурга, а также с германским императором Вильгельмом Первым. Он встречался и со знаменитыми писателями.

К удовольствию лорда Бульвера Литтона, вызванный Хоумом дух внушил ему написать замечательный оккультный роман "Занони". Он провел сеанс для Элизабет Баррет Браунинг и ее мужа Роберта. Несмотря на протесты жены, Роберт Браунинг настаивал, что Хоум плут, и даже написал по этому поводу длинное стихотворение, озаглавленное "Г-н Сладж, медиум", где описывал разоблачение, которого на самом деле не было. Действительно, если даже предположить, что Хоум был жуликом, за всю свою долгую жизнь он не попался ни разу.

В 1868 году Хоум проводил опыты с Кромвелом Вэрли, главным инженером Атлантической Кабельной Компании, а затем с членами лондонского Диалектического общества, дав им пятьдесят сеансов, на каждом из которых присутствовало по тридцать человек. Опубликованный в 1871 году отчет подтверждал, что наблюдались звуки и вибрации неизвестного происхождения, перемещения тяжелых предметов без посторонней помощи, звуки музыкальных инструментов, ладно выполняющих отрывки различных произведений

без участия видимого музыканта, а также явления рук и лиц, не принадлежащих материальным, осязаемым человеческим существам, но очевидно живых и подвижных. Этот отчет побудил Уильяма Крукса лично обследовать Хоума.

Крукс провел с Хоумом два остроумных и тщательно продуманных эксперимента: по произвольному изменению веса объектов и по "бесконтактной" игре на музыкальных инструментах. Опыты, в которых участвовали восемь наблюдателей, включая члена Королевского Общества физики сэра Уильяма Хагинса, дали поразительные результаты – Хоум действительно мог делать это, не прикасаясь к применяемым в экспериментах объектам. Чтобы удостовериться, что все они не пали жертвой групповой галлюцинации, Крукс воспользовался приспособлением для непрерывной записи колебаний волн.

Отчет о своих экспериментах Крукс направил в Королевское Общество, предполагая способствовать тем самым разворачиванию широкомасштабных исследований данного феномена. Однако секретарь Общества отклонил его отчет и наотрез отказался принять личное участие в экспериментах.

Крукс также клятвенно заверил, что он был свидетелем и других феноменов, в том числе левитации тела Хоума, левитации предметов, огненошения вспышек света и призраков.

Самого Хоума очень возмущали трюки и жульничество. В своей книге "Свет и тени спиритизма", написанной в 1878 году, он занял агрессивную позицию не только против явно "дутых" медиумов, но и против всех, кто не желал сотрудничать с учеными. В отличие от большинства медиумов, Хоум всегда был готов подвергнуться проверке в условиях хорошего освещения и строгого контроля.

Несмотря на неприятие его психических исследований научными кругами, Крукс на протяжении всей своей жизни продолжал отстаивать достоверность полученных им результатов. В 1913 году он был избран президентом Королевского Общества; к сожалению, к тому времени он уже давно отошел от экспериментальной работы с медиумами и, будучи умудрен опытом, не желал более обсуждать подобные проблемы публично. Явлений, о которых сообщал Крукс, ни до, ни после него не удавалось наблюдать в экспериментальных условиях ни одному исследователю. Отчеты его зачастую не

соответствуют современным стандартам – он попросту считал, что для подтверждения подлинности феномена достаточно было одного его слова. Поскольку во время проведения этих исследований Крукс пребывал в зените своего интеллектуального творчества, заявление о том, что он был попросту одурачен ловкими проходимцами, звучало бы довольно опрометчиво. Как говорил его друг сэр Оливер Лодж, "отвергать доказательства здесь столь же трудно, как и принимать то, что они доказывают". Свои наиболее поразительные опыты Крукс провел с женщиной-медиумом по имени Флоренс Кук.

Кук вызвала среди спиритов сенсацию: она обладала способностью материализовать различных духов. Наиболее знаменитый из появлявшихся духов называл себя Кэйти Кинг и утверждал, что в прошлой жизни он был дочерью пирата Генри Моргана.

Крукс на протяжении трех лет посещал сеансы Флоренс Кук и несколько месяцев интенсивно изучал ее в своей домашней лаборатории. Он множество раз наблюдал Кэйти Кинг и сделал более сорока ее фотографий. В ряде случаев он имел возможность видеть Флоренс вместе с ее духом, мисс Кинг, и даже сфотографировал их. Появляясь перед собравшимися на сеансе, Кэйти иногда беседовала с ними часа по два. Она была вполне осязаемой, и Крукс сообщает, что один раз ему удалось обнять ее и поцеловать. Иногда, впрочем, она тотчас исчезала, не проронив ни звука. С трудом верится, что сообщница Флоренс могла на протяжении нескольких месяцев дурачить Крукса в его же собственном доме банальным маскарадом.

Указывая на различия в росте и характерных чертах медиума и духа, Крукс отмечал, что Флоренс всегда была готова пройти через любые проверки и тесты. Тем не менее в двух случаях, в 1872 и в 1880 году, различные лица сообщали о ее разоблачении: Флоренс якобы гримировалась под своего духа.

По этому поводу может быть принят ряд вполне правдоподобных предположений: 1) что Крукс был обманут или околдован Флоренс Кук; 2) что, хотя сам Крукс наблюдал подлинные явления, Кук временами утрачивала свои способности и вынуждена была прибегать к обману; 3) что вышеупомянутых разоблачений не было; 4) что отчеты Крукса были заведомо ложными. Психические феномены всегда допускают множественность взаимоисключающих толкований,

а экспериментальная методология Крукса была явно недостаточной, чтобы ответить на все вопросы, которые кое-кому хотелось бы задать. При этом, однако, не следует забывать следующее: у нас нет никаких оснований требовать, чтобы подобные феномены (если они действительно имеют место) отвечали канонам нашего "здорового смысла".

Столь же трудно поверить, что человек такого научного уровня, как Крукс, мог заниматься чисто студенческими розыгрышами широкой публики. Правда, некоторые из его критиков утверждают, будто бы он был влюблен в Флоренс Кук и будто он удостоверял подлинность демонстрируемых ею феноменов лишь затем, чтобы уберечь ее репутацию, а заодно и затем, чтобы скрыть подлинные причины их контакта. Но даже если у Крукса действительно была связь с мисс Кук, это никак не объясняет феноменов, о которых он сообщал в связи с Хоумом и мисс Фокс. Впрочем, экспериментальным отчетам психических исследователей всегда предъявлялись обвинения в заведомой лжи, и это будет продолжаться до тех пор, пока у людей имеются психологические барьеры против признания самой возможности психических феноменов.

Другим важным медиумом этого периода был Уильям Стэнтон Мозес (1839-1892), выпускник Оксфорда, в 1863 году занявший пост министра. В 1872 году он начал демонстрировать некоторые физические феномены, связанные с автоматическим письмом, которые, как казалось, свидетельствовали о возможности передачи мысли на расстояние. Правда, сами по себе феномены были не столь убедительны, как его изысканный стиль речи. 9 мая 1874 года он обсудил свои опыты " Эдмундом Гарни и Фредериком Майерсом-исследователями с солидной репутацией в академических кругах. Респектабельность и серьезность Мозеса произвела впечатление на обоих.

Немного позже Майерс и Гарни образовали неофициальное объединение для изучения спиритических феноменов. К этой группе были привлечены известный философ Генри Сайдженик и Артур Бэльфор, ставший впоследствии премьер-министром Англии. Следующие восемь лет эта группа продолжала исследовать медиумов с переменными и в целом маловыразительными результатами. Создавалось впечатление, что наиболее убедительные из полученных

ими свидетельств подкрепляли не спиритические гипотезы, а теорию передачи мысли, или телепатии.

о Проблема передачи мысли занимала также и проводившего эксперименты в этой области сэра Уильяма Ф. Баррета, профессора физики из Королевского Колледжа Наук в Дублине. У него-то и возникла идея создать организацию спиритов, ученых и исследователей, которые объединили бы свои усилия для беспристрастного изучения психических феноменов. Баррет созвал в Лондоне конференцию, пригласив на нее в том числе Майерса, Гарни и Сайджвика; так возникло Общество психических исследований (ОПИ), первым председателем которого стал Сай-джвик, имевший репутацию беспристрастного ученого.

Общество учредило шесть рабочих комиссий, причем каждой из них предписывалась своя определенная сфера деятельности:

1. Изучение природы и степени любых форм влияния, которое может оказываться одним умом на другой вне рамок общепризнанных типов восприятия.

2. Исследование гипнотизма и различных форм так называемого месмерического транса с его якобы нечувствительностью к боли; ясновидение и тому подобные явления.

3. Критический пересмотр исследований Рейхенбаха с привлечением некоторых организаций, называющих себя "сенситивными", выяснение, обладают ли такие организации способностью к восприятию, статичному от обостренной восприимчивости известных нам органов чувств.

4. Тщательное изучение всех основанных на убедительных свидетельствах сообщений о видениях, возникающих в момент смерти, и видениях вообще, а также о необычных явлениях в домах, якобы посещаемых призраками.

5. Рассмотрение различных психических феноменов, обычно называемых спиритическими, наряду с попытками выявить их причины и общие законы.

6. Сбор и сопоставление существующих материалов по истории этих предметов.

В 1882 году великий американский психолог Уильям Джеймс во время своего пребывания в Англии встретился с Гарни, и вскоре у них завязалась прочная дружба. Позже Джеймс подружился также и с

(Майерсом. В 1884 году Баррет, посетив Соединенные Штаты, поощрил американских ученых к созданию подобного Общества, которое было учреждено в 1885 году при активном содействии Уильяма Джеймса.

Работая в качестве почетного секретаря в литературной комиссии ОПИ Эдмунд Гарни вскоре обнаружил, что большинство сообщений относится к широкому классу сходных явлений, которые могут быть названы "кризисными видениями" (crisis apparitions}. Имеется в виду наблюдение фигуры или слышание голоса лица, переживающего в этот момент кризисную ситуацию, – такую, например, как смерть или несчастный случай.

За один год своего существования ОПИ собрало более 400 сообщений о подобных случаях, и в 1886 году Гарни опубликовал документ, озаглавленный "Призраки живых". Здесь на 1300 страницах анализировалось 702 случая появления видений, Все свидетельства были получены из первых рук и, как правило, подкреплены показаниями очевидцев. Для оценки достоверности их показаний свидетели опрашивались членами ОПИ.

Гарни выделил несколько категорий видений. Так, существуют случаи спонтанной телепатии, имеющей место в тот момент, когда посылающий переживает какой-то Шок или сильную эмоцию. Например, жена, лежащая в постели, может ощутить внезапную боль во рту, когда муж ее где-то ползает по челюсти. Далее идут случаи, в которых переживания перципиента не являются точным отражением переживаний агента, но лишь основываются на них, – подробная же картина рисуется умом самого получателя. Имеется также много случаев, когда лицо, собирающееся посетить какое-либо место, уже наблюдается там людьми, никак не ожидающими его прихода. Весьма маловероятно, что в этот момент люди наблюдают образ агента, созданный ими же у себя в уме. И наконец, Гарни рассматривает случаи, когда агент был мертв или умирал, в то время как одежда и поведение призрака были вполне обычными.

Гарни считал, что эти случаи могут быть объяснены галлюцинациями, вызванными в уме перципиента телепатической посылкой агента. Гораздо труднее было объяснить коллективные видения, в которых несколько людей независимо друг от друга наблюдали один и тот же призрак. Имелись и противоположные

случаи, когда человек, воображая себя присутствующим при каком-либо событии, действительно наблюдался его участниками.

В "Призраках живых" не рассматривались случаи, в которых человек был мертв более двенадцати часов. Тем не менее согласно статье, опубликованной миссис Элеонорой Сайджвик, Общество собрало около 370 сообщений, авторы которых были "склонны полагать, что они сообщались с почившими человеческими существами". Хотя большинство этих сообщений имело явно галлюцинаторную природу, среди них, однако, можно было выделить четыре типа случаев, по всей видимости, подтверждающих представления о том, что личность (или какая-то ее часть) переживает смерть:

1. Случаи, в которых видение передавало перципиенту информацию" прежде ему неизвестную.

2. Случаи, в которых "призрак" преследовал какие-то вполне определенные задачи. Дух отца Гамлета, заставивший последнего поклясться отомстить его убийце, – лучший тому литературный пример.

3. Случаи, в которых призрак имеет сильное сходство с умершим, при жизни незнакомым перципиенту. (Один из случаев такого типа будет рассмотрен во второй части данной книги.)

4. Случаи, в которых одно и то же видение имеют двое или болеелиц. Под эту категорию подходят все "классические" призраки и видения, связанные с каким-либо определенным местом. Зачастую такихпризраков видят лица, которым ничего не известно о предыдущих появлениях этих призраков. Видны они, как правило, не более минуты.

Хотя члены ОПИ никогда не могли повторить самые поразительные из тех феноменов, о которых сообщал сэр Уильям Крукс, их исследования физического медиумизма также дали некоторые интересные результаты. До открытия Юзэпии Палладино в 1894 году наиболее систематически изучавшимся физическим феноменом были грифельные доски Уильяма Эглинтон. Последний мог вызывать появление надписей на грифельных досках, причем иногда надписи появлялись и на закрытых или сложенных досках.

Знаменит "книжный тест", который удавалось проходить Эглинтону. Один из присутствующих брал наугад с полки книгу, второй

указывал номер страницы, а третий-строки. Хотя медиуму не было известно содержание этой строки, через некоторое время она оказывалась загадочным образом написанной на доске!

Работу Эглинтонна наблюдали многие члены ОПИ, утверждая, что все время внимательно следили как за доской, так и за движениями медиума. Тем не менее миссис Сайджвик и Ричард Ходжсон склонны были объяснить его чудеса ловкостью рук. Ситуация несколько прояснилась, когда один молодой человек оказался способным воспроизвести большую часть феноменов Эглинтонна и, после того как подлинность его дарований была подтверждена, раскрыл механизмы этих трюков. Впрочем, "книжный тест" он воспроизвести не мог.

Этот период истории психических исследований был отмечен разоблачениями многих мошенничающих медиумов, как правило, к величайшему огорчению их легковверных последователей. Обстановку тех времен характеризует хотя бы то, что многие разочарованные члены ОПИ требовали автоматически рассматривать как фокусника каждого медиума, демонстрировавшего физические феномены.

Физический медиумизм Стэнтона Мозеса, побудивший Гарни и Майерса обратиться к психическим исследованиям, тоже находился под большим вопросом. Решающие свидетельства о его левитациях, материализациях, музыкальных звуках и тому подобном исходили от его ближайших друзей, и поэтому их достоверность была отчасти сомнительна. Создается впечатление, что в условиях хорошей освещенности большим числом незаинтересованных свидетелей могли наблюдаться лишь феномены, демонстрируемые Д. Д. Хоумом. Однако ввиду высокого социального положения, занимаемого Мозесом, викторианским исследователям нелегко было уличить его во лжи. Поэтому характер медиумизма Мозеса так и остался для нас загадкой.

Читатели нашей пост-уотергейтской эпохи без труда представляют, что лица, занимающие высшие ступени социальной лестницы, вполне способны на преднамеренную ложь. Психические исследователи столкнулись с этим фактом уже в 1890 году в связи со случаем г-на Д., "профессионала с высоким социальным положением". Его способность заставлять левитировать стол в условиях хорошей освещенности произвела столь большое впечатление на Майерса и миссис Сайджвик, что они решили посвятить этому феномену целый номер "Записок" Общества. К счастью, один из сообщников г-на Д.

опередил их, рассказав о механизме трюка и пояснив, что г-н Д. всего лишь хотел проверить уровень их наблюдательности. В дальнейшем обманы продолжались.

Одну из наиболее занимательных страниц истории исследования сознания открывает Теософское Общество, основанное в 1875 году Еленой Петровной Блаватской.

Мадам Блаватская объявила себя ученицей тибетского братства духовных адептов, члены которого овладели психическими силами, недостижимыми для обычных людей. Она утверждала, будто они испытывают особый интерес к Теософскому Обществу и ко всем посвященным в оккультные знания, обладая способностью общаться с такими индивидами "на астральном плане". Она называла эти существа Махатмами.

Один из соучредителей Теософского Общества, нью-йоркский юрист Уильям К. Джадж, рассказывал, что такой Махатма первым явился теософам, когда они собрались для разработки своего устава. Перед ними возник "необыкновенный заморский индус", оставил сверток и исчез. Развернув сверток, они обнаружили требуемые формы организации, правила и т. п. Ранняя история Общества была наполнена подобными чудесами. Чудотворство и учение Блаватской привлекло таких знаменитостей, как Томас Эдисон, сэр Уильям Крукс, Альфред Теннисон и вице-президент Соединенных Штатов Генри Уэллс.

После того как Общество хорошо обосновалось в Нью-Йорке, Блаватская перебралась в Индию. И вот пошла молва, что на штаб-квартире Общества в Адьяре начали происходить чудесные явления — таинственно появлялись и исчезали призрачные Махатмы, а письма от них приходили регулярно и сверхъестественным образом. В одной из комнат находилось нечто вроде буфета, через который и шла переписка: оставленное в нем письмо исчезало, а через некоторое время появлялось письмо с ответом. Скептики посрамлялись, а Общество быстро разрасталось.

В 1884 году разразился скандал. Двое членов обслуживающего персонала штаб-квартиры заявили, что они состояли с мадам в сговоре, закладывая подложные письма Махатм в буфет через потайную дверцу. Для подкрепления своих слов они предоставили адресованные им письма Блаватской с ее личными указаниями на этот счет. Руководители ОПИ нашли это дело столь важным, что

командировали в Индию Ричарда Ходжсона для произведения расследования на месте. Так началось, пожалуй, самое сложное и запутанное расследование за всю историю психических исследований.

Ходжсон пришел к заключению, что мадам Блаватская является мошенницей – "одним из самых искусных, изобретательных и занятных шарлатанов в истории человечества". В своем докладе он на двухстах страницах подробно описал все механизмы, с помощью которых воспроизводился каждый тип "феноменов". Кроме того, он нанял графологов, определивших, что письма Махатм были написаны рукой самой Блаватской.

Не так давно другой исследователь, Виктор Эндереби, написал книгу, в которой он анализирует отчет Ходжсона пункт за пунктом, опровергая каждый из них. Эндереби цитирует заключение независимой графологической экспертизы, противоположное заключению экспертов, нанятых Ходжсоном. Так что этот случай продолжает оставаться неразрешенным и до сих пор. Существование Махатм ни доказано, ни опровергнуто, а мнения авторитетов расходятся как в отношении подлинности физических феноменов, так и в отношении "законнорожденности" самой теософской доктрины. Не исключено, что Елена Петровна, подобно многим другим одаренным медиумам, способным производить подлинные феномены, в отдельных случаях мошенничала..

Ученые отмечают, что сочинения Блаватской при ближайшем рассмотрении оказываются попросту объемистой (одна лишь "Тайная Доктрина" содержит более 2000 страниц) компиляцией – плагиатом множества других, более академических работ. Неизвестно, однако, где она могла с этими работами ознакомиться, поскольку у нее никогда не было большой библиотеки. Создается впечатление, что ее писания появились автоматически, – как она говорила, под диктовку Махатм. Не исключена и возможность того, что она переписывала уже опубликованные работы посредством ясновидения, – подобные феномены наблюдались неоднократно и называются психографией.

Как бы там ни было, теософское учение оказало огромное влияние на европейскую культуру, в связи с чем труды теософов неоднократно цитируются в этой книге.

Одним из самых выдающихся физических медиумов в истории психических исследований была Юзепия Палладино, простая

неаполитанская крестьянка. Просвещенная же публика узнала о ней благодаря сеансам, которые она давала совместно с выдающимся итальянским социологом Чезаре Ломброзо. В 1894 году французский психолог Шарль Рише пригласил Юзэпию дать несколько сеансов на его собственном острове в присутствии Фредерика Майерса и сэра Оливера Лоджа. Рише полагал, что на острове она не сможет воспользоваться помощью сообщников, причем во время сеансов исследователи на всякий случай держали Юзэпию за руки и за ноги. Наблюдалось большинство феноменов, о которых сообщалось ранее: левитации, материализации, свечения, стуки, прикосновения, бой часов, ароматы и музыка.

Майерс, Лодж и Рише засвидетельствовали подлинность демонстрируемых феноменов и вскоре предоставили Юзэпии возможность повторить их перед членами ОПИ в Кембридже. Опять наблюдался ряд феноменов. Однако по настоянию Ходжсона кембриджская группа ослабила контроль над руками и ногами Юзэпии, чтобы посмотреть, не будет ли она мошенничать. В этих условиях Юзэпия провела несколько сеансов, демонстрируя исключительно псевдофеномены, из чего Ходжсон заключил, что все остальные ее феномены также не были подлинными. Другие исследователи подтверждали, что она мошенничает, как только представится возможность, однако в строго контролируемых условиях производит подлинные феномены.

В ОПИ решили не принимать во внимание феномены, демонстрируемые медиумами, уличенными в систематическом надувательстве.

Поэтому члены Общества получили рекомендацию игнорировать любые будущие сообщения об экспериментах с Юзэпией. И все же в 1909 году ОПИ опубликовало сообщение о серии сеансов, проведенных ею совместно с группой экспериментаторов, известных своими разоблачениями ряда медиумов-обманщиков. Они наблюдали несколько левитации и материализации в условиях хорошей освещенности. Сеансы проводились в средней комнате трехкомнатного гостиничного номера, снятого наугад с тем, чтобы исключить возможность участия сообщников. Весьма подробный отчет минута в минуту записывался профессиональным стенографом. Однако за прошедшие годы способности Юзэпии, если таковые вообще

существовали, заметно поблекли, и проводить с ней дальнейшие исследования было уже попросту слишком поздно.

Большинство исследователей, не принимавших личного участия в опытах, отказываются признавать физические феномены медиумизма и в настоящее время – благо тому способствует множество разоблачений. Интерес к передаче мысли на расстояние сохранился, однако, до сих пор. Ментальный медиум Кэйт Вингфилд встретила с Фредериком Майерсом в 1884 году. Посредством автоматического письма она принимала сообщения, исходящие якобы от умерших лиц. Временами из-под ее пера появлялись материалы, которые можно было считать достоверными. Она славилась также своей способностью диагностировать заболевания присутствующих на сеансе. Кэйт утверждала, что, всматриваясь в кристалл (эта техника стала со времен Джона Ди классической) она могла видеть отдельных лиц и целые сцены на большом расстоянии. В дальнейшем она научилась пользоваться таким типом видения и без применения кристалла.

Проблематичность данной формы медиумизма состояла в том, что информация, самопроизвольно исходившая от медиума, ранее могла храниться в его бессознательной памяти. Подобное допущение оказалось бы несостоятельным лишь в случае медиума, способного выдавать точную информацию в любой момент и без предварительной подготовки – по запросу. Миссис Леонора Е. Пайпер из Бостона, штат Массачусетс, полностью соответствовала этим требованиям. Ее медиумизм раскрылся самопроизвольно, – после того, как она вошла в транс на сеансе другого медиума в 1884 году. Вначале действующий через нее дух несколько претенциозно заявлял, что он Бах и Лонгфелло. Затем явился самозванный французский доктор, назвавший себя Фенюи и говоривший хриплым мужским голосом. Хотя речь его была полна галлицизмов, грубого негритянского и американского жаргона, он тем не менее давал верные диагнозы заболеваний и предписания по их лечению. Зачастую через миссис Пайпер с присутствующими на сеансах беседовали их покойные родственники.

В 1886 году Уильям Джеймс анонимно посетил один из ее сеансов. Слова миссис Пайпер произвели на него сильное впечатление: она сказала, что он присылал к ней под псевдонимом около двадцати пяти других людей. Действительно, пятнадцать из них докладывали

Джеймсу, что она сообщала им такие имена и факты, которых просто никак не могла знать.

В том же году Джеймс направил в ОПИ отчет об этом феномене; сам он, впрочем, более им не занимался, будучи занят в то время другими неотложными делами. Однако на следующий год, разгромив мадам Блаватскую, в Бостон прибыл Ричард Ходжсон, возглавивший американское отделение ОПИ. Он был поражен, когда миссис Пайпер сообщила ему ряд подробностей о его семье в Австралии. Будучи скептически настроенным исследователем Ходжсон даже приставил к ней и членам ее семьи частных детективов, неотступно следивших за ними в течение нескольких недель. Джеймс и Ходжсон решили, что неплохо бы проверить миссис Пайпер в условиях другого окружения, исключающего возможность помощи со стороны друзей и сообщников. И вот в 1889 году ОПИ пригласило ее посетить Англию.

В Англии миссис Пайпер показала неоднозначные результаты. В благоприятные дни она ошарашивала присутствующих, сообщая массу подробностей об их личной жизни. В неблагоприятные дни манеры вселявшего в нее Фенюи были несносны он без конца бормотал какой-то вздор, занимался пустой болтовней, откровенно пытался выпытать сведения о присутствующих и вообще всячески их провоцировал. В этих случаях Фенюи не давал никаких поводов для того, чтобы считать его чем-то отличным от второй личности самой миссис Пайпер.

Во время одного из сеансов миссис Пайпер предоставила сэру Оливеру Лоджу значительное количество сведений, касающихся его дяди, умершего двадцатью годами ранее. Для наведения справок Лодж направил посыльного к близким дяди, с которыми жил последний. Тому понадобилось для этого три дня, причем всех необходимых сведений он собрать так и не смог. Однако в конце концов родственники подтвердили все эти сведения.

В 1890 году миссис Пайпер вернулась в Соединенные Штаты, где начала тесно сотрудничать с Ричардом Ходжсоном, изучавшим ее медиумизм в течение последующих пятнадцати лет. Нэндор Фодор приводит следующий эпизод этих исследований. Еще живя в Австралии, Ходжсон полюбил одну девушку и собирался на ней жениться. Однако ее родители из религиозных соображений не дали согласия на их брак. Ходжсон уехал в Англию и так никогда и не

женился. Однажды на сеансе эта девушка через миссис Пайпер сообщила, что она недавно умерла. Это сообщение вскоре подтвердилось.

Сперва Ходжсон полагал, что знание приходит к миссис Пайпер телепатическим путем. Однако во время сеанса в марте 1892 году в нее вошел новый дух, назвавший себя Джорджем Пеливом, достаточно известным в Бостоне молодым человеком, убитым несколькими неделями ранее. В 1887 году он анонимно посетил один из сеансов миссис Пайпер, причем случайно с ним был знаком также и Ходжсон. В конце концов Пелив вытеснил из миссис Пайпер Фенюи и прочно занял место посредника между присутствующими и духами их умерших друзей. Причем он выполнял свои функции настолько безупречно, что произвел на Ходжсона впечатление чего-то явно большего, чем просто второй личности миссис Пайпер. Он знал обо всех интимных связях подлинного Джорджа Пелива, узнавал принадлежавшие ему вещи и делал отдельные замечания в связи с ними. Из 150 представленных ему посетителей он узнал именно тех тридцать человек, с которыми Пелив был знаком при жизни. С каждым из них он говорил по-иному и обсуждал иные темы, выказывая тем самым удивительное знание их интересов. Ошибался Пелив очень редко.

Миссис Пайпер ни разу не была уличена в какой-либо нечестности. Подлинность ее телепатических способностей признал даже Фрэнк Подмор, самый большой скептик в ОПИ, а критически настроенный Ричард Ходжсон в результате анализа материалов Пелива перешел на спиритические позиции. Защищая спиритизм, он исходил в своих аргументах в основном из того, что значительная часть подтверждаемых фактов, о которых говорил Пелив на сеансах, не была известна никому из присутствовавших в помещении, и, следовательно, никем из них не могла быть передана мисс Пайпер телепатически.

В восьмом томе "Записок Общества психических исследований" (1897 г.) Ходжсон опубликовал отчет, в котором сделал ясные выводы из своей работы с миссис Пайпер:

"В настоящее время я не могу не признать, что нисколько не сомневаюсь в том, что основные корреспонденты, упомянутые мною на предыдущих страницах, в действительности являются теми лицами, за которых они себя выдают, и что они пережили перемену,

называемую нами смертью, и что с нами, называющими себя живыми, они могут непосредственно общаться при помощи погруженного в транс организма миссис Пайпер".

В эти первые годы своего существования ОПИ изучило и многие другие феномены. Попытка синтезировать всю массу собранного материала была предпринята Фредериком Майерсом в изданной посмертно (в 1903 г.) книге "Человеческая личность и продолжение ее существования после смерти тела". Этот труд отражал его увлечение психоанализом – Майерс был первым писателем, еще в 1893 году представившим работы Фрейда вниманию британской общественности.

Майерс полагал, что человеческая личность состоит из двух активно взаимодействующих потоков мыслей и чувств. Те, которые лежат над обычным порогом сознания, называются супралиминальными, а те, которые лежат ниже него – сублиминальными. О существовании суб-лиминального Я свидетельствуют такие явления, как автоматическое письмо, параллельные личности, сны и гипноз. Указанные феномены выявляют более глубокие уровни личности, не наблюдаемые в обычных условиях. Во многих случаях глубинные уровни представляются автономными и независимыми от супралиминального Я. Например, во сне или под гипнозом могут обнажиться воспоминания, недоступные сознательному уму в обычном состоянии, а некоторым гениям являлись во сне даже законченные художественные произведения. Временами с помощью автоматического письма можно поддерживать сразу две беседы, одну независимо от другой.

Тщательно изучив все эти явления, Майерс почувствовал, что они представляют собой часть континуума, простирающегося от необычных личностных проявлений (например, истерия, гениальность), через телепатические взаимодействия, ясновидческие путешествия и одержимость духами вплоть до сохранения сублиминальных уровней личности после смерти тела. Он почувствовал, что любой единичный опыт в этом спектре органически связан с другими состояниями бытия.

Майерс начал свой анализ с рассмотрения случаев, в которых личность подвергалась распаду. Навязчивые идеи и вытесненные страхи ведут к истерическим неврозам, в которых контроль над

некоторыми телесными функциями переходит от супралиминального к сублиминальному уму. Градация расстройств такого типа смыкается со случаями так называемых параллельных личностей. Майерс отмечает, что сублиминальные личности нередко обладают достоинствами, отсутствующими у нормального сознательного Я.

Таким образом, мы естественно переходим к рассмотрению гениальных людей, в случаях с которыми, по словам Майерса, "супрали-минальную жизнь орошают отдельные ручейки, пробившиеся к ней из скрытого потока". Он приводит примеры математиков и музыкантов, чьи произведения внезапно, в готовом виде возникали у них в сознании. Здесь же можно упомянуть и удивительные открытия, посещавшие ум Томаса Эдисона и Николы Теслы. Широко известен также случай с периодической системой элементов, приснившейся Менделееву.

К гениям Майерс относит и святых, чьи жизни впитали "силу и благодать из источников близкого и неисчерпаемого".

От невроза, гения и святости мы переходим к состоянию бытия, переживающемуся каждым индивидом — ко сну, который он определяет как временное отсутствие супралиминальной жизни и освобождение жизни сублиминальной. В гиппологическом состоянии погружения в сон и гшгнопомпическом состоянии выхода из сна усиливается, например, способность к визуализации. Майерс описывает также увеличение силы памяти и разума, имевшее место в некоторых снах, а затем случаи телепатии и ясновидения во сне. Он приводит случаи, напоминающие "психические нападения" духов как живущих, так и уже покойных лиц, совершаемые ими во сне. И он склоняется к тому, что сон представляет собой "врата для выхода в духовный мир" — врата, которыми обладает каждый из нас.

Гипноз определяется как экспериментальное исследование сновид-ной стороны человеческой личности. Необыкновенные явления, наблюдаемые во время гипноза, приписываются способностям сублими-нального Я, привлекаемого таким состоянием. Сублиминальное Я появляется, чтобы насладиться властью над телом, — большей, чем у супралиминального Я. Кроме того, Майерс указывает на общность гипноза и таких явлений, как исцеление верой, использование магических заклинаний и т.п. Он придает особое значение экспериментальным работам по телепатическому

гипнотическому внушению на расстоянии, а также телепатии, ясновидению и предвидению, наблюдаемым у загипнотизированного субъекта.

От гипноза мы переходим к зрительным и слуховым галлюцинациям, названным исследователями психических явлений сенсорным автоматизмом. Когда звук, цвет и т.д. ассоциируются у нас с образами, порождаемыми другими чувствами, отличными от слуха, зрения и т.д., процесс этот разворачивается в мозгу и называется поэтому энтэнцефалическим. Стадии, ведущие от восприятий такого типа к обычному видению, включают энтоптические восприятия, возникающие в результате раздражения зрительного нерва и глаза, а также остаточные образы, которые образуются на сетчатке. Стадии, более глубокие по отношению к энтэнцефалическим картинам, включают образы памяти, сны, образы воображения и галлюцинации. Майерс приводит ряд случаев, когда галлюцинации несли информацию, подтверждавшуюся впоследствии. Другие галлюцинации приносят людям ряд очевидных преимуществ и никоим образом не ассоциируются с болезнью. Одним из случаев использования галлюцинаторных способностей человеческого ума является гадание с помощью "магического кристалла". Своеобразными галлюцинациями являются и рассматривавшиеся выше призраки живых и мертвых.

оИ От сенсорного автоматизма мы переходим к моторному автоматизму автоматическому письму и "говорению на языках". Источник большинства этих феноменов может быть приписан сублиминальному уму, пребывающему в границах мозга самого психика. Некоторые случаи, однако, заставляют нас предполагать вмешательство телепатии и возможную связь с духами умерших. Таковыми являются, например, случаи автоматического письма, воспроизводящего почерк покойного. Одержимость другой личностью, не имеющей ничего общего с сублиминальным Я, может рассматриваться как следующая степень этого процесса. Впрочем, случаи одержимости духом весьма трудноотличимы от случаев с обычной параллельной личностью. Личная идентичность такого духа может быть установлена лишь путем тщательного изучения его памяти и характера.

Исходя из рассмотренной непрерывности опыта и доказывал Мейерс способность сублиминального Я действовать независимо от мозга, а также от времени и пространства, в котором живет супралиминальное Я. Подобно тому как сублиминальное Я способно управлять физиологическими функциями организма, что особо отчетливо проявляется в опытах с гипнозом, – оно способно прилагать силу и к физическим объектам, производя феномены левитации, материализации, стуков и т. п.

Один ученый заметил как-то, что всякий "неклассифицированный остаток" предполагает широкое поле для новых открытий. В любой науке вокруг проверенных и упорядоченных фактов клубятся, подобно некоему облаку пыли, необычные наблюдения событий незначительных, непостоянных и редких, событий, игнорировать которые оказывается гораздо легче, чем принимать во внимание. Идеалом всякой науки является полная и завершенная система истины. Очарование большинства наук в том и состоит, что они, казалось бы, именно такой формой и обладают. Отсюда создается впечатление, что в каждой из наших "гоу гни" уже есть полочка для классификации любого явления, возможного в охватываемой ею области; и что раз уж такая последовательная и слаженная схема была однажды осознана и принята, то другой схемы просто нельзя себе представить. Признание каких-либо альтернатив, как полных, так и частичных, становится невозможным. Явления, не поддающиеся классификации в данной системе, обретают статус парадоксальных нелепостей и, следовательно, вынуждены рассматриваться как не соответствующие действительности. Когда же они вопреки всему наблюдаются, то об этом сообщают как-то между прочим и весьма туманно; они вторгаются в нашу жизнь подобно чудесам, подобно диковинкам, не имеющим ничего общего с вещами серьезными – и все лучшее, что есть в научном сознании человека, отвергает их. Лишь прирожденные гении позволяют себе заниматься этими из ряда вон выходящими исключениями, не успокаиваясь до тех пор, пока не возвратят отбившихся овец к стаду. Все наши Галилеи, Гальвани, Пуркиньи и Дарвины были озадачены и привлечены именно такими малозначительными вещами. Всякий человек, сознательно и последовательно обратившийся к "не правильным" явлениям, обновляет и оживляет свою науку. И нередко в формулах обновленной

науки гораздо сильнее звучит голос исключений, а не того, что почиталось правилом.

Пожалуй, ни один из неклассифицированных остатков не одаривался большим радушием и презрением со стороны научных кругов, чем масса явлений, в целом называемых мистическими. Физиология не желает иметь с ними ничего общего, Ортодоксальная психология поворачивается к ним спиной. Медицина отмечает их или же, непременно в анекдотическом ключе, определяет некоторые из них как "эффекты воображения" то есть формулировкой, которая в данной связи является попросту отпиской. И тем не менее явления эти существуют на протяжении всей истории человечества. К какой эпохе ни обратиться – мы обнаружим указанные явления под именем прорицаний, вдохновений, одержимости бесами, видений, трансов, экстазов, телесных исцелений, наведения порчи и таинственных сил, дающих отдельным индивидам власть над другими людьми и окружающими их вещами. Мы полагаем, что "медиумизм" зародился в Рочестере, штат Нью-Йорк, а "животный магнетизм" обязан своим возникновением Месмеру; однако едва лишь перелистав страницы официальной истории, частных мемуаров, юридических документов, народных преданий и т.д. и т.п., вы обнаружите, что во все времена об этих вещах говорили не меньше, чем сейчас. Мы, высокообразованные господа, для которых не существует иных ценностей, нежели ценности космополитической культуры, нередко сталкиваемся с некоторыми издавна выходящими журналами и весьма плодовитыми авторами, нашими земляками, чьи имена не услышишь в нашем кругу, но чей круг читателей насчитывает подчас до четверти миллиона человек. Мы всегда испытываем легкий шок, обнаруживая для себя згу массу человеческих существ, которые не просто живут, игнорируя нас и наших богов, но еще к тому же и читают, пишут, размышляют – нисколько не принимая в расчет наши каноны и наши авторитеты. Далее, публика не менее многочисленная сохраняет и передает из поколения в поколение традиции и практику оккультизма; академическая наука, однако, интересуется этими верованиями и мнениями не более чем вы, уважаемый читатель, интересуетесь читателями журналов для бойскаутов. Ни одному типу мышления не дано усмотреть всю полноту истины. Нечто ускользает даже от лучших из нас-и не случайно, а систематически – ибо все мы не без изъяна.

Научно-академическое мышление и мистическое мышление избегают друг друга не только в том, что касается отношения к фактам, но и в том, что касается конкретных фактов. Факты существуют лишь для тех, кто испытывает по отношению к ним ментальную симпатию. После того как факты установлены окончательно, критический и академический ум оказывается по своей природе наиболее подходящим для их интерпретации и обсуждения, ибо перейти от мистики к научным рассуждениям для него все равно, что перейти от безумия к здравомыслию; но, с другой стороны, если история человечества что-то и обнаруживает, так это чрезвычайную медлительность, с которой обычный критический и академический ум признает существование фактов, представляющихся дикими, нигде не прописанными или же угрожающими благополучию принятой системы. Где бы ни решался спор между мистиками и учеными, – в психологии, физиологии, медицине, мистики обычно оказываются правы в том, что касается фактов, ученые же выигрывают в части теории. Классическим примером тому может служить "животный магнетизм", факты которого академическая медицинская наука всего мира упорно отрицала как сплошное надувательство-до тех пор, пока для них не была найдена немистическая теория "гипнотического внушения"; и тогда явление сразу же было признано настолько распространенным, что для пресечения использования его лицами, не имеющими медицинского образования, пришлось принимать специальное уголовное законодательство. Подобным же образом стигматы, мгновенные исцеления, одержимость бесами и вдохновения свыше, которые еще вчера определялись в кулуарах науки как "суеверия", сегодня как ни в чем не бывало и даже, пожалуй, с несколько излишней жадностью, наблюдаются, описываются и т.д. – под новой вывеской "случаев истероэпилепсии".

Философствование (как правило, самодовольное) в духе мистицизма может быть просто невыносимо, однако даже при этом оно в большинстве случаев описывает определенные формы феноменального опыта. К такому заключению автор этих строк вынужден был прийти за несколько последних лет; в данное время он полагает, что лучший способ помочь философии состоит в том, чтобы, обратившись к фактам, столь милым сердцу каждого мистика, рассмотреть их с научно-академической точки зрения. К подобному же

выводу, похоже, приходят отдельные научно настроенные умы во всех странах мира, и это является добрым знаком. Одним из путей объединения усилий науки и оккультизма оказалось возникшее в Англии и Америке Общество психических исследований; полагая, что оно призвано сыграть не последнюю роль в становлении человеческого знания. Я рад предоставить вниманию читателей краткий отчет о деятельности Общества.

Если верить газетам и салонным сплетням, то объединяет членов этого Общества их идиотическая доверчивость и размягчение мозгов, а его динамическим началом является своеобразное "чудопомешательство". Однако более близкое знакомство с ведущими членами Общества выявляет несостоятельность подобных представлений. Председатель Общества профессор Генри Сайджвик благодаря своему неsgiбаемому критицизму известен как один из самых скептических умов Англии... В числе наиболее активных сотрудников "Записок Общества..." стоят такие люди, как видный английский физик профессор Лодж и видный французский психолог профессор Рише; продолжив список членов Общества, мы встретим много имен, всемирно известных своими научными достижениями. И если бы меня попросили указать научный журнал, в котором бдительность и неусыпное внимание по отношению к возможным источникам заблуждения было бы представлено особенно ярко, я думаю, что мне, пожалуй, пришлось бы указать на "Записки Общества психических исследований". Обычный поток статей, скажем, психологической тематики в других профессиональных изданиях характеризуется, как правило, значительно более низким уровнем критического сознания. Строгие критерии доказуемости, предъявляемые к заявлениям некоторых "медиумов", послужили даже причиной тому, что несколько лет назад от Общества отошел ряд спиритов. Стэнтон Мозес и А. Р. Уэллс, как и многие другие, полагали, что если во всех случаях выдвигать столь завышенные требования, то у любых опытов, основанных на чисто зрительной оценке, вообще отсутствуют какие-либо шансы быть признанными...

ОПИ проделало огромную работу в качестве своеобразного бюро погоды по сбору сведений о таких атмосферных явлениях, как призраки. Нельзя сказать, чтобы в экспериментальном отношении это предприятие вполне оправдало надежды своих основателей. Однако

даже' если бы здесь не проводилось никакой экспериментальной работы вообще и если бы ОПИ было не более, чем бюро погоды по бесхитростной ловле спорадических привидений и т. п., я все же склонен был бы считать такую его функцию в научном организме необходимой. Если бы кто-либо из моих читателей, подталкиваемый мыслью о том, что так много дыма без огня не бывает, обратился бы в своих поисках к существующей литературе о сверхъестественном, то он понял бы, о чем я хочу сказать. Эта литература огромна, однако в доказательном отношении она не имеет никакой практической ценности. Конечно, здесь приводится достаточное количество фактов; но описание их столь ненадежно и несовершенно, что в большинстве случаев вызывает стремление не засорять ими свой ум.

С другой стороны, в "Записках" ОПИ преобладает противоположная тенденция. Не просто количество, но качество информации, – вот что в первую очередь принимается во внимание. В каждом отдельном случае, по возможности, лично опрашиваются свидетели и выявляются сопутствующие факты; таким образом, каждый рассказ получает свой коэффициент достоверности, определяющий весомость содержащихся в нем свидетельств. Мне не известно ни одной систематической попытки взвесить достоверность сверхъестественного, помимо той, что содержится в "Записках". Это придает им исключительную ценность; и я совершенно уверен, что в дальнейшем, по мере расширения тематики, "Записки" постепенно будут вытеснять остальные источники информации о явлениях, традиционно называемых оккультными. Молодые антропологи и психологи, которые вскоре придут нам на смену, почувствуют, сколь постыдным для науки является тот факт, что огромная масса человеческого опыта брошена ею на произвол судьбы между смутной традицией и легковерием, с одной стороны, и непримиримым догматическим отрицанием – с другой, – при полном отсутствии кого-либо, способного к компетентному изучению предмета со всей строгостью и терпимостью. Если Общество просуществует достаточно долго для того, чтобы публика привыкла к нему настолько, что докладывала бы его сотрудникам о всяком привидении, доме или личности, окруженной необъяснимыми шумами или другими аномальными физическими проявлениями, как о чем-то само собой разумеющемся, то мы, несомненно, в конце концов получим

достаточное количество фактов и для теоретических разработок. Следовательно, первоочередная задача Общества состоит в том, чтобы, работая непрерывно, четко выполнять свою функцию регистрации, не смущаясь отсутствием на первых порах обобщающих материалов. Все наши научные общества начинали свою деятельность не менее скромным образом...

А теперь подошло время для краткого обзора содержания этих "Записок". Первые два года были заняты, в основном, опытами по передаче мысли на расстоянии. Большинство ранних опытов проводились с дочерьми священника Кристи: Бэльфор, Стюарт, Баррет, Майерои Гар-ни засвидетельствовали, что девочки обладают необъяснимой способностью угадывать имена и названия предметов, задуманных другими людьми. Когда двумя годами позже Сайджвик и Гарни проводили опыты с теми же девочками, они заметили, как последние подавали друг – другу знаки. Однако условия большинства ранее поставленных опытов исключали такую возможность, и вполне вероятно, что обман сам собой привился к первоначально подлинному феномену. Все же Гарни счел уместным предоставить читательскому скептицизму все серии опытов. Многие из критиков ОПИ, похоже, знакомы только с этой его работой. Существует, однако, более тридцати отчетов о подобных опытах с другими испытуемыми, причем в трех случаях опыты проводились в широком масштабе на протяжении двух лет...

По общему мнению участников этих последних опытов, в них были исключены любые возможные источники сознательного или непроизвольного обмана, а высокий процент правильного воспроизведения ио пытаемыми слов, рисунков и ощущений, которые являются продуктами сознания другого человека, не может быть объяснен случайностью. Свидетели происшедшего настолько утвердились в подлинности явления, что понятие "телепатии" стало свободно появляться в статьях "Записок", а в книге Гарни о призраках оно уже рассматривалось как *vera causa* (истинная причина), на которой могли строиться дополнительные гипотезы. Однако никакого рядового читателя нельзя порицать за то, что для принятия столь революционной веры он требует более веских-свидетельств и доказательств, чем те, которые были представлены до сих пор. Конечно, каждый день могут появиться Новые свежие эксперименты

по отгадыванию картинок. Следует заметить, однако, что даже при отсутствии таковых существующие данные усиливаются, так сказать, с флангов, – любыми наблюдениями, подтверждающими возможность иных родственных явлений, таких, например, как телепатическое внушение, ясновидение или так называемый "медиумический тест". Признание более широкого рода явлений естественно распространяется и на более узкие их виды.

Далее следует упомянуть статьи Гарни по гипнотизму; Некоторые из них посвящены не столько выявлению новых фактов, сколько анализу старых. Однако, оставив в стороне работы такого типа, мы обнаружим, что в чисто экспериментальной области Гарни сообщает о ряде случаев наблюдения следующего феномена: испытуемый просовывает руки под экраном, скрывающим от него оператора, а ум его при этом отвлекается разговором с третьим лицом. Между тем оператор молча указывает пальцем на один из пальцев испытуемого, на что избранный палец отвечает заданной реакцией утратой болевой чувствительности либо способности сгибаться. Толкование механизма этого явления, которому я сам был свидетелем, довольно затруднительно; однако аутентичность его не вызывает сомнений.

Следующее наблюдение, сделанное Гарни, по всей вероятности, подтверждает возможность непосредственного влияния ума оператора на ум испытуемого. В соответствии с молчаливым согласием или отказом оператора за гипнотизированный субъект оказывается в состоянии или не в состоянии отвечать на вопросы, задаваемые третьим лицом. Во всех случаях экспериментальные условия исключали возможность обмана, сговора и т. п. Однако наиболее значительным вкладом Гарни в наше знание о гипнотизме была серия опытов по автоматическому письму с испытуемыми, получавшими постгипнотическое внушение. Субъекту, пребывающему в состоянии транса, говорилось, например, что через шесть минут по пробуждении он помешает кочергой угли в камине. Оказавшись в бодрствующем состоянии, он ничего не помнил о данном ему приказании, однако как только рука его была помещена на планшетку для автоматического письма, она тотчас написала предложение: "П., через шесть минут вы помешаете угли в камине". По всей вероятности, разнообразные эксперименты такого рода доказывают, что под внешним сознанием

существует подчиненное внушению гипнотическое сознание, способное выражать себя посредством произвольного движения руки...

Следующей достойной внимания темой "Заметок" было обсуждение физических феноменов медиумизма (писание на грифельных досках, перемещение мебели и т.д.), проведенное миссис Сайджвик, Ходж-соном и "Г-ном Дэйви". Эта работа поставила под сомнение ценность всех представленных к тому времени отчетов о медиумических явлениях такого порядка. "Г-н Дэйви", благодаря ловкости рук, на высшем уровне воспроизводил феномен с грифельными досками, а Ходжсон, присутствовавший на его сеансах в качестве доверенного лица, просматривал затем письменные отчеты остальных участников. Никто из них так и не смог рассмотреть то, что происходило перед ними в действительности. Статья Дэйви и Ходжсона стала, пожалуй, наиболее серьезным документом из числа показаний, дискредитирующих достоверность показаний свидетелей-очевидцев. Другой значительной работой, основанной на личном наблюдении, является отчет Ходжсона, рассматривающий притязания мадам Блаватской по части физического медиумизма. Этот отчет представляет собой удар, от которого ее репутация уже не оправится.

Одним из наиболее важных вкладов в экспериментальную часть "Записок" является статья мисс Икс "Кристалльное видение". Пристально вглядываясь в кристалл или какую-нибудь другую слабо лю-минесцирующую поверхность, многие люди впадают в состояние некоего оцепенения и имеют видения. Мисс Икс обладает подобной чувствительностью в повышенной степени и, кроме того, является необычайно разумным критиком. Она сообщает о многих видениях, которые могут быть определены, по всей вероятности, как ясновидение, а также о таких видениях, которые прекрасно заполняют пустующее место в нашем знании о подсознательных ментальных процессах. Например, глядя как-то утром перед завтраком в кристалл, она прочла в нем набранное печатным шрифтом сообщение о смерти одной своей знакомой дату и другие подобающие такому случаю подробности. Пораженная этим, она обратилась за подтверждением к предыдущему номеру "Тайме" и действительно обнаружила там текст соответствующего содержания. На той же странице "Тайме" были и другие сообщения, которые она прочла за день перед этим и

содержание которых запомнила; единственно возможное объяснение происшедшему, очевидно, заключается в том, что она, так сказать, бессознательно обратила внимание на раздел некрологов, вследствие чего последний отложился в особом уголке ее памяти и всплыл оттуда в виде зрительной галлюцинации, когда работа с "магическим кристаллом" вызвала своеобразное изменение сознания.

Переходя от статей, основанных на личных наблюдениях автора, к статьям, основанным на сообщениях других лиц, можно упомянуть ряд историй о привидениях и т. п., отобранных миссис Сайджвик и проанализированных Майерсом и Подмором. С точки зрения эмоционального воздействия они представляют собой, по моему мнению, лучшие образцы литературы о призраках. Что касается выводов, то миссис Сайджвик решительно отказывается связывать себя какими-либо заявлениями, в то время как Майерс и Подмор занимают противоположные позиции. Подобные истории, считает Майерс, могут быть основаны на объективных событиях, причиной которых является то, что умершие продолжают существовать...

Реакция человека на информацию из вторых рук всегда определяется его этическим опытом. Большинство из тех, кто хоть однажды со всей якобы несомненностью наблюдал какое-то "сверхъестественное явление", начинают терять бдительность в оценке достоверности слухов и показаний других очевидцев, более или менее широко распахивая врата своего ума для сверхъестественного вообще. Для ума, совершившего подобное "сальто-мортале", кропотливая работа по выяснению "степени достоверности" незначительных происшествий, которыми заполнены отчеты Общества, кажется невыносимо скучной. И это воистину так; трудно отыскать литературный жанр более бестолковый, чем сообщения о призраках. Выставляемые на всеобщее обозрение сами по себе как голые факты, они кажутся настолько лишенными каких-либо перспектив и значения, настолько идиотичными, что даже в случае их несомненной истинности возникает искушение не включать их в общую картину мира. Всякий другой тип фактов пребывает в какой-то связи и соотношении с остальной природой. Эти же бессвязны и несоотносимы.

Следовательно, отвращение, вызываемое во многих честных научных душах одними лишь словами "психические исследования" и

"исследователь психических феноменов", является не только естественным, но и в некотором смысле похвальным. Человек, который сам не способен отыскать в себе орбиту для этих ментальных метеоров, единственно может предположить, что Гарни, Майерс и проч. побуждаются к подобного рода занятиям простодушным изумлением, вызванным у них столь большим количеством бессвязных чудес. И каких чудес! Таким образом, наука находит утешение в своем обычном "быть того не может"; а большинство псевдокритиков "Записок" сражаются с описываемыми феноменами при помощи простого предположения (презумпции), согласно которому все эти отчеты по той или иной причине должны быть ошибочными-ибо как только естественный порядок подвергается подлинно научному рассмотрению, он всякий раз оказывается противоположным нашим прежним представлениям. Но чем чаще человек пытается использовать это предположение для дискредитации рассматриваемых им фактов, тем менее убедительным оно становится; и таким образом, человек со временем может исчерпать все свои "предположительные привилегии" – даже если он, подобно нашим противникам телепатии, опирается на столь прочные аргументы, как великий вывод психологии о том, что любое знание приходит к нам через посредство глаз, ушей и других органов чувств. С другой стороны, не следует забывать, что, хотя сообщения о противоположных фактах, повторяясь, подрывают силу соответствующего предположения, факты эти вовсе не обязательно должны быть строго доказаны. Упорные слухи о том, что у какого-то человека, скажем, с головой не все в порядке, – даже если все они туманны и в отдельности явно недостаточны для того, чтобы служить доказательствами заболевания, – наверняка ослабляют предположение в его психическом здравии. Причем этот их эффект значительно усиливается, если они действуют, по словам Гарни, не цепочкой, но пакетом – т.е. из различных независимых друг от друга источников. В настоящее время свидетельства о телепатии, будь они слабыми или сильными, как раз и составляют пакет, а не цепочку. Ни одно из сообщений не использует для своего доказательства содержание других подобных сообщений. Но взятые в целом эти сообщения обладают какой-то общей последовательностью; их безумности, так сказать, присущ метод. Каждое из них повышает предположительную ценность остальных, понимая тем самым

предположительную силу ортодоксальной веры, согласно которой в наше сознание ничего, помимо обычного чувственного опыта, проникнуть не может.

Однако что касается истины, то было бы весьма печально, если бы все так и окончилось одними предположениями и контрпредположениями, без решающей вспышки молнии факта, разгоняющей тьму неопределенности. И, по правде говоря, рассуждая здесь о предположительно ослабляемой ценности тех или иных материалов, я чисто произвольно принял точку зрения так называемого "строго научного" неверия. Моя собственная точка зрения отлична. Для меня молния уже сверкнула, не просто "предположительно ослабив" ортодоксальную веру, но решительно выявив ее несостоятельность. Употребив язык профессиональной логики, скажем, что истинность общего утверждения может быть опровергнута частным примером. Если вы желаете опровергнуть закон, гласящий, что все вороны черные, то вам не нужно доказывать его-Неприменимость к воронам вообще; вполне достаточно доказать существование одной белой вороны. Моей белой вороной является миссис Пайпер. Я не могу не признать, что во время трансов этого медиума проявляется знание, которого она никогда не обретала при помощи обычного использования глаз, ушей и сообразительности в бодрствующем состоянии. Каков источник этого знания, я не знаю, более того, я не вижу впереди даже слабых проблесков возможного объяснения; но я не вижу также возможности уклониться от признания факта такого знания. И поэтому, обращаясь к остальным свидетельствам-привидениям и всему прочему, — я уже не могу выдерживать по отношению к ним низменно отрицательную предубежденность "строго научного" мышления с его презумпцией относительно того, каким должен быть истинный строй Вселенной. Я чувствую, что несмотря на хрупкость и фрагментарность, сообщая эти свидетельства могут представлять собой значительный вес. Строго научный ум может с превеликой легкостью перегнуть палку. Наука — это, прежде всего, определенный беспристрастный метод. Полагать же, будто наука представляет собой скрепленную личной верой и принятую навеки систему определенных результатов, означает исказить сам дух ее, низводить ее до уровня сектантства.

За последние двадцать пять лет я перевернул целый пласт литературы по психическим исследованиям и познакомился с многочисленными "исследованиями". Кроме того, я провел много часов (хотя и значительно меньше, чем следовало бы), наблюдая (или пытаясь наблюдать) феномены. В теоретическом отношении, однако, я не продвинулся ни на шаг, и, признаться, временами я едва не склонялся к тому, чтобы довериться, что Творец изначально помыслил оставить эту часть природы сбивающей с толку, возжигающей наше любопытство, равно как наши упования, так и подозрения, — вследствие чего существование привидений, ясновидцев, стуков и сообщений, исходящих от духов, хотя и не может быть полностью проигнорировано, не может оно быть отакже и полностью подтверждено.

Да, специфика ситуации как раз в том и состоит, что в случае большинства наблюдений имеется так много источников возможного обмана, что все эти наблюдения вполне могут оказаться никуда не годными; и все же в преобладающем большинстве случаев мы не можем привести никаких более веских критических аргументов, помимо расплывчатого заявления о принципиальной возможности ошибки. Наука, тем не менее, требует для своих построений не только голых возможностей: так что подлинно научный искатель — я не имею в виду невежественного "ученого" — вряд ли удовлетворится существующим положением вещей. Трудно поверить, однако, что Творец действительно наделил мир такой массой необъяснимых явлений лишь затем, чтобы насмеяться над нашими научными стремлениями; я глубоко убежден, что мы, исследователи психических феноменов, были попросту слишком поспешны в своих надеждах, и что прогресса в наших начинаниях следует ожидать не через двадцать пять лет, но через пятьдесят, а то и через сто...

Вскоре после выхода в свет "Происхождения видов" Дарвина я работал в Гарварде с замечательным человеком, анатомом Джефффри Вай-мэном. Он был обращенным, правда, отчасти колеблющимся, дарвинистом; но однажды он сделал замечание, хорошо приложимое и к рассматриваемой мною здесь теме. "Когда теория предлагается снова и снова, — сказал он, — всякий раз восставая на пепла после того, как ортодоксальная критика похоронила ее, причем всякий раз бороться с ней оказывается все труднее, — можете быть уверены, что в этой

теории содержится истина". И Оукена, и Ламарка, и Чамберса разгромили и закопали, – но вот появился Дарвин, несущий все ту же самую ересь, разве что в более приемлемых выражениях. Сколько раз "наука" громила философию духов, сколько раз хоронила телепатию, привидения и т.п., определяя все это как "достаточно распространенный обман чувств"? И тем не менее никогда еще подобные вещи не предлагались нам в столь широком объеме, в столь правдоподобной форме и с такими хорошими рекомендациями. Вполне похоже, что волна поднимается, невзирая ни на какие уловки научной ортодоксии. Трудно не предположить, что настоящая ситуация представляет собой нечто большее, чем просто новую главу истории человеческого легковерия. Возможно мы подошли к границам нового царства естественных явлений.

"Обман в одном – обман во всем" – таков девиз английских исследователей психических феноменов, работающих с медиумами. Я склонен полагать, что это весьма мудрая линия поведения. С тактической точки зрения в вопросах доверия здесь всегда лучше недосолить, чем пересолить; и то исключительное доверие, с которым мы относимся сегодня к многочисленным материалам "Записок" ОПИ обусловлено изначальной установкой редакции записывать поменьше. Лучше быть уверенным в малом, чем неуверенным во многом.

Однако сколь мудрым бы ни был основной тактический принцип ОПИ, я полагаю, что, будучи применен в качестве критерия истины, он не выдерживает никакой критики. По отношению ко многим делам людским обвинение в преднамеренном обмане и лжи является грубым упрощенчеством. Человеческий характер представляет собой слишком сложную систему для того, чтобы определять альтернативами "честности" или "нечестности". Ученый на публичной лекции скорее смошенничает, чем позволит проводимым там опытам реализовать их хорошо известную склонность к провалам. Я слышал, как один лектор-физик, принимая демонстрационную аппаратуру у своего предшественника, консультировался с ним по поводу механизма, предназначенного для показа того, как во время движения периферических частей системы центр тяжести ее остается неподвижным. "Он будет колебаться", – жаловался лектор. "Ну, – извинительным тоном сказал его предшественник, – по правде говоря, во время демонстрации этого механизма я находил уместным забивать

в центр тяжести гвоздь". Я видел однажды, как знаменитый физиолог, ныне покойный, занимался на публичной лекции бесстыжим надувательством, издеваясь над несчастным кроликом единственно ради дурацкой шутки, согласно которой это был "американский кролик" – ибо никакой другой, говорил он, не смог бы выжить от той раны, которую он якобы ему нанес. Сравнивая малое с великим, замечу, что я и сам бесстыдно мошенничал. Как-то в молодые годы бытности моей в Гарварде мне было поручено опекать препарированное сердце на популярной лекции профессора Ньюелла Мартина. Сердце, принадлежавшее в прошлом черепахе, поддерживало соломинку, увеличенную тень которой проецировали на экран; когда сердце сокращалось, тень на экране приходила в движение. "Во время стимуляции таких-то и таких-то нервов, – говорил лектор, – сердце будет действовать таким-то и таким-то образом". Но бедное сердце было слишком изношенным, и хотя оно должным образом остановилось во время стимуляции должного нерва, узлы, связывающие его с жизнью, при этом разорвались. Будучи ответственным за демонстрационную часть, я пришел в ужас и неожиданно обнаружил, что упершись указательным пальцем в ту часть соломинки, которая не отбрасывала никакой тени, я непроизвольно имитирую те ритмические движения, которые предрекает мой коллега. Я не дал провалиться этому опыту; причем не только уберег своего коллегу от осмеяния, не ставшего его уделом единственно благодаря моей находчивости, но и привил публике правильную точку зрения относительно рассматриваемого предмета. Лектор говорил правду; и не соответствующее ей поведение полумертвого препарата сердца не должно было отразиться на восприятии слушателями того, о чем он говорил. "Сердечная недостаточность" была бы истолкована как ложь лектора, объяснить же данный пример данной аудитории, не прибегая к помощи наглядной демонстрации, было практически невозможно. Поэтому даже сейчас, когда уже все давно позади, я склонен полагать, что действовал совершенно верно. Во всяком случае, я действовал во имя истины "более широко", и автоматизм этих действий объяснялся, пожалуй, необходимостью отключения более узкой и педантичной части моего ума, способной помешать вдохновенным движениям моего пальца. Память об этом критическом эпизоде понуждает меня

быть снисходительным ко всем медиумам, которые производят феномены одним способом, если те не желают с легкостью происходить другим. Исходя из принципов ОПИ, мое поведение в этой единожды имевшей место ситуации должно дискредитировать все, что бы я ни делал, все, например, что бы я ни написал в этой статье...

Похоже, что сознательный и неосознанный обман присутствует во всем спектре физических феноменов спиритизма, а лживые отговорки, увиливание от прямого ответа и попытки раздобыть какие-то добавочные сведения присущи всем ментальным проявлениям медиумов. Если же все это не подделка, выдающая себя за реальность, то пришлось бы признать, что печальная судьба этой реальности (если таковая действительно имеется) состоит в том, чтобы выдавать себя за подделку. Впечатление того, что вас надувают, никогда не исчезает и присутствует даже во время лучших демонстраций. Так, наиболее впечатляющей фигурой среди духов, управляющих миссис Пайпер, является некто по имени "Ректор", способный с удивительной точностью определять внутренние потребности присутствующих, а также давать возвышенные советы утонченным и требовательным умам. И все же во многих отношениях он является сущим обманщиком, — таким, по крайней мере, он показался мне, — претендующим на знание и силу, которыми он не обладает, путающимся в противоречиях, поддающимся внушению и заматающим следы посредством правдоподобных оправданий. Судя о подобных явлениях лишь по их фронтальным, поверхностным притязаниям, "не-исследовательский" ум никогда не задастся вопросом о том, что может скрываться под этой поверхностью. Поскольку же они в большинстве случаев претендуют на роль откровений духовной жизни, делаются и соответствующие выводы: либо эта жизнь в точности такова, либо жизнь эта-сплошной обман. А результатом общих усилий является возникновение чрезвычайно ограниченных расхожих мнений по данному предмету. Ряд лиц, растроганных именами тех, кого они называли своими любимыми, а затем утешенных заверениями, будто последние "счастливы", принимает откровение и начинает говорить, что спиритизм — это "прекрасно". Более трезво мыслящие субъекты, отвращаемые достойным презрением содержанием откровений, приводимые в ярость обманом и органически не переносящие никаких "духов", высоких или низких,

полностью отказываются принимать спиритизм, называя его "вздором" и "чепухой". По сути дела, во мнениях здесь разошлись две формы сентиментализма. "Научное" состояние ума хорошо показано в "Жизни и письмах" Гексли:

"Я сожалею, — пишет он, — что не могу принять приглашение комиссии Диалектического общества... Данный предмет меня нисколько не интересует. Единственный случай "спиритизма", который я имел возможность лично проверить, оказался самым грубым случаем надувательства из всех, с которыми я когда-либо имел дело. Но я не заинтересовался бы подобными явлениями, даже предположив, что они могут быть подлинными. Если бы кто-нибудь наделил меня способностью выслушивать болтовню старых женщин и викариев из близлежащих провинциальных городков, то я отказался бы от этого дара, ибо есть вещи, более достойные того, чтобы заниматься ими. Если же население духовного мира говорит не более мудро и разумно, чем нам о том сообщают, я вынужден отнести его к тому же разряду, что и вышеупомянутые викарии. Единственная польза, которую я способен усмотреть в демонстрациях "Истины Спиритизма", так это дополнительный аргумент в пользу отказа от самоубийства. Лучше жить подметальщиком улиц, чем, умерев, быть понуждаемым медиумом, берущим гинеею за сеанс, болтать всякую чушь".

Очевидно, ум великого Гексли обладает лишь двумя категориями для восприятия Подобных случаев, а именно — откровение и надувательство. По сентиментальным соображениям откровение исключается, поскольку сообщения, как он полагает, недостаточно романтичны: обман способен принимать любые формы; следовательно, все это является ничем иным как надувательством. Любопытно заметить, что большинство людей, рассуждающих подобным образом, не отдают себе отчета в том, что они и спириты исходят из одной и той же большой посылки и расходятся друг с другом лишь в малой. Большая посылка гласит: "Всякое духо-откровение должно быть романтичным". Малая посылка спиритов: "Это суть романтическое", в то время как гекслиан-цев: "Это суть серая посредственность". На основании этих малых посылок и делаются противоположные выводы!

Между тем первая вещь, которую усваивает каждый достаточно серьезно относящийся к подобным явлениям человек, состоит в том,

что их причинная обусловленность слишком сложна для того, чтобы на нее могло пролить какой-то свет наше чувство достаточности или недостаточности романтизма в рассматриваемых явлениях. Причинные факторы должны быть тщательно вычерчены в группы и изучены в отдельности, от самых очевидных до самых глубоких, прежде чем мы сможем начать понимать те результирующие Силы, в которые они соединяются.

Недавно кто-то сказал мне, что после двадцати пяти лет возни с "психиками" было бы просто стыдно, если бы я оказался не в состоянии сформулировать какие-то определенные выводы без оглядки на их возможные последствия. Я не мог с этим не согласиться; так что я собираюсь, приняв вызов, изложить свои убеждения, порожденные всей массой опыта, будь то истинного или ложного. Возможно, в глазах потомков, которым виднее, я ввергаю себя тем самым в пропасть; возможно, возношу к славе; я желаю пойти на этот риск, ибо то, что я напишу, является моим видением истины в настоящий момент.

Я начал эту статью с признания в том, что сбит с толку. Да, я сбит с толку возвращением духов и многими другими частными вопросами. Меня сбивает с толку каждая отдельная история, — я не знаю, что о ней думать, ибо в любом наблюдении источники возможных ошибок не могут быть учтены до конца. Но слабые прутья образуют прочные связки", и когда отдельные истории "осаждаются" в ряд типов, каждый из которых отмечает определенное направление, возникает чувство того, что имеешь дело с неподдельно естественными группами явлений. Меня несколько не сбивает с толку то, что существование таких подлинно естественных групп явлений не признается ортодоксальной наукой, ибо я в их существовании полностью убежден.

Первый случай автоматического письма мне довелось наблюдать сорок лет назад. Ни минуты не колеблясь, я объяснил его за счет обмана. Позже я стал рассматривать автоматическое письмо как пример такой области человеческой деятельности, которая настолько же широко распространена, насколько окутана тайной. Каждый человек способен к нему или к чему-то в этом роде; и тот, кто поощряет в себе это обнаруживает, что он является воплощением кого-то еще, подписывающего написанное фиктивным именем или побуквенно диктующего при помощи различных приспособлений

послания от усопших. Создается впечатление, что наша подсознательная область управляется, как правило, либо безумной "волей к притворству", либо какой-то любопытствующей внешней силой, понуждающей нас к ее воплощению. Основное различие между исследователем психических феноменов и человеком неискушенным состоит в том, что первый осознает обычность и неслучайность имеющих место явлений, в то время как второй, менее осведомленный, считает их слишком редкими для того, чтобы стоило уделять им внимание. Я отдаю свой голос за обычность.

Далее, я отдаю свой голос за то, что наряду со всяческим надувательством здесь наличествует также и подлинно сверхобычное знание. Под таковым я подразумеваю знание, которое не может быть прослежено до обычных источников информации, – а именно, чувство человека, демонстрирующего феномены автоматизма. Создается впечатление, что у действительно сильных медиумов знание такого рода, несмотря на обычную для него фрагментарность, неустойчивость и бессвязность, проявляется довольно широко. Действительно сильные медиумы – это большая редкость: но когда человек, начав работать с ними, углубляется в менее яркие и "престижные" области автоматической жизни, он начинает склоняться к тому, что многие незначительные, но странные в своей очевидности совпадения с истиной вполне могут быть проинтерпретированы как рудиментарные формы этого знания.

Феномены являются чрезвычайно сложными образованиями, в особенности если речь идет о таких интеллектуальных взлетах медиумизма, как опыт Сведенборга, или попытках действовать на уровне каких-то физических явлений. Вот почему я лично не принимаю на веру существование паразитирующих на нас демонов и являюсь не спиритом и не ученым, но именно исследователем психических феноменов, ожидающим дополнительных фактов, на основе которых можно было бы сделать какие-то заключения.

То прочно установившееся и догматически принимаемое заключение, согласно которому мы и наши жизни подобны островам в океане или деревьям в лесу, лежит вне сферы моего личного опыта как такового (достаточно, надо сказать, ограниченного). Клен и береза могут перешептываться листвою, а Коннектикут и Ньюпорт угадывать друг друга по отсветам маяков в тумане. Но корни деревьев

переплетаются в подземной тьме, а дно океана соединяет острова друг с другом. Подобным же образом существует и континуум космического сознания, в которое, как в материнское море, погружены наши разделенные умы. Наше обычное, "нормальное" сознание ограничено с целью адаптации к нашему внешнему земному окружению. Однако изгородь местами слаба, так что временами из-за нее просачиваются спорадические влияния, выказывающие наличие каких-то общих взаимосвязей, которые, с другой стороны, никак не могут быть проверены. Не только исследователи психических феноменов, но и метафизическая философия и теоретическая биология, каждая своим путем, пришли к тому, чтобы благосклонно отнестись к подобного рода "панпсихическому" видению мира. Признав существование этого общего океана сознания, этого банка, которым пользуется каждый из нас и в который, должно быть, каким-то образом откладывается множество воспоминаний о земных событиях — иначе откуда бы медиумы черпали их, — человек неизбежно сталкивается со следующим вопросом: какова его структура? Какова его внутренняя топография?

А также нам еще предстоит узнать, существует ли в природе человека абсолютно бессмертное разумное начало...

ТЕМНАЯ СИЛА ВАМПИРОВ

О вампирах сказано много. В народных поверьях, в мифологическом и оккультном понимании это мертвец, выходящий из могилы, чтобы сосать кровь живых людей. (По материалам С. Яковлева, И. Мосина и др. (Прим. авт.))

В настоящее время существует понятие "энергетический вампиризм" – социальное явление, которое может быть рассмотрено в виде болезни на основании скрытых и явных взаимодействий между людьми.

При этой болезни происходит силовой забор жизненной силы, энергии. Иными словами, мы имеем дело с разновидностью порчи.

Энергетический вампиризм как явление был постоянным спутником человека, а в наш XX век стал встречаться повсеместно. Чем сложнее и напряженнее становятся отношения между людьми, тем чаще вампиризм становится причиной возникновения и обострения многих заболеваний.

Болезнь-это всегда наказание за не праведный образ жизни, мыслей и поступков. Вампиры не знают о своей болезни, они просто плохо себя чувствуют, когда другим хорошо. При соприкосновении с ним мы начинаем болеть, а они-выздоровливать. У нас появляется слабость и сонливость, повышается возбудимость и обостряются старые болезни.

Соприкасаясь со здоровыми людьми, вампиры забирают их энергию, сами пополняются силами, душевным спокойствием, в то время как жертва их вампиризма ощущает упадок сил и душевную тревогу.

Вампиры забирают нашу радость, лишают нас любви, переключая внимание на себя, приводя нас в раздражение.

Вампиры живут на наших бросовых энергиях. Мы не просто отдаем им силу, а всегда на энергиях раздражения срываемся, сбрасываем. Они вынуждают нас быть их донорами, а мы после этого боеем.

Через стадию пребывания в вампиризме проходит каждый человек, но одни умеют выбраться из нее, наполняя свою душу

любовью, радостью, а другие до самой смерти остаются вампирами.

Если изолировать вампира от окружающих его людей, то он, не имея возможности заряжаться, подпитываться за счет других, будет мучительно умирать, а не выдержав этого, может покончить жизнь самоубийством.

Психические больные, которые проявляют агрессию и садизм по отношению к другим людям, тоже в своей основе имеют диагноз-хронический вампиризм.

Принято делить всех энергетических вампиров на солнечных и лунных.

Энергия солнечных людей горячая и сухая, она всегда агрессивна. Это жестокий и в высшей степени эгоистичный энергетический бандит.

Они сами провоцируют скандалы и ссоры, вызывая душевную и физическую боль.

Солнечный вампир действует нагло, вызывая взрыв нашего негодования, оскорбляя в лицо. Им движет зависть, злоба и ненависть.

Если мы не реагируем на солнечных вампиров, то они способны ударить нас, лишь бы получить порцию бросовой энергии.

Определить солнечного вампира можно по линиям на ладонях его рук. Они имеют темно-красный или фиолетовый цвет вместо ровного красного. На Руси использовали кровопускание для облегчения болезни, в которой преобладала тяжелая кровь, т. к. кровь у вампиров зашлакована.

Однако самым действенным способом лечения было использование медицинских пиявок.

Энергия лунных людей-вампиров противоположна солнечной, она холодная и влажная. Лунная энергия обладает сильным магнетическим качеством. Это люди, которые незаметно, мягко и спокойно-тянут из нас душу.

Лунный вампир – это энергетический вор, тихий и скрытный. Он всегда плачется о своих проблемах, прикидывается глухим и непонимающим. Это зануда. Он не ругается, не ссорится, не доказывает, он ноет и этим выводит нас из душевного равновесия.

Человек так устроен, что, если на него не нападают, не губят, то вроде бы нет повода оттолкнуть того, кто ищет якобы совета и помощи.

У такого всегда одни и те же проблемы и, сколько ни говори, ни советуй, проблемы не меняются, а это уже начинает раздражать.

От соприкосновения с ним теряются силы, понижается жизненный тонус, начинаешь зевать, горло что-то сдавливает и першит.

Лунные вампиры дорожат дружбой с вами, потому что сумели подобрать к вам ключик и научились мягко открывать шлюзы ваших энергетических каналов.

Вне дома они тише воды и ниже травы, заискивающие, сюсюкающие. Вообще, всем вампирам свойственна двуличность: на работе они одни, а дома совсем другие.

Когда начальник вампир, на этой почве вокруг него появляются подхалимы и угодники. Это слабые люди, и этим они защищают себя от энергетических встрясок.

Начальнику-вампиру как хлеб нужны разгильдяи, он будет держать их подле себя постоянно, держать таких, которых можно безнаказанно ежедневно обижать и оскорблять.

Часто бывает так, что на работе, которая вам так нравится, появляется человек, которого вы не любите, и поэтому он вас начинает раздражать. Только от того, что вы все время думаете и говорите о нем, ваша энергия уходит к этому человеку, и вам приходится периодически от кого-то подзаряжаться.

Тот, кто у вас на работе больше всех судит других, тот является потенциальным вампиром. Нормальный здоровый человек всем все прощает.

Технический прогресс породил еще один изощренный вид вампиризма телефонный. Телефонный вампир, звоня, делится с вами не радостью, а выплескивает на вас очередные или одни и те же проблемы.

Чем интенсивнее наша реакция на раздражение, тем быстрее и лучше мы подпитали вампира, а ему только этого и надо.

Еще один скрытый прием вампиризма, который используют вампиры, они требуют доказательств. Вы их никогда и ни в чем не переубедите, они все равно останутся при своем мнении. А сколько нервов вы при этом попортите; и какие опустошенные вы выходите из этих разговоров! Здесь вампиру важен конфликт, он провоцирует нас на энергетическое столкновение. Мы мечемся перед ним, а он

наливается удовольствием. Вампир любит только себя, он не умеет любить других и радоваться жизни.

В семье даже лунные вампиры всегда агрессивны и ежедневно проводят всей семье или кому-нибудь одному из ее членов энергетическую встряску.

Первым показателем вампиризма среди супругов является ревность, причем она – не проявление любви, а хитрый прием держать свою жертву в постоянном энергетическом (психическом) напряжении и срыве.

Вампир не видит и не слышит объект своей любви, пока его не потряхнет энергетическим забралом. Семейные вампиры живут мучительно долго, не давая жизни своим домочадцам. Они переживают своих доноров, а мы удивляемся, почему же хорошие люди умирают раньше плохих.

Характерная деталь: вампиры никогда не приглашают вас к себе в гости, а норовят прийти к вам, попить чайку, но сами никогда чаем не угощают. У вампира в гостях вы будете чувствовать себя как не в своей тарелке, и уйдете вы от него с больной головой, слабостью в теле, с чувством напрасно проведенного времени.

Все общественные места давно превратились в притоны вампиризма.

Творческий человек не станет вампиром, но его громадной энергией пользуются плотские вампиры. Их разъедает зависть. Трудно убедить завистливого. Зависть – чувство досады, вызванное благополучием или успехом другого. Зависть трясет человека и обесточивает, он находится в состоянии недовольства и раздражения.

Нужно учесть, что когда происходит энергетическое нападение, то, в основном, это говорит о слабости нападающего. Слабости физической, духовной и умственной.

Врачи знают, как много к ним приходит больных, которым трудно поставить диагноз. Жалоб много, анализы почти в норме, а они ноют и плачутся, все болит, и ничего конкретно.

В своем роде энергетические вампиры наводят порчу на здоровых людей.

От соприкосновения с энергетическими вампирами болит душа, поэтому психотерапия необходима в ее истинном значении, т.е. исцеление души.

Институтом, ведущим борьбу с энергетическим вампиризмом, является христианская церковь. Заповеди Христа учат слабых, нуждающихся в поддержке людей черпать необходимую энергию не из ближнего своего, а из молитв и духовного общения с Творцом.

Известно, что молчание – хорошая энергетическая защита. Молчание дает человеку мудрость, но при одном условии: не должно быть внутреннего диалога – укоров, обид...

Когда мы видим, что на нас идет психическая атака, и понимаем, что это вампиризм, то единственным мудрым диалогом будет ваше обращение к Богу: "Господи, прости его, ибо не ведает, что творит".

Эта искренняя молитва с жалостью к человеку способна остановить его, а вас уберечь от страданий. Только спокойствие, только наполненная радостью душа человека может противостоять психическим атакам. Она почувствует их заранее и отвернется, ибо то, что трясется вокруг, не соответствует ее внутреннему миру. Там, где радость и любовь, нет болезней. А вампиры, как назойливые мухи, норовят сесть на больную часть тела.

Нейтрализовать вампира можно только нашим общим терпением и молчанием. И тогда он сам изведет себя.

Перестаньте говорить и раздражаться на вампиров, не держите обиды на них. Пока вы будете помнить своего обидчика, держать на него злобу и обиду, пока вы будете мыть его косточки – вас будет трясти, а энергия и сила ваши будут продолжать уходить к обидчику.

Я вам советую: смотреть и молчать, смотреть и видеть, что и как происходит.

Проблемы вампиры создают себе сами, но винят в этом других. Жалейте, а не раздражайтесь на них. И если вы ежедневно с ними рядом, то только вы и сможете изменить их образ мыслей и жизни.

Помните, как сказано в Писании: "Возлюби ближнего своего, как самого себя".

А теперь некоторые практические советы защиты от энергетического вампиризма.

1. После контакта с энергетическим вампиром или после нахождения в местах скопления народа необходимо принять душ, лучшеконтрастный, так как вода все уносит.

2. Горячий чай или прием горячей воды в количестве 200-300 мл, которая является прекрасным средством, очищающим организми

способствующим возрастанию в нем энергетической силы. Именно стакан кипятка, который выпивается медленными глотками натошак, снимает головную боль, снижает лихорадку и улучшает аппетит.

3. а) Чай из лекарственных трав для нейтрализации солнечного вампиризма должен включать: бадан, боярышник, пион, солодку, софору желтоватую, мускатный орех, астрагал, бруснику, ландыш, эвкалипт.

Б) Чай из лекарственных трав для нейтрализации и лечения лунного вампиризма должен включать: девясил, чабрец, пижму, полынь, чистотел, толокнянку, глостер, землянику, омелу белую, мяту, багульник.

В) Чай из лекарственных растений для нейтрализации и лечения солнечного и лунного вампиризма одновременно: тысячелистник, ревень, аир, марша красильная, подорожник, сишоха, хвощ, ноготки, лопух, черника.

Из глубин средневековья до нас дошли легенды о кровожадных оборотнях. Мы привыкли считать их вымыслом темных и легковых людей. А вот канадские ученые уверяют, что вампиры существуют на самом деле.

Кто же они? Больные люди, объясняет биохимик Д. Дольфин. А причина наводящей ужас страсти-дефект в генах.

Каждый живой организм насыщен пигментами, так называемыми порфиринами. Они входят, например, в хлорофилл, придающий листьям зеленый цвет, в гемоглобин, делающий нашу кровь красной. Сбой в генетической программе нарушает естественный обмен порфиринов. Они скапливаются под кожей и под действием солнечного света становятся катализаторами, превращающими обычный кислород в так называемый синглетный. А его молекулы, как известно, разрушают клетки.

Пораженные ткани уродуют тело, искажают до неузнаваемости черты лица, делают их пугающими. Люди начинают бояться солнечного света, на улицу выходят только по ночам...

Меняется не только внешность. Человек начинает жаждать чужой крови. И это объяснимо. Уменьшить страдания больного может гемоглобин. Но где и как было его взять в средневековье? Способ один, он описан во множестве страшных историй. Человеком

овладевает патологическая страсть. Инстинкт самосохранения превращает его в вампира.

Казалось бы, исследования канадских ученых только объясняют трагедии времен давно минувших. Но у медиков они вызвали пристальный интерес именно сегодня. Загадка вампиров подсказала им способ лечения рака.

Если синглетный кислород поражает ткани, почему бы не использовать его для подавления раковых клеток? В экспериментах уже удавалось разрушить некоторые виды опухолей. Порфирины вводили под кожу и облучали солнечным светом. Недавно ученые нашли пигменты, которые реагируют на тепловое излучение. Инфракрасные лучи глубже проникают в организм – есть надежда, что с их помощью можно будет лечить опухоли не только на коже, но и в других тканях. Конечно же, больной не станет при этом вампиром, ведь работа его организма не нарушится. От сделавших свое дело пигментов можно потом легко избавиться...

ОДЕРЖИМЫЕ БЕСОМ

XVI и XVII столетия были временем расцвета преследования ведьм. В Германии процессы о ведьмах начались сравнительно позже, чем в других странах, но зато именно ей принадлежит первое место по размерам, которые имели преследования ведьм. (По материалам С. Тухолки, Н. Сперанского, И. Григулевич и др. (Прим. авт.))

Почти в каждой области Германии, в особенности в тех, где преобладало клерикальное влияние, чудовищные преследования ведьм неистовствовали с ужасающей силой.

В Эльбинге в 1590 году на протяжении 8 месяцев было 65 процессов. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали это место с сосновым лесом. В течение 1600 года были дни, когда сжигали по 10-12 ведьм в день.

Магистрат города Нейссе соорудил особую печь для сжигания ведьм, в которой были сожжены в 1651 году 22 женщины; во всем княжестве Нейссе в течение 9 лет было сожжено более тысячи ведьм; среди них были и дети в возрасте от 2 до 4 лет.

В свободном имперском городе Линдгейме 1631-1633, 1650-1653 и 1661-е годы замечательны особенно жестокими преследованиями ведьм.

Подозреваемых бросали в ямы, "башни ведьм", и, не допуская никакой защиты, их пытали до тех пор, пока они не сознавались.

В католических епископствах наиболее часто встречаются осужденные за колдовство во время контрреформации.

В триерском епископстве в 22 деревнях, прилегавших к Триеру, с 1587 по 1593 год во время епископа Иоанна было сожжено 368 человек. В 1585 году при одном большом процессе в двух селениях уцелели только два человека.

Город Легамо за обилие процессов против ведьм приобрел название "гнездо ведьм".

В бамбергском епископстве с 1625-го по 1630 год были сожжены более 900 человек.

Односочинение, изданное в 1659 году, указывает на распространение в стране колдовства и пишет по поводу процессов следующее: "Между осужденными находились канцлер доктор Горн, его сын, жена и дочери, также много знатных господ и некоторые члены совета, и даже многие лица, заседавшие с епископом за одной трапезой. Они все сознались, что их более чем 1200 человек, связанных между собой служением дьяволу, и что, если бы их колдовство и дьявольское искусство не было открыто, то они сделали бы, чтобы в течение четырех лет во всей стране погиб весь хлеб и все вино, так что люди от голода съедали бы друг друга. Другие сознавались, что они производили такие сильные бури, что деревья с корнем вырывались и большие здания обрушивались и что они хотели вызвать еще более сильные бури, чтобы обрушить Бамбергскую башню и т.д. Между ведьмами находились и девочки 7, 8, 9 и 10 лет от роду; 22 девочки были осуждены и казнены, проклиная своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. Колдовство до такой степени развилось, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать".

Процессы велись с удивительной торопливостью и с полной упрощенностью судопроизводства. Подсудимые допрашивались по 8-10 человек вместе, и их признания записывались на одном протоколе, причем для краткости они назывались не по именам, а по номерам: № 1, № 2, № 3 и т.д. Они так же сжигались на одном костре по 8-10 человек.

В то же время множество лиц в Вюрцбургском епископстве подвергалось такому же преследованию. В одном Вюрцбурге с 1627 по 1629 год было сожжено более 200 человек разного возраста, пола, а также состояния по обвинению в колдовстве. Среди казненных находились: канцлер с женой и дочерьми, член городского совета, самый толстый горожанин Вюрцбурга, два пажа, самая красивая девица Вюрц-бурга, студент, говоривший на многих языках и притом бывший отличным музыкантом, директор госпиталя, два сына и дочь, а также жена городского советника, три церковных регента, 14 духовных лиц, один доктор теологии, одна толстая дворянка, одна слепая девушка, девочка 9 лет, ее младшая сестра, их мать и т.д.

В архиепископстве Кельнском со второй половины XVI столетия преследование ведьм начинает свирепствовать с силой урагана,

вырывая из каждой семьи по несколько членов и проникая во все слои общества.

Особенно сильно жгли в Бонне. В одном частном письме мы читаем: "У нас (в Бонне) сильно жгут. Нет сомнения, что половина города падет жертвой. Тут уже сжигали профессоров, кандидатов прав} пастот ров, каноников, викариев и других духовных лиц. Канцлер со своей женой и жена тайного секретаря казнены" 7 сентября сожгли 19-летнюю девушку, любимицу епископа, которая считалась самой красивой, самой благонравною во всем городе. Девочки от 3 до 4 лет уже находятся в связи с дьяволом. Тут сжигали многих мальчиков от 9 до 14 лет".

В Виртемберге в 1673 году появилась эпидемия среди детей. Дети в возрасте 7-10 лет вообразили себе, что ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш, где их заставляют отрицать Св. Троицу, есть и пить. Охваченное ужасом население предалось унынию, и потому была вызвана комиссия из теологов и юристов для исследования этого явления.

Комиссия предписала зорко следить за детьми в течение всего ночного времени, чтобы проверить, не улетают ли они, действительно, когда все спят. Оказалось, что дети находятся в своих кроватях или в объятиях своих родителей постоянно, не просыпаясь и никуда не исчезая.

Принимая во внимание все факты, касаемые этого дела, комиссия решила, что это наваждение одной ведьмы, которую и присудили к сожжению вместе с другими, которых она оговорила.

В апреле 1663 года Агнесса, жена Ганса Генше, ткача, была арестована и отвезена в Эслинген по подозрению в колдовстве, поскольку, когда она однажды была где-то на крестинах, на стол вдруг вскочила черная кошка, и она одна из всех гостей не испугалась и даже пила из своего стакана, в который кошка сунула свою лапку. У нее нашли мешочек с подозрительным содержанием, которое медицинский факультет в Тюбингене, исследовав, признал, что это не что иное, как крахмальная мука.

Под пыткой она созналась, что имела некоторое отношение к приписываемым ей элементам колдовства, надеясь таким образом поскорее увидеть своего мужа и детей. Потом она отреклась от своих

слов, выдержала все высшие степени пытки и была выпущена с условием, что она навсегда покинет страну.

Она действительно уехала, но не смогла побороть тоску по родине и вернулась. Ее снова арестовали, секли розгами и вновь препроводили из страны с предупреждением, что ее сожгут, если она осмелится еще развернуться. :

В Эльзасе костры начали дымиться с 1570 года. В течение 1572-1620 годов было сожжено 136 ведьм, но это было только началом последовавшего после 1620 года массового преследования.

В течение 1620-1635 годов в одном Страсбургском округе погибло пять тысяч человек.

Австрия в конце XVII века была переполнена ведьмами.

В архивах г. Айсберга находим длинный ряд протоколов с приговорами по делам о колдовстве. Вот один из них: "15 апреля 1661 г. Анна предалась душою и телом дьяволу, который явился к ней в образе мужчины, по его приказанию отрицала Св. Троицу, богохульствовала и оскверняла Св. Таинства; при помощи колдовских средств умертвила ребенка и этими же средствами причинила другому порчу. За такие тяжкие и отвратительные преступления постановляется, чтобы она была посажена на повозку и отвезена к месту казни для сожжения на костре, причем предварительно оба плеча должны быть прижигаемы раскаленными щипцами" по одному разу каждое плечо. Но" так как она раскаялась, то постановляется оказать ей милость и отрубить ей голову мечом и после тело ее сжечь-таков приговор; учитывая ее слабое здоровье и глубокий возраст, он был еще более смягчен, а именно: она была освобождена от прижигания раскаленными щипцами".

В Зальцбурге в 1678 году было сожжено 97 человек. В 1583 году одна шестнадцатилетняя девушка, страдающая конвульсиями, была признана одержимой бесом и передана иезуитам для их изгнания. Святые отцы энергично взялись за это, но борьба с дьяволом оказалась очень упорной/Наконец, они преодолели хитрости дьявола, и им удалось изгнать из тела девушки 12 655 чертенят. После это-го была подвергнута пытке ее старая 70-летняя бабушка ЕлизаветаПленахерин, которая созналась, что уже 50 лет она находится в связи сдьяволом и ездит на шабаш, что она делает непогоды и т.д. Ее осудилии поволокли

к месту казни, привязанной веревками к хвосту лошади, и сожгли заживо.

В Вене в 1601 году были осуждены две ведьмы, одна из которых покончила в тюрьме самоубийством, а другая умерла во время пыток. Труп последней был все же сожжен на костре, а труп первой был законопачен в бочке и брошен в Дунай, "дабы она была удалена от населения Вены".

1. В Венгрии в 1615 году погибло огромное число ведьм вследствие возникшего предположения, что они имеют намерение дьявольским искусством вызвать сильный град и уничтожить посевы. Об этом случае в хрониках рассказывается следующее: "Одна двенадцатилетняя девочка, гуляя со своим отцом и слушая его жалобы на засуху, сказала ему, что если он хочет, она может вызвать дождь и град. Когда он спросил ее, кто ее научил этому, она указала на свою мать.

В это время действительно разразилась страшная гроза с градом, Отец донес об этом, после чего мать и дочь были арестованы и подвергнуты пытке. Они сознались в своем преступлении и оговорили многих других, которые также были привлечены к следствию. Дело было в высшей степени опасное, потому что если бы вовремя не открыли его, в короткое время не осталось бы в Венгрии от всех посевов и плодов даже следа".

Во Франции преследования ведьм начались очень рано. В особенности тут были распространены обвинения в оборотничестве. Процессы процветали под управлением Генриха ГУ.

Один из иезуитов того времени пишет в 1594 году: "Наши тюрьмы переполнены ведьмами и колдунами. Не проходит дня, чтобы наши судьи не запачкали своих рук в их крови и чтобы мы, возвращаясь домой, не содрогались от печальных мыслей об ужасных, отвратительных вещах, в которых эти ведьмы признаются. Но дьявол так искусен, что мы не успеваем достаточно большое количество ведьм отправить на костер, как из их пепла возникают новые ведьмы".

В 1609 году была назначена комиссия для преследования ведьм в стране басков. За короткое время там было сожжено 600 человек.

В Тулузе были дни, когда сжигались на кострах по 400 ведьм в день. Преследования свирепствовали по всему югу Франции с крайней необузданностью. Де Лайкру пришла мысль, что распространение

колдовства около Бордо может находиться в связи с большим количеством фруктовых садов, так как очень хорошо известно, что дьявол имеет особую силу над яблоками.

В Испании преследование ведьм продолжалось дольше, чем во всех остальных странах Европы. В 1527 году по оговору двух девочек 9 и 11 лет была осуждена огромная масса ведьм, которые были избличены в колдовстве благодаря усмотренному инквизиторами в их левом глазу особому знаку. В 1536 году в Саргоне были воздвигнуты многочисленные костры. Еще в 1810 году 7 и 8 ноября были сожжены 11 человек.

В Швеции известен ужасный процесс в небольшом селении, который произошел в 1669 году, вследствие чего погибла масса детей. Процесс возник на основании того, что у многих детей той местности по неизвестным причинам появились какие-то странные судороги, сопровождающиеся обморочным состоянием. Во время этих припадков дети рассказывали, что они часто вместе с ведьмами летают на шабаш, и там сатана их бьет, отчего и приключилась с ними эта болезнь.

Эти рассказы детей навели ужас на население, и в народе появилось большое раздражение против многих женщин, заподозренных в том, что они наводят на детей порчу.

По просьбе жителей правительство назначило специальную комиссию для расследования дела. Комиссия подвергла допросу около 300 детей, которые рассказали чудовищные подробности о поездках на шабаш и происходивших там оргиях. По словам детей, сатана на шабаше часто бьет детей, иногда же, напротив, очень любезен с ними, играет на арфе, любит, когда находится в состоянии болезни, чтобы ведьмы всячески ухаживали за ним и пускали ему кровь. А один раз он даже умер на короткое время.

Комиссия арестовала многих женщин, которые под пыткой сознались во всех преступлениях; из них 84 женщины были приговорены к смерти и вместе с ними также 15 детей, остальные дети подверглись разным наказаниям, 56 из них получили удары плетью.

Приговор был объявлен во всеуслышание, и комиссия после совершения казни над обвиненными вернулась домой, осыпанная благодарностями со стороны населения. В церкви долгое время после

этого возносились молитвы о защите страны от дьявола на будущее время...

Дьявол действует двояким образом. Либо он совращает свою жертву, вступает с ней в союз, закрепляет с ее согласия свою связь с нею договором и сообщает ей колдовскую силу, посредством которой она, как добровольная союзница дьявола, причиняет вред и порчу людям. Либо он овладевает ею без ее ведома и помимо ее воли, вселяясь в ее тело, действуя через нее, говоря ее устами и пользуясь ею для своих бо-гохульственных и пагубных целей.

В первом случае мы имеем дело с активными ведьмами, которые виновны в преступлении колдовства и должны быть сожжены. Во втором случае-с пассивными ведьмами, которые называются одержимыми бесом и считаются невинными, а поэтому подлежат исцелению посредством заклинания и изгнания поселившихся в них бесов.

Одержимыми бесом могут быть также животные, которые вредят людям, а также трупы мертвецов, которые оживают или превращаются в ходячих мертвецов.

Особенно сильно была распространена вера в одержимость в XVII столетии. Это была болезнь века. Большей частью бесовские эпидемии появлялись в женских монастырях, где религиозный-образ жизни, который предполагает уединенность и замкнутость в общении с внешним миром, а также сосредоточенность на мистических представлениях способствовали развитию среди монахинь истеричности, которая и составляла сущность одержимости.

Монахини одна за другой заражались и в короткое время все население монастыря оказывалось зараженным и подпавшим под власть дьявола. Огромные толпы женщин стали впадать в странные конвульсии, начинали кричать, мяукать, лаять, принимать странные позы, ползать и кататься по полу, заявляя при этом, что они одержимы бесом, и называли имена этих бесов.

Священники беспрерывно читали заклинания, переходя из одной церкви в другую. Некоторые из них сами становились жертвами одержимости и во время произнесения заклинаний падали на пол в странных конвульсиях, высовывая язык и проделывая все движения одержимых, из которых они изгоняли бесов.

В сочинении одного монаха, вышедшем в 1600 году и посвященном одержимости, приводятся следующие признаки одержимости злым духом:

"У одержимых злым духом язык опухший, покрыт темной корой, выдается изо рта, горло также опухшее; одержимый как бы задыхается, плачет, не понимая о чем; с гневом отвечает на вопросы и зачастую вовсе не хочет говорить.

Стискивает зубы и отказывается от пищи; обнаруживает ненависть по отношению к некоторым лицам; произносит бессмысленные слова, удручен чем-то и как бы лишен всяких чувств.

Ударяет себя кулаком, рвет на себе одежду и волосы, дико вращает глазами, испытывает необычайный страх, от которого внезапно успокаивается.

Подражает голосу различных зверей: рыканию льва, блению овец, мычанию быка, лаянию собак, хрюканью свиньи; скрежещет зубами, изо рта идет пена и вообще ведет себя, как бешеная собака.

Иногда ее насквозь пронизывает страшный зной или холод; она чувствует, что по ее телу бегают мурашки, муравьи, скачут лягушки, ползут змеи, рыбы, мухи и пр. Слышит и видит сверхъестественные вещи.

Когда священник кладет ей руку на голову, она чувствует то холод, то жар, и кричит, если ей ставят святые дары на голову. Затем она рычит, трясет головою, пытается опрокинуть дары, раздражается. При этом чувствует ужас при виде престола и Св. Таинств, ненавидит все церковные предметы. Не желает смотреть на иконы и особенно на распятие, у подножия которого она извивается, точно в припадке".

Первая большая эпидемия появилась в 1610 году в Провансе, в Эксе, в монастыре урсулинок. У двух монахинь появились какие-то удивительные припадки, которые внушили всем уверенность, что эти монахини одержимы дьяволом. Над ними были сделаны заклинания с целью изгнания дьявола, но безуспешно.

Одна из монахинь, Луиза Кано, призналась, что в ней сидят три Дьявола: Веррин – добрый дьявол, легкий, один из демонов воздуха; Левиафан – злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать, и, наконец, третий-дух нечистых помыслов; кроме того, она заявила, что чародей, наславший на нее этих дьяволов, – приходской священник ЛуиГофриди, другая монахиня Магдалина де ля Палю, обезумевшая от

страха, созналась также в том, что Гоффриди испортил ее своими чарами и наслал на нее целый легион демонов, именно 6666 дьяволов.

Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гоффриди прованскому парламенту.

Несмотря на защиту, которую Гоффриди имел в лице марсельского епископа и всего духовенства, он был арестован и предан суду. Обвинение было основано на показаниях этих двух монахинь и Михаэлиса, наблюдавшего во время Заклинания, как дьявол обращался со своими жертвами.

"Во время заклинания, — показывал Михаэлис, — Вельзевул продолжал терзать Магдалину, то с силой бросал ее на живот, то опрокидывал на спину; до трех или четырех раз он принимался душить ее за горло. За обедом демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову к земле, а за ужином ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трескали и все ввнутрь, ревности переворачивались; окончив истязания, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой". о о 1' Луиза показала, что Гоффриди, несмотря на то, что делает вид, будто не ест мясной пищи, на самом деле наедается до отвала мясом маленьких детей, которых он душил или откапывая из могил.

Магдалина, на которую бред Луизы сильно действовал, после рассказа Луизы об употреблении Гоффриди детского мяса разразилась против него проклятиями и обвинила его в разных преступлениях, сказав, что он ее оболгнул.

Несчастный священник клянется именем Бога и святых, что все згиобвинения ложны, но ему не верят, т. к. связь между его чародейством и дьяволами, которыми одержимы монахини, вполне установлена показаниями монахинь.

Его подвергают пытке, чтобы добиться признания; он понимает, что не выдержит долго, т. к. мужество его покидает, и он сознается во всем, во всех преступлениях, в которых обвиняется. Он сознался, что дьявол посещая его довольно часто, что он обыкновенно поджидал сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием. "Признаюсь в том, что, когда я желал отправиться на шабаш, я стаивался у открытого окна, через которое являлся ко

мне Люцифер и вмиг переносил меня на сборища, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа."

На теле Гофриди нашли в трех местах "печать дьявола", т.е. в трехместах тела вонзали иглу, и он не чувствовал никакой боли и кровь не текла.

Его виновность не подлежала сомнению, и 30 апреля 1611 года его сожгли в Эксе, после того как он был отрешен от сана и палачом подведен к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у Бога, короля и правосудия.

В особенности знаменита бесовская эпидемия, появившаяся в 1631 году в монастыре урсулинок в Лудене, которая получила громкую известность и вызвала общее волнение во всей Франции, благодаря процессу Урбана Грандье.

Процесс этот очень похож на процесс Гофриди, только в более обширных размерах. Та же драма, основанная на показаниях истеричных монахинь, обвиняющих священника в том, что он их околдовал.

Община урсулинок в Лудене состояла из женщин самых аристократических фамилий. Одна из сестер вообразила себе, что она одержима бесом, который являлся к ней по ночам в виде недавно умершего духовного лица данного монастыря, а также духовного лица другого монастыря аббата Урбана Грандье.

Вскоре все остальные сестры стали видеть эти видения. Приступили к заклинанию духов, во время которого галлюцинации одержимых усилились. В бреду каждая рассказывала о своем дьяволе, каков он свиду, что он делает с нею, что говорит при этом. Каждая призналась, что произносила богохульства, оскверняя Бога и святых.

Урбан Грандье не был монастырским духовным лицом, но он был известен в обители урсулинок, т.к. возбуждал много толков о себе, благодаря своему уму, красноречию и красивой внешности. Кроме того, он стал популярен благодаря своей оппозиции высшим церковным властям и своим памфлетом, направленным против кардинала Ришелье.

Слухи об одержимых в Лудене распространились по всей Франции. Многие приезжали из Парижа, Марселя, Лилля и других городов, чтобы посмотреть деяния дьявола.

Брат короля, Гастон Орлеанский, приехал туда специально, чтобы видеть одержимых и присутствовать при процессе изгнания из них бесов.

Во время одного из таких процессов произошел любопытный случай: отец Сюрен, производивший изгнание, сам сделался одержимым и стал вместе с заклиняемыми кататься по полу в конвульсиях и судорогах, и заявил, что дьявол Исаакарум проник в него. Граф Орлеанский присутствовал при настоящем спектакле: монахини и сама настоятельница катались по полу, принимая самые неприличные позы, делали самые смешные движения, высовывали языки, кружились вокруг церкви и при этом произносили ужасные богохульства.

На основании показаний монахинь молва продолжала обвинять во всем этом аббата Грандье, который заключил союзе Асмодеем. Нашли даже письмо к нему, подписанное Асмодеем, в котором тот дает обещание мучить сестер в Лудене.

Ришелье, желая положить конец этому делу, послал в Луден специального комиссара де Лобардена, дав ему неограниченные полномочия. По прибытии в Луден Лобарден приказал арестовать Грандье.

— Он был заключен в тюрьму, где подвергся следствию. По просьбе Грандье ему разрешили самому производить изгнание. Его привели в церковь, где собрались все одержимые, и в присутствии огромной толпы Грандье приступил к изгнанию.

Одержимые при виде Грандье испускали такие ужасные крики, катаясь по полу, прыгая, пуская изо рта пену, что все, наблюдая это, пришли в ужас. Самого Грандье одержимые стали кусать, рвать на нем одежду, так что его еле вырвали живым и отвели в тюрьму. Через несколько дней собрался суд, и 18 августа 1634 года он был осужден к сожжению живым после того, как был подвергнут самым ужасным пыткам, чтобы вырвать у него признание.

Чтобы отыскать у него на теле "печать дьявола", ему оторвали ногти с пальцев рук и ног, и совершенно раздробили кости ног, так что из них сочился мозг...

Так как ноги были искалечены и сам он передвигаться был не в состоянии, то его поволокли к месту казни на повозке, завернутым в

солому. По дороге перед главным входом в церковь его стащили с повозки и заставили просить прощение у Бога, короля и правосудия.

По прибытии на место казни его положили на костер и еще раз прочли ему приговор. Площадь была заполнена народом, т. к. люди собрались из всех близлежащих местностей, чтобы присутствовать при казни колдуна.

Несчастный Грандье пробовал обратиться к народу с речью. Тогда окружавшие костер монахи стали бить его руками, палками и распятиями, требуя, чтобы тот замолчал.

Наконец один из монахов схватил факел и зажег костер. Медленный огонь охватил тело Грандье.

Сохранился крайне редкий рисунок, изображающий казнь Грандье и предназначавшийся для народа со следующей наивной надписью: "Урбан Грандье, священник, был родом из Мэна и волшебником по профессии. Девять лет тому назад он сделался волшебником и тогда же был помечен Асмодеем, демоном прелюбодеяния, клеймом в форме кошачьей лапы в четырех местах на теле. Дьявол дал Грандье следующие обещания: первое-что он его сделает самым красноречивым оратором, и так оно и было, т. к. Грандье говорил с особым дарованием; второе-что он предоставит ему в пользование самых красивых и важных девиц Лудена; третье – что он даст ему красную шапку, но дьявол подразумевал под красной шапкой не кардинальскую, а огненную, от которой Гранд не ушел и которую он вполне заслужил".

Страшные припадки монахинь, вызванные луденскими дьяволами, не прекращались и после сожжения колдуна Грандье. Страшная болезнь стала распространяться далеко за пределы монастыря, где демонические припадки стали появляться у многих дам и девиц. Во всех церквях служились мессы и производились заклинания.

Луденская драма не оставила равнодушными многих деятелей того времени. Среди населения распространились припадки сумасшествия. В особенности она сильно повлияла на лиц, участвовавших в ней. Отец Сюрен и другие заклинатели луденских бесов лишились рассудка, вообразили, что в них поселились дьяволы, и кончили жизнь, как одержимые, в конвульсиях и судорогах...

Ни одна жертва инквизиции не удостоилась такого внимания со стороны историков и богословов, как Орлеанская дева, погибшая на костре в Руане по решению инквизиционного трибунала 30 мая 1431 года.

Когда ей исполнилось 17 лет, будучи неграмотной пастушкой, она решила, что Богом на нее возложена высокая миссия освобождения ее родины от англичан. Также ей хотелось помочь претенденту на престол Карлу стать королем Франции.

Когда в лагере Карла, где царил уныние и растерянность, появилась девушка, которая утверждала, что "голоса" святых, которые она якобы слышала, призвали ее возглавить французские войска и изгнать англичан из страны, Карл и его советники, не найдя другого решения, решили довериться молодой воительнице. Прежде она была подвергнута исчерпывающему допросу для выяснения, не колдунья ли она. В течение месяца в г. Пуатье ее допрашивали с пристрастием на этот предмет богословы, юристы и советники Карла. Они пришли к единодушному мнению, что Жанна — правоверная христианка, достойная доверия, и что, следовательно, надо дать ей возможность сражаться за дело французского короля.

Она возглавила 10-тысячное войско, которое под Орлеаном нанесло поражение англичанам, осаждавшим этот город. После французы освободили Реймс, где претендент на престол после торжественной коронации стал Карлом VII.

Народ и окружение Карла воспринимали эти неожиданные победы как чудесные явления. Англичане же приписывали победы французского оружия колдовским чарам Жанны д'Арк, утверждали, что она связана с Сатаной и действует при его поддержке и по его наущению.

Не прошло и года после победы под Орлеаном, как 23 мая 1430 года в одной из стычек под Парижем, который французские войска безуспешно пытались освободить от англичан, бургундцы взяли в плен Жанну д'Арк. При желании, согласно существовавшим тогда обычаям. Карл VII мог выкупить у неприятеля свою избавительницу. Но Карл ничего не сделал.

Кроме того, церковники не меньше англичан жаждали расправиться с "колдуньей".

Руководить процессом было поручено члену английского королевского совета епископу г. Бою, носившему фамилию Кошон – однозвучную с французским словом "свинья".

Так Жанна д'Арк была обвинена в колдовстве, идолопоклонстве, связях с демоном и других преступлениях против веры.

Инквизиторы обвиняли Орлеанскую деву во всех смертных грехах. Она слышала "голоса" – значит, это были голоса дьяволов. Она пыталась бежать из темницы – значит, признавала свою вину. Она носила мужское платье, не по повелению ли дьявола она это делала? Она утверждала, что является девственницей. Ее подвергли унижительной процедуре освидетельствования, которую совершила лично жена английского наместника леди Бедфорд. На нее кричали, ей угрожали земными и небесными карами, пугали орудиями пыток, требовали признаний.

В камере ночью вместе с Жанной постоянно находились трое английских солдат, что заставляло ее не расставаться с мужской одеждой, а это "доказывало", что она колдунья.

Наконец, ей подставили священника-провокаatora Никола Луазелера, который, выдав себя за ее земляка и друга, вел с ней в застенке "откровенные" беседы и давал советы, как отвечать на вопросы инквизиторов, а в соседней камере, приложив ухо к отверстию, слушали Жанну Кошон и английский военачальник Уорвик.

Жанна парировала провокационные вопросы инквизиторов с искусством, вызывавшим удивление ее мучителей. Вот некоторые их вопросы и ее ответы:

– Считаешь ли ты, что на тебе почиет божья благодать?

– Если на мне нет благодати, да ниспошлет мне ее Бог; если же есть, да не лишит он меня этой благодати!

Инквизиторы пытались обвинить Жанну в колдовстве на том основании, что она разрешала женщинам из народа целовать свои украшения. Она им ответила:

– Да, многие женщины касались моих колец, но я не знаю ни их мыслей, ни намерений.

Кошон стал угрожать Жанне пытками. Он повел свою пленницу в камеру пыток, где заявил ей:

– Жанна! В вашем деле имеются многочисленные пункты обвинения, на которые вы отказались ответить или ответили лживо.

Мы вас предупреждаем: говорите нам правду, или вы будете подвергнуты пытке, посмотрите, инструменты пытки наготове, перед вами палачи, которые ожидают только нашего приказа, чтобы подвергнуть вас пыткам. Они будут вас пытаться с тем, чтобы направить на путь истины, которую вы не признаете, и чтобы обеспечить вам таким образом двойное спасение – вашей души и вашего тела, которые вы подвергаете столь серьезным опасностям из-за ваших лживых ВЫДУМОК.

Жанна ответила Кошону:

– Говоря правду, если вы мне вырвете мои члены и выбьете мою душу из тела, даже тогда я не изменю своих показаний, если же я скажу вам другое, то затем я всегда буду утверждать, что вы силой заставили меня сделать это.

Пытки к Жанне не были применены, ибо Кошону и его сотрудникам в конце концов удалось ее запутать хитроумными вопросами и заполучить от нее таким образом желанный материал для обвинительного приговора.

В начале мая 1430 года инквизиторы, руководимые Кошоном и ле Метром, сформулировали свои обвинения против Жанны д'Арк.

Суд признал, что ее видения ангелов и святых исходили от злых духов и дьявола. :

Суд признал "безрассудным" утверждение Жанны д'Арк, что она узнавала святых и ангелов по получаемым от них наставлениям и ободрениям и считала их проявлениями верой Христовой.

Утверждение обвиняемой, что она могла при посредстве "голосов" узнавать незнакомых, людей, суд счел суеверием и чародейством, тщеславным и пустым хвастовством.

Ее обвинили в ношении мужской одежды и коротких волос, расценивая это как богохульство, оскорбление таинств, нарушение божеского закона, Священного писания и канонических постановлений.

Кошон заявил Жанне: "Ты запятнана преступлением против веры, ты виновна в простом хвастовстве и подозреваешься в идолопоклонстве; ты сама осуждаешь себя, не соглашаясь носить одежды твоего пола и следуя обычаям язычников и сарацин".

23 мая 1431 года Жанну вызвали в трибунал, и Кошон зачитал ей множество документов, уговаривая ее признать себя виновной,

раскаяться и отречься от своих преступных заблуждений, иначе она загубит свою душу и погибнет на костре.

Однако на Жанну эти слова не подействовали, и она категорически отказалась признать себя виновной в каком-либо прегрешении. Учитывая ее "закоснелость" в ереси, трибунал постановил отлучить ее от церкви и сжечь.

На следующий день в Руане состоялось аутодафе в присутствии кардинала Бофора и других высокопоставленных представителей церковных властей, а также высших английских чинов. Кошон вновь прочел Жанне д'Арк постановление трибунала и призвал ее к раскаянию и отречению.

И тут произошло нечто неожиданное: машина инквизиции, наконец, сработала, и Жанна, уступив бесконечным увещаниям и угрозам, заявила, что готова отречься, но при условии, что ее переведут в церковную тюрьму, где она избавится от присутствия английских солдат, не покидавших ее даже в камере.

Кошон, обещав выполнить ее просьбу, зачитал ей формулу отречения, под которой чуть ли не силой принудил ее вывести знак креста – подпись. В этом отречении был пункт, в котором она признавала, что совершила тяжкий грех, "нарушив божественный закон, святость писания, канонические права, надевая одежду развратную, неестественную, бесчестную, противоречащую природному приличию и подстригая волосы кругом подобно мужчине, вопреки всякому приличию женского пола".

Вслед за этим Жанне был зачитан новый приговор: она присуждалась к пожизненному заключению в тюрьме на хлебе и воде. На этом аутодафе закончилось. Однако вместо того, чтобы отвести осужденную в церковную тюрьму, как это ей было обещано, ее возвратили англичанам, которые заковали ее в цепи и вернули в подвалы Буврейского замка.

В тот же день, когда с аутодафе Жанну вернули в тюрьму, ее посетил Жанне Метр и другие инквизиторы. "Святые отцы" продолжали угрожать ей суровыми карами за неповиновение. Они уговорили ее переодеться в женское платье, однако, при этом ее мужская одежда была быть оставлена в мешке у нее же в камере.

После этого над пленницей пытались надругаться английские солдаты, что заставило ее вновь надеть мужское платье. Об этом

сообщил исповедник Жанны в те дни.

Когда инквизиторы 28 мая вернулись к Жанне в тюрьму, она им заявила: "Я не совершила ничего греховного против Бога или против веры. Я буду, если вы желаете, снова носить женское платье, но во всем остальном – я останусь прежней". Это были слова, несущие смерть!

На следующий день Кошон сообщил "священному" трибуналу, что Жанна "вновь обольщена князем тьмы, и – о горе! – снова пала, как пес, возвращающийся на свою блевотину". Трибунал постановил: Жанну д'Арк, как повторно впавшую в ересь, отлучить от церкви и "освободить" ее, передав светским властям "на их усмотрение".

Казнь Жанны состоялась 30 мая 1431 года на площади Старого рынка в г. Руане, куда ее привезли на позорной колеснице из тюрьмы в сопровождении английской стражи.

"На площади, – повествует Жюль Мишле, – были воздвигнуты три помоста. На одном из них помещалась королевская и архиепископская кафедры, трон кардинала Англии, окруженный сиденьями его прелатов. Второй предназначался для действующих лиц мрачной драмы: проповедника, судьи, бальи и, наконец, самой осужденной. Отдельно виднелся громадный оштукатуренный помост, заваленный дровами. Ничего не пожалели для костра, и он пугал своей высотой. Это было сделано не только для придания торжественности обряду сожжения, но и с определенной целью: палач мог достать только снизу до костра, расположенного на большой высоте, и зажечь его; таким образом, он не был в состоянии ни ускорить казнь, ни покончить с осужденной избавив ее от огненных мук, как обычно делал с другими... Жанна должна была заживо сгореть. Поместив ее на вершине горы из дров, над кругом копий и мечей, на виду у всей площади, можно было предположить, что, долго и медленно сжигаемая на глазах любопытной толпы, она проявит, наконец, некоторую слабость, у нее вырвется если не признание, то по крайней мере несвязные слова, которые легко истолковать в желанном смысле; быть может, даже тихие молитвы или униженные моления о пощаде, естественные для павшей духом женщины".

На казни Жанны присутствовали все ее мучители – Кошон, ле Метр, Уорвик, провокатор Луазелер... Кошон зачитал новое решение "священного" трибунала:

"Во имя господи аминь... Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовэский, и брат Жан ле Метр, викарий преславного доктора Жана Гра-верана, инквизитора по делам ереси... объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях. Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти...

Мы отлучаем тебя, отсекаем и покидаем, прося светскую власть смягчить свой приговор, избавив тебя от смерти и повреждения членов".

Инквизиторы знали, что их просьбы подобного рода отклоняются. Затем на голову Жанны надели бумажную митру с надписью "Еретичка, рецидивистка, вероотступница, идолопоклонница" и повели на костер.

Хрониcты отмечают, что во время казни Жанны инквизитор Кошон рыдал, по всей вероятности, от радости. Теперь ему была обеспечена митра архиепископа Руанского!

Сторонники Жанны свидетельствовали, что она мужественно и гордо взoшла на костер, а противники утверждали, что она каялась и рыдала.

Когда огонь уничтожил ее одежды, то раздвинули охваченный пламенем хворост, чтобы толпа могла видеть обгорелый труп и, таким образом, убедиться, что Жанна была женщиной. После этого ее тело обратили в пепел, который выбросили в Сену.

Когда в 1449 году французы завладели Руаном, Карл, ничего не сделавший для ее спасения, теперь отдал приказ пересмотреть дело Жанны д'Арк. Хотя и с опозданием, но король решил снять ярлык колдуньи с той, которой был обязан своей короной.

Тодор Дичев – доктор философских наук, директор Института биоэнергетики и экологии человека. Профессор никогда не расстается с деревянным маятником, даже назвал его мудромером двадцать первого века. Дичев долго изучал маятниковый эффект. С его помощью получали информацию об объектах, явлениях, процессах молекулярного и субмолекулярного уровней, о событиях, происшедших давным-давно, регистрировали элементарные частицы, слабые и сверхслабые электрические, магнитные, электромагнитные и

звуковые поля. Это позволило сделать вывод: материя и дух неразделимы. Каждая клетка – колебательный биоконтур, который изменяют, моделируют пронизывающие его космические лучи.

Каждый орган, организм, человек и вся биосфера осуществляет запись своей информации в пределах и диапазонах рабочих частот. Пространственно-временные параметры биологически активного маятника – это отражение параметров реальных изменений в космическом вакууме. Есть поле хода времени, его составляют информационные поля всего сущего на Земле. Есть строгая иерархия: каждое поле является квантом поля более высокого порядка. Благодаря этому информация о любом событии-достоинстве Вселенной и никогда не исчезает. А мысль – единый язык для всего сущего на Земле и в Космосе.

Сделать этот мудромер просто. Кусочек янтаря, поскольку он богат энергетикой Космоса – Правой, необходимо привязать к толстой несинтетической нити. Можно взять дерево. Но придать ему коническую форму.

Отрешились от всех мыслей, кроме одной: хочу получить информацию об этом предмете или человеке. Янтарь, подвешенный на нитке в пальцах вашей руки, сразу станет активным. Будет колебаться, делать колебания и круги вправо или влево, просто стоять. Правый круг по часовой стрелке – энергия положительная, левый – отрицательная, колебания – процесс разрушения, маятник стоит над фотографией человека значит, он мертв. Поняв язык маятника, вы сможете опознать в куске руды тот или иной металл, определить патологические разрушения, узнать, какого они характера, установить основную мысль художника, скульптора, писателя при создании их произведений, отличить искусную подделку от оригинала, благоприятное телепатическое и экстрасенсорное воздействие от плохого. В принципе, у каждого из нас имеются три фундаментальных информационных поля: космическое, психическое и физическое, характеризующее нас как энергетическую и овеществленную часть Космоса.

Космическое поле может быть положительного и отрицательного знака. Первое означает: порядок, добро, созидание, общее благо. Второе: хаос, распад, разрушение. Они соответствуют глаголам дать и взять. Поле не исчезает после физической смерти человека, при

которой мы расстаемся только с оболочкой или телом, а все остальное не умирает. Пример тому-регистрация поля умерших тысячелетия назад. К примеру, был получен ответ, что космическое поле Гомера, Архимеда, Шекспира, Ньютона, Ломоносова, Пушкина, Дарвина, Рафаэля, Рублева, Эйнштейна, Вернадского, Сахарова, Курчатова, Королева, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Адама Смита, Столыпина, фараона Эхнато-на, Перикла, Акбара, Цезаря, Петра Первого, Рузвельта, Тэтчер, Суворова, Кутузова, Жукова, Христа, Будды-только положительное. Эти люди действительно отдали знания и жизнь своему народу.

А вот список отрицательных гениев-Вагнер, Фейхтвангер, Фрейд, Геллер, Маркс, Нерон, Иван Грозный, Бисмарк, Ганнибал, Наполеон, Гитлер, Чингисхан, Сталин, Берия, Малюта Скуратов, а также все изуверы, убийцы, преступники и предатели. Отрицательную энергетику, как ни странно, имеют наши космонавты: Титов, Терешкова, Комаров и люди, еще вчера стоявшие у руля перестройки, – Попов и академик Абалкин.

Следует запомнить: исцелять может только человек со светлой энергией. Она – в открытых огнях сердца, ее никакие деньги, курсы и упражнения не зажигают. Только высокодуховное, бескорыстное стремление может дать этот огонь. Таких людей-единицы" Они-сокровище государства.

Аура людей похожа на радугу после дождя. Свет над головами пульсирует, меняет цвета. Живое море красок, тонов, цветов. Много разорванных, тусклых, рогатых, что говорит о физических и психических недугах. Но все-таки преобладают желтые, оранжевые, светло-зеленые тона, по которым судят о теплоте, доброжелательности, откровенности и желании общаться.

Психическое поле отражает духовную сущность человека, его физическое здоровье. Они могут изменяться при жизни человека и не регистрируются после смерти. Точнее, эфирное, астральное и ментальное тела после смерти распадаются, и день этого распада мы отмечаем как 9,40 дни и год. Сопоставив же космическое поле с психическим, можно определить, "выполняет" ли данный человек свою "космическую программу", использует ли во благо свои врожденные способности. Люди очень часто жалуются на свое здоровье. Пусть запомнят, что оно-результат прошлой жизни и

нынешней; чтобы выздороветь, надо чище мыслить, а не потреблять горы лекарств. Не золото и деньги, а высшие духовные ценности – главное условие Космоса.

Для многих будет откровением, но бесы тоже имеют физическое тело, однако материя их настолько тонкая, что они не могут быть видимы человеку, если его духовные двери восприятия не открыты. По сути дела, это люди, жившие очень плохо, делавшие только зло. После смерти они притягиваются, в силу плохих энергий, в очень низкую сферу, где им так тяжело, что приходится из нее дезертировать. Кто убивал – хочет делать то же, но во сто крат сильнее, кто пил – хочет пить, кто крал, хочет красть. Но нет тела. И тогда одна цель – завладеть телом живущего человека. Скажем, испугать его. В момент страха аура как бы замораживается, а то и совсем исчезает. Вход свободен. Человек вначале ощущает тяжесть в голове, будто она наливается свинцом, учащается сердцебиение, появляются страх, навязчивые мысли, вибрации в теле, подергивание век, щек, потливость. Врач и рентген ничего не могут обнаружить – надо иметь духовное зрение, чтобы точно поставить диагноз. Здоровье ухудшается, потому что его энергией пользуются одержатели, которые никогда не дорожат оболочкой, она нужна им, чтобы проявиться.

Незаметно для себя, но хорошо заметно для окружающих, жертва все больше раздражается, скандалит, сеет зло. Хотя в минуту раскаяния говорит, что не хотела этого делать. Потом начинает слышать чужой голос, который советует ей делать то-то и то-то, ну а последняя стадия одержания-психиатрическая клиника. Любой священник скажет вам, что психически больной-это человек, одержимый бесом. Изгнать его-значит избавить от душевных мучений, которые страшнее физических.

Никогда еще от начала христианства бесы не проявлялись так открыто и повсеместно. Это прием, с помощью которого они пытаются внушить людям, что высшие существа отныне собираются взять на себя будущую судьбу человечества. Не надо этому верить.

Планета не останется без помощи. Но свои плохие накопления мы должны изжить сами...

ТАЙНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Тайные союзы принадлежат к числу тех форм религии, в которых наиболее заметна социальная сторона, и эта последняя даже преобладает над стороной чисто идеологической. Поэтому здесь вполне возможны те же сомнения, с которыми мы встретились, когда касались системы инициации как зародышевой формы племенного культа: можно ли считать тайные союзы формой религии, и не есть ли это всего-навсего одна из форм общественной организации?

Конечно, тайные союзы являются прежде всего общественной организацией и притом весьма характерной для эпохи разложения общинно-родового строя. Это один из важнейших рычагов ниспровержения материнского рода и установления господства мужчины в семье и в обществе; в то же время тайные союзы – орудие господства в руках отслаивающейся верхушки общества, которое движется к расколу на классы. (По материалам С. А. Токарева. (Прим, авт.))

Генетически тайные союзы, основанные обычно на так называемых мужских домах, восходят к системе инициации эпохи первобытной общины, представляя их позднейшую модификацию. Свою историческую роль – борьбу с материнско-родовым строем и укрепление власти экономически сильных элементов общины – тайные союзы выполняют путем применения террористических средств, запугивая население и подавляя силой всякие попытки протеста. Это – одна из зародышевых форм примитивной государственной власти.

Но именно эта историческая роль тайных союзов была бы невозможна, если бы они не представляли собой в то же время носителей определенных религиозно-магических функций. Тот аппарат устрашения и подавления, который так характерен для тайных союзов, состоит прежде всего в тактике религиозного запугивания, в целой системе верований и обрядов, цель которых – загипнотизировать окружающую массу, поразить ее воображение жуткой фантастикой. Вся деятельность тайных союзов окутана атмосферой тайны, запрета, она вся наполнена идеями о сверхъестественном.

Таким образом, религиозно-магическая сторона составляет неотъемлемую особенность системы тайных союзов. Но мало этого. Как мы увидим дальше, эта религиозно-магическая сторона не представляет собой случайного и разнохарактерного нагромождения верований различного происхождения: система тайных союзов почти всегда и везде включает в себя одни и те же, вполне определенные верования и обряды, органически связанные с этой системой. Все это и дает нам право говорить о тайных союзах как об определенной форме религии.

Как уже говорилось, тайные союзы складываются на стадии начавшегося разложения доклассового строя как симптом и одновременно как орудие этого разложения. Географическое распространение тайных союзов в их наиболее развитой форме хорошо известно: это Меланезия, Северная Америка и Западная Африка. Социальная роль тайных союзов яснее всего прослеживается на материале Меланезии, и здесь же отчетливее всего выражены и особенности этой системы как религиозной формы.

В Меланезии можно проследить почти шаг за шагом развитие тайных союзов из системы первобытных инициации. Переходную форму между теми и другими представляют собой в известной мере "тайные культы" островитян Торрессова пролива, папуасов маринданим и др., о которых упоминалось выше. Наиболее же развитые формы тайных союзов описаны на острове Новая Британия (системы дук-дук и ингийет) и на Банксовых островах (союзы сукве и томате).

Союз дук-дук в северной части Новой Британии как социальная организация представляет собой орудие господства богатого меньшинства над остальной массой населения; это своего рода аппарат накопления ценностей в руках богатых, форма организации власти и орудие запугивания всех непосвященных и особенно женщин. Во главе союза стоит тубуан – "хозяин" союза, пользующийся деспотической властью над членами союза, а через них – над всем населением.

Такова социальная роль союза дук-дук. Выполнению этой роли и служит та своеобразная система верований и обрядов, которая составляет столь характерную черту всех этих организаций и которая позволяет нам рассматривать их как одну из религиозных форм. Эта система верований и обрядов сводится, в кратких словах, к следующему.

Союз дук-дук – это общество духов. Само название его производится от слова душ-умерший. Глава союза тубуан-это дух женского пола, который "рождает" всех других духов. Прием нового члена в союз представляется как рождение тубуаном нового духа. Но в то же время только один тубуан считается неумирающим, постоянно существующим духом, все же остальные духи, представляемые членами союза, периодически умирают и возрождаются. Возрождение это происходит раз или два в год, и оно выражается в устройстве особых церемоний, при которых члены союза носят особые страшные наряды и маски; последние и изображают духов. Появляясь в этих масках в деревне, члены союза наводят панику на население и под разными предложениями вымогают разные ценности. Непосвященные должны верить, что перед ними – духи умерших, а не люди; всякое неуважение к действиям членов союза карается штрафом. Самые же важные обряды, пляски и церемонии совершаются членами дук-дука в строгой тайне, в особо устроенном в лесу месте – так называемой торошу, доступ туда всем нечленам, а особенно женщинам, запрещен под страхом штрафа, а в прежнее время – под страхом смерти.

Содержание этих тайных обрядов и связанные с ними верования остаются до сих пор – и именно благодаря этой засекреченности – неизвестными. Известны только те представления, которые внушаются непосвященным, но в которые не верят посвященные. В момент приема в союз новый член узнает, что страшные рассказы о духах, которыми пугают непосвященную массу, – выдумки, что тот таинственный шум, доносящийся из леса, который выдается за голоса духов, имеет более простое происхождение и т.д. Но в то же время посвящаемого обязывают поддерживать благочестивый обман среди непосвященных.

Какие представления внушают новому члену взамен этих разоблачений, этого никто из исследователей не сумел узнать. Возможно, впрочем, что особой эзотерической стороны верований здесь и нет. По крайней мере, лучший знаток быта туземцев Паркинсон после многолетнего изучения пришел к мнению, что у всех этих тайных союзов нет в основе какого-либо глубокого значения и что они просто преследуют совершенно материальную цель – дать членам более высокое положение (Ansehen). Он считает, что посвящаемому не сообщают каких-либо особых тайн, а только внушают держать в

секрете все, что он видит в тарану. Такого же мнения придерживались и другие наблюдатели – Пфейль, Браун, Бургер, Данкс. Так это или нет, во всяком случае та причудливая демонология, рассказы о духах, их рождении, умирании и пр. – все, что мы знаем как мифологическую сторону системы дук-дук, представляет собой круг верований, припасаемых специально для непосвященных.

Несколько больше известно об эзотерической стороне другого тайного союза, распространенного в тех же местах, точнее, другой системы тайных союзов – ингиет. По отзывам наблюдателей, система ингиет коренится глубже в обычаях и верованиях туземцев, чем дук-дук, который, по-видимому, имеет недавнее происхождение.

Система ингиет состоит из целого ряда тайных мужских союзов, принятие в которые совершается по большей части с детства и без больших церемоний, но за плату. Можно принадлежать к нескольким союзам сразу. Во главе каждого из союзов ингиет стоит определенное лицо, которое одно только может сообщать его тайны. Союзы ингиет занимаются некоторыми видами колдовства, каждый из которых составляет монополию того или иного союза. Особенно сильным и опасным считается ингиет на матмат (приблизительное значение – союз смерти, от мат – умерший), применяющий специальные виды вредоносной магии. В отличие от дук-дука, в союзах ингиет не употребляются маски, но ритуал их действия окружен еще большей тайной. Собрания ингиета происходят в особых местах маработ, в чаще леса, куда не допускаются посторонние.

Члены ингиета, особенно новопосвященные, соблюдают некоторые пищевые запреты-не едят мяса свиньи, черепахи, акулы и некоторых других животных. Все исследователи сходятся на том, что главное содержание тайных обрядов ингиета составляют магические действия: с одной стороны, вредоносная и разрушительная, с другой – предохранительная (для своих членов) магия. Так, Джордж Браун после многолетних наблюдений пришел к выводу, что "это учреждение представляет собой общество, которое претендует на монополию известных видов колдовства (witchcraft). Колдовство есть, по-видимому, самый важный фактор в нем, хотя с ним связаны и другие суеверия и развлечения (sports)". С другой стороны, обряды ингиета связаны и с культом духов, в частности духов умерших. Патронами союзов ингиет становятся, между прочим, умершие вожди, при жизни

бывшие членами этих союзов. Сношения с духами находятся в руках главы ингиета, который "обладает знанием и властью, чтобы управлять (to control) духами, умиловать их, если они оскорблены", и т.д. Каждый ингьет имеет свои собственные магические формулы, песни, пляски, обучение которым и составляет главную часть посвятельного ритуала. По отношению к окружающему населению ингьет выступает в еще большей степени, чем дук-дук, как террористическая организация, члены его пользуются репутацией страшных колдунов и могут себе позволить любые эксцессы над женщинами и всеми непосвященными.

Почти такой же характер, но с несколько смягченными чертами, имеет система тамате на Банксовых островах. Эта система состоит из целого ряда сообществ (на одном острове Мота Риверс насчитал их 77), причем обычно человек состоит членом нескольких из них одновременно. Местом собраний союзов тамате служат особые потайные святилища в лесу, и весь ритуал их действий окружен атмосферой тайны и страха. Члены тамате употребляют особые страшные маски, изображающие духов, и считаются сами духами умерших; самое слово тамате означает "покойник, дух, привидение". Вступление в союзы тамате сопровождается обрядами символической смерти и воскресения. Сама деятельность тамате носит периодический характер. Время от времени эти союзы "оживают", их члены изготавливают новые маски, устраивают в своих лесных убежищах страшный шум, нарядившись, бродят по окрестностям, бьют и пугают людей, даже ломают дома; считается, что в это время тамате "запирает страну".

Члены тамате обладают особыми правами и привилегиями, в числе которых не последнее место принадлежит праву табуации: путем наложения особых, присвоенных каждому союзу значков (листьев определенных пород деревьев) человек ограждает свое имущество от посягательств всех, не принадлежащих к данному союзу. К системе тамате имеют отношение некоторые пищевые запреты, но в очень характерном виде: названия союзов тамате означают большей частью имена животных, и эти животные могут употребляться в пищу только членами данного союза, всем же остальным это запрещено, хотя это запрещение не распространяется на женщин. Этот довольно необычный вид пищевого табу имеет, по-видимому, какую-то связь с

тотемизмом, элементы которого вообще прослеживаются в тайных союзах.

Несколько неясной остается связь союзов тамате с более широко распространенной на всем Новогвинебидском архипелаге системой мужских союзов сукве. Последние окружены меньшей тайной, группируются вокруг мужских домов, имеющих в каждой деревне, и в большей степени представляют собой организацию для накопления богатств и закрепления власти в руках отслаивающейся родовой верхушки. Но некоторые религиозно-магические представления связываются и с системой сукве: члены высших рангов сукве считаются обладающими большим количеством магической силы мана: после смерти их души особенно почитаются.

Подобные же тайные мужские союзы, но не столь подробно описанные, существуют на Соломоновых островах, Торресовых островах и некоторых других. Пережитки их можно проследить в южной части Меланезии, вплоть до Новой Каледонии, а также и в Полинезии, где, однако, в связи с более высоким уровнем общественного развития сами по себе эти союзы исчезли.

Если в Меланезии тайные союзы выступают в своей наиболее чистой и типичной форме, то в Северной Америке они в сильной степени осложнены благодаря связи с некоторыми другими институтами и религиозными формами.

У многих племен Северной Америки союзы развились на родовой основе и сохраняют связь с родовой организацией. Так, у племен северо-западного побережья, особенно у квакиутль, а также у индейцев пуэбло общества были приурочены к отдельным родам, хотя позже начали отрываться от родовой организации. У племен прерий общества складывались на иной почве — они составлялись из лиц, имевших одинаковые "видения" и чтивших одних и тех же духов-покровителей. Здесь, следовательно, система тайных обществ непосредственно связана с нагуализмом. У некоторых из этих же равнинных племен были и общества, составлявшиеся по возрастному признаку. Возрастные общества имелись почти у всех племен сиу, у некоторых алгонкинских племен. У манданов было 6 таких обществ, у воронов — 2, у черноногих — 12. Кое-где возрастной принцип осложнен другими моментами, связанными с войной и социальным рангом; так, у омаха в общество поогтун входят только вожди, в общество хагетуска

— воины, отличившиеся особыми подвигами; у них есть также общества, называющиеся "пляска готовых к смерти", "пляска неубегающих (от врага)" и др. Связь с возрастными группировками указывает на сохранение здесь архаических черт системы возрастных инициации; да и объединения лиц, имевших одинаковые "видения", генетически связаны с ними же. Наконец, у некоторых племен тайные союзы приняли еще более модифицированный вид, превратившись в "общества шаманов"; такой характер имеет, например, известная мидевивин — "великая медицинская ложа", как ее не совсем удачно называли, у оджибуеев; к этому типу приближается и ирокезский союз "ложных лиц" с его характерными масками, особыми плясками и пр. Но все эти разные типы тайных союзов северо-амери-канских племен являются в одинаковой степени религиозными организациями: эти союзы выступают как обладатели и исполнители большей части религиозно-магических обрядов, священных плясок и церемоний, они имеют свои предания и верования, свою мифологию.

В Западной Африке система тайных союзов получила особенно сильное развитие. Но здесь она и гораздо более сложна и запутана, чем в Океании и Америке. Это и понятно, потому что в общественном строе народов Африки особенно причудливо переплелись черты совершенно различных эпох — от очень живучих пережитков материнского рода и вплоть до сравнительно развитых феодальных отношений. Еще срагни-тельно недавно на Гвинейском побережье существовали сильные туземные государства — Ашанти, Дагомея, Йоруба, Бенин, а рядом с ними, подальше от побережья, многие племена жили еще общинно-родовым бытом. Прибавить к этому надо давнее проникновение арабских торговцев и проповедников ислама, а с XV века — европейских купцов и колонизаторов, и тогда очень наглядной делается вся сложность социально-политической и культурной обстановки, в какой создавались и развивались западно-африканские тайные союзы.

Поэтому и разобраться в них нелегко. Попытку классифицировать тайные союзы Западной Африки и систематически описать их черты сделал капитан Ф. Бетт-Томпсон, собравший фактический материал почти по 150 таким союзам. По историческому происхождению он делит их на три вида: языческие — наиболее древние; мусульманские — ответвление и видоизменение мусульманских сект Северной Африки,

проникших в глубь континента; и мусульманско-языческие, возникшие позднее как своеобразное скрещение туземной и мусульманской организаций. Самобытные "языческие" общества он, в свою очередь, классифицирует на типы: 1) мистическо-религиозные (с подразделениями, не совсем четкими); 2) демократические и патриотические (в том числе кооперативные, танцевально-спортивные, военные и пр.); 3) "извращенно-преступные". Хотя классификация эта не совсем ясна и частью сбивчива, но из нее хорошо видно, что перед нами – пестрая масса совершенно различных исторических организаций. Видимо, традиция тайных союзов послужила в Западной Африке как бы образцом, к которому подгоняли и образования совсем иного типа и назначения – спортивные, военные или патриотические общества, принимавшие, однако, ту же традиционную форму.

Этот факт сам по себе интересен как свидетельство большого значения, системы тайных союзов, так глубоко укоренившейся в жизни и сознании населения. Но нас здесь интересует только религиозная сторона тайных союзов, притом самобытных, не "мусульманских"; значит, можно оставить в стороне военные, спортивные и прочие подобные объединения. Взглянем кратко лишь на "мистико-религиозные" союзы. К их числу принадлежат наиболее известные союзы – по большей части мужские, но местами и женские: мужской союз Поро в Сьерра-Леоне и в соседних областях; его женское дополнение – союз Бунду; мужской союз Эгбо в Южной Нигерии; Огбони у йоруба; Ориша там же; Нда среди баконго (Конго) и множество менее распространенных. Социальные функции даже собственно религиозных тайных обществ в Западной Африке разнообразны. В них местами сказывается "антиженская" направленность (но меньше, чем в Меланезии); чаще выступают судебно-полицейские функции; очень заметна роль союзов в физической и моральной подготовке молодежи, восходящая к возрастным инициациям общинно-родовой эпохи. Но любые из этих функций выполняются тайными союзами в таких формах, которые облечены в религиозно-магическую обрядность и неразрывно связаны с верованиями. Сама процедура принятия в члены союза включает в себя обычно символическую и порой очень наглядную инсценировку смерти и воскресения посвящаемого. Обычный ритуал действий тайных союзов в Африке (как и в Океании и в Америке) – это

выступления и пляски в масках и страшных нарядах, изображающих духов. При этом носители масок запугивают население – нечленов союзов, а порой и позволяют себе разные эксцессы и жестокости, уже не говоря о вымогательствах. В Габоне верят, например, в страшного лесного духа Нда, которого изображает замаскированный член одноименного союза; он похищает овец и коз, которые потом съедаются членами союза. У мандинго есть страшный дух Мумбо-Джумбо (правильнее Махаммах-Джамбох; союз этого духа считается, впрочем, мусульманским), который в образе страшной маски время от времени появляется из леса, бьет и терроризирует женщин.

Подобная практика перенесена и на недавно появившиеся тайные союзы с политической окраской, а также на тайные террористические, полубандитские союзы. Например, уже после первой мировой войны в очень многих местностях Западной Африки – от Сенегала до Анголы – распространилась деятельность тайного общества "леопарда"; члены его "люди-леопарды", надев страшные маски, совершали убийства и ограбления. Надо вспомнить, что леопард в Африке – предмет особо суеверного страха и поклонения.

Помимо названных трех областей, где тайные союзы известны в развитой форме, их пережитки обнаруживаются у многих народов более высокой стадии развития: у полинезийцев, у китайцев, у некоторых народов Кавказа, в античной Греции. Но ничто не дает нам права думать, что система тайных союзов была универсально распространенным на известной ступени развития институтом. Следов ее не обнаруживается, например, у народов Сибири, которые по многим чертам культуры были близки к американским индейцам и не на много опередили их в своем развитии.

Там, где тайные союзы заняли видное место в общественной жизни, они сыграли крупную роль и в развитии религиозных представлений. Прежде всего именно за счет тайных союзов следует отнести в значительной степени развитие и усложнение демонологических верований. Эти верования имеют, конечно, более древние корни; мы видели, что представления о духах зародились еще в связи с первобытной погребальной обрядностью как спиритуализация представления о покойнике, а с другой стороны, в ходе развития промысловых обрядов – как олицетворение явлений и сил природы. Обе эти категории духовных существ обнаруживают

местами тенденцию к слиянию, особенно в связи с родовыми формами промыслового культа, но чаще развиваются отдельно. И если образы духов природы отражают главным образом хозяйственные – охотничьи, земледельческие – культы, то идея духа умершего, сама по себе первоначально более или менее нейтральная, получает сильный толчок именно благодаря системе тайных союзов.

Это особенно хорошо видно на материале Меланезии. Не случайно эта область преобладания тайных союзов является в то же время местом наибольшего развития анимизма. Сами названия этих союзов указывают на их связь с верой в духов умерших: дук-дук-этимологически восходит к дука (покойник), томате – прямо означает "дух умершего", "привидение". Тайные союзы являются средоточием культа духов, с которыми их члены и особенно главари умеют управляться; для непосвященных же сами члены тайных союзов в их страшных нарядах суть духи покойников. Мало того, как мы уже видели в другой связи, представление о духе умершего само по себе для меланезийцев еще сохраняет нейтральный характер: не всякого умершего чтут или боятся, не всякий дух имеет одинаковое значение в религии меланезийцев; такое значение имеет преимущественно дух человека, занимавшего видное место в тайном союзе; чем влиятельнее человек при жизни, а влияние при системе тайных союзов определяется прежде всего положением в этой системе, тем в большей степени дух его становится объектом страха и почитания.

Это развитие демонологических представлений и культа духов в связи с системой тайных союзов имеет, как мы могли убедиться, не только стихийный, но отчасти и сознательный характер. Нигде так не разграничены экзотерический и эзотерический круги верований, как именно в тайных союзах. Многочисленные образы духов-страшилищ, исторически восходящих еще к древней системе возрастных инициации, создаются и умножаются в тайных союзах нарочито для запугивания масс, сами члены союзов в них не верят.

Таким образом, в истории религии тайные союзы могут оспаривать у шаманизма сомнительную честь заселения мира наибольшим количеством страшных духов.

Еще одна очень важная религиозная идея, культивировавшаяся в тайных союзах, – это идея смерти и воскресения. Корни ее уходят глубже, в ритуал возрастных инициации, к которым генетически

восходит и вся система тайных союзов. В числе других элементов и это представление о смерти и воскресении унаследовано тайными союзами. Наиболее выражено оно в северо-американских и африканских тайных союзах.

Так, церемония принятия в союз мидевивин у оджибуеев включает в себя такой обряд: старые члены союза показывают посвящаемому свои знахарские сумки, "стреляя" в него хранимыми в них магическими раковинами, причем он падает как бы мертвым, и его оживляют теми же сумками. У нутка на северо-западном побережье старые члены союза, одетые в шкуры волков (по мифу союз учрежден волками), уводят посвящаемого в лес; инсценируется смерть и затем воскресение посвящаемого. У квакиутль кандидат в члены общества "духов" якобы опускается под землю и через несколько дней возвращается. У одного из дакотских племен посвящение в члены "дружественного общества духов" сопровождается притворными умерщвлением и воскрешением кандидата. Аналогичные обряды известны у ниска (цимшиан), у тинне.

В западно-африканских тайных союзах церемониал принятия облекается в еще более наглядную форму обрядовой смерти и воскресения. Достаточен один пример – церемония посвящения в союз Ндембо (Конго). Кандидат в члены союза, приведенный к священной ограде в лесу, падает как бы мертвый, и замаскированные члены союза несут его и укладывают на особый ломост, при общих погребальных возгласах и плаче. В ту же ночь члены союзанося г по деревне куски козьего мяса, выдавая их за части тела "умершего" кандидата. Последний же должен лежать на помосте обнаженный несколько дней подряд, и считается, что его тело разлагается, остается одна-единственная кость. Когда наступает день "воскресения", кандидата торжественно несут на обрядовое место, где он получает "новое тело", там же его окрашивают красной охрой и т.д.

В Меланезии идея смерти и воскресения принимает в тайных союзах несколько иной вид. Члены союза дук-дук на острове Новая Британия изображают собой духов, которые якобы рождаются раз в год и в течение одного месяца исполняют обряды и пляски, а затем умирают, чтобы вновь возродиться в следующем году; не умирает только глава союза, женский дух тубуан.

Вера в смерть и воскресение, притом телесное, вера, выражаемая наглядно ритуальной символикой, призвана была, как известно, сыграть важнейшую роль в поздние эпохи развития религии. Через греческие и эллинистические мистерии она проникла в раннехристианские общины и стала краеугольным камнем в христианском вероучении. Ведь и сама форма тайных союзов как своеобразных культовых корпораций была исторической предшественницей мистериальных союзов античного мира (хотя прямую историческую связь между тем и другим проследить трудно), а через них – и первых христианских общин.

Итак, образы многочисленных, преимущественно злых духов, частью контаминирующиеся с образами духов умерших или природных духов, вера в безличную магическую силу, идея смерти и телесного воскресения – таков был вклад тайных союзов в историю развития религиозных представлений...

Другим интересным феноменом, о котором следует поговорить особо, это тайные превращения, например, превращения в волков, леопардов и т.д.

Об оборотнях, варкулаках и вовкулаках рассказал М. Забелин в книге "Русский народ и предания".

Оборотни, у болгар вурдалаки или полтеники, у малороссов вовку-лаки, в России в некоторых местностях бука, вообще возникли со времен язычества, а со времени введения христианства вступили в область демонологии, и сейчас существуют у всех европейских народов самые многочисленные разнообразные сказки об этих существах. Обратней некоторые вообще изображают какими-то чудовищами, так, например, у греков оборотнем воображают тощего колдуна с головой осла и хвостом обезьяны. У них верят, что в мрачные зимние ночи оборотни, особенно со дня рождества Христова до богоявления, шляются повсюду и пугают людей. Онокентавры похожи на черных альфов, по мнению датчан, норвежцев и шведов. Нечистые твари – это, по мнению простого народа, не что иное, как жида, ослопоклонники, ищущие мессии, с тем чтобы убить его еще в колыбели. После водоосвящения воздух очищается от этих чудищ, причем они мгновенно исчезают.

У нас, как мы ранее сказали, это проклятые или некрещенные дети, наконец ведьмы принимают разные вещественные виды по желанию;

но рассказывают, что колдуны могут обращать других в волков.

По народным сказаниям, такие превращения бывают нередко. Верят и таким сказкам, что будто бы целые свадебные поезда превращаются в волков. Давно говорят, что Марина Мнишек будто бы превратилась в сороку; но если верить, что человек превращается в волка, то значит, что он изменяется своим нравом, приобретает жадность, злобу и превращается в дерзкого хищника.

В народе говорят так: каждый оборотень, превращенный обаянием колдуна в волка, имеет полное сознание, что он человек, и не пользуется инстинктами животного. Притом говорят, что оборотню очень легко вернуть настоящий человеческий вид, если только одеть на него снятый с себя пояс, на котором должны быть сделаны узлы, при навязывании которых нужно сказать каждый раз: "Господи, помилуй". Говорят, будто бы при этом шкура спадает и пред избавителем является человек.

Впервые слово "ликантроп" мне попало в пьесе Джона Уэбстера "Герцогиня Амальфи", где герцог, разрывающий могилы и бродящий среди них с перекинутой через плечо ногой мертвеца, страдал "очень скверной болезнью, называемой ликантропия".

Мое вскрывшееся невежество породило интерес к ликантропии, и я обнаружил, что ее упоминает не только этот драматург, но что врачи, философы, историки, судьи и короли в периоды средневековья и Ренессанса знали о ней либо встречались с ее проявлениями. Я стал исследовать старинные источники по этому предмету, и собранный материал, который затем воплотился в эту книгу, помог, кроме всего прочего, пролить свет на многие аспекты жизни тех времен.

Изучение ликантропии не явилось просто еще одним способом удовлетворения любопытства к мистическому, еще одной попыткой прикоснуться к иррациональному. Сегодняшняя одержимость вампирами, оборотнями, оккультными науками – суть нездоровый образ бегства от действительности. Литература же по ликантропии эпохи средних веков и Возрождения отнюдь не эскейпистская (уводящая от реальности) – она реалистическая. Она помогает прояснить нужды, надежды, стремления, поступки отдельного человека и общества. С ней легче понять проблемы, конфликты, тревоги, радости людей тех эпох. В этой литературе, смело касающейся самых темных сторон человеческой души, описываются

порождаемые ими неистовые порывы и дикие побуждения, разрушающие саму человеческую природу, а также обсуждаются средства реабилитации.

Первой критической работой на эту тему на английском языке, видимо, была книга Сабайны Бэринг-Гоулд об оборотнях (1865 г.), в которой она сосредоточила свое внимание на разнообразных случаях проявления ликантропии. Книга "Оборотень" Монтегю Саммерса, вышедшая в 1933 году, несомненно являясь широким разносторонним научным трудом, явно страдает из-за легковерия автора.

В наши дни слово "оборотень" почти всегда ассоциируется с чем-то страшным, зловещим, не правдоподобным, иррациональным. Никто из здравомыслящих людей сегодня не поверит, что возможно физическое превращение человека в волка или какое-либо другое животное (ведь даже просто перемена пола требует хирургического вмешательства). Оборотня, который буквально обращается из человека в волка, сегодня можно увидеть в фильмах, где его жуткие нападения на людей, многочисленные убийства, зверства и людоедство являются лишь кинематографическими приемами гипнотизирования и устрашения зрителя, наслаждающегося своим косвенным участием в творящихся на экране кошмарах. Изображение совершающего злодеяния оборотня является несложным психологическим способом ослабления реального насилия в современном обществе. Но такое его представление, безусловно, имеет исключения, например, безвредный "оборотень" в телевизионной программе Барни Миллера, где рычание и даже мучительные крики, исторгаемые у него священником в процессе изгнания дьявола, вызывают смех у зрителей.

Интерес к оборотням поистине неистощим. XX век знает такие посвященные им фильмы, как "Человек-волк" (1941 г.), "Франкенштейн встречает человека-волка" (1943 г.), "Женщина-волк в Лондоне" (1946 г.), "Оборотень" (1956 г.), "Я был оборотнем-подростком" (1957 г.), "Оборотень в девичьей спальне" (1961 г.), – это лишь маленькая часть списка из более чем 50 фильмов, указанных в "Справочнике-каталоге фантастических фильмов" (Челси-Ли, 1973 г.) Уолта Ли. Вероятно, самым известным оборотнем киноэкрана является Лон Чейни-младший, чья кинематографическая трансформация из человека в волка занимала не менее шести часов предварительной подготовки в гримерной и еще большее время само превращение.

Образы оборотней, представляемых фильмами, очень разнообразны, от подлинно художественных, порой даже вызывающих симпатию, до нарочито устрашающих и злобно-кровожадных.

Современная художественная литература демонстрирует еще более глубокий подход к теме оборотней, еще более широкое ее рассмотрение. Некоторые произведения, хотя и насыщены ужасами и черным юмором, отнюдь не сводятся только к ним: например, в рассказах типа "Волчица" и "Гейбриел-Эрнест" английские авторы, углубляясь в скрытый от нас тонким покровом цивилизации мрачный потусторонний мир, показывают, как его темные силы воздействуют на нас, постоянно создавая разные, порой почти непреодолимые соблазны, в других, таких как "Ферма призраков" американца Сибири Куинна, "Хромой священник" С. Карлтона, "Бегущий волк" Алджернона Блаквуда и "Убийство" Питера Флеминга, обращаются к моральным аспектам неотмщенного убийства, искупления преступления, посмертной вины, любви и ненависти к богу и дьяволу.

Дополнением к фильмам и книгам служат журналистские репортажи о так называемых "преступлениях оборотней". 17 декабря 1976 года, например, лондонская "Дейли мейл" вышла со статьей, озаглавленной "'Мы поймали оборотня-убийцу', – говорит полиция", в которой сообщалось о подробностях захвата совершившего многочисленные убийства преступника, известного как Парижский Оборотень. В конце второй мировой войны нацисты создали печально известную террористическую организацию, члены которой творили ужасные злодеяния, под кодовым названием "Вервольф" (оборотень), найдя его подходящим. В применении к уголовным преступникам слово "оборотень" служит как сильная нравственная метафора, когда речь заходит о каких-то нечеловеческих, диких, не поддающихся логике преступлениях, таких, как многочисленные убийства, изнасилования, каннибализм, истязания, садо-мазохизм, сатанизм. Ирония такой оценки заключается в том, что сам волк (если только он не голоден или не ранен) не убивает и не нападает. Согласно недавно проведенным исследованиям, в волчьей стае поддерживаются тесные доверительные отношения, а сообщество основывается на взаимной ответственности, и, если кто-нибудь из его членов начинает проявлять инстинкты убийцы, его истребляют ради блага всей стаи.

"Подлинные" оборотни в нашем современном обществе – это те, кто появляется в качестве пациентов в психиатрических клиниках и на ритуальных церемониях северо-американских индейцев. О людях (обоюго пола), вообразивших и ощущающих себя оборотнями, врачи говорят как о ликантропах. Хотя этимологическое различие между словами "оборотень" и "ликантроп" незначительно (оборотень – *vir*, лат.: человек-волк; ликантроп – *lykanthropos*, греч.: волкочеловек), по своему применению они различаются: слово "ликантроп" служит сегодня профессиональным термином для обозначения патологического состояния, а "оборотень" – не медицинское слово, используемое в художественной литературе, фильмах и для характеристики преступников.

В "Случае ликантропии" оборотнические симптомы у женщины подверглись серьезнейшему клиническому исследованию и лечению. Врачи установили, что она страдала хронической псевдоневротической шизофренией, и предположили, что ее патологические "метаморфозы" создают временное облегчение от переживаемых ею возникших на сексуальной почве сильнейших стрессов, грозящих привести к самоубийству.

В двух случаях, рассмотренных в главе "Ликантропия возвращается", оба пациента – мужчины с отдаленной гористой местности востока Соединенных Штатов. Один из них, солдат, в юности пристрастившийся к наркотикам, не имел каких-либо патологических сексуальных проявлений, но испытывал непреодолимое желание ловить и пожирать диких кроликов и был одержим сатанизмом. Во втором случае мужчина перестал быть способным выполнять свои функции фермера и даже человека вообще. Он жил почти исключительно вне дома, отпустил длинные волосы, которые казались ему мехом, и проявлял явные признаки ослабления умственных способностей. Ему доставили диагноз "тонического мозгового синдрома". Однако врачей озадачивали усиливающиеся проявления оборотнических поведенческих у пациента (рыскание, завывания) во время полнолуний, несмотря на лечение. В обоих случаях важным фактором ощущаемых ими метаморфоз были галлюцинации.

В ритуальных действиях северо-американских индейцев их превращения в койотов равноценны обращению в волков. В своей

статье "Психодинамика церемонии навахо "Путь койота"" Дениел Меркюр рассматривает ликантропию в ее контексте как способ заглаживания вины:

"Традиционный охотничий ритуал индейцев навахо, как следует из этнологической литературы, использует символическую ликантропию для вызывания чувства ужаса и вины у охотника. Когда психологическая начинка этого ритуала исчезла, у охотников развились неврозы, принимающие форму, описанную в мифе как "превращение в койота". В обряде "Путь койота" этот невроз символизируется имитацией одержимости ликантропией перед изгнанием духа божества, Койота. Эта проходящая в состоянии иступления вступительная часть охотничьего ритуала дает возможность проникнуть в изначальную искусственную природу этого невроза и отвести вину посредством облечения Койота (символа вины) в конкретную форму, создавая для этого соответствующую обстановку. Наивная психотерапия шаманов навахо предлагает лишь лекарство, но отнюдь не исцеляет недуг".

И сегодня человечество занимается разрешением проблем, таких, как преступность и насилие, душевные расстройства и проявления сверхъестественного, которые для людей, живших в средние века и в эпоху Ренессанса, были в порядке вещей, составляли их прозу жизни. Фильмы и литературу ужасов им заменяли мифы и легенды античности. В связи с этим интересно отметить, что в те времена, когда оборотни создавали серьезную угрозу стабильности общества, вымышленные рассказы уступали место описаниям "реальных" случаев, свидетельским показаниям и судебным протоколам. Сегодня, когда мы считаем, что люди не могут магическим образом превращаться в волков, то есть когда оборотни не представляют опасности для общественного спокойствия, производство фильмов и литературы о них процветает.

Судя по всему, пораженный ликантропией человек лишается своей индивидуальности; в "Размышлениях об Одичавшем Ребенке" Эйдри-енн Рич отражает этот процесс деперсонализации, "растворения" личности:

...красный рот медленно закрылся.
Назад! Здесь совсем иной язык.

Назад! Здесь все говорит на одном языке.
А эти шрамы словно символы,
Но рождения или гибели –
Я уже не знаю...

Что характерно при ликантропии – это то, что человек, ощутив себя зверем и утратив свои прежние привычки, обнаруживает самые темные стороны своей души.

В английском языке слово werewolf (оборотень) возникло пятью столетиями раньше появления термина lycanthrope. Эрнест Уикли в работе "О словах древних и современных" говорит, что слово wer^[4] «отмечено во всех германских языках и родственно латинскому vir, гэльскому fear, уэльскому gwr и санскритскому vira». Первое использование на письме слова «оборотень» обнаружено в «Церковных уложениях» короля Кнута Великого (1017-1035): «... Поэтому должны призываться пастыри на защиту людей от этого хищника – это епископы и священники, обязанные предохранять и ограждать свои паству мудрыми наставлениями, так чтобы безумно дерзкий оборотень не смог причинить большой вред и не покусал бы духовное стадо слишком сильно...»

Явно символический, этот древнеанглийский оборотень имеет свой прообраз в Священном писании. Образ волка, нападающего на стадо, появляется в Нагорной проповеди Христа: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные" (Матфей, 7:15) и в "Слове Павла в Милете к пресвитерам из Ефе-са": "Ибо я знаю, по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада" (Деяния, 20:29).

Вытеснение волка оборотнем указывает на то, что этот образ воспринимался как более близко связанный с дьяволом, чем это могли представить ассоциации, вызывавшиеся словом "волк" (обозначавшим тоже нечто хищное и страшное). В тексте "Церковных уложений" можно установить следующие образные соответствия: овечье стадо – христианские прихожане, слабо защищенные от нападений сатанинских сил; пастыри = епископы и священники, которые должны защищать свои "стада" от дьявольских происков; оборотень = сатана и

его воинство, вознамерившиеся разрушить веру "овечек" и обречь их на вечные муки.

В этих церковных законах нет и намека на то, что слово "оборотень" относится к человеку, чье состояние умопомрачения могло бы походить на ликантропическую манию, хотя едва ли можно говорить хотя бы о зачатках психиатрии в те времена. Нет никакого похожего упоминания на это и в известных высказываниях о физических превращениях святого Августина: "Широко известно, что посредством определенных колдовских заклинаний и дьявольской силы люди могут обращаться в волков... но при этом они не теряют человеческого рассудка и их ум по своему уровню не становится равноценным звериному. Это нужно понимать буквально так: дьявол не может создать какое-либо существо, но он способен создать видимость того, чего на самом деле не существует, так как ни заклинаниями, ни злыми силами нельзя ум и тело физически превратить в звериные... но человек в своих фантазиях и иллюзиях может казаться себе животным, ощущать себя четвероногим".

Появившееся в англо-саксонских уложениях понятие "оборотень" знаменательно тем, что оно заменило собой библейского "волка". Дьявол известен тем, что вербует людей в союзники и слуги, зачисляя их в свое демоническое войско. Для этого же он пользуется и своей способностью превращать людей в оборотней: оборотничество – всего лишь дьявольское наваждение, но, испытывая такую духовную метаморфозу, человек начинает сотрудничать с ним. Епископов и священников предупреждают о скрытом, трудно распознаваемом превращении, несущем угрозу духовной жизни паствы.

В средние века использование духовной символики в Англии продолжается. В "Постижении символа веры Пахаря" (1394 г.) в парафразе приведенной выше цитаты из Евангелия от Матфея говорится, что сатана есть особый источник зла, а оборотни – его слуги-невольники.

Помимо духовных текстов оборотень появляется и в повествовательных произведениях. Напоминая о телесных превращениях, описанных в античных мифах (Гомер, Вергилий, Овидий, Петроний), эти произведения вновь обращаются к физическим метаморфозам. Однако оборотень в средневековых английских рассказах не выступает обобщенным олицетворением зла,

как в античной мифологии, (Оборотень в большинстве античных мифов вовсе не олицетворение зла, а скорее проявление воли богов, как доброй, так и злой. Все олимпийцы превращались в животных (быков, орлов и пр.) и даже в таком образе сносились со смертными женщинами.) но изображается как беспомощная жертва семейных козней, обычно супружеской измены. При этом злоумышляющая жена (и ее любовник) служит фактором, стимулирующим трансформацию. Кельтское сказание об "Артуре и Горлагоне" (его латинская версия появилась в конце XIV века) тоже повествует о том, как женское предательство вызвало физическое превращение. Согласно Алфреду Натту, этимологически слово "Горлагон" означает "оборотень": "Gorlagon – это метатеза от Gorgalon, происходящего от Gorgol = древнеуэльскому Gurgol или Guorguol, слову, первый слог которого родствен латинскому vir и англосаксонскому wer".

У сэра Томаса Мэлори в "Смерти Артура" (1470 г.) описывается похожая история, когда славный рыцарь был "предан своей женой, благодаря которой он стал оборотнем".

В одном из романов Гийома де Палерно (Франция, около 1350 г.), переведенном на английский, испанский языки, принц превращается в оборотня своей жестокой мачехой.

В средневековых повествованиях оборотень меняет тот облик, которым его наделяли в мифах Древней Греции и Рима и парафразах цитат из Священного писания, а также в протоколах церковных судов. Античные легенды говорят о нравственных переменах в людях, которые приводят их к превращению в зверей. Например, в "Метаморфозах" Овидия рассказывается история Ликаона, нечестивого и жестокого царя Аркадии, который подал к трапезе посетившему его Юпитеру человеческое мясо. Обнаружив его людоедство, разгневанный бог превратил Ликаона в то, что соответствовало его моральным наклонностям: в безумного, дикого человека-волка. Эти мифы являются реалистичным (хотя и символичным) отражением нравственных норм жизни людей тех времен. Оборотни в определениях церковных судов и Священном писании – это проявление дьявольских сил в человеческих жизнях. Но оборотни в средневековых рассказах – это, как правило, жертвы домашних заговоров. Такая разница в отношении к ним не может не озадачивать, хотя господствовавшее в те времена предубеждение

против женщин, возможно, отчасти ее объясняет. Соответственно радикально отличается и воздействие образа оборотня на читателя. Если в античных мифах он служил впечатляющим предостережением против проявлений животных инстинктов и низменных наклонностей, а церковных и библейских оборотней следовало бояться из-за коварных происков дьявола, который ходит вокруг, "ища кого поглотить" (1-е Петра, 5:8), то оборотень из средневековых повествований вызывает жалость и сочувствие, т. к. в них он, изгнанный своими близкими и обезображенный, страдал, лишенный человеческой дружбы и любви.

Слова "ликантропия" и "ликантроп" впервые появились в английском языке в труде Реджинальда Скотта "Разоблачение колдовства" в 1584 году. Как явствует из этого названия, о ликантропии в XVI веке говорилось в связи с колдовством. Скотт, не профессиональный философ и не теолог, опираясь на мнение древних и утверждения современных ему медиков, отвергает идею телесного превращения. Сомневаясь в реальности дьявола и соответственно в его способности превращать человеческую плоть в звериную, Скотт говорит о страдающих ликантропией как о больных *Lupina melancholia* или *Lupina insania*. Он подвергает сомнению заявления людей, которые верят в заклинания и заговоры и сами охвачены "гневом и ненавистью" к ликантропам, критикует взгляды римско-католической церкви на демонов и колдовство и резко выступает против антиколдовской теории и практики великого французского законника Бодэна (в этот период истории английской лингвистики слова "оборотень" и "ликантроп" были, по-видимому, равнозначны).

В те времена вопрос о человеческих превращениях беспокоил людей и имел для них личное, общественное и религиозное значения и активно обсуждался философами и теологами, королями и судьями, историками и врачами, поэтами и драматургами и, естественно, обычными людьми. Скотт, например, был джентри, сельским джентльменом. Своими злодеяниями ликантропы вызывали всеобщие потрясения, воздействуя на психическое здоровье, духовное благополучие общества, само его нормальное функционирование. В 1603 году во Франции судом разбирался один из самых шумевших случаев ликантропии – история Жана Гренье (о ней см. ниже).

Другие судебные протоколы тех времен содержат признания в использовании пояса, кушака или мази, полученных от дьявола или кого-нибудь из его эмиссаров, в похищении трупов, в страсти к инцесту, к убийству и тяге к поеданию человеческого мяса. О состоявшемся в 1590 году суде над Петером Штуббе, обвиненном в многочисленных убийствах, изнасилованиях, инцесте и людоедстве, было известно во всей Европе. Сохранилась деревянная гравюра его казни, изображающая вздетую на кол отрубленную голову в окружении голов его жертв.

А свидетельства очевидцев тех времен рассказывают, например, о скрывавшемся на церковном дворе среди могил бедном крестьянине из Алкмара, в Голландии, имевшем бледную кожу и уродливый пугающий облик; о лающей и завывающей по ночам на кладбищах и пустырях в Ливонии стае оборотней с "ввалившимися глазами, покрытыми струпьями ногами и сухой бледной кожей", выкапывающих и глодающих человечески кости. Другой тип ликантропа представлял собой, например, пациент французского врача Жака Феррана, описавшего его, который походил на волка в своих диких неудержимых порывах, направленных на получение полового удовлетворения.

Озабоченные происходящими с людьми метаморфозами, философы, теологи, юристы и медики ощущали потребность в исследовании природы ликантропии, что оказалось трудной метафизической задачей: в круг обсуждения были вовлечены свойства материи, сущности ангелов, демонов, людей, животных, сущность восприятия, галлюцинаций, психического расстройства и, как основополагающая тема, природа Бога-Создателя и дьявола, лежащая в основе главного морального вопроса о причине превращений. Трактовать дьявола как противника Бога – это одно, принимать же его равным Богу (с такой же способностью к творению) значило следовать манихейской ереси о двух сосуществующих и равных друг другу силах. Между абсолютным скептицизмом Реджи-налда Скотта и полным признанием превращений философа и врача Уильяма Дрейджа, который еще в 1664 году метафизически доказывал действительность физического перевоплощения: "Этот мир создан духовной Силой из ничего и может быть опять обращен в ничто той же самой Силой: мы можем обращать плотные тела в воздух, воздух

сгущением в воду, а дьявол... дух делает то, что он может сделать". Существовало множество различных теорий, большая часть которых соглашалась с дьявольским, хотя и иллюзорным, характером ликантропии, при которой сатана принимает волчий облик или заставляет людей думать, что они сами стали волками; патологическую же ликантропию пытались объяснить патологией гуморальной (смещением жидких сред организма. – Ред.). Сообщений о случаях каннибализма, изнасилованиях, убийствах, инцестах и скотоложестве было очень много, и лучшие умы общества предпринимали отчаянные попытки поиска решений социокультурных и патологических проблем, которые они отражали.

Наблюдения Эрвинга Кирша в отношении ведьм и колдунов можно отнести также и к ликантропам:

"Многие писатели ошибочно относят к средним векам расцвет демонологии и охоты на ведьм и связывают затихание этой деятельности с эпохой Возрождения и периодом развития европейской науки и техники (1500-1700). Исследования старинных церковных деклараций показывают, что в ранний период средних веков церковь отрицала реальность колдовства и была относительно терпима к тем, кого молва называла колдунами и ведьмами или кто сам себя таковыми объявлял. Вера в колдовство стала распространяться в эпоху Ренессанса, а своего пика ведьмomania достигла лишь в середине XVII века".

В этом же веке английский король Яков I написал трактат по демонологии, включавший и краткую главу о "людях-волках", в которой приходит к заключению, что оборотни – это не одержимые демонами или злыми духами, а просто впавшие в самообман "меланхолики", которые подражают в своем поведении волкам и, в отсутствие рассудка, под действием диких неудержимых порывов могут становиться опасными.

В трактате Генри Холленда "Против колдовства" (1590 г.), посвященном Роберту Деворансу, графу Эссекскому, есть диалог, в котором ликантропия рассматривается с медицинской и одновременно с мистической точек зрения:

"Мифодемон. Что вы можете сказать о ликантропии, превращении мужчин и женщин в волков, кошек и тому подобное, процессе,

который явно противоречит нашей природе и кажется, скорее, просто поэтической гиперболой?

Теофил. Эти вещи не являются следствием колдовства главным образом, тем не менее я не отрицаю, что ведьмы могут – как правило, в состоянии меланхолии, – переживать видения и всяческие дьявольские наваждения. Но реальных перевоплощений не бывает. Ведьмы это всего лишь орудие в руках сатаны, и они не могут творить такие вещи без него, а сила его самого ограничивается Богом".

Джордж Джиффорд, проповедник из Молдона, Эссекс, пришел к схожему заключению, построив его в основном на свидетельствах англичан (Скотт ссылается большей частью на европейские небританские источники), зафиксировав его в своем труде "Диалог, касающийся Ведьм и Колдовства" (1593 г.):

"Эти бесы заставляют иногда колдунов поверить, что они обретают волчий облик, что они задирают овец, собираются стаями на пиршества, что иногда они летают по воздуху, но на самом деле ничего этого нет. Порой дьявол даже может ввести в заблуждение какую-нибудь бедную женщину видом другой женщины, выпускающей на нее мышь или кошку, который он сам принимает, или поселить в чьеннибудь угнетенное сознание уверенность в том, чего на самом деле нет. Люди должны знать об этих вещах и не давать себя провести".

Способность дьявола проникать в мыслительные процессы меланхоликов признавалась целым рядом писателей и демонологов. Иоган Вир (1516-1588), часто цитируемый протестантский врач из долины Нижнего Рейна, призывает в своей книге "О демонической силе" (Базель, 1563 г.) к терпимости к ведьмам, хотя и считает сатану хитрым и коварным, а колдовство и магию опасной, внушенной дьяволом деятельностью, а в ликантропах видит душевнобольных, чей недуг усугублен дьяволом. Жан Бодэн попытался опровергнуть его аргументы в работе "Демонология" (1580 г.), ставшей такой же известной, как и книга Вира.

Положение, что меланхолики, обманутые своими чувствами, начинают воображать себя ликантропами, тщательно проверялось Уильямом Перкинсом, который сам считал, что все дело во вмешательстве дьявола в зрительный процесс:

"Обман, следовательно, заключается в том, что человека заставляют думать, будто он видит то, чего на самом деле нет. Дьявол

достигает это тремя способами: во-первых, волнением влаги на глазах, играющей важную роль в процессе зрения; во-вторых, колебанием воздуха, посредством которого изображения объектов переносятся в глаза, и, в-третьих, искажением и изменением объекта или того места, куда смотрит человек".

Делла Порта, относя превращения на счет обычного колдовства, описывает явление перемены восприятия как следствие употребления галлюциногенных трав в виде снадобий:

"...После принятия некоего зелья этому человеку начинает казаться, что он превратился в рыбу, и он, размахивая руками, пытается плыть по земле, время от времени то выныривая, то будто бы вновь погружаясь; в другой же раз, чувствуя себя гусем, пытается гоготать и хлопать крыльями. В ингредиенты зелья, кроме упомянутых растений (дурман, паслен, белладонна), из которых при помощи растворителя извлекались экстракты, непременно входила белена, а также части мозга, сердца, крыльев либо плавников и других органов. Я помню, как в молодости опробовал эти средства на своих товарищах по комнате. Видения продолжали охватывать их и потом, во время еды, в зависимости от сорта мяса: например, один, который всегда с жадностью набрасывался на говядину, начинал видеть перед собой быков, бегущих на него с выставленными вперед рогами, и у других в том же роде. Еще один после принятия снадобья бросился на землю и, словно утопая, принялся изо всех сил дрыгать ногами и махать руками, борясь за свою жизнь; когда же действие средства стало ослабевать, он, словно потерпевший кораблекрушение и добравшийся до берега, стал выжимать волосы и одежду, облегченно переводя дыхание, как будто счастливо избежал гибели".

А врач Джон Котта придерживался "частичного объяснения", согласно которому "дьявол и его помощники маги, колдуны, чародеи" могут проникать в тела людей и животных, завладевать ими и творить злые дела, "очевидно, всем известной силой волшебных напитков".

С древних времен врачи считали ликантропию болезнью и как таковую пытались ее лечить. Один из наиболее авторитетных врачей своего времени, Павел Эгинета, живший в Александрии в VII веке, описал ликантропию в медицинских терминах. Его семитомная энциклопедия по медицине (в XVI веке была переведена на латынь и французский) содержит анализ болезни, в котором причинами, ее

вызвавшими, называются умственные расстройства, гуморальная патология и галлюциногенные лекарства. Павел перечисляет следующие симптомы своих страдающих ликантропией пациентов: бледность, ослабленное зрение, отсутствие слез и слюны и, как результат, абсолютно сухие глаза и язык, чрезмерная жажда, покрытые незаживающими ранами ноги (от ушибов при ходьбе на четвереньках), навязчивое желание отправляться по ночам на кладбища и быть до рассвета. В качестве лечебных средств он рекомендует баню, прочистки желудка, кровопускание, особые диеты и, для устранения бессонницы и ночных блужданий, натирание ноздрей опиумом для обеспечения непрерывности сна.

Френсис Адаме, который в XIX веке перевел "Семь книг Павла Эгинеты", дает такой комментарий:

"Этий, Орибасий, Актуарий, Пселл, Авиценна, Хали Аббас, Альха-саравий, Рас-все приводят такие же описания этого вида меланхолии, как и Павел... Авиценна советует применять прижигание темени, если все остальные средства не действуют. Хали Аббас, называя этот недуг "собачьей меланхолией", говорит, что больным, которые имеют бледную кожу, мутные, сухие и ввалившиеся глаза, пересохший рот и ссадины на руках и ногах, полученные при падениях, нравится разгуливать среди могил и подражать собачьему лаю. Он рекомендует те же средства лечения, что и наш автор, похоже, просто поместив у себя перевод этой части. Альхасаравий тоже говорит об этой болезни как о "собачьей меланхолии", а отчет Раса очень похож на все остальные".

На протяжении всего времени существования болезни совокупность ее симптомов оставалась неизменной, и в эпоху Возрождения посвященные ей работы писались в рамках древней классической медицины. В 1621 году вышел труд Роберта Бертона "Анатомия меланхолии", где он рассматривает ее и с философской, и с психологической точек зрения, касается ее речевых аспектов а также делает некоторый обзор связанной с ней литературы. Бертон полагал, что ликантропия является формой безумия. Врач Джон Уэбстер в книге "Разоблачение предполагаемого колдовства" (1677 г.) дает свой комментарий: "Некоторым людям, пребывающим в состоянии меланхолии – в какой-либо из ее разновидностей, – начинает казаться (по причине больного воображения), что они превращаются в волков".

Долгая история медицины дала жизнь многим теориям болезней, среди которых с данным недугом могут быть связаны две: "порфирия", при которой зубы человека меняют цвет, кожа на солнечном свете покрывается волдырями, а формы тела искажаются, и гипертрихоз, когда тело человека покрывается шерстью типа звериной.

Современные им фармакологические исследования показали, что в состав приготовляемых колдунами мазей входили галлюциногены. Существенным, если не определяющим фактором людоедства могло явиться острое недоедание. Сегодня психиатры объясняют ликантропию как следствие шизофрении, органического мозгового синдрома с душевным расстройством, психотической депрессивной реакции, истерического невроза диссоциативного типа, маниакально-депрессивного психоза и психомоторной эпилепсии. Психологи, специализирующиеся на душевных детских болезнях, предполагают, что аутизм может вызывать проявления одичания у детей.

И каковы бы ни были причины, диагнозы и прогнозы, учитывая многочисленность свидетельств, касающихся оборотней, не приходится удивляться появлению большой массы самой разнообразной литературы, посвященной ликантропии.

Сегодня мало кто верит в возможность физического превращения человека в волка, хотя ликантроп в клинике, лесу, зале суда, в легендах и мифах, иносказательных рассказах или научных статьях вызывает у зрителя или читателя страх или жалость. Укоренение же образа оборотня в сознании людей будет свидетельствовать о моральном нездоровье общества. Недавняя угроза всеобщего уничтожения еще остается серьезным напоминанием о человеческой предрасположенности ко злу, об обыденности и вездесущности которого говорит в своих стихах Доналд Дейви:

Жестокие поэты воспевают
Гнусности, которые творятся каждый день.
Вот вновь папаша к кадке шагает
Топить котят – и нет еще когтей,
Чтоб разодрать ему живот...
Смотри – ведь это детский палец
В твоей тарелке!

Нам предстоит длинный путь-сквозь века, по разным землям. Но для начала мы позволим себе одну историю, которая настроит читателя на волну трепета и недоумения, поможет понять, как вся эта мистика могла выжить и сохраниться в наши дни. Итак, начнем.

В конце XVI века в Оверни (Франция) жил состоятельный господин по имени Санрош. Жил он на широкую ногу, держал слуг, был счастлив в браке.

Поместье Санроша располагалось на горе. Из многочисленных окон землевладелец и его домашние любовались зелеными склонами, быстрым ручьем, великолепным лесом и дальними горами, виднеющимися в голубоватой дымке.

Однажды в полдень ранней осенью 1580 года Санрош сидел у окна, когда вошедший слуга доложил, что пришел мсье Фероль.

Фероль был известным в округе охотником и рыболовом, а Овернь считалась прекрасным местом для этих занятий: в чистейших реках полно рыбы, в лесах – птицы, оленей, медведей. Фероль зашел, чтобы пригласить друга вместе выслеживать оленя. Санрош же с сожалением отклонил приглашение: он ждал своего адвоката, который вот-вот должен был зайти по делам. Фероль отправился один.

Адвокат пришел, как было условлено, и больше часа они занимались делами, связанными с поместьем, Санрош даже позабыл о визите своего друга. Проводив адвоката и поужинав, он неожиданно вспомнил о дневном приглашении.

Срочных дел у Санроша больше не предвиделось, жены дома тоже не было, и он, чтобы не скучать в одиночестве, решил пойти навстречу своему другу. Он быстро спускался по тропинке, ведущей в долину, и через несколько минут заметил на противоположном косогоре фигуру своего друга, всю алую в последних лучах солнца. Чем ближе он подходил, тем яснее видел, что его приятель чем-то взволнован.

Когда они встретились в узкой лощине между двумя косогорами, землевладелец увидел, что платье Фероля изорвано и покрыто грязью и пятнами, похожими на кровь. Фероль был сильно подавлен и едва дышал, так что его друг отложил расспросы и ограничился тем, что взял у охотника мушкет и сумку для дичи. Некоторое время друзья шли молча. Затем, немного переведя дух, но все еще заметно волнуясь,

Фероль рассказал Санрошу о поразительном происшествии, пережитом им в лесу. Вот его рассказ.

Охотнику пришлось довольно долго походить по лесу, прежде чем он увидел невдалеке группу оленей. Подобраться же к ним поближе, чтобы сделать выстрел, ему никак не удавалось. В конце концов, преследуя их, он зашел в чащу и почувствовал, что на обратную дорогу потребуется немало времени.

Повернув домой, Фероль вдруг услышал жуткое рычание, раздавшееся из сырого, заросшего папоротником оврага. Медленно пятясь и не спуская глаз с того места, охотник шаг за шагом преодолел около полусотни метров, когда огромный волк выскочил из оврага и бросился на него.

Фероль приготовился к выстрелу, но остуился – его сапог попал под корень, и заряд не попал в цель. Волк с бешеным рыком прыгнул на охотника, пытаясь вцепиться ему в горло.

К счастью, Фероль имел хорошую реакцию – он ударил зверя прикладом, и тот растянулся на земле. Почти сразу же волк опять вскочил. Фероль успел выхватить охотничий нож и с немалой храбростью шагнул навстречу готовящемуся к прыжку зверю. Они сошлись в смертельной схватке. Но секундная передышка и опыт помогли охотнику, он успел намотать плащ на левую руку и теперь сунул ее в пасть зверю. Пока тот тщетно старался добраться своими острыми клыками до руки, Фероль наносил удары тяжелым кинжалом, пытаясь перерезать животному горло. Охотничий кинжал Фероля с широким и острым, как бритва, лезвием, с огромной рукояткой был почти таким же увесистым, как небольшой топорик.

Человек и зверь упали на землю и в яростном поединке покатались по листьям. В какой-то момент они оказались у поваленного дерева, и лапа зверя, свирепо смотревшего на охотника налитыми кровью глазами, зацепилась за корявый ствол. В тот же момент Фероль хватанул по ней ножом, перерубая острым лезвием плоть, сухожилия и кость. Волк издал длинный тоскливый вой и, вырвавшись из объятий охотника, хромая, убежал прочь, Фероль, забрызганный кровью зверя, в изнеможении сидел на земле. Плащ был разорван на полосы, но он с облегчением обнаружил, что благодаря импровизированной защите на руке остались лишь поверхностные царапины. Охотник зарядил мушкет, намереваясь найти и добыть

раненого зверя, но потом решил, что уже поздно, и если он еще задержится, то ему придется добираться до дома своего друга в темноте.

Можно представить, с каким волнением слушал Санрош этот подробный рассказ, то и дело прерывая его восклицаниями удивления и испуга. Друзья медленно брели, пока не вошли в сад Санроша. Фероль указал на свой мешок. "Я прихватил лапу зверя с собой, – сказал он, – так что ты можешь убедиться в правдивости моего рассказа".

Он склонился над мешком, стоя спиной к другу, так что Санрош не мог сразу увидеть, что тот вытаскивает. Сдавленно вскрикнув, охотник что-то уронил на траву. Он повернулся, и Санроша поразила его смертельная бледность.

"Я ничего не понимаю, – прошептал Фероль, – ведь это же была волчья лапа!"

Санрош нагнулся, и его тоже охватил ужас: на траве лежала свежеотрубленная кисть руки. Его ужас еще усилился, когда он заметил на мертвых изящных пальцах несколько перстней. Один из них, искусно сделанный в виде спирали и украшенный голубым топазом, он узнал. Это был перстень его жены.

Кое-как отделавшись от совершенно сбитого с толку Фероля, Санрош завернул кисть в платок и, спотыкаясь, поплелся домой. Его жена уже вернулась. Слуга доложил, что она отдыхает и просила ее не беспокоить. Зайдя в спальню жены, Санрош нашел ее лежащей в кровати в полубессознательном состоянии. Она была смертельно бледна. На простынях виднелась кровь. Вызвали доктора, и он смог спасти жизнь мадам Санрош искусной обработкой раны: кисть ее руки оказалась отрубленной.

Санрош провел несколько мучительных недель, прежде чем решил поговорить с женой об этой истории. В конце концов несчастная женщина призналась, что она оборотень. Видимо, Санрош был не очень хорошим мужем, поскольку пошел к властям и донес на нее. Было начато судебное разбирательство, и после пыток женщина полностью созналась в своих злых делах. Вскоре мадам Санрош была сожжена у столба, и больше Овернь оборотни не тревожили.

Эта история появляется в том или ином варианте во многих свидетельствах того времени. Определенно она – одна из наиболее

ярких и будоражащих иллюстраций страшного явления. Теперь же наступило время назвать все своими именами, попытаться пролить свет на эту загадочную историю...

Одним чудесным весенним днем несколько сельских девушек вывели своих овец на песчаные дюны, отделяющие обширные сосновые леса, что покрывают значительную часть современного департамента Ланды на юге Франции, от моря.

Яркая голубизна неба, чистота и прозрачность воздуха, волнующегося над синими, сверкающими на солнце водами Бискайского залива, пение ветра среди сосен, стоящих словно вздыбившаяся зеленая волна, красота песчаных холмов, усеянных золотыми кустиками ладанника и голубой гречавкой, очарование разнообразно расцвеченной и оттененной листвой пробковых деревьев, сосен и акаций каймы леса – все наполняло юных крестьянок радостью, заставляя их петь и смеяться, и их голоса весело звенели над холмами и темными аллеями вечнозеленых деревьев.

Их внимание привлекла большая яркая бабочка, порхающая над цветами, затем над водой пролетела стайка куропадок.

– Ах, – вздохнула Жаклин Озан, – если бы у меня были с собой мои ходули и палки, я бы сбила несколько этих птичек, и у нас был бы неплохой ужин.

– Если бы они залетали уже зажаренными прямо в рот, как это бывает в заморских странах, – мечтательно сказала другая девушка.

– Вы уже купили новые наряды к празднику святого Жака? спросила третья. – Моя матушка отложила деньги, чтобы купить мнечудную шляпку с золотой лентой.

– Ну, теперь и Этьен обратит на тебя внимание, Анет! – заметила Жанна Габориан. – Но что случилось с овцами?

Она спросила это оттого, что животные, спокойно пасшиеся перед ними, добредя до небольшой впадины на дюне, метнулись назад, будто чего-то испугавшись. Одновременно один из псов зарычал и оскалил зубы. Девушки побежали туда и увидели на склоне впадины паренька лет тринадцати, сидевшего на бревне. Вид он имел примечательный: его длинные и спутанные темно-рыжие волосы падали на плечи и совершенно закрывали узкий лоб; маленькие бледно-серые глаза глядели невероятно злобно и хитро из впалых глазниц; на его оливкового цвета лице выделялись крепкие белые зубы, и хотя его рот

был закрыт, были видны выдающиеся верхние клыки, нависающие над нижней губой; его руки были большими и сильными с черными и загнутыми, словно когти, ногтями. Видимо, он жил в крайней нищете, т. к. вся его одежда превратилась в лохмотья, и через прорехи проглядывало худое тело.

Окружившие паренька девушки были изумлены и немного испуганы, он же не проявлял никакого удивления. Его лицо расплылось в отвратительной ухмылке, совершенно обнажившей блестящие белые клыки.

– Ну что, девочки мои, – резким неприятным голосом произнесон, – которая из вас самая хорошенькая, я бы хотел знать? Как вы промеж собой решите?

– Для чего это тебе знать? – спросила 18-летняя Жанна Габориан, самая старшая.

– А на самой хорошенькой я женюсь, – последовал ответ.

– А! – засмеялась Жанна. – Это если она того захочет, что едвали случится, так как мы совершенно не знаем, кто ты такой.

– Я сын священника, – резко ответил паренек.

– И поэтому ты такой обносившийся и грязный?

– Я потемнел от волчьей шкуры, которую иногда надеваю.

– Волчьей шкуры? – эхом переспросила девушка. – Но скажи намилость, кто ее тебе дал?

– Пьер Лабуран.

– Здесь в округе нет человека с таким именем. Где же он живет?

Раздавшийся вслед за ее словами взрыв хохота, перемежающегося завываниями и срывающегося на какой-то лай пришедшего прямо-таки в дьявольское веселье странного паренька, заставил девушек в страхе отпрянуть, а самую младшую спрятаться за Жанну.

– Вы хотите знать, кто такой Пьер Лабуран, девочки? Хм-м, это человек с железной цепью на шее, которую он без конца грызет. Вы хотите знать, где он живет? Ха, среди мрака и огня, где у него много друзей-приятелей: одни сидят на железных стульях и горят, горят, другие лежат на раскаленных кроватях и тоже горят; некоторые бросают людей на пылающие угли, другие поджаривают их на бешеном пламени, третьи погружают в котлы с жидким огнем.

Задрожав, девушки переглянулись, затем снова обратили свои взгляды на сидевшее перед ними жутковатое создание.

— Вы хотите знать о волчьей накидке? — вновь зазвучал его резкий голос. — Ее дает мне Пьер Лабуран, он закутывает меня в нее, и по понедельникам, пятницам и воскресеньям, а также с наступлением сумерек на час во все остальные дни я становлюсь волком. Я убиваю собак и пью их кровь. Но маленькие девочки вкуснее, их мясо нежнее и слаще, а кровь теплее и питательнее. Я съел уже много девочек за время моих охот, на которые я выхожу с девятью своими товарищами. Я оборотень! Ха-ха! После того, как солнце зайдет, я схвачу одну из вас и покусая!

Он опять разразился своим ужасным смехом, и девушки, более не в силах это выносить, убежали.

13-летняя девочка по имени Маргерит Пуарье обычно пасла овец неподалеку от деревушки Сент-Антуан-де-Пизон вместе с пареньком своего возраста по имени Жан Гренье, тем самым, с которым говорила Жанна Габориан.

Девочка часто жаловалась на него своим родителям: она говорила, что Жан пугает ее страшными историями, но те не обращали особого внимания на ее слова, пока однажды Маргерит не прибежала домой раньше обычного, оставив стадо, — настолько она была напугана. Девочка поведала следующее.

Жан часто говорил ей, что продал себя дьяволу и приобрел способность превращаться в волка, чтобы с наступлением сумерек, а иногда и светлым днем рыскать по округе в поисках добычи. Он уверял ее, что уже убил и сожрал много собак, но находит их мясо менее вкусным, чем мясо маленьких девочек, которое считал лакомством. Он сказал, что всего лишь несколько раз его пробовал, и рассказал два случая: один раз он не смог съесть свою добычу и бросил остатки волку, который пришел во время еды; в другой раз, закусав до смерти другую девочку и будучи крайне голодным, он съел ее целиком, оставив лишь руки.

Относительно своего панического возвращения домой Маргерит рассказала, что она, как всегда, пасла овец, но Гренье в этот раз с ней не было. Услышав шорох в кустах, она обернулась и увидела дикого зверя, который прыгнул на нее и разорвал острыми клыками одежду на левом боку. Отчаянно отбиваясь своим пастушеским посохом, она отогнала животное, которое, отбежав на несколько шагов, село на задние лапы наподобие собаки, когда она что-нибудь просит, и

посмотрело на нее таким яростным взглядом, что она в ужасе бросилась бежать. Описывая зверя, девочка сказала, что он походил на волка, но был покороче и поплотнее, имел рыжую шерсть, короткий хвост и голову меньше, чем у обычного волка.

Сообщение ребенка привело в шок весь приход. О таинственных исчезновениях нескольких девочек, произошедших в последнее время, было широко известно, и теперь их родители пришли в неопикуемый ужас, предположив, что их дети могли стать жертвами этого чудовища. Местные власти взяли дело в свои руки и довели его до сведения членов парламента в Бордо.

В результате проведенного через некоторое время расследования стали известны все его подробности и обстоятельства.

Жан Гренье был сыном бедного крестьянина из деревни Сент-Антуан-де-Пизон, а не священника, как он заявил. За три месяца до своего задержания он ушел из дома и перебивался случайной работой и попрошайничеством. Несколько раз нанимался стеречь крестьянские стада, но его прогоняли за пренебрежение своими обязанностями. Гренье рассказал о себе все, что мог, без утайки, и все его утверждения проверялись, и многие из них были признаны соответствующими правде. Суду он сообщил о себе такую историю:

"Когда мне было лет десять-двенадцать, мой сосед Дютийер отвел меня в лесную чащобу и там представил Господину Леса, черному человеку, который пометил меня своим ногтем и дал мне и Дютийеру мазь и волчью шкуру. С того самого момента я стал превращаться в волка и бродить по округе.

Маргерит Пуарье сказала правду. Я собирался загрызть ее и съесть, но она отогнала меня палкой. Я убил тогда только одну собаку с белой шерстью, но ее крови не пил".

Когда его стали спрашивать о детях, которых он, по его словам, умертвил и съел, будучи волком, Жан подтвердил, что однажды зашел в дом в маленькой деревушке, названия он не помнил, на полпути между Сен-Кутра и Сент-Анлэ, в котором никого не было, и увидел спящего в колыбели ребенка. Никто не мог ему помешать, и, схватив дитя, он выбежал в сад и перемахнул через изгородь, после чего насытил свой дьявольский голод. То, что не смог съесть, он оставил волку. В приходе Сент-Антуан-де-Пизон он набросился на девочку, пасущую овец, – девочка была одета в черное платье, ее имени Жан не

знал. Он разорвал ее ногтями и зубами и съел. За две недели до своей поимки он напал на другого ребенка возле каменного моста в том же приходе. В Эпароне Жан накинулся на гончую некоего господина Мийона и растерзал бы ее, если бы не появился хозяин с рапирой в руке.

Жан сказал, что обладает волчьей шкурой и что он отправлялся на охоту за детьми по велению своего господина, Хозяина Леса. Перед превращением он прятал одежду в заросли и натирался мазью, которую хранит в маленьком горшочке.

Обычно Жан выбегал на охоту на один-два часа ночью, когда луна бывала уже на исходе. Однажды он сопровождал Дютийера, но в тот раз они никого не убили.

Жан заявил, что его отец содействовал ему и тоже имел волчью шкуру и один раз был вместе с ним, когда он напал на девочку, пасущую гусей у деревни Грийан, и съел ее. Он сообщил, что его мачеха ушла от его отца потому, как ему казалось, что видела, как того однажды вырвало собачьими лапами и детскими пальцами, и рассказал, что Хозяин Леса строго запретил ему грызть ноготь большого пальца левой руки и предупредил, чтобы он всегда держал его в поле зрения все то время, пока пребывал в оборотническом обличье.

Дютийер был арестован, а отец Жана сам потребовал, чтобы его допросили.

Сведения, сообщенные о Жане его отцом и мачехой, во многом соответствовали тому, что рассказал о себе он сам.

Указанные Гренье места, где он набрасывался на свои жертвы, были установлены, и даты, когда, по его словам, это происходило, совпадали с днями исчезновения детей, сообщенными их родителями. Его признания относительно нанесенных им ран и способа, которым он это делал, были подтверждены перенесшими его нападения детьми.

Поставленный перед Маргерит Пуарье, Гренье узнал ее, выделив среди других пяти девочек, и, указав на ее еще не затянувшиеся раны, сказал, что нанес их своими зубами, когда кинулся на нее в облике волка, после чего она отбила его своей палкой. Он описал свое нападение на мальчика, которого загрыз бы, если бы тому на помощь не пришел человек, воскликнувший: "Я тебе сейчас покажу!" Нр

Человека, спасшего ребенка, отыскиали – это был его дядя, – и он подтвердил, что произнес именно эти слова.

Оказавшись лицом к лицу с отцом, Жан начал путаться в своих показаниях и некоторые из них изменил. Их проверка затянулась, а тут стало видно, что слабоумие паренька усиливается, так что слушание дела было отложено. В следующий раз на встрече с отцом младший Гренье рассказал ту же историю, что и в первый раз, не изменив ни одного из существенных моментов.

Тот факт, что Жан Гренье умертвил и съел несколько детей и ранил еще некоторых, пытаясь их убить, был полностью установлен, но не имелось никаких доказательств того, что его отец приложил руку хотя бы к одному убийству, и суд, признав его невиновным, отпустил.

Единственным свидетелем, подтвердившим Заявление Жана, что он превращался в волка, была Маргерит Пуарье.

Перед тем как суд вынес свое решение, с яркой выразительной речью выступил его председатель, который, оставив все вопросы, касающиеся колдовства, соглашений с дьяволом и превращений в зверей, смело заявил, что суд должен принять во внимание лишь возраст и идиотизм этого мальчика, у которого разума было меньше, чем у семилетнего ребенка, что ликантропия и куантропия были просто галлюцинациями, а превращение существовало только в расстроенном уме этого несчастного и, следовательно, не являлось преступлением, за которое надо было наказывать. Следовало учесть, говорил председатель, его малые годы, а также то, что он был лишен элементарного образования и воспитания. Суд приговорил Гренье к пожизненному заточению в стенах монастыря в Бордо, где он должен был получать наставления в своем христианском долге, в случае же попытки бежать его ждала смерть.

Ожидая позволения вступить в пределы монастыря, он стал неистово носиться на четвереньках вокруг него и, найдя кучу окровавленных потрохов, сожрал ее с невероятной быстротой.

После семи лет, проведенных Жаном в монастырских стенах, было замечено, что он стал ниже ростом, как-то весь уменьшился, стал пугливым и боялся смотреть людям в лицо; его глаза сильно ввалились и беспрестанно бегали по сторонам, зубы удлиннились и стали сильно выдаваться, мозг, видимо, уже совершенно не работал, и он совсем перестал что-либо понимать.

Жан Гренье умер в возрасте 20 лет...

При разборе дел Жака Боскэ, Клоды Жампро, Клоды Жамийом, Тевьены Паже и Клоды Гийар придерживались порядка судебного разбирательства, принятого при рассмотрении дела Франсуазы Секретэн. Жак Боскэ, еще известный как Большой Жак, пришел из Савойи и был арестован в связи с обвинением Франсуазы Секретэн. Клоду Жампро из Орсьера обвинил Большой Жак. Клода Жамийом и Тевьена Паже были также из Орсьера, и на них показали Большой Жак и Клода Жампро. Клоду Гийар из Эбушу взяли под стражу на основании сведений, ставших известными из прежде проводившихся следствий.

Первые четверо из вышеуказанных признались, что они превращали себя в волков и в таком виде загрызли несколько детей, а именно: ребенка Анатоля Коше из Лоншамуа; ребенка Тевьена Бонде, известного под прозвищем Бунтовщик Орсьера, четырех-пяти лет; ребенка Клода Годара и другого, тоже Клода, сына Антуаны Жендрэ. Наконец они сознались, что в 1597 году встретили недалеко от Лоншамуа двух детей Клода Бо, мальчика и девочку, собирающих землянику, и что девочку они умертвили, а мальчик убежал. Они сообщили, что обгладывали умерщвленных детей, но никогда не трогали правого бока. Все эти убийства были подтверждены показаниями названных родителей, а также другими жителями деревни Лоншамуа и Орсьера, засвидетельствовавшими, что дети были утащены и сожраны волками в те же дни и в тех же местах, что указали обвиняемые.

Клода Жамийом добавила, что она собиралась умертвить в горах еще двух детей и с этой целью спряталась за стоявшей там хижиной, но ей помешала собака, которую она убила, ухитрившись все же ранить одного ребенка в бедро.

Жанна Перен также показала, что однажды, когда она находилась в лесу Фруадеком с Клодой Гийар, та обратилась волчицей и хотела ее погубить. Все эти ведьмы обращались в волчиц, и в связи с этим их всех надлежало обстоятельно допросить. Пьера Гандийона и его сына Жоржа Гандийона тоже допрашивали бы вместе с ними, если бы так не поспешили с их казнью. Эти двое тоже подтвердили, что обращались в волков, но Гандийон-младший уверял, что он никогда не трогал детей, а лишь однажды вместе со своей тетушкой Пернет

Гандийон задрал несколько коз, в том числе и принадлежавшую его отцу, что, по его словам, он сделал по ошибке.

Кроме того, все эти ведьмы сознались, что неоднократно собирались на шабаш, где пировали, танцевали и совокуплялись, приготавливали свои мази, а также что вызвали смерть очень многих людей и животных.

Поскольку последние дела нами уже подробно разбирались, мы рассмотрим первые, а именно ликантропию и превращения людей в разных животных.

Не прекращаются споры по поводу того, существует ли превращение человека в зверя; одни признают такую возможность, другие ее отрицают, и для обеих точек зрения есть свои основания. Имеется множество примеров данного факта: члены рода Антея в Аркадии превращались в волков в определенное время года; Деменет Паррасий стал волком после того, как отведал детских потрохов; Боян, сын Симеона, вож-одя болгар, мог обращаться в волка по своему желанию, как и Мер, о котором Вергилий сказал:

Я часто видел Мера крадущимся по лесу В волчьем облике.

Похожее Овидий говорит о Ликаоне:

Пораженный, он волком был в одиночестве И уже не мог заговорить, как бы этого ни хотел.

Джоб Финсел сообщает, что он видел ликантропа в Падуе. Геродот рассказывает, что для жителей одной области Скифии превращение в волков являлось обычным делом и что это также широко распространено у северных народов. Когда римляне пытались помешать переходу Ганнибала через Альпы, в их рядах появился волк, который, загрызая всех, кто попадался ему на пути, прошел через все войско и удалился невредимый. В 1042 году жители Константинополя были крайне встревожены одновременным появлением на улицах сразу 15 волков. А в 1148 году в черте Женевы объявился волк невероятных размеров, который загрыз 30 человек. Кто же будет сомневаться, что все эти волки были ли-кантропами?

А те три волка, которых видели 18 июля 1603 года в Ду и Юре спустя примерно полтора часа после странным образом выпавшего в этой местности сильного града, побившего все фрукты? Эти волки не имели хвостов, и, пробежав между пасущимися на лугу коровами и козами, они не тронули ни одной, лишь маленького козленка один из

них отогнал в сторону, не причинив, впрочем, ему никакого вреда. Данные факты, очевидно, указывают на то, что это были не настоящие волки, а ведьмы, вызвавшие град и пришедшие посмотреть, какой вред он причинил. Один из волков был более крупных размеров и бежал впереди, а Большой Жак Боскэ, Тевьена Паже, ла Мишолет и некоторые другие утверждали, что, когда они, превратившись в волков, рыскали по округе, среди них находился и руководил ими сам сатана, тоже принявший волчий облик.

Люди этой местности, должно быть, знают об оборотнях не меньше, чем жители других областей, потому что они водились тут всегда. В 1521 году были казнены три колдуна: Мишель Удон из Плана, небольшой деревушки недалеко от Полиньи, Филибер Монто и еще один по прозвищу Большой Пьер. Они сознались, что превращали себя в волков и в их обличье загрызли и съели несколько человек. Мишель Удон, пребывая в образе волка, был ранен одним господином, который отправился за ним следом и нашел его в хижине уже успевшим превратиться в человека как раз в тот момент, когда жена промывала ему рану. В доминиканской церкви в Полиньи долгое время хранились изображения этих колдунов. А в 1573 году Жиль Гарнье также сознался, что, обращаясь волком, загрыз и съел несколько детей; по приговору суда он был сожжен заживо в Доле.

Но иногда люди превращаются и в других животных. Например, мы читали, что Цирцея обратила товарищей Одиссея в свиней:

Отвратительную перемену сотворила Цирцея С несчастными спутниками Одиссея.

А Лукиан и Апулей говорят, что они пережили превращения в ослов. Вероятно, это же самое случалось и с пересекавшими Альпы паломниками, о которых говорит святой Августин, и с одним англичанином на Кипре, который, как утверждает Гийом, архиепископ Тирский, был лишен человеческого облика одной ведьмой в тот момент, когда стоял коленопреклоненным в церкви, и с другим, о котором упоминают Винсент из Бове в своем "Зеркале", и Баптист Фулгос, который обрел свой прежний вид после того, как его окунули в воду. Некоторые также считали, что осел, увиденный Белоном (Пьер Белой-французский на-туралист.(1517-1564). – Ред.) в Каире, о чем он рассказывает в "Наблюдениях", был не кем иным, как заколдованным человеком.

Некоторые превращаются в кошек. В наши дни некто по фамилии Шарко из округа Гец подвергся ночью в лесу нападению стаи кошек, но, когда он осенил себя крестным знаменем, они все исчезли. А совсем недавно один человек, проезжавший верхом мимо Шато-де-Жу, увидел на дереве несколько кошек. Он приблизился и разрядил в них свой карабин, отчего с дерева упало кольцо с ключами. Человек взял его и заехал в гостиницу, чтобы пообедать, но хозяйка, а также ключи от погреба куда-то исчезли. Он показал подобранную им связку хозяину, и тот сказал, что это ключи его жены, которая тем временем появилась с раной на правом бедре. Она созналась, что вернулась с шабаша, на котором потеряла ключи после того, как была ранена выстрелом из карабина.

Инквизиторы также рассказывают, что в их времена у Страсбурга видели трех больших кошек, которые вдруг превратились в женщин.

Бывали случаи, когда люди обретали лошадиный облик. Престантий обращался в коня, а святой Макарий исцелил жену одного египтянина, сделав ее из кобылы обратно женщиной.

Были также люди, которых обвиняли в том, что они превращали себя в зайцев, как, например, Пьер Гандийон, сожженный потом заживо. Мне кажется, для того чтобы поверить в возможность превращения человека в животное, достаточно одной только истории царя Навуходоносора, который был превращен в быка и пробыл им семь лет, питаясь соломой.

Факт трансформации явила собой и жена Лота, превращенная в соляной столб, который еще можно было видеть во времена Иосифа (Иосифа Флавия. – Ред.), что он подтверждает в своих "Древностях". У Кардано (Джероламо Кардано (1506-1576) – итальянский математик, философ и врач. – Ред.) можно прочесть о трансмутации всех видов растений и трав в различных червей и змей. Мы также слышали о том, что женские волосы, закопанные в навоз, превращались в змею, то же происходит с гнилым прутиком или веткой. А в городе Дарьене в Новом Свете льющая с неба вода летом превращается в маленьких зеленых лягушек.

Тем не менее, по моему твердому убеждению, ликантропия является иллюзией, а обращение человека в животное невозможно. В случае превращения должно произойти одно из двух: либо человек сохранит свою душу и способность рассуждать, либо утратит их.

Первое признать нельзя, т. к. представляется совершенно невозможным, чтобы звериное тело содержало разумную душу. По опыту мы знаем, что мудрость или глупость человека определяются температурой его мозга, что люди с маленькими головами не бывают особенно умными. Тогда как можно поверить, что душа, наделенная разумом, уместится в голове волка, или осла, или кошки, или лошади, или зайца. Кроме того, в книге Бытия сказано, что человек создан по образу и подобию Бога, и это прежде всего относится к душе. И разве не покажется совершенно абсурдным и диким утверждение, что такой прекрасный и благословенный образ будет помещаться в зверином туловище? Поэтому, я полагаю, Гомер ошибается, когда, рассказывая о спутниках Одиссея, превращенных Цирцеей в свиней, говорит, что щетина, головы и туловища у них стали свинными, а разум остался человеческим.

Но если человек при перевоплощении утрачивает свой рассудок, то как он его снова обретет? Как он сможет к нему вернуться, когда он снова превратится в человека? Если мы допустим, что такое возможно, мы должны будем признать – если мы считаем справедливой философскую сентенцию "То, что утрачено, уже не может быть вновь обретено", – что дьявол может творить чудеса. Но тогда я спрашиваю: куда сатана девадет душу, когда отделяет ее от тела? Отпускает ее гулять по воздуху или куда-то прячет, до тех пор пока ликантроп вновь не обретет человеческий облик? Не думаю, что Бог мог бы позволить ему, поклявшемуся нас погубить, играть с нами подобные шутки. Видимо, весьма близок к истине был Аристотель, сказав, что покидание душой тела равносильно оставлению кормчим его корабля. И наконец, я полагаю, что трансмутации человека в зверя, такие, как мы их описывали, невозможны постольку, поскольку истина заключается в том, что один Он, сотворивший мир, может менять формы вещей. Для человека, которому подвластны все звери земли, было бы позором принимать черты одного из них. А законы природы подразумевают такое уважение к человеческому облику, отражающему божественную красоту, что не допустят его обезображивания в качестве позорного наказания за какое бы то ни было преступление. Церковные соборы всегда объявляли язычниками тех, кто верил в ликантропию и вообще в превращение человека в какого бы то ни было зверя.

Что же касается Навуходоносора, то он никогда не превращался в быка, но думал, что это произошло, и жил вместе с этими животными их жизнью. В Священном писании об этом сказано трижды в одной главе: "Ты будешь есть траву, как быки". Но даже если допустить, что этот царь действительно превращался в быка, это не будет означать, что колдуны обладают силой при помощи сатаны обращаться в волков. Тут, как и в случае с женой Лота, мы должны будем сказать вместе с магами фараона: "Это перст божий".

А превращения растений, дождевых капель и женских волос в червей, змей и лягушек происходит в результате гниения и разложения, при которых на свет появляются низшие существа, но этот процесс никак не применим к случаю ликантропии.

Некоторые люди, полностью отрицающие возможность превращения человека в животное, полагают, что ликантроп действует только посредством своего духа, в то время как его тело лежит спрятанным где-нибудь в кустах. Но такая точка зрения не ближе к истине, чем предыдущая, т. к. если бы это было действительно так и душа отделялась бы от тела, то это означало бы его смерть. И как сатана смог бы вернуть тогда колдуна к жизни, если это, как мы знаем, под силу лишь одному Богу?

Мое собственное мнение на этот счет таково, что сатана оставляет колдуна спящим в кустах, а сам идет и, приняв волчий облик, совершает то, что было у колдуна на уме. При этом он так воздействует на его воображение, что тот совершенно уверен, что он действительно становился волком и загрызал детей и животных. Тут сатана действует точно так же, как и тогда, когда заставляет ведьм поверить, будто они слетались на шабаш, хотя на самом деле лежали в это время в своих кроватях. А мазь, которой они при этом натираются, вызывает лишь притупление чувств, так что они могут спать, не просыпаясь долгое время. Когда случается так, что они обнаруживают себя ранеными, то это означает, что сатана передал им удар, полученный им по телу, в которое он облекся.

При всем при этом я утверждаю, что большей частью это сам колдун выходит на охоту, чтобы нападать на людей и животных, не обратившийся в волка, но вообразивший, что это произошло. И происходит это из-за дьявола, который, перемешав составляющие человека четыре жидкости, может сообщать ему самые дикие

фантазии, насыщать видения, какие только захочет. С такой точкой зрения легче согласиться, если учесть, что существуют такие естественные болезни, при которых человек может почувствовать себя петухом, свиньей или быком. Здесь я должен рассказать об Андре Осиандере из Нюрнберга, о котором сообщает Кардано, человеку, кстати, весьма сведущем в теологии. Этот человек болел в молодости четырехдневной малярией, и при каждом ее приступе ему начинало казаться, что он находится в лесу и к нему во множестве подбираются змеи и разные дикие звери, и не представлялось никакой возможности убедить его, что это всего лишь бред, что он все время лежит в доме отца. Когда к нему приходил отец, он возвращался в чувство, узнавал комнату, друзей, но, когда отец уходил, он опять впадал в бредовое состояние, и так продолжалось все время, пока длилась болезнь. А у людей, заболевших лихорадкой, небо и язык утрачивают чувствительность, и они не могут отличить на вкус разные блюда. Когда же люди видят колдуна и думают, что перед ними волк, то дело тут в том, что дьявол просто затуманил и исказил их зрение, и они наблюдают то, чего на самом деле нет, – дьявол и демоны, как мы уже знаем по нескольким примерам, часто посылают подобные наваждения. Симон Маг (один из наиболее значительных гностиков I века н. э. родом из Самарии. Отцы церкви считали его основателем гностического лжеучения. – Ред.) сказал как-то императору Нерону, что тот может отрезать ему голову, а он через три дня вновь вернется к жизни, вместо этого они обезглавили овцу, представленную Симоном. Он так подействовал на глаза святого Климента и нескольких других праведников, что они приняли его, Симона, за Фаустиниана. Опять же к святому Макарию привели молодую женщину, которую все принимали за кобылу. Примерно 12 лет назад в У зеле, деревне в округе Бойм, обитатели одного дома увидели, как их жилище охватило пламя, и все бросились его тушить. Но примерно через час они вдруг заметили, что дом стоит целый и невредимый. Так происходило три раза, и это было устроено одной горничной, как мне рассказал мсье Жан Кретьен, владелец Тале-нэй, каноник метрополичьей церкви Безансона, сам присутствовавший при одном из этих "пожаров". Об этом я также знаю из судебных протоколов, присланных мне господином Аймом Морелем из Безансона.

Нелишним будет упомянуть и виртуозов карточного дела. Я видел итальянского графа Л'Эско, просто творившего чудеса: он давал вам десятку пик, но в итоге вы обнаруживали, что у вас в руке король червей или какая-нибудь другая карта. Люди, в присутствии которых он проделывал свои фокусы, старательно пытались выяснить, являются ли они только следствием ловкости рук, или тут имеет место колдовство. Несомненно, он слегка зачаровывал их: я видел, как, поворачиваясь к ним спиной, он что-то бормотал сквозь зубы.

Но что уж такого странного в этом наваждении, когда сатана делает так, что человек нам видится волком? Ведь среди других естествоиспытателей Альберта, Кардано и Джованни Батиста Порты из Неаполя рассказали нам, как сделать так, чтобы людские головы казались лошадиными, ослиными и т. п., а их лица собачьими мордами. Они даже знают способ, как сделать, чтобы люди смотрелись ангелами. Поэтому я не очень удивляюсь, что они так же могут представить дом серебряным, светящимся, зеленым, полным змей или принявшим какую-нибудь диковинную форму. То же и с домом в Узеле.

Будет уместно привести здесь и три таких случая.

Примерно три года назад Бенуа Бидель из Нэйзана, парнишка пятнадцати-шестнадцати лет, забрался на дерево, чтобы нарвать фруктов. Вдруг появился бесхвостый волк и напал на его маленькую сестру, стоявшую под деревом. Бенуа быстро спустился вниз, и тогда волк, оставив девочку, набросился на него и, отняв у него нож, ранил его в шею. Прибежавшие на помощь люди отнесли паренька в дом, где он умер через несколько дней. Придя перед смертью в сознание, он сказал, что передние лапы ранившего его зверя походили на человеческие руки, покрытые шерстью. А уже все знали, что удар ему нанесла Пернет Гандийон, которая затем попыталась скрыться, но была убита крестьянами.

Жанна Перен рассказала, что, когда она шла по лесу с Клодой Гийар, Клода заявила ей, что она собрала больше милостыни, чем она сама, после чего ушла за кустарник, и Жанна увидела, как вслед за этим из-за кустарника вышел волк, который стал ходить вокруг нее, так ее напугав, что она, перекрестившись, бросила все подаяние и убежала. Она утверждала, что этим волком была не кто иная, как Клода Гийар, т. к. та сказала потом Жанне, что этот волк не причинил

ей никакого вреда. Что же касается рук и ног, которые видели Бенуа Бидель и Жанна Перен, то разве они не являются свидетельствами того, что Пернет Гандийон и Клода Гийар на самом деле не превращались в волчиц?

Признания Жака Боскэ, Франсуазы Секретэн, Клоды Жамийом, Клоды Жампро, Тевьены Паже, Пьера Гандийона и Жоржа Гандийона отвечают нашему взгляду на превращения, т. к. все они говорили, что для обращения в волков они сперва натирались мазью, затем сатана набрасывал на них волчьи шкуры, которые их полностью скрывали, после чего они вставали на четвереньки и отправлялись рыскать по округе, нападая то на человека, то на животное в зависимости от характера своего голода. Они сказали также, что крайне уставали после своих пробежек. Я, помнится, спросил Клоду Жампро, как она при ее годах и хромоте могла поспевать за остальными, даже когда они взбирались на утесы, на что старая женщина мне ответила, что ее нес сатана. Однако сатанинская помощь не избавляла их от утомления, и те, кого дьявол носил на шабаш, тоже говорили, что прибывали туда, а также возвращались обратно в сильном изнеможении.

Вместе с господином Клодом Мейнье, нашим рикордером, мы видели всех вышепоименованных людей перемещающимися по комнате на четвереньках точно так же, как они передвигались по лесам и полям, но они сказали, что не могут превратиться в волков, т. к. не имеют при себе мази, а также, находясь в заключении, лишены необходимой для этого силы. Я обратил внимание, что все эти люди имеют множество царапин на лице, руках и ногах, а Пьер Гандийон был в силу этого так обезображен, что весьма отдаленно походил на человека, вызывая ужас во всяком, кто на него смотрел. Одежду детей, которых они умертвили и съели, находили совершенно целой, что свидетельствовало о том, что их раздевали человеческие руки.

Кто теперь может сомневаться, что эти колдуны и колдуньи сами выходили на свою охоту и все, о чем мы рассказывали, творили сами? Иначе какова причина испытываемой ими усталости? Если бы они просто спали в кустах, с чего бы им так утомляться? Откуда взялись их царапины, если не от колючек и шипов кустарников, через которые они продирались, преследуя человека или животное? И кто тогда снимал, не порвав, с детей одежду, если не люди? Я уже не говорю об их признаниях, которые свидетельствуют сами за себя.

Я знаю, что есть люди, которые не могут поверить в то, что ведьмы ели человеческое мясо. Но им следует учесть, что всегда существовали племена – не племена оборотней, – применявшие эту практику и получившие за это название антропофагов; их до сих пор еще много в Бразилии и Новом Свете, и лучшей похвалой у них считается перечисление лично съеденных врагов. Ведьмы также едят мясо висельников. Лукан говорит:

Она перегрызает веревку, спускает труп на землю И в жутком пиршестве, разодрав ему живот, Впивается зубами во внутренности, Выгрызает костный мозг.

Гораций тоже отмечает свойственное ведьмам людоедство:

Вспоров раздутый живот старой колдуньи, Они вытащили ребенка, который еще дышал.

А Апулей в "Золотом осле" рассказывает, что в Фессалии жили ведьмы, которые повсюду разыскивали только что умерших людей и, если тело не охранялось, могли объесть ему нос, щеки, губы и некоторые другие части. Не так давно в Нанси, в Лотарингии, труп одного запытанного насмерть был брошен за городом на дороге, и ночью у него кто-то отрубил ногу. В связи с этим строилось много различных предположений, я же совершенно уверен, что это дело рук ведьмы, т. к. этой же ночью проходивший по дороге человек увидел возле трупа смутную фигуру, как он думал – призрак, и, хотя он схватился за шпагу, был так напуган, что бросился бегом в город.

Фулос тоже упоминает об одном крестьянине, который убил несколько детей и засолил их мясо, чтобы потом есть.

Единственное, что меня удивляет, так это то обстоятельство, что все наши колдуны и колдуньи говорили, что они не могли есть головы и правые бока своих жертв. Большой Жак утверждал, что он не мог притронуться к голове из-за святого елея, которым она намазана, а Клода Жамийом объяснила, что они не трогали правого бока из-за того, что крестятся правой рукой. Но я на самом деле не знаю, насколько эти причины истинны, хотя они действительно испытывают воздействие силы, заключенной в крестном знамении и мире.

Если кто-нибудь спросит, какими способами колдуны и колдуньи, после того как они якобы превратились в волков, умерщвляют свои жертвы, я отвечу, что они пользуются многими средствами: иногда это ножи и шпаги, как в случае Пернет Гандийон, смертельно ранившей

Бенуа Биделя его же ножом, или тех трех оборотней в Полиньи, которых рисовавший их художник изобразил с ножами в правых лапах; иногда они волокут свои жертвы по камням и утесам и так убивают их – в этом сознались Клода Жампро, Клода Жамийом и Тевьен Паже. Я не сомневаюсь, что они их так же часто душат.

Жан Боскэ и Пьер Гандийон тоже подтвердили, что, когда хотели превратиться в волков, натирались мазью, которую им дал дьявол; Мишель Удон, Большой Пьер и Филибер Монто сознались в том же. Они сказали также, что когда хотели вернуть свой прежний облик, то катались по мокрой траве или обливались водой, что согласуется с утверждением Шпренгера, что обращенному в зверя человеку можно вернуть его прежний вид, если окунуть его в проточную воду. Опять же к тому человеку, упоминаемому Винсентом из Бове, которого превратили в осла, вернулся его облик после купания в воде. Апулей дает другой способ превращения обратно в человека из осла, по которому нужно поесть свежих роз либо аниса и лавровых листьев и запить их ключевой водой. А Пьер Бурго говорит, что он натерся какими-то травами, чтобы избавиться от волчьего облика, но, коль скоро превращение человека в зверя, как мы показали, является вопросом весьма спорным, мы не будем уделять особого внимания этим лекарствам. К тому же я уверен, что, как правило, ведьмы не моются с целью вернуть себе свой обычный вид. Чуть не забыл сказать, что оборотни совокупляются с настоящими волчицами, которых они, по словам Мишеля Удона и Большого Пьера, обнимали как своих жен и находили это не менее приятным.

На этом я думаю закончить разговор о ликантропах, или оборотнях. Однако мне не хотелось бы закрывать этот вопрос, не высказав упрека в адрес тех, кто снимает с ликантропов вину, целиком перекладывая ее на сатану, словно бы они и вовсе не виноваты, т. к. из всего вышесказанного можно усвоить, что именно сами колдуны и ведьмы убивают людей, иллюстрируя собой поговорку "Человек человеку волк". Но, даже если бы они больше ни в чем не были виноваты, кроме как в своих отвратительных умыслах, они все равно заслуживали бы смерти, т. к. суд принимает намерения во внимание и в делах менее серьезных, хотя бы они не получили реального воплощения. Остается только добавить, что подобные умыслы появляются лишь у людей, которые сперва отреклись от Бога.

Но в отличие от настоящих оборотней они могли вернуться к нормальной жизни, просто перебравшись обратно через болото. Греческие мифы сообщают также о проводившемся в горах Аркадии посвященном Зевсу древнем ритуале поедания тошнотворной смеси из волчьих и человеческих внутренностей.

В Древней Греции ликантропию называли *Lupinam Susaniam*, буквально "волчье сумасшествие", но даже в то время многие ученые люди сомневались в существовании оборотней. Некоторые ученые трактовали ликантропию как форму меланхолии, но большинство соглашалось, что правильнее ее описывать как безумие или сумасшествие.

Вообще надо заметить, что почти у всех народов Европы есть истории о людях, пораженных "волчьим" помешательством. Известен, например, случай, происшедший в Падуе (Италия) в 1541 году, когда один человек твердо уверовал в то, что он волк, и стал бегать в буйном помешательстве, всем своим поведением показывая, что он дикий зверь.

Богемию и Венгрию этот бич терзал постоянно, и легенды об оборотнях и о тех, кого поразила волчья болезнь, были изрядно перепутаны.

Описывая портреты уродов из картинной галереи замка Амбрас в Тироле, ученые Раду Флореску и Раймонд Т. Мак-Налли упоминают портрет "человека-волка" Гогонза, уроженца Канарских островов, подхватившего таинственную болезнь, "которая покрыла его шерстью с головы до пят".

По-видимому, двое его детей тоже были покрыты волосами и описываются как "дети-волки", а жена его была вполне нормальной. Нет сомнений — каприз природы, но случай интересен в свете возможного влияния на верования того времени.

Говорили, что в Восточной Европе в средние века существовали люди, которые днем прятались, а ночью выбирались из дома, отправлялись на заброшенные кладбища и там лаяли и выли на могилах. Эти несчастные, настоящие ли оборотни или пораженные болезнью, были очень худые и бледные. У них были глубоко запавшие глаза и покрытые струпьями ноги. Также говорилось, что они одержимы "неутолимой жаждой". Современная медицина, как мы увидим дальше, дает этому объяснение.

Исследуя проблему оборотней, следует помнить, что с древнейших времен человек использовал шкуру волка, свирепейшего из зверей, в качестве одежды и украшения, и было бы странным, если бы волчью смелость или агрессивность с течением времени не стали бы связывать с теми, кто их носит. Подобным же образом много столетий спустя в Африке развился отвратительный культ людей-леопардов, которые носили шкуры, клыки и когти леопардов, наводя ужас на свои жертвы перед тем, как их убить. Но с этими африканскими культами не все просто. Давайте взглянем на них попристальнее.

Начать, скорее всего, надо с того, что между человеком и животным может устанавливаться определенная связь, которую Дж. Фрезер в своей знаменитой "Золотой ветви" назвал симпатической, а сегодня ученые называют полевой. Таким человеком может быть колдун, шаман – словом, человек, обладающий экстрасенсорными способностями. В странах Западной Африки распространен обряд, в котором колдуны берут кровь из уха животного и из своей руки и прививают свою кровь животному, а кровь зверя-себе. Считалось, что с этого момента между ними возникает связь, причем настолько тесная, что гибель одного влечет за собой смерть другого.

Такими животными-побратимами могут быть и леопарды, и гиппопотамы, и даже крокодилы. Помните "Маугли": "Мы с тобой одной крови, ты и я!.."

Не каждый человек способен найти свою лесную душу, но он может обратиться к прорицателю и узнать, в каком животном она находится. Как правило, лесными душами отца и сыновей становятся звери одного вида. То же относится и к женской линии. Не в этой ли невидимой, но в очень тесной зависимости – корни тотемизма?

Теперь я перейду к рассказам об удивительных событиях, происходящих в наше время. Примерно за три года до прибытия графа Джона в Ирландию случилось так, что один священник, путешествующий из Ольстера в Мит, вынужден был остановиться на ночь в лесу на самой границе Мита. Наблюдая, как его спутник, молодой парень, разводит огонь, он вдруг увидел – представьте себе, – как из-за деревьев вышел волк и, обращаясь к ним, сказал: "Отдыхайте спокойно и не пугайтесь, вам совершенно нечего бояться". Путешественники были поражены и встревожены, и волк произнес

еще несколько общепринятых, касающихся Бога фраз. Тогда священник стал просить его, заклиная всемогущим Господом и верой в Святую Троицу, не причинять им вреда и объяснить им, что за существо они видят перед собой, которое, имея облик зверя, говорит человеческим языком. На это волк ответил ему: "Нас двое – мужчина и женщина, мы из числа жителей Оссори, которые из-за проклятия некоего Наталиса, аббата и праведника, вынуждены каждые семь лет покидать людные места, утрачивая человеческий облик и принимая волчий. По истечении этого срока, если очередным двум несчастным удастся выжить, они возвращаются к своей прежней жизни, а на их место заступают двое других. Теперь же женщина, которая составляла мне компанию в этом наказании, лежит опасно больная недалеко отсюда, и, если она находится при смерти, я умоляю вас во имя милосердия Божьего дать ей последнее утешение согласно вашему долгу священника".

Выслушав эти слова, священник с трепетом последовал за волком, и тот привел его к находящейся неподалеку норе, где лежала волчица. Она издавала человеческие вздохи и стоны и, увидев священника, смиренно приветствовала его и возблагодарила Бога, который в столь тяжелом ее положении сообразовал ниспослать ей такое облегчение. Затем священник уныло совершил над ней все полагающиеся в этом случае церковные обряды за исключением причастия, но она стала настоятельно просить, умолять его завершить свое доброе деяние и причастить ее. Он стал решительно отказываться, заявляя, что не имеет для этого всего необходимого, и тогда волк, все это время находившийся неподалеку, приблизился и указал ему на маленький дорожный служебник, содержащий и несколько освященных облаток, который священник, следуя обычаям этих мест, прежде снял с шеи и спрятал под одежду. После этого он стал просить не лишать их оказанной Богом милости, помощи, ниспосланной божественным провидением, и, чтобы устранить у него все сомнения, спустил с волчицы полосу шкуры от горла до живота, и она тут же обратилась в старую женщину, после чего священник, движимый больше страхом, чем рассудком, совершил причастие. Сразу после этого волк вернул полосу шкуры обратно на ее место.

После того как все ритуалы, исполнявшиеся скорее тупо, чем истово, были закончены, волк проводил священника обратно к их

костру и, оставаясь с ними всю ночь, вел себя более как человек, чем как зверь. Когда наступило утро, он вывел их из леса и указал направление, которым им надлежало следовать. Он еще раз горячо поблагодарил священника за оказанное благодеяние, обещая отплатить как следует, если Богу будет угодно вернуть его из нынешнего изгнания, две трети срока которого были уже позади. Тот же, уже расставаясь, спросил его, далеко ли продвинется вторгшийся на остров враждебный народ и как долго он тут будет оставаться. На это волк ему ответил: "За грехи нашего народа, за его пороки Бог обрушил на него свой гнев, предав его в руки врагов. Поэтому, пока чужестранцы, выполняя божью волю, будут дальше продвигаться своим путем, они останутся неудержимыми и непобедимыми, но если — ведь по наклонной дороге запретных развлечений и удовольствий так соблазнительно и легко идти, а человеческая натура подвержена влиянию дурных примеров — этот народ, живя среди нас, переймет наши порочные привычки, он, вне всякого сомнения, вызовет божий гнев и на себя".

Схожее высказывание есть у Левита: "...все эти мерзости делали люди сей земли, что перед вами, и осквернилась земля; чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергну-ла народы, бывшие прежде вас" (Левит, 18:27-28). И это впоследствии случилось сначала с халдеями, а потом с римлянами. Нечто подобное этому есть и у Екклесиаста: "Гибель постигает то один народ, то другой по причине их неверности, зловредных деяний, их надменности и самодовольства и лживости".

Случилось так, что спустя два года я проезжал через Мит как раз в то время, когда здешний епископ созывал сбор духовенства, пригласив и соседних епископов и аббатов для содействия в разборе этого дела, которое стало ему известно в связи с признанием священника. Узнав, что я нахожусь в этих местах, епископ отправил мне с двумя служками послание, в котором просил меня, если это возможно, присутствовать при разрешении столь важного вопроса; в случае же, если я не смогу прибыть, прислать, по крайней мере, мое изложенное письменно мнение. Служки описали все обстоятельства, уже известные мне от других людей, и, ввиду того, что я был понуждаем неотложным делом и не мог прибыть на сбор, я решил компенсировать свое отсутствие, отправив письмо с советом. Епископ

и сбор, согласившись со мной, велели священнику отправиться к папе, взяв с собой письма от них, и рассказать, что произошло, предъявив свое письменное признание, к которому все епископы и аббаты, присутствовавшие на сборе, приложили свои печати.

Это невозможно опровергнуть, но в это должно твердо верить, что Бог предназначил человека для спасения мира, и в данном случае Бог же, чтобы показать свою силу и отправить справедливую кару, превратил его в волка. Но считать ли такое животное зверем или человеком? Разумное животное представляется стоящим по своему уровню гораздо выше зверя, но кто решится отнести четвероногое, к тому же такое, от-г нюдь не вызывающее симпатию животное к людскому роду? А если кто-нибудь убьет это животное, можно ли будет назвать его убийцей? На это можно ответить, что божественные чудеса совершаются не для того, чтобы люди их обсуждали, но чтобы они им поражались. Как бы то ни было, Августин в 8-й главе 16-й книги своего труда "О граде божьем", говоря о живших на востоке людях-монстрах, одни из которых имели собачьи головы, другие были совсем без голов с глазами, расположенными на груди, третьи имели еще какие-то странности, поднимает вопрос о том, были ли они вообще людьми, происходящими от прародителей человечества, и резюмирует: "Нам следует смотреть на них так же, как на встречающихся среди людей уродов, о которых мы часто слышим; и здравый смысл говорит, что, каково бы ни было определение человека, смертное животное, какой бы вид оно ни имело, если оно разумное, должно быть признано человеком". В 18-й главе 18-й книги того же труда он упоминает об аркадийцах, которые, по жребию, переплывали озеро, превращались в волков и жили с ними в глухом лесу. Если они не притрагивались к человечине, то через девять лет переплывали озеро обратно и вновь обретали человеческий облик. Рассказывая далее о превращениях разных людей в волков, Августин сообщает: "Я сам в то время, когда находился в Италии, слышал, что там в одной области живут женщины, содержащие конюшни, которые, будучи обученными колдовству, подмешивают что-то в сыр останавливающимся у них путешественникам, отчего те превращаются во выючных животных, и после того, как они перетаскают все, что на них нагрузят, они снова становятся людьми. Разум же их на все время превращения остается человеческим". В

своей книге "Золотой осел" Апулей рассказывает, что случилось с ним самим, когда он, приняв какое-то снадобье, обратился в осла, сохранив при этом свой рассудок.

Да и нам приходилось видеть людей, которые при помощи колдовских средств превращают разные попадающиеся им под руку предметы в жирных свиней, каковыми они начинают представляться (но всегда бывают красного цвета), и несут продавать их на рынок. Однако по пересечении любой воды они опять принимают свой прежний вид и при любом самом осторожном с ними обращении не сохраняют свой обманчивый облик дольше трех дней. С давних времен и до наших дней люди нередко жалуются, что некоторые ведьмы в Уэльсе, Ирландии и Шотландии принимают вид зайца, чтобы при помощи такого обмана приникать к женской груди и сосать молоко. Мы соглашаемся с Августином в том, что ни демоны, ни колдуны не способны создавать новые или изменять свои сущности, но те, кого сотворил Бог, могут с его позволения внешне преображаться так, что они начинают казаться тем, чем на самом деле не становятся; чувства людей при этом усыпляются и обманываются странными видениями, так что вещи видятся не такими, какие они есть, но невероятно искаженными благодаря наваждениям или колдовским чарам, действующим на глаза.

Однако надо непоколебимо верить, что всемогущий Бог, творец всего сущего, может, когда захочет, превращать одно в другое или для отправления своего наказания, или для демонстрации своей божественной мощи, как, например, в случае с женой Лота, которая, нарушив запрет, оглянулась на разрушаемый Содом, за что была превращена в соляной столп, и в случае с водой, обращенной в вино; или же, оставляя внутреннюю сущность, он может изменить лишь внешность, как в приведенных выше примерах.

Что же касается обращения хлеба в плоть Христову (которое, если говорить точно, следовало бы назвать нематериальным, т. к. тут при сохранении внешнего вида меняется сущность), полагаю, его подлинность не подлежит обсуждению: понимание этого процесса не под силу человеческому разуму...

Изучая древнескандинавский эпос, то и дело встречаешься с феноменом превращения человека в животных. В мифах, преданиях и поэмах мужчины и женщины появляются в виде разных зверей, а боги

и богини показываются людям в обликах зверей, птиц и рыб. А искусство дохристианского периода, в котором значительное место занимают образы животных, служившие различными символами, показывает, что люди использовали звериные маски и переодевались в животных...

Среди животных в скандинавских сказаниях чаще всего фигурируют медведи, волки, моржи и кабаны, а также домашний рогатый скот, козлы, собаки и рыбы. Примером таких живых по стилю и вместе с тем трудно понимаемых по существу повествований может служить история из саги о Хрольве Краки (Жердинке), легендарном датском короле. Она относится к числу так называемых старинных саг и является фольклорным переложением древних героических преданий и необыкновенных событий, имевших место в языческом прошлом. Центральным персонажем в этой саге выступает не столько сам Хрольв, как и король Артур (в кельтском эпосе), окруживший себя многими прославленными воинами, сколько один из его ближайших соратников Бодвар Бьярки. Отец Бодвара Бьерн был превращен в медведя злой королевой после того, как отверг ее домогательства, и в конце концов был затравлен на охоте. Будучи медведем, он по ночам мог снова превращаться в человека. К нему в пещеру приходила девушка по имени Бера, которую Бьерн перед своей гибелью предупредил, чтобы она никогда не ела медвежьего мяса. Однако злая королева однажды заставила ее проглотить целый кусок, и когда Бера родила трех сыновей, то один из них оказался полу-человеком-полулосем, другой вместо ног имел собачьи лапы, а третьим был Бодвар Бьярки, выглядевший вполне нормальным. Но пришло время королю Хрольву отправиться на свою последнюю битву с врагами, значительно превосходящими его силы, и Бодвар показал, что обладает весьма необычными способностями. По непонятной причине он вдруг исчез с передней линии битвы, и тут началось нечто невероятное: "Люди увидели огромного медведя, появившегося рядом с королем Хрольвом. Своими лапами он сметал больше врагов, чем пятеро лучших витязей короля. Клинки и копья скользили по его шкуре, не причиняя вреда, и он сбивал наземь пеших и конных ратников короля Хьерварда и всех, кто попадал к нему в лапы, разрывал своими зубами, так что вскоре ужас и паника покатались по рядам армии короля Хьерварда".

Тем временем друг Бодвара Хьялти отправился на его поиски и, найдя его в палатке сидевшим без движения, принялся бранить за то, что он покинул короля в трудную минуту. В конце концов, Бодвар поднялся и вышел из палатки, заметив, что теперь он принесет меньше пользы королю, чем мог бы, если бы его оставили там, где он сидел. Когда он появился в рядах сражающихся, медведь уже исчез, и с этого момента ход битвы переменялся, и все доблестные витязи Хрольва погибли вокруг своего короля. Впечатляющий образ могучего медведя, сеющего ужас и смерть во вражеском войске, недавно был весьма эффектно использован Ричардом Адамсом в его романе "Шардик".

Скрытый смысл этого эпизода понятен: Бодвар сражался в образе медведя в то время, как его тело оставалось неподвижно сидящим в палатке. Описываемая в саге битва часто упоминается в датских эпических преданиях, о ней также имеется свидетельство на латинском языке, которое оставил Саксон Грамматик (датский хронист-летописец) в начале XIII века, основываясь, видимо, на древней поэме "Viarkamal", из которой сохранилось несколько фрагментов на исландском языке. Похоже, "Бьярки" ("Viarki" – имя, которое употреблял Саксон) изначально значило "рожденный от героя", а "Бодвар" на самом деле является прозвищем: "рожденный битвой" или "боец".

В этой поэме речь идет об истории девушки, ставшей женой медведя и родившей детей, которые были наполовину людьми, наполовину медведями, служа своеобразным связующим звеном между миром людей и миром животных. Лапп Тури, чей труд о верованиях его народа под названием "Книга Лапландии" был издан в 1910 году и который, несомненно, знал это сказание, сообщает следующее:

"Я слышал, что некогда жила девушка, которая попала в медвежью берлогу-и благополучно проспала там целую зиму, родив впоследствии от медведя ребенка. Ребенок этот был мальчиком, но вместо одной руки у него была медвежья лапа, которую он всегда прятал от людских глаз. Однажды какой-то человек пожелал увидеть ее, но он не хотел показывать, сказав, что это опасно. Но человек не поверил ему и настоял... Обнажив свою руку-лапу, он потерял над собой контроль и разорван этому человеку лицо. Тогда все увидели, что он говорил правду..."

Медведь был самым сильным и опасным зверем на скандинавском севере и, очевидно, производил сильное впечатление на охотников. На медвежьи шкуры укладывали умерших или, что более вероятно, мертвецов в них заворачивали перед тем, как опустить в могилу; на это указывают следы когтей, сохранившиеся в норвежских и шведских могильниках, относящихся к периоду, предшествовавшему эпохе викингов.

...Мэри Даниэлли, исследовавшая обряд посвящения, упоминаемый в исландских сагах, приводит ряд сказаний, в которых герой для доказательства своего мужества выходит один на один на медведя, а в одном из них юноши носят накидки из медвежьих шкур до тех пор, пока не принесут медвежью голову, что свидетельствовало бы об их зрелости... За этими преданиями стоит память об испытаниях юношей, принимаемых в компанию воинов после схватки с медведем, настоящим или символичным, и что воины на таких обрядах надевали медвежьи шкуры.

В давние времена медведь весьма почитался в Лапландии, где ему присваивались разнообразные имена и посвящались сложные ритуалы и где в разных местах сохранилось немало письменных свидетельств об этом. Слово *saivo*, означающее "душа" мертвого человека, применялось и для обозначения убитого медведя, а на посвященных медведю празднествах убивший этого зверя охотник должен был надевать на себя его шкуру с головой. Существовало также обыкновение пить кровь убитого медведя, чтобы перенять его силу и храбрость. Все эти обычаи создавали благоприятную почву для появления сказаний о превращениях людей в медведей. Ученые, занимающиеся изучением культа медведя у лопарей (саами) и других северных народов, отмечают, что у охотников вызывали изумление его огромная сила и необыкновенные повадки, отличающие медведя от других животных, и прежде всего его способность переживать зиму без пищи. Чрезвычайно опасный зверь и безжалостный противник, медведь тем не менее не считался злобным существом в отличие, например, от волка. Кроме того, мясо медведя было весьма ценным для человека, а многие внутренние органы, особенно жир, считались обладающими особой исцеляющей силой. Люди ощущали близость этого зверя к себе отчасти из-за его привычки вставать на задние лапы и поражать свою жертву передними либо сжимать ее в смертельных

объятиях, а также из-за того, что его следы напоминают отпечатки человеческих ног... Так же считалось, что медведь не имеет врожденной вражды к людям. У Тури в "Книге Лапландии" по этому поводу говорится:

"Медведь – удивительное животное, которое всю зиму живет без пищи. Он не впадает в ярость, когда встречается человека, и не стремится причинять ему вред". И еще: "Природа медведя такова, что он не сможет спать спокойно зимой, если погубит человеческое существо, и улды (духи), которые кормят его во время спячки, не станут заботиться о таком звере, который запятнает себя кровью человека. В старину лопари даже были убеждены, что медведь обладает сознанием".

Лопари также глубоко верили, что медведь не станет по своему желанию нападать на женщину, и ей при встрече с ним нужно было только показать свою юбку, чтобы он оставил ее в покое.

Т. к. в Исландии не обитали медведи и самым крупным зверем был песец, можно предположить, что подробная история о рождении Бьяр-ки (героя исландских саг. – Ред.) и его превращении в медведя пришла из Норвегии. Менее замысловатый сюжет о человеке, сражавшемся в медвежьем облике, возник из древнего сказания "Landnamabok", в котором содержалось описание колонизации Исландии в IX веке, составленное в XIII веке из воспоминаний о первых поселенцах.

...Человек, принявший облик медведя, был сыном знаменитого Ке-тила Хенга, который пришел из земель, населенных лопарями, хорошо знакомыми с этим зверем. Другой связанный с медведем эпизод касается Ервара Странного, потомка Кетила. Высадившись со своей командой на одном из балтийских островов вблизи побережья, он был враждебно встречен приплывшими сюда с континента людьми и, готовясь к сражению с ними, поднял на шесте медвежью шкуру с головой. Отражая нападение вышедшей на бой против них великанши, Енвар вложил в медвежью пасть тлеющие угли и стал пускать в нее магические стрелы, заставив противника покинуть поле сражения. Водружение подобным образом медвежьей шкуры, как части ритуала, посвященного удачной охоте, отмечено у лопарей и некоторых других народов.

Поддержанию у скандинавов чувства близости к медведю способствовала и существовавшая в знатных родах традиция называть детей именами зверей. Ученые предполагают, что этот обычай был связан с дохристианскими языческими верованиями у древних германцев. Самыми распространенными являются имена, произошедшие от слов "медведь" и "волк" в простой форме-Бьерн, Ульф или с добавочными слогами – Арнбьерн, Квельдульф. У германцев оба имени употреблялись с приставками в виде слов, означающих битву-Hild, Guth: Хиль-девольф, Гутбеорн – или оружие. Не вызывает сомнений, что образы медведя и волка были связаны с важной разновидностью колдовских ритуалов, которые имели отношение к войне и должны были охранять воинов в бою и приносить победу. И у германцев, и у скандинавов распространение этих имен связывается с поклонением верховному богу Водану, или Одину. В северных сагах часто упоминаются воины, называемые берсерками, которые принадлежали к дружине Одина. Снорри Стурлусон, скандинавский поэт-скальд (1178-1241) в "Шестой саге об Инглингах" описывает их так:

"Его (Одина) люди, сбросившие свои кольчуги и неистовые, словно охотничьи собаки или волки, дрались своими щитами и были сильными, как медведи или быки. Они разили врагов налево и направо, их же не брали ни огонь, ни железо. Это называется "становиться берсерком"".

Слово "берсерк" (berserk), возможно, имеет смысл "носящий медвежью шкуру" (serkr – "рубашка"), на это же указывает и другое данное им прозвище ulfhednar-"волчья шкура". Другой вариант, – первая часть этого слова может происходить от berr, что значит "голый", "обнаженный", и Снорри, судя по всему, склонен толковать его именно так, подчеркивая их привычку сражаться без кольчуги, которую, вполне вероятно, они могли сбрасывать, испытывая приступ берсерковой ярости. Последняя трактовка давалась в ранних словарях, но примерно с 1860 года и слово "медведь" стало допускаться в качестве образующей основы понятия "берсерк", например, в "Древнеисландском словаре" Вигфуссона и Клисби. Норин защищает прежнюю версию в статье, опубликованной в 1932 году, однако я не нахожу его аргументы достаточно убедительными. В "Девятой саге о

Ватнсдэлах" говорится: "...те берсерки, которых называли "ulfhednar", вместо кольчуг носили рубашки из волчьих шкур (vaigstakkar)".

Название "волчьи шкуры" применяется к берсеркам и в древней поэме "Храфнемал" ("Hrafnsmal" – примерно 900 год н. э.), в которой также подчеркивается производимый берсерками шум: "...берсерки лаяли... "волчьи шкуры" были..." В этой же поэме есть описание этих воинов, находившихся при дворе короля Харальда Прекрасноволосого правившего во второй половине IX века:

"Волчьи шкуры" они звались, те, чьи мечи были бурыми от крови, а копыя в битве в едином движении вздымались и опускались, разя врагов.

У нас нет более подробного описания этих свирепых бойцов, носивших медвежьи и волчьи шкуры, но имеются найденные в Швеции изображения человеческих фигур в шкурах с медвежьими и волчьими головами на нашламных пластинах и ножнах, относящиеся большей частью к довикинговому периоду. В своей статье, посвященной оборотням, Нильс Лид подчеркнул роль пояса из волчьей шкуры в сказаниях о превращениях, в которых мужчина или женщина, желая обратиться в волка, надевают на себя такой пояс или кладут его с собой на ночь в постель; эти пояса также фигурируют во многих норвежских протоколах судов над ведьмами и колдунами. Вполне возможно, что распространенный у древних с андинавов символ в виде маленького танцующего воина в рогатом шлеме и в одном поясе, но с копьем или мечом символизирует именно воина в медвежьем или волчьем поясе, принадлежащего, как я имею основания полагать, к воинам Одина. По мнению Лида, этот пояс символизирует всю шкуру.

Чувство общности с медведем и волком было естественным для профессиональных воинов и их вождей в век викингов. Различие между этими зверями очевидно. Медведь выступает одиноким и независимым бойцом, обладающим большой силой и проявляющим определенное благородство, хотя в ярости и сеющим смерть без разбора. Волк, напротив, сражается в стае в тесном контакте со своими товарищами и предстает хитрым и безжалостным. Таким образом, они олицетворяют два способа ведения боя, существовавших в век викингов и предшествующее ему время. Выдающийся воин подтверждает свою незаурядную силу, мастерское владение оружием и храбрость в поединке с лучшим бойцом противной стороны перед

лицом всего войска, считая ниже своего достоинства сражаться с более слабым или невооруженным противником.

Существует достаточно свидетельств неистовой ярости, дикого бешенства, проявляемых в бою германцами, а после них викингами, производивших сильное впечатление на римлян и византийцев. Лев Диакон сообщает, что видел восточных викингов, сражавшихся во главе со Святославом в конце X века на Дунае против императора, и потом неодобрительно откомментировал их практику ведения боя, совершенно отличавшуюся от греческой. Манера ведения боевых действий у викингов, по его мнению, не была основана на принципах военного искусства. Эти люди, говорит он, видимо, были движимы безумием и слепой яростью и дрались, словно дикие звери, "странно и отвратительно воя".

Живое повествование о том, кого можно назвать берсерком, содержится в начальной главе "Саги об Эгиле". Дед знаменитого авантюриста и поэта Эгила Скаллаgrimссона, жившего на севере Норвегии, звался Квельдульфом, что буквально означает "вечерний волк", и был сыном человека по имени Бьяльфи, что означает "звериная шкура". Создатели саги объясняют его имя тем, что к вечеру этот человек приходил в скверное расположение духа и становился сонным; это может быть естественным для человека, привыкшего вставать очень рано и отправляться в кузницу, как делал Квельдульф, но в повествовании это явно связывается с превращениями, т. к. упоминается, что он был оборотнем (hamgrammr). Хотя в саге ничего не говорится о том, что его когда-либо видели обратившимся в волка, он и его сын Скаллаgrim были подвержены ужасным вспышкам ярости. Во время таких приступов они могли напасть на любого, кто им встречался, и сам Этил мальчиком едва избежал смерти от руки впавшего в бешенство отца во время игры в мяч. Этил, в свою очередь, тоже проявлял берсерковские наклонности, однажды в безумной ярости бросившись на переполненный врагами корабль в Норвегии, а в другой раз вцепившись зубами в горло своему противнику, и дрался как берсерк на поединке.

Следует учесть, что воины в Скандинавии проходили особую подготовку, кроме того, существовали специальные заклинания, произносимые перед битвой, и есть основания предполагать, что у бойцов был принят свой ритуал. Описание подобной подготовки

можно найти, например, в "Саге о Вельсунгах", передающей историю рода Вельсунгов и, видимо, основанной на каких-то древних источниках, ныне утерянных. В начальных главах мы читаем о том, как Сигмунд растил и воспитывал своего сына Синфьетли, готовя его для мести королю, убившему отца Сигмунда и его братьев.

"Однажды они отправились за добычей в лес и там нашли хижину. В той хижине спали два человека с массивными золотыми браслетами на руках, которых постигла злая участь; волчьи шкуры были наброшены на них, и они могли снимать их лишь раз в десять дней, и были они сынами короля. Сигмунд и Синфьетли надели эти шкуры и уже не могли снять их. Однако сущность их осталась прежней, они говорили по-волчьи, но понимали друг друга. Они остались жить в лесу и отправились каждый своей дорогой, договорившись, что будут драться не больше чем с семью людьми сразу и что тот, на кого нападут, будет звать на помощь, как это делают волки. "Нам не следует отказываться от этого, — сказал Сигмунд, — потому что ты молод и полон безрассудной отваги, а люди захотят выследить и затравить тебя". Так они бродили лесными тропами, и, когда Сигмунд встретил людей, он завыл, и Синфьетли, услышав его, сразу же явился и убил их всех. Они снова расстались, и до того, как он (Синфьетли) успел уйти далеко, он натолкнулся на двенадцать человек, дрался с ними и сумел со всеми справиться".

Сигмунд был сильно разгневан из-за того, что Синфьетли не позвал его на помощь: "Сигмунд бросился на него с такой силой, что он пошатнулся и упал, и схватил зубами за горло. В этот день они не могли сбросить свои волчьи шкуры, и Сигмунд, подняв Синфьетли на спину, принес его в хижину и там, склонившись над ним, принялся проклинать их (шкуры)".

Тут Сигмунд увидел, как горноста́й каким-то листиком лечит другого, укушенного в горло, и этим же средством вылечил Синфьетли. Наконец пришло время, когда они смогли сбросить шкуры и сжечь их, чтобы больше никто не смог причинить себе зла. Их история заканчивается словами: "Но, будучи заколдованными, они совершили множество доблестных дел в землях короля Сиггейра".

Это повествование включает элементы народных сказок, но в описании нападений на врагов, о которых герои саги договариваются, подавая друг другу сигналы, и бойцовских успехов, достигнутых

людьми в волчьем обличье, видимо, содержится намек на другое предание, персонажи которого жили в лесу жизнью волков, приучаясь существовать за счет грабежей и убийств. Волки также сравнивались с бандитами, и даже слово *vargr*, "волк", официально применялось к человеку, объявленному вне закона. Лапп Тури отождествлял волков с ворами. Он говорит, что в давние дни шаманы превращали себя в волков, и им это было легче делать, когда они убивали ни в чем не повинных людей, подобно тем русским, которые, явившись в земли лопарей, принялись грабить и убивать, пока при помощи улдов, или духов, их не превратили в волков и не выгнали обратно: "...и вернулись они назад в Россию, и поэтому так много волков там, и волки эти такие свирепые, что поедают людей".

Интересно отметить перевернутость этого процесса, когда души злых людей вселяются в животных вместо обычного вселения духа зверя в человека. Тури утверждает, что существуют доказательства того, что некоторые волки прежде были людьми: "...Таковыми доказательствами могут служить найденные в волчьих логовах (в их отсутствие) принадлежащие людям вещи... кремни, огнива и трут, а также серные чашки".

В отличие от медведя, противника благородного, волк злобен и коварен. Тури уверен, что он способен так подействовать на пулю, что она пройдет мимо цели, и может усыпить отслеживающих его людей. Он, говорит Тури, обладает силой одного человека и хитростью девяти, и, чтобы охота на него удалась, надо знать его имена на всех лапландских диалектах и держать в голове девять способов его поимки, прибегнув к десятому.

Такое представление о волке типично для пастуха и охотника, страдающих из-за его нападений на оленей и скот, так что отождествление хитрых воров и бандитов с волками выглядит вполне естественным. А сделать от этого следующий шаг и увидеть в особенно хитром волке человека в волчьей шкуре не сложно. В век викингов волк являлся на поле битвы и вместе со стервятниками пиროвал среди мертвых тел, что делало его образ еще более зловещим. В связи с этим заметим, что сказать в те времена удачливому воителю, что он дал пищу волкам, было большим комплиментом. Все это помогает понять смысл, которым наделялся символ волка в снах. Приснившаяся волчья стая означала надвигающихся врагов, причем

иногда среди них находился медведь, символизирующий предводителя.

В средние века существовал большой интерес к толкованию снов. В Исландии были известны латинские сонники, но когда наступающие войска представлялись стаей из 18 волков, предводительствуемых ловкой лисицей (колдуном при войске) или огромным медведем, выходящим из дома вместе с медвежатами, то такое толкование, скорее всего, имеет местное, скандинавское происхождение. В "Саге о Харвардаре" говорится, что волчьи образы в снах – это хугир (hugir) людей. О медведе, который описывается как благородный зверь, не имеющий себе равных, в "Саге о Ньяле" говорится как о фильджа (fylgja) Гуннара, благородного героя, приходившегося Ньялу близким другом. В "Саге о Льесветнингах" брат могущественного вождя Гудмунда увидел во сне, как великолепный величественный бык вошел в зал и упал замертво у высокого кресла Гудмунда, предвещая его смерть, и опять слово fylgja здесь используется для обозначения символического животного.

...Наряду с таким взглядом на видения в образе животных существовало представление о являющемся ясновидящим или в снах животном-защитнике или друге, отразившееся в поверьях, связанных с душой и духами, бытовавших в дохристианские времена среди лопарей и многих других финно-угорских народов Северной Европы и Азии. В XVII веке Форбус в своем труде, посвященном лопарям и их верованиям, упоминает о Nemoqvelle, передаваемом ребенку при рождении его отцом и полученном им в свое время от его отца: "...и вместе с именем ребенок также получает Nemoqvelle, которое часто проявляет себя и идет перед ним вблизи озер и морей".

Это слово происходит от саамского Namma-Guelle, означающего "рыбье имя", и его дают ребенку, чтобы оно защищало его от злых сил на протяжении всей жизни. Упоминание озер и морей подразумевает рыбу, которую можно увидеть в воде, но лопари также верили и в духов животных, обитающих в воде. Но, как говорится в миссионерских записях 1726 года, вера в таких духов была распространена не у всех саами, а лишь у незначительной их части, у тех, что жили на востоке. У других северных народов были иные названия сопровождающих духов: у остяков (хантов) это jeril, дух, будто бы возникающий в виде тени; у вогулов и зырян (коми) – urt или

ort, якобы живший вместе с человеком, которого он охраняет; у лопарей был *kadz*, и считалось, что каждая семья, хотя и не обязательно каждый ее член, имеет такого духа. А норвежские лопари верили, что охраняющий дух подчиняется *noidi*, или шаману, и может принимать облик животного, рыбы или птицы. Здесь мы подошли к тому, что связано с понятием *fylgja* в сагах. Есть предположение, что оно имеет отношение к слову *Onfulga*, означающему тонкое покрытие или оболочку, и могло применяться для обозначения плаценты, как в современном исландском. Слово *ham* на некоторых норвежских диалектах тоже может использоваться для обозначения как плаценты, так и кожи. Основное же значение слова *fylgja* – "следовать", и, каков бы ни был его первоначальный смысл, это понятие, нет сомнений, укрепляло представление о существовании у человека духа, который следует за своим владельцем, куда бы он ни направлялся.

Шаманское устное наследие у саами и других финно-угорских народов содержит множество историй, в которых оберегающие духи шаманов сражаются под видом животных. У лопарей это обычно олени, но могут быть и быки, киты, рыбы и разные другие существа, причем трудно понять, духи ли это самих шаманов, отправившиеся в иной мир в то время, как их тела остались лежать в коме, или же это духи, которым они покровительствуют. Эпизод с медведем в "Саге о Хрольве", бившемся на поле боя в то время, как Бодвар сидел в своей палатке, представляет собой пример такого "животного" – духа. Считалось, что этих духов можно использовать для того, чтобы причинить кому-то вред, и говорят, что русские лопари (группа саамов) до сих пор верят, будто злой *noidi* может принимать обличья медведя, волка, змеи или хищной птицы и отправляться за указанными ему жертвами.

...Самые впечатляющие истории, несомненно, связаны с превращениями в диких животных. В некоторых из них люди обращаются в диких свиней, но эти эпизоды имеют иной характер, чем эпизоды с превращениями в волков и медведей. Зверь очень сильный и довольно свирепый, кабан всегда ассоциировался с противоборством, со схваткой, и его изображение носили на шлемах, ножнах и мечях, а у германцев и скандинавов было принято боевое построение, из-за его конусовидной формы именуемое "свиньей" или "кабаньей головой", с передней частью, называемой "рыло", где находились два лучших

воина, возглавлявших атаку. В сказаниях к превращениям в борова или свинью прибегают как к средству, чтобы вызвать отвращение у врагов и избежать их нападения, как, например, в рассказе о колдуне, который стоял в образе борова на страже и с приближением врагов разбудил находившихся в доме людей...

Полагаю, следует отметить, что не существует преданий или сказок, в которых люди превращались бы в лошадей. Локи (в скандинавской мифологии бог, который иногда вступает во враждебные отношения с другими богами, насмехается над ними, проявляя свой злокозненный характер, хитрость и коварство. – Ред.) обращался в кобылу, но предположить, что такой-то человек может последовать этому примеру, значило смертельно оскорбить его. Это было бы равносильно предположению, что этот человек способен на какие-то недостойные, отвратительные действия. Подобное оскорбление можно было нанести лишь возведением для этого человека позорного столба с деревянной лошадиной головой наверху – такой столб ставили, когда хотели призвать позор и несчастья на голову какого-либо злодея, для чего на лошадиной голове вырезали соответствующие руны. Мотивы этого обычая слишком сложные, чтобы их здесь рассматривать, и, хотя они имеют отношение к связанной с животными магии, они уведут нас в сторону от обсуждения непосредственно превращений.

Создается впечатление, что, как правило, эпизоды с превращениями в сагах рассказывались не "взаправду", хотя события, на фоне которых они якобы происходили, вполне возможно, имели место. Эти эпизоды служат художественным целям, внося в саги элемент фантазии, разжигая воображение слушателя и вызывая у него смех или страх, в зависимости от желания рассказчика. Но своими корнями, конечно, они уходят в народные предания. Вернер, рассуждая на тему возникновения у германцев личных имен, идущих от названий птиц и животных, приводит на этот счет две противоположные гипотезы: согласно первой, эти имена должны были приносить удачу, если судить по особым качествам носящих их зверей, а по второй – их давали из-за того, что эти имена часто встречаются в героической поэзии. Не может быть так, говорит он, чтобы обе теории оказались верными, но я, со своей стороны, не вижу, почему бы и нет. Очевидно, давность традиции использования в поэзии имен, связанных с

животными, помогает выделить те особые качества, которые связывались с тем или иным зверем или птицей и которые, как считалось, были необходимы бойцу, и, давая их, надеялись придать будущему воину дополнительную силу, привлечь к нему удачу.

Корни воинского эпоса, а также охотничьей магии покоятся в очень далеком прошлом германцев, и вдохновляющим фактором на создание лучших историй с превращениями были дикие звери, обитавшие на севере Германии и в Скандинавии, а широкое распространение представления о духе-защитнике, существовавшее у финно-угорских народов, а также у многих других, должно было способствовать и распространению народных сказаний о людях, принимающих звериный облик. Выражениям, имеющим метафорический смысл, вероятно, давали в повествованиях буквальное толкование, а наивные верования, облачаемые в художественную форму, могли использоваться умелыми рассказчиками для выражения каких-то глубоких мыслей. Эти выражения и верования возникли благодаря тому, что люди далекого прошлого жили среди природы в непосредственной близости к миру животных, ощущая его неотъемлемой частью своего мира, и, являясь по большей части охотниками, имели широкие познания об их жизни, постоянно наблюдали за их поведением. Поэтому они всегда были готовы пугаться, забавляться или обманываться рассказами о людях, становящихся зверями, а сказители, как нынешние авторы, пишущие в жанре популярной литературы, выдавали своей аудитории то, что она желала...

Среди историков господствует мнение, что прокатившиеся по Европе в XVI и XVII веках массовые охоты на ведьм явились, по крайней мере частично, результатом верований, уходящих своими корнями в раннее средневековье или даже еще глубже. Такое предположение вряд ли кого-нибудь удивляло, т. к. большинство ученых, вполне естественно, привыкло смотреть на период зарождения культуры нового времени как на эпоху появления светского гуманизма и развития наук.

Однако в результате недавних исследований трактовка охоты на ведьм как последнего мрачного проявления средневекового духа потеряло свою убедительность. В ходе изучения причин антикодцовских истерий ученые находили все больше и больше

оснований для того, чтобы считать их виновниками не жертвы, а самих охотников. Правда, эти исследования были ограничены в основном социальным аспектом проблемы. Исследователи больше интересовались тем, как люди пользовались обвинениями в колдовстве для борьбы с определенными социальными группами, чем тем, почему они считали ту или иную категорию людей одержимой колдовским умыслом, и здесь я хотел бы обратиться именно к этой стороне проблемы и в порядке гипотезы предложить такую идею: революция научной и особенно медицинской мысли, характеризующая поздний Ренессанс и являющаяся враждебной по своей сути и духу вере в колдунов и ведьм, фактически создала предпосылки для начала охоты на ведьм, стала ее главной движущей силой на протяжении двух столетий, когда эта мания и "новая наука" так странно сосуществовали.

Как же революция в медицине могла спровоцировать охоту на ведьм? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует коротко ознакомиться с достижениями медицины в конце эпохи Возрождения. То было время, когда Андреас Везалий (1514-1564), естествоиспытатель, основоположник анатомии, и его современники открыли, что многое в анатомии и физиологии Галена из того, что врачами средних веков считалось непреложными истинами, оказалось неверным. Эти открытия явились следствием широкого исследовательского движения, в ходе которого были обнаружены значительные несоответствия между существовавшей медицинской теорией и фактами. В средние века относящиеся к области медицины факты, если и могли временами поставить под сомнение правильность того или иного диагноза, всегда подтверждали медицинскую теорию в целом.

...В конце XV века правильность этого замкнутого и самодостаточного медицинского учения была впервые поставлена под сомнение. Впервые со времен античности стали широко известными медицинские данные, говорившие явно не в пользу галенизма. Их появление объяснялось многими факторами, включая возрождение неоплатонизма, распространение литературы по медицине после изобретения книгопечатания, улучшение организации деятельности медиков и появление новых болезней, завезенных из Азии и Нового Света. Все эти обстоятельства создали ситуацию, когда не только греко-римская медицинская система столкнулась со значительными

проблемами благодаря новым, хорошо установленным данным, но и когда врачи, имеющие собственные идеи, получили возможность находить факты, подтверждающие либо опровергающие их. Неизбежным следствием такого нового, более "научного" подхода было постепенное изменение средневековых медицинских воззрений. Средневековый галенизм становился все более громоздким и нескладным по мере того, как один теоретик за другим дополнял и изменял его несложные положения, с тем чтобы привести это учение в соответствие со столь значительно изменившейся ситуацией в медицине. В конечном счете на передний план вышли новые теории, совершенно противоречащие положениям старого учения.

...Однако рост внимания, которое медики стали уделять особенным патологическим состояниям, связанным с неспособностью существующей медицинской теории к развитию или достаточно быстрому изменению в соответствии с тем, чтобы давать подходящие объяснения всем новым фактам, означал, что врачи стали сталкиваться с многочисленными проявлениями недугов, симптомы которых были так необычны или "не правильны", что они не могли отнести их к каким-либо уже известным классам болезней и, следовательно, назначить средства лечения. Как следовало врачу поступать в такой ситуации? Какое объяснение он мог дать подобному недугу? И Жан Фернель выдвинул утверждение, и большинство медиков в следующем столетии согласились с ним в этом, что такие болезни имели противоестественную и сверхъестественную причину и являлись результатом вмешательства дьявола, и врач, чья теория болезней всецело основывалась на естественном, не мог искать их причины, лежавшие, стало быть, за его пределами, вне сферы материального. Лечить же насланные дьяволом недуги медику и не было должно. Самое лучшее, что он мог сделать в этом случае, – это сообщить о нем светским и церковным властям, которые, считалось, одни могли принести такому заболевшему реальное облегчение.

Средневековая медицина не создала надежного барьера между этим миром и тем, люди то и дело умирали от болезней и несчастных случаев, казавшихся фатальными, но она, по крайней мере, давала сравнительно простое и вполне для того времени естественное объяснение причинам страданий людей и их смертей. Медицина указывала причины большинства недугов, для большей части болезней

предлагала средства. Безуспешность лечения объяснялась не недостатками медицинского учения, а слабостью человека перед божественным промыслом.

Но с началом XVI века эта система медицинских взглядов стала давать трещины. Раскол, по выражению одного антрополога, возник "в зоне стабильности", содержащей "сектор хаоса". Часть медиков, например Парацельс, Везалий, Уильям Харви, расценивали вскрывшиеся слабые места учения как шанс для того, чтобы разрушить эту старую систему и создать новую. Но многие – и их, видимо, было большинство – видели в этих прорехах окна в ужасающий первозданный хаос снаружи. Они представлялись им не стимулом для новой творческой деятельности, а пугающим напоминанием о слабости и ограниченности человека в его противостоянии окружающей природе, и свидетельствовали о том, что, если люди заболевали неизвестным или каким-то странным недугом, им не следовало ждать какой-то помощи от врачей. Какие-то болезни, очевидно, выставляли человека под воздействие неупорядоченного и потому неконтролируемого мира. Результатом разрушения медицинской системы, в которой общество видело защиту от болезней и смерти, явилось значительное увеличение гнета страха пред ними, часть которого европеец прихватил с собой в новое время.

Но, показывая свое бессилие перед необычными болезнями, медицина вместе с тем усиливала свое влияние в другом. Многие недуги в средние века, которые имели хорошо известные симптомы, но как-то традиционно связывались с демонами и колдовством, как, например, импотенция, эпилепсия, ночные кошмары, постепенно переставали считаться естественными. По средневековым источникам трудно понять, являлся ли взгляд на такие болезни как на имеющие демоническое происхождение широко распространенным среди врачей, или это было лишь мнение немногих. Возможно, что медики просто отдавали своеобразную дань уважения народным поверьям. Большая часть сохранившихся классических трактатов по медицине, тех, что до сих пор продолжают использоваться, свидетельствуют, естественно, не в пользу подобного подхода к причинам болезней. Более того, даже когда под подозрение попадал дьявол, средневековый врач не отказывался от применения естественного лекарства, искренне надеясь, что оно поможет его пациенту. В этом отношении к

демоническому в болезни медики средневековья совершенно отличались от своих коллег начала нового времени. Врачи XVI и XVII веков нередко принимались за лечение странных и необычных недугов, пользуясь каждый симптом в отдельности, не пытаясь, да и реально не будучи в состоянии лечить болезнь как целое. Более того, в своей массе они, судя по всему, вообще не были уверены, что какие-то лечебные средства в таких случаях окажутся эффективными. Английский врач Джон Котта утверждал, что заболевание следует считать порожденным демоном, прежде всего "...когда естественные лекарства или лечебные средства, примененные согласно рецепту, либо странным образом утрачивают свою целительную силу, не оказывая никакого действия, либо вызывают эффекты и последствия, не предполагаемые их природой или противные ей".

Похоже, теория медицины в период начала нового времени постепенно изменялась в соответствии с тем, чтобы, по крайней мере, допускать возможность существования новой, дьявольской разновидности болезней. Но на самом ли деле это изменение существенно повлияло на возникновение оснований для гонений на ведьм? Многие историки скажут – нет. Конечно, наверное, трудно представить такой несчастный случай или недуг, настолько естественный или, наоборот, чересчур неестественный, что его нельзя было бы принять за колдовские козни. Когда умирала кобыла или скисало пиво, когда человек налетал на плетень или даже когда сливки не сбивались в масло, люди видели проявления колдовства. Мы обнаружили примеры подобных подозрений в средние века, в новое время и можем наблюдать их в Западной Европе сегодня. Но подозрения такого сорта, как правило, не приводили к суду и редко выливались в осуждения и наказания колдунов. Именно заболевание или смерть вызывали обычно обвинения в колдовстве, что, как правило, находило у других людей поддержку и представляло собой достаточное основание для судебного преследования.

Но нельзя, конечно, сказать, что любая болезнь или смерть предполагали начало расследования. В отличие от образцового случая с отравлением ядом азанде, описанного Эвансом Притчардом, причины большей части болезней и смертей в Европе начала нового времени вполне могли быть описаны в терминах естественного. Пандемические и эпидемические заболевания так же, как и немочь от

старости или несчастного случая, редко приводили к нападкам на ведьм. Но недуг, не отвечающий обычным нормам и казавшийся странным или вызывающий необычную реакцию на стандартные средства лечения, часто разбирался судом как результат колдовства. Критик охот на ведьм Джон Гол язвительно заметил в адрес их гонителей, что "всякая болезнь, причину которой они не понимали и с симптомами которой не были знакомы, могла быть воспринята как плод колдовства". Я полагаю, что существовал стереотип "насланной" болезни, а не стереотип образа ведьмы, как часто предполагалось, который и стимулировал эти гонения. Европейское общество на самом деле не пыталось изгнать из своих рядов определенный сорт людей, но занималось отысканием "распространителей" определенной разновидности болезней. Говоря о европейском обществе, я не хочу сказать, что во всех его слоях и во всех регионах отношение к ведьмам и колдунам было одинаковым, – отнюдь нет. Очевидно, что людей образованных и в силу этого активно участвующих в культурном прогрессе, в котором революция в медицине составляла лишь небольшую часть, и всех остальных разделяла огромная пропасть. Это разделение порождало в ходе прогресса немало коллизий, т. к. недавние исследования показали, что средний европеец – это крестьянин – был значительно более осведомленным об изменениях в научной медицине, чем это считалось до сих пор. Среди сельских жителей было немало таких, которые хотя бы отчасти были знакомы с традиционными средствами и приемами лечения, и медики с университетским образованием всегда жаловались на вынужденное соревнование с этими знахарями. В целом же безграмотные и бескультурные врачеватели, заполнившие все уголки Европы, были столь многочисленны и столь неудержимы в своей деятельности, что реально не только затмевали рассвет всего передового и истинно образованного, но и гасили повсюду сам свет разума и здравого смысла.

Следует помнить, что вторая половина XVI столетия была периодом повального роста грамотности в Северной Европе, и любой, кто был способен прочесть хотя бы одно из многочисленных тогда популярных руководств по диагностике болезней и уходу за здоровьем, мог практиковать занятия медициной. Более осведомленными о переменах в медицинской теории могли оказаться

те, кто, занимаясь подобной деятельностью, собирал разные отрывочные сведения, с тем чтобы выглядеть компетентным в глазах своих невежественных пациентов из низших социальных слоев. Лекарская практика подобных индивидуумов была широко распространена в Европе. Вероятно, столь же распространенной была и врачевательная деятельность духовенства. У значительной части священников состоявшие при них помощники имели, по крайней мере, незаконченное университетское образование и в ходе своего обучения наверняка знакомились с трудами Гиппократов или Галена.

Многие же священники читали гораздо больше. Майкл Макдоналд недавно исследовал врачебную карьеру сельского священника из Нортгемптоншира, магистра гуманитарных наук с дипломом Оксфорда Ричарда Нейпира, чьи медицинские записи удивительным образом полностью сохранились. За 37 лет через лечащие руки Нейпира прошло почти 60 тысяч пациентов, большей частью людей простого происхождения. И ему, естественно, время от времени приходилось выносить определения болезням, будто бы вызванным ведьмами. Такие диагнозы, вероятно, особенно часто ставились теми, кто находился под сильным влиянием традиций в медицине, но был не способен в полной мере воспринять их натуралистический дух.

Нельзя, однако, отрицать, что, хотя крестьянство и испытывало влияние от изменений традиционного положения в медицине, это влияние было ограниченным и не являлось для него столь же существенным, как для представителей более высоких социальных слоев. Древние, существовавшие еще до появления письменности представления о методах и средствах лечения продолжали оставаться основными в среде крестьянства специфические взгляды и приемы "древних старух, египтянок (цыганок) и им подобных особ", которых обычно поминает Паранея и его последователи. Кит Томас в своей работе "Религия и отрицание колдовства" в общих чертах дал картину этой системы врачевания, относившей самые разные недуги и несчастные случаи на счет фей, домовых, кобольдов, гоблинов, эльфов, гномов, троллей и блуждающих огоньков, а также нередко приписывавшей их козням колдунов и ведьм. В соседних областях и порой даже в соседних деревнях эти диагнозы различались и, похоже, со временем менялись.

В XVI и XVII веках обнаружился новый комплекс особых, вроде бы насылаемых ведьмами, болезней, возникший в результате обсуждавшейся выше революции в медицине. Сельские жители начала нового времени, вероятно, выдвинули немало таких обвинений, основываясь на ставших им известными новых определениях, касающихся этих болезней, вместе с тем продолжая следовать древним представлениям в своем подходе к причинам недугов и несчастных случаев и в поисках виновных. Однако эти представления, являясь достаточным для жителей какой-нибудь деревни основанием для обвинения кого-то в колдовстве, казались менее убедительными для образованной части местного дворянства и выглядели уже совершенно абсурдными в глазах судьи, прибывшего издалека. Для того чтобы состоялось возбуждение дела в суде, обвинение должно было подкрепляться не только местными фактами обвинителя, но и согласовываться с положениями древней традиционной медицинской доктрины, с которыми представители судейского сословия, часто разбирая подобные дела, были неплохо знакомы. Поэтому эти обвинения имело смысл составлять с учетом последних перемен в новых медицинских терминах, которым обучали в университетах и использовали в издаваемой в то время литературе. Временами крестьяне проявляли удивительную осведомленность о происходящих в области медицины изменениях, "подгоняя" свои обвинения под требования разумности, выдвигаемые судом. Иногда, как я подозреваю, их обвинения основывались на местных взглядах и понятиях, на их удачу совпавших с положениями традиционной медицины, так что им было несложно подобрать одно разумное обоснование за другим. Но нет никакого сомнения в том, что им это действительно приходилось делать. Как показал на примере Англии Томас и Франции – Жан Делюмо, между культурой деревни в Европе и культурой высших слоев общества в начальный период нового времени возник значительный разрыв, поэтому судейские чины больше, чем когда-либо, имели основания с презрением относиться к народным верованиям. Таким образом, наблюдался парадокс: большинство демонологов, доказывая, что ведьмы реально существуют и должны наказываться, вместе с тем утверждали, что многие крестьянские поверья, включая и те, что касались ведьм, являлись предрассудками и должны были быть искоренены.

Как и можно было ожидать, антиколдовская истерия не вышла за границы государств с латинской культурой. Православных она затронула слабо, а мусульман не коснулась совсем. Научная и медицинская революции ограничивались почти исключительно государствами Западной и Центральной Европы, так же, как и охота на ведьм. При этом не все регионы латинского Запада были затронуты ими в равной степени. В одних местах охота на ведьм началась позднее, чем в других, а в некоторых ее не было вовсе. Чем это можно объяснить? Прежде всего следует отметить, что эти истерии, как правило, имели тенденцию распространяться от культурного центра к периферии, от густо населенных равнин к менее обитаемым горным районам, от городов к селам. Таким образом, можно проследить пути вероятного распространения новых идей в области медицины и роста числа людей, занявших врачеванием. В Англии, например, в XVI веке ведьмomania была очень сильна в графствах, непосредственно окружающих Лондон. В XVII веке охота на ведьм активнее всего проходила в северных и западных областях страны. По сохранившимся свидетельствам можно сделать вывод, что новые, относящиеся к медицине идеи распространялись таким же образом. Однако следует отметить, что города с их культурой, судя по всему являясь интеллектуальными эпицентрами этих истерий, в то же время не служили их социальными источниками. Крупные города, видимо, не создавали социальной структуры, которая формировала бы людей, склонных к подобным проявлениям. Лондон, направляя в окрестные графства судей, содействовавших этой охоте, сам испытывал их воздействие крайне слабо. Так же и Женева – ее жители занимали должности в органах правосудия, руководивших охотой на ведьм в Женевской республике, а основная масса обвинений поступала из окрестных сельских приходов.

Были и такие страны, которые не то чтобы меньше других были затронуты этими процессами-они не испытывали их совсем: Испания и Португалия. Центральная и Южная Италия и Голландская республика – самые заметные тому примеры, хотя существовали и другие европейские регионы, оставшиеся к ним более или менее невосприимчивыми. В некоторых местах такой иммунитет объяснялся неприятием данных процессов местными правителями. Так, герцог Вильям Киевский не только укрыл у себя известного противника

охоты на ведьм Йохана Вейера, но и не допустил их в своих владениях. Но личное отношение властителей не может объяснить отсутствие гонений во многих других областях, поэтому следует воспользоваться более общим разьяснением. Причина, по которой ведьмomanия не охватила Испанию, видимо, заключается в длительном контроле католической церкви над любыми проявлениями колдовства и магии, существовавшими в этой стране, так же, как в Португалии и Центральной и Южной Италии. Густав Хен-нингсен описал, насколько недоверчиво отнеслась испанская инквизиция к вспышке антиколдовской истерии в стране басков, перекинувшейся в Северную Испанию из Франции. Инквизиция не хотела, чтобы ее отвлекали от главной задачи – искоренения ереси. Более того, консерватизм инквизиторских судов, занявшихся разбором обвинений в связи с распространяющимися в Басконии паническими страхами перед ведьмами, делал крайне сложной задачей их убеждение в том, что та или иная ведьма наслала какую-то новую болезнь, или в другом связанном с колдовством преступлении. Судьи желали видеть реальные вещественные доказательства того, что обвиняемое лицо действительно было колдуном или колдуньей. Инквизиция требовала, чтобы ей предъявляли притирания, яды, книги с заклинаниями и убедительные свидетельства состоявшихся шабашей. Но чем пристальнее вглядывались испанские судьи в своих северных соседей, тем менее строгими и неумолимыми они становились в своих требованиях, взгляды постепенно менялись, и наличие таких жестких доказательств переставало казаться столь необходимым.

Гонения на ведьм могли не получить распространения и в тех случаях, когда они использовались для достижения политических целей, становились предметом политической игры. Когда Яков VI Шотландский занял после смерти Елизаветы I английский трон, мало кто сомневался, что этот автор работ по демонологии и инициатор преследований ведьм у себя в стране усилит эти гонения и в своем новом королевстве. Но в Англии охоты на ведьм стали использоваться пуританами для опорочивания официальной англиканской церкви, и Яков, поддерживавший своих англиканских епископов в их усилиях по установлению церковного единства, значительно ослабил гонения, самолично выставив обманщиками нескольких бесноватых, задержанных в ходе очередной поимки колдунов. Как и в Испании,

охоты на ведьм в Англии были прекращены ввиду того, что они косвенно мешали достижению более важной, глобальной цели.

Естественно, что конфликты, возникающие между людьми, одержимыми ведьмomanией, и теми, чьи социальные, экономические или политические интересы они нарушали, вызывали недовольство властей первыми и, как следствие, пресечение их деятельности. Но, видимо, существовала и более существенная причина, по которой отдельные районы Европы были избавлены от ужаса гонений в отличие от других, порой находившихся совсем рядом с ними. Если верно то, что люди образованные, в частности судьи, служили своего рода "привратниками" преследований ведьм, допуская одни крестьянские жалобы до рассмотрения в суде и отклоняя многие другие, то вполне могло быть, что жители одних деревень в силу местной или даже национальной традиции, унаследованной от предыдущих веков, были менее способны к составлению приемлемых обвинений, чем жители других деревень. Алан Мак-фарлин обнаружил, что в графстве Эссекс в среднем лишь в одной из четырех деревень подавались такие обвинения, которые затем обращались в обвинительные акты. Кажется маловероятным, что обитатели трех остальных деревень были равнодушны к проблемам, связанным с колдовством. Зато вполне могло стать, что их подозрения и обвинения были изложены так, что они не могли увязать медицинские взгляды жителей своей деревни с положениями традиционной медицины. Фактически их изложения обвинений не соответствовали новому образу мышления образованных людей и расценивались судьями просто как банальные крестьянские суеверия. Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что ведьмomanии не было ни в Уэльсе, ни в Ирландии, ни в горной Шотландии, несмотря на то, что вера в ведьм и колдунов была сильна там не только в XVI и XVII столетиях, но сохраняется по сей день. Английские судьи и судьи из низменной части Шотландии, несшие европейскую цивилизацию в эти удаленные районы, наверное, видели весьма слабую связь между тем, что они считали дикими суевериями грубых народов, чьи дела и споры они были присланы разрешать, и невероятно сложной и запутанной проблемой существования целого класса необычных болезней.

Посмотрим теперь, как возникали эти вызываемые "колдовскими" болезнями гонения. Демонологи утверждали, что любой человек в

принципе может стать колдуном. И особенная болезнь могла быть плодом деятельности практически любого жителя деревни. Однако было доказано, что обычно открытым обвинениям подвергалась лишь определенная часть населения. Если мы отвергнем такую версию, что охота на ведьм вызывалась страхом перед существовавшим в сознании простых людей образом ведьмы, унаследованным из средних веков, тогда для объяснения такой избирательности нам придется выдвинуть следующее предположение: если подозрение могло пасть на любого, то избавиться от него могли не все. Богатый, власть имущий человек со связями или с многочисленной и дружной родней, обвиненный в колдовстве, мог предъявить своему недругу встречное обвинение, поэтому на таких людей жаловались лишь в чрезвычайных случаях. Но против тех, кто не был способен на отпор, против старых, больных и особенно против женщин, а также тех, кто был уже отвергнут деревней за вызывающее, непристойное или вздорное поведение, обвинения могли выдвигаться без опаски. Со временем такие люди накапливали эти обвинения, пока их "масса" не становилась "критической", после чего приходил черед судебного разбирательства. В таком варианте ведьмomanии появление стереотипного образа ведьмы не предшествует гонениям, но становится их результатом. Иными словами, это ведьмomanия порождала ведьм, а не ведьмы вызвали преследования, как это традиционно считалось... В ходе обследований домов, в которых появляются привидения, и своих исследований в области духов вообще я встречал людей, сообщавших мне, что они видели странных призраков – полулюдей-полузверей, которые могли быть неприкаянными душами оборотней.

О таком явлении мне рассказала мисс Сен-Дени, она повстречалась с ним однажды, когда жила на одной ферме в Мерлонетшире. Эта ферма, стоявшая в некотором удалении от деревни, вместе с тем находилась довольно близко к железнодорожной станции, очень маленькому строению, состоящему из одной платформы и домика, служившего одновременно и залом ожидания, и билетной кассой. Это была одна из тех станций, где функции начальника станции, кассира билетной кассы, контролера и носильщика выполнял один человек, и где семафор, казалось, никогда не открывался. Платформа была единственной возвышенностью в округе, с которой открывался хороший вид, и мисс Сен-Дени часто

приходила сюда со своим альбомом, чтобы делать зарисовки. В один из вечеров, почувствовав, что задержалась дольше обычного, она уже собиралась подняться со своего раскладного стула, как вдруг, к своему удивлению, увидела фигуру человека, как ей показалось, мужчины, сидящего совсем близко на вагонетке и смотревшего на нее. Я сказал – к своему удивлению, потому что, исключая те редкие случаи, когда приходил поезд, она никого не встречала на станции, кроме самого начальника, а вечерами платформа всегда была пустой. Без-людность места впервые пробудила у мисс Сен-Дени желание оказаться дома. До маленького дома начальника станции было не меньше сотни ярдов, а другого жилья, кроме самой фермы, поблизости не было; вокруг виднелись лишь черные мрачные обрывы, иссеченные расщелинами, промоинами и провалами, полными смутных теней от угасающих лучей заходящего солнца. Здесь и там зияли огромные проемы сланцевых каменоломен, которые уже давно не использовались и были полузатоплены водой. Земля вокруг них была усеяна каменными обломками, очевидно, отбитыми от породы и расколовшимися при падении. Тут же стояло несколько довольно низкорослых ореховых деревьев, вязов и дубов.

Да, окружающий мисс Сен-Дени пейзаж выглядел весьма безрадостным, но она находила в нем какое-то особое очарование, которое не могла себе объяснить и которое теперь ее угнетало. Быстро опускалась темнота, сгущаясь, как ей казалось, вокруг того места, где она сидела, и мисс Сен-Дени не могла как следует разглядеть сидящую на вагонетке фигуру, видя лишь обращенный на себя неприятный взгляд светлых глаз и чувствуя, что в нем есть что-то странное. Она кашлянула. Никакой реакции не последовало, и она кашлянула еще раз – с тем же эффектом. "Вы не скажете, сколько сейчас времени?" – спросила тогда мисс Сен-Дени. Ответа не было – тот, к кому она обращалась, продолжал молча и пристально смотреть на нее. Ощущая растущее беспокойство, она собрала свои вещи и, стараясь ничем не выдать своего волнения, покинула станцию. Оглянувшись, мисс Сен-Дени увидела, что фигура последовала за ней. Напустив на себя беспечный вид и весело посвистывая, она ускорила шаг и снова оглянулась – странная фигура не отставала. Впереди ее ожидало самое темное из-за высившегося утеса место дороги, словно бы созданное для убийств, где она могла бы громко кричать без малейшего шанса

быть кем-то услышанной. Идти туда с этой подозрительной, явно преследующей ее фигурой представлялось совершенно невозможным, и, собравшись с духом, мисс Сен-Дени повернулась и закричала: "Что вам нужно?! Как вы смеее?!" В этот момент на фигуру упал последний солнечный отблеск, и она увидела, что это не мужчина, а что-то немыслимое: то было голое серое существо, туловищем похожее на человека, но с волчьей головой. Его светлые глаза яростно сверкнули, и оно бросилось вперед. Мисс Сен-Дени инстинктивно сунула руку в карман и, вытащив оттуда фонарик, нажала кнопку. Эффект оказался поразительным: отпрянув, существо закрыло глаза похожими на лапы руками и исчезло.

Впоследствии она пыталась выяснить, что же это было, но установила лишь, что в одной из каменоломен поблизости от того места, где исчез призрак, лежали выкопанными из земли странные кости — полу-человеческие-полузвериные — и что это место с наступлением сумерек всегда обходили стороной. Мисс Сен-Дени так же, как и я, полагала, что это был удерживаемый на земле дух оборотня.

О другом случае появления подобного призрака мне рассказала чета Андерсонов. Получив со смертью родственника приличное состояние, они решили на время отойти от дел и пожить в праздности и покое. Они поселились в Камберленде, природа и климат которого им очень нравились, где купили участок земли у подножия высоких холмов вдали от города и построили двухэтажный дом.

Вскоре, однако, начались проблемы с прислугой, часто бравшей расчет под предлогом пустынности мест, а также из-за какого-то шума, раздававшегося по ночам под окнами. Андерсоны посмеивались над слугами, но, когда дети рассказали им о том же самом, они задумались. "Что за шум? На что он похож?" — спросил мистер Андерсон. "На звериный вой, — ответил Уилли, старший из детей. — Они являются по ночам и бродят, завывая, под окнами. Мы слышим, как они ходят по дорожке и останавливаются у нашей двери". Крайне озадаченные, мистер и миссис Андерсон решили остаться с детьми на ночь и послушать. Где-то между двумя и тремя часами прямо под окном раздался вой, очень напоминающий волчий, — мистер Андерсон был в Канаде и слышал, как воют волки. Пораженный, он распахнул окно и выглянул наружу: в ярком свете полной луны отчетливо выделялся

каждый камешек, каждая ветка, но ни зверей, ни их следов видно не было, все было тихо. Едва он закрыл окно, звуки тотчас возобновились, но, выглянув опять, он снова никого не увидел. Через некоторое время вой прекратился, и все услышали, как входная дверь, которую они заперли, перед тем как подняться по лестнице, открылась, и вслед за этим раздались звуки ступавших по лестнице лап большого зверя. Мистер Андерсон подождал, пока они приблизятся к самой двери, и резко распахнул ее. Но его карбидная лампа осветила лишь пустой, залитый лунным светом коридор.

Теперь он и его жена были совершенно сбиты с толку. Утром они осмотрели землю под окном, но не нашли никаких следов, говоривших бы о том, что за существо тут ходило. Однако больше ночных посещений не было, и постепенно о них забыли. Между тем приближалось Рождество. Андерсоны, как и все родители, боготворили своих детей, многое им позволяли, и дети всегда получали то, что желали. На Рождество же детей старались особенно ублажить, и блюда для праздничного стола и подарки всегда готовились согласно их желаниям.

– Что Санта-Клаус принесет вам на этот раз, мои дорогие? спросил мистер Андерсон, когда до праздничного дня осталась неделя.

И шестилетний Уилли сразу же закричал:

– Какой же ты глупый, папочка! Все, что говорят про Санта-Клауса, – чепуха, его на самом деле не существует!

– А вот потерпи немного – сам увидишь, – ответил ему мистер Андерсон. – Запомни мои слова: он придет к тебе в сочельник, нагруженный подарками.

– Не верю! – воскликнул Уилли. – Ты рассказывал нам эту жеглупую сказку в прошлом году, а я не видел никакого Клауса!

– Он приходил, когда ты уже спал, мой милый, – сказал ему на это мистер Андерсон.

– Ладно! На этот раз я вообще не буду спать, – пообещал Уилли.

– Мы заберем подарки, а потом ущипнем старого Клауса, – заявила Вайолет Эвлин.

– А я уколю его булавкой, – присоединился к брату с сестрой трехлетний Хорас. – Не нравится мне этот Санта-Клаус, добавил он.

Рождество приближалось, самое настоящее, с сугробами, большими снежными шапками на деревьях и морозными узорами на

окнах. Наконец наступил сочельник. Дом Андерсонов был теплыми уютным, окна теперь были затворены – в кои-то веки, в камине весело плясало огромное пламя. Пока дети, отправившись в кладовую, рассуждали там о том, какие блюда будут самыми вкусными и сколько они смогут съесть, мистер Андерсон, облачившись в полный наряд Сайта-Клауса, репетировал свою роль. Он приготовил огромный мешок подарков – все, что заказывали дети, собираясь войти, держа его за плечами, в их комнату в полночь.

Миновало время вечернего чая, и до ужина все члены семьи, даже маленький Хорас, занимались украшением гостиной и лестницы венками из веток остролиста и омелы. Наконец наступило время ужина, после которого были спеты "Рождественский гимн", "Добрый король Уэн-селас" и еще один-два гимна, и дети отправились спать.

Это было в десять. А через два часа их отец, одетый Санта-Клаусом и, как положено, пошатывающийся под тяжестью своей ноши, тихо ступил в коридор, ведущий к детской. Снегопад на улице прекратился, луна скрылась, и коридор наполнился бледным флуоресцирующим светом. Мистер Андерсон прошел уже половину коридора, как вдруг услышал тихое потягивание и поскуливание. По его телу пробежала дрожь, в голове мгновенно всплыли воспоминания ранней молодости – степи на Дальнем Западе Канады, где он слышал такое потягивание, его верный многозарядный винчестер сослужил ему тогда хорошую службу. И снова поскуливание – теперь уже ближе. Да! Вне всякого сомнения, это был волк. Но в этом поскуливании были какие-то странные, не волчьи интонации, которых мистер Андерсон никогда прежде не слышал. Опять раздавшееся, на этот раз у самого дома, потягивание и рычание превратилось в протяжный вой-такой пронзительный, что мистера Андерсона прошиб холодный пот, а его колени задрожали. Кто-то из детей, как ему показалось, Вайолет Эвлин, зашевелился в кровати и прошептал: "Санта-Клаус! Санта-Клаус!" – и мистер Андерсон большим усилием воли взял себя в руки и открыл дверь. Часы в гостиной начали бить двенадцать. Из всех сил стараясь выглядеть веселым, мистер Андерсон зашел в детскую, а вместе с ним вошла огромная серая косматая фигура. Брошенный Уилли тапочек пролетел по воздуху и, едва не угодив в Сайта-Клауса, со стуком упал на пол. После этого воцарилась мертвая тишина, и Вайолет Эвлин и Хорас, подняв головы, увидели две стоящие посреди

комнаты и уставившиеся друг на друга фигуры. Одну из них они узнали сразу по одеянию – это был Санта-Клаус, но не улыбающийся и розовощекий, как его описывал их отец, а с белым лицом и испуганными глазами, Санта-Клаус, которого, наверное, от мороза бил озноб. Но вторая – кто это? Кто-то высокий, гораздо выше их Сайта-Клауса, серый и голый, похожий на человека, но с волчьей головой, острыми белыми зубами и страшными светлыми глазами. Им стало понятно, почему дрожал Санта-Клаус, а Уилли стоял у своей кровати бледный и неподвижный. Трудно сказать, сколько бы длилась эта сцена и что произошло бы потом, если бы миссис Андерсон, обеспокоенная долгим отсутствием мистера Андерсона, не решила подняться в детскую. Едва в дверном проеме замерцал отблеск ее свечей, как существо с волчьей головой исчезло.

– Что такое, чем вы тут занимаетесь? – начала она, и тут Санта-Клаус и дети заговорили все сразу под стук грохнувшего об пол мешка с подарками. В считанные минуты по всему дому запылали все имевшиеся в наличии свечи, и остаток ночи семейство провело вместе в тесной компании. На следующий день единодушно решили, что дом следует продать, причем сделать это при первой же возможности. Андерсонам повезло – желающий купить дом нашелся быстро. Но, перед тем как уехать, мистер Андерсон тщательно обследовал окрестности и обнаружил чьи-то останки в пещере в одном из холмов прямо за домом. Среди них был волчий череп, лежавший рядом с человеческим скелетом, у которого череп отсутствовал. Мистер Андерсон сжег эти кости, надеясь, что таким образом он избавил дом от непрошеного визитера, и, т. к. его покупатель до сих пор не жаловался, он полагал, что явления прекратились.

Одна женщина, которую я встретил в Тавистоке несколько лет назад, рассказала, что видела призрак, принадлежавший, как она считала, оборотню в долине Дунса, в Эксмуре. Возвращаясь как-то вечером домой, она увидела впереди на тропинке высокую серую фигуру человека с волчьей головой. Существо подкрадывалось к большому кролику, съевшемуся у тропинки и, видимо, совершенно парализованному страхом. Но неожиданно с треском выскочивший из кустов олень заставил его исчезнуть. До этого случая женщина не встречалась с привидениями и вообще не верила в них, но теперь, по ее словам, она не сомневается в их существовании и полагает, что

виденный ею призрак был духом одного из тех оборотней, которые привязаны к земле своей неугасимой яростью.

Я с готовностью присоединяюсь к этому мнению и только добавлю, что, учитывая, сколь многочисленны были в давние времена оборотни в Англии, кажется несколько странным, что их призраки встречаются так редко.

Историю из этой области поведал мне некий мистер Уоррен, наблюдавший явление оборотня на Гебридах, части Британских островов, по-видимому наиболее богатой призраками.

— Мне тогда было шестнадцать лет, — рассказывал мистер Уоррен, — и я жил у своего деда, бывшего прежде пресвитером в Керке в Шотландии. Он очень интересовался геологией, и весь дом был полон всевозможных окаменелостей и ископаемых остатков, найденных им в окрестных пещерах и ложбинах. Однажды дед пришел домой в сильном возбуждении и повел меня смотреть какие-то древние останки, найденные им на дне высохшего карстового озера. "Взгляни! — сказал он и указал на них рукой. — Это скелет человека с волчьей головой! Кто это, по-твоему?" Я ответил, что не знаю, но что, должно быть, какой-то урод. "Это оборотень, — сказал дед. — Оборотень-вот кто это такой. Когда-то этот остров кишел сатирами и оборотнями. Помоги мне перенести его домой". Я сделал, как он просил, и скелет был отнесен на заднюю кухню и помещен там на стол. Тем же вечером я остался в доме один-дед и все домашние ушли в церковь — и решил заняться чтением. Через некоторое время мое внимание привлек шум в задних помещениях, и я пошел на кухню. Ничего там не обнаружив, я подумал, что это крыса, и присел на стол рядом с предполагаемыми останками оборотня, решив подождать, не повторится ли шум. Я сидел согнувшись, оперевшись локтями в колени и, пожевывая, смотрел в пол, когда раздалось громкое "тук-тук-тук" в окно. Я тут же повернулся на звук и с некоторым испугом увидел через стекло обращенное ко мне темное лицо. Сперва смутное, расплывчатое, оно становилось все более и более отчетливым, и, наконец, я совершенно ясно различил волчью голову, покоящуюся на человеческих плечах. Пораженный, я огляделся по сторонам, выясняя, не отражение ли это, но ничего не увидел: ни внутри дома, ни снаружи не было никакого света, за исключением слабых отблесков заходящего солнца, — ничего, что могло бы создать подобную иллюзию. Вне

всяких сомнений, это была волчья морда-я пристально смотрел на нее и отчетливо видел ее черты, оскаленную пасть с острыми белыми зубами, острые уши, видел ее невероятно злобное выражение и устремленный на меня взгляд светло-зеленых глаз, наполнивший меня ужасом, пришедшим на смену изумлению. Видимо, это обстоятельство не укрылось от внимания существа, т.к. в его жутких глазах появилось выражение какого-то дьявольского торжества, и я увидел угрожающе поднявшуюся руку – тонкую, похожую на женскую, но с длинными загнутыми ногтями, – словно для того, чтобы разбить окно. Вспомнив, что говорил о злых духах дед, я перекрестился, но это не произвело никакого эффекта, и я, испугавшись, что существо доберется до меня, убежал из кухни. Я запер дверь на кухню и оставался в гостиной до прихода домашних. Дед был весьма удручен случившимся и приписал мою неудачу в попытке прогнать дух недостатку у меня веры. Если бы он сам был здесь, уверял меня дед, мы бы быстро от него избавились. Однако он помог мне убрать кости с кухни и отнести их обратно на то место, где мы их взяли и где они, насколько я знаю, лежат до сих пор...

ЗАГАДКА ПРОКЛЯТИЙ

Существует порча, наводимая гласно, которой известна объекту колдовства. Эта порча называется "проклятье".(По материалам М. Дмитрука. (Прим. авт.))

Проклятых людей преследуют болезни, безумства, самоубийства, которые сотрут их род с лица земли, если они не покаются. Раньше об этом говорили священники. Но совсем недавно к тому же выводу пришли ученые.

Наверное, немало найдется людей, которые рассказали бы примерно следующее: его предки участвовали в разорении православного храма, прогнали священников и превратили церковь в театр. Особым успехом у комсомольцев и коммунистов пользовались те пьесы, в которых актеры расстреливали иконы. Иконы были настоящие, наملенные, а их расстреливали со смехом и особенно веселились, когда по ходу пьесы старушка бормотала что-то насчет божьей кары.

Ни для кого не секрет, что, порой, услышав рассказы людей о жизни их родственников, приходишь к выводу, что над их родом висит проклятье. Кто-то из них бегал за женами с ножами и топорами, они лезли в петлю, попадали в тюрьму, погибали в драках. Современная печать полна документальных рассказов об ужасах семейной жизни, которых не знали наши благочестивые предки.

Семья – основа государства, а ее развал означает его крушение. Стремительно растет количество алкоголиков, безумцев, самоубийц. Почему так происходит?

В великих испытаниях смутного времени наши предки на горьком опыте убедились, что в Российском государстве может быть мир и порядок только при самодержавной власти помазанника Божьего. При ослаблении этой власти неизбежно начинаются междоусобицы и братоубийственные войны. Чтобы не повторилось такого, наши предки совершили великий подвиг соборного единения. Была подписана Грамота Московского Земско-Поместного Собора от 21 февраля 1613 года.

Выражая соборную волю россиян, составители Грамоты дали обет за себя и за своих потомков – считать царя Михаила Федоровича Романова "родоначальником Правителей на Руси". Верноподданные поклялись служить этим избранникам Божиим "из рода в род".

Предвидев новую смуту, составители грамоты дали потомкам некий инструмент для врачевания этой болезни: "И кто же пойдет против сего Соборного постановления... да проклянется таковой в сем веке и в будущем... не буди на нем благословения от ныне и до века".

Россия убеждается в этом на горьком опыте. Как известно, порой слова могут ранить гораздо сильнее ножа. Недаром говорят: "Зарезал без ножа". Часто мы об этом не задумываемся. Особенно в порыве гнева мы можем говорить своему обидчику такое, за что после станет стыдно.

Можно представить, какую угрозу здоровью человека несут проклятья, которые были посланы тем, у кого "дурной глаз", а хуже – "злой язык".

Некоторые слова могут оказаться страшнее мин: они "взрываются" в генетическом аппарате человека, искажая его наследственные программы, вызывая мутации, ведущие к вырождению.

На этот феномен неожиданно натолкнулась группа российских ученых под руководством старшего научного сотрудника отдела теоретических проблем РАН Петра Гаряева.

Ученые создали аппарат, который переводит человеческие слова в электромагнитные колебания, способные влиять на молекулы наследственности – ДНК. Исследования проводились на растениях. Оказалось, что некоторые слова вызывают мутагенный эффект чудовищной силы. Корятся и рвутся хромосомы, меняются местами гены. В результате ДНК начинают вырабатывать противоестественные программы, которые тиражирует организм, убивая самого себя или своих потомков.

По оценкам специалистов, эти слова вызывали мутагенный эффект, подобный тому, что дает радиоактивное облучение мощностью 30 тысяч рентген! Страшно даже подумать, что стало бы с человеком после такой словесной обработки, если 800 рентген считается для него смертельной дозой. К счастью, эти эксперименты проводили на семенах растения арабидопсис. Они стали

генетическими уродами, не способными программировать развитие здоровых организмов.

Ученые пришли к выводу, что некоторые человеческие слова обладают не энергетическим, а информационным воздействием, которое направлено на ДНК. Сила эффекта зависит главным образом от содержания сказанного. Наследственные программы повреждались, когда исследователи говорили нечто ужасное – образно говоря, проклинали растение. Тогда провели противоположный эксперимент. Через свой аппарат ученые благословили семена пшеницы, убитые радиоактивным облучением. Результат был неожиданным: перепутавшиеся гены, разорванные хромосомы и спирали ДНК встали на свои места и срослись. Убитые семена ожили и взошли.

Казалось бы, от растений до людей-дистанция огромного размера, но другие исследования показали, что генетические аппараты всех живых существ работают по уникальным законам. Ученые уверены, что сказанные через аппарат проклятия и благословения вызвали бы в ДНК человека изменения, подобные тем, что произошли в растениях.

В принципе, ученые не открыли ничего нового. Это известно с древних времен. По молитвам многих святых исцелялись безнадежно больные и воскресали мертвые. Благословение святых распространялось на несколько поколений, если потомки были достойны своих благочестивых предков.

И хотя по сравнению с апостолами колдуны обладают комариной силой, ее иногда бывает достаточно, чтобы одним-двумя словами отправить на тот свет человека, не защищенного православной верой.

– Мы пришли к ошеломляющему выводу, – рассказывал Петр Петрович Гаряев, – что ДНК слышит человеческую речь. Их "уши" специально приспособлены к восприятию таких акустических и электромагнитных колебаний. Мало того, молекулы наследственности получают и световую информацию: человек может не произносить вслух, а мысленно читать текст, но содержание все равно дойдет до клеточных ядер. Но самое главное, что ДНК не безразлична к получаемой информации. Молитвы пробуждают резервные возможности генетического аппарата, а проклятия повреждают.

Получается, что человек подобен памятной книге, в которой пишут свои отзывы все желающие, в том числе и он сам. А эти тексты не только формируют его личность, но и впечатываются в ДНК. От

них зависят здоровье, благополучие, долголетие – судьба человека и его потомков.

– Общие черты имеют все языки мира, – сказал Гаряев, – в том числе ДНКовые. И генетическому аппарату далеко не безразлично, что вы думаете, говорите и читаете: любые слова могут впечататься в волновой геном. На него влияют не только ваши слова, но и окружающих. С кем поведешься, от того и наберешься... Причем ДНК не разбирают, общаетесь вы с живым человеком или с героем телевизионного сериала – и тот, и другой влияет на вашу наследственность. Любое произнесенное слово – это не что иное, как волновая генетическая программа, которая может изменить всю вашу жизнь. Иногда слово срабатывает подобно прыгающему гену, вызывая рак или, наоборот, устраняя причину болезни. Это все равно, что переместить запятую в известной фразе "казнить нельзя помиловать": влево – смерть, вправо – жизнь.

Из концепции Петра Гаряева следует поразительный вывод: на новом уровне люди способны... оплодотворять друг друга своими идеями, которые играют роль сперматозоидов. Эти идеи изменяют структуру личности, встраиваются в волновой геном, влияют на обмен веществ и наследственные программы. Мы можем буквально переродить другого человека словами по своему образу и подобию. И эту информацию он будет передавать по наследству.

Гаряев считает, что все люди неосознанно стремятся оплодотворять друг друга своими идеями: одни – благотворными, другие – разрушительными для души и тела.

Известное выражение "плодотворная идея" для волновых генетиков имеет буквальный смысл. Но куда сильнее могут тут влиять на человека идеи высших существ – ангелов и бесов. Они постоянно контролируют наше сознание, а следовательно, наследственные программы. По мере того, как человек слышит в свой адрес проклятия, его организм испытывает сильнейший стресс, словно он подвергся радиоактивному облучению. Это вызывает мутации души и тела – начинается вырождение, которое может привести к вымиранию проклятого рода.

По мнению генетиков, мутации в трех поколениях способны полностью разрушить генетический аппарат – мы сами сотрем себя с лица земли...

ЛЮДИ-ЛЕОПАРДЫ

Мы ждем уже почти два часа, а сигнала все нет и нет. Ошибиться мы не могли: все, как условливались, – поляна в лесу возле селения Эдеа. Здесь нам было велено дожидаться эмиссара, посланного за ответом от людей-леопардов. Захотят ли они встретиться с нами? Согласятся ли допустить к себе "тумбала", т.е. белых? Ведь люди-леопарды составляют самое запретное из всех тайных обществ Африки... (По материалам А. Ончара и др. (Прим. авт.))

Два обстоятельства питают наши надежды. Во-первых, прежде чем отправиться к людям-леопардам, наш эмиссар консультировался с колдуном, и колдун ответил, что нам можно доверять, что мы – тумбала серьезные, уважающие Африку и ее традиции. Мнение, что и говорить, лестное. Во-вторых, рядом с нами на заднем сиденье джипа спит принц Дика Акуа, потомок одного из знатнейших и могущественнейших родов Африки, обладатель трех парижских дипломов, профессор местного университета, глубокий знаток и неутомимый исследователь психологии африканца.

Неожиданно из леса (который для нас уже перестал быть лесом, а стал обителью мифических существ) доносится нечто конкретное: крик. Он не похож на крики зверей, это явно человеческий голос. Принц тут же просыпается. Мы включаем фары, потревоженные животные разбегаются в спасительную темноту. Снова тот же крик, и через минуту в полосе света появляется человек. Мы выскакиваем навстречу, но он проходит мимо, будто не замечая нас. Подойдя к принцу, он говорит что-то на языке басаа, показывая рукой в направлении леса.

– Ну что? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Все в порядке, – отвечает принц. – Не знаю, за какие такие заслуги, но, похоже, духи прониклись к вам симпатией. Двое из людей-леопардов ждут вас в шалаше в нескольких километрах отсюда. Идти придется пешком, так что надо поторопиться. Те двое принадлежат кизбранным членам общества, они – нгенге.

Их мы увидели сразу, еще до того, как разглядели на краю поляны шалаш. Были они высоки и на темном фоне деревьев выделялись как

светлое пятно. Мы подошли ближе.

Они были пугающе величественны – леопардовые шкуры закрывали их целиком, морда зверя образовывала капюшон, длинный хвост вился по земле. Два леопарда, вставшие на задние лапы, два леопарда, ставшие людьми.

Мы устраиваемся рядом с шалашом на деревянных обрубках и начинаем разговор.

– Кто вы? Кто такие люди-леопарды? – выпаливаю я первые вопросы.

Дика переводит мои слова, но ему приходится быть красноречивее: он говорит долго, люди-леопарды молча слушают, время от времени понимающе кивая скрытой капюшоном головой. Потом один из них начинает отвечать, и принцу снова приходится выручать нас переводом. Но перевод не помогает – понять ничего нельзя.

– Мы воины Бот ба Нгуэ, – говорит человек-леопард, – создателя и защитника народа. Мы – стражи Мбока.

– Что это означает? – в недоумении спрашиваю я у Дика. Принц улыбается.

– Видите ли, эти люди выражают свои мысли метафорически. Наверное, мне стоит не просто переводить, но и растолковывать все в привычных для европейцев терминах...

К счастью, наши собеседники тоже осознали всю сложность ситуации и перешли на язык, понятный и нам, непосвященным.

– Ты, может быть, слышал, что у народов Черной Африки есть тайные общества и у каждого общества есть своя цель. От этой цели зависит выбор символа, священного животного. Те люди, которые призваны следить за всем, что связано с деньгами и имуществом, зовутся людьми-змеями, потому что змея – это символ богатства. Люди, призванные охранять реки и плывущие по ним пироги, следить за тем, чтобы обмен товарами на берегу был справедливым, зовутся людьми-крокодилами, потому что крокодил – хозяин реки. Те, кто выполняет волю Мбока, зовутся людьми-леопардами, потому что леопард – самый сильный зверь наших лесов, он сам символ силы, а значит, и власти. В других местах, например в Заире, где самым сильным считается лев, люди тайного общества зовутся симба, то есть люди-львы...

– Кто дал вам власть?

– Мбок. Я же сказал, мы – стражи Мбока. Это тот, от кого пошло наше племя. У нас, басаа, он зовется Мбок, в других местах у него другое имя, но каждый народ Африки хранит пепел своего прародителя. Мбок – это вся наша страна, мужчины и женщины, звери, реки, законы, охота, торговля, вера. Мбок принадлежит всем. Но есть человек – Бот ба Нгуэ, который обязан охранять самого Мбока, защищать его. Он глава всех людей-леопардов, а мы его воины.

Перед нами сидят два человека-леопарда, утверждающие, что без конкретной, точно известной причины они никогда не прибегали к насилию.

– Каковы же эти причины? – спрашиваю я у наших странных хозяев.

– Всякий раз, когда нарушаются законы Мбока, мы обязаны восстановить справедливость и наказать нарушителя. Это законы нашего народа. Мы заставляем уважать их даже в том случае, если они расходятся с законами, привезенными в Африку европейцами. Потому-то мы и живем в тени. Есть две Африки – тумбала, древняя и только что родившаяся. И у каждой свои законы.

– Какие именно?

– Если, к примеру, человек, живущий в джунглях, обманет другого, или уведет у него жену, или изобьет своего отца, кто, по-твоему, накажет его? Или если кто-то покинет женщину, принадлежащую к другому племени, кто отомстит за ее обиду? Или если молодой оставит старика на земле раненым или мертвым, кто накажет виновного? Мы, люди-леопарды. Не надо даже жаловаться на обидчика, потому что люди-леопарды знают все.

Уже на следующий день человек, совершивший преступление, находит рядом со своей хижинкой воткнутое в землю обрубок бананового дерева с красным пером попугая. С этой минуты преступник знает, что багенге следят за ним, что они накажут его и наказание будет сообразно совершенному. Если он убил, то будет убит, если ранил, то будет ранен.

Если человек не заплатил положенной дани вождю, или если он участвовал в заговоре против вождя, люди-леопарды накажут его. Ему не скрыться, не убежать в джунгли: возмездие всюду настигнет его. Кто-нибудь непременно совершит правосудие – люди-леопарды или

леопард-зверь. Ведь члены общества имеют над зверями власть, они могут заставить леопарда выполнять их волю...

Вот и заря. Люди-леопарды возвращаются в деревню, из которой пришли вечером. Они уходят быстро, слегка пригнувшись, и оттого кажутся уже не людьми, завернутыми в пятнистые шкуры, а зверями... Дика спрашивает, доволен ли я разговором. И да и нет. Многое осталось неясным. Вот, например, багенге утверждают, что могут подчинять своей воле тех диких зверей, чье имя и чью шкуру они носят. А как это происходит?

— Но ведь это тайна, — отвечает Дика, — в нее посвящены только члены общества. Хотя есть один человек, с которым имеет смысл на эту тему поговорить, — добавляет он. — Когда мы вернемся в Дуалу, я познакомлю вас с ним...

Человека, у которого мы надеемся узнать тайну отношений между людьми и дикими зверями джунглей, зовут Мейнард Хегба. Он католический священник, получил образование в Риме, а сейчас руководит колледжем в Дуале. При виде нас падре Хегба выражает самую живейшую радость.

— Сам я, — говорит падре Хегба, — никогда не присутствовал на церемонии вступления в кровное родство с лесным зверем, однако есть много достойных доверия свидетелей, которые такие церемонии видели. Договор заключается примерно следующим способом. Человек, который ощущает себя в состоянии стать побратимом зверя — леопарда или, скажем, змеи, — отлавливает облюбованное животное и с помощью других посвященных доставляет его в деревню. Затем колдун берет нож и наносит зверю небольшую рану возле уха; тем же ножом он делает надрез на руке человека. Затем человек прикладывает свою ранку ране животного так, чтобы кровь их перемешалась. Отныне между человеком и зверем заключается договор, который разрушить уже никто не сможет. Зверя после этого освобождают, и он возвращается в джунгли. Он будет по-прежнему жестоким по отношению ко всем, кроме своего кровника. Стоит побратиму позвать зверя, как тот тут же явится, прибежит, приползет, прилетит — в зависимости от того, что это за животное. Африканцы уверены, что, если зверя убить, умрет и человек. Один случай рассказал мне миссионер Триллес. Однажды на берегу реки Тсини он спал в хижине вождя. Неожиданно его разбудил какой-то шум, вернее, шелест в траве

за хижиной. Падре Триллес зажег фонарь и с ужасом увидел двухметровую черную змею, вползавшую в дом. При виде человека змея поднялась, готовая к атаке. Миссионер вскинул было карабин, но тут в хижину ворвался вождь и схватил змею объятия. Он прижимал ее к себе, он ласкал ее как собственного ребенка или брата. При этом он горько упрекал падре: "Ты хотел убить меня..."

— Я, — продолжал рассказывать Хегба, когда мы отправились сним в деревню Боннепоупе, — говорил уже вам, что мне не довелось видеть церемоний, на которых заключаются договоры между людьми и зверями, но вот там, в сердце этого темного леса, который мы проезжаем, живет мой знакомый охотник. Его кровный брат ястреб каждую ночь прилетает к хижине. Отношения между людьми и животными малообъяснимы, они настолько тесны, что многие склонны отождествлять зверя и человека. Как это достигается? Не могу ответить... Размышления падре прерывает фраза, произнесенная водителем на языке басаа. Машина едва ползет, осторожно проталкиваясь сквозь плотную стену дождя. Свет фар разбивается на мелкие сверкающие осколки.

— Пожалуй, лучше остановиться, — говорит Хегба. — Шофер ничего не видит.

Машина сворачивает в сторону. Под шум ливня я продолжаю беседу, подталкивая ее к самому интересному.

— Падре, — говорю я, — можно ли поверить в реальность этих странных соглашений, которые люди-леопарды заключают с животным? Я могу поверить, что звери прибегают на зов. Не совсем понятно, каким образом животное погибает, если умирает его брат по крови. Но как, например, можно заставить зверя пойти в какое-то место, к какому-то постороннему человеку? Нельзя же допустить, что дикий зверь обладает человеческим интеллектом!

— Однако именно это и происходит, — возражает падре Хегба. — Отсюда, кстати, и родилась легенда, согласно которой человек может физически превратиться в животное. Происходило это оттого, что животное порой демонстрировало такую сообразительность, что люди невольно начинали думать о чудодейственных метаморфозах. Я считаю, что подобные случаи есть проявление того, что обычно называют парапсихологией. Человек при этом впадает в состояние транса: немудрено, что про него говорят, будто он исчез,

превратившись в животное. На самом же деле человек лежит недвижимый, обессиленный от колоссального напряжения: он лежит в состоянии комы где-нибудь в углухижины, прячась от всех, поскольку в эти минуты он беззащитен...

Что ж, резюмировать услышанное можно так: наряду с тайными обществами, такими, как люди-людоеды, призванными выполнять определенную социальную функцию и для этого заключающими "договор" с дикими животными в целях самосохранения, чтобы иметь при себе нечто вроде ангела-хранителя, существуют люди, использующие магию для грабежа, мести и иных низких целей. Существуют и такие, что просто облачаются в звериные шкуры, надевают "звериные", сделанные из железа лапы, в общем, делают все, чтобы ответственность за их преступления падала в глазах общества на ни в чем не повинных животных. Нужно четко отличать одних от других. Зло существует повсюду, но в разных местах оно принимает разные формы...

В Боннепоупе, куда мы наконец приехали, был праздник-выборы нового вождя деревни. Все жители собрались в католической церкви, и черный католический священник служил под аккомпанемент хора праздничную мессу. Такого церковного хора я никогда не слышал: четко акцентированный ритм ему задавали тамтамы. Из угла церкви, где я пристроился, мне видна небольшая площадь, дочиста вымытая дождем, а за нею дикий лес. Я снова мысленно возвращаюсь к тому, что в эти дни видел и слышал: к людям-леопардам; к церемониям кровного побратимства между людьми и животными; к человеку, который в одно и то же время и дерево, и река, и зверь.

Я думаю об этих новых для меня вещах, когда вдруг замечаю, как у кромки леса мелькает звериная тень. Вот она замирает, зверь неотрывно смотрит на людей. Потом так же неожиданно исчезает в зарослях. Может быть, это была просто собака. Но мне отчего-то хочется думать, что это была пантера и что где-то здесь, среди тесно стоящей публики, находится ее кровный брат.

Но давайте снова обратимся к далеким временам. В Европе в средние века образ оборотня расширился, распространившись на других животных; люди верили, что человек способен превращаться в медведя, свинью и даже овцу, хотя трудно представить, что в последнем случае он сумел бы нагнать много страха на свою "жертву"!

С течением времени это верование в своей сути сохраняется, и некоторые истории, дошедшие до нас из прошлого, вызвали много споров между зоологами и историками.

Вера в то, что человек может стать волком, сохраняется и по сей день в таких районах, как Нормандия и Бретань; в последней народные предания следуют классическому образцу – человек носит волчью шкуру, что позволяет ему перенять часть звериных свойств, а затем он буквально превращается в волка. Однако эти легенды оставляли оборотню шанс на спасение: считалось, что если ликантропа поцарапать возле кончика носа, чтобы выделились три капельки крови, то наваждение рассеется. В Норвегии же думали, что в оборотня превращался человек, отлученный от церкви.

В округе Кот-д'Ор (Франция) легенды об оборотнях имеют странную деталь: считается, что человек может быть оборотнем только определенный срок, обычно семь либо десять лет. Откуда взялись эти цифры? Видимо, мы никогда этого не узнаем.

Хотя большая часть историй касается ликантропии, французского или немецкого происхождения, существует множество вполне достоверных рассказов об оборотнях и о ликорексии (состоянии, когда человек вдруг начинает воображать себя волком и испытывает волчий аппетит вместе с другими ужасными симптомами), возникших в таких странах, как, например, Австрия или Россия. Однако у славянских народов легенды об оборотнях очень тесно переплетаются с легендами о вампирах.

Итак, мы видим, что с ликантропией сталкивались многие народы и во все времена. Существует великое множество легенд на эту тему. Но несмотря на то, что эти легенды рождались в разное время и в разных местах, они удивительно похожи друг на друга, отличаясь порой лишь мельчайшими деталями.

Случаи, которые приведены ниже, имели место в 1975 и 1977 годах. Больных, считавших, что они превратились в волков, помещали в больницу и через некоторое время выписывали с назначением продолжительного курса дальнейшего лечения.

Ввиду того, что ликантропия – предположительно редкий случай в нашем индустриальном обществе, врачам, занимавшимся с этими современными ликантропами, пришлось обратиться за описаниями, диагнозами, прогнозами и средствами лечения к старинной

медицинской литературе. Они установили, что у ликантропов в античности, средних веках, эпоху Возрождения и в последующее, вплоть до XX века, время проявлялись многие из следующих симптомов:

- изменение состояния сознания (представление себя в шерсти, имитация волчьих поз и воя);
- потеря себя и уход от общества (частые посещения кладбищ, лесов, пустынных мест);
- острый психологический стресс и беспокойство;
- непреодолимые звериные устремления (волчьи сексуальные повадки и аппетит к человеческому мясу);
- одержимость (дурной глаз, вселение в тело дьявола, сатанизм).

Многие случаи были связаны с применением наркотиков, хотя не все. Ликантропы в XX веке (по крайней мере, те, которые лечились в психиатрических больницах и о которых сейчас идет речь) не замешаны в сексуальном насилии, каннибализме или убийствах, как многие их предшественники.

В первом случае переживаемые 49-летней женщиной психические метаморфозы, видимо, приносили ей облегчение, разряжая ее стрессы, грозящие привести к самоубийству (она не принимала ни наркотиков, ни алкоголя). Ей поставили диагноз: хроническая псевдоневротическая шизофрения. В связи с этим доктора Розенсток и Винсент пришли к следующему заключению.

После обзора старинной и современной литературы создается впечатление, что все проявления ликантропии должны быть связаны с каким-либо из следующих заболеваний: 1) шизофрения; 2) органический мозговой синдром с душевным расстройством; 3) психотическая депрессивная реакция; 4) истерический невроз диссоциативного типа; 5) маниакально-депрессивный психоз; 6) психомоторная эпилепсия. Последний пункт приведен из-за существования отчетов, в которых значилось, что страдавшие ликантропией были "подвержены эпилепсии".

Все шесть перечисленных диагнозов можно подвести под общий диагноз "меланхолия", принятый в старой медицинской терминологии.

Во втором случае молодой человек 20 лет, хронический наркоман, пришел к ликантропии при помощи ЛСД и стрихнина. Находясь в лесу, он под действием ЛСД ощутил себя оборотнем с выросшей на

лице и руках шерстью и принялся охотиться на диких кроликов, чтобы есть их сырыми. В своих галлюцинациях он общался с дьяволом, убежденный, что тот вмешивается в его мысли, а сам он одержим демоном. Установленная у него параноидальная шизофрения инициировалась и усиливалась наркотиками. После выписки он бросил лечение и снова вернулся к своим бесам.

37-летний мужчина в третьем случае страдал болезнью мозга. Он отпустил волосы и бороду, ночевал на кладбищах, выл на луну. Его приводили в психиатрическую больницу, и на третий раз он заявил, что превратился в оборотня. Несмотря на лечение, состояние его ума постепенно ухудшалось.

Доктора Суравиж и Банта составили по этому поводу такое общее заключение:

"В обоих случаях имеет место измененное состояние сознания. Касаясь наркотиков как возбудителей болезни, интересно отметить, что опиум, принятый в двойной дозе, т.е. как наркотик, может вызвать ликантропию и в то же время служить лекарством для ее лечения. Полынь, описываемая как стимулятор мозга, использовалась при изготовлении полынной водки и продолжает применяться при производстве вермута. Пасленовые включают и белладонну. Мандрагора описывается как наркотическое растение, содержащее гиосциамин, скопо-ламин и атропин. Страмоний обнаружен в дурмане вонючем, который содержит и гиосциамин, так же, как и белена... Кооба... вызывает транс и галлюцинации... пейот является галлюциногеном. Все эти растения вызывают измененное состояние сознания, характеризующееся искажением восприятия и выходом за границы своего "я", расширением сознания, при котором человек испытывает фантастические, мистические или космические трансцендентальные переживания. Некоторые из применявшихся тогда растений используются и сейчас, особенно дурман, пейот, конопля и мак".

Античные врачи, пытаясь объяснить то, что в современной психиатрии называется "расширением сознания", обратились к теории жидкостей, основы которой заложили Гиппократ (460-377 гг. до н. э.) и Га-лен (129-200). В ней строение тела человека обсуждается в терминах четырех космических элементов: земли, воздуха, огня и

воды. Эти четыре основных элемента имеют своих заменителей, своих "связников" в человеческом теле:

Земля = меланхолия (черная желчь); Воздух = кровь; Огонь = желчь (желтая желчь); Вода = флегма (слизь).

Эта классическая гуморальная теория объясняет характер человека (или его "темперамент") преобладанием одной из этих жидкостей в его теле. Роберт Бертон, например, в "Анатомии меланхолии" делает короткий экскурс в "анатомию тела и свойства души, чтобы лучше понять, что из чего следует". Бертон объясняет не только то, как эти четыре жидкости обращаются в теле человека, но также и то, как "дух" поднимается из крови и служит "инструментом души":

Гумор – это жидкость или текучая часть тела. Кровь – это горячая, сладкая, выдержанная красная жидкость, по ней дух поднимается прямо в сердце, а затем оттуда разносится по артериям во все остальные части тела.

Флегма – холодная сырая жидкость, происходит от самой холодной части хилуса (млечного сока).

Желчь – горячая и сухая, горькая, происходит от самой горячей части хилуса.

Меланхолия-холодная и сухая, густая, черная и кислая, происходит от наиболее крахмалосодержащей пищи и избавляет от хандры...

Эти четыре жидкости в чем-то схожи с четырьмя элементами...

Дух – это чрезвычайно тонкий, едва уловимый пар, выделяемый кровью, посредством которого душа осуществляет все свои желаемые действия.

Джон Донн в одном из своих "Благочестивых сонетов", в котором он пытается объяснить вхождение грехов в свое тело и душу, схватил суть этой теории и ее приложение к жизни человека:

Я малый мир, созданный как клубок Стихий и духа херувимской стати.

Каждый элемент связан с определенным характером. Идеальным для физического и душевного здоровья человека было бы равновесное присутствие всех четырех жидкостей в его теле. Избыток какой-то одной из них вызывает дисбаланс, влекущий за собой физиологические и психические отклонения. Т.е. гуморальная теория,

в сущности, дает психологическое объяснение физиологии и физиологическое объяснение психологии: состояние тела влияет на здоровье ума, а душевное здоровье воздействует на телесное.

В случае ликантропии, как признавалось всеми, имеет место преобладание черной желчи. Ее излишек может вызвать различные виды психического расстройства, включая депрессию, галлюцинации, мании и безумие. Постепенно слово "меланхолия" стали употреблять и для обозначения патологического душевного состояния. В эпоху Возрождения пользовалось популярностью описание "меланхолической ликантропии", взятое из сочинения "Меланхолия" Аэция (конец V– начало VI века), цитируемое здесь по работе Гарзони "Приют для неизлечимых идиотов":

"Из жидкостей меланхолию врачи считают причиной сумасшествия, названного греками "ликантропия", а римлянами – "волчьим бешенством", когда человек с приходом февраля убегает по ночам из дома на кладбища, где он бродит, воя, выкапывает кости мертвецов, с которыми ходит затем по улицам, к великому изумлению и ужасу всех тех, кто попадает к нему навстречу... такие меланхолические личности имеют бледные лица, сухие, ввалившиеся и плохо видящие глаза, сухой язык; они испытывают постоянную потребность сплевывать, одновременно острую жажду, ощущая недостаток влаги".

Были, конечно, и врачи, которые, принимая гуморальную теорию в качестве основы для объяснения ликантропии, вместе с тем считали, что дьявол охотится за меланхоликами и искажает их восприятие окружающей действительности.

Кстати, Гамлет у Шекспира предположил, что, быть может, он заблуждается, думая, что видел призрак своего отца; как бы соединяя в своем сознании гуморальную теорию со знанием о воздействии темных сил, он замечает:

Дух, представший мне, Быть может, был и дьявол; дьявол властен Облечься в милый образ; и возможно, Что, так как я расслаблен и печален – А над такой душой он очень мощен, – Меня он в гибель вводит.

Скотт же отвергает даже само предположение о дьявольском вмешательстве:

"Меланхолия, проникшая в их (оборотней) головы и переполняющая их мозги, затмевает, точнее, искажает их рассудок, все их чувства-сила, которой обладает меланхолия, и воздействие, оказываемое ею на тело, почти не правдоподобны... некоторые из этих ставших меланхоличными людей начинают воображать, что они... дикие звери... Из-за меланхолии они теряют себя... и думают, что иногда физически превращаются в зверей, на самом же деле сохраняя свое человеческое тело". Для тех, кто, подобно Скотту, считал ликантропию исключительно меланхолической болезнью, не вызванной демонами и не усугубляемой ими, гуморальная теория давала объяснения галлюцинациям, маниям, искаженному восприятию, состоянию отчуждения, имитации звериного поведения и асоциальным привычкам. Отражая, в сущности, "материальную" психологию и "духовную" физиологию, гуморальная теория "материализовывала-одушевляла" личностные проблемы. Независимо от того, было ли вызвано меланхолическое состояние физиологическими или психологическими причинами (или комбинацией тех и других), испытывавшие его люди, видимо, получали облегчение, трансформируя причины своих мучений в переживаемое ими звериное состояние. Как и первая больная, упоминаемая здесь, ликантропы, которые убегали от своих проблем, как бы материализуя их, видимо, уберегали себя таким способом от самоубийства. И хотя они не обязательно избавлялись от боли, тревоги или стресса, их мучения, вероятно, теряли свою силу, растворяясь в обезличенности животного состояния.(Согласно существующим ныне воззрениям, образное мышление, присущее правому полушарию, всегда активизируется при стрессах. Поэтому неудивительно, что происходит компенсаторная активизация правого полушария при сильных эмоциональных дисбалансах.)

Причины, вызывающие нарушение гуморального равновесия (и, следовательно, ликантропию), представлялись такими же загадочными, как причины "химического дисбаланса" сегодня. Бертон приводит целый их возможный список, называя как внутренние, так и внешние: ведьмы и маги, звезды, пожилой возраст, наследственные болезни, плохое питание, плохой воздух, чрезмерные физические нагрузки, безделье, возбужденное или смятенное состояние ума, одиночество, бессонница, бедность и постоянное недовольство.

На протяжении всей долгой истории существования болезни многие ликантропы признавались в употреблении наркотиков или применении мазей, которыми они покрывали свои тела, чтобы вызвать превращение, при этом, видимо, у них происходило "расширение сознания" и возникало чувство невероятной силы – физической и психической, – совершенно несравнимое с тем, что может ощутить человек в реальной жизни.

Намеренное применение наркотических веществ при ликантропии (и колдовстве) констатируется и в популярной литературе, и в специальных трактатах, но стоит отметить, что и при использовании наркотиков в лечебных целях порой случайным образом возникают ощущения трансформации, особенно когда люди сами приготавливают себе растительные лекарства. Поскольку фармакопея галлюциногенных средств весьма обширна, мы остановимся только на двух из них, наиболее широко употреблявшихся при ликантропии, – белене и паслене.

Перед тем как приступить к их рассмотрению, следует вспомнить, что основой приготавливаемой мази, необходимой для полетов (ведьм) и превращений (ликантропов), служил жир, вытопленный из мертвого тела некрещеного младенца. Европейские врачи эпохи Возрождения, такие, как Вир и Кардан, так же, как и английские драматурги XVII века, пишут о дьявольской практике варки "некрещеного отродья" (Шадуэлл. "Ланкаширские ведьмы"). Этот жир, видимо, хорошо способствовал не только приставанию мази к коже, но и ее впитыванию. В медицине в основу мазей входили такие компоненты, как свиной жир, оливковое масло, скипидар, а сегодня для получения дурманящего эффекта белены ее листья можно просто выдержать в спирте, который затем смешать с оливковым маслом, и этот раствор подогреть до полного испарения спирта. Но, какова бы ни была основа этой мази, ботаники эпохи Ренессанса часто предупреждали об опасности этого растения и даже малейшего трения его о руки из-за угрозы ядовитого проникновения сквозь кожу. Именно кожа и при колдовском, и при медицинском применении служила проводником их воздействия.

Белена. Согласно "Современному травнику" миссис М. Грив, белена (*Hyoscyamus niger*) содержит следующие алкалоиды:

В листьях белены – в основном гиосциамин и меньшие количества атропина и гиосцина, также известного как скополамин; в семенах, на 0,5-0,6 процентов состоящих из алкалоидов, – гиосциамин с меньшим количеством гиосцина.

У врачей античности, например Диоскорида, Цельса, (I век до н. э.) и у ботаников XVII столетия Джерарда, Кумперера и других есть описания применения белены: при ревматизме; как успокаивающее от болей в голове и позвоночнике, при этом возникает рассеянность и апатия; при бессоннице; при зубной боли (страдающий ею вдыхал дым сжигаемых семян, а также клал в рот сваренный в уксусе корень). Растение-наркотик, схожее по действию с белладонной и дурманом, но не такое сильное, белена может вызывать головокружение; затуманивание, расплывание зрительных образов; сонливость; бред; конвульсии и даже смерть. Т. к. ее часто употребляли в различных видах и дозах и при ревматизме, и при расстройствах центральной нервной системы, и при бессоннице, и при зубной боли, неудивительно, что некоторые люди могли испытывать, в качестве побочного эффекта, ощущение превращения в волка и чувство полета.

Паслен. Согласно мнению миссис М. Грив в паслене (*Atropa belladonna*) общее содержание алкалоидов в корнях колеблется от 0,4 до 0,6 процента, а в 1 проценте растений гиосциамина и его изомера атропина присутствует от 0,1 до 0,6 процента, содержание алкалоидов в листьях варьируется... а в высушенных листьях общее содержание алкалоидов колеблется от 0,3 до 0,7 процента.

Диоскорид прописывал его при "антоновом огне, лишае, головной боли... и других недугах, вызываемых кислой и едкой жидкостями". Джерард, описывая "живительный и смертоносный паслен", отмечает, что он "наводит сон, будоражит ум, вызывает умопомрачение, если проглотить несколько его ягод", предупреждает о смертельных дозах. Он призывает своих читателей очищать от него свои сады. Т. к. паслен является сильнодействующим наркотиком, активно используемым в медицине в качестве снотворного, болеутоляющего, средства против спазмов, препарата для расширения зрачков, то опять-таки неудивительно, что иногда проявлялись и его побочные эффекты в виде временного паралича нервных окончаний в определенных мышцах, воздействия на центральную нервную систему, вызывающего состояние возбуждения и бреда, и что упоминаемое Джерардом

умопомрачение могло включать, через галлюцинацию и бред, и иллюзию превращения. (Необходимо отметить, что далеко не каждый человек в состоянии бреда, даже вызванного одним и тем же препаратом, ощущает иллюзию превращения. Химическая теория не может объяснить индивидуальности переживания, а также часто приводимых в оккультной литературе случаев зафиксированного присутствия в других местах сознания бредящего человека. Т.е. таким путем невозможно понять, как можно угадать, что происходило в момент видения порой за десятки миль, и о чем спящий не мог и догадываться, исходя из чистой логики.)

Яркие и живые описания случаев ликантропии Гулара составлялись им на основе истории медицины. Историограф, а не врач, он был знаком с трудами Аэция, Эгинеты, Доната, Финселя, Песера, Бодэна, Вира. В результате своих анализов он пришел к такому выводу: те люди, чей мозг или воображение были лишь "подпорчены", страдали меланхолией, остальные, те, кто воображал себя оборотнями, были "ослаблены и поражены" сатаной. Гулар также приводит примеры массовой ликантропии. В Ливонии был зафиксирован случай, когда тысячи людей избивали цепями и принуждали их присоединиться к ликант-ропским садо-мазохистским действиям, они гнались своими мучителями, подобно преследуемому стаду, и участвовали в их оргиях, опускаясь в своем поведении до уровня животных. Странная вещь, однако: все это время, двенадцать дней, они пребывали в трансе, переживая чувство якобы охватившего их тела превращения. Придя затем в себя, люди были уверены, что их души под водительством сатаны покинули тела и вселились в волков, после чего они были насильно вовлечены в демонические ликантропские буйства.

В заключение хочется привести случай Роберта Бейфилда, лечившего больного ликантропией, о чем он выпустил отчет. Диагностировав недуг как меланхолическую болезнь, Бейфилд выписал для лечения некую микстуру и рвотное средство, от которых из его пациента вышло большое количество червей. Этот случай закончился на мажорной ноте: "Он стал совершенно здоровым"...

Воображаемые превращения в волка или каких-нибудь других животных широко известны и, хотя редко встречаются в развитых странах, еще отмечаются в Китае, Индии, Африке, Центральной и

Южной Америке, где среди прочих обращаются в леопардов, львов, слонов, крокодилов, акул, буйволов, змей.(По материалам Х. Розенстона, К. Винсента и др. (Прим. авт.))

Психическое состояние 49-летней женщины требовало неотложного обследования ввиду преследовавшей ее навязчивой мысли, что она становится волчицей и "ощущает себя как зверь с клыками и когтями". Она испытывала сильный страх и была уверена, что больше не принадлежит себе, говоря: "Я слышу внутри себя голос". В течение своего 20-летнего замужества эта женщина то и дело испытывала сильное половое влечение к другим мужчинам, женщинам и животным. Пациентка постоянно думала и грезилась о волках, и вот за неделю до того, как обратиться к врачам, она, находясь в кругу семьи, разделась, приняла свойственную волчицам при спаривании позу и предложила себя своей матери. Весь эпизод длился примерно 20 минут. Наступившей ночью, после коитуса с мужем, пациентка пережила двухчасовой эпизод, во время которого она рычала, царапала и грызла кровать. Она заявила, что в ее тело вселился дьявол и она стала зверем. Все это время пациентка испытывала слуховые галлюцинации. Прием наркотиков или алкоголя в этом случае места не имел.

Пациентке было назначено стационарное лечение. Каждый день с ней занимались индивидуальной психотерапией и давали принимать успокаивающие препараты. В течение первых трех недель она продолжала испытывать приступы болезни, говоря такие вещи: "Я волчица ночью, я волчица-женщина днем... У меня есть когти, клыки, острые зубы, шерсть... и страдание – моя добыча ночью... рычание и щелканье зубов... мое бессилие всему причина. Я есть то, что я есть, и после смерти еще долго буду бродить по земле, продолжая искать совершенство и спасение".(Подобные видения, причем гораздо более детальные, вдруг обуревающие самых обычных людей, часто приводятся как свидетельства переселения душ и кочующих демонов. Шаман в таких случаях стал бы изгонять злого духа, завладевшего человеком. (Прим. авт.))

Глядя на свое отражение в зеркале, женщина пугалась, т. к. ее глаза смотрелись по-разному: "один – испуганный, а второй – это был глаз волка – темный, бездонный и полный злобы и жаждой мести к другому глазу – это порождение тьмы хотело убивать". В такие

периоды она чувствовала возрастающее сексуальное возбуждение и страдание. Усиливающиеся гомосексуальные позывы, сильнейшее побуждение к мастурбации и почти непреодолимое влечение к животным достигали кульминации в ее кажущемся превращении в волчицу. Она смотрела в зеркало и видела, как потом сама говорила, "волчью голову на моем теле вместо лица-там был настоящий волк с длинным носом, ушами и клыками, рычащий и клацающий зубами. "Я дьявол!" – слышалось мне". Окружающие в такие моменты отмечали издаваемые ею нечленораздельные невнятные звуки, вроде тех, которые издают животные.

На четвертой неделе лечения пациентка, состояние которой значительно улучшилось, сообщила: "Я смотрю в зеркало, и волчьего глаза больше нет". Был только один кратковременный возврат болезни, заставивший врачей перестраховаться с лечением, продлив его курс. Во время этого рецидива, произошедшего в полнолуние, она так описывала свои переживания: "Я не прекращу свои поиски того, чего я лишена... в моем настоящем замужестве... поиски некоего косматого существа. Я отправлюсь по кладбищам за высоким темным человеком, которого хочу найти". На девятой неделе женщина была выписана из больницы с сохранением лечения нейрорептиками.

Мы полагаем, что пациентка страдала хронической псевдоневротической шизофренией. Особый интерес в этом случае представляет тот момент, что преследовавшие ее видения формировались вокруг образа ли-кантропа. Ее заболевание включает следующие классические симптомы:

1. Ощущение оборотнических превращений в состоянии сильнейшего стресса.
2. Вовлечение религиозной феноменологии, включая представление себя жертвой дурного глаза.
3. Упоминание о потребности посещать кладбища и леса.
4. Примитивное выражение агрессивности и сексуальных побуждений в животной форме.
5. Физиологические нарушения как следствие сильного беспокойства.

Важно отметить, что эти симптомы имели место без применения пациенткой алкоголя. Кроме того, она поддалась курсу лечения, назначаемому при острых шизофренических невробазах.

Мы полагаем, что психические метаморфозы, которым была подвержена пациентка, приносили ей временное облегчение от тяжелейших стрессов, переживаемых ею на сексуальной почве и грозящих закончиться самоубийством.

Ликантропия – редкий феномен, но все же он существует, и его следует рассматривать как целый комплекс возможных психических расстройств.

В большинстве современных учебников, за исключением "Американского справочника по психиатрии", отсутствует даже упоминание ликантропии – мании, при которой человеку кажется, что он превратился в волка. Недавно в больницу поступили и подверглись лечению два пациента с признаками этого заболевания. Об их случаях здесь рассказывается из-за необычного набора симптомов этого якобы исчезнувшего явления. (По материалам Ф. Сурави, Р. Банта и др. (Прим. авт.) Вообще-то говоря, данный пример затрагивает давно ведущуюся дискуссию о влиянии искусства на манифестацию психических расстройств. Часть исследователей полагают, что просмотр фильмов ужасов разряжает внутреннее напряжение и несет в себе терапевтическую функцию. Тогда как другая (также со статистикой в руках) настаивает на том, что это только провоцирует заболевание и ухудшает состояние больного.)

Мистер Х., 20-летний, неженатый, безработный белый с Аппалачей, поступил в больницу с предысторией долгого хронического потребления наркотиков, включая марихуану, амфетамины, псилосибин и ЛСД. Его заболевание было обострено принятием им ЛСД и стрихнина во время службы в армии Соединенных Штатов в Европе десятью месяцами ранее. Находясь в лесу, он проглотил ЛСД, после чего увидел, как на руках стала расти шерсть, ощутил, как она появляется на его лице, и почувствовал, что превращается в волка. Одновременно он испытал острое и неконтролируемое желание ловить и поедать живьем кроликов, а также осознал, что обладает способностью заглядывать в жуткое царство сатаны. Он пробыл в таком состоянии два дня, после чего вернулся в свою часть, убежденный, что стал оборотнем. Вскоре, наблюдая за сослуживцами, он пришел к убеждению, что подаваемый сигнал "к приему пищи" свидетельствует о том, что они знают, что он волк. Его отправили к психиатру, который несколько месяцев лечил его

хлорпромазином. Полгода спустя он демобилизовался по состоянию здоровья и вернулся в Соединенные Штаты, где обследовался несколько недель, получив диагноз "злоупотребление наркотиками – амфетаминами". За несколько последующих месяцев пациент избавился от потребления всех наркотиков, за исключением марихуаны, но продолжал переживать оборотнические превращения. Он почувствовал себя хуже после просмотра фильма "Экзорсист" ("Изгоняющий дьявола") за две недели до его поступления в больницу.

Предыстория заболевания такова. Отец пациента ушел из семьи, когда тот был еще младенцем, отрицая свое отцовство, чего он не делал в отношении двух его старших братьев. Пациент чувствовал, что он сделал так оттого, что ему был нужен повод, чтобы уйти к своей любовнице, на которой он затем женился. Его первый отчим, имевший с ним близкие отношения, умер, когда ему было семь лет. Второго отчима он лишился в возрасте десяти лет в результате развода матери. Очень близкие отношения у пациента были и с матерью. Такая семейная история способствует появлению неврозов, и одному из его братьев и двоюродному брату по материнской линии отказали в приеме в армию по причине того, что они были "странными и нервными".

Пациент рос общительным и дружелюбным ребенком. В ранней юности он начал употреблять галлюциногенные наркотики. В школе стал интересоваться оккультизмом и сошелся со жрецом-сатанистом. После школы пациент поступил в армию, где потребление им наркотиков усилилось. Через четырнадцать месяцев, после демобилизации, он вернулся домой беспокойным, недружелюбным, замкнутым, пессимистичным и неспособным заниматься постоянной работой.

Перед врачами больницы пациент предстал настороженным, подозрительным человеком, мнившим, что среди них могут быть слуги дьявола или одержимые им. Он был охвачен параноидальными видениями, воображая, что дьявол в конце каждого показа "Экзорсиста" вылезает из экрана и вселяется в кого-нибудь из зрителей. Им владели и слуховые галлюцинации, при которых он слышал свои мысли и произносимое кем-то его имя, и зрительные, когда ему мерещились козлы и черные груды каких-то вещей на полу. При взгляде в зеркало ему иногда виделась перед глазами когтистая

дьявольская лапа. Он был уверен, что его мысли передаются другим и что их ему внушает сатана, который также наделил его способностью читать чужие мысли. Ему казалось, что он владеет невероятной силой и может гипнотизировать собак своим демоническим взглядом и что врачи кладут наркотики в пищу больных, чтобы свести их с ума. Он проявлял заметную амбивалентность (двойственность переживания. – Ред.), привлекая врачей для длительных бесед, в то же время явно чувствуя страх перед ними. Его аффекты были неуместными, он впадал в гнев без видимых причин или хихикал, когда заходил разговор о внезапной смерти его отца. Имели место соматизации владевших им бредовых чувств, а острую, стреляющую через спину в руки боль он считал знаком своей одержимости. Пациент долгое время употреблял разнообразные наркотики, включая ЛСД, амфетамины, мескалин, псилосибин, героин и марихуану, вплоть до своей плохо кончившейся прогулки в лес десять месяцев назад, после которой он перестал принимать ЛСД, но продолжал потреблять амфетамины и марихуану. С момента увольнения из армии он постоянно курил марихуану, но другими наркотиками больше не пользовался.

Профиль его психического расстройства был интерпретирован как "подходящий под острый шизофренический психоз или психоз на почве потребления токсинов, характеризующийся состоянием беспокойства и тревоги, навязчивыми идеями, связанными с религией, а также причудливыми проявлениями сексуальной озабоченности и гомосексуальными страхами. Возможны мания величия, бред отношения и галлюцинации. Навязчивые идеи включают убежденность в собственном всемогуществе, гениальности и особых способностях и могут сочетаться с мужской истерикой, декомпенсирующейся в психотическую реакцию".

После лечения пациента трифлуоперазином его состояние значительно улучшилось. Ко времени выписки из больницы, спустя 32 дня после поступления, он уже не считал себя оборотнем, одержимым дьяволом, и не проявлял других явных психических детерминант.

Пациент был направлен в амбулаторную клинику, находящуюся в его городе за 200 миль от этой больницы, где его навестили две недели спустя. Он вел себя вежливо, сдержанно, но был вновь захвачен сатанизмом, прекратив лечение. Дальнейших контактов с этим пациентом установить не удалось, и персонал больницы решил, что,

вероятно, клиника вызвала в нем какие-то подозрения. Попытки пригласить его вновь успехом не увенчались.

Мистер У., 37-летний одинокий фермер с Аппалачей. Во время службы в военно-морских силах Соединенных Штатов имел нормальный и средний коэффициент умственного развития. Демобилизовавшись после четырех лет службы, начал постепенно, но неуклонно утрачивать способность к фермерской и обычной, естественной деятельности. Время от времени начинал вести себя очень странно, отпустил длинные волосы и бороду, воображая, что это шерсть, отправлялся спать на кладбища и иногда ложился на дорогу прямо перед едущими автомобилями. К числу не меньших странностей, безусловно, можно отнести и возникшую у пациента склонность выть на луну. После очередного из подобных проявлений был доставлен в психиатрическую больницу, где ему поставили диагноз "душевное расстройство и слабоумие", и было отмечено значительное ослабление высшей нервной деятельности коры головного мозга. При повторной госпитализации его определили как страдающего хронической недифференцированной шизофренией, основываясь на его необычном поведении, т. к. во время нахождения пациента в больнице наличие у него бреда или галлюцинаций установить не удалось. Через год пациента снова положили в больницу, и во время этого цикла лечения он объяснил свое поведение, заявив, что превратился в оборотня. Периодически проводимые в ходе лечения проверки умственных способностей выявляли состояние пациента, который стал одеваться аккуратно, хотя и ходил грязным и сидел обычно в неловкой позе. Его лицо ничего не выражало, и он проявлял недостаток двигательной активности. Демонстрировал полное безразличие к своему нахождению в больнице, и все его эмоции были поверхностными и непродолжительными.

Он говорил медленно, но в целом логически связно, демонстрируя явное улучшение мыслительных процессов. Хотя особого взаимопонимания с пациентом достичь не удалось, в общем, проявлял в процессе лечения свое участие и уступчивость. При тесте на познавательность он показал значительное ослабление внимания и концентрации. Его способность к вычислениям была сильно ухудшена, память на недавние события довольно слабой, на далекие-фрагментарной, способность к объективным суждениям и

абстрагированию-соответствующей. При физических проверках были отмечены слабые неврологические признаки, включая двустороннюю гипорефлексию трицепсов, медленную вторую фазу подергиваний обоих колен и неразборчивость речи с замедленным течением. Остальные неврологические обследования результатов не дали, история семьи пациента с точки зрения его невропсихиатрических проблем интереса не представляла: все наблюдаемые у него симптомы возникли после увольнения из военно-морских сил.

Психологическая проверка выявила, что его "уровень умственного развития, соотносимого с возрастом, по иллюстрированному тесту на словарный запас Пибоди лежал в диапазоне от восьми лет одного месяца до десяти лет восьми месяцев, что соответствует показаниям по шкале коэффициента умственного развития 57 и 68. По шкале Шипли Хартфорда по уровню словарного запаса он соответствовал в своем умственном развитии возрасту одиннадцать лет девять месяцев, уровню абстрактного мышления – возрасту восемь лет четыре месяца..." Ввиду его странного поведения и усиливающегося слабоумия была проведена биопсия мозга. Было отмечено сильное увеличение пространства под паутинной оболочкой. Нейрохирург во время операции обратил внимание, что мозг имел довольно слабо выраженные извилины и в то же время глубокие бороздки, напоминая грецкий орех. Микроскопическое рассмотрение нервной ткани показало необычный уровень астроцитоза (Здесь подразумевается, что возникает ненормальное соотношение разных типов нервных клеток, что явно свидетельствует о нарушении мозговых функций.) при наличии зон перерождения. Проявлений старения или нейрофибрилярного тangles замечено не было. В силу всего увиденного нельзя было говорить о наличии болезни Альцгеймера.

Пациента выписали с диагнозом хронического мозгового синдрома неустановленной причины. Его поведение удавалось держать под контролем посредством тиоридазина хлористоводородного, который он принимал 50-миллиграммными дозами по два раза в день, и за прошедший после его выписки год повторные проявления ликантропии не замечались, но он оставался бездеятельным, редко читающим, и при его последнем посещении амбулаторной клиники было отмечено, что он иногда заговаривался. Он был тих и наивен, как ребенок, и на большую часть вопросов

отвечал "да", "нет" или "не знаю", но не проявлял каких-либо признаков аномального поведения или душевного расстройства.

Ликантропия по самому своему определению указывает на тяжелый случай деперсонализации. Во многих трактатах прошлого по медицине действительно говорится о том, что это одна из форм истерии. Эндемические проявления этого недуга и окружавшая людей атмосфера суеверия приводились в качестве подкрепляющих аргументов. Многие современные психиатры, ставя диагноз шизофрении, при знакомстве с описаниями зарегистрированных случаев XVI и XVII веков отмечали для его подтверждения прежде всего сильную степень отчуждения, странное поведение и бред, ухудшение контроля над порывами и побуждениями и утрату прежних привычек.

Два представленных случая, безусловно, относятся к ликантропии, но имеют разные диагнозы. Первый осложнялся длительным потреблением наркотиков, но был определен как параноидальная шизофрения, возможно стимулированная и обостренная ими. Второй случай представлял хронический мозговой синдром с периодическими психотическими обострениями. Общим, видимо, было лишь начало заболевания, ускоренное изменениями в мозгу во втором случае. Ощущение деперсонализации часто переживается сегодня у принимающих наркотики, кроме того, это состояние отмечается при мозговых спазмах. Поэтому авторы полагают, что в обоих вышеприведенных случаях имело место измененное состояние сознания. В первом оно было вызвано приемом ЛСД и стрихнина и последующим длительным курением марихуаны, во втором-неизлечимой болезнью мозга, хотя периодичность сопровождавших ее припадков, приходящихся на полнолуния, остается необъяснимой.

Говоря о наркотиках как о возбудителях болезни, интересно отметить, что опиум имеет двойное качество: качество наркотика, вызывающего ликантропию, и лекарства, ее лечащего; польшь, которую считают мозговым стимулятором, использовали для производства абсента, а сейчас-вермута; белладонна принадлежит к пасленовым; мандрагора описывается как наркотическое растение, содержащее гиосциамин, скополамин и атропин; страмоний обнаружен в дурмане вонючем, содержащем и гиосциамин, как и

белена, тоже являющаяся наркотическим растением. Колумб в Америке обнаружил кообу, которую нюхали индейцы, впадая в транс и визуальные галлюцинации. На западном побережье Америки испанские исследователи нашли галлюциногенный пейот (мескал). Все эти растения способны вызвать измененное состояние сознания, характеризующееся искаженным восприятием — галлюцинациями, разного рода обманами чувств — и расширением сознания, когда человек испытывает фантастические, мистические или космические трансцендентальные видения. В этом состоянии он очень подвержен внушению и манипуляциям. Можно также предположить, что чрезмерное кровопускание, вызывающее сильное ослабление, или прочистка кишечника или желудка с последующими изменениями в электролитическом балансе организма могут тоже вызывать измененные состояния сознания. Описания ликантропов как имеющих "ослабленное зрение, сухие глаза, сухой язык", страдающих "отсутствием слюны и жаждой", определенно указывают на потребление атропина или чего-то в этом роде.

Очень может быть, что среди ликантропов древности были, и наркоманы. Не исключено, что точно так же, как в 60-е годы потребление ЛСД и марихуаны приобрело эпидемический характер, в древности тоже имели место схожие, только малые, эпидемии. Аргумент эпидемичности, применяемый для объяснения разного рода истерий, может быть также приведен и в отношении вызывающейся наркотиками ли-кантропии. Некоторые из средств, применявшихся тогда, продолжают использоваться и теперь, особенно пейот, марихуана и опиум. Хотя ли-кантропия обычно описывается как болезнь прошлого, авторам приходилось слышать об ощущении превращения своего тела в звериное, переживаемом людьми под действием галлюциногенов, и приведенные случаи подтверждают ее современное существование как разновидности психического расстройства...

ЗАГУБЛЕННЫЙ ХУТОР

Эту историю рассказал мужчина неопределенного возраста с черной повязкой на левом глазу, который представился Иваном. Произошла она незадолго до освобождения Минска советскими войсками весной 1944 года. (По материалам Флерова. (Прим. авт.))

"...Наше село стоит на речке Ясельде, севернее Пинска. Кругом дремучие леса, болота. Всякой живности в лесах да рыбы в речке – хоть отбавляй... У вас тогда была коллективизация, чистки, а у нас тишь да благодать... Пока вы нас не освободили. Вот только скука... Хотя я и не очень скучал. Сами понимаете, гармонист – первый парень на деревне. Хлопцы угощают, девчата так на шею и вешаются. Да вот к горилке я здорово пристрастился. Батка давно умер, а мать поворчит-поворчит, а там и опохмелиться приготовит.

Однажды проспал я почти целый день, мать ушла к соседям. Проснувшись, выхожу на околицу и раздумываю, куда бы податься. Уже стемнело, мужики вернулись с поля, скот загнали в хлева, тишина...

Вдруг ко мне подходит мужик незнакомый. Весь зарос черной бородой, и лицо какое-то темное – то ли грязное, то ли смуглое, только глаза белками сверкают.

– Собирайся, Иван, сыграешь на свадьбе! Обижен не останешься!

– Где свадьба? Куда ехать?

– На хутор! Садись! Еще раз говорю, не пожалеешь!

Тут только я заметил совсем рядом телегу, запряженную большой черной лошастью. Я сел рядом на козлы, черный мужик щелкнул кнутом, дернул вожжи, и лошадь потрусил в направлении леса. Вначале мы ехали по какой-то, видимо, давно неезженной дороге, давя мелкие деревца и папоротники. Лес по бокам становился все гуще и гуще, потом деревья поредели. Дорога давно исчезла, мы ехали уже по мхам и кустарникам.

Наконец, под копытами лошади заплескалась вода.

– Да ты что, сказался? В болото прешь! – закричал я.

– Не бойся, я дорогу знаю! Мы уже близко! – рявкнул мужик, и, действительно, за небольшой березовой рощицей показалось

несколько крестьянских хат. Мужик завел меня в одну, и я увидел свадебную компанию. Огромный стол занимал почти всю комнату. Во главе сидели жених с невестой, кругом уже изрядно выпившие гости.

"А попа-то нет", – подумал я. У нас в православных деревнях священник был всегда главным гостем на свадьбе. Но мне не дали оглядеться: почти насильно влили большущий стакан самогона, сунули гармошку и заставили играть.

Мне наливали стакан за стаканом, и я играл и играл. Гости были мне незнакомы, их лица как-то туманны. Только невеста Нюрка была из нашего села, и выглядела она печально.

Время от времени гости выходили в соседнюю комнату и быстро возвращались, причесывая мокрые волосы. Я тоже решил освежить тяжелую от хмеля голову. В маленькой комнатке, действительно, стояло ведро воды. Я опустил туда руку и успел намочить только левую сторону лица, когда подскочил мой хозяин, отдернул меня от ведра.

– Эта вода не для тебя! – крикнул он, вывел меня во двор и подвел к стоящей кадке. – Вот здесь и мочи свою голову!

Немного протрезвев, я вернулся к свадебной компании, что-то странное произошло со мной: глаза как будто прояснились. Комната показалась грязной, запущенной, икон на стене не было. А гости как будто потемнели или посинели. Не было веселья и пения, а только угрюмое завывание и всхлипывание. Сама Нюрка остекленевшими глазами смотрела на веревочную петлю в своих руках. Я обернулся к соседу и узнал в нем недавно умершего парня из соседнего села.

– Ты же умер, что ты здесь делаешь? – невольно вырвалось у меня.

– А ты, дурень, напился и мелешь пустое! – ответил он и налил мне новый стакан.

Полупьяный, полуоцепеневший от страха, я уже не мог играть и сидел, уронив голову на стол.

– Пора домой, скоро светать начнет, – сказал мне черный мужик, который, видимо, был здесь хозяином. Он бесцеремонно вывел меня из-за стола, бросил на дно телеги, и мы снова углубились в лес. Спал ли я или был в забытьи, но пришел в себя, только когда черный мужик вытащил меня из телеги возле калитки нашего двора.

– Это тебе за труды, – сунул он мне в карман толстую пачку ассигнаций.

– А где мы были? Как называется ваш хутор? – спросил я.

– А Загубленный хутор, может, и ты когда-нибудь попадешь кнам! – был ответ.

Я хотел спросить еще что-то, но ни мужика, ни телеги уже не было. Едва добравшись до кровати, я свалился, как подкошенный, и проспал до следующего вечера.

– Где это ты всю ночь шатался и так набрался? – разбудила меня мать.

– На свадьбе, – говорю.

– Какая свадьба? Нигде вокруг свадеб не было!

– Нюрка вышла замуж, разве ты не знаешь?

– Нюрка удавилась сегодня ночью! – в ужасе сказала мать и начала креститься.

Я полез в карман куртки, где должны были быть деньги. И вытащил сложенные один к одному кленовые листья.

Сколько я потом ни расспрашивал о странном мужике и Загубленном хуторе, никто ничего не знал. Я уже стал думать, что все это мне привиделось в бреду, тем более что после той ночи я запил еще больше. На сердце у меня был страх и необъяснимая тоска. Но постепенно забывается все.

Прошло несколько месяцев. В нашем селе праздновали свадьбу. Я никогда не был особенно верующим, но в тот день пошел в нашу церквушку. В ней было полно народу: пришли посмотреть на невесту, кажется, из самого Пинска.

Я стоял в последнем ряду, сонный и равнодушный. И вдруг увидел того черного мужика. Он ходил между молящимися. То какого толкнет мужика, то ущипнет девушку. Но его как будто никто и не видел. Люди начинали переругиваться между собой.

– Ты что тут делаешь? Чего людям мешаешь? – крикнул я ему.

– А ты меня видишь? – прошипел злобно он в ответ. – Ну теперь не будешь видеть!

Развернулся и хлопостнул меня по левому глазу с такой силой, что я грохнулся об пол без сознания. Очнулся я только в Пинской больнице. С того времени я и ношу эту черную повязку".

– Хочешь верь, хочешь – нет. Но не желаю тебе попасть на Загубленный хутор и познакомиться с его хозяином! – сказал Иван, допивая последний стакан самогона...

ТАЙНЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

С некоторым почтением ступил я на землю Горного Алтая (По материалам А. Антокольского. (Прим, авт.)). Скромное книжное знание подсказывало, что тут, где-то совсем неподалеку от центра области, куда только что доставил пассажиров энергично пыхтевший на подъемах автобус, запрятаны любопытнейшие тайники прошлого. Каких-нибудь двести-триста километров от Горно-Алтайска, бывшего старинного села Улалы, по течению Катунь и Ча-рыша, у подножья таких же, одетых в зеленый бархат гор, в карстовых пещерах, а то и просто в долинах, хранятся следы палеолитического человека. Эдак 12-15 тысяч лет назад в этих районах наш предок со свистом и улюлюканьем загонял мамонта и носорога в уготованные для них ямы, обглаживал косточки гигантского оленя и первобытного быка, сражался с пещерным львом, медведем и гиеной. Это совсем рядом, в здешней округе, выводил когда-то негнушавшимися пальцами облаченный в шкуру охотник свои первые эскизы на шероховатых скальных плоскостях. Камни Алтая хранят их. Хранит материальная летопись Алтая и древние рунические надписи, высеченные на "каменных бабах", на бронзовых зеркалах, в которые взглядывали модницы отдаленного прошлого. Ранние кочевники Алтая блеснули оригинальным искусством скифского типа; они работали олово, золото, бронзу, железо, дерево, бересту, рог, кожу, войлок, конский волос; они знали чеканку, инкрустацию, изображение литьем; знали барельеф, силуэтный рисунок, живопись, круглую скульптуру, изображение на предмете с хитрым смещением пропорций, криволинейный орнамент. Многие из этой роскоши проглотили курганы, в том числе знаменитые Пазырыкские. Сейчас свои богатства они отдали музеям. По этим просторам проходили орды многочисленных завоевателей: монгольская конница рыла копытами землю, натягивался лук из рогов козла, посылая стрелу на 800 метров... Знал я также, что Горный Алтай – зона древнейшего по своим корням язычества, приоритет которого пытались опровергнуть и ламаизм, и христианство, и некоторые другие религиозные доктрины позднейшего изготовления. Здесь, на Алтае, недавнем прошлом

располагались целые гнезда шаманских кланов. Известный этнограф профессор А. Анохин в начале нашего века составил своеобразную карту шаманских расселений по бассейну Катунь и ее притоков.

Итак, прошлое, насыщенное всевозможным историческим материалом. Помнит ли о нем век нынешний?

Длинная, пылящая под колесами машины улица с рядами палисадников ведет к центру Горно-Алтайска. Здесь уже каменно-кирпичная часть города, впрочем, тоже уснащенная немалым числом добротных бревенчатых строений: черты Улалы проступают и сегодня. Несколько особой жизнью живет только главная площадь города. Она составляет правильный асфальтированный четырехугольник, обнесенный административными и общественными зданиями. Игрушечный сквер уголком лепится к площади, открывая негустые ряды строго темнеющих лиственниц. Прозаическая простота этого места хороша. Площадь подчеркивает то, что и должна подчеркнуть: ровное донышко огромного чашеподобного овала с нежным, вечно-салатовым лесистым верхним краем. Взгляду тут есть где разметнуться: ближайшие холмы-горы его не затормаживают, он невидимо переваливает их и хочет лететь дальше. Круговая панорама застыла в покое, но покой этот мнимый. Ее плоскости, выпуклости, подъемы, уступы, ущелья, складки – вся эта бугрящаяся масса словно бы незримо колыхается, сжимает и раздвигает пространство. Это скопище зеленой плоти, округлыми толчками достигающей неба, тянет к себе, будто срывает тебя с земной точки опоры. Ощущение это оставалось постоянным во время моего коротенького путешествия по Алтаю, хотя и нарастало, обостряясь.

Теперь, вспоминая в подробностях свою поездку и прочнее сознавая то, что раньше только мерещилось, вижу, каким обязательным и неременным было это чувство в горах Алтая. Оно оказалось тем неожиданным подарком, которого не готовятся получить какие-нибудь наезжие гости, отправляясь в признанную страну сказок; они все время ждут сюрпризов, нацеливаются на экзотику, ищут ее проворным взглядом, сразу не находят, но почему-то не остывают: видно, необычное уже овладело ими исподволь, руководит их радостью изнутри, уже как-то по особенному хорошо им, продолжающим рыскать в поисках разных хитрых диковинок.

Во время автобусного перегона Горно-Алтайск-Усть-Кокса не раз приходится одолевать горные перевалы. И вот, добравшись до них, можно наблюдать занятную картинку: стоит, притулившись среди кустов и своих соседок, карликовая березка, но какая-то странная, на себя совсем не похожая. Приглядевшись, замечаешь – вся она увешана, опутана, оплетена множеством разноцветных тряпочек и лоскутиков материи; их не десятки, а сотни – целая сеть наброшена на деревце. Как и почему она появилась здесь?.. Это пеший или конный алтаец, одолевая перевал, находит время подвязать к веткам свой флажок и тут же окропить зелень русской водкой или аналогичным национальным составом – арачкой. Это знак благодарности и признательности, как сердечной приязни и надежды: надо ублажить, ублажить гору за то, что она позволит взойти на себя. Ведь высота коварна, надобно ее чувствовать, надобно относиться к ней с почтением и пиететом (помимо прочего, возбраняется шуметь и кричать в горах, дабы не озлобить обитающих тут духов). Между прочим, обычай этот имеет вполне реальную жизненную основу. Ведь, как могли веками наблюдать алтайцы, губительные снежные обвалы и камнепады зарождались порой от громкого крика человека или зверя.

Исходное – многовековой опыт жизни, роматизированный языческой сказкой; исходное – бесхитростное поверье о том, что горы живут, как люди. Хан Алтай долго преследовал богатыря Борбыгана, пытавшегося бежать от него с любимой дочкой Катунью; не успел довести до конца своего дела могучий удалец, окаменел и стоит теперь печальный, одинокий, далеко выдвинувшись вперед, первым попадая в поле обзора тех, кто едет к Алтаю со стороны Бийска. Мифология пролагает длинные свои сюжеты, строит бытовую шутку или анекдот. Отчего две сестры-горы рядом стоят – на одной кишмя кишит всяческой живности, а другая пуста? От того, отвечают алтайцы, что одна другой все это в карты проиграла... Горе поклонялись как могущественному божеству, впрочем, равно как небу и солнцу, озеру и огню, на Алтае выработалась одна из классических форм язычества. И, разумеется, приведенные сюжеты относятся к самым верхним его пластам, самым внешним чертам. Религиозные верования алтайцев разветвлялись в систему куда более сложную (точнее говорить о нескольких системах).

Существовало, например, весьма стройное учение о душе – душа признавалась двойственной, составленной как бы из двух частей: высшей и низшей. Первая, собственно, и делала человека человеком, но, как ни странно, без нее довольно долгое время можно было обходиться, ибо наличествовала еще "тын" – "жизненность". Эта последняя присутствует и у растения, и у животного, обеспечивает связь первой души с телом у людей. Этимологически "тын" восходит к "тынып" – "дышу", "дыхание". "Тын тибектний" – "душа, как щелчинка". "Твоя душа пусть сделает щелчок", т.е. как бы порвется, щелкнув. Опыт врача и жреца – их функции сливались на Алтае – проступает за этими религиозными иллюзиями. Более фантастичны теории алтайцев о принципах мироустройства. Несколько необходимых слов об этом.

Два начала управляют всем сущим: Ульген (доброе) и Эрлик (злое). Два эти существа, наподобие бога и дьявола, находятся между собой в постоянных коллизиях, они имеют широкий штат потомков, последователей, слуг. Ульген сердечен до бесхарактерности – его можно уважать, но особенно рассыпаться перед ним все же смысла нет. Беспощадный и алчный Эрлик насылает из своей преисподней мор, голод, болезнь, и его удовлетворяет только серьезное внимание к своей персоне, только полноценные жертвы и развернутые, сценически безупречные камлания. Камлание-дело шамана, его мистерия, театральное общение с потусторонними силами, расписанное до мельчайших подробностей, – речевых оборотов и жестов. Действо камлания предполагает особенное экстатическое состояние, когда шаман с помощью бубна (или, точнее, на нем, как на волшебном символическом скакуне) путешествует в запредельной стране духов, извлекая оттуда рекомендации и советы для практических нужд тех, кто его делегировал. Ведь шаманом мог стать далеко не каждый. Тут должны были быть предпосылки-и общественные, и генетические (задатки отца, деда, прадеда). Но и того мало. У настоящего шамана должна была существовать – это устанавливалось при встрече с Эрликом – уникальная, нестандартная, лишняя косточка (ортоксеок). Только такой кам пользовался истинным авторитетом, только он умел толково прорицать, ловить воров, врачевать, Доставлять квалифицированные метеорологические сводки, объявлять виды на урожай и охоту. Ученые подтверждают, что в

организме кама, который по-настоящему сознавал себя чудотворцем и волхвом, и на самом деле пряталась какая-то аномалия – либо эпилепсия, либо расстройство психики, либо что-то еще.

Религия-мистифицированная форма отражения действительности. Но мифы религии, выстраиваясь в воображении совершенно определенного народа, включали в себя непременно и национальный элемент. Тут как два сообщающихся, не равных по объему сосуда; без этого религия, противостоящая жизни народа, не получала бы никакой силы, никакой почвы под ногами. Для того чтобы успешно камлать, надо было знать аудиторию, ее психологические наклонности, привычки и потребности. Надо было владеть искусством воздействия на душу соплеменников. Иван Катаев писал: "Религия на Алтае успешнее, чем где бы то ни было, прикидывается искусством". Это было сказано в 30-х годах нашего века, и сказано глубоким знатоком Алтая. Разумеется, как и всякому искусству, шаманству нужна была система изобразительных средств и вдохновение артиста. Из многих уст и по разным поводам слушал я истории о выдающихся камах-они будто бы владели телепатией и гипнозом, верили в то, что творят чудо. Истории эти по характеру своему иногда весьма близки к реальности, иногда совершенно фантастичны.

Шаман в присутствии изумленных зрителей мог терять глаза, а потом безболезненно вставлять их, мог насильственно, через ухо, напоить арачкой человека, и тот пьянел; мог отрастить у себя на плечах кедры в 1,5-2 метра длиной – обычный, так сказать, иллюзион, волшебство гипнотизера-фокусника.

А вот события уже совсем легендарные. Давным-давно кем-то и когда-то задумано было сжечь трех-четырех шаманов, обитавших в какой-то деревне. Всех их связали, кинули в костер, но, по счастью, оказался среди них один выдающийся кам, способный, подобно гоголевскому черту, вылететь, ввиду неожиданной опасности, через трубу. Он, будто, и спас остальных, чудесной своей силой охраняя их от пламени. Бытовое мнение о всемогуществе этих жрецов-чародеев, видимо, порождало обратную реакцию. Это уже достоверный факт, что наивная вера в свое волшебство приводила иногда шаманов к трагическому финалу. В порыве экстаза им требовался подчас настоящий полет, им непременно нужна была высота (шестым чувством она живет, наверное, в каждом алтайце). Далекие от

намерения подурaczyć зрителя, они взбирались на кедр или высокую скалу и разбивались насмерть.

Главные художественные средства шаманов – пение и танец. С бубном в руках, облаченный в специально изготовленное платье, позванивая подвесками, бубенцами и колокольцами, переливаясь всеми цветами радуги, кам входил в круг и одним своим видом вызывал восхищение. Он вел свою музыкально-литературную композицию, используя все средства пластической выразительности. Но ему потребны были средства воздействия еще более сильные... Психологическая кульминация камлания – жертва коня. Нетрудно по рассказам и описаниям восстановить это отвратительное, ужасное зрелище – именно ужасное, потому что принесение жертвы превращалось в долгую и мучительную пытку... Морда коня накрепко перетянута ремнями, и восемь дюжих парней, по двое на каждую ногу, веревками растягивают, разрывают, распластывают бедное животное. В довершение всего жердью ему ломают хребет. Без звука протекало это мучительство, и ни капли крови, ни капли жидкости не должно было пролиться на землю. А если такое все же происходило – значит, жертва была негодна Эрлику, ритуал повторялся сызнова. Естественно, что мясо даром не пропадало – оно отправлялось в желудки зрителей... По поводу этого давнего зверского обыкновения у меня разгорелся длительный, обстоятельный спор с Борисом Хотьметьевичем Кадиковым. А Борис Хотьметьевич – крупный авторитет в этих вопросах. Впрочем, все по порядку. Сперва надо представить читателю его самого...

С Борисом Хотьметьевичем Кадиковым я познакомился еще в Бий-еке, в краеведческом музее, где он состоит в должности старшего научного сотрудника, и те два дня, пока был в городе, не мог оторваться от него. Причина проста: если нужно искать человека, для которого история суть живая жизнь, для которого она-самая яркая современность, а день бегущий столь же несомненно приписан к летописным страницам истории, то это Кадиков. Если надо искать бесребренника и чистейшего энтузиаста своего дела, то это опять Кадиков, служащий в музее за 80 рублей в месяц, владеющий материалом, по крайней мере, на три полновесные диссертации, но не имеющий педантичной расчетливости для их оформления.

Вот он стоит в своем кабинетике, набитом книгами, – испытующе глядят серые глаза, он спокоен, невозмутим, но будто настороженно спружинился. Затем легким движением сбрасывает коричневый берет, как сбрасывают кепку, садится на стул, и отомкнулась короткая смелая улыбка, и вдруг заметны стали звездочки-оспинки на крутом носу. Он расчесывает русые, гладкие, по-горьковски отброшенные назад волосы, и что-то мальчишески независимое выступает в нем, что-то от птенцов республики ШКИД.

Он заговаривает, и речь его нарастает быстрыми, азартными толчками, но остается при этом плавной и совершенно последовательной. Рассказ его немедленно подключает к себе слушателя, заставляет пережить воочию то, что случилось когда-то с автором или просто было им прочитано. Сам Кадиков сразу же входит в действие, тело его незаметно повторяет повествование, усиливает его, взмах правой руки, сжимающейся в кулак, ставит последнюю энергичную точку во фразе. Видно, что ему обязательно требуется собеседник, еще один мыслимый соучастник событий; увлекая, Кадиков еще больше увлекается сам; он человек одержимый.

Цепкая память Бориса Хотьметьевича держит при себе разнообразнейший ворох сведений об Алтае и алтайцах. Но нет в этом ничего, напоминающего копилку знаний. Все, что Кадиков пережил, усвоил и накопил, он прекрасно чувствует, он приобщил к своему эмоциональному миру. Он глубоко вжился в культурно-историческую традицию Алтая и, если угодно, своим собственным опытом, по-новому утверждает и продолжает ее. То, что он рассказывал о замеченном и пережитом, помогало пройтись заранее по глухим уголкам Алтая, просмотреть с помощью какого-то волшебного фонаря ряд выпуклых, рельефных картин; то, что он говорил о сделанном и придуманном, в нем лично помогало открыть крупицу тех нравов и устоев, которыми примечательна жизнь этой своеобразнейшей горной страны.

Вот одно из бытовых и просто забавных, на первый взгляд, приключений Бориса Хотьметьевича, на самом деле перерастающее во вполне законченную новеллу – даже с несколько дидактическим финалом.

Путешествовал Кадиков летом 1961 года вместе со студентами-практикантами в поисках новых наскальных рисунков. Решили

остановиться на отдых возле села Мендурсокон. Был в этой компании принят веселый обычай: любили зажигать на всю ночь костер-гигант, костер-великан. Вообще очень любили огонь... И горючим материалом часто служила резина, например покрышки, брошенные неграмотными водителями машин. Попалось им и тут большущее колесо от самоходного комбайна. Хотели было пустить его в дело обычным порядком, но тут осенила чью-то голову мысль: решили, запустив горящее колесо с верхушки горы, устроить себе феноменальный фейерверк. После долгих усилий, пыхтя и порой отчаиваясь, подняли тяжеленную кладь на верхнюю точку, набили покрышку паклей, бумагой, тряпками, залили все это бензином, подожгли, толкнули сооружение вниз...

– Это было по-тря-са-ющее зрелище! – востыжку, потирая руки от удовольствия, переживает все еще раз Кадиков. – Представьте себе огромный огненный круг, с бешеной скоростью несущийся вниз. Кромешная тьма. Ни огонька. А это солнцеподобное чудовище, прыгая с камня на камень, одолевая рытвины, ни перед чем не останавливаясь, прокладывает себе дорогу. Это был настоящий метеор, за ним рвался факел, шлейф голубого пламени метра на три-четыре. Оно отрывалось от колеса (Кадиков разводит руки сантиметров на семьдесят) вот на столько... Покрышка промчалась чуть не полтора километра, постепенно теряя жесткость, сгорая, раскиселиваясь, оставляя после себя черный траурный след. Упала и еще долго горела, чадила.

Борис Хотьметьевич вспоминает все детали и подробности происшествия с таким вкусом, с таким затаенным восхищением упивается этой картиной летучего сожжения, что нельзя не разделить с ним эстетического наслаждения. Видно, и в самом деле был сильный зрительный эффект. Что по сравнению с ним дилетантские фокусы шаманов? Это опять, верно, знаменитая алтайская высота подсказала озорной компании выкинуть лихую языческую штучку.

– Самое занятное, – продолжает Борис Хотьметьевич, – что история эта чуть не послужила началом новой религиозной легенды. Утром наш шофер Чинчик, уроженец села, ночевавший в доме отца, вернулся какой-то хмурый и недоуменный. Осторожно выпрашивал: не зажигали ли мы чего-нибудь на священной горе? Отец, говорит, поздним вечером выходил во двор, видел, как духи по горе катались, – тут чужаки были, их пугали, прочь гнали... Пошутили мы сперва над

парнем, немножко разыграли его, ну а потом всю правду выложили. Нельзя своими руками еще одно суеверие выращивать. Фанатику много ли надо? Подбросьте ему один "удобный" факт, и тут же будет он оформлен в "систему", обрастет тысячью мнений, уляжется в головах как еще одно свидетельство всемогущества потусторонних сил...

Мы устроились с моим собеседником на стульях между застекленными, емкими музейными шкафами, глядящими друг на друга от противоположных стен небольшого зала. На их полках разместились разные чудесные игрушки. Нешироко раскинув слабенькие ножки, внимательно поглядывают на нас мутными свинцовыми глазками безрукие деревянные домовички – ни одна уважающая себя алтайская семья не обходилась без этих добрых хранителей домашнего очага. Сосуд из коровьего вымени прочно утвердился на своих закаменевших сосках – пальчиках; рядом с ним, темнея тисненой кожей, подвешен другой, выделанный из задних ног коровы. Ни одна часть животного не пропадала даром у алтайцев, этих мастеров-скотоводов и великих анатомов. Тут же, чуть поодаль, висит многосложный агрегат – костюм шамана (маниак). Он весь расшит, расчерчен, увешан многозначительными символическими деталями всех родов. Рукава его опоясаны полосками кожи рыси, параллельно с ними ряды выющейся тесьмы; матово поблескивают раковины каури, добытые из недр далеких океанов. Маниак перепоясан красным поясом с бляхами, украшен двумя толстыми жгутами – змеей (иылан) и ужом (камык).

Златоглавый серый уж, Шестиротая черная змея.

На плечах шаманского кафтана пучки птичьих перьев. И не каких-нибудь синичек, а избранных, строго определенных. На два мои плеча серый беркут спускался, Против меня, клекоча, серый сокол спускался.

Оба они во время камлания несли шамана с его жертвой прямиком к намеченному духу – тосю. А когда свечереет, ту же роль с успехом выполняли, жутко ухая, сова и филин.

Наверху шкафа улеглись рядом три-четыре шаманских бубна. Взобравшись на стул, Борис Хотьметьевич трогает указкой серую кожу

одного из них – раздается ворчащий, недовольный звук понапрасну потревоженного существа; совершенно ясно, что бубен не желает вступать в творческий контакт с нами. Только хорошенько прогретый огнем костра или солнечными лучами, он открывает свои истинные музыкальные возможности; в этом скоро мне придется убедиться самому.

Среди многих экзотических редкостей, скопленных за многие годы сотрудниками музея, глаз не сразу отличает небольшую темную деревянную окружность с двенадцатью секторами, в которые врисованы изображения каких-то фигурок и знаков. А между тем это одна из редчайших реликвий, которую вообще можно встретить в музеях. Это алтайский календарь 12-годичного животного цикла, приобретенный Ка-диковым у старика Джараха Кюкюдова из колхоза имени Карла Маркса Ангудайского аймака. С трудом, боясь ошибиться, различаем мы идущие по часовой стрелке силуэты мыши, коровы, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, барана, девочки со звездой, курицы, собаки, свиньи. Это календарь-универсал. Он служил и для точного определения срока события, скажем, года рождения, и для волхования. Первая цель достигалась следующим образом: если вы знаете, что родились в принципе в "год лошади" и решили, например, в 1927 году (это "год зайца") определить свой возраст (ведь не всегда его упомнишь!), то надо от года лошади отсчитать по часовой стрелке два полных круга (вы примерно знаете, что вам за тридцать?), и насчитывается в итоге 25. Затем, кружась от года зайца, следует пропустить восемь последующих и остановиться на неполном девятом, получается $25 + 8 = 33$ и еще неоконченный 34-й. Выходит, в 1927-м вам было что-то около 34 лет. Еще увлекательнее определить животное своего года рождения (если вы о том не осведомлены). Надо проделать обратную операцию: следует двигаться против часовой стрелки (зная, что 1927 год – год зайца), минуя два полных круга и остаток, который непременно завершится годом лошади. А это счастливый год!.. Вам, читатель, повезло, вы просто в сорочке родились!.. Таких же счастливых еще пять: годы мыши, зайца, тигра, барана и дракона. Остальные шесть – трудные, нехорошие. Отметьте вдобавок – к животному своего года рождения следует относиться внимательно и чутко. Если вы родились в год тигра или дракона, не нужно охотиться на их – это может повредить вам. Кроме того, будьте

особенно осторожны, когда вам 13,25 и 37 лет (годы полного счисления круга); тут какая-нибудь каверза может подстеречь вас; ну а уж после 38 лет живите спокойно до самой смерти...

— Можно ли вычислить по календарю, какой нынче год? — я спросил у Кадикова, собирая в памяти скудную информацию относительно 1970-го (кажется, "год собаки" по японскому календарю?).

Мы прикинули по алтайскому: и верно — "год собаки"... Непонятное совпадение?.. Но специалисты знают, что алтайский календарь — отпрыск более могущественной системы тюркско-монгольского летосчисления. Стоит взглянуть на соответствующую таблицу, как с несомненностью убеждаешься: 1970 год — "год собаки". Тут, правда, указаны и дополнительные признаки: год "мужского рода", "железный", "белый". Это потому, что перед нами система 60-летнего счисления, включающая в себя как часть 12-летний цикл. Такой календарь, рассчитанный на 60 лет, и поныне не забыт, хотя исторические корни его тянутся далеко за пределы второго тысячелетия до нашей эры. Что же касается идеи обожествления животных, то ее временные пределы установить вообще невозможно. И невзрачная деревяшка из бийского музея несет на себе ее отблеск. Память резчика Джараха Кюкюлова не удержала и простейших сведений о применении календаря. Но руки его, безошибочно копируя воспроизведенное отцом, дедом, прадедом, помнили вернее и надежнее его, вспоминали мифические долины окаменевшего прошлого — орудуя ножом, вырезая фигурки мыши, тигра, коровы, лошади. Вечная человеческая традиция единства с животным миром... Вот тут, наверное, и набрали мы с Кадиковым на предмет нашего спора (о нем пора вспомнить), такого примерно:

— Значит, благоговейное отношение к животному, можно сказать, в крови у алтайца?

— Конечно. Особенно к лошади. По поверью, конь имеет душу такую же, как человек.

— И эту душу варварским способом во время жертвоприношения "запускали на небо"? Это ли не садизм?

— Что же вы хотите. Жестокость неотделима от обряда жертвоприношения. И алтайцы-язычники не составляют особого

исключения. Авраам по первому знаку Бога готов был принести в жертву сына.

– Не собираюсь обелять Авраама, а с ним и весь Ветхий завет. Но присмотримся: никакого специального мучительства в таком акте не содержалось. Здесь фанатизм, вера, доведенная до иступления, до механического повиновения воле всевышнего. А во втором случае?..

– Позвольте... – Кадиков вспыхивает, одушевляясь. – Коня ставили высоко не одни алтайцы. А славяне? Они боготворили его как высшего духа. Отсюда и "конек" крыши... В IX-X веках в Старой Ладогe под каждый угол сруба избы закладывали лошадиный череп, на счастье дому. И череп этот хранит следы насильственной смерти. Стало быть, обожествляли, но – приканчивали... – Монолог Кадикова исполнен стройной аргументации, логики.

После долгой дискуссии мы все же вырабатываем общую точку зрения на акт жертвоприношения. Соглашаемся в том, что жестокость тут не самоцель, что она – необходимый элемент "окультурных наук". Почему необходимый?..

И, точнее, – не "окультурных наук", а в широком историческом смысле религиозных обрядов. Мученичество и мучение сопровождали религию, когда она забирала силу официальной власти. У ацтеков умерщвление "достигалось" путем вырезания сердца жертвы, в Индии, еще в XIX веке, вдовы "отпускались на тот свет" через костер, инквизиция сотворила искусство истязания... К этой истории жертвоприношение алтайцев только примыкает...

Шаману – мастеру ведения мистерии – не доставало "обычных" средств художественной выразительности для того, чтобы захватить сознание зрителя полностью. Ему нужен был взрыв, потрясающие психику моменты. Одним из них и была жертва. Кто, как не алтайцы, столь часто слышали предсмертный крик коня – страшнее этого плача о жизни, говорят, нет ничего на свете. И еще: "год лошади" – один из самых счастливых. Лошадь – самый верный друг. И вот этого друга обрекают на муку мученическую, безмолвную и тем более страшную – формализуют ее до условности ритуала. Это действует сильно.

Тот, кто получает право на ритуальное умерщвление души – медленный переход ее в загробный мир, – тот творит иллюзию своего всемогущества; тот, без сомнения, великий человек. Его искусство совершенно, потому что образовано как бы из "материала самой

жизни"; материал перекраивается. Через пытку мертвое отделяется в нем от живого – все ради театрального эффекта, который, собственно, перестает быть чисто театральным. Конкуренцию тут может составить, пожалуй, один только бубен...

– Все это архаика, – говорит Кадилов. – Жертвоприношений сейчас нет. Ведь нет и шаманов. Во всяком случае, "официально действующих".

Мы давно уже оставили позади бурое кирпичное здание музея. Шагаем по неровностям залитой слабым электрическим светом мостовой. Трудно расстаться с таким собеседником... А он продолжает свою мысль.

– Как явление историческое, шаманство уникально, элементы его еще в эпоху палеолита возникли... Но разве может шаман соревноваться нынче с медициной, с просвещением века? В недавнем прошлом наши камы целыми партиями отрекались от своей профессии, скопом сдавали бубны. А сделать новый бубен... Кстати, будете в Горно-Алтайске, непременно загляните в тамошний музей. Роскошная коллекция бубнов. Штук тридцать, не менее...

Мы, наконец, прощаемся. Поздно. Третий час ночи по барнаульскому времени.

"Расписка. Дана областному краеведческому музею г. Горно-Алтайска в лице тов. Л. Е. Чептнотой в том, что 31 мая 1970 года мною, Антопольским Л. Б., взят шаманский бубен (инвентарный номер 1127) и орба к нему (инвентарный номер 1166) на один день для иллюстративного камлания. В чем и удостоверяю".

Забавная эта расписка как-то сохранилась среди бумаг, и я решил ее процитировать... Лидия Евгеньевна Чепкина, полная, цветущая женщина, хозяйка музея, в тот день откликнулась на эту странную просьбу без малейшей бюрократической волокиты. Впрочем, и не такую уж странную. В музей едут со всего Союза, из-за рубежа. Здесь был, например, венгерский ученый Вильмош Диосегий, специалист по шаманству. Ему и бубен, и маниак выделили для "иллюстративного камлания", подобрали стараниями работников научно-исследовательского института подобающего экс-шамана; тут, в уютном зеленом дворике, за оградой и развернулась эта несколько бутафорская мистерия. А в день моего отъезда из Горно-Алтайска в размеренно-спокойную его научную сферу ворвались, подобно пушечным ядрам,

два сотрудника Ленинградского Музея истории религии и атеизма (сожалею, что не сумел за короткий срок с ними хорошенько познакомиться) – им тоже требовался "живой", "настоящий" шаман, разумеется, экипированный должным образом и подготовленный для киносъемки. Так или иначе, просьба моя особенного удивления у Лидии Евгеньевны не вызвала, вместе с ней мы с осторожностью извлекли из застуженной, полной кислых запахов каморки инвентарные номера – 1127 и 1166 и торжественно поместили на скамеечку, на самый солнцепек. Два часа караулил я их тут, а затем торжественно понес в гостиничный номер.

Не очень досадую, что идея "иллюстративного камлания" в конце концов рухнула. В такого рода спешных экспериментах всегда проступает искусственность и ложное впечатление подменяет историческую реальность. К тому же позднее, от Сазона Саймовича Суразакова, преподавателя пединститута и одного из инициаторов запланированной мистерии, я узнал, что назначенный к камланию Лита Манышев был в действительности всего лишь носителем бубна у знаменитого Туянина Сапыра. Оруженосец, конечно, может стать и рыцарем, однако ж тонкая здесь разница в том, что имей Манышев "ортоксеок" – и он удостоен был бы высшего звания без всяких переходных чинов.

Благодаря любезности старшего научного сотрудника Института истории, литературы и языка Николая Александровича Сатласва я получил представление о звуковой стороне камлания, его оркестровке. В фонотеке института хранятся знаменитые записи шаманских выступлений 20-х годов, сделанные профессором Анохиным еще на фонографе. Конечно, звук слабенький да еще перебиваемый шумами, но Николай Александрович включил "Днепр" на полную мощность, и в пустых комнатах отчетливо зазвучал тоскующий, зовущий голос настоящего шамана. Заунывный, собирающийся все время к одной точке, к одному, будто затвердевающему узлу, он плел свою долгую музыкальную нить; режущей, свербящей ухо нотой он ввергал в угнетенное и тоскливое ожидание, копил энергию на короткий всплеск, прыжок на другую орбиту, а подмявшись к ней, вновь надолго утверждал ее постоянство – постоянство нового равномерного неускоренного шага, нового отрезка путешествия по зияющим провалам преисподней. Не к Эрлику ли он взывал-старику с

атлетическим сложением, чьи глаза и брови черны, как сажа, усы подобны клыкам и завернуты за уши, челюсти сходны лишь с кожемялкой, рога напоминают корни дерева, и чья борода, раздваиваясь, падает до колен? Не к нему ли обращался он в своей молящей, надрывной, безотрадной песне-заклинании, путешествуя в подземном мире? Не об этом ли говорил он, растравляя свою шаманью тоску мрачными образами и немыслимыми видениями?

Черное игрище, трепетное.
Квадратное чугунное гумно;
Священная четырехгранная наковальня;
Черные шипы, непрестанно
Смыкающиеся и размыкающиеся:
Звучащий черный молот,
Гремящий черный мех –
Творение отца моего – Эрлика!
Место, обессиливающее больших шаманов,
А у дурных шаманов голову берущее.
Когда он в благоприятное время дает милость,
Тогда мы проходим это открытое место,
Место, где в неблагоприятное время
Человеческая голова берется.

Однако и ощущение от песни шамана-при всей необычности ее и даже своеобразии – решительно отступает на задний план перед впечатлением от Песни Бубна. Да, это последнее, собственно, осталось самым ярким и глубоким, хотя музыкальная культура Алтая отнюдь не бедна. Мне приходилось слышать, как звучит комыс. Этот сращенный из нескольких гнутых пластинок инструмент в момент исполнения вставляется в рот, который служит ему меняющим объемы резонатором. Звук комыса острый, зуммерный – в нем проступает электромузыкальное начало, правда, лишенное особого тембрового богатства и широты. Слышал я, как звучат топшуры, их пиччикато не оставляет равнодушным; слышал современные алтайские песни – по радио, в грамзаписи и просто в автобусе. Слышал уникальное по вибрационной технике исполнение кайчи-оно по силе воздействия

почти приближается к музыке бубна. И все-таки первенство за ним... Узнав и прочувствовав Песню Бубна, трудно отделаться от мысли, что во время старинных камланий не пляска и не речитатив шамана, не жертва и не какие-то другие средства подчинения психологии группы одному играли здесь главную роль. Основу-так думается-закладывал бубен. В нем искусство даровало религии самое могущественное свое средство...

Вот лежит он, не уместаясь на узеньком ухабистом гостиничном диванчике, и ничего особенного нет в его облике. Просто довольно большой плоский барабан, с одной стороны открытый. Портрет его индивидуальности может быть сведен к нескольким фразам. Кстати, "индивидуальность" тут не произвольное слово. Для камов не было "бубна вообще" – был поименованный оленем, беркутом, конем красноречивейший помощник. Так вот, лицевая сторона "моего" бубна – это натянутая на деревянный каркас кожа марала, темно-серая, с едва ощутимыми рытвинками; с изнанки она бледно-желтая, в коричневых разводах и пятнах. Тыльная сторона бубна уже содержательна, символична. Этот инструмент принадлежал, по-видимому, небогатому хозяину: 25-30 полосок материи, спадающих вниз, линиялые, вытертые, явно "бедные". Несомненно, бубен долго и честно служил своему каму – ручка отполирована до гладкости, до теплого естественного цвета лиственницы. Ручка – она же "тело" идола, духа. Того, что поглядывает сейчас на меня из своей музыкальной пещеры, не назовешь торжественно кормосом, это скорее идоленок. Это не дух карающий и грозный, а простодушный и наивный. Плоское овальное личико его с латунными глазками-бляшками, латунью же обшитым лбом до макушки, ровным носиком и маленьким ртом, полумесяцем рожками вниз, – лицо это смотрит на мир с детской простотой и даже испугом. Тщедушное тельце с обрубленными выше локтей ручками и коротенькими ножками, наподобие двурогих деревянных, укороченных на три четверти вил, свидетельствует об аскетическом воздержании и смиренномудрии. Как скрипка немыслима без смычка, так и бубен без орбы, проще говоря – колотушки. Она сделана из снятой с лисьей лапки кожи, натянутой на утяжеленную чем-то металлическим деревянную колодку сантиметров двадцать пять длиной, рыжеватая шерсть местами вытерта от усердной работы, вид у колотушки облезлый и несолидный.

Но колотушку я в руку сначала не беру. Просто потрагиваю натянутую кожу бубна двумя пальцами. Полный солнечных лучей, бубен теперь не остается равнодушным даже к этому легкому пощелкиванию: он довольно погуживает в ответ на слабую дробь. Серьезно ли он реагирует? Нет, по-видимому, все же из чистой вежливости, не проявляя и малой толики своей настоящей силы. Нетрудно предположить, что повествовательные, непафосные эпизоды камланий сопровождались таким вот тихим дрожанием. Но и они не были пустыми паузами; нервное возбуждение присуще каждой модуляции бубна.

А вот орба, ластясь, прильнула к серой упругой щеке. Не удары, а поглаживания – бубен отвечает на них глуховатым нутряным баском, сразу растекающимся вверх и вширь. Меняешь секторы удара, не усиливая его, – и голос меняет регистры, тональность и как будто обретает движение. Небольшое смещение ударной плоскости направляет голос бубна немедля лететь в другую сторону – возникает стереофонический эффект. Рокошующее эхо заполняет углы комнаты, перемещаясь упругой спиралью, следует за круговращением руки...

Теперь пора кульминации. Орба уже не гладит стертую кожу, гуляет по ней все быстрее и быстрее, повелевая глаголить. И мощное таам-таам-таам несется в ответ. Звуки, полные грозовой раскатной ярости, – хлынувший, мигом рьяный, развернувшийся водопад, величественный и непреложный в своем устремлении. Он адресуется прямо к телу, к плоти. Чувствуешь, что кровь циркулирует иначе и сердце бьется живее, поддаваясь этому все пронизывающему тембру. Гипнотически насыщает бубен тело своим дрожанием, непререкаемо подчиняет себе волю; это купол, сфера, в которую ты втянут; эти звуки заключают в себе абсолютную власть... Безудержный, неистовый, свирепый глас; это уже не музыка, не шум, не гром, а магия.

Музыкальный инструмент? "Помощник" шамана во время мистерии и в то же время командующий всем этим парадом? Произведение человеческого таланта? Да, все это так. Бубен создан руками мастера, и ему уготована участь необыкновенная. Внимая его рокоту, видишь иные картины, иные пространства. Чувствуешь: такие звуки могли сдавить воедино необъятную людскую массу, сдернуть ее с места.

И это в руках невежды так показал себя бубен. Какие же глубины, какие же богатства звучания открылись бы в нем, вступи он в творческий контакт с мастером?.. Нечто загадочное, дразнящее воображение есть во всем этом-ив том, как необыкновенно раздвинулась возможность музыкального инструмента, и в какой-то особой "философии звука", наконец, в материальной природе этой вещи, готовой слиться с человеческой психикой. Да: нечто загадочное и... общечеловеческое. Африканский тамтам, снискавший славы не в пример больше, с помощью своего мастера умеет говорить. Т.е. выражение "говорящие барабаны" употребляется вовсе не в переносном смысле, не в образном значении и не в параллель с "языком" азбуки Морзе. Нет, они произносят именно слова, фразы и целые монологи, отсылая их миль на двадцать куда-нибудь вниз по течению Конго. Эти барабаны, из колоды долбленные и кожей слоновьего уха обтянутые, малые и великие, совсем разные, берут на себя, таким образом, функции человеческой речи. И не только: они мастерски подражают рыку леопарда и вою шакала, они ведут на поле боя и, объединенные в массовый ансамбль, разогревают трудовой энтузиазм масс, они делают праздник праздником. И, конечно, участвуют в религиозных мистериях. Недаром африканский бог одним из первых сотворил Барабанщика. Недаром Барабану потребна для воодушевления кровь жертвы, к нашему ужасу и отвращению, нередко человеческая... Вообще, если чуть продолжить напрашивающееся тут сравнение, то ясно увидим, что эстетические религиозные корни бубна и тамтама сплетаются. Удивительно сродственную почву образовали эти два язычества. Да только ли эти два? В африканских – южно-африканских прежде всего – теософиях находятся в изобилии и обожествление неба, земли, горы, скалы, деревья, каменных и деревянных идолов, ро-доплеменные культы предков и очага, вера в колдовство и гадание, магию защитительную и вредоносную, полидемонизм. По представлению народа азанде (Конго), человек обладает двумя душами: телесной и духовной. А народ акан (Гана), не скупясь, наделяет его даже тремя, среди коих имеется и "окра" – "душа-дыхание", "душа – жизненное начало". Наконец, тотемизм... Этим словом, взятым напрокат у северо-американского индейского племени оджибве, окрещены языческие понятия о таинственном родстве души человека и животного, человека и растения. Тотемные

предки (мифические полулюди-полулеопарды, например) давным-давно когда-то положили начало роду и почитаются с особым благоговением...

Воодушевляясь подробностями, рассказывал мне о корнях алтайского тотемизма Сазон Саймович Суразаков. Этот темноглазый, с весело поблескивающими стеклами стареньких очков, непоседливо-живой, хоть и немолодой уже человек, передал мне историю медведя, который в человеческом естестве был силен, но простоват, и притом ел так много, что родственники были недовольны, когда, в обиде, ушел он из дому за дровами, а возвращаться раздумал – превратился в зверя. Вережка его и до сих пор висит на дереве (хмель), а на передних лапах будто и по сю пору сохранились признаки шерстяных перевязок, которые он носил в человеческом облике от ревматизма. И сурок, и бурундук, и глухарь, и кукушка, и коростель были когда-то людьми...

Сазон Саймович – глубокий знаток алтайского фольклора. И потому сюжеты в его устах сменяются один за другим. Он передает народное поверье про волка, явившегося из пещеры спасти маленького, беспомощного ребенка; волк-то был, разумеется, не простой – он к линии этого же рода принадлежал и побеспокоился о жизни продолжателя рода. Душа человека вживается в растения... Сазон Саймович напоминает о мифологических временах истории, когда Ульген только-только задумал сотворить человека и слепил из глины несколько пробных образцов. За душами к ним был выслан ворон, отправившийся напрямик к управителю райской страны Кудаю. Получив искомое, ворон полетел назад. Но на обратном пути его поджидали искушения в виде трупов верблюда, лошади и коровы. Мужественно преодолев первые два соблазна, ворон не устоял перед голубыми, манящими к себе очами коровы. "Ах, – каркнул он, глянув вниз, – какие глаза!.." И души полетели из раскрывшегося клюва на хвойные леса, росшие неподалеку. Вот отчего кедры, ели, пихты и можжевельник зеленеют летом и зимой, ведь они по-настоящему живые.

– Мифологические образы, – продолжал свою короткую лекцию Сазон Саймович, – как всегда это бывает, непременным элементом входят в народное искусство. Алтайский эпос древнейший, архаичный, в нем реально-историческое перемешано с легендарным. Идеи рода, родового бога проходят в нашем фольклоре очень ярко.

Ульген (о котором вы уже начитаны) по происхождению один из родовых богов. Егосыновья-другие родовые божества. Эрлик входит в эпос в результате позднейших влияний, в частности уйгурских. В сказаниях вместо Уль-гена выведен образ верховного существа Курбустана-тут водораздел между ними и мифологией, зато злому Эрлику повезло больше: он везде присутствует... Очень активны в нашем эпосе женщины. Дух горы появляется в виде нагой женщины; она берет на себя ответственную задачу воспитать героя, продолжателя родовой линии... В эпосе, между прочим, нет шаманов, одни шаманки.

— А где теперь все эти шаманы и шаманки?

— Ушли, как и положено им, "в тот мир". Правда, не всегда бесследно...

— Перед вами живое этому доказательство... Я сын шамана.

— Сазон Саймович! Расскажите!..

— Рассказать об отце? — переспрашивает Сазон Саймович, немного съезживаясь и взглядом следуя в то далекое прошлое. — Надо бы его видеть... Так вот трудно говорить о нем... Тем более жизнь не очень сладкая у него была... Женился в девять лет, невеста была 18-летняя...

— В девять?

— Ну, это обычный "экономический брак", девушка бралась в дом для укрепления хозяйства... Отец сильно болел. После этого и обострилась в нем страсть к камланию. При мне, правда, не шаманил он: берег от этого, наверное. В 1927 году он отрекся от звания шамана, сдал бубен. Я не отношу отца к "выдающимся камам", тут особенно острой драматической коллизии, пожалуй, и не было, и все-таки... Я видел, как отцу иногда хотелось покамлать. Уйдет из дома потихоньку куда-нибудь в кусты и себе в наслаждение занимается "чистым искусством". — Сазон Саймович остренько поглядывает на меня и с блуждающей, несколько лукавой улыбкой продолжает:

— Знаете ли, если кам настоящий, то обуревают его иногда такое желание пошаманить, что удержу нет... Бесы его распирают, наверное, покоя не дают. — Красноречивый жест руки, поглаживающей грудь, яснее многих слов рассказывает о неутомимой настойчивости этого желания...

Разговор как-то само собой переходит к предмету более затейливому: он касается странностей поведения шаманов, их причуд,

обычаев, разного рода хитростей их "профессии" и занятных парадоксов их "генетических линий". Оказывается, в наши дни эти колдуны и волхвы научились удовлетворять свой тайный порок, заменяя бубен другими инструментами, естественно, никак с ним не равняющимися. Шаманят, ударяя по ладони шуршащим и потрескивающим в ритм пучком сухой травы или березовыми прутьями. Орудуют даже топором, вращая его на разные лады, как это делает, например, шорка Тайбыгакова Тана.

– В таких случаях, – весело уверяет Сазон Саймович, – лед из-под топора сыплется.

В известном смысле это возвращение к беднейшим, архаическим формам: бубну исторически предшествовал однострунный лучок-скрипка, да и пучком березовых прутьев пользовались. Но бубен!.. Бубен для язычества то же самое, что орган для христианства... Между прочим, особую роль бубна подтверждает строго намеченная в прошлом зависимость от него шамана: ежели шаман трижды в момент камлания ломал бубен, то он незамедлительно дисквалифицировался, причем жесточайшим способом – он должен был умереть. Если он не делал этого сам, ему помогали. Вообще камы были отнюдь не бесконтрольны. Нельзя видеть в них элиту, свирепая власть которой безгранична. Во-первых, их было довольно много-каждый род и едва ли не каждая большая семья имела своих волхвов. Когда их скапливалось в ней больше, чем по одному, они начинали интриговать друг против друга, азартно колдовать, символически (да только ли?) "поедать" соперника, "убивать" его. Ну, а во-вторых, это множество подчинялось экономическим и моральным установлениям. Сколько бывало случаев, когда свою увлекшуюся многодневным камланием женушку-шаманку рассерженный муж без всякого почтения уводил за руку, прерывая священное действо: домашние-то дела не ждут... А шамана несправедливого, загубившего много человеческих душ, ожидала, по поверью, мучительная смерть-с кровавой рвотой, с извержением ногтей бывших его жертв... Нет, не было на Алтае сколько-нибудь идеализированного отношения народа к шаманству. Приходит на память картина алтайского художника Гуркина "Камлание" (Лидия Евгеньевна Чепкина извлекла ее из одного таинственного уголка своего разветвленного хозяйства). Светлая лунная ночь. На опушке возле костра в непринужденных позах

разместилась группа мужчин-алтайцев. Перед ними в каком-то осторожном вдохновении застыл, подняв бубен, шаман. Но лица присутствующих не хранят на себе отпечатка благоговейного восторга. Совсем напротив. Кто-то отрешенно уставился в огонь, мечтая о далеком, своем, кто-то с равнодушной ленцой просто присутствует здесь, а кто-то и с явной насмешечкой вперился в кудесничающего лицедея. Словом, представление, почти развлечение...

– Так вы говорите, Сазон Саймович, что потомки камов нередкоталантливы?

– Конечно, конечно! – он проворно вытягивает руки вперед ладонями, как бы накатывая на меня факты. – Далеко ходить не будем. Вот наш Сатлаев Николай Александрович. Талантливый, многообещающий Ученый. А родной его дядя-шаман. И незаурядный, сильнее отца. Внук Туянина Сапыра-знаменитость своего рода. – Уголки губ моего собеседника тронула улыбка патриотической гордости. – Мастер спорта по боксу, чемпион Москвы в наилегчайшем весе, внук-то. – Факты сцепляются в цепочку. – Ну, о Павле Кучияке вы, наверное, знаете?

Да, эта история из самых известных. Ее даже Иван Катаев вкратце очертил. Павел Кучияк – основоположник советской алтайской литературы, на удивление многогранная личность, был третьим сыном шамана. Первые два умерли. Их "украли" злые духи. Надо было любыми средствами спасти Павла. Для этого дано было ему особое имя: Ить-Кулак – Собачье Ухо, в соответствии с чем ему вдели в мочки ушей пучки собачьей шерсти. Духи были проведены за нос. Жизнью Собаки они не заинтересовались.

– Посодействовал шаман литературе.

– У нас самые неожиданные штучки бывают. – Сазон Саймович с тихим удовольствием клонит голову набок. – Совмещаются в одном лице таланты разнообразные...

– Как так?

– Вы слышали о наших кайчи, сказителях? Они под топшур поютстаринные героические алтайские сказания. В Горно-Алтайске недавносъезд кайчи состоялся. И первым был Алексей Григорьевич Калкин. Онисполнял отрывки из "Маадай-Кары", древнего эпоса о борьбе с набегами (несколько дней спустя Сазон Саймович махнет на "ИЛ-18" вМоскву в издательство "Восточной литературы", чтобы

принять непосредственное участие в выпуске этой книги на 9 тысяч строк).

– Он талантлив?

– Замечательное горловое пение. Он кайчи, он и кудесник...

– Где он живет?

– Село Ябоган Усть-Канского района. Только не надейтесь камлать он не станет. Но познакомиться с ним интересно.

Нечаянные дорожные встречи... Сколько они приносят порой неожиданных, но незабываемых радостных минут. Едешь – впереди пусто, только туманная, обещающая и чем-то уже лакомая неясность. Чем же? Ни за что не угадать. А встреча уже накатывает на тебя откуда-то издалека, к твоему приходу готовится, наливается смыслом, предназначенным тебе. Попробуй отстранись равнодушно, упусти момент (у тебя есть цель, ты человек деловой и не намерен растрачивать время по пустякам) – и прокатишь, пожалуй, мимо главного своего интереса, мимо желанного открытия... Я на всех парах мчал к Алексею Калкину, и если бы не случайная заминка автобуса и не остановка в деревушке Дьекти-ек, то не видать бы мне Зои Игнатьевны Самаевой. И если бы не эта и еще такие же неплановые встречи, то многое в облике Алексея Калкина осталось бы непроясненным...

Зоя Игнатьевна Самаева работает библиотекарем в бревенчатом одноэтажном клубе Дьектиека, к ней заходят получить книгу и аккордеон, взять шахматы или домино. Ощущение здоровья и веселости остается, как только взглянешь на Зою Игнатьевну, коренастую, крепенькую, с темно-бронзовой кожей упругих щек, совсем молодую на вид женщину. А ведь у нее уже четверо. Младшего – Геннадия – я видел; этот мальчик с глазами цвета антрацита любит прогуливать по центральному проспекту села великоватый ему матросский бушлат с золотыми пуговицами. Со вздохом, но не без тайной материнской гордости Зоя Игнатьевна сообщает о хобби Гены: он страстный собиратель значков, хотя в девятом классе пора бы эту забаву оставить. Подвигаясь маленьким шагом вдоль стеллажей, Зоя Игнатьевна по-светски учтиво ведет беседу, рассказывает о семье, о себе. Гена ее волнует больше других, те трое уже встали на твердую дорогу; сама окончила восемь классов, работала учительницей, теперь вот осваивает библиотечное дело; муж служит председателем

рабочкома в Шебалинском совхозе. Они-то не местные, корни их в Усть-Кане. Была ли в Ябогане? Конечно, и Калкина знает прекрасно. Какого о нем мнения? Тут Зоя Игнатьевна чуть приостанавливается, но говорит затем с такой же охотой и уверенностью. Сказитель он хороший – его вся область знает, он в почете. Что же касается другого... Многие к нему лечиться ходили, толковали, будто помогает. А она не верила и сейчас не верит. Смеялась над ним: дурачит людей. Подружке говорила: больницы есть, врачи, не ходи к нему – только водку выпьет да обманет. Эта не пошла, а другая знакомая сына к нему повела. И уверяет, что, дескать, вылечил. Самовнушение это!

Одна из встреч состоялась почти на самом пороге юрты Калкина... Ябоган – село преогромное, но заезжего дома тут нет, путешественники Как-то сами собой растрясаются по квартирам. И вот, рыская уже а сумерках, попал я по воле случая в одно из самых радушных семейств села, ничего об этом не подозревая. Станислав Андреевич Гринкевич, молодо встряхнув блондинистой прядью волос и оглядывая незваного пришельца, предложил квартироваться тут же; мнение это тотчас было подхвачено его супругой Еленой Андреевной и поддержано уместной шуточкой младшей их, Ирины; дохнуло гостеприимством, ненавязчивым дружелюбием... Они старожилы здесь, в Ябогане, и хотя Станислав Андреевич из Прибалтики, а Елена Андреевна из Финляндии, дружная пара не думает сниматься с места. Гринкевич работу совхозного ночного сторожа совмещает со школьным делом – заложенный еще в гимназии интерес к музыке прививает ребятам; он зампредрабочкома; Елена Андреевна, облачившись в строгое черное платье, каждое утро идет заведовать книжной торговлей; тоненькая Ирина заканчивает десятый класс. Калкина знают они много лет, Станислав Андреевич с ним в приятелях, в сотоварищах по обществу слепых. Алексей Григорьевич Калкин – инвалид второй группы, он сильно близорук, хотя очков не носит. Станислав Андреевич дает высокую оценку исполнительскому дарованию Калкина, владеющего секретом синхронно-двуголосного пения. Мастер. Среди алтайцев пользуется непререкаемым авторитетом.

...Завтрашнее свидание щекочет воображение. Каков он, этот сорокалетний Алексей Калкин, профессиональный кайчи, родной внук шамана?

...На следующее утро мы со Станиславом Андреевичем поспешили на край села, к резиденции Алексея Калкина. Вот уж обозначаются за стандартным штакетником дом и соседствующая с ним юрта, виден темный провал ее входа.

Алексей Григорьевич торопливо рассаживает нас, сам садится на застеленную овчиной мехом вверх железную кровать, укорачивая разом немалый свой рост. Жадно всматриваюсь в его лицо, отыскивая приметы особенного, но их вроде бы и нет... Вместительный череп украшен крохотной кисточкой чуба, широкий бугристый лоб, треугольная кнопочка носа; поворачиваясь, Калкин открывает во весь рельеф емкую раковину оттопыренного уха, стриженный почти до макушки крепкий затылок. В глазах неуверенность, вопрошающее беспокойство. Но вот первые минуты волнения минули, и хозяин дома спокойно складывает на коленях бледноватые жилистые руки, могучий ящик грудной клетки легонько поднимается для дыхания... Готовя трапезу, энергично орудует у очага ("тулга" зовут его по-алтайски) двоюродная сестра Алексея Григорьевича, молодая женщина с красивым разлетом черных бровей; примостились на скамейках мужчина с символической бородкой и женщина в потертой плюшевой жакетке. Эти двое наверняка по делу к Калкину.

Теперь можно осмотреться, оглянуться. Шестигранная просторная юрта связана из сильных, вкусно прокопченных бревен. Стены увешаны хозяйственной утварью – вперемешку архаической и современной. Тут куух (пузырь для масла) и мясорубка, арчмак (кожаная вместительная сумка из толстой кожи для езды на лошади) и рюкзак новейшего образца, сохы (большущая ступка на плотно утоптанном земляном полу) и обыкновенное сито на полке. От стены к стене тянутся две параллельные жерди, т.е. приспособление для просушки сырчика. В юрте не жарко, едва тянет вкусным запахом догорающего лиственничного полена – исправно работает овальное дымовое отверстие. Через него сверху, заставляя танцевать пылинки, врывается сноп солнечного света, прорезает полумрак помещения, эффектно зажигает нежным кадмием букет полевых "огоньков". Цветы в банке с водой стоят на низеньком круглом столе. Вокруг стола – все мы...

На очаге аппетитно побулькивает чай (он соленый, с жиром – почти суп), шкворчит двадцатиглазая яичница с салом в огромной

сковороде, и уже произнесены первые тосты за знакомство. Алексей Григорьевич оживляется, но говорит немного, да и то все по-алтайски, русским он владеет с трудом... Решаюсь, наконец, попросить его о главном – исполнить что-нибудь. Он соглашается охотно, берет в руки топшур. Вообще-то у него их два. Один с дарственной надписью, лакированный, украшенный драконами, оленями и охотниками, с двумя капроновыми нитями вместо традиционного конского волоса. Однако он чуть дерезо-нирует, он резок по тону. Второй выдолблен почти весь из цельного дерева, только верхняя дека пришта деревянными колышками. Он не крашен, даже с шероховатой поверхностью, но тембр его благозвучнее, чище. Тем не менее увертюру свою Калкин начинает с первым... Равномерное потренисивание по струнам – размеренная, монотонная, тягучая мелодия полилась. Звуки скрипки пиччикато обнажаются резче, оголяются, а затем начинают плавно обволакиваться густым приглушенным воем большого шмеля – вступает кайчи. Губы его сейчас стянуты в треугольник, плотно сжаты, всегда выставленный булочкой подбородок поджался, подплющился, лицо краснеет от натуги, на лбу вздувается наискось проходящая жила. Это незаметно был сделан полный вдох широкой грудью, а теперь минуту – не меньше – воздух, выжимаясь, как мехами, поет шмелем. Постепенно усиливаются хрипы, сминающие мелодическую линию, уплотняются до рычания какого-то опасного зверя, скорее всего, это медведь, настроенный недружелюбно. Наконец, с треском разрывается полоска рта, под аккомпанемент хрипотцы вырываются первые слоги – ба-а-л, ра-аам, нэ-эх, ты-ын...

Назавтра я узнаю, что исполнял Калкин отрывки из старинных героических сказаний. Однако и легкость, с какой об этом сообщила жена Калкина Евдокия Яковлевна, и, главное, само непосредственное впечатление от исполнения свидетельствуют в пользу того, что не тема произведения тут важна, не "содержание" его, а только звуковое состояние певца. Вглядеться – Калкин весь ушел от себя, его как человека, умеющего говорить и действовать, сейчас вовсе нет. Чувствуется, как все нутро кайчи дрожит, вибрирует, стонет от напряжения; это уж не он сам, а большой, во плоти человеческой инструмент разговорился, разошелся, выводит наружу все богатство своих тембровых запасов. Вот выскочил второй голосок – писклявый,

слабенький, вот нырнул и исчез, и опять открытое, сильное дрожание мембраны... Не тонкостями музыкальной культуры притягивает к себе это ритмическое гудение – пение-заклинание, а первородностью лесного вздоха и крика, перво-родностью "звериной" основы вокала. Легко вообразить себе Алексея Калкина на столичной эстраде (где, кстати, он и выступал), залитой светом софитов и люстр, но нет сомнения, что сила и обаяние его в такой обстановке почти начисто исчезнут, равно как и в самой совершенной магнитофонной записи. А тут, прервавшись на минуту, крепкими сахарными зубами скусив жестяную пробку с белоголовой, разлив себе и гостям, заново воодушевленный, удобнее расположившись на своем меховом ложе, он берет в руки топшур; снова и снова под сводами юрты разносится пение, в котором не "смысл" говорит и значит, а только один этот голос – природное, переданное звучащим аппаратом человеческого тела.

Много раз повторяется так; перерывы между исполнениями постепенно учащаются, удлиняются, но сколь бы кратким ни оказывалось пение, образ его оставался постоянным и устойчивым. Заметно было, между прочим, что к благозвучному своему скромненькому на вид топштуру Калкин менее благосклонен и обращается реже, чем к злomu на тембр лакированному красавчику. Пожалуй, именно взрывчатые пульсы гармоничности последнего безотчетно привлекали его к себе. Видно, надобно кайчи полнее чувствовать раздражающую самостоятельность инструмента, чтобы следовать за ним, уходить от певчества подальше. Парадокс: мастера заставляют бубен вкупе с его братом тамтамом придвигаться теснее к человеческой психике и даже речи, а свой голос кайчи отправляет в сферу материальных вибраций.

– А нельзя ли немножко покамлать, Алексей Григорьевич? – спрашиваю невзначай в одну из пауз. – Вы же мастер...

Легкое движение пробегает после этого невинного пожелания по кругу гостей. Жена Калкина смотрит на меня с твердым, по-мужски волевым выражением крупного лица: "Он этим не занимается... Алексей Григорьевич – кайчи..." Сестра Калкина, Ольга Ивановна, подсаживается к брату и, недовольно нахмурившись, крепко берет его рукой за плечо. Калкин, стирая следы довольной улыбки, бормочет вслед: "Не понимаем этого. Не знаем..."

Итак, принципиальный отказ. Опасение. Боязнь. Недоверие. Но потихоньку все же тает мнительная настороженность, да и появляется все больше желание щегольнуть умением. Но в этом сознательном усилии проступает уже нечто афишное, рекламное. Вот в одном из антрактов Калкин решительно встает во весь рост. Отвага плещется в его глазах. Он протягивает вперед руку – это уже не какой-нибудь там кайчи, а пророк, уста отверзающий. Что-то скажет он сейчас, обращаясь ко мне. Вот что говорит он, а чело блещет, а глаза задумчиво-снисходительны:

– Твоего приезда я ждал четыре года. Знал день и час его (то-то стакой аккуратностью готовился к торжественной минуте). Знаю цельтвою. Ты приехал меня проверить!

– Нет, дорогой Алексей Григорьевич, ошибаешься. Вовсе не затем...

Удивительна все-таки инерция этого растревоженного привычкой рассудка. Опыт подсказывает – смекай эдак, и "вещное" слово уже летит с уст. В результате полнейшая "не-контактабельность"... Впрочем, часа этак через два Калкин начинает понимать, что несколько дал маху. И, видно, решает исправить осечку. Он потихоньку заводит разговор о таинственном "шестом" чувстве и намерен, кажется, это чувство проиллюстрировать. Он предрекает, правда, уже сидя и не жестикулируя, появление во время дальнейшей нашей встречи двух дополнительных бутылок горячительного (их принесут не руки московского гостя). Увы, совершенно очевиден этот прием построения "ситуации пророчества". Калкин рассчитывает на догадливый энтузиазм своей паствы, круг которой заметно расширился; однако бальзаму не суждено пролиться на душу Алексея Григорьевича – в указанный срок появился лишь один из сосудов.

На следующий день, перед окончательным нашим прощанием, Калкин сам возвращается к "теме камлания". Привези бубен, говорит, покамлаю. Приведу большого медведя. Гипноз будет... Все, что надо, будет...

Калкин широко разводит руки, показывая, какие должны оказаться у медведя плечи, и улыбается странной засасывающей улыбочкой. Видно, толкается в нем, жжет его сейчас в груди неутолимый тот бесенок, о котором говорил в свое время Сазон

Саймович. Однако предложение малоосуществимое при всей соблазнительности увидеть медведя-косая сажень в плечах.

Алексей Григорьевич вежливо провожает меня, взяв за руку. Благодарю его за прием, за превосходные музыкальные импровизации. Они крепко залегли в памяти. Это непритворное, настоящее. Исполнение Калкина без натяжки можно поставить почти вровень с Песней Бубна.

Последний этап командировки – автобусом через Усть-Кан до села Кырлык. Эта точка Юго-Западного Алтая – место, знаменитое своим прошлым. Ничем не выделяясь сегодня среди окрестных деревень, Кырлык на карте религиозных течений Алтая, существуй она, был бы отмечен особым знаком.

Языческая традиция Горного Алтая за время своего существования постоянно находила ожесточенных конкурентов и деятельных оппозиционеров. С начала прошлого века на Алтай просачивается христианство – в образе русского православия. В 1830 году в Улале архимандрит Макарий организует духовную миссию: сфера ее влияния постепенно расширяется: к шестидесятым годам на реке Майме и возле Телецкого озера открываются два монастыря. Темные язычники должны были оказаться под твердой рукой православного бога, для этого были привлечены лучшие силы духовенства, прибегавшего чаще к помощи пряника, а не кнута. Не говоря уже о Макарий, человеке европейски образованном, авторе первого перевода Библии с древнееврейского на русский, среди плеяды его продолжателей были люди незаурядные, совмещавшие основное свое занятие скрещения язычников с исследовательской работой, с просветительской культурной деятельностью.

Таков был, несомненно, протоиерей Василий Вербицкий. За тридцать семь лет пребывания на Алтае он написал серию этнографических статей, создал "Краткую грамматику алтайского языка", "Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка", ввел в практику основы научного пчеловодства. Семена подобной просветительской работы не могли оказаться вовсе бесплодными, но религиозно-идеологическое наследие миссионерства оставило ли по себе память в сердце алтайца? Уже в первой трети нашего века один из путешественников писал о "бесполезной формальности" крещения пяти-шестилетних детей, венчаний "давно обвенчанных перед лицом

неба". "Мы знали, что не успеют наши лошади скрыться за поворотом горы, покинутые дети природы услышат призывный звук бубна и уйдут приносить жертвы к священному дереву. Украсят его цветными лоскутьями. Будет кривляться "кам" (жрец) вокруг обезумевшей от страха лошади перед кровавым актом жертвоприношения. Будет брызгать священной водой на этих тихих и задумчивых детей природы, поселяя в них страх перед многочисленными, неведомыми лесными богами".

Впрочем, занятные иногда отпочкования выгоняло это семя миссионерства. Как раз в Кырлыке мне довелось познакомиться с Марией Андреевной Аргоковой, женщиной, которая прошла путь от батрачки у своей собственной сестры до непримиримой комсомолки-атеистки 30-х годов, до партийного работника и учительницы средней школы. Мать ее, Мария Арсонофьевна, – крещеная. Бедное семейство выходцев из Тувы еле сводило концы с концами; с отчаяния брат продал Марию в рабство за коня; она бежала от хозяина, но была возвращена, к ноге ей был прикручен деревянный чурбан. Однажды, подволакивая ногу, пошла она за водой к озеру. И тут увидела лодочку, скользящую по воде, а в лодке человека, сверкавшего на солнце чем-то золотым. Это был крест отца Арсонофия, который заметил 12-летнюю девочку, освободил ее от чурбана, убеждением ли, принуждением ли направил в монастырский приют. В приюте Марию энергично приобщали к вере, тщательное предварительное дознание игуменьи определило выбор крещеного, с половиной русской крови жениха для призретои... По словам Марии Андреевны, мать была человеком серьезно верующим, но никак не фанатичным, она не препятствовала дочери вступить в комсомол, избрать свой путь в жизни. Резко разошлись по убеждениям Мария старшая и младшая...

Нет, православие к началу XX века не ограничивалось кавалерийскими наездами на паству, легкой конкуренцией с язычеством. Выращивание нового типа семьи, вроде семьи Марии Арсонофьевны, создало форпост борьбы, и не только против шаманства... Между прочим, село Кырлык и оказалось одним из "горячих мест" этой схватки. Село Кырлык знаменито тем, что здесь в мае-июне 1904 года образовалась, на манер Моисеевой... новая религия. А было это так. В упомянутые сроки явился к кырлыкскому пастуху Чете Чалпану всадник, объявил себя главой ойротов, сообщил,

что он был, есть и будет во веки веков, и пожелал передать алтайцам через безгрешную приемную дочь Четы свои заповеди. Некоторые из них бесхитростны и просты, вроде пожелания не курить табаку, говорить при встрече друг Другу "якши", не рубить сырой лес, убивать "всех кошек" и никогда не пускать их в свои юрты и т.д. и т. п. Другие поважнее: "Бубны шаманов сожгите, потому что они не от бога, а от шайтана. С христианами из одной посуды не ешьте" – и ряд подобных же тезисов. Через несколько дней в долине Теренг (Гере, Терен), что близ Кырлыка, собралось тысячи четыре алтайцев, чтобы молиться Белому Бурхану и уяснить точнее его рескрипты. Три дня получали их через дочь Чалпана, а потом к народу прибыл младший из Бурханов (их было трое) в сопровождении красивой девицы. Он еще раз растолковал главный принцип веры, призвал избрать князя, объявил, что вводятся новые деньги. Девица, поясняя слово делом, трижды хлопнула плеткой о камень, и вычерпнула из-под него пригоршню новеньких монет с изображением дракона. Когда же несколько крещеных алтайцев, бывших в этой же самой толпе, заявили, что русский актер сыграл бы лучше, то их вязали и пороли плетью до тех пор, пока они не признали власть всемогущего Бурхана. Вот так и возник на Алтае бурханизм.

Весть о таком чуде-чудном долетела до Петербурга. Николай II, не обольщаясь сказочной стороной дела, повелел брожение прекратить, Плеве довел его мысль до губернаторов, и 21 июня "ратники", из местных крестьян, воодушевленные словом епископа Макария, с успехом разогнали сборище. Чета Чалпан был препровожден в бийскую тюрьму, его судили через два года по статье 938-й Уложения о наказаниях (какие меры применять к колдунам), но усилиями петербургских адвокатов оправдали (в том громком процессе участвовал экспертом-этнографом известный народник Д. А. Клеменц).

Историки до сих пор не пришли к соглашению в оценке этого эксцентрического события. То ли это движение реакционно-националистическое, то ли народно-освободительное в мистифицированной форме, то ли еще что-то третье. В любом случае, однако, ясно, что сверхъестественного в нем куда меньше, чем политического. Впрочем, вот мнение А. С. Панкратова, высказанное через пять лет после окончания суда, когда все еще было свежо на

памяти современников: "Новая религия на Алтае все-таки основалась. Бурханизм представляет собою осколки буддизма и монгольского ламаизма, но по своему содержанию это новое верование представляет собой особый вид религии, не встречавшийся еще в жизни народов. Шаманизм под ее влиянием исчезает. Алтайцы прежде приносили жертвы Ерлику-Номусуцесову, которого они считали своим владыкой. Теперь бурханисты стали во враждебное отношение к злым духам".

...Итак, религия "все-таки основалась". Что же такое она сегодня? Какие следы после себя оставила? В чем выразилось ее влияние? Этими вопросами я задался уже в Барнауле, пытаюсь вытянуть ниточку прошлого. Но там, в крайцентре, сделать мне это не удалось. Впервые я задел эту тему в кабинете заведующего отделом пропаганды "Алтайской правды" Михаила Ивановича Орлова. Чуть подернулись брови у Михаила Ивановича при слове "бурханизм", но далее того не пошло: через минуту тактичный хозяин кабинета, отбросив дипломатию, признался, что слово это для него новое и совсем неизвестное. Из рассуждений Орлова можно было понять, какие сложные проблемы атеистической пропаганды волнуют газету, и насколько отдаленное к ним отношение имеет мифический бурханизм. Примерно те же самые мотивы прозвучали в речи Зинаиды Сергеевны Иониной, заведующей кафедрой истории Барнаульского пединститута. Вот Алексей Павлович Уманский выглядел более осведомленным; правда, чувствовалось, что знание его несколько книжного толка (собственные научные интересы далеко!) — подтверждая одну из своих мыслей, Алексей Павлович потянулся к энциклопедии.

Лишь в Бийске мне повезло. В Бийске нашелся единственный, наверное, серьезный толкователь бурханизма. И, конечно, этим единственным был Борис Хотьметьевич Кадиков. Он-то не по книгам одним бурханизм представляет, он его в живом виде щупал. В обычной своей огненной манере, едва выскользнуло сакраментальное словечко, хватает он тему не с краю, а за самую сердцевину, не прибегая к пособиям и справочникам. Он тут же новеллу подпускает, сюжет из собственной практики. Застал в живых Борис Хотьметьевич одного из телохранителей Четы Чалпана, 80-летнего Архтаева Уйбала. При первой встрече, в 1959-м, это был еще крепкий старик, с мощными выпирающими ключицами, с огромной грудной клеткой. Сидел он в

юрте на шкуре горного козла, как будто живое изваяние, как Будда (Борис Хотьметьевич в жестах изображает это сидение). Крепким орешком оказался он даже и для такого опытного беседчика, как Кадиков, ничего не хотел говорить, однако понемногу проникся доверием к тонкому знатоку алтайских обычаев. В свое время был он ярым бурханистом, верил в то, что делал. Хвалил Чету Чалпана, выступал, дескать, тот за простой народ, за справедливость. Рассказывал Уйбала, как, накрепко сцепив руки, окружив Чету кольцом, не допустили к нему телохранители ратников, волоса его не дали тронуть... После падения бурханизма ударился Арх-таев в наживу, повел за собой всю свою большую семью, в которой его слово было законом. Жили они особняком, поодаль от села, одной семьей, изолированно, и после революции так тянулось долгое время. Вроде "отруба" это было, с претензией даже на самостоятельное ведение хозяйства. Но в последние годы ослабел глава дома. К моменту второй встречи с Кадиковым (1961 г.) его авторитет уже рухнул.

Тайн Кара Таянович – тоже 80-летний алтаец, тоже в прошлом бурханист, – с ним мне удалось встретиться в Кырлыке, видеть его и говорить с ним. Это совсем другой представитель бурханизма, а точнее сказать, так и пленник его, привязанный к событиям 1904 года чистым сцеплением обстоятельств. Он, конечно, и на молении был, и в брожении участвовал, но как бессознательная его частица. Этот рослый старик с традиционной алтайской бородкой клинышком говорит о событиях своей далекой юности в выражениях безличных. "Была большая толпа", "нас погнали к горе", "шаманов пороли" (и сам, может, порол, если б приказали?), "тех, кто отказывался молиться, сажали в тюрьму". Что-то жалкое, неуверенное проглядывает у этого одинокого человека-он с натугой переваривает вопросы, медленно думает и как-то не может собраться, дотянуться до мысли. Он всем обликом сросся со своей неудобной юртой, и отдаленно не напоминающей царственное пристанище Калкина, – жерди, собранные пучком, на манер высокого шалаша, сращены между собой корой лиственницы, т.е. стенами и крышей, вверху открывающей большую рваную дыру. Грустная старость... И то, что Кара Таянович в свой рассказ о прошлом никак не может внести оценки, вряд ли надо объяснять его особой дипломатией. Безразличное отношение к тем былым событиям подтверждают две детали его быта. Во-первых, он

курит трубку — вразрез с заветами бурханизма, а во-вторых... разместившись на мягком и довольно высоком ложе, сидит кошка — беспощадно черная кошка сверлит пришельца недобрым, диковатым взглядом. Как видно, Кара Таянович — человек без ложных предрассудков. Для него это друг, с которым он спит на одной постели, которому заботливо готовит болтушку в особой мисочке. Нет, хранителем старой религиозной традиции Тайна никак не назовешь. И ведь не ко всему он безразличен. Оказывается, был он когда-то топшуристом — и при воспоминании о славном инструменте разглаживаются густо-коричневые вечного загара складки на лице старика. Был лихим наездником, метким стрелком, было и еще что-то в жизни небезопасное и сложное, выстраданное и счастливое, только к бурханизму все это касательства не имело... Но расспрашивать Теина дальше уже как-то неловко, не лучше ли поговорить о проблемах его быта с директором кырлыкского совхоза?..

Так вот: это самое село Кырлык, в прошлом стянувшее к себе столь необычно большое количество религиозного чуда, нынешним своим обликом ничем об этом не напоминает. Как раз напротив — любитель экзотических алтайских редкостей мигом разочаруется. Юрты с их острыми жердяными шпильями можно по пальцам пересчитать; за эти летне-дачные помещения держатся, по словам руководителей совхоза, одни лишь старики (та же старость будто приковала и Тайна к его жилищу); все основное жилое пространство деревни отдано по линейке расчерченным порядкам стандартных одноэтажных домиков; эти проспекты разрастаются на глазах: я видел, как прибывший сюда областной архитектор въедливо добивался безупречной симметрии палисадников. Кырлыку назначено в ближайшие годы стать селом образцового быта. Кырлык — совхоз коневодческий, с перспективой на резкое увеличение табунного поголовья, но сейчас пока овечьи отары господствуют безраздельно. Начало июня — пора стрижки овец; в Кырлыке развернулась эта горячая кампания, забирающая все силы и все рабочие руки, и первые жертвы только-только вышли из-под машинки, возмущенным блеянием протестуя против своего неприлично голого вида. Легко понять, как далеки оказались проблемы бурханизма от интересов директора совхоза Николая Шиндеевича Тижина, голова которого занята словами "план", "отчетность", "сроки", "количество" и

"качество продукции". Единственно молодостью Николая Шиндеевича (а в Кырлыке все руководящие кадры молоды) да склонностью к юмору можно объяснить его благородное внимание к упомянутым проблемам. Умное и как-то по-юношески свежее лицо его изобразило с некоторым, правда, усилием дружелюбную готовность переключиться на историю. Почему бы и нет? Он человек любознательный – и о марсианских каналах можно потолковать, если что-то новенькое скажут. И уж переключившись, Тижин внимательно слушал короткую лекцию учителя истории Аябаса Николаевича Кундучина (тоже молодого, круглолицего, в соломенной шляпе), слушал о событиях далекого 1904 года, и веселые щелочки его глаз победоносно поблескивали: случилось же эдакое у нас, в Кырлыке...

При всем усердии и желании я не сумел обнаружить в современном Кырлыке никаких следов живого бурханизма, той традиции, которая жила бы в людях, как-то руководила бы их действиями или на худой конец словами. Аябас Николаевич согласен: нравы сегодняшнего дня ни в малейшей мере не сопричастны той религиозной заявкой. Быстро возникло это, быстро и ушло. Аябас Николаевич предлагает расширить, так сказать, научно-исторический аспект поиска – в деревне можно наскрести двух-трех старушек, помнящих начало века. Но это мало что добавит к реальной современной картине. Куда привлекательнее взглянуть на само место знаменитого события. Как оно выглядит? Что сохранилось там от прошлого?.. Николай Шиндеевич с кроткой добросовестностью подбирает мне транспорт – мотоцикл и превосходнейшего водителя – ветврача Михаила Григорьевича Басаргина. Мы садимся, могучий "иж" рывкает шальным голосом – и вихрь отбрасывает назад смоляную копну волос моего чичероне.

Двадцать пять километров круговой дороги, повторяющей своей петлей овал кольцующих долину гор. Вот они: слева хребет Ламах, справа гряда Ян-Озек, прямо, т.е. с юга, горбятся контуры Ян-Озекского перевала. Мотоцикл летит по широкой, плотно убитой, некруто забирающей вверх дороге; мимо остатки безымянных, развороченных курганчиков, беспорядочные сбросы камней и щебня, пятна солончаковой почвы с травинками хилой полевицы, а вот зеленая щетинка всходов овса, без всякого уважения к традиции разметнувшегося по всей площади долины. Только что пролился

короткий бешеный грозовой алтайский ливень, промыв и без того чистейший горный воздух. Слева сдвигается на ходу живая панорама пригорья – то выступает пемзообразной кофейной выпуклостью, то вжимается ущельем, старческой морщиной, то выставляет глухую гущу хвойных, то оборачивается шелковистым зеленым бугром и скатом. Глаз бежит дальше и выше, по площадке, уступам, тропинкам, к самой последней грани этого одушевленного рельефа. Неглупо, однако ж, была выдумана декорация для бурханистского театрального действия, не зря взят напрокат этот роскошный амфитеатр природы; как превосходно смотрится отсюда, снизу, белый всадник в белом одеянии, выплывающий, подобно облаку, на своем белом коне. Расчет эстетический... Мы с Михаилом Григорьевичем почти не делимся впечатлениями – тут надо помалкивать, не разжигать ощущений ненужным словом. Да к тому же Басаргин явно озабочен. О бурханизме он осведомлен, вероятно, настолько, насколько и Тижин, а тут непременно надо что-то добыть, свидетельство некое представить – нехорошо ведь не выполнить свой долг хозяина... Но вот вынырнула из-за очередного холма крыша длинного строения, это чабанский стан. Михаил Григорьевич притормаживает –; тут надо произвести разведку. Мигом окружает нас шумная толпа ребятишек и взрослых, остервенело атакуют собаки. После пятиминутного совещания он возвращается, садится за руль и, рывком выжав газ, сообщает коротко: "Ничего не знают".

Мы летим дальше, правда, уже не так весело, и когда километра через четыре картина встречи с овцеводами почти буквально повторяется, я не лыщу себя особенными надеждами. Но Михаил Григорьевич подходит к мотоциклу на этот раз спокойный и явно приободренный. За ним подпрыгивающей походкой следует пожилой чабан. Лицо его умильно расплывается, когда Басаргин говорит о нем как о знатоке места, получившем от отца некоторые знания о бурханистах. "А здесь, повыше, остатки их тюрьмы. Он проведет к ней", – кивает Михаил Григорьевич в сторону нашего поводыря.

Это уже след? Скорее туда!..

Через пятнадцать минут, преодолев крутизну трех-четырех подъемов, взбираемся на площадку, заросшую сочной травой и кустарником. Но где же... она? И что-то приземистое, четырехугольное выступает со стороны, куда потянулся указующий

перст нашего проводника. Но какой же невзрачный, жалкий у "этого" вид... Да и впрямь ли можно в подобное сооружение упрятать человека? Четыре стены ростом метра в полтора образуют крошечную камеру; стены сложены из плоских серых камней; никакой крыши, никакого входного отверстия. Как тут разместиться заключенному? Стоять?.. Она была в два раза выше, поясняет чабан. Пошатываясь, подходит к ней ближе, нашаривает в кармане штанов початую бутылку водки, медленным торжественным движением руки откупоривает ее и кропит камни... Великолепный жест языческого уважения к бурханизму! Перевернулся бы, узнав об этом, в своей могиле Чета Чалпан. Пророк новой веры, фанатик, несложный ум которого, по словам защитника А. Д. Вознесенского, "искал идею высшей справедливости, отказываясь от примитивной веры своих предков". Не привилась вера, еще раз-и как наглядно! – скомпрометирована она этим по-язычески оскорбительным обрядом. А справедливость?.. Что-то неважно гармонирует она с этим склепом. Пусть вид у него сейчас смешной, нелепый и совсем безобидный, пусть размеры насилия во имя веры были невелики, но все ж таки это было – угроза, диктат, принуждение. От размеров тюрьмы суть не меняется.

Ближе подхожу к нехитрому сооружению. Стены щелисты, хлопотливо бегают по ним муравьи, мышки оставили свои черные катушки на память. Солнце бросило луч по серой шероховатой поверхности, и выступила из основы спокойная, приглушенная, нейтральная зелень. Э, да тут красота!.. Тело камня, если присмотреться внимательнее, заросло, разукрашено, расцвечено лишайничками. Самых разных полно – их тут целые семейства. Вот вырезные плотные салатовые микролисточки. Рядом относительно крупные – настоящие упитанные грибки – ударяют в кадмий. А тут уж налился настоящий букет из сочетания розоватых, грязно-зеленых и совсем бледно-салатовых тонов. Все это уцепилось в мертвое тело, держится крепко, все это цветет, переливается, создает вечный орнамент природы... Наросший этот орнамент запомнился ярче, привязал к себе память сильнее, чем священные руины. Они – только груда камня, давшего почву жизни и красоте. Идея, собравшая, сдвинувшая их вместе, изгладилась начисто, а живое живет...

ТАЙНЫ КАЗАХСКИХ ШАМАНОВ

Для рассмотрения личности шамана наиболее ценны сведения о казахском шаманстве. Собиравшиеся на протяжении около двухсот лет сообщения о казахских баксы принадлежат случайным наблюдателям, людям разных профессий, которые не были знакомы с научными концепциями, не предлагали своих гипотез, а просто рассказывали о том, что видели и слышали. В распоряжении науки оказался материал, который не был неосознанно искажен собирателем под влиянием той или иной идеи или "модели". Из дошедших до нас описаний можно составить общее представление о качествах шамана, которому полагалось быть личностью незаурядной, ибо за ним стояли духи. Им он был обязан своим талантом. Если духи покидали шамана, он становился рядовым человеком. Чтобы приобрести и сохранять репутацию "сильного" шамана, баксы должен был постоянно демонстрировать могущество помогающих ему духов. В противном случае он не мог рассчитывать на благоговейное уважение окружающих. К нему относились бы как к шаману невысокого уровня, не способному на большие дела. (По материалам В. Басилова (Прим, авт.))

Прежде всего, хороший шаман должен был быть хорошим музыкантом и певцом: "Если кто хочет слушать настоящих киргизских (казахских) певцов, пусть слушает баксы" (Алекторов, 1900. С. 35). Невольник описал игру казахского шамана: "Вдруг Окэн ловко и сильно провел смычком по струнам кобыза и стал играть. Жалобно-раздирающие сердце звуки полились среди притаившей дыхание толпы... То слышался в игре баксы надрывающий сердце поток безотчетной грусти и тоски народа, кочующего по однообразной безотрадной степи; киргизы (казахи), как бы усыпленные, притаили дыхание, погрузились в раз-мышление... Все замерли в каком-то сладостном упоении, и только седые головы стариков тряслись от восторга, и слезы катились по их морщинистым загорелым щекам. Много еще Окэн играл, и играл действительно мастерски на своем оригинальном инструменте, ни один киргиз (казак) не отважился состязаться с ним на кобызе, а однажды на мой вопрос, встречал ли он

сам кого-нибудь, который играл бы лучше его, Окэн гордо ответил: "Если бы кто-либо превзошел меня в игре на кобызе, то я, разбив свой кобыз, обратил бы его в щепки, бросил бы в огонь и никогда в руки не брал бы смычка!" Баксы 3. Карибаев был "выдающийся игрок на кобызе"".

Способность играть шаману дают духи. Баксы Окэн рассказывал: "Прежде я не знал, как держать кобыз и смычок, но тут вдруг не только стал играть всевозможные мотивы и песни, но даже петь, и все это по вдохновенью духов". О вере в сверхъестественный характер игры на кобызе говорит рассказ баксы Сюименбая. Джинны объявили ему, что избирают его своим повелителем, т.е. шаманом. "В это время сам собою заиграл отцовский кобыз и пошел от стены, у которой лежал, ко мне". Игра на кобызе является признаком связи с духами. От казаха Адай-бая духи требовали, чтобы он стал баксы. Когда Адай-бай уступил их настояниям, "они велели ему взять в руки кобыз и начать играть". Кобыз и искусство игры на нем неотделимы от роли шамана. "К сухому дереву^[5], меня привязавшие!" – обращался баксы к духам-помощникам.

Некоторые шаманы владели секретом чревовещания. А. Диваев встретил баксы, "который поразительно хорошо знал чревовещание; когда он приступил к вызыванию духов и уже находился почти в исступлении, до нас явственно стали доноситься хрюканье свиней, рычание и лай собак, ржание жеребят, блеяние ягнят и т.д.". По сообщению А. Затаевича, баксы "если умеют, то прибегают и к чревовещатель-ству", неясно, правда, опирался ли автор на собственные источники.

Но, пожалуй, главное, что вызывало удивление окружающих, – это способность показывать во время обряда различные трюки. Трюки допускают разное объяснение и по этому признаку могут быть объединены в три группы.

1. Трюки, основанные на хорошем владении телом. В их число входит вылезание шамана через отверстие купольного круга на купол юрты, а также стягивание тела веревками. Шаман отваживался и биться лбом о сундук или толстую доску.

Описан и такой трюк. Баксы размахивал кинжалом, "потом, схватив топор, бил себя из всей силы обухом в грудь так, что кости трещали... после чего притворился умирающим, хрипя, как будто при

последнем издыхании. Через минуту шаман приподнялся, бессмысленно поводит глазами; к нему подложили маленькое корыто, в глубину которого он пустил рукоять кинжала, острием обратил к себе... потом подполз, вытянул шею, забрал конец кинжала в рот и напирался всем телом на острие до тех пор, пока лезвие исчезло в его горле до самой рукояти; тогда он приподнялся, показал всем присутствующим торчащую во рту рукоять и начал понемногу освобождать кинжал из горла и, отбросив его в сторону, страшно хрипел, изрыгал кровавую пену, и неистовство его дошло до крайних пределов". Очевидно, этот трюк предполагает умение расслабить нужную группу мышц.

Некоторые казахские шаманы жевали иголки: "Сюименбай клал в рот горстями иголки, жевал их, и мне слышалось хрустение на зубах". Некоторые баксы умели глотать иглы. И это действие, подобно умению жевать лезвия бритвы и затем глотать образовавшиеся мелкие кусочки, не выходит за пределы человеческих возможностей.

2. Трюки, основанные на способности регулировать работу органов чувств, например, умение брать в руки раскаленный докрасна железный предмет или наступать на него босой ногой. Судя по имеющимся материалам, немало казахских шаманов умело прикасаться обнаженными частями тела к раскаленному железу. Об одном баксы рассказывали, что он "садится в раскаленный докрасна котел и играет в немна кобызе".

Этот трюк широко известен в разных культурах и вне шаманства, но как часть (или пережиток) ритуальной практики. По горящим углям или раскаленным камням ходили в Китае, Японии, Южной Индии, на Фиджи, Таити и Маркизских островах. В Каппадокии (Малая Азия) в античное время жрецы храма Артемиды должны были проходить босыми по жаровне с углями, чтобы обеспечить всеобщее благосостояние. В Италии раз в год члены одного семейства публично шествовали босиком по горящим углям; считалось, что от этого действия зависит и урожай, и благосостояние народа в течение года. В Испании еще в XVIII веке пользовались привилегиями семьи, члены которой были одарены способностью ходить босиком по углям. В наши дни болгары-нестина-ры сохраняют этот древний обычай. Секрет хождения по горящим углям, видимо, основан на возможностях психики управлять физиологическими процессами организма, в

данном случае на способности погасить сигналы внешних раздражителей.

3. Трюки, основанные на ловкости рук (иллюзион) и гипнозе окружающих. Сегодня, когда уже почти невозможно увидеть действия баксы, нелегко сказать, в каких случаях шаман прибегал к ловкости рук и в каких к гипнозу. О трюках подобного рода свидетельствуют очевидцы. "На указательном пальце поднятой кверху левой руки Сюименбай держал высоко над головою кобыз, а поперек кобыза на струнах острием вниз лежала старинная... кривая сабля. Раздались дикие оглушительные звуки. Баксы вскочил и, как волчок, начал кружиться, только мелькали полы его бешмета, а кобыз и сабля сохраняли свое положение, ни на секунду не теряя равновесия". Кобыз баксы Окэна вдруг переставал играть. "Как он ни водил сердито смычком, струны не издавали ни одного звука; тогда он в бешенстве схватывает кинжал и пилит непослушные струны; все со страхом ожидали, что он искрошит струны кобыза, но каково было удивление... когда покорно полились желаемые звуки и ни одна струна кобыза не была повреждена кинжалом; несколько минут поиграв таким образом, он бросил кинжал и опять взял смычок".

Исполнялся и иной трюк. "Больной не было видно; она лежала за кошмой в углу комнаты. Бакса встал против кошмы, махнул сверху вниз рукою, и кошма раздвоилась. Все были поражены; наиболее смелые женщины ощупывали разрез и удивленно покачивали головами; я никак не мог объяснить себе этого фокуса".

По другому сообщению, баксы "рассекает тесаком на кибитке кошму, которая, несмотря на это, остается целой и невредимой". В изложении другого автора этот трюк еще более эффектен: "Баксы, сидя на месте, машет рукою: в какую бы сторону-он ни махнул, предметы, находящиеся на расстоянии 5-10 шагов от него, рассекаются, словно от удара острой шашки; кошма ли это стен... юрты, глинобитный ли дувал (стена), безразлично. Все это происходит якобы по воле джинна-разрушителя (джаргыш)".

Одним из самых распространенных трюков было втыкание сабли или ножа в тело, вскакивание баксы на острие сабли. Казахские баксы умели показать, что якобы взрезают и зашивают живот пациента.

Некоторые баксы мастерски пользовались гипнотическим воздействием на окружающих: "Баксы... с помощью вселившегося в

него джинна усыпляет больную, которая падает на пол и лишается чувств". Развлекая гостей на свадебных празднествах, шаманы "отводили глаза". "Например, баксы заявляет сидящим в юрте, что в ней будет наводнение и что каждый мужчина должен изловить щуку, а каждая женщина – утку. Происходит всеобщий переполох, но вода через несколько минут исчезает, а гости держат в руках кому что попало". Таким же способом развлекали окружающих и якутские шаманы. В Туркмении я не раз слышал от стариков, что порханы или колдуны (тер-сокан) могли внушить собравшимся в юрте людям, что в юрту хлынула вода. Следовательно, внушаемый шаманами образ был традиционным.

Прибегая к гипнотическому воздействию, баксы мог показать зрителям самые разнообразные трюки. Так, один из шаманов прочел свои заклинания и стал бегать вокруг больной с ножами в обеих руках. "Больная, лежавшая на кровати, которую с трудом могут поднять четверо мужчин, три раза медленно поднимается вместе с кроватью до "шангарака"... и так же медленно спускается на пол. У некоторых баксы еще во время игры появляются на лбу, на щеках железные иглы и на руках вместо ногтей – ножи". Очевидно, баксы не упускали случая поддержать веру соплеменников в свое могущество, для чего прибегали и к ловкости рук, и к гипнозу.

"Черный шаман" Аруун-бакши (умер в конце 1970-х годов), живший в селе Кызыл Туу-Тонского района Иесык-Кульской области, любил превращать белые камешки в сахар, а бараний помет-в конфеты или изюм. Об этом охотно рассказывают его родственники и односельчане. Люди осознавали, что в их руках отнюдь не сласти, лишь когда шаман уходил. Хорошо известен случай, когда Аруун-бакши при ссоре положил одному своему родственнику в карман веревку и внушил, что это змея. Найдя в кармане змею, родственник в испуге бросился бежать и вскоре упал без чувств. Однажды Аруун-бакши "превратил человека в лису". Шаманка Тёкёбай (Южное Прииссыккулье, умерла в 1939 г. в возрасте 89 лет), слепая на оба глаза, также была способна на гипноз. Ее внук (1924 г. р.) рассказывал, что, будучи мальчиком, сам привозил ей небольшие камешки белого цвета. Обратившиеся к шаманке за помощью бездетные женщины клали камешки в чай, мешали ложкой, наблюдая, как "сахар"

растворялся. Тёкёбай также умела внушить пациентам, что перед ними не бараний помет, а изюм.

Казахи верили в способность шаманов подчинять своей власти коней. Так, Берикбол-баксы (начало XX в.), проводя сеанс лечения, в экстазе призывал своего коня. "Конь, согнув передние ноги, заходил в юрту, потом подходил к больной и передние ноги укладывал на ее грудь"; баксы в это время читал свои призывания. "Обычно пациентки не чувствовали тяжести коня, а наоборот, это им давало облегчение". Таким способом лечили и некоторые другие шаманы Восточного Казахстана. Как сообщила Б.Х.Кармышева, это поверье бытовало и у казахов Южного Алтая. О туркменских порханах рассказывали, что они могли во время сеанса исцеления привести барана или козу в бесчувственное состояние (некоторые люди считали, что животное умирало), а затем "оживляли" их. Способность уйгурских шаманов совершать трюки с участием животных подтверждается очевидцем: "Принесли маленькую пеструю курицу. Бахши открыл ее клюв и вдохнул дым от свечей. Курица замерла и осталась неподвижной у ног бахши. Прошла минута – бахши наступил ей на шею. Послышался хруст. Потом... над головой сидящего больного бахши ввел нож во всю длину горла курицы и сделал движение, что кропит кровью. Но крови не было... Бахши воткнул две свечи в стены по обеим сторонам угла и, взяв нож, пригвоздил курицу к стене". Когда он выдернул нож, курица оказалась невредимой. "Я потрогал ее. Нигде ни одной царапины".

Этнограф вправе уклониться от задачи выяснить, каким путем шаман совершал свои трюки. Разъяснения профессионального (технического) характера должны исходить от мастеров иллюзиона.

Сейчас важно подчеркнуть главное: многие шаманы умели показать зрителям, что лижут огонь, протыкают себя и пациента ножом и т.д. Эти действия, которые удобно обобщенно называть трюками, были традиционными (одни и те же трюки совершались разными шаманами у разных народов). Способность шаманов к трюкам объяснялась помощью их духов. Шаман, совершая тот или иной трюк, призывал духов пособить ему. "Тяни!" – взывал, например, к какому-то своему духу баксы Окэн, вонзая в себя нож. Так же кричал и другой баксы. П. Небольсин, описывая трюки шаманов, замечает: "В конце этих фокусов оба киргиза (казаха) и вместе, и поочередно, оглушительно "орали" под невыносимые для уха звуки кобыза...

Чародеи призывали духов". Вообще все свои трюки шаманы показывали только после того, как были убеждены, что к ним пришли их духи-помощники. "По вызове джинна игра на кобызе и пение прекращаются, и с баксой начинается припадок: он начинает ломаться и грызть себе руки, у рта его показывается пена, и глаза закатываются под лоб. Последнее означает, что в баксу начинает вселяться джинн, по окончательном вселении которого наступает и конец припадка. Тогда бакса берет в руки нож..." и т. п. Своими фокусами шаман убеждал окружающих в том, что в него "действительно вселились его духи".

Описанные различными наблюдателями трюки обогащают наши представления о личности шамана. Действительно, круг необычных способностей человека, посвятившего себя профессии шамана, бывал широким. Ч.Ч.Валиханов имел основания говорить: "Шаман – человек, одаренный волшебством и знанием, он выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач". Вполне вероятно, что осознание человеком своей одаренности, выделяющей его среди окружающих, как раз и создавало необходимую психологическую почву для убеждения в том, что он – избранник духов. Талант издревле считался даром свыше. Это поверье-общее для ранних форм культуры. "Примитивный человек всякую личную удачу считает результатом покровительства какого-нибудь специального духа... У малайцев, например, талант – это только признак того, что у человека есть специальный дух-покровитель, и это проявляется уже не только в охотничьем быту, но и во всех областях их жизни, в индустрии, в искусстве резьбы и пр.". У казахов в помощь духа-покровителя верили народные певцы. По верованиям туркмен, удачливые следопыты (ызчы) следовали указаниям своего духа-помощника, "товарища" (ёлдаш).

Сведения о трюках раскрывают природу шаманского ритуального экстаза. Важно подчеркнуть: свои трюки шаман совершал в состоянии экстаза. Об этом пишут все, кто видел камлание. По рассказу П.Небольсина, шаман и музыкант, "затянув песню, стали воодушевляться; воодушевление это выражалось особенного рода – как бы сказать – не то фиоритурами, не то руладами, всхлипыванием на разные тоны, истерическими вздохами, заливаниями и вскрикиваниями. Потом оба они, все более приходя в экстаз, начали просто неистовствовать: они давились какими-то ужасающими слух

взвизгиваниями, пришли в совершенное бешенство". В состоянии описанного "неистовства" шаман стал демонстрировать трюки. Другой баксы сначала пел. "Ужасный, потрясающий голос явился у баксы. Он доходил до иступления, физиономия знахаря делалась отвратительно страшною, баксы выдернул из-за сундука, около которого сидел, что-то вроде ковша с двумя волосяными конскими струнами, и тут надобно было видеть остервенение баксы, с каким водил он смычком по этим струнам, издававшим глухой скрип. Глаза знахаря выражали неистовство, плечи подергивало, зубы стучали, все тело было подвижно, как в самый сильный пароксизм лихорадки. Он бросался из стороны в сторону, у рта выступила пена... В этом истинно сумасшедшем положении баксы кривлялся над больной, мял ее ногами, плевал ей в глаза". Затем шаман вскочил босыми ногами на кинжал, а после этого стал лизать раскаленный топор.

Способность шамана в экстазе совершать трюки, исполнимые только при полном контроле сознания над действиями, означает, что Шаман в экстазе владеет собой. Вот еще несколько свидетельств. "Баксы приходит в полное иступление и изнеможение, бежит с ревом... как опьяненный в случный период самец-верблюд, подражая собаке, выскакивает из юрты, бежит по полю, обнюхивая окружающее, мычит наподобие коров, ржет, подражая жеребцу, воркует как голубь и т.д." Все эти звуки приписываются джиннам. Этот баксы подражал крикам и поведению тех животных, в образе которых ему показываются его духи. Кунтуар-баксы (конец XIX-начало XX в.) "во время прихода джиннов ходил на орла, внутри юрты ходил прыжками и произносил звук "кыч-кыч", потом мигом оказывался на чанараке (купольном круге юрты) и снова спускался, ел сырое мясо". Шаман изображал своего духа-помощника орла; его поведение определялось свойствами овладевшего им духа.

Интересен рассказ о баксы Окэне: "Вдруг Окэн ловко и сильно провел смычком по струнам кобыза и стал играть... По мере того, как он играл, он воодушевлялся и все сильнее и сильнее водил смычком; он уже, закрыв глаза и лихо подергивая плечами, по-видимому, забыл всех нас и все окружающее... Казалось, он впал в какое-то забытие и, уже бессознательно играя, приходил в экстаз. Таким образом поиграв око-, ло двадцати минут, Окэн запел хриплым басом... Когда он оканчивал призывание, он весь трясся в конвульсиях и страшно

кривлялся, издавая при этом бешеные звуки и, наконец, икая так, как будто он съел целого барана с костями; это означало приход призываемого духа, и, чем больше прибывали духи, тем больше и сильнее он подергивал плечами с пеной у искривившегося рта. Теперь он совершенно взбесился: с ожесточением ползал по полу и, по временам грозно выкрикивая какие-то восклицания и заклинания, он опрокидывал назад голову и закатывал под лоб свои глаза". Но это вовсе не было бессознательным состоянием, Окэн отдавал себе отчет в том, что делает. "Окэн представлял нам своих духов в образе людей различных возрастов обоего пола, одаренных бессмертием, а потому он нередко переменил мотивы соответственно полу и возрасту; например, для призывания дев "чарующей красоты", как он выражается, он брал мотив более нежный и сладострастный. Особенно интересно то, что среди его злых духов есть так называемые "пять русских", для призыва которых он берет, к удивлению, какой-то уличный мотив русской песни". Таким образом, состояние экстаза не означает, что баксы совершает непредсказуемые действия.

Сведения о казахстанско-среднеазиатском шаманстве до сих пор не привлекались исследователями с целью понять природу шаманского экстаза. Между тем рассмотреть в этом плане сеанс баксы полезно. В разных культурах экстатическое состояние шамана имеет свои особенности. Чтобы характеристика шаманского экстаза была адекватной, отражающей его основные признаки, надо учесть по возможности все известное нам разнообразие форм, ибо в некоторых формах могут быть более выпукло представлены признаки, не получившие четкого проявления в других. Шаманский экстаз получил в научной литературе разные объяснения. В конце XIX-начале XX века на смену мнению, усматривавшему в действиях шамана ловкий обман, пришла другая точка зрения, согласно которой шаманов следовало считать людьми с больной психикой и расстроенными нервами.

Заявление, что шаман во время камлания подвержен припадкам, связанным с какой-то психической болезнью, наивно. Шаману положено совершать ритуал в соответствии с традициями, и действительный припадок, во время которого он не мог бы владеть собой, а то и потерял бы сознание, несомненно, должен нарушать ход обряда. Понимая это, сторонники взгляда на шамана как на

неврастеника и психопата утверждали: шаман наделен "огромной властью управлять собой в промежутках между действительными припадками, которые случаются в течение церемонии"; "шаман в отличие от обычного неврастеника и истерика обладает способностью искусственно регулировать припадки болезни". Эти разъяснения не убеждают.

В описаниях камланий заметно важное обстоятельство: баксы не подвержен "припадкам" до или после обряда. Перед сеансом он спокойно сидит среди собравшихся в юрте людей, угощается бараниной, рассказывает какие-либо истории или, напротив, сторонится общей беседы, готовясь к обряду. Он не падает на пол, не закатывает глаза, не кричит. (Здесь уместно сослаться и на мои полевые материалы, собранные среди узбеков. Я неоднократно расспрашивал и самих шаманок, и близких к ним людей о том, случаются ли у шаманок внезапные припадки или иные проявления "ненормальности" в повседневной жизни – скажем, во время приема гостей или домашних работ. Ответ неизменно был один и тот же: нет.) Странности ("ненормальности") в поведении шамана появлялись тогда, когда он приступал к проведению обряда. "Глаза его в это время наливались кровью, готовые выпрыгнуть из орбит, изо рта текла пена, и его в конце концов начинала бить "падучая"... Полежав немного, баксы быстро поднимался на ноги, дико озирался и, грохаясь снова со всех ног на подушки, начинал что-то несвязно бормотать". Я уже писал, что "припадки" и "обмороки" шамана неотделимы от обряда. Они логически связаны с его задачами и содержанием. Они предусмотрены обрядом. Именно такое "ненормальное" поведение и ожидалось от камлающего шамана. Оно было понятным для всех: шаман преображался, потому что им овладевали духи-помощники. Во время камлания шаман вел себя так, как требовали от него его верования. Это заключение, основанное преимущественно на сибирских материалах, находит новые подтверждения в сведениях о шаманстве народов Казахстана и Средней Азии.

Интересно заметить, что сами казахи не считали своих шаманов "ненормальными" людьми. Русским наблюдателям, видевшим казахов баксы и до, и после сеанса, также не приходило в голову назвать их истериками или субъектами с расстроенной психикой. Очевидцы подчеркивали лишь искреннюю веру баксы в реальность

мира духов. Например, баксы Таже, рассказывая о духах, "сильно волновался: глаза его блестели огнем, и руки задорно жестикулировали. Видно было, что все, что он рассказывает, – непреложная правда, в которую Таже верит так же, как в существование на земле широких степей и ароматного кумыса". Впервые утверждение, что шаманский акт "вызывается упадком сил, расстройством нервной системы... и другими психическими заболеваниями", высказал в связи с казахским шаманством этнограф-краевед, знакомый с идеями современной ему науки. Нетрудно заметить, что такая оценка не согласуется с фактами: разве гимнастические упражнения Шамана указывают на "упадок сил"? А снабженная медицинской терминологией, но лишенная аргументов по существу характеристика баксы как психопата была обнародована в 1978 году. Это мнение не опирается на наблюдения врачей или психологов (в Казахстане и Средней Азии медицинское освидетельствование шаманов не проводилось), а заимствовано из литературы.

"Припадки" или иные проявления "ненормальности" во время ритуала, очевидно, имеют тот же источник, что и мучительные видения периода "шаманской болезни". Внушив себе связь с духами, шаман должен был ожидать от себя и положенных при этой связи особенностей поведения. Приняв свою роль, он должен был развить в себе способность видеть во время камлания духов, явившихся на его призыв. Сами баксы, если собеседник располагал к откровенности, охотно описывали своих духов. Таким образом, "припадки" и прочие странные поступки вызваны самовнушением шамана, который знал, что во время камлания обречен на "припадки". Особенности ритуального поведения воспроизводили устойчивый древний стереотип – убеждение, что человек, одержимый духами, уже не может быть самим собой.

Состояние, в котором шаман захвачен видениями, называется экстазом. Экстаз достигается намеренно, усилием воли, концентрацией внимания, благодаря которым шаман вызывает в воображении и отчетливо видит духов. Н. Чэдвик писала: "Это странное, экзальтированное и в высшей степени нервное состояние не только сознательно достигается, но может так же сознательно и успешно контролироваться до конца и в соответствии с традиционными

предписаниями". Экстаз можно определить как заранее (более или менее осознанно) запрограммированное измененное состояние, достигаемое шаманом при помощи самовнушения. Шаман в экстазе совершает предписанные традицией обрядовые действия, значит, он знает, что делает. Более того, в экстазе шаман способен на чрезвычайную мобилизацию сил, оказывающую влияние на работу мышц и органов чувств.

У некоторых народов шаман во время камлания иногда ведет себя как невменяемый человек (видимо, он отключен от реальности в той мере, в какой это предусмотрено традициями). Казахский материал показывает, что "невменяемость" – не обязательная характеристика шаманского экстаза. Казахский стереотип не предусматривал полной отрешенности шамана: "Баксы все время остается в рассудке и отвечает на все вопросы посторонних". Из описаний очевидцев явствует, что баксы не терял связи с присутствующими.

Сведения о казахских шаманах побуждают нас признать самоконтроль необходимым условием экстаза. Если шаман потеряет самообладание, он не сможет действовать в соответствии с ожиданиями и достичь поставленной перед ним цели. Случаи, когда шаману не удавалось держать себя в узде, видимо, бывали. О них мало известно; тем ценнее скудные известия об отдельных баксы, которые, впад в экстаз, не смогли властвовать собой: "Один баксы, леча в 1890 году одну киргизку в Кал-мак-Кырганской волости от грудной болезни, первоначально загипнотизировал ее, потом... так хватил ее по груди кумганом, что та больше и не встала"; казах "обратился за помощью к знахарю... который начал лечить больного не только различными травами и снадобьями, но также и многоразличными заклинаниями, сопровождавшимися игрой на кобызе... Во время одного из таких заклинаний знахарь потребовал ружье и, впад в экстаз, выстрелил в больного, который и умер на восьмой день от полученной раны". В обоих случаях лекари явно предоставили йолу своим эмоциональным порывам, и их состояние вряд ли можно назвать экстазом в строгом значении слова.

Каким образом шаман входит в экстаз? Вопрос техники экстаза слабо освещен в этнографической литературе. М.Элиаде дал своей книге "Шаманизм" подзаголовок "Архаическая техника экстаза", но не существом технику экстаза не раскрыл, на что уже указывали критики.

В связи с этим новые материалы по этой проблеме имеют особый интерес. Некоторые наблюдатели задавались вопросом – что является причиной особого состояния баксы? Высказывалось мнение, что баксы бросал в огонь "какие-то пахучие одуряющие травы", "ходил вокруг костра, наклонялся близко к огню и вдыхал в себя дым, что, конечно, должно было опьянить его". Однако этим догадкам не следует доверяться. Шаманы в Средней Азии и Казахстане не употребляли галлюциногенов. Достижению экстаза, как правило, способствовала музыка, сопровождаемая пением баксы: "Во время игры баксы все более и более дуреет, делается неистовее и падает".

Этот процесс в разной степени детально описали многие авторы. Шапошников, например, сообщал: "Баксы стал играть; мотив игры мне показался похожим на какую-то русскую песню; игрой этой он наводил на людей какой-то страх. Проиграв приблизительно с полчаса, баксы начал с боку на бок раскачиваться, глаза его остолбенели, во рту появилась клубом пена, и он начал громко-громко кричать", призывая духов. Подобных описаний немало.

Как же объяснить воздействие музыки на баксы? В некоторых работах, посвященных сибирскому шаманству, говорилось о ритмичных ударах в бубен, благодаря которым шаман достигает нужной сосредоточенности на образах своего внутреннего мира. Однако дело здесь вряд ли в ритмичности звуков бубна: ритм ударов менялся в зависимости от того, какой дух пришел, что происходит с душой шамана. Да в казахском шаманстве и нет бубна. Здесь характер музыкального сопровождения другой. Некоторые авторы подчеркивали, что баксы исполняли "Коркут-күй" – мелодии, созданные легендарным первым шаманом и музыкантом Коркутом. Баксы "заучивает заунывный и однообразный мотив Коркута, в шаманские времена считавшегося главным покровителем баксы. Замечательно, что все баксы, услышав этот мотив Коркута, не в состоянии оставаться спокойными. Нужно полагать, что заунывный мотив Коркута сильно действует на их нервную организацию". "Услышав этот мотив или ему подобный, приходит в крайне нервное состояние и поет свои заклинания". Секрет воздействия музыки на баксы видели в особенном характере звуков кобыза, "таинственный гнусавый тембр коего способен вызывать соответственное гипнотизирующее настроение" баксы, играя отрывки из "Коркут-кюя",

придавали мелодии "мистический", "потусторонний" характер, "играя исключительно в нижнем регистре, где под смычком рождался низкий, жужжащий, "таинственный" звук, под стать их заговорам и заклинаниям".

Однако, судя по некоторым записям песен баксы, казахские шаманы играли во время обряда не только мелодию Коркута. Кроме того, баксы аккомпанировали себе на домбре, которая не могла дать то же звучание, что кобыз. Следовательно, дело здесь не в характере звуков и мелодий. Туркменские и киргизские шаманы приходили в экстаз под звуки щипковых струнных инструментов. Шаманы юго-западных туркмен не знали мелодий Коркута, а предпочитали мелодии песен на слова узбекского Поэта Алишера Навои. В Хорезмском оазисе записаны две шаманские песни, называемые "порхан нама". "Эти две пьесы являются лечебными песнями, употреблявшимися во время Надир-шаха пор-ханом... для лечения сумасшествия путем заговора. Обе эти песни исполняются со словами из стихов Юсуп-Бега (узбекского поэта из Куны-Ургенча)". Первая песня "служила для приведения порхана в экстаз, после которого он впадал в забытие", второй песней "будили впавшего в транс порхана". В. Успенский встретился с туркменским (чов-дурским) шаманом Оразназаром. Присутствовавший при их беседе музыкант стал играть. "Оразназар заплакал, начал нервничать, все время посматривая на дверь и с кем-то скороговоркой все время здоровался: "валеюкум эс селям!" Затем несколько раз сказал Мухаммеду-Мурату (музыканту): "Оставь меня, не играй... действует сильно"". В. Успенский не говорит, какие мелодии растревожили шамана (скорее всего, звучали упомянутые "порхан нама"), но в любом случае это был не "Коркут-кюй". У уйгурских шаманов наиболее распространен следующий способ начинать лечебный сеанс: "Бакши берет в руки бубен, садится лицом по направлению к кыбле, читает стих из книги Неваи^[6], затем произносит: «Алла танграмдинг...», затем бакши плачет и усиленно просит великих духов о помощи". Таким образом, шаманы могли прийти в экстаз под звуки разных музыкальных инструментов и разных мелодий.

Более того, музыка не была непреложным условием шаманского экстаза. По рассказу А. П-ва, баксы "дошел до настоящего экстаза" без игры на кобызе. Если автор не ошибся, баксы взялся за кобыз только

под конец обряда. Не упоминает о кобызе и П. Вавилов. Баксы, пишет он, "сидел на кошме, выкрикивал и звал к себе разных давно умерших людей^[7]... Затем у баксы глаза сделались белые, так что зрачков стало вовсе не видно, и, упав на землю, он начал говорить непонятные никому слова", а потом укусил старика и стал «бегать по кибитке вокруг больной женщины и несколько раз ее таскал и кусал» и т.д. А.Янушкевич попросил шамана предсказать, «когда мы будем в Омске и не пойдем ли против Кенесары». Баксы "начал тихонько молиться... Потом встал, зажмурив глаза и прохаживаясь, гневался, несколько раз призывал сатану, повторив: «Праведное дело нравится богу». Наконец, сатана вошел в него, тогда он стал издавать страшные крики и метаться по юрте, как зверь. Бросался между вещами, бил головой о кереги^[8], откидывал ее назад и вперед, стуча зубами, крутился влево и вправо так быстро и сильно, что весь покрылся пеной. Наконец, постепенно замедляя движения, совершенно успокоился и сообщил свое предсказание".

Даже если кто-либо из этих авторов просто забыл упомянуть о кобызе, наш вывод остается в силе. Мы располагаем сегодня многочисленными известиями о среднеазиатских шаманах и шаманках, камлавших без музыкального сопровождения. С внедрением мусульманских идеалов в шаманский культ музыкальные инструменты заменялись иными атрибутами – четками, книгой. Этот процесс в начале XX века оказывал заметное влияние на формы шаманства. У большей части киргизских шаманов не было музыкальных инструментов. Известны казахские и узбекские шаманы и шаманки, обходившиеся без музыкального сопровождения.

Каким же образом музыка, когда она звучала, помогала шаманам достичь экстаза? Объяснение роли музыки в изменении психического состояния шамана дает учение И. П. Павлова об условных рефлексах. Шаман может впасть в экстаз и без музыки. Однако какие-то внешние сигналы, которые в сознании шамана уже соединены с состоянием экстаза, могут воздействовать на его психику, ускорить появление переживаний, свойственных экстазу. Других людей эти сигналы (звук, запах, действие, слово) не понуждают сосредоточиться на своих видениях, но для шамана они имеют особую нагрузку, поскольку здесь уже установилась прочная связь. Музыка может служить таким сигналом.

Музыка традиционно составляла необходимую часть камлания. Уже готовясь к шаманскому служению и сидя в затворничестве, шаман играл на своем музыкальном инструменте, убежденный, что музыка привлекает духов. С музыкой были связаны специфические галлюцинации шамана (видение духов и пр.). Вот почему звуки музыки помогали шаману вызвать в своем воображении образы духов, углубиться в мир характерных для экстаза ощущений. Музыку можно с полным основанием сравнить со звонком, звуки которого создавали у подопытных собак И.П.Павлова реакцию на пищу.

Но не только музыка – и ритуальные предметы, и вся обстановка обряда в целом помогали шаману настроиться на уже привычное состояние, будто бы причиненное приходом духов. Такое объяснение позволяет понять, почему в разных культурах у шаманов были неодинаковые способы достижения экстаза. Единым был механизм воздействия условных рефлексов, но связи, создавшие эти рефлексы, были разными, зависевшими от особенностей культуры. Видимо, для закрепления условного рефлекса, способствовавшего достижению экстаза, годились любой предмет, действие, особенности обстановки. Примером предмета, который облегчал шаману переход в экстатическое состояние, может служить растение багульник в традициях нивхов. Чтобы впасть в экстаз, нивхский шаман нуждался в багульнике: он нюхал его зеленую ветку, вдыхал дым от горящих ветвей, пил настойку багульника. Причина воздействия багульника, который не служит галлюциногеном, до сих пор не была объяснена, между тем правомерно предположить и в данном случае эффект условного рефлекса. Так же возможно объяснить и обычай "урянхайцев" Северо-Западной Монголии: "Перед началом камлания шаман подсыпал в костер можжевельнику" (по мнению Г.Потанина, это делалось "для того, чтоб отуманить голову шамана...").

Некоторые шаманы в определенные периоды камлания закрывали глаза, чтобы их внутреннему взору быстрее предстали образы духов. Х. Кустанаев наблюдал это во время гадания казахского баксы. Шаман пел призывания под аккомпанемент кобыза. Но "вот баксы замолк; он вздрогнул, руки его затряслись, отчего побрякушки и разные привески на его инструменте забряцали. Баксы, казалось, прислушивался к этому бряцанию. Он по временам проделывал ужасные гримасы, то полуоткрывая, то закрывая глаза... Баксы, по мнению киргизов

(казахов), в это время расспрашивал духов о судьбе больной. Потом он очнулся, как бы от забытья..." Другой баксы взялся вылечить мальчика, страдавшего расстройством живота. В начале обряда он пел под звуки домбры "с закрытыми глазами и с движением всех членов своего тела", потом отбросил домбру в сторону и производил манипуляции со светильниками. Затем он вновь взял в руки музыкальный инструмент и закрыл глаза. "Потом баксы затих и, как будто засыпая, постепенно выпускал из рук домбру. Через несколько времени он, как бы очнувшись, открыл глаза и стал говорить обыкновенным голосом".

Из очерка о баксы Окэне мы узнаем, что шаман закрыл глаза уже в самом начале сеанса, играя на кобызе, еще до того, как запел. Свой первый трюк он также проделал с закрытыми глазами: "Вдруг Окэн замолчал и, как бы не имея больше сил противиться своим духам, бессознательно положил в сторону кобыз, и, страшно корчась, с закрытыми глазами начал искать кинжал. До сих пор он только призывал своих духов, но теперь начиналось лечение больных, что есть главное". Далее шаман вонзая нож в себя и в больную ("разумеется, ран или даже царапин не осталось на ее теле"); присутствующие также подверглись этой операции. Не сообщено, открывал ли баксы глаза, совершая свои трюки. Но когда Окэн сел и вновь взялся за кобыз, он играл с закрытыми глазами. "Теперь он не пел, а лишь, прислушиваясь к своей игре, покачивался из стороны в сторону. По уверению самого Окэна, в это время духи дают ему ответы на вопросы, советы, как излечить болезнь и т. п., и в то же время он провожает своих духов музыкой. Проиграв около 15 минут, он положил кобыз в сторону, медленно отер с лица пот и, три раза глубоко вздохнув, открыл глаза (во время всей игры они ни разу не открывались). Он осматривался кругом и, как бы приходя в сознание от долгого крепкого сна, припоминал, где он и с кем".

Закрывают глаза и среднеазиатские шаманы, которых я видел. Узбечка Нобат и таджичка Овлия-фолбин с закрытыми глазами гадали, играя на бубне. Айдай пела свои призывания в начале обрядов посвящения с закрытыми глазами (к сожалению, в моих записях нет соответствующих сведений о заключительной части обряда). Фотоснимок Айдай, поющей под звуки бубна с закрытыми глазами, опубликован. С закрытыми глазами Нобат пела призывания во время

своего обряда посвящения; она не открыла глаза и позже, когда начались движения "зикра". Айдай объясняла мне: "Как только закрою глаза – вижу перед собою духов. Они кружатся, подсказывают мне слова песнопений. С открытыми глазами видеть духов трудно, все мне мешает". Самаркандская гадалка Нурбиби также пела призывания под звуки бубна с закрытыми глазами. Одна из узбекских шаманок "напевала с закрытыми глазами, ударяя в бубен" в начале лечебного обряда. Закрывать глаза во время камлания – широко распространенное обыкновение шаманов многих народов.

Для понимания шаманского экстаза важен и такой факт, который не привлекался в полной мере к анализу материала: экстаз не был специфическим состоянием только одного шамана. В экстаз впадали и другие участники обряда, прежде всего пациенты. Уже высказывалось мнение, что экстатического состояния может достичь при определенных условиях любой человек. Полученный в Средней Азии и Казахстане материал подтверждает эту точку зрения. У казахов, судя по имеющимся описаниям, экстаз шамана не передавался присутствующим. Но у узбеков экстаз участников был довольно частым явлением, А. Л. Троицкая наблюдала один из таких случаев. Вначале при мерных ударах бубна и пения шаманки пациентка сидела неподвижно. "Вдруг как бы 1будорога пробежала по ее телу, голова затряслась. Успокоилась. Вновь судорога передернула тело, судорога повторилась, но более сильная и продолжительная. Вскоре больная начала неистовствовать, подскакивать на месте, тряся головой, размахивать руками, выкрикивать, иногда просто визжать, как бы в ужасе отстраняя от себя кого-то или что-то... Одна из присутствующих женщин начала вторить больной. Платок слетел с ее головы, косы разметались по спине, тело подпрыгивало, а руки то опускались, то поднимались, взмахивая концами широких рукавов рубахи". Когда обряд был закончен, А.Л.Троицкая "спросила больную, почему она так бьется и кричит во время сеанса. Она ответила мне, что видит всевозможных чудовищ и животных, нападающих на нее, а она защищается. Иногда ей представляется мужчина ужасного вида, стремящийся овладеть ею. Потому-то, окруженная такими видениями, она не помнит, что делает и говорит". Итак, как и у шаманов, у этой пациентки экстаз связан с видениями духов, которые фиксируются сознанием. По наблюдениям А.Л.Троицкой, больная после своих

припадков быстро приходила в себя. "Возможно, что она не могла довести себя до должного состояния, т. к. смущалась. В этом она признавалась мне впоследствии". Эта подробность также говорит об экстазе как о состоянии, подвластном контролю.

Об экстазе пациентов сообщал и М.Ф.Гаврилов: "Постепенно окружающая обстановка начинает воздействовать и на больного. Он впадает в возбужденное состояние, переходящее в экстаз, встает на ноги, начинает двигаться, крутиться и, наконец, постепенно выйдя из круга, опускается в изнеможении на землю поодаль". Прекрасное описание впавшей в экстаз больной женщины, перенесшей тяжелые и неудачные роды, оставила О.А.Сухарева. Отсылая читателя к ее работе, я приведу, однако, ее замечания, особо важные для характеристики экстаза: "Несмотря на как будто бессознательное состояние больной, ее движения следовали за темпом бубна, напоминая ритмичные движения в танце... Одна старуха, сгорбленная, дряхлая, еле державшаяся на ногах, тоже начала впадать в транс. В такт ударам бубна она принялась бить больную по плечу, подвигаясь к ней все ближе и ближе. Через некоторое время она подняла больную на ноги, встали и остальные женщины, и все бестолково топтались, толкая друг друга, посреди комнаты". Почему старуха подняла больную? Она собиралась делать движения зикра. Зикр, правда, не получился (может быть, потому что шаманка в этот момент не руководила женщинами). Тем не менее важно отметить, что старуха совершала предписанные традицией действия. Далее, когда экстатическое состояние больной достигло апогея, шаманка велела присутствующим: "Спрашивайте ее". Ей несколько раз задали вопрос: "Что пришло к тебе?" и больная вскоре начала описывать духов, представших ее воображению. Следовательно, эта женщина не утрачивала связи с происходящим.

Об экстазе участниц камлания рассказывают люди, хорошо знакомые с деятельностью шаманов: иногда "больной видит пары в образе Девушек и юношей". Такие же рассказы неоднократно слышал и я. Один из моих собеседников, например, описывал камлание шамана в Дейнауском районе Сурхандарьинской области УзССР. Шаман играл на бубне, высоко подпрыгивая; лизал раскаленную докрасна лопату; сидящие в доме женщины тряслись и завывали, даже били друг друга, но не замечали этого. Экстаз участниц шаманского

обряд я несколько раз видел сам. В 1974 году, например, шаманка Айдай (с. Малтап Гал-ля-Аральского района) провела обряд повторного посвящения (патаа жангалаш), чтобы показать мне, как он совершается. Обряд был проведен всерьез (Айдай испытала на себе недовольство своих духов-помощников, которым не понравилось, что их позвали в неподходящее время, в феврале, и без веской причины; на следующий день она чувствовала себя разбитой). В обряде участвовало несколько женщин-в основном те, которые тоже когда-то совершали обряд посвящения, ибо в роду у них были шаманки и кто-то должен был "взять на себя" наследственных духов, чтобы время от времени устраивать для них жертвоприношения. Две женщины, присутствовавшие на обряде Айдай, впали в экстаз. Они пребывали в этом состоянии недолго. Когда впоследствии, беседуя с одной из участниц обряда, я обратил на это внимание, было сказано, что мое присутствие смущало женщин. Во время обряда повторного посвящения, проведенного в 1979 году шаманкой Нобат (то же с. Малтап), впала в экстаз сестра шаманки. Сидя на месте с закрытыми глазами, она ритмично наклонялась вперед и в стороны, размахивая руками. Выражением лица она походила на потерявшего рассудок человека. Фотоснимок опубликован (Басилов, 1984. С. 162). Э. Р. Тенишев наблюдал экстаз больного во время лечебного шаманского сеанса у уйгуров (Тенишев, 1974. С. 341).

Напомню, что экстаз участников камлания отмечен этнографами, работавшими и в других регионах. В.Г.Богораз, например, описывал празднество чукчей: "На этом празднике все юноши и девушки, а также подростки тоже колотят в бубен, пляшут ритуальную пляску, громко выкрикивают и всеми мерами стараются привести себя в состояние экстаза. В этих случаях мне приходилось даже наблюдать массовое шаманство, особый психоз, который завладевал одновременно всеми присутствующими" (Богораз, 1910. С. 8). Вообще экстаз широко встречается и вне шаманства. Даже поверхностного знакомства с различными мистическими течениями разных времен и народов достаточно, чтобы удостовериться в том, что экстазу подвержены "нормальные" люди, овладевшие способами вызвать экстатическое состояние. Мусульманский мистицизм (суфизм) дает убедительные примеры группового экстаза, достигнутого специально

разработанными (и неодинаковыми у разных ответвлений суфизма) упражнениями.

Таким образом, экстаз не может быть объяснен как свидетельство "ненормальности" шамана. Это особое измененное психическое состояние есть форма ритуального поведения. Оно достигается во время камлания (гадания) и, главное, ради совершения обряда. Оно обусловлено культурными традициями, а именно верой в духов, с приходом которых человеку положено вести себя необычно. Экстаз вызывается самовнушением, основанным на глубокой убежденности шамана в том что он – избранник духов. Рассмотренный выше материал показывает, что способность шаманов "не помнить", что они делали в экстазе, не может быть принята как основная и годная для всех культур характеристика экстаза. Напротив, переносясь в царство своих видений, шаман переживает галлюцинации, соответствующие задачам обряда, следовательно, подверженные его контролю. Видения шамана не произвольны и в силу того, что его воображению предстают хорошо знакомые ему духи, т.е. образы, уже когда-то усвоенные его сознанием. Этих духов призывали себе на помощь многие поколения бывших до него шаманов. При этом шаман сохраняет прочную связь с реальным миром, чуткую реакцию на поведение присутствующих.

Такое понимание экстаза помогает нам объяснить особенности личности шамана. Эти определяющие особенности созданы не индивидуальными качествами психики, а культурным (социальным) стереотипом. Индивидуальные качества шамана, в том числе его особые дарования, вполне укладываются в этот стереотип, обогащают его и свободно проявляются в экстатическом состоянии. Этот вывод может быть отнесен к любой форме шаманства...

САТАНИСГЫ

В последние годы об этой секте стали говорить в связи с обрушившимся на наше отечество мистическим "цунами".

По западным фильмам многие представляют себе сатанистов как группу вполне взрослых людей, давших обет Сатане еще в ранней молодости и всю жизнь занимающихся черной магией. (По материалам Н.Логвинова. (Прим. авт.))

Но большинство наших некиношных сатанистов – подростки и молодые люди не старше 25 лет.

В 1991 году в Черкесске четверо старшеклассников, увлекавшихся спиритизмом и всерьез поверивших в дьявольскую силу, заманили свою одноклассницу Наташу Л. в лес. Там ее раздели, методично перерезали горло и вены на руках, слили кровь в банку, после чего выпили ее по глотку и скинули труп в заранее вырытую яму.

В 1992 году в Перми 17-летний парень зарезал сослуживицу матери за то, что она якобы "портила" его, источая "черную энергию".

В 1993 году в Самаре старшеклассник Н. прямо во время урока кинулся на учительницу с ножом. Впоследствии у него в портфеле нашли охотничий топорик и личный дневник, весь испещренный "сатанинскими" знаками и признаниями вроде "я продал душу Сатане".

Вышеперечисленные убийцы были признаны экспертизой вполне вменяемыми. Они не психи и не наркоманы. Как правило, большинство из них обитают в небольших городах, в провинции.

Посвящение в сатанисты проходит в секте довольно своеобразно. Будущий член секты раздевается донага и проходит в центр "дьявольского круга".

Глава секты режет животное (чаще всего это бывает кошка) и мажет свежей кровью кандидата в сатанисты, обозначая на груди и спине перевернутые кресты.

Все это происходит под заунывные заклинания и бубнение. После этого у посвященного отрезают клочок волос с головы и бросают в "священный" огонь, а он произносит клятву.

На новичка надевают черный балахон и предлагают поцеловать череп – с этого момента в полку сатанистов прибыло.

Жизнь секты сатанистов течет по строго установленному порядку: сборища (чаще всего в подвалах домов), обряды, чтение оккультной литературы и постоянное ожидание прихода на Землю кумира, который даст им власть и бессмертную душу.

Сатанисты любят заниматься так называемой черной магией. Однако все их "волшебства" – самые обыкновенные фокусы.

Одно время в Москве среди сатанистов очень популярны были трюки с расплавленным свинцом.

Утверждая, что они обладают "сатанинской силой", сектанты лили расплавленный свинец в руки, без всяких обжигающих последствий. Однако секрет был прост: на ладони перед трюком наносилась специальная смесь, позволяющая несколько секунд держать свинец. Вера многих сатанистов заключается лишь в том, что они делают все наоборот, извращают привычные христианские атрибуты – читают с конца молитвы, крестятся наоборот, носят перевернутые крестики. Это примитивно, но им достаточно. Для них сатанизм – в своем роде игра, экзотика.

Наиболее почитаемым символом у сатанистов являются, как известно, три шестерки. Считается, что эти цифры обладают мистической силой.

Везде, где только можно, сатанисты оставляют их как свой знак. Причем особенно фанатично они стараются это делать, идя на какое-либо преступление.

Некоторое время назад в Латвии был задержан маньяк, убивший целую семью-мужа, жену и двоих детей. Выяснилось, что он был помешан на Сатане и считал себя его слугой. В доказательство этого он намерен был убить ни много ни мало 666 человек.

Совсем недавно на одной из погранзастав на Памире солдат срочной службы, считавший себя сатанистом, из автомата, серийный номер которого заканчивался на три шестерки, в упор расстрелял своих сослуживцев...

По мнению многих специалистов, изучающих различные секты, перспективы у сатанистов в России радужные, т.к. "Слуги Дьявола" множатся пока абсолютно бесконтрольно.

Обстоятельства в этой семье сложились так, что мать и дочь рано остались вдвоем... Как-то, будучи в десятом классе, Женя пришла из школы и сказала, что у них были иностранцы и приглашают их поехать на весенние каникулы в Крым на семинар, где молодежь из разных стран будет обсуждать проблемы мира и дружбы между народами. Нинель Константиновна решила, что ее дочери судьба сделала подарок.

Родителям было обещано, что атмосфера на семинаре будет исключительно нравственной, там не может быть ни курения, ни алкоголя, ни наркотиков, ни сексуальной распущенности. В 1992 году мало кто мог позволить себе отправить ребенка на неделю в Крым. А здесь все делалось бесплатно. Только вот никто не сообщил родителям, что там будет проводиться зомбирование, социально-психологическая переориентация молодых людей на совершенно другую систему ценностей.

...Проведя неделю в Крыму, Женя вернулась, полная радужных впечатлений и нескрываемых восторгов по поводу своих новых друзей-американцев, которые высоко оценили уровень ее развития, прекрасное владение языком, говорили, что у нее оксфордский акцент. Обещали ей всяческую поддержку в дальнейшем, интересные встречи в Петербурге, поездку на летний семинар в Прибалтику.

– Летом Женя снова уехала на семинар, – вспоминает Нинель Константиновна, – и на этот раз пробыла там больше месяца. А когда вернулась, объявила, что Мун-это мессия, что ей выпала честь стать членом движения, и повесила на стенку портрет этого мессии.

Личность Сан-Мен Муна и этапы его большого пути хорошо известны.

Родился он на севере Кореи в 1920 году. В юности увлекался спиритизмом. В 16 лет, по его словам, увидел явившегося к нему Иисуса Христа, который якобы возложил на него великую миссию спасения человечества.

Позже Мун стал говорить, что его кандидатура на вакантную должность мессии была утверждена не только Христом, но и Буддой, а заодно и Мухаммедом. Судя по биографии, он не был паинькой, в юности его трижды заключали в тюрьму за частнособственнические интересы и двоеженство. Сторонники мессии объясняли это гонениями за веру.

После эмиграции в Южную Корею он был арестован за неуплату логов и половую распущенность. По рассказам его бывшей паствы, во время богослужений в новой рейской церкви практиковались сексуальные обряды, во время которых происходило "очищение" женщин. По учению преподобного Муна, грех пришел в мир от Евы, которая согрешила с Люцифером, сиречь сатаной, я устранить первородный грех, который лежит на каждой женщине, она может только одним способом: вступив в половые отношения с совершенным мужчиной. Ну а более совершенного мужчины, чем священник Мун, нет и быть не может.

Мун успешно совмещая проповеди о духовном возрождении с занятиями бизнесом. Сколотив приличный капитал, он перебрался в США, где поместил деньги в нью-йоркский банк "Чейз Манхэттен" на свое имя. Американское правительство заинтересовалось их происхождением и сделало запрос о целях и налоговом статусе этого капитала. В 1984 году Мун снова оказался за решеткой.

В настоящее время Мун с женой и многочисленной челядью безбедно живет в роскошном поместье площадью 25 акров в штате Нью-Йорк. Неподалеку от поместья располагается студгородок Церкви объединения. На деятельность всей организации тратится около 15 миллионов долларов в год.

Сначала новые друзья Жени произвели на мать приятное впечатление, т. к. они всегда были вежливы, всегда улыбались, похлопывали друг друга по плечу, обменивались рукопожатиями. Не курят, не пьют, говорят об усовершенствовании рода человеческого, об экологических проблемах, о нравственном возрождении.

В секте Муна, несмотря на внешнюю демократичность, соблюдается строгая субординация. Каждый вновь пришедший попадает под неусыпный контроль "старшего по званию". Духовная мать Жени англичанка Маргарет Голливуд оказалась очаровательной женщиной, настолько хрупкой, что у Нинель Константиновны невольно возникало желание оберегать ее от грубости нашей жизни.

Первые тревожные звонки прозвенели, когда Женя заканчивала одиннадцатый класс. Мама заметила, что дочь стала хуже учиться. Она решила поговорить об этом с ее духовной матерью, т. к. ее Женя называла "физической матерью". "Я понимаю, что ее тянет к вам, но помогите, дайте ей получить образование", – почти умоляла она. "А

что, мы не против, – отвечала с лучезарной улыбкой Маргарет. – Нельзя быть эгоистами, нельзя мешать свободному выбору дочери. Она не игрушка". Нинель Константиновна вдруг поняла, что каким-то непонятным мистическим образом вся ее жизнь, все надежды и чаяния оказались в руках руководителей секты.

Вместо профессионального образования секта предлагает свое. Есть литература для общего пользования, а есть "ДСП". Главная книга мунистов "Традишнз" ("Традиция") издана на английском языке. Однажды Женья оставила ее открытой на столе. Мать заглянула в нее. Книга представляла собой свод инструкций, регламентировавших жизнь му-ниста от восхода до заката, от рождения до смерти: как он должен вести себя при приближении "центральной" личности, как он должен кланяться, в какой позе молиться и т.д. и т. п. Все было направлено на то, чтобы полностью подчинить волю человека, разрушить ту духовную культуру, к которой он принадлежал по рождению и воспитанию, заменить ее культурой восточной деспотии.

У членов секты Муна два основных занятия: фандрайзинг – сбор средств на нужды Церкви объединения и витнессинг – вовлечение новых членов.

Мунисты, которые принесли в секту много денег и обратили в свою веру не менее трех новых членов, получают благословение Муна на вступление в брак. В секте практикуются массовые венчания, причем о том, кого им дал мессия в мужья и жены, "новобрачные" узнают во время самого обряда. Естественно, что ни о какой романтической любви у них не может быть и речи. Она строго преследуется.

В августе прошлого года в пансионате "Стрельна" в обстановке строгой секретности состоялся "исторический праздник любви" – церемония Благословения. Десятки пар, подобранных преподобным Муном, вступили в брак. Только невероятными усилиями мать Жени смогла предотвратить ее обручение.

Случается, что в паутину, искусно сплетенную сектантами, попадает один из супругов, жена или муж. В таких случаях дело обычно заканчивается разводом. Что же касается родителей, чьи дети оказались жертвами лжепророков, то эта проблема сложнее.

Любопытна история появления секты Муна в России.

В апреле 1990 года семидесятилетний Сан-Мен Мун получил аудиенцию у тогдашнего президента страны Михаила Горбачева. После этого Церковь объединения развила бурную деятельность. Лицо Муна появилось на телеэкранах, страницы газет заполнили многословные интервью с преподобным, содержание которых сводилось к откровенной саморекламе.

На свои собрания мунисты приглашали и мать Жени. Они очень хотели, чтобы и она стала членом движения, даже прочили ее на должность начальника родительского комитета. У секты Муна есть много программ, рассчитанных на обработку совершенно разных категорий граждан. Одна из них – "Домашняя церковь" – ставит условием духовного роста вновь обращенного вовлечение в секту остальных членов семьи. Идеалом считается, чтобы вся семья вместе с имуществом и денежными средствами перешла под влияние Церкви. Когда сектанты видят, что отец и мать не поддаются их воздействию, они спокойно расстаются с ними. Некоторые дети уходят из дома в день получения паспорта.

Мать Жени в тот день поехала на дачу, а дочь должна была приехать позже. Она не приехала. Когда охваченная беспокойством женщина вернулась домой, она обнаружила записку: "Мама, ты меня не понимаешь, но я люблю тебя, и из любви к тебе я ухожу из дома".

Когда мать приехала в штаб-квартиру мунистов, дочь кричала ей в лицо: "Зачем ты сюда приехала? Уходи немедленно!"

Жени не было дома целый год. Секта стала ее семьей. Кров, пищу, одежду – все находила она в общине. В ответ от нее требовали определенных обязательств. Она собирала пожертвования на улицах...

Только благодаря стараниям матери ее удалось вернуть домой, но не к прежней жизни. Дома она ночует, а все остальное время проводит в секте. По-прежнему не учится, не работает, точнее, работает на общину, полагая, что в любое время может выпутаться оттуда, только пока доверяет мнению преподобного Муна и живет надеждой получить его благословение на брак...

Скандално известную секту "АУМ Синрике" подозревают в отравлении нервно-паралитическим газом нескольких тысяч японцев. Свою деятельность в России она начала с аренды помещения детского сада.

Шестнадцать граждан Японии арендовали помещение в обычном детском садике № 468 по улице Дыбенко в Москве и принялись проводить там странные обряды, напоминающее зарядку йогов. В яслях поначалу собиралось 30-40 человек, бубнили какие-то молитвы, спали прямо на полу.

Василий Чернышев, который работал в секте переводчиком, свидетельствовал позже, что руководство "АУМ Синрике" встречалось с представителями российской власти на различных уровнях – от Руслана Хасбулатова до Юрия Лужкова. Разговоры были о строительстве в Москве за свой счет макаронной фабрики, завода по производству калькуляторов и госпиталя...

Без особого труда АУМ зарегистрировалась в Министерстве юстиции РФ как религиозное объединение, что освободило их от уплаты всех налогов. Причем регистрация, как выяснилось, была проведена по подложным документам.

Сектанты получили пакет лицензий в Министерстве информации и печати РФ: на издательскую деятельность, на выпуск газеты, теле-и радиопередачи "Евангелие святых небес". Почти три года продолжалось ежедневное вещание проповедей гуру секты Секо Асахары и трансляция его музыки в исполнении симфонического оркестра "Ки-рен" на радиостанции "Маяк", чье руководство заявило: кто платит, тот и музыку заказывает. Японцы оплачивали эфир исправно – общая сумма сделки составила 2,4 миллиона долларов.

Число приверженцев учения Секо в России стремительно росло. Родители, чьи дети покинули семьи, бросили учебу и с головой ушли в учение Асахары, начиная с 1992 года бомбардировали жалобами всех: от прокурора Москвы до российского президента. Московская прокуратура в связи с этим в течение года проводила проверку деятельности секты...

Появлялись все новые и новые свидетели, которые рассказывали о том, что творилось внутри "АУМ Синрике". Из рассказа Светланы Ч., студентки:

"С 25 октября 1994 года мы с мужем переселились в один из московских центров "АУМ Синрике" на Звездном бульваре и стали там жить постоянно. Все свои деньги и драгоценности мы отдали монахам. Я понимала, что со мной делают здесь что-то страшное. В секте я находилась месяц. Когда монахи поняли, что словами меня убеждать

не получается, заставили надеть так называемый "шлем спасения". Это такая шапочка с электродами, которая проводами была подсоединена к компьютеру. Я находилась в этом "шлеме" четверо суток. Когда я впервые его надела, у меня перед глазами возникли очень сильные вспышки света. Было ощущение, что глаза вылезают из орбит. Я постоянно закрывала их руками. Получила сильные ожоги на лбу. У тех людей в секте, которые постоянно пользуются этим прибором, незаживающие язвы на лбу.

Мне запрещали общаться с мужем, даже прикасаться к нему. Муж сильно изменился, очень похудел. Он мог говорить только об учении Асахары. Возможно, на него оказали такое влияние те "витамины" – таблетки, которые нам давали перед инициациями.

Люди в молельных центрах спали на полу на одеялах и с утра до вечера читали только книги Асахары. Особенно строптивых на несколько суток помещали в особую комнату, где не было ничего – только голые стены да пол, без окон. Не выпускали оттуда и били палками".

Из показаний в Дзержинском райсуде Бориса Афанасьева, 61 года, валторниста, работавшего с начала 1994 года в симфоническом оркестре "Кирен".

"В Японию на гастроли мы прилетели 8 декабря прошлого года. 16 декабря около восьми часов вечера нас подвели к какому-то железному ангару у самого подножия горы Фудзияма и стали раздавать номерки. Внутри мы увидели ряды матрасов. Нам приказали лечь. Я лег, не раздеваясь. С потолка капала жидкость – какая-то вонючая гадость. Может, просто водяной конденсат, а может, и какое-то химическое вещество.

Вдруг матрас подо мной начал вибрировать. Всем лежащим приказали завязать глаза повязками и надеть наушники, откуда лилась громоподобная музыка. Я вытерпел четыре часа. Потом у меня резко подскочило давление, мне стало жутко, и я выскочил из этого ангара на улицу. Было такое ощущение, что нас подвергали обработке каким-то газом.

Когда на улицу вывели тех, кто все время пролежал на матрасах, это было жуткое зрелище. Кто-то из вышедших оркестрантов нам сказал, чтобы мы разбегались, иначе нас заведут наверх и убьют".

Генпрокуратура возбудила уголовное дело против "АУМ Синрике". В филиале секты на Петровке, 14 был произведен обыск и изъято множество пакетиков с каким-то белым веществом. Затем там вспыхнул страшный пожар. Сейчас проводится следствие, в ходе которого выяснится: готовила ли секта своих боевиков на подмосковных военных полигонах и причастна ли она к кражам компонентов отравляющих газов с российских складов...

СЕКРЕТЫ ЮРИЯ ТАРАСОВА

В комнату зашла женщина, туго обтянутая старомодным костюмом. Ее стать напоминала изваяния каменных баб, что древние скифы оставляли на степных курганах...

Остановившись на пороге, "скифская баба" медленно обвела комнату тяжелым взглядом, словно недоумевая, куда она попала и, главное, зачем. (По материалам И. Царева. (Прим. авт.))

Колдун вопросительно кашлянул. И тут произошло неожиданное. Каменное лицо вдруг сморщилось, и женщина заплакала, что называется "в голос".

– Меня сглазили, сглазили!

– Спокойно, – Юра протянул вперед ладони, словно отгораживаясь от потока слез, давайте все по порядку. Имя. Отчество. Фамилия...Казенная фраза помогла женщине ощутить привычную почву. Она вытянула из рукава платок, утерла им покрасневший нос и безропотно стала рассказывать: "Я учительница. Преподаю историю. Понимаете, ис-то-ри-ю! Это очень важный предмет! А меня сглазили. Эта дура всегда мне завидовала – мол, какая ты здоровая, ничто тебя не берет! И вот я уже неделю не могу уснуть. Как лягу в постель, так начинается жестокая мигрень, хоть на стенку лезь. Таблетки не помогают, ничего не помогает. По утрам прихожу в класс как вареная, ничего не соображаю. А мне детей учить надо! Понимаете? А меня сглазили! Дура эта рыжая сглазила! Вы бы видели, в каком она виде в школу ходит, – в красных штанах!.."

Сглаз... В Индии в таких случаях покрывают лицо пациента белым платком, и колдун правой рукой, в которой держит соль и горчицу, описывает над головой пострадавшего круг семь раз. Затем бросает соль и горчицу в огонь. Считалось, что влияние дурного глаза прекращалось в тот момент, когда раздавался треск или распространялся сильный запах.

В квартире такого огня не было. Даже свечи не горели. Так что индийский способ отпадал сам собой. Тогда, может быть, он применит метод, распространенный некогда в Калабрии? Там колдуны советовали пострадавшим подойти к человеку, от которого по

предположению пошел сглаз, и постараться напугать его либо громким криком, либо сообщением неприятного известия, хотя бы вымышленного. Если это удавалось, то чары теряли свою силу. Любопытный рецепт излечения применяли в Англии. Больного вели до восхода солнца к кузнецу, у которого шесть поколений предков занимались той же профессией, клали обнаженным прямо на наковальню, а кузнец трижды заносил над ним молот, но лишь мягко опускал его рядом. Больному полагалось выздороветь в тот же день.

Между тем Тарасов продолжал методичный допрос:

– К врачам обращались?

– Да. Не нашли никаких изменений. По их словам, я абсолютно здорова.

– Цветы новые в квартире появились?

– Нет.

– Какие-нибудь обновы?

– Да нет, ничего. – "Скифская баба" напрягла память. – Только новое одеяло недавно купила.

– Пользуетесь им? – Да, конечно.

– Одеяло красное?

– Да... А как вы догадались?

Тарасов не ответил. Поднял руки ладонями вперед и резко приказал:

– Смотреть мне в глаза!

– Да я не поддаюсь гипнозу, – возразила женщина и вдруг, как подкошенная, рухнула на кушетку. Перепуганно моргая глазами, она несколько раз пыталась приподняться, но тщетно.

Колдун провел над ней широкой ладонью.

– Все, – сказал он жестко. – Бессонницы больше не будет. Позвоните мне завтра в одиннадцать. А одеялом пока не пользуйтесь. Запомнили?

Женщина встала с кушетки.

– Спасибо, – неуверенно протянула она и на ватных ногах двинулась к выходу.

Как оказалось, это был не сглаз. На вопрос, что же это было, колдун ответил:

– Не знаю. Завтра посмотрим.

Молодая женщина привела двенадцатилетнего сына. Кто-то его сильно напугал, да так, что он потерял дар речи.

– Понимаете, – объясняла его мать, – как-то Саша вернулся вечером домой весь белый, сказал только, что встретил пришельцев! Больше мы из него не смогли вытянуть ни слова. Может, связки парализовало, может, еще что. Столько времени прошло. Мы уж к кому-то не обращались. Его даже профессор смотрел...

Да, случай был действительно фантастический.

– Сядь, – сказал Тарасов мальчику. – Ты знаешь, кто я? Саша молчал, только глаза его наполнились слезами.

– Так, – Тарасов несколько раз сжал и открыл ладони, потер их друг о друга и поднес к голове маленького пациента. Раздался негромкий треск, словно с пальцев колдуна сорвались невидимые электрические искры.

Разряд! Еще разряд! Внезапно мальчик закрыл глаза, и его тело обмякло.

– Я усыпил его, не бойтесь, – объяснил Тарасов испуганной женщине. И уже твердым голосом, обращаясь к Саше, приказал:

– Говори! Подробно рассказывай, что с тобой приключилось.

Тот послушно кивнул головой и заговорил!

Мальчик, возвращаясь вечером домой, внезапно увидел странный светящийся предмет, висевший над газоном. От него отделились две черные фигуры и шагнули навстречу. Они были высокого роста и без голов. На какое-то мгновение сознание покинуло Сашу, а когда он очнулся, ни загадочных черных фигур, ни "летающей тарелки" на газоне уже не было.

Но Тарасова, похоже, ничуть не взволновали инопланетные пришельцы. Он даже не стал подробно выяснять, как они выглядели и что сказали, – лишь провел рукой перед лицом мальчика, и тот сразу же открыл глаза.

– Повтори! – сказал Тарасов. – Еще раз повтори, что с тобой было.

– Ко мне подошли два черных человека. Они были высокого роста, и у них не было голов...

– Стоп, – сказал колдун. – Ты не заметил ничего необычного? – Они были без голов...

– Я не о том, – поморщился Тарасов. – Ты не заметил, что ты... говоришь?

— Потом еще-были больные. Потом еще. Они шли и шли... Тарасов рассказал историю, почему наша официальная медицина не любит медицину народную, или, как ее называют сегодня, нетрадиционную.

— На языческой Руси исцелением занимались колдуны и колдуньи. Они и роды принимали, и лихорадку лечили, и прочее. Но вот пришло христианство. Оно стало бороться с язычеством. На народную медицину церковники ополчились еще и потому, что ее средства и методы резко противоречили догмам православия. Как сейчас говорят ученые, у языческих колдунов было стихийно-материалистическое понимание мира. И методы их лечения опирались на жизненный опыт, а не на мистическое представление о болезни, как о божьей каре. Но в итоге церковники победили. Колдуны вынуждены были уйти в подполье. А через много-много лет появилась новая медицина, что сегодня зовется официальной. Она родилась под опекой церкви и впитала ненависть к знахарству, как говорится, с молоком матери. Казалось бы, после революции с приходом атеистов колдуны должны были быть реабилитированы? Но нет. Старая догма, включенная в человеческие головы еще тысячу лет назад (со времен крещения Руси), прекрасно существует и сегодня.

Рассказывал Тарасов азартно. И, похоже, знал о магии и колдовстве абсолютно все. Не зря, видно, присваивают звание Колдуна России.

— Колдунов в России иногда называли еще облакопрогонниками, — говорил Тарасов. — В их прямые служебные обязанности входило ни много ни мало — управление небесными хлябями. Если засуха выжигала поля, деревня слала к колдуну ходатая. Если затяжные дожди губили урожай, опять же шли к нему...

Колдун прошелся по комнате, подошел к окну, за которым клубилось серое марево тумана. Некоторое время он молчал, прижавшись лбом к потному стеклу. Потом вывел на нем пальцем какой-то неведомый знак и продолжал рассказ:

— За стенами древнего Рима, рядом с храмом Марса, всегда лежал огромный валун, именуемый "Камень предков". Во время засухи его втаскивали в город. Римляне свято верили, что это незамедлительно вызовет дождь. У аборигенов Австралии вызыватель дождя насыпал высокую кучу песка и клал сверху особый, магический камень. Его обрызгивали водой и вокруг разжигали костры.

Американские индейцы старались вызвать дождь тем, что поливали водой из священного источника скалу... В Юго-Восточной Азии, когда рис гибнет от засухи, водой орошают каменное изваяние Будды.

Не правда ли, странные совпадения? А теперь возьмем Европу. В Шотландии есть источник Брентон. Там, согласно преданиям, до сих пор в тени боярышника спит волшебным сном маг Мерлин. При необходимости брентонские крестьяне поливают из пивной кружки камень, лежащий рядом с источником, что непременно должно вызвать дождь.

Еще пример. Великобритания. На горе Сноудон есть уединенное озеро под названием Дулин, или Черное озеро. Оно расположено в мрачной лощине и окружено скалами. В озеро спускается ряд камней, похожих на ступни. Если кто-нибудь, встав на верхнюю ступеньку, плеснет водой на камень, который называется "Красный алтарь", то даже в самый жаркий день к вечеру разразится ливень...

Колдун вышел на балкон. Металлические поручни балкона были покрыты каплями влаги. Дождя не было. Но с низкого, мглистого неба непрерывно сыпалась морось. Тарасов направил "локаторы" полусогнутых ладоней в низкие облака и стал совершать круговые движения, словно тыльной частью рук массировал что-то невидимое. Губы его зашевелились:

— ...в чистом поле стоит и три, и два, и один: бес Сава, бес Колдуни бес Асаул. И я сойду ближе, и поклонюсь ниже, вы тридевять бесовслужили Ироду. Три, два и один — бес Сава, бес Колдун и бес Асаул, служили Ироду-царю, так послужите и мне... И тем моим словам ключи замок есть. И замок замкну и снесу его в окиян-море, на Буян-остров, и положу под Латырь-камень. Пусть птица Гагана с железным носом его охраняет...

Пока звучал необыкновенный напев ворожбы, в небе начали происходить непонятные изменения. Прямо над домом в тумане образовался просвет. В нем вихрем закручивались тающие на глазах обрывки облаков. И вот появилась ярко-голубая проплешина неба.

— Эх, — сказал Тарасов. — Если бы сюда и луч солнца пробился, совсем хорошо получилось бы. Жаль, что оно сейчас на другой стороне дома.

Можно считать это совпадением, а можно и подумать — не случайно ли на Руси колдунов называли облакопрогонниками?

Вернемся к "скифской бабе" и ее бессоннице.

– Все дело в одеяле, – говорит Тарасов. – Не в самом одеяле, конечно, а в его цвете. Во-первых, эта женщина сразу показалась мне психически неустойчивой. Во-вторых, меня насторожило ее обостренное восприятие цвета. Помните: "Рыжая дура в красных штанах..." Вот в этом красном одеяле и есть истинная причина болезни...

Тарасов продолжал:

– В прошлом веке французские астрономы братья Анри провели любопытный и весьма поучительный эксперимент. Они приставили кокуляру телескопа коробочку с обычными муравьями. И, направляя телескоп на различные участки неба, фиксировали поведение насекомых. Казалось бы, что особенного можно было ожидать от таких опытов? Но результаты оказались поразительными. Все заявки братьев на открытие новых звезд, которые они подали после "муравьиных" опытов, впоследствии были подтверждены точными приборными исследованиями. А все дело в том, что муравьи очень чувствительны к ультрафиолетовому излучению. Как только в телескоп попадала звезда, излучавшая ультрафиолет, в коробочке с насекомыми начиналась суеда.

Мы хотя и не видим ультрафиолетовые лучи, но, как муравьи, по своему воспринимаем их. Под их воздействием в организме вырабатывается пигмент. Более того – они дезинфицируют раны, поскольку убивают болезнетворные бактерии. Однако в большой дозе ультрафиолет вреден для всего живого. И если бы земная атмосфера в значительной степени не задерживала эти лучи, то, вероятно, жизнь на земле была бы невозможна. Даже при существующем сегодня многокилометровом щите атмосферы стоит пристально посмотреть на солнце, как это приводит к болезни глаз, ожогам сетчатки, а порой даже к слепоте. Так очень часто альпинисты получают поражение глаз, так называемую "снежную слепоту", если забывают пользоваться специальными защитными очками.

Вот мы и пришли к разгадке тайны "красного одеяла". Красный цвет, как и другие цвета, как и невидимый глазу ультрафиолет, – электромагнитная волна определенной длины и тоже воздействует на организм человека. Древние маги знали, что стоит завести человека в комнату с красными стенами, как у него учащается пульс, повышается

кровенное давление. Даже если завязать глаза, то будет то же самое. Ведь воздействие это не зрительное, не психологическое, а энергетическое, и действует не на глаза, а на весь организм.

Конечно, все тут индивидуально. И кто-то, возможно, даже не заметит перемен, происшедших с ним под воздействием красного цвета. А для кого-то это может стать причиной головных болей и бессонницы...

Как воздействуют на нас другие цвета? Зеленый успокаивает, желтый создает хорошее настроение, черный цвет угнетает (недаром его выбрали для траурных церемоний). Красный цвет – символ любви; женщины, когда хотят понравиться мужчине, порой даже не отдавая себе отчет, стараются выбрать именно красный цвет, если, конечно, позволяет гардероб и властвующая на данный момент мода.

Красный цвет возбуждает мужчин чисто волновыми свойствами. Но те, не зная этого, приписывают свое состояние действию красоты женщины. Это очень действенное средство в любовной игре.

О том, что цвет может врачевать, говорил еще крупнейший русский невропатолог, психиатр и психолог Владимир Михайлович Бехтерев, который твердо верил, что будущее медицины не в таблетках, а в нату-ротерапии, т.е. в лечении природными факторами, в том числе и цветовыми волнами. Не правда ли, это мало чем отличается от науки врачевания древних жрецов, колдунов и шаманов, которые умело использовали цветовые гаммы для борьбы с недугами? Впрочем, для всех великих наступал момент, когда они обращали свой взор к природе.

Но если жрецы, колдуны и шаманы делали это, опираясь на опыт поколений, не догадываясь о механизме воздействия электромагнитных волн разных длин и спектров, то современная наука могла бы добиться куда большего в этой области. Впрочем, некоторые результаты уже есть.

Доказано, что черный цвет может замедлять течение мозгового ин-сзетъта и малярии, красный помогает при бронхиальной астме, голубой замедляет пульс и понижает температуру. Больным глаукомой, как считают врачи, полезно носить очки с зелеными стеклами, а гипертоникам – с дымчатыми. Исследования доказали, что при красном освещении слуховая чувствительность человека снижается, а

при зеленом повышается. Холодные тона стимулируют белковый обмен, а теплые – тормозят.

Умело используя цветовые сочетания, можно добиться иногда поистине поразительных результатов. Учеными были проведены интересные опыты, результаты которых показали, что при определенном выборе цвета, в который окрашивались помещения для овец, коров, кур, резко увеличивается рост шерсти, надои, яйценоскость. Даже в растениях под воздействием определенного цвета повышается содержание полезных веществ.

Еще один пример. Стоит учебный класс оформить в белых, бежевых, коричневых тонах, как в нем повышается дисциплина и успеваемость учащихся. В заводском цехе, окрашенном в голубой или бежевый цвет, выше производительность труда. Разумеется, что все это справедливо при прочих равных условиях. Если в цехе не хотят работать, то, в какой цвет ни крась...

Но, несмотря на некоторые общие черты, один и тот же цвет на каждого человека действует по-разному в зависимости от индивидуальных особенностей организма. Большую роль в этом играет и дата рождения. Ведь в человеке запечатлены определенные волновые характеристики пространственно-временного континуума, где формировался организм. И поэтому неудивительно, что интуитивно каждый из нас знает, какие цвета вызывают у него ощущение комфорта. Критерием тут служит "нравится – не нравится". Но иногда этот критерий может быть смещен в зависимости от воспитания, от диктата моды и общественного вкуса. А цветовые гаммы, определенные магами для каждого знака зодиака, это именно те цвета, которые полезны для данного организма, создают чувство гармонии с окружающим миром, а значит, и поддерживают здоровье...

А сейчас поговорим о так называемых геопатогенных зонах, губительно воздействующих на все живое. Это очевидно из самого названия. Гео – земля, патогенная – болезнетворная.

Болезнетворная земля – это чаще всего небольшой участок поверхности планеты, где существует излучение еще не ясной природы, пагубно воздействующее на биологические объекты.

В Австрии исследование геопатогенных зон финансировал Зальцбургский педагогический институт. Ученые проверили воздействие земного излучения на школьников.

Опросив более десяти тысяч человек и проверив около трех тысяч жилых помещений, они пришли к выводу, что успехи детей в учебе напрямую зависят и от влияния земли. Т.е., если парту или стол ученика поместить во вредную зону, его успехи в учебе резко снизятся.

Жители геопатогенных зон куда чаще болеют астмой, артритом, бронхитом, раком... Латышский ученый Лигерс в течение многих лет работал с коровами – вел за ними наблюдение. Стойла коров располагались в аномальных зонах. Эти животные болели куда чаще других, тех, чьи жилые помещения по воле счастливого случая оказались в безопасных местах. Рогатые заложницы опасных зон были поражены маститом, лейкозом, туберкулезом. У них падали удои, а молоко было сильно загрязнено бактериями.

Как же геопатогенные зоны связаны с колдунами? Тарасов отвечает:

– Для нас это повседневная практика. Ведь геопатогенных зон раскидано по планете великое множество. И воздействуют они не только на людей и животных. Подчас там происходят совершенно невероятные вещи. Вы, наверное, слышали в деревнях о заколдованных домах, где с жильцами постоянно слухаются неприятности? То руку сломают, то кипятком обварятся, то пожары у них вспыхивают, то печка трескается, то крыша валится. А в один прекрасный день хозяин вдруг падает с обрыва и ломает себе уже не руку, а шею, а то и вовсе вешается. Десятилетиями стоит потом такой дом с заколоченными окнами. И ходит о нем по деревне недобрая слава. И пугают односельчане друг друга историями о том, будто видели там ночью загадочное свечение или призрак... И это не просто суеверная болтовня. Это штучки матушки Земли. И если проверить, то в девяносто девяти случаях из ста под таким домом обнаружится геопатогенная зона.

А приходилось вам видеть в полях незасеянные и необработанные участки? В прошлом веке их еще обносили плетнем, чтобы каждый знал, что туда нельзя заходить – это дурное место. И лошадь с плугом старалась обойти его стороной. А у тракторов там глохнет мотор... Но если и удастся обработать такую землю, все равно толку будет мало. Вместо урожая соберешь одни сорняки. Это тоже геопатогенная зона.

– Мы давно уже связали геопатогены со многими непонятными явлениями, – продолжал Тарасов. – И когда ко мне приходят с

жалобами на сглаз или порчу, я прежде всего спрашиваю, когда это началось? Если после переезда на новое место, то есть практически полная гарантия, что виновата в болезни геопатогенная зона. Врачи тут помочь бессильны. Какими порошками и микстурами убереешь опасное излучение, воздействующее из часа в час, изо дня в день? Земное излучение направлено по вертикали и одинаково действует что в подвале, что на крыше небоскреба. Увы, наши архитекторы меньше всего интересуются, на каком месте они строят дома. По счастью, пучки вредного излучения довольно узкие, и иногда достаточно передвинуть кровать, чтобы избежать их действия...

А теперь несколько слов о школе Тарасова:

1. «Дьявольская рогатка».

Обнаружить "плохое место", или геопатогенную зону, проходящую через вашу квартиру, поможет "дьявольская рогатка", или, говоря современным языком, – биолокационная рамка.

Для простейших бытовых операций вполне подойдет самодельная рамка, изготовить которую не представляет никакой сложности.

Я посоветую пользоваться Г-образной рамкой, которая наиболее чувствительна. У нее лишь один недостаток – даже слабый ветерок является существенной помехой при работе с ней.

Возьмите кусок проволоки и согните под прямым углом, чтобы ручка была длиной около 15 сантиметров, а ствол около 30. Снимите с рук все металлические предметы (часы, кольца, браслеты) и, сжав "ручку" рамки в кулаке (достаточно плотно, но так, чтобы она могла вращаться), пройдитесь по комнате, держа рамку перед собой как пистолет. При этом думайте о цели своего поиска. Как только рамка начнет поворачиваться, отметьте это место. Это "плохое место". Обычно оно представляет собой полосу шириной 20-50 сантиметров. Если ваша кровать попадает в эту зону, то по возможности передвиньте ее. Старайтесь меньше времени проводить в этом месте.

Эту же рамку можно использовать и для поиска утерянных вещей. Надо только, держа ее в руках, четко представлять предмет поиска. Чтобы усилить свойства "дьявольской рогатки", можно использовать вещества-резонаторы. Для этого надо в другую руку взять аналогичный или хотя бы сделанный из того же материала предмет. К сожалению, эффект не всегда срабатывает сразу. В некоторых случаях требуется тренировка. Главное – суметь настроиться и отрешиться в

этот момент от всего остального. И еще один совет: не стоит брать рамку в полдень или в плохом настроении – возможны ошибки. А главное, не нужно этого делать ради демонстрации своих возможностей или доказательства того, что "все это чушь". Неискренность или недоброжелательность, хотя бы единожды возникшая в вашем настроении при общении с "дьявольской рогаткой", может навсегда отрезать вам путь к дальнейшему взаимодействию с ней.

Если же у кого-то контакт с рамкой категорически не налаживается мой вам совет: заведите кошку. И обязательно сделайте так, чтобы она вас полюбила. И тогда она всегда укажет вам место, где нет для вас опасности. Те места в квартире, которые кошка облюбует для своего отдыха, подойдут и вам. Те, что тщательно обойдет, – опасные для вас места.

2. «Призрачная мельница».

Колдуны давно уже научились использовать приемы, которые сегодня получили название аутотренинга, и успешно лечили с их помощью многие заболевания. "Призрачная мельница" помогает избавиться от усталости и головных болей.

Встаньте посреди комнаты и представьте, что перед вами кружит невидимое призрачное колесо водяной мельницы. Шагните в него. Призрачные лопасти будут набегать на вас сверху и, проникая сквозь тело, собирать на себя все болезни, все шлаки, которые скопились в вашем организме. В течение десяти минут постоит под колесами этой мельницы, представляя, как они проходят сквозь вас. Затем помойте ноги теплой водой и хорошо разотрите их полотенцем.

Регулярное повторение этой процедуры поможет вам получить хороший заряд бодрости.

3. «Лечение медью».

От радикулита, полиартрита, ангины и гнойных ран поможет медная монета или медный браслет.

На древней Руси были распространены обручальные кольца из меди, которые одновременно служили индикаторами здоровья – если кожа на пальце под кольцом зеленела, люди шли к колдуну лечиться.

Но медь не только может сигнализировать о состоянии здоровья человека, но и помогает ему бороться со многими болезнями.

Очень часто головные и другие боли возникают именно из-за недостатка меди в нашем организме. Тщательно очищенные от окислов пластинки меди прикладывают к больным местам и приклеивают пластырем (или прибинтовывают). Носят до прекращения боли или пока кожа под металлом не перестанет окрашиваться. Медь, приложенная к синяку, помогает быстро убрать кровоподтек и смягчает боль. Уменьшает или полностью снимает боль массаж медной монетой. Тонкий пояс из медных пластинок предохраняет от радикулита. В старину "пояса целомудрия" делали из меди. Кроме своего основного назначения они предохраняли женщин от радикулита и гинекологических заболеваний. Не следует злоупотреблять лечением медью. Если кожный покров под медью перестает окрашиваться, медь следует убрать.

4. Усталость помогут снять ветки рябины и полыни.

Примите ванну, в которой замочены ветки этих растений, затем соберите их в веники отхлещите им распаренные мышцы. Закончите процедуру контрастным душем. Вспомните российское изобретение – купание в снегу после бани. Разотрите тело махровым полотенцем, особенно подошвы ног. Все вместе это даст вам хороший заряд бодрости.

5. Весеннюю слабость организма помогут преодолеть рецепты, которыми успешно пользовались наши предки.

Чтобы избавиться от весенней слабости, введите в ваш рацион еще три компонента – проросшие зерна пшеницы, талую воду и свежий березовый сок. Эти элементы обладают повышенной биоактивностью. Но из-за экологического загрязнения талая вода должна быть не из снега, а из льда, полученного в вашем холодильнике. Регулярное использование талой воды поможет вам продлить жизнь и избавиться от многих недугов.

6. От болей в суставах помогут кедровые орешки.

Кедровые орешки промыть холодной водой, чуть прокалить и зерна съесть. Оставшейся скорлупой набить бутылку (0,5 литра), залить ее спиртом, закупорить, завернуть в черную бумагу и поставить в теплое место (на батарею) на 20 дней.

Точно в положенный срок настойку слить и начать курс лечения с двух капель в день (добавлять в столовую ложку с водой и принимать перед едой вредно и то же время). Ежедневно увеличивать дозу на

одну каплю в течение трех недель. Дойдя до 22 капель в день, так же по одной капле ежедневно снижать дозу приема. Вновь дойдя до двух капель, сделать перерыв на три дня. Провести три-четыре курса.

7. Если вас мучает бессонница, проверьте наличие внешних воздействий:

- уберите цветы с резким запахом;
- не пользуйтесь спальными принадлежностями красного цвета;
- не используйте для сна комнату с красными обоями и шторами;
- с помощью "дьявольской рогатки" проверьте участок, на котором расположена ваша кровать, и переставьте ее в случае обнаружения "плохого места" (если перестановка невозможна, то хотя бы измените расположение тела на кровати на 180 градусов);
- уберите раздражающие вас шумы.

Если причина вашей бессонницы не во внешних воздействиях, воспользуйтесь следующим рецептом: добавьте в подушку траву тимьян, иистья папоротника и мяты. Затем расслабьтесь, особенное внимание уделив мышцам лица и шеи. Лежа с закрытыми глазами, представьте себе, что находитесь в прозрачной скорлупе. Не напрягайтесь, представляя ее. Просто примите это как факт. А затем нарисуйте в своем воображении:

Мужчины – женщину (лучше любимую), расчесывающую на ночь волосы,

Женщины – мужчину (лучше любимого), раскачивающего на качелях ребенка.

Удержите эту картину в динамике 3-5 минут.

При отсутствии эффекта в первую попытку повторять в течение нескольких ночей.

8. От тромбоза и варикозного расширения вен поможет настой антоновских яблок, очищающий кровь, улучшающий сон и аппетит.

Три среднего размера яблока надо промыть холодной водой и уложить на дно эмалированной кастрюли. Затем вскипятить литр воды и крутым кипятком залить яблоки, закрыть кастрюлю крышкой, закутать в одеяло и через четыре часа, не вынимая яблоки из остывшей воды, размять их прямо в кастрюле, а образовавшуюся настойку процедить и пить вместе с медом. Ложку меда запивать 50 граммами настойки. Употреблять утром натощак и перед самым сном.

9. В считанные секунды можно включить все резервные силы организма, если знать, где располагаются «кнопки» и «тумблеры» на нашем теле.

Проделайте такую серию упражнений. С силой потрите ладони друг о друга (десять раз), сразу же потрите щеки вверх-вниз (десять раз), кончиками пальцев побарабаньте по затылку и макушке (десять раз), указательным пальцем правой руки нащупайте впадину в основании черепа и трижды сильно надавите, трижды сожмите руки в кулак, а потом помассируйте места соединений большого и указательного пальцев, быстрым движением помассируйте плечи, ступни ног, сожмите трижды кончик большого пальца на правой и левой ноге, и заканчивайте упражнение сильным хлопком обеих рук по бедрам. После этого вы почувствуете прилив сил и бодрости.

Но если у вас есть еще немного свободного времени, сядьте поудобнее на стул, расслабьтесь (особенно проследите за тем, чтобы не были напряжены мышцы лица), и посидите так минут 10-15, глядя перед собой или наблюдая за домашними животными. Гипертоникам полезно поглаживать при этом кошку, сидящую на коленях. Попробуйте ежедневно проделывать эти процедуры, и вы почувствуете себя по-новому.

10. От экземы и многих других кожных болезней поможет мазь из березовых листьев.

Листья березы собрать до Петрова дня (середина июня), промыть холодной водой и просушить в тени.

В стеклянную (только!) посуду положить сантиметровый слой сливочного масла. Накрыть сверху сантиметровым слоем листьев. Потом снова слой масла, слой листьев и опять масло.

Закрыть посуду крышкой и замазать щели жидким тестом. Потом поставить в духовку и на минимальном огне варить в течение суток в таком режиме-два часа греется, два остывает. Потом отжать в марле, слить в банку с крышкой и хранить в холодильнике. Использовать в виде мази.

11. При усталости, дискомфортных ощущениях в спине, первых признаках радикулитных болей следует лечь на спину на жесткую подстилку, ладонью левой руки плотно обхватить пальцы правой и закинуть руки на затылок (не под голову, а именно на затылок!), локти раздвинуть и положить на подстилку. Ноги

выпрямить, стараясь, чтобы они не касались друг друга. Расслабиться. Напрячь тело, вытянув носки ног, и произнести: «Откуда вошло, туда и вышло». Первая часть фразы – на вдохе. Вторая – на выдохе. Снова расслабиться. С интервалом в полминуты проделать упражнение трижды. Затем снова предельно расслабиться и в полной тишине полежать ровно десять минут. Выполнять один-два раза в день в течение трех дней. Все эти дни спать без подушки и на жесткой постели.

12. При ревматических болях помогут листья ольхи, если перед сном натереть ими больные места и несколько дней спать на подстилке из них.

Если вас мучают мигрень, головные боли, раздражительность и т. п., немедленно прекратите пользоваться пластмассовыми расческами.

Несколько раз в день причесывайтесь костяными или деревянными гребешками. Пластмассовые гребни, как и любая синтетика (т.е. все, что связано с электризацией волос), вносят информационную микропутаницу в командную систему головного мозга. Это можно сравнить с действием на электронно-вычислительные машины широко известного сегодня "электронного вируса".

13. «Заговоренная нить».

Красная шерстяная нитка, повязанная вокруг запястья, улучшает кровообращение, ускоряет заживление ран и порезов на руке, помогает при растяжении сухожилий.

14. Отеки век и усталость глаз можно снять следующим способом.

Сложите ладони "лодочкой" и прикройте ими усталые глаза. Представьте, что из центра ладони бьет маленький фонтанчик теплой воды, который омывает глазное яблоко. Продержите это ощущение в течение минуты. Потом на закрытые веки положите ломтики свежих огурцов и полежите так пять минут или промойте глаза отваром из березовых листьев, охлажденным до комнатной температуры.

15. Быстро похудеть на несколько килограммов вы сможете, если на несколько дней полностью откажетесь от употребления соленой пищи.

Бессолевая диета будет полезной не только для вашей фигуры, но и для здоровья. Чтобы улучшить эффект, в течение недели ежедневно

принимайте по пятнадцать минут контрастный душ, сменяя холодную и теплую воду через каждые 15 секунд. При этом мысленно представляйте свою фигуру в том варианте, который вам желателен.

16. Головная боль пройдет или станет значительно слабее, если прижаться лбом к оконному стеклу.

Оно нейтрализует электростатический заряд, скопившийся на коже и вызывающий болезненные ощущения. Можно также прибинтовать ко лбу и вискам свежий капустный лист, предварительно скомкав его, чтобы он пустил сок. Этим соком смазать запястья рук и углубления за ушами.

18. Больной выздоровеет гораздо быстрее, если у него в изголовье постоянно будут лежать на блюде свежие дольки разрезанного чеснока.

19. Ночные кошмары прогонит осиновая ветка.

Если вас мучают страшные сновидения, повесьте в изголовье веточку осины с зелеными листьями. Еще несколько листьев скатайте в шарик и, сильно надавливая, очертите им вокруг кровати замкнутый контур. И пусть вас не смущают скептические улыбки окружающих!

20. Ежевика снимает воспаления в горле, помогает при ангины и бронхитах.

Две столовые ложки листьев залить кипятком (0,5 литра) и настоять в течение часа. Пить по две столовых ложки четыре раза в день перед едой.

ЧУДЕСА ФЕДОРЫ

Всю жизнь Федора Даниловна доказывала, что прямо у ее крыльца бьют целебные родники-криницы, но от нее отмахивались. А восемь лет назад она попала в одну историю, которая круто изменила ее судьбу. Как обычно, без воды, своей, криничной, никуда не ездила. Наполнит канистру литров на пять, поколдует над ней руками, то же сделает и с глиной, взятой из источника, – и в путь. К дочери, к племянникам, брату. Мало ли что в дороге может случиться, а "лекарство" всегда при ней. Вот так с флягой своей заветной и попала на место дорожной аварии в Ялте. На асфальте лежала женщина, удар пришелся по надкостнице обеих ног. "Потерпи, милая, сейчас полегчает", – наклонилась над ней Федора. Приложила к ранам руки, потом залепила глиной место удара. Когда приехала "скорая", потерпевшая уже улыбалась. Слов ее благодарности Федора не поняла – женщина оказалась иностранкой и говорила что-то по-немецки. (По материалам И. Мосина, Л. Ломадзе и др. (При", авт.))

А через сутки Федору Даниловну разыскали в гостинице – благодаря редкому имени. Оказалось, хирург в приемном покое, увидев глину на ране, чуть не упал в обморок, но иностранка ни за что не давала ее отлепить. И когда через сутки все же уговорили промыть раненные места, то немало удивились – раны затянулись, и только тонкая корочка напоминала о них.

Многое повидал на своем веку тот хирург. Но такого... Он и позвонил в Москву, в один из научно-исследовательских институтов...

– По-моему, женщина обладает мощным биополем, несомненно, экстрасенс. Но чем объяснить свойства ее воды и глины?

Федору Даниловну Конюхову из белорусской деревни Пильшичи Бельничского района пригласили в столицу. Академия наук СССР, Институт радиотехники и радиоэлектроники, Всесоюзный научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники Минздрава СССР, кафедра госпитальной хирургии Университета дружбы народов, Всемирная ассоциация народной медицины – кто только не работал с белорусской Джуной! И все давали заключение: феноменальные способности. Член-корреспондент АН СССР А. Г.

Спиркин предложил Федоре Даниловне два года пожить у него. Единственное, что его огорчало: отсутствие у экстрасенса медицинского диплома. Однако не зная анатомического строения тела, она безошибочно называла органы, железы, сосуды, утверждая, что видит их руками.

— А клетки, какими вам видятся клетки? — однажды не удержался ученый.

Федора Даниловна нарисовала звездочку со множеством углов, посередине отверстие и добавила, что у некоторых людей из этой крохотной дырочки излучается синий огонек.

Руки Федоры фотографировали в инфракрасном свете. Ее саму обследовали в кабине, изолированной от электромагнитных излучений, а когда сказали, что надо было бы попробовать в среде, лишенной гравитации, она возмутилась: "Это что же, в космосе, что ли? Хватит с меня, поеду в Пилыньчи копать криницы".

К тому времени у нее был документ, что вода двух криниц является целебной, аналогом известного источника Друскининкай. А в других-просто прекрасная питьевая вода, но после обработки, вернее облучения биополем Федоры Даниловны, с ней происходят чудеса. Обращусь к строгому научному протоколу, зафиксировавшему многократно повторенный опыт. В трех сосудах три образца воды. Простая из крана, минеральная и родниковая из деревни Пильшичи.

До прикосновения рук Федоры Даниловны (метод называется бесконтактным воздействием) в трех сосудах зарегистрировали одинаковую частоту естественного излучения — 20 кГц. После обработки руками Федоры приборы показывали другую частоту: в первом сосуде — 170 кГц, во втором — 190, в третьем — 230. Везде отмечалось изменение энергии межмолекулярных взаимодействий и структурных особенностей воды. Она приобретала противовирусные свойства. Это и помогало Федоре успешно лечить раны, порезы, экземы, экссудативный диатез.

Профессор Б. М. Степанов из Москвы использовал для изучения феномена последние достижения науки — лазерный голографический микроскоп, позволяющий измерять параметры живых, неповрежденных клеток, голографическую микро интерферометрию, лазерную микроскопию, лазерную нефелометрию с одной целью — определить силу бесконтактного воздействия рук Федоры. Он

обнаружил, что в момент работы изменяются физические поля около кистей ее рук, видел оптическое свечение, число квантов света, исходящих из рефлекторных зон кожи Федоры Даниловны, увеличивалось на 15-20 условных единиц. Ее энергия действовала через любой материал. Больные ощущали ее даже сквозь бетонную стену.

Наконец, чтобы убедиться, что это сила реальная, он попросил Конюхову обработать ампулу с донорской кровью. На восьмой день ее развели водой из криницы, и оказалось, что почти все эритроциты живы. В контрольной же ампуле, к которой не прикасались руки Федоры, кровь была мертва.

Затем рискнул профессор Ф. Н. Ромашов, вице-президент Всемирной ассоциации народной медицины. В клинике кафедры госпитальной хирургии Университета дружбы народов имени П. Лумумбы он обратился к тяжелым онкологическим больным, которым предстояла радикальная операция, – согласны ли они на сеансы экстрасенса сразу после наркоза. Предупредил, что все медикаменты, в том числе обезболивающие уколы, будут отменены. Десять человек согласились на эксперимент. У троих испытуемых был сахарный диабет, это сильно осложняло дело. Хирурги знают, как трудно заживают раны при этой болезни.

– Сколько вам понадобится сеансов? – спросил Федор Николаевич.

– Шесть, – ответила Федора.

Не без боязни открыл он утром двери послеоперационной палаты. Но никто не жаловался на боли в области ран, все прекрасно спали и просыпались в хорошем настроении. На четвертый день все встали на ноги. Для объективности контроля у них ежедневно брали кровь на анализ. У больных диабетом стойко снижался уровень сахара.

Ромашов поделился радостью с наркологами. Те пригласили Федору Даниловну провести эксперимент с запущенными наркоманами. Она работала руками, просила больных употреблять свою воду – пить и умываться. Эффект был очевидным. Пациенты забыли о ломоте в суставах, у всех был замечен подъем энергии и настроения. Лаборанты не верили своим глазам – кровь их подопечных стала абсолютно чистой. Чудо? Нет, считает профессор Ромашов, руки

Федоры Даниловны вызывают активизацию обменных процессов, стимулируют иммунитет.

Как магнит притягивала женщина самых разных специалистов из многих НИИ. Были и такие, кто первым делом пытался отрицать все непонятное, но Федора предупреждала: "Не отрицайте, не ужасайтесь, не удивляйтесь. Силы человека дремлют и проявляются лишь во время нервного подъема".

Феномены – материя тонкая, деликатная, трудно доказуемая. Федора Даниловна уже не удивлялась упорству, с которым ее заставляли сидеть в "черном ящике", опутанную проводами с ног до головы. Когда она не работала, то ее необычные силы не проявлялись. Но когда ее энергия устремлялась на помощь больному, то исследователи получали невероятные данные.

– Способности Федоры – проявление энергий, не учтенных в химических и физических школах. И беда наша заключается в том, что неизвестное явление мы пытаемся изучать известными способами познания, – объясняет профессор Ф. Н. Ромашов. – Нужна сумасшедшая идея, та самая, о которой всю жизнь мечтал датский физик Нильс Бор. В случае с Ф. Д. Конюховой необходимы приборы, способные улавливать и регистрировать даже самые тончайшие энергии, в действии которых и заключается жгучая тайна. Чем объяснить, что Федора Даниловна, сидя в Москве, видит, что происходит в организме слепой девочки в Новосибирске, с которой она говорит по телефону? На столь большом расстоянии она каким-то образом получает информацию о состоянии человека и воздействует на него. А недавний эксперимент с Федорой Даниловной подбросил мне новую пищу для размышлений.

...Федора Даниловна не удивилась, когда ее пригласили в МВД о СССР. За восемь лет бесконечных экспериментов она стала достаточно известной. Ее даже приняли в члены Федерации космонавтики СССР. Она – автор двух изобретений на способы лечения бронхиальной астмы и доброкачественных опухолей из мышечных тканей – миом. О ней сняли два документальных фильма. Напечатал статью журнал "Америка". "Может, министр заболел, попросит помощи?" – мелькнула мысль. Но ей приготовили задание посложнее. На столе разложили сорок фотографий.

– Федора Даниловна, не могли бы вы ответить, кто из этих людей убит?

– Но это не моя специальность, – попыталась отказаться она.

– Понимаем. И все же попробуйте. Дело трудное и запутанное. Она закрыла глаза, протянула руки, сосредоточилась... Пасьянс, еще пасьянс – на столе остались лишь четыре фотографии. Подняла руки над ними и, наконец, указала:

– Убит вот этот.

– Где находится тело? – тут же последовал вопрос.

– Лежит на берегу реки под ивовым кустом – недалеко от места, где этот человек был в последний раз.

Эксперимент этот стоил Федоре дорого. Целый день потом пролежала пластом – силы куда-то исчезли. Профессор Ромашов запретил ей подобные опыты, не безвредные для ее здоровья.

Как удалось ей безошибочно выбрать из сорока фотографий одну?

– Все остались такими же светлыми. А одна почернела, будто негатив. Но только для меня. Другие этого совсем не увидели.

Ресурсы биологической энергии не бесконечны. Как регулируется поток тепла из рук, как возмещается?

– Руки долго держу под холодной водой, – рассказывает Федора. – Она дает мне электрический заряд. Помогает быть в форме растительная пища, жизнь на природе, хорошие эмоции и общение с добрыми людьми. Недобрых я определяю сразу. Иногда напротив сядет человек, вижу, я ему любопытна. Но думает обо мне нелестно: вот, дескать, чертова ведьма. И меня точно уколут десятки игл. Но я и такому помогу, избавлю его от недуга и мрачной подозрительности.

Больше всего люди страдают от плохих мыслей. Не посылайте проклятий даже своим врагам, не судачьте попусту, не торопитесь осуждать. Помните, что милосерднее помолчать. Когда у человека болит печень, я всегда прошу его "почистить" собственные мысли. Злоба, зависть, сделки с совестью – источник многих заболеваний.

Федора Даниловна восстановила и оборудовала три криницы, копает еще две. С какой целью?

– Хочу оставить людям доброе дело, память о себе. Хочу, чтобы в Пильшичах построили санаторий. Прямо на берегу Друти. Природа и источники исцелят многих. Копают и очищают колодцы благодарные больные. Бескорыстно, средств для оплаты у меня нет.

Двое тридцатилетних парней были особенно тяжелыми. Врачи от них отказались. Начала работать с ними, когда им вынесли приговор и определили группу инвалидности пожизненно. Один ходил с палочкой и почти не видел опухоль мозга. С ним пришлось работать полгода. Сегодня он долбит ломом мерзлый грунт, играючи укладывает дубовые кряжи и прекрасно водит машину. Все обошлось без операции. На скольких симпозиумах этот случай потом разбирали! Объяснения пока нет. Но для меня главное, что человек выжил и теперь помогает мне в расширении криниц.

Сравнение этого человека с волшебником, может быть, банально, но как не назвать волшебством то, что он делает на сцене? Какая сила заставляет людей воочию видеть яблоню и срывать с нее яблоки, ощущать их запах и вкус? И на машине по Ленинграду они ездят наяву, а не во сне, и видят улицы города, прохожих... Как же так?

...Однажды – было это на Волынщине – к нему пришла пожилая пара. Несколько дней назад старики схоронили сына, погибшего в Афганистане. Его привезли в закрытом цинковом гробу. Как не верить страшному факту? Но что-то подсказывало материнскому сердцу: сын жив. Они принесли фотографию. Взглянув на нее, "артист" ощутил колющую боль в голове и плече. Озарение было мгновенным. Да, этот парень действительно жив, но тяжело ранен – в голову и плечо.

Спустя два месяца сын вернулся из госпиталя домой...

Альберт Бенедиктович Игнатенко – действительный член Всесоюзного общества психологов при президиуме Академии наук СССР. Уже четверть века он выступает на сцене. Для одних феномен Игнатенко – шарлатанство, для других – магия и волшебство. Но никто не отрицает, что он, безусловно, человек необычных возможностей.

Как-то Альберт Бенедиктович признался, что школьником он и не подозревал о своей исключительности. Но однажды оказался на концерте известного в то время артиста Адлерова. И был поражен: тот на память "читал" заполненный вызванным добровольцем из зала квадрат из 16 чисел. Молодость самонадеянна, вот и Игнатенко после представления решил добиться таких же результатов. Но как это сделать, он не знал и пробовал запоминать все подряд: числа, слова, названия улиц, номера домов. Перед сном, лежа в постели с закрытыми глазами, старался раскрутить "ленту" прошедшего дня до самых мелких деталей. Вспоминал людей, разговоры, звуки. Отказался

от кофе и шоколада, догадавшись, что мозг от них "тяжелеет". Он постоянно убеждал себя: "Я легко, без труда, с этого дня могу запоминать все по своему желанию". И так каждый день на протяжении нескольких лет, пока не почувствовал, что действительно в состоянии запоминать все, что хочет.

– А потом, – рассказывает Альберт Бенедиктович, – я совершенно случайно открыл у себя и другие способности. У нас в клубе выступал заезжий гипнотизер. Я смотрел, как он заставляет людей в гипнотическом трансе проявлять способности музыканта или художника, а то еще внушит, что человек находится в бане. Я шепчу своему другу: ничего, мол, здесь особенного, можно и похлеще придумать. Он отмахнулся... и вдруг вскочил на кресло. Сам не знаю, как это у меня получилось, но я вообразил, что в зале началось наводнение...

С того дня в классе, где учился Альберт, начали происходить странные вещи. То одноклассник, вызванный к доске, приклеивался к парте и не мог встать с места. То кто-то из учителей за весь урок не может произнести ни слова... Директор узнал, кто срывает уроки, вызвал Игнатенко к себе в кабинет и вполне серьезно предупредил: "Еще один такой эксперимент – и вылетишь из школы".

...Наосвещенной сцене размещают 15 портретов писателей. Справа в углу вращающаяся доска с сотней разноцветных кружков, слева – обычная классная доска. Рядом с ней на стуле сидит Альберт Игнатенко. К его груди на специальном кронштейне прикреплена губная гармошка. Пальцы правой ноги сжимают карандаш над листом бумаги, пальцы левой – на клавишах музыкального инструмента. В руке держит мел. От ног и рук Игнатенко тянутся провода к приборам. Тишина. Но вот Альберт Бенедиктович окидывает взглядом галерею портретов и отворачивается. К делу приступают добровольные помощники из зала. Один из них диктует текст, который Игнатенко тут же записывает на доске. Второй называет двузначные числа, и "артист" моментально возводит их в квадрат. Третий вращает доску с разноцветными кружками, которые Альберт Бенедиктович тут же подсчитывает. Одновременно карандашом, зажатым пальцами правой ноги, он рисует, а пальцами левой – подбирает на клавишах инструмента мелодию, рукой на расстоянии двигает стрелку компаса, играет на губной гармошке, прерываясь лишь для ответов на вопросы.

При этом он еще называет по памяти любой заданный день недели за... 10 тысяч лет, замедляет собственный пульс, изменяет температуру тела, кровяное давление... Одновременно 13 действий! Юлию Цезарю подобное, как говорится, и не снилось.

...На сцене выстраиваются молодые люди. Игнатенко задает всем вопрос: "Как вас зовут?" – и каждому подносит микрофон. Серьезный на вид парень вдруг заявляет: "Людмила Зыкина"! И ошарашенный собственным ответом, испуганно смотрит в зал. Рядом с ним тоже от души смеются. Особенно сосед – усатый мужчина лет тридцати. Однако на тот же вопрос, все еще улыбаясь, отвечает так: "Крокодил Гена". Улыбка сползает с его лица, он пытается сообразить, как это у него получилось?

– Так как вас зовут?

– Баба Феня...

Участники опыта уже не смеются. Трудно сказать, какие чувства овладели ими в этот момент. Это не гипноз, при котором человек не осознает свои действия. Участники опытов Альберта Игнатенко видят и слышат не только его самого, но и себя, друг друга, зрителей в зале и даже переговариваются с ними.

Наука о бессловесном внушении называется суггестологией. Объяснить механизм явления ученые пока не могут, хотя факт передачи мысленной информации авторитетные специалисты признали установленным и экспериментально вполне доказанным.

"Суггестия" означает "внушение" (корень слова латинского происхождения). Но "суггестология" – от английского suggest – предлагать. Вот почему профессор Г. Лозанов, возглавлявший НИИ суггестологии в Софии, считает его более подходящим для раскрытия сути науки о внушении, ибо человек сам в соответствии со своими особенностями выбирает дорогу к совершенствованию.

Исследования, проведенные в лаборатории Г. Лозанова, показали, что за месяц при помощи суггестии человек усваивает 5-6 тысяч иностранных слов, а дети успешно осиливают сточасовую программу по физике за 10 дней.

Все, что человек видит и слышит за свою жизнь, отпечатывается в виде закодированной информации в его подсознании, но он не может, не умеет ее востребовать. Альберт Игнатенко в своих опытах как бы открывает у человека "суггестативный шлюз" – своеобразную дверцу

из сознания в подсознание и мысленным приказом извлекает совсем вроде бы забытые факты. Каким бы способным ни был учащийся, он никогда дословно не запомнит услышанное на уроках. Но стоит только ученику "пообщаться" с Игнатенко, и он буквально слово в слово передаст все, что когда-то говорил учитель. Мало того, как показали проводимые Игнатенко эксперименты, путем внушения он может в течение, минуты переключить человека на самоконтроль – и тот сам будет в состоянии управлять своей психикой. А если еще в течение трех месяцев после этого давать ему определенные упражнения (по две-три минуты два раза в день), то программа, полученная через внушение, закрепится на всю жизнь.

Но и это еще не все. Игнатенко экспериментально доказал, что существует и так называемое постсуггестивное внушение.

В 1986 году в городе Кременце был проведен такой опыт. Учащемуся девятого класса одной из школ Игнатенко внушил, что на экзамене по иностранному языку он возьмет билет под номером восемь. Как потом рассказывал сам подросток, он подошел к столу с экзаменационными билетами, его рука без колебаний потянулась к одному из них – билет оказался под номером 8. Подобные эксперименты проводились неоднократно в течение многих лет.

Всерьез заинтересовался Альберт Бенедиктович природой собственных возможностей, когда поступил в Николаевский педагогический институт. Затем начал работать в лаборатории психологии, где вскоре возглавил группу по проблемам суггестологии. Правда, в то время загадочные явления больше отрицали, чем пытались объяснить. Лед тронулся, когда в Ленинграде и Москве начались работы по изучению биополей.

Альберт Игнатенко уверен, что биоэнергетическая мощность каждого человека заложена в генах и ими определяется. Своей биоэнергией можно управлять, но нужно помнить, что баланс энергии – основа существования живого организма. Стало быть, после отдачи энергии необходимо восстанавливать ее в полном объеме. Энергетическое "топливо" можно получать с пищей, пополнять путем физических и умственных тренировок. Благоприятно влияют положительные эмоции. Очень важно научиться управлять своей психикой.

"Академик В. Вернадский догадывался: в живом организме кроме вещества и энергии есть еще и "нечто" вполне материальное, связанное с жизненными процессами, так называемый "космический разум", – пишет в своей брошюре "Биоэнергия и человек" Ю. Кривоносов. – Догадка нашла подтверждение в работе ученых В. Налимова, Н. Моисеева, А. Медеяновского. Под "космическим разумом" они понимают энергоинформационное поле Земли".

Итак, космический разум? Альберт Игнатенко убежден, что в этом нет ничего фантастического. То, что человек может прямо контактировать с околоземным пространством, он вскоре и доказал.

Это произошло в Киеве хмурым осенним днем. Из низких плотных облаков сыпал мелкий нудный дождик. Альберт Бенедиктович собрался ехать в Дом культуры, где через 15 минут должно было начаться его выступление. Он вышел из гостиницы. Рядом остановилась машина Украинского телевидения: два дня назад ему предложили заснять один из его экспериментов. Речь шла об изменении... погоды. Альберт Бенедиктович дал согласие. Но сейчас у него не было и минуты лишней. Телевизионщики вежливо и скептически улыбались. И тогда Игнатенко сел в машину; эксперимент начался.

Они приехали на Октябрьскую площадь. Дождь прекратился, камера зафиксировала плотный слой облачности. До начала выступления оставалось семь минут. Альберт Бенедиктович вытянул перед собой руки ладонями вверх...

Что произошло потом, рассказывали работники съемочной группы. Через минуту, не больше, темно-серая завеса туч стала светлеть, облачность таяла прямо на глазах... и вдруг засияло солнце. Оператор оказался не из нервных и этот эпизод полностью заснял на пленку. А вот режиссера еще более получаса была нервная дрожь. На свое выступление в Дом культуры Игнатенко все же успел.

Потом Игнатенко рассказал о другом эпизоде:

В 1981 году я работал на олимпийской базе в Бирштонасе, в Литве, психологом команды по академической гребле. Погода испортилась. День идет дождь, второй, третий... Спортсмены и тренеры изнервничались. Тогда-то я впервые и попробовал разогнать тучи. И в течение пятнадцати дней в радиусе пяти-шести километров удерживал солнечную погоду. Можно сказать, ладонями. Я

представляю себе, что ладонь моей руки излучает энергию. Концентрируя усилия, вижу мерцающие точки, поднимающиеся в виде луча к облакам. Пучок энергии я посылаю именно в то место, где в данный момент должно находиться солнце. Когда луч доходит до облаков, мысленно представляю происходящую там реакцию. И постепенно начинаю ощущать тяжесть, словно держу на весу ядро. Затем появляется легкая вибрация...

Увидев, как экстрасенс Нинель Кулагина передвигала по столу предметы, не касаясь их, дома сразу же попытался повторить опыт. Ему потребовалось 40 минут, чтобы заставить крутиться крыльчатку вентилятора. На первый разгон облаков – почти столько же, теперь – всего несколько секунд. Такое и представить-то себе трудно. Но когда подумаешь, что человек с немислимыми, фантастическими способностями Тратит свою энергию на эстрадные выступления, то становится как-то не по себе. Нет лучшего применения?

– Почему сцена, а не наука? – переспрашивает Игнатенко. – Я давно убедился, что контакты с суггестологом поднимают у людей душевные силы, дают программу, ориентируют на добро. Я называю это освещением. И такой работе я придаю не меньшее значение, чем науке. Меня волнуют происходящие на Земле стихийные бедствия – землетрясения, извержения вулканов, участвовавшие катастрофы... Может быть, это покажется странным, но я уверен, что любая агрессивная мысль, а тем более поступок, наносит вред нашей биосфере, в какой-то мере и они повинны в стихийных бедствиях.

Услышать такое от кого угодно-сочтешь за бред. Но это говорит Альберт Игнатенко – человек, которому подчиняются тучи...

Артист Москонцерта Валерий Авдеев как-то рассказал о своих ощущениях во время хождения босиком по раскаленным углям, лежания на битых стеклах и других опытов на себе. Он заметил, что не чувствует боли, когда задерживает дыхание. Но стоит ему в критический момент сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, как болевые ощущения сразу возвращаются и резко ухудшается самочувствие.

Но почему это происходит? Возможно, разгадка этого феномена – в исследованиях новосибирского ученого, кандидата медицинских наук К. Бутейко? И вот артист и ученый встретились в Новосибирске.

...Афиши интригуют: "Психологические опыты. Познай самого себя..." На столе лежит обыкновенный компас, его черная стрелка, как и положено, указывает на север. Это видят все зрители: увеличенное изображение стрелки проецируется на большой экран.

Из глубины сцены появляется Валерий Авдеев. Его лицо сосредоточено, руки широко разведены. Легкими движениями пальцев он как будто перебирает в воздухе что-то невидимое публике, но ощущаемое им самим. Проходит минута, другая-стрелка не шевелится, хотя руки уже близко от нее. Но когда Валерий сделал резкий выдох, она неожиданно отклонилась, повинаясь мановению его руки.

Ассистент накрывает компас стеклянным колпаком, а стрелка все равно колеблется. Повторяя движения рук артиста, она раскачивается из стороны в сторону и, наконец, начинает быстро вращаться. Присутствовавший на одном из таких опытов академик Ю. Кобзарев отмечал: "Валерий Авдеев действительно может воздействовать на магнитную стрелку компаса, находясь от него на расстоянии более метра. Безусловно, это явление необходимо изучать".

Опыт усложняется. Авдеев напрягся и замер над компасом. Его лицо покрылось испариной, на руках вздулись вены, дыхания совсем не слышно. И вдруг через минуту компас ожил: несколько раз дернувшись, он начал плавно удаляться от артиста. Передвинувшись сантиметров на пятнадцать, остановился и стал медленно вращаться. И, сделав несколько оборотов, замер на краю стола.

Зал рукоплещет. А Валерий неожиданно предлагает:

– Хотите, вы сами сейчас откроете в себе неизвестную способность? Вспомните, как пахнут любимые духи или одеколон, – и вы почувствуете этот запах на любом предмете.

Зрительница недоверчиво протягивает Авдееву платочек, который ничем не пахнет, и робко сообщает: любит "Рижскую сирень".

– Пожалуйста! – громко говорит артист. И девушка в изумлениивосклицает:

– Ой, теперь правда пахнет!

Соседки берут ее платок, склоняются над ним – и авторитетно подтверждают: действительно "Рижская сирень". Может, на него незаметно брызнули духами? Да нет – через минуту запах исчезает так же неожиданно, как и появился.

– А теперь вы сможете продемонстрировать необыкновенные физические способности, – говорит артист зрителям и вызывает из зала трех добровольцев. Но сначала он просит их войти в особое состояние, необходимое для опыта.

– Закройте глаза, мысленно сосредоточьтесь на своих ощущениях. Прислушиваясь к дыханию, постарайтесь уменьшить его глубину. А теперь представьте себе, что видите свое тело... со стороны. Вот оно наливаясь тяжестью, напрягается, становится прямым и крепким, как стальная мост...

В этот момент ассистенты подхватывают трех добровольцев на руки и кладут каждого из них на спинки стульев. Опираясь лишь шеями и пятками, они словно висят в воздухе параллельно полу. Не чудо ли? А Валерий спокойно объясняет, что в таком состоянии человек может выдержать не только тяжесть своего тела, но и еще трех людей, которые встали бы на него, – этот номер когда-то демонстрировали цирковые факиры.

– Что же это за удивительное состояние? – нередко спрашивают артиста. – Уж не гипноз ли – ведь с его помощью можно вызывать каталепсию и внушать запахи?

– Вовсе нет – войдя в нужное состояние, люди самостоятельно вызывают у себя иллюзии любимых запахов.

Легко убедиться и в том, что добровольцы лежат на спинках незагипнотизированные. Вы можете поговорить с ними – они четко ответят на любые вопросы и с чувством юмора расскажут о своих необычных ощущениях. А под гипнозом это невозможно.

Присутствовавшие в зале медики согласились, что это действительно не гипноз. Но что же тогда?

– Умение, которым обладает каждый из нас, часто и не подозревая об этом, – объясняет В. Авдеев, – затаив дыхание и сосредоточившись на образе, вызывать различные изменения в своем теле. Называю это состоянием "имаго" – от латинского слова "образ". Войдя в него, человек может открыть в себе удивительные способности. Все номера на Сиене я показываю только в этом состоянии.

– Вы способны, – сказал один психолог, – запомнить с первого раза сотни слов, не связанных между собой по смыслу, а потом повторить их в той же последовательности, в которой говорили зрители, и даже –

в обратной. Но разве можно это делать в состоянии "имаго" думая о своем теле?

– Я не думаю, а просто ощущаю его каждое мгновение и воспринимаю окружающий мир через призму этих ощущений. Это умели делать наши далекие предки, но большинство современных людей разучились "слушать" свое тело. Только научившись вызывать у себя это состояние, я смог избавиться от тяжелого недуга и развить в себе необычные способности.

Заинтересованные рассказом артиста, некоторые зрители, сидя в своих креслах, попытались проделать упражнения имаготренинга – закрыв глаза и затаив дыхание, прислушаться к биению сердца, ощутить, как в пальцах струится кровь, выявить самую теплую часть тела и самую холодную, найти больной орган-словом, почувствовать самих себя.

– А вы знаете, – раздался из зала удивленный женский голос, – у меня прошла головная боль!

– И у меня сердце перестало покалывать, – отозвался пожилой мужчина.

Что это – мгновенное исцеление от недугов или временное облегчение, вызванное самовнушением? Вот мнение присутствовавшего на концерте Константина Павловича Бутейко:

– Меня несколько не удивляет, что в состоянии "имаго" реализуются резервные возможности организма. Некоторые артисты оригинального жанра, которые выступают с подобными опытами, проходили обследования в нашей лаборатории в одном из новосибирских институтов. Было установлено, что, сосредоточиваясь на своих ощущениях, прислушиваясь к работе органов, даже человек, незнакомый с имаготренингом, непроизвольно затаивает дыхание. А Валерий Авдеев, по-видимому, сознательно уменьшает его глубину. Но это, как показали наши исследования, повышает концентрацию углекислого газа в крови, вызывает рефлекторное расширение сосудов, и гемоглобин начинает лучше отдавать кислород. В результате клетки тела получают его в несколько раз больше, чем в обычном состоянии. Наверное, поэтому у больных людей в состоянии "имаго" прекращаются спазмы сосудов головного мозга, сердца и других органов. А здоровые ощущают необыкновенный прилив сил, у них резко повышается умственная и физическая работоспособность.

Например, статистика показывает, что школьники и студенты, вылечившиеся неглубоким дыханием, значительно улучшают свою успеваемость.

Нет ничего таинственного и в том, что в состоянии "имаго" Валерий Авдеев не ощущает боли, лежа на битых стеклах или ходя по раскаленным углям. Ведь он делает это на задержке дыхания. А наши исследования показали, что большие дозы углекислоты действуют на организм подобно веселящему газу, который используют для обезболивания. И люди, тренирующиеся в неглубоком дыхании, могут порой без наркоза переносить хирургические операции – в этом убедились некоторые мои ученики.

Кстати, многие упражнения индийских йогов, элементы аутогенной тренировки тоже уменьшают глубину дыхания, повышают концентрацию углекислого газа в крови – в этом, по-моему, главная причина их целительного эффекта. Вспомните, как, повинаясь мысленным приказаниям, по рукам и ногам начинает струиться тепло, они наливаются приятной тяжестью, – это рефлекторно расширились и наполнились кровью сосуды. Но блаженное состояние быстро исчезнет, если вы сделаете несколько глубоких вдохов и выдохов. А в состоянии "имаго" целительное действие неглубокого дыхания, по-видимому, усиливается самовнушением: сосредоточившись на больном органе, человек способен вызвать в нем резкое расширение сосудов и активизацию гемоглобина. Вероятно, в опытах с компасом Валерий Авдеев сознательно вызывает прилив крови к кистям рук – это значительно увеличивает количество заряженных частиц, на пальцах могут накапливаться электрические потенциалы, которые и воздействуют на стрелку.

Однако следует подчеркнуть, что конкретно Валерия Авдеева мы не исследовали, и все сказанное о нем можно принять лишь в качестве предположений. На мой взгляд, было бы весьма полезным всесторонне изучить разработанный им метод.

Такого же мнения придерживается член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии Николай Алексеевич Желтухин:

– Специалисты ряда подразделений Сибирского отделения Академии наук и Сибирского отделения Академии медицинских наук считают целесообразным организовать углубленное изучение демонстрируемых Валерием Авдеевым феноменов. Он приезжал к нам

по приглашению Дома ученых и помимо концертной деятельности встречался с сотрудниками институтов Академгородка, ответил на многочисленные вопросы. По общему мнению, большой интерес представляют исследования субъективно регистрируемого экспериментатором состояния "измененного сознания" ("имаго"), существенно меняющего физиологические и психологические возможности организма и личности.

"Маг" снисходительно раздавал зрителям фотографии, свидетельствующие о его необыкновенных способностях. На одном снимке было видно, как между его раздвинутыми ладонями висит в воздухе спичечный коробок. На другом парили над тарелкой зерна риса.

Рассказ об этих чудесах не вызвал ни малейшего удивления у А. Смирнова, доцента Московского Государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. И Александр Николаевич показал несколько "фокусов" ничуть не хуже эстрадного "мага". Сначала над ладонью Смирнова воспарил кусочек пенопласта. Конечно, это предмет легкий, но ведь не перышко же, а висит в воздухе без всякой поддержки. Потом он "подвесил" теннисный мячик и, наконец, покати́л его по наклонной плоскости вверх, не дотрагиваясь руками.

Пора признаться – здесь не творилось никаких чудес. Перемещения предметов вызывались не мановениями рук и не магией взгляда, а работой ультразвукового генератора. Для тех, кто знает, как широко применяется в технике ультразвук при сварке, сверлении, очистке деталей, вряд ли будет неожиданностью его способность двигать предметы. Излучаемые генератором акустические колебания, отражаясь от наших ладоней, создают неподвижные, так называемые стоячие волны. Перемещая между источниками ультразвука и ладонью легкий предмет, можно было найти положение, когда он оказывался как бы на гребне стоячей волны. Испытывая снизу большее давление воздуха, чем сверху, шарик висел над ладонью – его вес компенсировала разность давлений. А когда Смирнов просто повернул металлический звуковод параллельно столешнице, идущая от него неслышная звуковая волна передвинула на своем пути все легкие предметы.

Но ведь экстрасенсы не пользуются генераторами. Да, они обычно объясняют свои непостижимые способности действием некоего

биополя. Отмечая, что до сих пор не существует никаких проявлений биополя, подтвержденных научным экспериментом, академик А. Мигдал писал: "Мы оставляем в стороне возможные чисто физические причины перемещения легких предметов, например, давлением ультразвука". Значит, человек тоже генерирует ультразвук? Да, судя по сообщениям академика Ю. Кобзаря и академика АН СССР Ю. Гуляева, руки экстрасенсов во время сеанса излучают акустические импульсы с частотой несколько десятков тысяч колебаний в секунду. Измерял параметры ультразвука, идущего от ладоней "мага", и А. Смирнов. Выяснилось, что мощности излучаемых импульсов достаточно, чтобы вращать на небольшом расстоянии стрелку компаса.

— Обычный человек в спокойном состоянии действительно не способен на телекинез, — объясняет А. Смирнов. — Его руки тоже излучают акустические импульсы, но они слишком слабы, чтобы произвести на расстоянии заметный эффект. Однако во время сильного возбуждения частота и мощность излучения возрастают многократно и становятся соизмеримыми с параметрами нашего генератора ультразвука. А ему вполне под силу телекинез. И для его объяснения незачем привлекать ни "магию" взгляда, ни таинственное биополе — суть воздействия на предметы реального физического поля доступна даже старшекласснику. А с помощью аутогенной тренировки можно менять свое эмоциональное состояние. Видимо, это и делают экстрасенсы, когда демонстрируют телекинез...

Это было на одной из импровизированных пресс-конференций, организованных поклонниками известной целительницы. Устремив на зрителей пристальный взгляд огромных черных глаз, она вещала:

— Существует единое энергетическое поле Вселенной, а я — перераспределительница космической энергии. Одним отдаю ее, у других забираю. Никто в такой степени не обладает этой способностью, данной мне от рождения. Научиться пикировать на скрипке может каждый, а Паганини один.

Многие экстрасенсы утверждают, что именно эта таинственная энергия, исходящая от них, способна лечить любые болезни. Впрочем, в тот раз исцеления не было, зрителей решили удивить опытами на животных... На стекле лежит препарированная лягушка, она еще жива, и в грудной полости ритмично сокращается сердце. Женщина несколько раз сдвигает и раздвигает ладони, словно подыскивая

оптимальное расстояние между ними. И когда оно найдено, ладони опускаются вниз, а сердце лягушки оказывается как раз посередине и... начинает биться быстрее. Стоит сдвинуть ладони немного в сторону – сокращения становятся слабее и реже.

– Запомните этот миг, – шепчут поклонники целительницы, – выстали свидетелями уникального явления – впервые человеку удалось на расстоянии "раскачать" сердце лягушки. Вы сами убедились, что целители могут воздействовать на живые органы, не прикасаясь к ним.

И снова туманные рассуждения о биополе...

– А ведь этот феномен вполне можно объяснить действием не загадочного биополя, а вполне реальных, хорошо известных физических полей, регистрируемых точной аппаратурой, – говорит А. Смирнов. – Оставим в стороне тепловое и электромагнитное излучение, исходящее от любого человека. Представьте, что между ладонями экстрасенса возникла стоячая волна ультразвука, и все станет ясно: на "гребнях" волны молекулы воздуха колеблются с максимальной амплитудой и раздражают сердце. И наоборот, там, где амплитуда колебаний мала, действие ультразвука практически равно нулю – сердце лягушки бьется в естественном ритме. Еще сильнее будет влиять на него не стоячая, а бегущая или затухающая волна, которая свободно распространяется от одной ладони экстрасенса, не встречая на своем пути экрана другую ладонь.

Действительно, наиболее впечатляющего эффекта женщина добивалась именно одной рукой. Ее пассы были похожи на удары в каратэ – то внешним ребром ладони, то кончиками пальцев. И хотя она не касалась сердца лягушки, оно начинало колотиться быстрее.

– Причина – удар ультразвуком, – говорит ученый. – "Космическая энергия" здесь ни при чем.

Что ж, если невидимые и неслышимые ультразвуковые волны способны двигать по столу чашку, в их влиянии на живые органы тем более нет ничего загадочного. Но вот что неясно – ведь воздействие должно быть направленным, концентрированным. С помощью звуковода в лаборатории этого добиться нетрудно, но в нашем-то организме звуководов нет...

– Отчего же? – усмехнулся Смирнов и сказал:

– Много еще загадок в биологии, физике, химии, да, наверное, в каждой области науки они есть. Но чтобы понять их суть, надо как минимум обладать запасом знаний. Вот почему вера в парапсихологию так греет самолюбие невежд – не надо изучать науки, достаточно с апломбом утверждать: здесь действует некое биополе, недоступное даже пониманию ученых. До чего же легко неизученное объявить сверхъестественным. Впрочем, давайте от рассуждений перейдем к экспериментам.

Александр Николаевич включил осциллограф, подсоединил к нему чувствительный датчик и поднес его к руке. На экране слегка задрожал зеленый луч. Смирнов медленно провел датчиком над ладонью. В некоторых местах осциллограф регистрировал сильные вибрации – на экране возникали крутые всплески зеленого луча. Ученый показал на руке несколько точек, которые постоянно генерируют колебания большой амплитуды.

Задержав датчик над крупным сосудом, ученый убедительно продемонстрировал, что пульс выдает на экран гораздо более редкие, а главное – слабые импульсы. А вот когда Смирнов провел датчиком вдоль указательного пальца, я поразился, как много на нем звучащих мест – прямо миниатюрный генератор. Это БАТ – биологически активные точки. Именно на них воздействуют медики, когда лечат иглоукалыванием.

Пожалуй, здесь уместно вернуться немного назад и объяснить, каким же образом человеческий организм генерирует ультразвук.

– В клетках нашего тела каждое мгновение происходит огромное количество химических реакций, которые сопровождаются, в частности, звуковыми колебаниями, – рассказывает Смирнов. – Источником акустических импульсов являются сложные превращения в активированной воде. А человеческий организм на две трети состоит из воды. Отражаясь от костей и других тканей, звуковые колебания могут накладываться друг на друга и образовывать стоячие акустические волны. Там, где эти волны выходят на поверхность тела, расположены так называемые энергетические меридианы, а в местах пучностей находятся биологически активные точки. И хотя мы этого не слышим – ведь ультразвук не воспринимается ухом, – тем не менее наш организм непрерывно звучит подобно большому органу, а роль труб в нем играют БАТ.

Мне хотелось бы выдвинуть предположение, которое можно принять как рабочую гипотезу, естественно, требующую экспериментальной проверки. Допустим, что экстрасенс, воздействуя ультразвуком на пациента, изменяет амплитуду и частоту колебаний в его биологически активных точках. Напомню, акустические импульсы выходят на поверхность организма в сотнях точек/ Изменив естественный ритм их работы, действительно можно повлиять на внутренние органы, которые "представляют" эти точки на коже. Ведь именно так лечат врачи-рефлексотерапевты. Кстати, они воздействуют на активные точки не только иглами, но и электрическим потенциалом, тем же ультразвуком. Только медики, в отличие от экстрасенсов, не преподносят свою работу как чудеса магии и нечто сверхъестественное.

Не исключено, что некоторые люди обладают от рождения или развили в себе способность регистрировать слабые акустические импульсы, излучаемые человеком. В этом случае их руки работают уже как датчики. В том, что это реально, можно убедиться, поднеся руку к нашему ультразвуковому генератору. В одних местах будет холоднее, а в других теплее. Примерно так же диагностируют экстрасенсы. Но в этой способности нет ничего таинственного, думаю, в большей или меньшей степени ее может натренировать в себе любой человек. Только нужно ли? – современные приборы диагностируют гораздо точнее.

СЕКРЕТЫ ЮРИЯ ЛОНГО

Дед Юрия Лонго был последним факиром России. Он ходил по углям, глотал шпаги, выступал в цирке, изучал йогу. Звали его Дмитрий Лонго. В Россию он пришел из Италии. Умер в 1972 году в 105 лет. Никакого богатства у него не было, а в наследство он оставил внуку пять книг о белой и черной магии. Отец Юрия Лонго тоже владел приемами гипноза, но никогда своим даром не пользовался, он преподавал в школе, и, поскольку в его время всякое подобное занятие считалось делом греховным и запретным, то он скромно умалчивал о своих возможностях.

Сам Юрий Лонго закончил психологический факультет в Санкт-Петербурге, потом получил среднее медицинское образование. Пытался серьезно заниматься музыкой и живописью. На его визитной карточке написано: "Международная ассоциация магов и колдунов", а на афишах – список трудно вообразимого количества возможностей: гипноз, демонстрация психологических опытов, предсказание судеб, йога и многое другое.

Из дедушкиных книг он узнал очень многое относительно деревенской практической магии. Книги прошлого века – Библиотека Флауэ-ра: "Личный магнетизм", "Целебный магнетизм", "Память и уход за ней", "Сила мысли", "Гипнотизм" – его настольные книги.

Он – добрый колдун. Все, что он делает на сцене, посвящено доброй цели – помощи людям. Ему многих приходится лечить. Лонго помогает избавиться от курения, лишнего веса, от многих других заболеваний. Снимает порчу. Кстати, к порче надо бы относиться серьезнее, чем это принято среди скептиков. Не каждому, наверное, известно, что можно сглазить человека во время его выступления по телевизору, а можно тогда же снять с него порчу.

Что касается предсказаний судеб, то он не пользуется при этом астрологией, не высчитывает никаких гороскопов, а смотрит человеку в глаза и говорит ему, что его ждет. Откуда он это знает, как чувствует – объяснить не может; да вряд ли нужно объяснять, но очень многое сходится.

Юрий Лонго ведет радиопередачи по субботам в "Вечернем курьере". О телевидении пока не думал всерьез, но кое-какие задумки есть. Это было бы нечто среднее между проповедью и внушением, т.е. он смог бы снимать с людей сглаз, как это называется в народе, а на самом деле это лишняя биоинформация, которая "покрывает" буквально каждого человека, в особенности детей, как наиболее чуткую и чувствительную часть человечества. Очень многим помог бы избавиться от лишнего веса. Помимо всего прочего, никакого отрицательного воздействия на психику, на самочувствие людей эти сеансы не оказывали бы. И одно из самых важных-они помогли бы многим и многим избавиться от курения и алкоголизма.

Юрий Лонго дает очень простой и эффективный способ снятия усталости и перенапряжения: встаньте до восхода солнца, сядьте в кресло или на стул лицом к восходящему солнцу, поверните ладони к пране (биосфере), закройте глаза, вспомните голос любимой птицы, что-нибудь приятное из своей жизни и посидите так пятнадцать минут, вам станет гораздо лучше.

Совет Юрия Лонго для тех, кто плохо себя чувствует или хочет избавиться от каких-то своих недостатков, например, бросить курить или пить. Взять полстакана воды, обыкновенной сырой воды, поставить его на левую руку. Потому что левая рука – это экран биополя, а правая рука – источник биополя. Так вот, после того, как вы поставили стакан на левую руку, поводите кончиками пальцев правой руки по краю стакана, по часовой стрелке две-три минуты. При этом думайте о том, от чего вы хотите избавиться: от болезни какой-либо, или же хотите похудеть, или наоборот поправиться. Ваша вода заряжается вашими же биотоками. Вода обладает памятью, хотя это явление еще не объяснено наукой, но она способна кодировать информацию.

Таким образом, когда вы зарядите воду своими мыслями и биотоками, поставьте вечером эту воду на подоконник, а утром выпейте 2-3 глоточка натошак. Прodelайте так в течение месяца. Ваши болезни будут постепенно уходить. Это может сделать каждый, кто обладает хоть какими-то биотоками.

Посмотрите на себя со стороны. Или вспомните человека, который вам нравится, кто мог бы стать для вас идеалом. Представьте, как бы он поступил в той или иной ситуации. Постарайтесь поступать

так же. Никогда не суетитесь, что бы вы ни делали, контролируйте каждое свое движение, старайтесь не делать никаких лишних движений, жестов, когда говорите с собеседником, смотрите ему в переносицу. В этом случае ваш взгляд будет твердым, пронизывающим, но не наглым. Когда вы слушаете, – опустите взгляд. Будьте спокойны, это поможет сохранять энергию, духовный ток. И еще запомните: знание всегда является силой, не транжирьте свои знания налево-направо; чем вы загадочнее, тем более к вам будут притягиваться люди. Больше молчите, не вступайте в бессмысленный спор. Таким образом, вы опять же сохраните энергию.

Представьте себе: вы выиграли десять тысяч или автомобиль. Вам непременно хочется поделиться об этом с друзьями, знакомыми, хочется похвастаться. Как только вы это сделаете, вы почувствуете какую-то опустошенность. Часть сил покинет вас, а если вы сдержитесь, если вы не будете рассказывать о выигрыше своим друзьям, ваши силы удвоятся, они будут аккумулироваться в вашей душе, вы станете значительнее и притягательнее для окружающих.

У буддистов и христиан есть традиция "обета молчания". Это делается для того, чтобы накопить духовный ток. Достичь сдержанности, а значит сохранения биоэнергии, вам помогут три основных упражнения.

Упражнение 1. Наложите на себя обет молчания. Выберите для себя один день в неделю, в который вы не будете говорить лишних слов, не станете задавать вопросов, не будете начинать первым разговор, а если вам придется отвечать на какие-либо вопросы собеседников, постарайтесь отвечать односложно.

Упражнение 2. Выработка центрального взгляда. Это надо делать не один день и не одну неделю. Попробуйте для этого выделить каждый день минут 15. На большом листе, примерно двойном листе тетради, нарисуйте черный круг величиной с пятак, повесьте его напротив дивана, кресла на расстоянии трех метров, сядьте спокойно и смотрите в этот черный круг, не мигая и не отводя взгляда от этого пятна. Для начала достаточно 2-3 минуты, потом необходимо увеличить время. Помните, что вы вырабатываете в себе центральный магнетический взгляд, что вы занимаетесь очень важным делом.

Упражнение 3. Глядя на себя со стороны, как можно больше следите за своими движениями, вообще за собой. Это не суетливость,

нет, это необходимо для самооценки, самоанализа. Постарайтесь спокойно вспомнить перед сном события дня, дать им оценку, прежде всего обратите внимание – не запальчивы ли вы, как встречают люди ваш взгляд и т.д. Очень важно научиться здороваться. После быстрого сердечного пожатия, быстро отдерните руку, легко касаясь кончиками пальцев ладони собеседника. Такое рукопожатие будет естественным и теплым, а также безусловно окажет на вашего приятеля известное действие.

Юрий Лонго объясняет, что многие не могут бросить пить только потому, что каждое утро нужно опохмеляться, организм уже привык к этому, он требует алкоголя – голова болит, недомогания всякие, одним словом, возникает "синдром похмелья".

Вы встаете утром, и у вас сильно болит голова. Возьмите полстаканчика обыкновенной сырой воды, поставьте его на левую руку, кончиками пальцев правой руки водите по краешку стакана по часовой стрелке, и думайте, что это вино, водка или пиво – в зависимости от того, что вам очень хотелось бы выпить. Только думайте очень усиленно, образно, в данный момент информация передается в воду. Продолжайте движение минут пять.

Когда вы потом попробуете эту воду, то почувствуете вкус спиртного. Выпейте полстакана этой пьяной воды, и вы почувствуете, как у вас пройдет головная боль, исчезнет "синдром похмелья", но ни в коем случае не злоупотребляйте этим. Иначе вы можете привыкнуть, да так, что все равно не сможете отучиться от алкоголя.

Но вернемся к некоторым тайнам личного магнетизма. Возьмем такой пример. Человек, который вам неприятен, который ведет себя высокомерно, ставит себя выше других, может вам подчиниться.

Для этого есть специальное упражнение. Беседуя с таким человеком, вам необходимо найти такое положение, чтобы ваши глаза были выше глаз вашего собеседника, и смотрите на него сверху вниз. Предположите при этом, что вы знаете совершенно определенно все темные стороны характера вашего собеседника. Обыкновенно такие лица имеют массу недостатков. Ваш взгляд должен быть спокоен и тверд. Результат вы скоро заметите. Во время вашей беседы смотрите ему в переносицу. Ваш собеседник смутится, и его глаза начнут беспокойно бегать. Заставьте его все время, пока говорите, смотреть на вас, а когда он уже заговорит, вы можете делать все, что угодно.

Вы можете рассматривать его неглаженный костюм, неопрятную рубашку, торчащие уши. Вообще делайте все, что хотите, только не смотрите ему в глаза, но с вниманием слушайте его речь. А когда вы заговорите вновь, устремите глаза в его переносицу. Конечно, все это должно быть незаметно, чтобы у него не зародилось подозрений, что вы что-то с ним проделываете, главное – будьте совершенно спокойны. И ваш собеседник запомнит вас надолго.

Существует понятие центрального магнетического взгляда. Именно этим взглядом надо смотреть в переносицу и как бы пронизывать человека насквозь, т.е. взгляд должен входить в переносицу, а выходить из затылка. По развитию магнетического взгляда есть еще одно упражнение.

Сядьте в 40 см от зеркала. Желательно это делать утром, когда мозг еще не загружен. Следует на своей переносице нарисовать точку, какой-нибудь другой знак углем или губной помадой, чем угодно, лишь бы его было видно в зеркало.

Спокойно расположитесь в кресле и расслабьтесь. Постарайтесь от 5 до 15 минут смотреть в свою же собственную переносицу, т.е. в точку на переносице, не моргая. Если очень захочется моргнуть, то поднимите веки вверх и немного их опустите. Желание моргать у вас постепенно пройдет.

Глаза являются зеркалом души, и некоторые люди по глазам могут узнать мысли другого человека, проникнув прямо в мозг. Вы не должны жалеть трудов для того, чтобы выработать у себя властный взгляд. Очки, кстати, не мешают развитию упорного взгляда, а иногда увеличивают силу взгляда.

Главное условие этого способа – совершенное уединение. Уединитесь в темной комнате, найдите удобное место, кресло. Вы не должны испытывать никакого физического дискомфорта и 10 минут находиться в полнейшем бездействии и тишине, вы не должны напрягать ни одного мускула, о чем-либо думать. Совершенный покой. Только после этого вы можете приступать к упражнению "психическая фотография". Итак, сядьте к столу и четко напишите на чистом листе бумаги какую-то короткую фразу, выражающую ваше желание. Вы, например, можете написать: "Я желаю, чтобы прекратились недоразумения, ссоры..." с другом, с женой, с кем угодно.

Изложив письменно свое желание, расположитесь поудобнее в кресле и направьте свой взгляд на бумагу, сосредоточив на своем желании мысль и делая медленные глубокие вдохи и выдохи.

Такой способ, действие принято называть "психической фотографией". При помощи такого образа действий пробуждаются сильные духовные токи. Если вы сначала будете выражать простые и разумные требования, например, будете желать хорошего здоровья, энергии, силы воли, укрепления памяти, исправления характера, то положительные результаты не замедлят проявиться. С течением времени и приобретением опыта вы сможете предъявлять более конкретные и объективные требования, чем приведенные выше. До тех пор, пока ваши желания не будут направлены на причинение вреда для других.

Как только заболеем, мы бежим сразу в аптеки, толкаемся в очередях в поликлинике, записываемся к врачам. Но даже не подозреваем, что в каждом человеке заложены огромные силы, которые могут воздействовать на себя и на других людей лечебной силой. Юрий Лонго подчеркивает, что такими целебными способностями обладает каждый человек. Но эти способности нужно развивать.

Многие видели, как лечат руками по восточной системе. В ладонях скапливается некая сила, которая может передаваться на расстоянии.

Эта сила называется биополем или биоэнергетикой. Если эту силу развивать и направлять правильно на больное место, на больной орган, то боль постепенно проходит, и болезнь покидает тело человека. Таким способом, руками, можно лечить головную боль, зубную, насморк, незапущенные простудные заболевания, ревматизм, и, поскольку дух человека всегда преобладает над телом, то практически каждую болезнь можно вылечить таким способом.

Для этого прежде всего нужно развивать свои магнетические силы. Юрий Лонго для развития своих магнетических способностей советует внимательно прочитать все правила и задания.

Задание на первую неделю.

Каждое утро выделяйте 5 минут на приготовление к следующему упражнению. Сосредоточьте все свои мысли на великом деле –

исцелении, думайте о том великом благе, которое вы совершаете, применяя это лечение.

Лучшим временем для таких упражнений является время до и после еды. Не рекомендуется делать это упражнение перед сном, потому что оно возбуждает, и вы не сможете как следует заснуть. После пяти минут моральной подготовки расположитесь на диване, на постели, сделайте долгий глубокий вдох. Такой вдох продолжается 8 секунд, и после этого начинайте выдыхать из себя воздух. Весь цикл дыхания будет составлять 24 секунды. Пользуясь мистической терминологией Востока, вы выполняете равносторонний треугольник своим дыханием, каждая сторона которого равна 8 единицам.

При выполнении упражнения вы увидите, что этот первый шаг развития дыхания не так легок. У вас появится склонность спешить, вам захочется дышать чаще, может быть, вы даже утомитесь и будете дурно себя чувствовать. Если такое случилось, то я прошу вас не прерывать своего упражнения, а наоборот, порадоваться таким признакам, как указаниям на то, что была большая потребность в развитии хорошего желания. После нескольких сеансов все неприятные признаки исчезнут, и их заменит обильное, все увеличивающееся чувство силы. Время этого упражнения не должно превышать 10 минут.

Юрий Лонго лечит и самого себя. Лечению каждой болезни предшествует общее лечение. Нужно успокоиться, настроиться на положительный лад, на спокойствие, силу, здоровье, энергию. Правая рука – это положительная, или отдающая энергию, левая же отрицательная, или воспринимающая биополе. Необходимо положить свою правую положительную руку на солнечное сплетение, а левую на затылок, у основания мозга. Оставить свои руки в таком положении в течение 5 минут. После этого провести кончиками пальцев по черепу, чуть касаясь его, по направлению к затылку. Дойдя до первого позвонка шейного отдела спинного мозга, прекратите движение. Благодаря этому напряжение на черепе уменьшается, а взамен увеличивается давление на нервные окончания и повышается артериальное давление, что приводит к исчезновению головной боли у гипотоников.

Если у пациента насморк, то необходимо положить правую положительную руку на солнечное сплетение, а отрицательную – у

корней носа, на лбу. Затем начать движение. Проводить пальцами левой руки через голову больного, начиная от носа и заканчивая у первого позвонка шейного отдела. Пациент при этом должен сильно и глубоко дышать животом.

Если у пациента температура или озноб, то положить правую руку также на солнечное сплетение, а отрицательную левую у основания мозга. В таком положении пациент лежит неподвижно в течение 10 минут, при этом он глубоко дышит животом.

Этой силой, помимо насморка и головной боли, можно вылечить еще большое количество болезней: астму, катар желудка, почек, паралич, водянку, ревматизм, алкоголизм, брайтову болезнь и многое-многое другое.

Но прежде чем приступить к лечению каждой из этих болезней, необходимо провести общее лечение. Это очень важно! Прежде всего надо узнать от пациента о симптомах его болезни и условиях его жизни. Затем начать быстро тереть свои руки ладонь о ладонь, чтобы, согласно ранее сказанному, вызвать в них чувство теплоты и вообще нагреть их.

Если пациент придет к вам домой, то вы должны усадить его в кресло, чтобы он спокойно, легко сидел в удобной позе. Во время всех своих сеансов приказывайте своему пациенту закрыть глаза, после этого скажите ему, что вы для того, чтобы успокоить его нервную систему, будете передавать ему свой магнетизм с головы до ног.

После этих слов, в то время как он удобно сидит в кресле, с крепко прижатыми к полу ногами и лежащими на коленях руками, вы начинаете применять долгие пассы.

При этом вы должны думать, что хотите избавить больного от его страданий, передать ему свою силу, энергию.

Встаньте перед пациентом, который сидит в кресле с закрытыми глазами, сожмите пальцы рук в кулаки и медленно разводите в стороны, вверх. Приподнимите руки и поставьте кулаки напротив лба пациента, разжимайте пальцы рук и медленно проводите ладонями, не дотрагиваясь до тела, до корней волос. Такие пассы вы должны делать 5 минут. После каждого пасса встряхивайте пальцами рук, как будто вы стряхиваете капельки воды, чтобы сбросить дурную, болезненную силу пациента. У вашего пациента успокоится нервная система,

нормализуется давление, и он сможет легко воспринять магнетическое лечение от головной боли, от простуды.

Помощь при приступах:

1. Астмы.

Посадите больного на стул как можно прямее, положите правую руку на солнечное сплетение, левую же поместите на позвоночник в грудном отделе между лопатками на 5 минут. После этого снимите левую руку и, тихонько дотрагиваясь до позвоночника, ведите руку вниз. При этом посоветуйте пациенту не напрягать своих мышц и дышать нижней частью живота. Судороги по большей части исчезнут.

2. Ревматизма.

Положите правую руку на солнечное сплетение, а отрицательную левую руку на место возникновения болей. Подержите так несколько минут. Пропустите энергию через больное место. Больному посоветуйте совершать глубокие дыхания. Вы увидите, что ему стало намного легче.

В детстве бабушка Юрия Лонго рассказывала ему, что есть белая и черная магии, что есть магические книги, и если их изучить, то можно стать колдуном, владеть душами людей. Книгу черной магии в доме держать нельзя, т. к. она приносит несчастье. Она очень и очень дорога, а достать ее можно у колдунов. В Москве, например, есть настоящие колдуны черной магии. Они напускают на людей порчу, работают даже по заказам. Они могут приворожить, отвадить и многое другое. Колдовство – это ведь тоже работа. Кроме белых и черных магов есть желтые, деревенские, зеленые маги, правда, последние появились очень недавно.

Что такое черная магия? Это причинение человеку зла. В частности, наведение порчи. Для избавления от этой порчи служит белая магия.

Вот простейший пример. Вы идете по улице и видите – сзади вас идет злой человек, вам кажется, что он хочет вас сглазить или напустить порчу. Резко поворачиваете к нему голову, правую руку отводите вниз, в его сторону и делаете пальцами знак, который сейчас

очень моден среди "металлистов", рукой в землю или лучше громко сказать: "Злой дух под землю, добрый на землю".

Деревенская магия-это чисто практическая магия. Ну, например, если вы хотите, чтобы какой-нибудь человек вас полюбил, возьмите волос с его головы, но так, чтобы это было незаметно, заверните его в кусочек бумаги, сожгите вместе с волосом, положите пепел на ладонь, поднесите к форточке и дуньте, чтобы пепел улетел на все четыре стороны. Ваша ворожба обязательно дойдет до этого человека, и этот человек непременно вас полюбит.

Для избавления от бессонницы деревенская магия советует сделать прикормочку для домового. Она должна быть вкусной: кусочек колбаски или кусочек хлебца... Кладете все это на блюдце или на развернутую салфетку. Ставите ее под кровать так, чтобы не задеть ногой и не перевернуть, и ложитесь в постель. И теперь представляете домового в любимом облике, но живым. Облик домового должен быть добрым. Одновременно серьезно, без тени улыбки, произносите: "Тук-тук, чек-чек, домовый, повернись на другой бочок". И спокойно спите всю ночь. Поутру не забудьте прикормочку выбросить, только сами не ешьте, как бы это ни было вкусно. Но можно отдать это зверюшкам или птичкам.

Способ похудения по Юрию Лонго.

Возьмите предмет из желтого металла или серебра, лучше если это будет золотое кольцо. Держите предмет в вытянутой правой руке, смотрите на него, не отрывая взгляда, считая до трех. Во время счета ваш предмет заряжается биополем и неприятными запахами испорченных продуктов. Каждому свой, каждому только свой неприятный запах "пропавших" продуктов. Внимание. Раз. Два. Три! Поднесите к носу этот предмет. Почувствовали? Теперь положите этот заряженный предмет в холодильник к продуктам до утра. С завтрашнего дня у вас пропадает аппетит ровно на 20 дней. Если уж совсем хотите быть худыми, каждый день прикасайтесь заряженным предметом к тем продуктам, которые вы хотите съесть вечером или даже ночью.

Для того чтобы вам не было плохо от недоедания, можно иногда пить молоко и есть фрукты. Через три недели повторите этот сеанс.

Спиритический сеанс по Юрию Лонго

Берете большой лист ватмана, кладете его на середину стола, за которым сидят не менее 5-6 человек. Рисуете на ватмане круг и делите его на 33 части. Каждую из них обозначаете буквой из алфавита. Берете блюдце, кладете его в середину круга вверх дном и ставите посередине круга точку. Затем все участники сеанса слегка прикасаются кончиками пальцев к краю доннышка. Теперь задумайте, чей дух вы хотели бы вызвать. Задумали? Не пугайтесь, когда блюдце станет медленно вращаться, только не отрывайте пальцы от блюдца и постоянно про себя повторяйте фамилию человека, чей дух вы хотите вызвать. Например: "Дух Высоцкого, приди, дух Высоцкого, приди". И блюдце обязательно напишет это имя. Можно задавать любые вопросы и получать на них ответы духа. Иначе говоря, действовать по той же системе: блюдце, вернее, точка останавливается напротив какой-либо буквы, сидящие ее запоминают, затем блюдце медленно продолжает вращаться к другой букве и так дальше продолжает набирать буквы, пока они не сольются в слова, а затем фразы. Самое главное – постоянно думать о вопросе, который вы задаете.

Это открытие сделано около 100 лет назад и называется идеомотор-ными актами, идеомоторикой. То, о чем человек думает, он переносит в свои движения. Например, если вы держите в своих руках шарик на ниточке и усиленно думаете о том, что он должен вращаться по часовой стрелке, то шарик действительно начнет вращаться по часовой стрелке. Сам по себе. Только потому, что мысль, заданная руке, начинает без вашего контроля уже вращать этот шарик, т.е. совершаются идеомоторные акты. Идеомоторика есть движение мысли.

Довольно долго Юрий Лонго занимается опытами, связанными с оживлением умерших, один из которых был показан по телевидению. Правда, речь идет не о полном оживлении, а о восстановлении опорно-двигательного аппарата, хотя бы на некоторое время.

На теле каждого человека есть семь точек (чакр), в которых концентрируется энергия, и при воздействии на эти чакры можно восстановить двигательные рефлексy даже у умершего. По поверьям душа человека не покидает тело после смерти 9 дней, и я убедился, что это отнюдь не легенда. Действительно, примерно 9 дней энергия остается в как бы замороженном виде, и можно вызвать эту энергию к жизни и планомерно распределить по всему телу.

Способ лечения опорно-двигательного аппарата по Юрию Лонго.

Каждое утро (идеально – с 5 до 6 часов утра) в течение 5-6 минут, стоять босыми ногами на открытой почве (земля, почва, трава, снег) и мысленно через себя, начиная от ступней ног, подгонять волну энергии. Вы должны представить, что из-под земли в вас входит какая-то сила, поднимаясь по вашему телу все выше и выше, и выходит из вас в районе темени. После чего нужно вернуться в квартиру и облиться ведром холодной воды. Его следует вылить сразу резко прямо на голову, и именно ведро, а не душ. Вода должна быть комнатной температуры. Затем тщательно вытереться и сухой волосяной мочалкой растереть все тело, начиная с ног. Вскоре обязательно должно наступить улучшение.

САЯНСКИЙ КУДЕСНИК

Впервые я услышал о нем еще в 1951 году, во время поездки в Туву (По материалам С. Вайнштейна. (Прим. авт.)). Мне тогда говорили, что в горной тайге вблизи озера Торе-Холь живет старый шаман. Он исчезал при одном только слухе, что кто-то его разыскивает и хочет видеть.

Прошло двенадцать лет, прежде чем наша встреча с шаманом состоялась.

Летом 1963 года небольшой отряд археолого-этнографической экспедиции вел раскопки в Туве, на одном из островов высокогорного озера Торе-Холь, расположенного в истоках Енисея недалеко от границы Монголии.

Район озера Торе-Холь был, пожалуй, самым отдаленным в Туве: туда не было дороги, связь поддерживалась только самолетами.

Каждый день раскопок приносил нам все новые и новые открытия... Как-то вечером, было это в конце июля, наша группа после тяжелого трудового дня отдыхала у костра. Неожиданно из-за камышей, окружавших остров, выплыла лодка. Ее толкал длинным шестом рослый мужчина, одетый в старинный тувинский халат.

Лодка ткнулась в сырой песок, незнакомец спрыгнул на берег и подсел к костру. Завязалась беседа. Нашим гостем оказался местный рыбак. Расспросив о раскопках, он вдруг сказал: "Мой родственник старый шаман Саян Шончур приглашает вас в гости. Живет он на склоне горы у северного берега острова, в юрте. Недавно вышел из тайги".

Нужно ли говорить, как обрадовались мы представившейся возможности увидеть живого шамана, поговорить с ним, быть может, стать свидетелем камлания.

И вскоре в сопровождении рыбака я со своими помощниками — молодыми тувинскими учеными переплывал на лодке десятикилометровое озеро. Мы с трудом пробрались через густые заросли камышей и оказались в глухом месте, расположенном у подножия горы, поросшей густым лесом.

Навстречу шел худой болезненный старик, сгорбленный под тяжестью лет. Он повел нас к себе – в небольшую войлочную юрту, слабо освещенную костром очага. Напротив входа, в самом почетном месте юрты, мы увидели массивный бубен, обтянутый оленьей кожей с очень примитивными рисунками звезд, хвойных деревьев и оленей.

На стене юрты висели маленькие идола, изображавшие духов-покровителей. В полумраке поблескивали их бусинки-глаза.

Мы разговорились с шаманом. В конце затянувшейся беседы старик, раскуривая длинную тонкую трубку, вырезанную из ветви кустарника, признался:

– Я уже не могу быть шаманом. Никто не идет ко мне. Никто не зовет. Жизнь изменилась, и бороться со злыми духами мне не под силу. Переселюсь к сыну в поселок за озером. Навсегда распрощаюсь с духами.

Саян Шончур рассказал нам историю своей жизни.

Родился он в горной тайге. Его родители были оленеводами. Они охотились, ловили рыбу, кочевали в поисках зверя. Совсем молодым – было это более шестидесяти лет назад – он услышал "зов предков".

Бежал из дома, скитался по тайге, чуть не погиб. Сколько бродил по тайге, совсем не помнит. Все это время ничего не ел, лежал под кедром и слышал, как ветви били в бубен.

Родственники с трудом нашли его. Они пригласили к больному старого "сильного" шамана, он камлал (шаманил) всю ночь, а утром сказал, что в Шончура вселился дух шамана-предка, умершего много лет назад, и потому больному надо стать шаманом.

Шончур не хотел этого, боялся. Но слова старого шамана были для родственников законом. Они коллективно приготовили Шончуру шаманские принадлежности – бубен и колотушку, обтянутую медвежьей шкурой, сшили специальный костюм.

Старый шаман учил Шончура по ночам своему сложному искусству. Потом собрались все жившие поблизости в тайге члены рода и совершили особый праздничный обряд оживления бубна. Бубен после этого обряда должен был служить Шончуру конем в странствиях в мире духов, а колотушка – плетью, чтобы погонять коня.

Старый шаман камлал над бубном, потом все родственники по очереди били в бубен. Последним ударил в бубен Шончур. С того времени Шончур стал шаманом.

Постепенно болезнь Шончура начала проходить. Он много раз совершал камлания. "Лечил" людей и животных, изгоняя из них злых духов, с которыми ему приходилось бороться. Ему помогали добрые духи.

Он рассказал о верхнем мире, где правит грозный и всемогущий хан Курбусту, о среднем, где живут люди, о нижнем, где властвует кровожадный Эрлик, владыка всех злых сил.

Я попросил Шончура показать нам камлание. Немного поколебавшись, он согласился.

Мы помогли ему облачиться в шаманские принадлежности. С трудом подняли и одели на него тяжелый плащ, весь увешанный изображениями духов-помощников, множество металлических подвесок и железных стрел.

Духи-помощники изображались в образах птиц и зверей; это были длинные, сшитые из ткани змеи с раскрытыми ртами, белки, вороны и др.

На плаще белым оленьим волосом был вышит скелет человека — спереди ребра, сзади позвоночник. На голову Шончур надел ярко-красную повязку с белым изображением человеческих глаз, рта, ушей, носа.

По верхнему краю повязки шел густой ряд высоких орлиных перьев, напоминающий головной убор индейского вождя. Шончур стоял перед ними в мягких сапогах с вышитыми на них рисунками костей ног человека.

И вот началось камлание. До этого я слышал о шаманских камланиях полные всяких странностей рассказы стариков в енисейской тайге, на Подкаменной Тунгуске, в примонгольских степях, читал волновавшие воображение описания путешественников прошлых столетий, но воочию камлание шамана со всеми его древними атрибутами никогда не видел. Наступил вечер. Когда кожаный полог у входа в юрту приоткрывался под порывами ветра, нам была видна узкая полоска багряного заката над озером, синеющие вдали горные цепи. Шончур подбросил сухих веток в костер, который ярко разгорелся.

На решетчатых стенах жилища заплясали отблески пламени. От шамана, сушившего над огнем свой бубен, чтобы он лучше звучал, от

людей, сидевших у очага, падали странные длинные тени. И казалось, сама машина времени унесла нас в таинственную даль веков.

Не верилось, что еще совсем недавно мы ехали в машине по залитым солнцем красивым современным улицам Кызыла – столицы Тувы...

Но и новая Тува, и древний шаман были реальностью. Перед нами был древний Шончур – последний шаман Тувы...

...Убедившись, что бубен хорошо подсох у огня, Шончур ласково обращается к бубну-коню (у него есть даже свое имя) и спрашивает, готов ли "конь" к дальнему пути. Затем угощает его, смазывает кожу чаем, оленьим молоком.

Наконец бубен-конь накормлен. Шаман грузно садится на пол, закрывает глаза и, повернувшись спиной к огню, начинает медленно петь, призывая к себе духов-помощников. Он перечисляет их, хвалит, воспекает их достоинства. Потом в их сопровождении отправляется в верхний мир.

Удары в бубен звучали все громче. Голос шамана становится то тихим и вкрадчивым, то грозным и требовательным. Это он ведет разговор со злыми духами, которых встречает на своем пути.

Вдруг шаман резко вскакивает и бьет в бубен короткими сильными ударами. Глаза его по-прежнему закрыты. По его выкрикам, движениям, мимике совершенно очевидно, что Шончур находится в состоянии экстаза. Слова он произносит уже не нараспев, как это было вначале, а хрипло, отрывисто. Теперь он исступленно изображает борьбу со злыми духами.

Красноватое в слабом свете тухнувшего костра, морщинистое, худое, покрытое капельками пота лицо шамана, с глубоко впавшими закрытыми глазами, принимает устрашающее выражение.

Неожиданно он начинает бегать за злым духом по юрте. Из отрывков фраз можно понять, что дух уклоняется от борьбы: то прыгает в воду, превратившись в рыбу, то, став птицей, старается скрыться в облаках.

Шаман призывает духов-помощников преследовать врага вместе с ним. Он сам, судя по словам Шончура, которые слышны нам, когда удары в бубен затихают, не может осилить злого духа в одиночку.

Но вот приходит помощь от духов-помощников. Раздается резкий удар в бубен – это шаман выстрелил в злого духа своей "стрелой".

Выстрел был метким: дух ранен и пускается наутек. Шаман бежит за ним.

Дух всячески увертывается. Шаман делает резкие движения, прыгает и наконец настигает врага. Начинается борьба. Оба падают на пол, катаются по земле. Шаман крепко прижимает злого духа бубном. Тот пытается вырваться, но безуспешно.

Шаман топчет врага ногами, а потом подносит его ко рту и съедает, произнося:

– Я съел тебя, съел твои легкие и печень! Мою красную кровь лизать тебе не дам!

Победа одержана. Шаман сообщает о своем возвращении из странствий. Сделав несколько шагов по юрте, Шончур в изнеможении опустился на пол и лишь через несколько минут открыл глаза.

Мы опять увидели старого, сгорбленного и очень усталого человека-Шаманство – одна из ранних форм религии, основанная на вере, что каждая вещь имеет своего духа, двойника.

Шаманисты полагали, что мир населен злыми и добрыми духами. Злые духи вызывают болезни. От "духов-хозяев" гор и тайги зависит удача охотника на промысле и т.д.

Вера в существование духов в той или иной степени свойственна всем религиям – от первобытных до наиболее сложных и изощренных. Но шаманство отличает от других религий то, что служителям культа шаманам приписывается сверхъестественная способность в состоянии экстаза вступать в непосредственное общение с духами и воздействовать на них.

Почти для всех сибирских шаманов было характерно то, что во время камланий они ударами в бубен, исступленными танцами, пением доводили себя до состояния глубокого транса.

Шаманы занимались главным образом "лечением" больных, гаданием, "обеспечением" удачи на промысле.

Один из исследователей этнографии народов Сибири конца XIX-начала XX века Л. Я. Штернберг писал о гиляках (нивхах), что каждый из них "верит шаману, поручает ему лечение своих больных, питает к нему суеверный страх, верит в его предсказания, в силу его колдовства, верит, например, что шаман может убить любого человека, как бы далеко последний ни находился от него". Гиляки верили, будто бы один шаман убил другого тем, что вместо него подстрелил птицу.

Сам термин "шаманство" происходит от тунгусского слова "саман, шаман", вошедшего в международную литературу через русский язык.

Еще сравнительно недавно считалось, что шаманство было известно только сибирским народам. Однако изучение верований в Северной и Южной Америке, Африке и других частях света показало, что шаманство известно и жителям этих районов нашей планеты.

У одних сибирских народов шаманизм был более развит, у других менее. Так, у тувинцев, бурят, алтайцев и некоторых других народов имелись, если можно так выразиться, профессиональные шаманы, а у чукчей, например, каждый член семьи мог выполнять шаманские функции.

Шаманы обычно брали за камлание плату, известны случаи, когда бедняки, лечившиеся у шаманов, совершенно разорялись, вынужденные "за лечение" отдавать почти все, чем они располагали. Но также нужно иметь в виду, что далеко не все шаманы были богаче своих сородичей.

Широко распространено мнение, что шаманы для лечения применяют средства народной медицины. Это неверно. Средства народной медицины использовали знахари, действовавшие обычно совершенно независимо от шаманов, часто даже враждуя с ними...

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПАРАПСИХОЛОГИЯ

Отечественная парапсихология как наука имеет свою методологию, экспериментальные методы, объекты исследования и изучает конкретные явления психоэнергетики и психоинформатики. Однако действующий агент пси-явлений до сих пор не установлен, хотя имеются описания его необычных свойств. Одной из общих отличительных особенностей этого агента является то, что в нем одновременно сочетаются свойства микро-, макро-и мегаявлений: как микроявление он подчиняется вероятностным законам, законам квантовой статистики, квантовомеханическому туннелированию, принципу нелокальности; как макроявление он способен многосторонне взаимодействовать с окружающей материальной средой и переходить в любые виды частиц, полей и излучений; как мега-явление он обладает релятивистскими и сверхрелятивистскими скоростями, способен к изменению свойств времени и пространства и имеет свой уникальный "пространственно-временной континуум. (По материалам В. Пушкина, А. Дуброва и др. (Прим. авт.))

Парапсихологические исследования показали богатейшие возможности и резервы психики человека и способствовали развитию таких дисциплин, как суггестология, когнитивная психология. Важную роль здесь сыграло учение о йоге, которое еще не получило должного научного освещения, но уже дало практический выход в виде создания таких направлений, как психическая саморегуляция, аутогенный тренинг, управление на основе биологической обратной связи, медитация.

Как известно, в йоге уже веками разработана стройная система взглядов и практических упражнений, ведущих к гармоничному развитию человека. Их выполнение приводит человека к способности создавать все описанные в парапсихологии пси-явления и феномены, поскольку они основаны на глубинном овладении энергоинформационной системой организма. В йоге эти феномены получили название "сидхи": человек обретает психическую способность быть бесконечно малым или большим, необычайно

легким или сверхтяжелым и т.д. Управление психофизическими, психофизиологическими и нейро-эндокринологическими функциями, биоэнергетикой достигается за счет развития регуляции деятельности определенных областей мозга, путем медитативных и гимнастических упражнений и умения расслабиться и сконцентрироваться. Глубокое научное познание установленных в йоге эмпирических положений, правил и принципов – важнейшая задача современной науки о человеке, ибо ее решение открывает пути к его познанию, показывая удивительные примеры совершенства владения телом организма и управления им.

Для того, чтобы четко выделить основные положения парапсихологии, ниже в краткой форме сформулированы некоторые ее аксиомы и постулаты, основанные на фактах.

1. Все пси-явления и феномены являются выражением действия и преобразования психической материальной сущности (или нескольких сущностей).

2. Психическая сущность, материальный субстрат психики, является производным элементом деятельности определенных структур мозга и подвергается его сознательному и бессознательному контролю.

3. Психическая материальная сущность обладает следующими основными свойствами:

А) взаимодействует с вакуумом и является основой безэнтропийных процессов в организме;

Б) преобразуется в различные виды полей и излучений;

В) способна переносить, передавать и воспринимать различные виды информации на любые расстояния;

Г) эмулирует в себе историю прошедших поколений (эпигенез) в родословной данного человека;

Д) проявляется через суггестивное или мануальное воздействие;

Е) способна к кратковременной или длительной экстернизации из организма;

Ж) действует на основе резонансного механизма, а ее энергия может быть сконцентрирована или рассеяна; з) экранируется только мысленным воздействием; и) проявляет физические черты, сходные с гравитационным полем; к) оказывает влияние на поведение человека и его функциональное состояние.

4. Имеется информационно-энергетическое поле как одна из оболочек Земли. Человек способен взаимодействовать с этим и другими типами информационно-энергетических полей, окружающих Землю.

Эти аксиомы и постулаты можно подкрепить мнением многих известных ученых, которые на протяжении столетия тщательно исследовали проблемы парапсихологии и глубоко задумывались над их решением. Среди них следует выделить важную идею В. Н. Пушкина: "Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что существует такая реальность, которая, будучи вполне материальной, одновременно обладает свойством психического. Именно эта форма материи позволяет лепить образы, адекватные предметам окружающего мира. Иначе говоря, психика, если ее рассматривать в аспекте бытия, в онтологическом аспекте оказывается своеобразной формой материи. Совокупность приведенных фактов и их анализ свидетельствуют в пользу психологической онтологии. Сейчас можно лишь ставить задачу изучения этой новой для естествознания реальности..."

Несомненно одно: в результате изучения психолого-биофизических структур должно существенно измениться лицо современного естествознания, должен наметиться прогресс в решении фундаментальных, методологических проблем науки.

На страницах различного рода периодических изданий сейчас публикуется много сообщений о пси-явлениях, но их дискуссионный характер остается таким же острым, как много лет тому назад. Ученые по-прежнему придерживаются самых разных взглядов: одни резко отрицательно отзываюся о самой возможности пси-явлений и паранормальных способностей у людей, другие же считают, что наступило время для серьезного изучения пси-явлений и людей, обладающих экстрасенсорными способностями.

В то же время четко оформилось биофизическое направление, своей главной задачей считающее всесторонние исследования физических полей живых организмов, в том числе экстрасенсов-операторов, на основе которых могут быть объяснены необычные способности людей, в частности, мануальная диагностика и лечение. Рассмотрим подробнее каждое из указанных направлений.

Ученые, полностью отрицающие наличие экстрасенсорных способностей у людей, заявляют, что "...пока нет научных

доказательств существования телепатии, это означает, что, несмотря на многочисленные попытки, не было надежных экспериментов, которые исключили бы все другие возможные объяснения и давали бы повторяющиеся результаты с убедительной статистикой". По мнению ученого, аналогичное положение наблюдается с телекинезом. "...Это уверенное знание дает основание физикам скептически относиться к возможности передвигать предметы "силой духа", т.е. к телекинезу".

Вместе с тем академик А.Б.Мигдал оговаривает одно условие: "...так что передача мыслей на большое расстояние, если и возможна, то только с помощью никому пока не известных биополей". Но в то же время он скептически относится к самой идее специфического биополя, отличающегося от уже известных в физике полей: "Существование биополя противоречит ожиданиям современной биофизики. Но работы по поискам биополя научными методами – очень важное исследование, даже если они дадут отрицательный результат".

Академик А.Б.Мигдал – физик-теоретик, заведующий отделом Института теоретической физики им. Л.Д.Ландау, мировой авторитет в области физики вакуума, и поэтому здесь столь подробно приводятся его высказывания. К сказанному выше о телепатии и телекинезе он добавляет: "И если физики отрицают возможность переброски материальных предметов усилием воли, то, когда речь заходит о передаче на расстоянии мыслей с помощью каких-либо известных или неизвестных пока науке полей при условии, что полностью исключена возможность другого контакта между передающим и принимающим, т.е. о том, что заманчиво называется "телепатией", они воздерживаются от категорических утверждений".

Но член-корреспондент АН СССР биофизик профессор М.В.Волькенштейн еще более категоричен в своих утверждениях: "Несостоятельность телепатии, парапсихологии и т. п. была продемонстрирована неоднократно. Можно утверждать, что никогда не были получены сколько-нибудь убедительные научные доказательства парапсихологических явлений, не говоря уже о телекинезе, который невозможен принципиально".

Отрицательное мнение об экстрасенсорике высказано физиологом академиком Н. Н. Блохиным: "Можно уверенно сказать одно: в случаях успеха деятельности экстрасенсов главную роль играет их общение с

больным и психотерапия, которая вообще играет огромную роль в медицине. Шумиха, поднятая вокруг экстрасенсов, активно способствует повышению терапевтического эффекта". Далее он замечает критически: "...интересно отметить, что при обилии сообщений об успехах экстрасенсов не было ни одной информации об успешном лечении ими животных. Это вполне понятно: животные газет не читают и не "охвачены" влиянием сенсационных сообщений". Однако здесь следует заметить, что были проведены опыты с положительным результатом по влиянию биополя человека на изолированные органы животных-сердце лягушки и кролика, на электрическую активность рыб.

Известный печатный орган Союза писателей СССР "Литературная газета", публикующий статьи по острым, злободневным проблемам современной жизни и науки, на протяжении многих лет резко критически отзывается о проблемах экстрасенсорики. В одной из опубликованных статей говорится следующее: "Мыслительное" определение телекинеза (столоверчения) с давних пор служит предметом спора материалистов с идеалистами и мистиками. "'Биопольная" гипотеза эксплуатируется теми, кто хотел бы увести разговор с твердой почвы науки в туманы наукообразной терминологии, отвоевать территорию для так называемой парапсихологии".

Столь же категорично мнение физиолога академика П.В.Симонова, директора Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР: "С позиций тех требований, которые предъявляются наукой, феномены биополя (тем более его лечебных свойств), передачи мысли на расстоянии (телепатия), перемещения предметов с помощью "мыслительной энергии" и т.д. не существуют в природе". Как мы видим, за двадцать лет интенсивных работ парапсихологов мнение некоторых представителей официальной науки к их исследованиям не изменилось, если судить по их высказываниям: "...а фактов телепатии и ясновидения нет, они существуют только в рассказах любителей вымыслов".

С другой стороны, ученые – сторонники глубокого изучения экстрасенсорных явлений – отмечают, что "слова "парапсихология", "медитация", "экстрасенсы" обозначают всего лишь только слабо исследованные явления и что "сверхчувствительное" – это то, чем

природа наделяет человека" (профессор В. В. Налимов). По мнению психиатра Я.Г.Гальперина, высказанному в этой статье, экстрасенсорные явления подходят близко к психотерапии и внушению наяву, а также дистанционному воздействию на активные точки тела человека. Еще более категорично высказывается доктор технических наук, специалист по теории информации профессор И.М.Коган. Он указывает, что наблюдения позволяют сформулировать концепцию "трех уровней парапси-хологических явлений". К первому уровню относятся явления, у которых можно понять их физический механизм и зафиксировать при помощи современной аппаратуры; второй уровень – более сложный: передача мыслей, настроений другому человеку на расстоянии (телепатия). Предполагается, что в их основе также лежат физические явления и, хотя не удастся зафиксировать их физическими приборами, для них построена теория и разработаны математические модели, отвечающие современным научным взглядам. Третий уровень включает такие явления, как факты обнаружения сенситивами предметов на больших расстояниях, прогнозы по фотографиям и т.п., и, по мнению И.М.Когана, он "не сводится к физическим процессам".

Загадочные явления психики человека привлекают внимание отечественных ученых. На состоявшемся недавно обсуждении этих вопросов, проведенном Философским обществом СССР, выступили ученые физики, медики, философы, психологи. Один из участников совещания-доктор философских наук Д.И.Дубровский отметил: "Наука пока не может дать основательного объяснения некоторых феноменов человеческой психики, но из этого вовсе не следует, что данные феномены заведомо нереальны, что это мистика или ловкие трюки. Поэтому неверно представлять дело таким образом, что критерии реальности должны всегда и во всем совпадать с критериями науки". Это означает, что парапсихологические явления требуют для своего изучения особых подходов и методологии. На это обратил внимание выступивший специалист по теории информации доктор физико-математических наук И.М.Коган. Он высказал следующее мнение: "В наших взаимоотношениях с окружающей действительностью существует ряд взаимодействий, которые принципиально не сводятся к физическим. Здесь бессмысленно искать какие-либо физические аналогии и корреляции... К этой категории парапсихологических

феноменов принадлежит, например, дальновидение... При изучении парапсихологических феноменов надо исходить из иных принципов... Вот эти два момента: 1) несводимость загадочных феноменов психики к физическим (а может быть, и к материальным) аспектам и 2) презумпция доверия (и даже, я бы сказал, веры)..." Академик Б.В.Раушенбах, специалист по кибернетике и автоматизации управления, подчеркнул, рассматривая вопрос о биополе: "... Существует некая совокупность физических полей, создаваемых биологическим объектом, что и можно назвать биополем. Отрицать его все равно, что отрицать существование бронзы, ведь элемента с таким названием нет в таблице Менделеева!" Далее он поясняет свою мысль: "Совокупность физических полей, окружающих живой объект, может обладать новыми по сравнению с каждым полем в отдельности свойствами. Эти поля могут быть промодулированы жизнедеятельностью организма. Считаю, что термином "биополе" нужно пользоваться – это разумный, удачный термин".

За последние годы в периодической печати – в газетах, журналах, еженедельниках и других изданиях – появились публикации об уникальных экстрасенсах, способных к телекинезу, ясновидению, нетрадиционным способам лечения, пирогенезу, а также сообщения о явлении полтергейста. Рассмотрим эти сведения и кратко прокомментируем их.

В печати сообщается о способности некоторых людей к телекинезу и психикинезу. Один из известных экстрасенсов-экспериментаторов – В. Авдеев способен взглядом вращать стрелку компаса и передвигать и вращать сам компас. Академик Ю.Б.Коозарев, радиофизик по специальности, участвовавший в проведении опытов, подтверждает, что В. Авдеев может воздействовать на стрелку компаса, находясь от него на расстоянии более метра. В другой статье рассказывается, что В. Авдеев дистанционно передвигает легкие предметы – сигареты, спички, банку из-под кофе, пробирки, приближая к ним лишь только тыльные стороны рук, а испытываемая Н. С. Кулагина перемещала спички, сигареты, накрытые стеклянным колпаком, исключавшим всякое подозрение на контакт предметов с руками или какие-либо элементы трюкачества.

Автор статьи сообщает далее о возможности обучения телекинезу через передачу энергии от экстрасенса к другому человеку и о важном

выводе, сделанном большой группой экспериментаторов-физиков Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО) и Московского высшего технического училища (МВТУ им. Баумана), о том, что "...общая физическая модель телекинеза требует уточнения, однако сам его факт не вызывает сомнения".

Уже многократно перед различными специалистами была показана способность всемирно известного экстрасенса Н.С.Кулагиной к телекинезу. Явления телекинеза, проводимого Н.С.Кулагиной, наблюдали известные ученые-физики – академик Р.В.Хохлов, профессора Ф.В.Бункин, Я.М.Терлецкий, С.П.Капица, а также академики Ю.В.Гуляев, Ю.Б.Кобзарев и ученые институтов Ленинграда (ЛИТМО) и Москвы (МВТУ). Ученые отметили, что при телекинезе генерируются сильные импульсные поля электромагнитного происхождения и акустические сигналы (щелчки) длительностью в десятые-сотые доли секунды. Ленинградские ученые-физики во главе с ректором ЛИТМО профессором Г.Н.Дульневым, проводя эксперименты с Н.С.Кулагиной, установили, что она способна на расстоянии воздействовать на весы, и даже в том случае, если они закрыты экраном из стекла, и, кроме того, может рассеивать лазерное излучение некоторых длин волн, создавать импульсы магнитного поля. Сообщается также, что Н.С.Кулагина способна рукой вызвать ожог кожи, засвечивать пленку в светонепроницаемых конвертах, изменять состав разных жидкостей в закрытых сосудах. Во время опытов с Н.С.Кулагиной установлено образование мощных физических полей, повышение проводимости воздуха вокруг кистей рук, оптическое свечение кожи рук, а через нее впрыскивание заряженных капелек, образующих в воздухе аэрозольный туман, несущий заряд до 7-10 Кл.

В периодической печати сообщается о других лицах, способных к телекинезу, – москвичке А.М.Виноградовой, ленинградке М.Кузьменко. Приводятся сведения о способности некоторых людей к левитации – созданию условий, при которых происходит удержание предметов (или тела) в воздухе с помощью биосилового поля, подобно тому, как это было описано выше в опытах с Б.В.Ермолаевым, Н.С.Кулагиной, Э.Д.Шевчик.

Так, например, в одной из статей рассказано, что инженер и врач Е.Рогожин, педагог И.Дехтярь способны, не прикасаясь к

пластмассовому мячу для игры в настольный теннис, поднять его с поверхности стола и удерживать в воздухе в течение всего периода, во время которого происходит фиксация этого явления на фото-и/или киноплёнку. В другом газетном сообщении, опубликованном недавно, приведены сведения о психокинезе-дистантном воздействии экстрасенса на микрокалориметр, с помощью которого измеряют выделение небольших количеств тепла. Если экстрасенс мысленно представлял себе микрокалориметр, находящийся в огне, то указанный прибор отмечал это "...изменением температуры, причем даже с 10-километрового расстояния".

Блестящий пример телекинеза, который подтверждает предложенную нами гипотезу биогравитации, недавно был приведен на страницах центральных газет. Шестиклассница Инга Казаченко, живущая в г. Гродно, обладает феноменальной способностью: ее руки притягивают к себе любые предметы-книги, тюбики с зубной пастой, пластмассовые ручки, карандаши, портмоне, связку ключей и другие предметы (кроме стеклянных). Корреспонденты, побывавшие в семье, сообщают, что "умение воздействовать на предметы не покидает девочку ни на минуту". Вот как проходил один из экспериментов. "Отец девочки, Анатолий Александрович, приставил к ладони Инги дно большой алюминиевой сковороды, и она оказалась притянутой к руке. Затем он поднес к сковороде одну за другой две килограммовые гантели, которые со звоном прилипли к дну. Затем добавил туда же трехсотграммовый молоток. Общий вес предметов, "повисших" над полом вопреки всем законам, — около четырех килограммов". При воздействии рук девочки на людей последние ощущают легкое покалывание, тепло, у них поднимаются волосы на затылке, они чувствуют изменение положения тела. Все это несомненно свидетельствует о биогравитационном воздействии рук девочки на предметы (стеклянные предметы она сможет держать при определенном навыке). Следует отметить, что известный парапсихолог Л.Л.Васильев скептически относился к возможной роли гравитации в пси-явлениях, но, как приведено выше (часть третья), накапливается все большее число фактов, подтверждающих эту гипотезу, и пример телекинеза под влиянием рук Инги Казаченко — один из наиболее наглядных.

Этот термин дословно переводится с немецкого языка как "шумящий дух". Он обозначает явление, близкое к психокинезу, но другой природы, связанное со спонтанным перемещением, полетом, движением разных предметов домашнего обихода. Во время этого явления отмечаются шумы, стуки, самопроизвольное открывание дверей, водопроводных кранов, нарушение работы электробытовой аппаратуры – радиоприемников, телевизоров, электросчетчиков, холодильников, появление воды, надписей на стенах, изменение температуры, а в ряде случаев перемещение большой по весу мебели (шкафы, диваны, холодильники, стулья). Документально зафиксированные учеными случаи полтергейста неоднократно отмечались в различных городах и областях нашей страны (Москва, Подмосковье, Кемерово, Сыктывкар, Горький, Минская область и т.д.). Это вызвало повышенный интерес ученых к полтергейсту и появление различных гипотез, объясняющих его механизмы. Авторы предлагают рассматривать полтергейст как явление, связанное с системой глюонных цепей, с ультразвуковыми колебаниями, плазменными образованиями, изменениями геомагнитного поля Земли и другими причинами.

Вот как описывают очевидцы некоторые случаи полтергейста. В деревянном доме под г.Клином в деревне Никитское в семье Роши-ных наблюдались странные явления – падал сервант, в окна вылетали предметы домашнего обихода, выбивало электрические предохранители из электросети. Аналогичное явление отмечалось в деревне Слободе (Смолевический р-н Минской обл.), где в доме Г.Е.Климашонка происходили следующие события: "... самопроизвольное движение различных предметов, находящихся в квартире: вывинчиваются предохранительные пробки из электросчетчика, сбрасываются постельные принадлежности, переворачивается "вверх ногами" стол, падает, при этом не разбиваясь, трельяж, открываются окна, через которые на улицу вылетают подушки, одеяла, матрац и иные вещи". Отмечается интересная особенность: несмотря на интенсивные движения и перемещения хрупких и стеклянных предметов (зеркальный трельяж, стеклянные банки, цветочные горшки), они не разбиваются, а многочисленные выброшенные через дверь или окно предметы не переворачиваются с содержимым, а аккуратно ставятся на пол или землю. Так, соседка

В.А.Андриевская рассказывает о происшедшем даже такое: "Стоим мы с Надеждой Ивановной (хозяйка дома), к примеру, во дворе возле дома, разговариваем. Вдруг сзади на цементную дорожку опускается сковорода с биточками, накрытая тарелкой, кастрюля с супом и чайник. Мгновение назад вся посуда вместе с содержимым находилась на газовой плите. Подошли к двери на веранду, а оттуда вылетает табурет, вслед за ним кочан капусты и три ложки..."

Один из случаев полтергейста произошел в Москве в общежитии молодых строителей. Авторы этих корреспонденции сообщают, что проживавшие в одной комнате три молодые девушки (18-20 лет) отметили сильные стуки, перемещение и исчезновение домашних вещей, продолжавшиеся на протяжении нескольких недель. В одной из статей сказано, что "невидимка отвечал девочкам установленными ударами, за что и получил прозвище Барабашка... мог отвесить кому-нибудь подзатыльник, спрятать тапочки или среди ночи поднять невообразимый шум. Правда, и помогал хозяйкам квартиры, готовил к завтраку бутерброды, включал, когда надо, в розетку утюг, сообщал, когда на кухне кипел чайник..."

Автор этой статьи указывает, что наиболее убедительным ему показалось объяснение этого явления, приводимое заведующим лабораторией психотроники Отдела теоретических проблем АН СССР Т.В.Исакова. По его мнению, в основе спонтанного полтергейста лежит особое психофизическое состояние, близкое к самогипнозу, для чего требуются "...особые условия – геофизические, космофизические или социальные, способные заставить человека выполнять действия неосознанно, но в оптимальном режиме". Сообщается, что аналогичные явления происходили в одной из квартир г. Горького: "...вдруг начали сами собой падать шкафы, на глазах у изумленных жильцов с необыкновенной быстротой начали "убегать" вперед стенные часы, а на полу невесть откуда появляются лужи воды..." В статье приводится мнение академика Ю.Б.Кобзарева, высказанное по этому поводу: "Хотя такого рода явления не укладываются в рамки наших представлений о мире, и нам неизвестен их механизм, мы не должны просто отмахиваться от них... К сожалению, и многие физики не верят в явления бесспорные и экспериментально подтвержденные только потому, что их пока нельзя объяснить".

Одновременно с явлениями полтергейста отмечено еще одно аномальное явление-пирогения-спонтанное самовозгорание предметов. В первых трех статьях рассказывается о том, что в г.Енакиеве (УССР) в семье шахтера К., состоящей из жены и 13-летнего сына Саши, "...по-взрывались электролампочки по всей квартире... взорвалась открытая бутылка с уксусом... подпрыгивает и падает трехстворчатый шкаф, переворачивается вверх дном стиральная машина". В добавление к этому в квартире самопроизвольно возникло девять пожаров: загорелось войлочное покрытие на полу, вспыхнула обивка входной двери, загорелись клеенка на балконе, розетки, стул, газеты... Семья, спасаясь от пожара, переехала к родителям жены, и самопроизвольные возгорания вещей (ковры, мебель, бумага) и там вновь продолжались. Отец мальчика отметил, что за все время произошло около ста случаев возгорания.

Анализ происшедшего показал, что причины возгорания предметов связаны с 13-летним Сашей: в школе у него вспыхнул дневник, обуглились тетради, горели его рубашки, джинсовые штаны, книжки, а при его обследовании в детской клинической больнице отмечено возгорание одежды соседа по палате. При появлении Саши К. у двоюродной сестры загорелась ее меховая шубка, шарфик и шапка. Девочка вспоминает так о случившемся: "В другой раз он переоделся у нас. Снял школьные форменные брюки, повесил их на стул, и они как вспыхнут!" Роль детей в пубертатном возрасте для случаев пирогении является известным фактом. Отмечается в одном из случаев пирогении, что "самовозгорание происходит в присутствии людей и чаще всего (но не обязательно) девочки одиннадцати лет".

По мнению ученых, исследовавших это явление, возможную роль играет "расконцентрировавшаяся" шаровая молния, поглощение вещества которой окружающими предметами приводит к их возгоранию; важное значение имеют также особые спонтанные состояния участников "полтергейста", возникающие под воздействием внешних физических и психофизических факторов различной природы. Как уже отмечалось, явления полтергейста и пирогении весьма распространены. Так, председатель комиссии по аномальным явлениям член-корреспондент АН СССР профессор В.С.Троицкий сообщил, что "...явления, подобные енакиевскому, не так давно были зарегистрированы в деревне Слободе Смолевического района Минской

области (1982-1983 гг.), в деревне Никитской под г. Клином (1986-1987 гг.), а также в Енакиеве".

В газетах опубликованы сообщения о ярких случаях ясновидения, предвидения и психометрии. В одной из них рассказывается о всемирно известной слепой-ясновидящей из г.Петричи (Болгария) Евангелии Димитровой. История ее жизни необыкновенна: в возрасте 14 лет она была захвачена смерчем, потеряла зрение, а в 16 лет стала ясновидящей. В указанных статьях сообщается, что о "бабе Ванге", как в народе зовут ясновидящую, составлено десять тысяч (!) научных протоколов, снято сорок научных фильмов, причем исследования проводились профессором Г.Лозановым – основателем нового научного направления-суггестологии.

Как и в классической психометрии, для того чтобы рассказывать что-либо о человеке, ясновидящая Ванга просит его принести с собой кусочек сахара (или другое кристаллическое вещество), который до этого должен лежать у него под подушкой. Прикоснувшись к сахару пальцами, баба Ванга рассказывает все сведения о пришедшем человеке, его имя, социальное положение, называет ближайших родственников, прошедшие и будущие события в жизни каждого, о ком она вспоминает в данный момент. При этом баба Ванга называет абсолютно точное время грядущих событий – от мирового масштаба до событий в личной жизни обычного человека любого возраста. Ее способности феноменальны, а ее дар – уникальный в мире. На вопрос журналиста, обращенный к ней: "Как Вы все это узнаете?" – ясновидящая ответила: "Как видишь, у меня нет глаз, но я все равно вижу, в мыслях своих вижу. Я сама не знаю, как все это происходит".

Другой исключительный по силе ясновидения случай отмечен у Ю.Ф.Воробьевой (г.Донецк, УССР), которая чудом выжила после смертельной травмы электротоком, клинической смерти и почти полной потери зрения. Автор статьи рассказывает о необыкновенных способностях Ю.Ф.Воробьевой. После всего перенесенного ею она стала обладать ясновидением: видеть людей как бы насквозь, все их внутренние органы (биоинтроскопия), получила возможность устанавливать дифференциальный диагноз, сообщать о происшедших (ретроспективных) событиях в жизни обследуемого человека. Ее необычные способности подтверждены клиническими случаями, наблюдавшимися врачами, работающими совместно с

Ю.Ф.Воробьевой. Доктор медицинских наук, профессор Донецкого медицинского института Л.Тараненко говорит: "...Феномен Ю.Ф.Воробьевой открывает удивительные возможности человеческого организма... Думаю, что по воле случая, происшедшего с Воробьевой, мы получили важный научный материал". Его слова находят поддержку у К. Поляковой, заведующей Донецким городским отделом здравоохранения: "Воробьеву знают тысячи людей. Она самостоятельно изучила азы медицины и теперь не просто видит патологию, а достаточно грамотно говорит о ней. Последнее очень важно и для врачей, и для больных".

Сообщается также, что Ю.Ф.Воробьева обладает не только умением описывать прошедшие события в жизни человека (ретроспекция), но и даром предвидения событий (проскопия), а также может дать точные сведения о человеке, глядя на его фотографию (психометрия). Сама Ю.Ф.Воробьева рассказывает о себе, что у нее "...все происходит как-то поразительно само собой... Это чувство не исчезает, но оно не было постоянным, т. к. бывают моменты, когда его нельзя вызвать, несмотря на желание". Ясновидящая указывает, что когда это чувство приходит, то "...я вижу внутренности... как изображение на экране телевизора... не могу точно описать свои ощущения, но они вполне реальны, никакой потусторонности в них нет, я такая же материалистка, как и все мы". Однако в статье психиатра профессора Ф.Кондратьева ясновидческие способности Ю.Ф.Воробьевой отрицаются, в особенности возможность дифференциальной диагностики патологических состояний больных людей.

Рассказывается также об исключительной ясновидческой и широкой лечебной деятельности Ф. Д.Конюховой из белорусской деревни Пилыпичи Бельнического района и П. Д. Утвенко из полесского села Дивень в ста километрах от Киева. О Конюховой сообщается так: "...Федора Даниловна, сидя в Москве или Минске, видит, что происходит у больной или слепой девочки в Новосибирске", с которыми ее соединяют по телефону. Кроме того, в одном из опытов она смогла определить по фотографии, жив человек или мертв, и даже указала место, где находится убитый человек. Другой экстрасенс, Петр Дементьевич Утвенко, получил широчайшую известность в стране за счет своего необыкновенного дара ясновидения и бескорыстного

лечения людей травами и отварами. У каждого из пациентов он просит дать ему носовой платок, накрывает им пустой стакан и затем сообщает все сведения о пациенте, включая его заболевания, анатомические дефекты, места патологии и т.д. На вопрос журналиста, что он видит на стенках накрытого стакана, П.Д.Утвенко отвечает: "Вижу человека белым фоном, и как на фотобумаге в проявителе проступают темные пятна болячек".

Сенсационным было также сообщение о ясновидении 12-летней девочки, способной определять состояние внутренних органов человека и ставить дифференциальный диагноз даже на самых ранних стадиях заболевания. Кроме того, рассказывается, что эта девочка, по ее словам, "...летает в космос и посещает различные планеты" и описывает картины, виденные там. Судя по описанию, это может быть состояние астрального выхода, о котором было сказано выше.

Как известно, этим термином обозначается получение экстрасенсом любой информации о человеке и т.д. при контакте или при визуальном рассмотрении предмета, как, например, кусочки сахара у Ванги Димитровой, носовой платок у П.Д.Утвенко, археологические предметы у Тэда Сериоса и т.д. В печати сообщается о многих случаях психометрии. Особый интерес представляют способности всемирно известного экстрасенса Т.Г.Дадашева, обладающего сверхчувствительностью и способностью к озарению. Благодаря своим необыкновенным способностям Т.Г.Дадашев с исключительной глубиной, точностью и тонкостью воссоздал психологический портрет Моны Лизы по картине "Джоконда" Леонардо Да Винчи и обрисовал прошлые и грядущие события в ее жизни. Этот портрет был сверен итальянскими учеными с архивами, и оказалось, что он точно подтверждается фактами, которые Т.Г.Дадашев знать не мог. Ученый, комментировавший психологическое описание портрета, – доктор философских наук, профессор Г.И.Куницын считает, что столь точная психологическая картина создана благодаря способности Т.Г.Дадашева к озарению, основанному на его возможности видеть будущее и прошлое, при этом он отмечает, что "...о возможности двигаться во времени в обе стороны неоднократно высказывались разные ученые".

Выше уже рассказывалось об удивительных диагностических способностях инженера В. И. Сафонова. В последующих публикациях

о нем, появившихся в прессе, сообщается о его необычайном природном даре диагностировать состояние человека по фотографиям, что является особым видом психометрии. В лабораторных экспериментах В.И.Сафонов определял по фотографии, жив или мертв изображенный на ней человек, причины его смерти, наличие патологических изменений и т.д. Талантливый исследователь так рассказывает о своей способности: "Глядя на портрет, я через некоторое время вижу перед собой полное объемное изображение этого человека. С помощью рук, а в последнее время и без них, я ощущаю так называемые зоны отрицательной ситуации. Знание анатомии плюс познание в медицине позволяют мне достаточно точно локализовать больной орган и характер его поражения. Особым образом воспринимаются "зоны смерти", что позволяет определять, скажем, по фотографии умершего причину его смерти".

Очень интересно также, что В.И.Сафонов обладает способностью диагностировать людей по непроявленным фотографиям. Контрольные опыты, проведенные в лаборатории аэрокосмических методов МГУ, неоднократно подтвердили этот факт. Во время проверки В.И.Сафонову были даны два черных запечатанных конверта с непроявленными пленками, на которых были сняты неизвестные ему лица. В.И.Сафонов точно описал возраст, пол, заболевания и травмы людей. Даром ясновидения и психометрии по фотографиям и картам обладает художница Л.Корабельникова, с которой проводит свои исследования известный ученый доктор физико-математических наук И.М.Коган. Талантливый экстрасенс Л.Корабельникова по фотографии точно указала, где погиб военнослужащий, причем таких экспериментов ею было проведено около сотни. После известного землетрясения в Армении Л.Корабельникова на четвертый день пребывания в Ереване по картам районов смогла передать подробную информацию о погребенных под развалинами людях: кто и где находится, в каком состоянии. На картах она указывала объекты, где, по ее мнению, оставались живые люди. Комментируя способность Л.Корабельниковой к получению дистантной информации по фотографиям и картам, научный руководитель работ И.М.Коган отмечает следующее: "Анализ многих наблюдений приводит к выводу, что пространство обладает свойством накапливать информацию".

Экстрасенс способен считывать эту информацию с любого предмета – фотографии, карты и т.д.

В связи с вышеописанными случаями ясновидения и проскопии следует отметить весьма интересную гипотезу об этих явлениях, выдвинутую доктором экономических наук физиком Б.И.Искаковым. Гипотеза основана на признании важной роли микролептонного газа (нейтрино, фотоны) в проявлении биоэнергетики и экстрасенсорном восприятии событий. Автор предполагает, что, подобно тому как происходит расщепление в пространстве одиночного волнового электромагнитного пакета (П-образного солитона) на серию слабых предсигналов и послесигналов, несущих точно такую же информацию, как и основной сигнал, но имеющих значительно меньшую энергию, то же происходит со всеми другими психическими явлениями. Эти явления имеют свои предсигналы и послесигналы и могут ощущаться людьми с повышенной чувствительностью – сенситивами. Эти люди способны, воспринимая такие сигналы, говорить о ближайших и будущих событиях или рассказывать о недавно прошедших, поскольку структура информации в предсигналах и послесигналах полностью соответствует структуре информации в основном сигнале. Далее автор делает еще одно предположение на основе решения сопряженного уравнения с использованием инверсии СРТ – симметрии: развитие антисигналов и их ослабленных двойников – ан-типредсигналов и антипослесигналов. Антисигналы и их дифракционные максимумы-двойники в силу инверсии времени (обратный ход времени) приходят из будущего, и поэтому сенситивы, способные их уловить, могут предсказывать отдаленные на многие годы вперед события, т.е. предсказывать события, которые еще не наступили. Интересно также, что, по лептонно-фотонной гипотезе Б. И. Искакова, мысли и эмоции человека материальны, их масса варьирует в пределах 10^{-39} - 10^{-30} г, а усилием воли человек может даже излучать своего "лептонного двойника" весом в 10^{-35} – 10^{-30} г (информационно-энергетический двойник), посылать его на далекие расстояния и с его помощью получать или передавать информацию об удаленных событиях и людях.

В печати последних лет появились сообщения – и эти случаи были показаны по телевидению – о способности людей к суггестологии – внушению на расстоянии мыслей и действий одного

человека другому. При суггестологии в отличие от гипноза не происходит подавление воли человека, нет сноподобного, гипнотического транса, а человек самопроизвольно автоматически выполняет предписанные (установленные заранее) действия или входит в определенное состояние. Поскольку суггестивное внушение производится на расстоянии, бессловесно, и отсутствует обычный при гипнозе раппорт, но сохранено зрительное и слуховое восприятие реципиента, то считают, что здесь имеет место своеобразная телепатическая связь, т.е. дистанционная передача мысленного внушения. Основатель суггестологии болгарский ученый-психолог профессор Г. К. Лозанов предполагает участие в этом процессе особого биологического поля.

Уникальное одновременное лечение большого количества людей методом суггестологии провел известный экстрасенс А.В.Чумак. Им были вылечены от различных заболеваний массы людей, смотревших телевизионные передачи с его участием, что показывает необычайно широкие возможности суггестологии. По разработанной им методике была снята видеозапись его суггестивного воздействия на детей, страдающих энурезом (ночное недержание мочи). Воспроизведя эту запись в домашних условиях для любых детей, страдающих энурезом, можно добиться положительного эффекта при ее ежедневном просмотре.

Более того, в последнее время этот талантливый экспериментатор-экстрасенс предложил новые методики: дистанционного лечения больших и сверхбольших групп людей, больных любыми заболеваниями, лечение отдельных людей дистанционно без всякого видимого контакта, а также аудио-и видеокассетные способы лечения с использованием любых видов аудио-и видеоносителей (пленки, магнитные ленты, диски и т.д.).

Одним из самых ярких примеров дистанционно выполняемого суггестологического воздействия на людей могут служить выступления на эстраде талантливого экспериментатора-суггестолога А.В.Игнатенко, во время которых он мысленно заставляет людей выполнять определенные действия. А.В.Игнатенко считает, что управлять биоэнергией способны немногие люди, ее мощность определяется наследственными качествами, а восстановление идет через пищу, физические и умственные упражнения и тренировки и,

что особенно важно, через положительные эмоции, и поэтому человеку необходимо научиться управлять своей психикой.

Эксперты-психологи, участвовавшие в анализе проводимых экспериментов, пришли к выводу, что А.В.Игнатенко умеет "собрать, сконцентрировать свою энергию (подразумевается пси-энергия) и послать ее на расстояние".

Ученые высоко оценили феноменальные способности А.В.Игнатенко, отметив, что он "...владеет необычной, при этом на очень высоком уровне, способностью дистанционного энергоинформационного воздействия на людей и восприятия информации по необычным каналам связи, что представляет большой интерес для науки" (член-корреспондент АН СССР, профессор А.Г.Сpirкин); отмечается, что у А.В.Игнатенко развиты способности, "...которые можно назвать феноменальными. К их числу относится прежде всего высокоразвитая образная память и высокая идеомоторная чувствительность" (заместитель директора Киевского НИИ психологии, кандидат медицинских наук Л.А.Лепикова).

Можно надеяться, что в ближайшее время будут проведены углубленные физические эксперименты по исследованию механизмов этих феноменов. Все вышеприведенное свидетельствует об огромных возможностях суггестологического воздействия и показывает, что психоявления хорошо воспроизводимы, повторяемы в любых экспериментальных условиях, проведены на большом числе испытуемых, т.е. отвечают всем условиям строгих научных требований к эксперименту. Однако их трактовка и подходы к ним требуют нетривиальных решений, новых взглядов на психобиофизические особенности людей, и это, естественно, затрудняет их признание официальной наукой. Очень точно определил создавшуюся ситуацию доктор философских наук, профессор Д.И.Дубровский: "...сторонники социологизаторского подхода к сознанию, отвергая естественнонаучный аспект проблемы идеального, вообще отвергают психофизическую (и психофизиологическую) проблему".

В прошлом неоднократно предпринимались попытки составить представление об особенностях личности экстрасенсов, но в общем они не дали каких-либо однозначных результатов: люди были разного возраста и пола, разного нервного типа и т.д. Однако следует отметить, что такие уникальные способности, как ясновидение, предвидение,

интроскопия и некоторые другие, появляются чаще всего у людей, перенесших черепно-мозговые травмы или чрезвычайно стрессовые ситуации, клиническую смерть и т.д.

Если схематически представить исследования парапсихологических свойств у людей в виде Гауссовой кривой, то можно отметить следующее. Указанную кривую нормального распределения признаков и свойств можно разделить на три части.

В средней из них психология исследует психические особенности обычных людей, т.е. тех лиц, которых большинство и психика которых не имеет видимых отклонений, указывающих на аномальность или на выраженную экстрасенсорную способность, хотя всегда имеется чрезвычайно большая вариабельность любых функциональных параметров и свойств.

В боковых частях кривой психологи имеют дело с изучением лиц, относящихся к представителям двух крайних психических полярностей – ярко выраженной экстрасенсорики, с одной стороны, и различной степени умственной отсталости (дебильность, олигофрения и т.д.) – с другой. Соответственно этому лица, относящиеся к части А, изучаются парапсихологами, а принадлежащие к части С исследуются психопатологами и дефектологами. Необходимо отметить, что пси-явления встречаются во всех частях (А, В, С), но с разной частотой и с различной степенью выраженности. Наиболее сильно и с широким диапазоном проявляются экстрасенсорные способности у представителей части А. В части В наиболее частыми бывают такие пси-явления, как предвидение во сне, телепатическая родственная связь (мать-ребенок), передача мыслей во время атональных состояний кого-либо из близких родственников, экстрасенсорное лечение и другие явления. В части С у лиц с нарушением психики пси-явления большей частью наблюдаются в скрытой, неявной форме: предвидения юродивых людей, образные "видения" у кликуш. Но поскольку психические нарушения у людей чрезвычайно многообразны, это предопределяет и большое разнообразие у них пси-явлений. Последнее хорошо иллюстрируется исследованиями по изучению пси-явлений у левшей и у больных с очаговыми поражениями головного мозга.

В основу своей работы указанные исследователи положили принцип симметрии – важный методологический принцип в изучении

сознания человека. Они сконцентрировали свое внимание на так называемой функциональной асимметрии человека, под которой понимается широкая совокупность функциональных проявлений в нервно-психической и физиологической деятельности человека: взаимодействие в совместной работе правой и левой частей парных органов тела человека (глаза, уши, руки, ноги, гемисферы мозга) и организация различных функций в пространстве и во времени. Изучавшиеся признаки асимметрии подразделялись на три основные группы – моторные, сенсорные и психические. В результате проведенной работы авторами предложена важная гипотеза, "... согласно которой функциональная асимметрия полушарий выражает собой особую пространственно-временную организацию работы целого мозга... что именно пространственно-временная организация составляет наиболее фундаментальную характеристику целостной нервно-психической деятельности человека". Принципиальное положение ученых состоит в том, что парная работа мозга осуществляется в настоящем времени так, что правое полушарие опирается на прошлое, а левое – на будущее время.

В предыдущей работе по изучению психопатологической симптоматики при поражении правого и левого полушарий мозга было отмечено, что у некоторых леворуких больных проявление нервно-психических нарушений при поражении правого или левого полушарий мозга совпадает с праворукими. Но вместе с тем у левшей с очаговым поражением мозга выявлены различные нарушения нервно-психической деятельности, иные, чем у правшей, – среди них отмечаются исключительные феномены, не встречающиеся среди правшей. Детальный анализ клинических случаев, проведенный профессорами Н. Н. Брагиной и Т. А. Доброхотовой, показал, что левшам в норме, а при патологии в особенности присуща иная, чем у правшей, организация чувственного восприятия и познания, а также иная пространственно-временная организация психической деятельности мозга. Они выражают это в краткой форме так: "Психические явления левшей в патологии подчас не укладываются в традиционные представления о мыслимых пределах психических возможностей человека в норме и патологии".

Ученые приводят описание таких исключительных феноменов, с которыми они встретились в процессе изучения больных: зеркальные

формы деятельности (чтение, письмо, движение, рисование, восприятие, представление), феномены обратной последовательности устной и письменной речи, феномен расширения пространства видения и феномен предвосхищения. Мы более подробно остановимся именно на последних феноменах, поскольку они полностью относятся к парапсихологии.

Авторы исследования отмечают, что эти феномены редкие и наблюдаются у 3-5 процентов больных. Феномен расширения пространства видения описывается ими как возникший пароксизмально (внезапно) и быстро исчезающий, а вне пароксизма больные не способны к подобным восприятиям. Суть феномена состоит в том, что на мгновение приступа больные становятся будто способными воспринять (чаще они говорят "увидеть") то, что находится за пределами охватываемого зрением пространства. Больные этого типа часто испытывают также ощущение "уже виденного" по отношению к ситуации, которую видят впервые.

Второй исключительный феномен — предвосхищения — заключается в том, что "...больные испытывают на короткое мгновение припадка еще ощущение, будто видят и слышат то, чего еще нет, а состоится в ближайшем будущем. Согласно этому ощущению, левша в момент приступа будто способен с помощью органов чувств воспринять и события будущего времени". Авторы работы указывают, что исключительные феномены "...приводят в замешательство врача, представляясь необъяснимыми". Но, по их мнению, феномен предвосхищения сравним с психическим явлением, называемым "антиципацией" — способностью предугадывать грядущую опасность на основе некоторых признаков, появляющихся в ходе обычно протекающей динамической ситуации. Между тем из приведенных данных видно, что врачи-клиницисты в своей деятельности встретились со случаями, давно и широко известными в парапсихологии, связанными с видением событий прошедшего и будущего времени.

Как уже указывалось выше, в рассматриваемой работе Н.Н.Брагиной и Т.А.Доброхотовой у левшей была выявлена также иная, чем у правшей, организация чувственного познания. Описаны исключительные феномены так называемого кожно-оптического чувства (дермави-дение): "Прикасаясь к объекту определенной частью

кожи (пальцев, ладоней и т.д.), больные читают текст, определяют цвета, раскрывают содержание картинок..." Одна из больных с помощью осязания различала не только зрительные, но и вкусовые стимулы: отличала соленое от сладкого. Здесь уместно отметить, что феномен исключительного дер-мавидения, которым обладала экстрасенс Н.Кулешова, был тщательно изучен и подтвержден биофизиками еще в 1965 году.

В заключение авторы исследования приходят к выводу о расхождении доминантности левого полушария у левшей в ряде обеспечиваемых ими функций (речь, движения, действия и т.д.), и, как следствие этого, предполагается иное, чем у правшей, функционирование полушарий мозга во времени. Поэтому, как они пишут, "...правомерно думать, что иной временной организации парной работы полушарий мозга левшей сопутствует и другой, чем у правшей, способ становления психических процессов во времени и пространстве".

Таким образом, на основании этой исключительной по своей значимости совместной работы клиницистов – психиатра и невропатолога – впервые в мировой науке на основе принципа симметрии приведена в стройную систему парная работа полушарий мозга человека с использованием пространственно-временных представлений. Проведенное исследование очень ценно для экстрасенсорики по целому ряду причин. Прежде всего в нем на строго документированном материале четко показано наличие у пациентов таких же феноменов, которые давно известны в парапсихологии. Кроме того, авторы своими исследованиями подтверждают давно высказанное нами положение о том, что психические явления (ясновидение, ретровидение, предвидение и др.) представляют собой психические пространственно-временные явления, происходящие в результате особой деятельности мозга. Очень ценным является также и то, что в своем исследовании авторы выявляют очаговую локализацию изменений в работе мозга в ходе изучения исключительных феноменов и ведущую роль левшества в них, детально описывая психологический и функциональный статус людей с такими проявлениями. Данная работа не только подтверждает реальность исключительных феноменов, но и вскрывает их глубинные механизмы.

Вопросы информационного взаимодействия биологических систем рассматриваются с разных позиций в работах многих отечественных ученых.

Наиболее обстоятельные теоретико-экспериментальные исследования были выполнены по обоснованию биоэлектромагнитных гипотез экстрасенсорных явлений, в частности телепатии, ясновидения и др. Однако многие ведущие ученые – психологи и психофизиологи – выражают сомнение по этому поводу: "Некоторые парапсихологи не правомерно считают, что изучаемые ими явления – это обычные физические явления, которые можно объяснить с помощью электромагнитного излучения". Но исследования в этом плане проводятся многими учеными.

Основываясь на результатах своих исследований и используя методы теории информации, доктор технических наук, профессор И. М. Коган приходит к принципиальному выводу, что "...факты телепатической передачи информации на небольшие расстояния могут иметь место благодаря полю биотоков в диапазоне сверхдлинных волн порядка сотен километров". Вместе с тем он отмечает, что если учесть волноводный характер распространения таких волн (между Землей и ионосферой), то появляется возможность для дальней телепатической связи. По его мнению, характерной особенностью телепатических экспериментов является "...малое количество возможных исходов, т.е. высокая априорная вероятность передаваемой информации", и большое время приема телепатических сигналов, что "...приводит к малой величине необходимой пропускной способности системы передачи и приема телепатической информации".

Теоретические выводы и расчеты подкрепляются результатами проведенных экспериментов по дальней телепатической связи. В серии опытов Москва-Новосибирск, Ленинград-Москва, Москва-Томск (4000 км), Москва-г. Кудымкар-с. Каменка (Пермская область) передавались образы предметов. Во всех случаях полученные результаты по восприятию предметов были высокими. Основные выводы автора следующие: 1) реально наблюдавшаяся скорость передачи биоинформации весьма невелика и лежит в пределах примерно 0,005-0,2 бит/с; 2) реально осуществленная скорость передачи биоинформации с увеличением расстояния в общем уменьшается; 3) при передаче телепатической информации перцепиентом логические

понятия типа названия предмета не воспринимаются. Как правило, воспринимаются качественные признаки, вызывающие ощущения (форма, цвет, твердость и т. п.), указания к характеру действия (направление поиска и т. п.), эмоции; 4) наиболее четкое восприятие телепатической информации происходит в течение коротких (до 1 мин) промежутков времени.

Поддержку биоэлектромагнитной гипотезы телепатической связи можно найти в вышеприведенной работе академика В.М.Глушкова. Он указывает, что если согласованно управлять амплитудой, фазой и частотой биологических источников (нервных клеток), то можно получить направленные излучения, переносящие энергию на большие расстояния. Он исходит из того, как было отмечено выше, что "...главнейшее отличие живой материи от неживой состоит именно в ее особой структуризации и наличии управления...", которое при определенных условиях "...может обеспечить своеобразную настройку живых тканей на направленное излучение и направленный прием колебаний (прежде всего электромагнитной и акустической природы)". Кроме того, автор указывает, что принимать слабые сигналы можно на основе осуществления фазовых сдвигов колебаний, принятых отдельными элементами биосистемы, а для проверки гипотезы необходимы тонкие исследования структуры распределения амплитуд и фаз колебаний, излучаемых живыми тканями.

Как показывают исследования профессора А.В.Чернетцкого, биоинформационное взаимодействие между изолированными живыми системами можно построить, исходя из биоплазменных представлений и связи организма с физическим вакуумом. По его теории, колебания биоплазмы в энергетических центрах и акупунктурных меридианах (каналах) приводят к поляризации физического вакуума и к возникновению электромагнитных волн с продольной распространению компонентой электрического поля, обладающей специфическими особенностями, в частности, высокой проникающей способностью, отрицательной проводимостью в среде, большой величиной показателя преломления, с длиной волны, составляющей десятки сантиметров. Через энергетические центры (чакры) и биологически активные точки возможно поступление энергии физического вакуума. Как отмечает профессор А.В.Чернетцкий, именно плазменно-вакуумный подход дает возможность понять

основы формирования излучений живых организмов и особенности их биополей.

Другие исследователи считают, что объяснение телепатии и других информационных, энергетических явлений в парапсихологии возможно на основе образования и излучения электромагнитных солитонов, лептонно-электромагнитных представлений или способности биологических объектов создавать безэнергетические продольные волны чёткого потенциалов поля. Авторы последней работы подчеркивают, что биологические системы удовлетворяют основным требованиям безэнергетической передачи информации, поскольку у них имеются активные передающие и приемные системы, затрачивающие энергию. Из приводимых выше исследований следует, что отрицательное мнение, высказанное в Большой Советской Энциклопедии в 1967 году по поводу сущности парапсихологии, по-видимому, в ближайшем будущем будет изменено. В этом издании говорилось: "До сего времени многие ученые сомневаются в правомерности отнесения парапсихологии к категории научных дисциплин. Скептицизм основан на том, что явления парапсихологии не удастся объяснить в рамках современной науки". Экспериментальные и теоретические исследования отечественных и зарубежных ученых дают все основания надеяться, что сложные вопросы парапсихологии будут вскоре объяснены именно с позиций современной науки.

В третьем издании БСЭ ученые-психологи говорят уже о психических явлениях более утвердительно: "Таким образом, в том, что объединяется понятием "парапсихология", нужно различать, с одной стороны, мнимые, рекламируемые мистиками и шарлатанами "сверхъестественные" феномены, а с другой стороны, явления реально существующие, но еще не получившие удовлетворительного научного психологического и физического объяснения... некоторые из них, по-видимому, действительно имеют место". Как видно из цитаты, учеными уже сделан большой шаг в признании реальности некоторых парапсихологических явлений. Правда, они делают оговорку: "Причиной недоверия также является то, что парапсихологические явления невоспроизводимы, т.е. они не отвечают требованиям, предъявляемым к достоверности научных фактов". Однако, как можно было видеть из материалов, приведенных выше, все исследования,

проведенные с экстрасенсами высококвалифицированными учеными различных специальностей, были получены в условиях многократного повторения исключительных пси-явлений и феноменов в строго контролируемых лабораторных условиях: левитация и телекинез предметов, засветка фотопленки, дистанционное воздействие на изолированные органы животных, отклонение лазерного луча, лечебные и диагностические способности и др.

Здесь следует еще раз остановиться на одном принципиально важном вопросе-связи пси-явлений с бессознательным. Уже подчеркивалась важная роль бессознательного для понимания проблем парапсихологии. Такие сложные явления, как реинкарнация, спонтанная телепатия, информационно-энергетическое поле, астральная проекция и ряд других, теснейшим образом связаны с понятием бессознательного. Экспериментальный опыт работы с экстрасенсами, исключительными феноменами, показывает, что многое из того, что они представляют, они делают бессознательно. Выше мы акцентировали на этом внимание, приводя слова экстрасенсов, что производимые ими феномены получаются сами собой, под влиянием неосознаваемого внутреннего необъяснимого чувства.

Если признать справедливым тесную связь пси-явлений с бессознательным, то необходимо признать также основополагающие положения, необходимые для изучения этой области психики. Авторы этой принципиальной работы при изучении бессознательного предлагают отказаться от требований точной воспроизводимости любого явления, от жесткого требования разделения на субъект и объект в процессе познания и от признания онтологической реальностью только того, что может быть воспринято через приборы. Они обосновывают свои предложения тем, что при изучении человека важными могут быть и однократные исключительные проявления, а сам человек может быть приемником особого рода и обнаруживать реальности, скрытые от физических приборов. Несомненно, что продвижение в новые области знания парапсихологии и бессознательного может произойти только при смене действующей научной парадигмы, при революционном обновлении научных взглядов и идей о сущности психики и ее законах.

Одним из самых принципиальных вопросов в парапсихологии был и остается вопрос об источнике пси-энергии и его специфических особенностях. Все известные в парапсихологии исключительные явления и феномены материально-энергетического и сшюполевого преобразования требуют либо больших количеств энергии для своего выполнения, либо признания каких-то специфических особенностей биологического поля, необходимых для их осуществления. Здесь, как и в других вопросах исследования пси-явлений, высказаны различные взгляды и гипотезы. Естественно, что проблемы биополя, биоэнергетики и биоизлучений тесно связаны между собой, и здесь они описываются отдельно лишь для удобства рассмотрения. Организм, как целостное образование, является сложнейшей взаимосвязанной системой, в которой сегодня известны ее структурные морфофункциональные элементы, а глубинные основы психической энергии, ее образования и функционирования, связи с окружающей средой очень мало исследованы.

Среди различных работ в этом направлении выделяется своей фундаментальностью исследование профессора МГУ физико-химика Н.И.Кобозева, На основе глубокого и тщательного изучения термодинамических особенностей работы головного мозга он пришел к установлению принципиального положения о том, что среди всеобщей энт-ропийности природы существует единственное (безэнтропийное), вполне упорядоченное явление — логическая продукция мозга и сознание. Иначе говоря, физически энтропийная система — мозг человека — способна производить безэнтропийное явление — мышление и сознание. В свою очередь, это означает, что любые психические процессы (мышление, сознание, псл-явления) могут протекать при физико-химических условиях, не реализуемых на молекулярном уровне, т. к. необходимо, чтобы температура была равна абсолютному нулю ($T = 0$) и энтропия тоже равнялась нулю ($H_i = 0$). Поскольку эти условия невозможно соблюсти в молекулярных процессах, протекающих в живом организме, то, следовательно, мышление не может осуществляться обычными молекулярными механизмами, а для него необходимы особые механизмы или особые частицы, не подчиняющиеся законам молекулярной статистики, и для которых достижение безэнтропийности не включает температурного условия, при котором $T = 0$.

Исходя из вышеприведенных положений, Н.И.Кобозев предложил, что носителей психических функций и необходимой для процессов мышления и сознания антиэнтропии нужно искать в области элементарных частиц и связанных с ними полей. По его мнению, именно здесь проходит осязаемый водораздел между средой и психикой. Поэтому он считал, что нейронную сеть мозга можно представить себе как заполненную сверхлегкими частицами со сверхнизкой внутричастичной плотностью: масса их $10^{-7} - 10^{-4}$ ме при концентрации $10^{14}-10^{17}$ частиц/см³ и плотность порядка $10^{-19}-10^{-14}$ г/см³ (для сравнения: у водорода $H_2 = 8 \times 10^{-5}$ г/см³).

Отличительной особенностью таких частиц должны быть большая длина волны и большая временная амплитуда $10^{-16}-10^{-14}$ сек (для сравнения: у атома 10^{-24} , у электрона 10^{-20}), и за счет этого у них скорость в передаче информации на 10 порядков выше за счет опережения во времени. В качестве источника таких частиц предполагается их связь с виртуальными частицами вакуума. Последний предстает, таким образом, как необходимый компонент сознания и жизни. Ученый отмечает, что уникальность живого на Земле именно и состоит в возможности направленного использования частиц вакуума.

Как происходит этот процесс, пока неизвестно, но Н. И. Кобозев указывает, что человек мыслит не с помощью нейронов, а за счет нейронов и содержащихся в них частиц (психонов): рождение этих сверхлегких частиц сопровождается гибелью данного нейрона и высвобождением энергии, необходимой для психических процессов. Известно, что реальность вакуума как физической субстанции, представляющей собой многоуровневую энергетическую систему, доказана экспериментально, причем вакуум является квантовым полем в самом низком энергетическом состоянии, но с интенсивностью энергии, превосходящей ядерную.

К идее тесной связи биоэнергетики человека с физическим вакуумом пришел в своих исследованиях также профессор-физик А.В.Чернетцкий. Как уже отмечалось выше, он считает, что биологически активные точки (акупунктурные точки) связывают организм с окружающим пространством посредством токов смещения, возникающих за счет биоплазменных колебательных процессов в поверхностных слоях акупунктурных каналов. При этом возникает

локальное электрическое поле разделения зарядов величиной около 2×10 В/см, что приводит к поляризации вакуума и выделению его энергии, поддерживающей жизнедеятельность живых организмов.

Таким образом, из сказанного видно, что высказанная нами гипотеза о роли физического вакуума как возможного источника психических явлений находит все больше и больше сторонников, и можно надеяться, что в ближайшее будущее она получит свое дальнейшее развитие.

Несмотря на то что парапсихология на Западе и Востоке развивается многие десятилетия, созданы различные общества и ассоциации, изучающие психические явления, а в ряде университетов и колледжей специально введены лекционные курсы и издается очень много книг и журналов, освещающих все аспекты парапсихологии; она по-прежнему продолжает быть предметом острых дискуссий и подвергается резкой критике со стороны научной общественности.

Одна из причин негативного отношения к парапсихологии со стороны классических наук, имеющих свою теорию, традиционные методы, объекты, состоит в ее мультидисциплинарном характере исследований, т.е. в том, что она вторгается в самые различные области современного естествознания и оперирует их понятиями, привнося в них необычный смысл. Парапсихология активно вторгается в космогонию (идея семантической Вселенной, космического подобия человека, Великого разума, космического сознания), квантовую механику и физику (использование вероятностных понятий, теорий скрытых переменных, роли микро-и макроквантовых явлений, физического вакуума), медицину (нетрадиционные методы диагностики и лечения) и т.д.

Другой причиной скептического отношения большей части современных ученых к парапсихологии является не правильный, исторически сложившийся взгляд на нее как на мистическую, оккультную науку, т.к., некоторые ее адепты заявляют, что парапсихология ничего общего не имеет с классической наукой, с ее принципами, законами, и будто бы психические явления имеют нефизическую, нематериальную природу и существуют вне рамок основополагающих физических законов сохранения. Кроме того, парапсихологам вменяется в вину, что более чем за сто лет своих исследований они так и не смогли открыть субстрат психических явлений и не известен канал

передачи воздействия и информации. Такой критический взгляд приводит к тому, что на парапсихологию вновь взваливают тяжелый груз прошедших давних времен, периодов повального увлечения спиритизмом, мистикой и иррациональным и другими трансцендентными направлениями. Именно такая противоречивая и зачастую совершенно не правильная интерпретация пси-явлений со стороны людей с разным уровнем развития, научной и философской подготовки создает искаженную картину подлинной сущности парапсихологии, делая ее чуть ли не религией современной науки, основанной только на вере, наукой о душе, уводящей от реальной действительности, и мешая ее подлинному становлению. Парапсихология встречает сильное сопротивление со стороны психологов и философов, поскольку признает мысль материализованной сущностью, способной активно взаимодействовать с окружающей средой, влиять на качество и состояние веществ и динамику процессов и выполнять сенсомоторные функции.

Феномены и пси-явления в парапсихологии настолько необычны, что на страницах многих научных зарубежных журналов они отвергаются просто как случаи обмана, ловкого трюкачества и фокусничества, проводимые с целью получения денег у доверчивой публики. Вот один из примеров таких необычных феноменов. Было опубликовано сообщение об экспериментах по изучению пси-явлений, проведенных в Китайской Народной Республике. Авторы изучали способность некоторых лиц проводить дематериализацию предметов и их перенос с места на место с помощью мысленных усилий (телепортация): предмет, находящийся, скажем, на столе, исчезал и появлялся через некоторое время вновь на том же месте, или же этот предмет переносился в другое место по желанию экстрасенса. Например, предмет, положенный в один из карманов костюма, оказывался в другом кармане или в костюме другого лица, находящегося в этой же самой или соседней комнате, причем никаких контактов между людьми не было, т. к. все находились на своих заранее определенных местах. Объективный контроль за всем происходившим проводился с помощью электронного оборудования (видеомагнитофоны, рентгеновские установки, приемопередающие радиоустройства и т.д.).

Экспериментальные исследования указанных пси-явлений проводились в 15 опытах по исчезновению и появлению вновь радиопередатчика с независимым электропитанием размером со спичечный коробок (45x38x18 мм?), работавшего на частоте 91-193 мГц. Под мысленным воздействием экстрасенса он исчезал с одного места комнаты (размером 9 х 5 м²) и появлялся в другом. Как было сказано выше, все происходящее записывалось на видеомagneтофонах, а работа радиопередатчика пеленговалась с помощью специальной аппаратуры. Во время опытов было отмечено колебание радиосигнала в переходный период, затем полное исчезновение сигнала в момент телепортации и ослабление сигнала в момент появления радиопередатчика на прежнем месте. Частотный сдвиг сигнала во время перехода к исчезновению был очень малым, но отмечалось нагревание объекта в период "переноса" и быстрое снижение потенциала питающей батареи по сравнению с ее обычным состоянием. Например, при нормальной работе радиопередатчика в течение 5 ч потенциал батареи снижается с 4,5 до 2,1 В, а при исчезновении его на 88 мин потенциал снижался с 4,5 до 0,2 В. Время, необходимое, чтобы предмет исчез под воздействием экстрасенса, составляло от 1 до 56 мин, а длительность самого времени отсутствия предмета колебалась от 24 с до 61 мин.

Исследователи проводили также эксперименты по переносу и исчезновению насекомых, часов и светочувствительных материалов (фотопленка, фотобумага); перенос осуществлялся из одного светонепроницаемого пакета в другой. Опыты показали, что фотоматериалы при переносе не были засвечены, ход механических часов не изменялся (время их отсутствия – 30 мин 43 с), а электронные отстали на 7,5 мин при общей длительности опыта 9 мин. Насекомые (плодовая мушка) после переноса и исчезновения (11-73 мин) были живыми еще несколько дней. Авторы статьи воздерживаются от объяснения всех наблюдаемых явлений, но указывают, что перенос не был механическим переносом в трехмерном пространстве. Подобного рода примеров можно привести немало из научных и популярных журналов по парапсихологии.

Следует сказать, что серьезных и вдумчивых исследователей в области парапсихологии скептицизм современных ученых не останавливает, поскольку их уверенность в своей правоте основана на

реальных фактах, полученных ими на протяжении многих лет упорной лабораторной проверки и результатах наблюдений пси-явлений в жизни. Все это послужило основанием для издания глубоких, обобщающих монографий по теории и экспериментальным исследованиям в парапсихологии.

На страницах одного из самых авторитетных психологических журналов в мире, "Поведение и науки о мозге" (Принстон, США), в 1987 году было проведено открытое обсуждение вопросов парапсихологии. Основой дискуссии послужили две большие обзорно-критические статьи, которые хорошо знакомят читателей с широким кругом важнейших проблем парапсихологии и серьезно их рассматривают. В этих статьях, написанных с разных позиций, подробно и тщательно излагаются вопросы реальности пси-явлений, доказательства их существования и обнаружения, методы и способы изучения, выбора адекватной статистики и контроля, воспроизводимости экспериментов, источники возможных ошибок и т.д.

Обе статьи были заранее разосланы на отзыв пятидесяти ведущим ученым мира – философам, психологам, физикам, математикам и другим специалистам, занимающимся психологией и парапсихологией. Их развернутые ответы приведены в одном из номеров журнала, где были опубликованы статьи вышеуказанных авторов. Этот открытый форум, на котором всесторонне обсуждались проблемы парапсихологии, очень важен и плодотворен, ибо показывает разные взгляды ученых и тенденции развития парапсихологии, ее точки роста и трудности. Ниже кратко суммируются основные положения проведенной дискуссии.

Несмотря на то, что парапсихология в своем длительном развитии опиралась на изучение пси-явлений у отдельных одаренных личностей (в каждое время их называли по-разному: медиумы, психики, сенситивы, феномены, экстрасенсы), тем не менее укреплялось желание исследовать обычных людей, не отличавшихся исключительными способностями, и проводить эксперименты в лаборатории на стандартном оборудовании с большим контингентом людей. Такие подходы одобрялись, поскольку их проведение способствовало большей доказательности, расширяло границы применимости, способствовало накоплению убедительного

статистического материала. Как уже отмечалось выше, критические замечания оппонентов были правильно восприняты парапсихологами. Их эксперименты стали выполняться на основе современной автоматизированной техники и ЭВМ, позволивших проводить необходимую рандомизацию, повысить точность оценки ответов, ускорить обработку экспериментальных данных и надежность проведения всего опыта. Однако критические замечания и требования оппонентов продолжались даже и при таком высоком уровне проводимых исследований.

В этом отношении особенно показательными были три фундаментальных кинеза и дальновидения. В опытах Х.Шмидта на протяжении почти двух десятилетий изучалась способность людей предвидеть события случайного процесса – радиоактивного распада элементов. С этой целью использовался высокоскоростной генератор случайных событий, построенный с использованием стронция-90 в качестве радиоактивного источника. Его излучение запускало электронное устройство, которое в случайном порядке включало на приборной панели перед испытуемым электрические лампочки четырех цветов. Задача испытуемого состояла в том, чтобы указать, какого цвета лампочка загорится, для чего он заранее должен был нажать на кнопку соответствующего цвета. Если цвет нажатой кнопки соответствовал цвету загоревшейся лампочки, то это считалось "попаданием", в противном случае попытка была неудачной.

В первом опыте с участием трех лиц общее число попыток составило 63 066 и было отмечено 16 458 попаданий, что на 691,5 случаев больше среднего случайного ожидания; при этом вероятность, что такой результат получится случайно, равнялась 2×10^{-9} . Во втором опыте из 20 тысяч попыток превышение над случайностью было на 401 попадание больше, что соответствовало случайному шансу с вероятностью 10^{-6} . Эти и другие опыты Х. Шмидта вновь подверглись критике, и тогда он, учитывая эти замечания, создал новое устройство с генератором случайных событий, в котором использовалась ЭВМ с 1 миллионом операций в секунду, работающая по программам, алгоритм которых запускается с помощью определенных кодовых чисел, задаваемых проверяющими лицами независимо от Х. Шмидта.

Анализ всех 322 экспериментов, проведенных Х.Шмидтом и его последователями с генераторами случайных событий с 1969 по 1984

год, включал данные 30 исследователей (56 сообщений). Из них 71 опыт (21 процент) был на уровне 5-процентной значимости, комбинированная биномиальная вероятность составляла $5,4 \times 10^{-43}$, а если исключить данные Х.Шмидта и Р.Джана, то она была меньше $4,25 \cdot 10^{-7}$.

Ученые лаборатории аномальных явлений Принстонского университета с 1979 года провели исследования по большой программе изучения экстрасенсорных способностей людей. Она включала в себя серии оригинальных экспериментов, выполненных на высоком научном уровне: с оптическим интерферометром Фабри-Перо, термисторным мостом, упругим тензодатчиком, с генераторами случайных событий, механическим прибором для изучения психокинеза и т.д. Во всех экспериментах испытуемые должны были попытаться изменить данные опытов так, чтобы они отличались от нормального дрейфа, идущего без вмешательства человека, или изменить вероятностное распределение событий по сравнению со стандартным.

Кроме того, эти ученые проводили эксперименты по дальновидению, для чего один из участников опыта находился на большом удалении в США или был в Европе, а перцепиент находился в лаборатории и письменно или устно обрисовывал обстановку, в которой находился второй участник. Результаты экспериментов были обработаны с помощью оригинальных методик и оказались статистически значимыми. Вероятность случайного "попадания" равнялась $1,8 \times 10^{-10}$. В опытах по предвидению с генераторами случайных событий участвовало 47 операторов, было проведено 290 экспериментальных серий с общим числом попыток в 2,5 миллионов раз. Во всех опытах получены статистически достоверные результаты.

Выполненная программа является одним из самых фундаментальных исследований в мире по подтверждению реальности экстрасенсорных способностей у обычных людей. На основе проведенных экспериментов ученые развивают свою концепцию связи сознания человека с окружающей средой, где под сознанием понимаются все психофизиологические и психические процессы и состояния – познание, интуиция, инстинктивные действия, эмоции и т.д., а единицей обмена любой реальности является информация.

В последнее десятилетие был развит еще один оригинальный метод изучения пси-явлений, так называемый метод общего поля (МОП). Он состоит в том, что у испытуемого на глазах создается гомогенное зрительное поле за счет того, что глаза закрыты пластмассовыми полусферами от мяча для игры в настольный теннис с ватой по краям. Испытуемый находится в кресле или постели, лицо его освещается белым или красным светом, а через микрофоны в ушах подается приятное звучание музыки, что создает впечатление у испытуемого "догружения в море света" и вызывает состояние расслабления. В соседней комнате индуктор вскрывает конверт, содержащий картину – мишень, смотрит на нее в течение 15 минут. Затем испытуемому дают четыре картинки и просят указать соответствие каждой из них виденному в состоянии МОП. С момента введения МОП в 1974 году было проведено 42 опубликованных эксперимента, в 19 из которых (45 процентов) получены достоверные доказательства дистанционной передачи информации при 5-процентном уровне значимости, а в 26 из 36 опытов (72 процента) результаты превышали случайное ожидание.

Все, что кратко изложено выше, и многие другие исследования по экстрасенсорике, на которых мы не остановились, подверглись тщательному критическому анализу на страницах журнала "Поведение и науки о мозге". Открытое обсуждение показало, что проведенные пара-психологические исследования до сих пор не внушают доверия оппонентам и вызывают их критические замечания. Критики стремятся показать, что в парапсихологии до настоящего времени нет, во-первых, безупречных фактов, на которые можно опереться, во-вторых, ни особой методологии, ни принципов и законов или основополагающих понятий и, в-третьих, что пси-явления рассматриваются ими просто как аномальные явления. По их мнению, лабораторные исследования пси-явлений показывают существование очень малых пси-эффектов, не оказывающих практически влияние на осуществление физиологических функций, реактивность или поведение человека в обыденной жизни. А некоторые оппоненты по-прежнему бездоказательно считают, что парапсихология уводит науку от реального мира в потусторонний, разрывая на части дух (психику) и тело (сому).

Если внимательно изучить все возражения оппонентов и отбросить совершенно необоснованные обвинения парапсихологов в спиритизме и погружении в иррациональное (постмортальные явления, предсмертные состояния и трансцендентные явления), то в конечном итоге становится ясным, что на сегодня спор между сторонниками и противниками парапсихологии идет о следующем. Во-первых, остро стоит вопрос о том, что является действующим агентом в пси-явлениях; во-вторых, не ясно, откуда берется энергия при проявлении пси-феноменов и, в-третьих, каков канал коммуникации, т.е. способ передачи информации или воздействия между организмами или между ними и средой. Как было отмечено ранее, в работах отечественных и зарубежных ученых сделаны серьезные попытки ответить на все вопросы, поставленные оппонентами, но, как мы видели, они требуют смены существующей научной парадигмы...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемые читатели! Я много лет занимаюсь изучением резервных способностей человека. Во многом удалось разобраться и даже создать собственные общедоступные психотехнологии по обучению всех желающих некоторым интересным сверхспособностям: искусству исцеления, биолокации, силовому гипнозу, ясновидению, предсказанию, умению на несколько минут стать сверхсильным и т.д. Кроме того, я обучаю на своих лекциях истории, философии, религии, психологии, технике СК, технике гипноза, технике медитации, применению гипноза и СК в медицине, педагогике, спорте для раскрытия творческих способностей, изучения иностранных языков и другим знаниям и умениям.

Обучение я провожу в двух городах: Москве и Санкт-Петербурге. Всем, кто пожелает обучиться у меня, следует обратиться письмом или по телефону по следующим адресам:

1. В Москве:

125040, г. Москва, Ленинградский пр., 23, офис 518. Тел. (095) 250-25-62 Факс (095) 250-24-78. Академику В. М. Кандыбе.

2. В Санкт-Петербурге:

191186, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Морская, д. 9, к. 34 Тел. (812) 219-1 1-98. Академику В.М.Кандыбе.

На курсы принимаются все желающие, без исключения, независимо от образования, возраста и личных способностей. Курсы проводятся ежемесячно в Москве и С. – Петербурге по указанным адресам.

Центры В. М. Кандыбы продают и рассылают почтой уникальные книги по гипнозу, СК, медитации, психологии, истории, религии, сверхвозможностям и т.д. Желающие приобрести книги могут обратиться по телефону или письмом по указанным адресам в Москве и С. – Петербурге.

Дорогие читатели! Ваши отзывы о моих книгах, ваши предложения и замечания направляйте мне письмом или по телефону. Я всегда готов к сотрудничеству. Желаю вам всего самого доброго!

*Президент Всемирной Ассоциации профессиональных
гипнотизеров при ЮНЕСКО
Академик В.М.Кандыба*

notes

Примечания

По материалам П.Успенского. (Прим. авт.)

По материалам С.Токарева. (Прим. авт.)

Аборигены используют микстуры, припарки, паровые ванны, жидкие мази, перевязки, горячее и холодное. Некоторые из этих лечебных средств имеют определенное целительное и лекарственное значение, хотя часто в целях большой эффективности их использование сочетается с магическими действиями.

4

were

т.е. кобызу

ВИДИМО, МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫХ

8

решетка юрты